stratum plus
Археология и культурная антропология
№3. 2014

E-ISSN: 1857-3533
Категория B

«ВОЙНА И МИР» НА БЕРЕГАХ ПОНТА ЭВКСИНСКОГО

Орнаментация керамики кобанской культуры
Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом
Лепные курильницы Северного Причерноморья
Мечи и кинжалы финала классической Скифии
Косские и псевдокосские амфоры и клейма
Правители Синдики
Хронология монет автономной Тиры
Образ вепря в иранской традиции
У истоков археологии Херсонеса Таврического

Редколлегия номера:
Игорь В. Бруяко (ответственный редактор),
Денис А. Топал, Виталий С. Синика (зам. отв. редактора)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КИШИНЕВ ОДЕССА БУХАРЕСТ **2014**

E-ISSN: 1857-3533
Category B

Stratum plus. Nr. 3.
Archaeology and Cultural Anthropology

"War and Peace" on the shores of Pontos Euxeinos

Ornamentation of ceramics of Koban Culture
Pintaderae of Early Iron Age between Carpathian Basin and Pontic Region
Insence cups from Northern Pontic region
Swords and daggers from the final stage of classical Scythia
Koan and pseudo-Koan amphoras and stamps
Rulers of Sindica
Chronology of coins of independent (autonomous) Tyras
The image of Boar in the Iranian Tradition
The origins of archaeology of Chersonesos Tauric

Volume Editorial Board: **Igor V. Bruyako** (Editor-in-Charge),
Denis A. Topal, Vitalij S. Sinika (Associate Editors),

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2014

Stratum plus. Nr. 3.
Arheologie şi antropologie culturală

„Război şi pace" pe ţărmurile Pontului Euxin

Ornamentarea ceramicii culturii Koban
Pintaderele din epoca timpurie a fierului dintre Carpaţi şi Spaţiul Pontic
Fumegătoarele din spaţiului Nord-Pontic
Spadele şi pumnalele de la finalul Sciţiei clasice
Amforele şi ştampilele de tip Cos şi pseudo-Cos
Guvernanţii Sindicăi
Cronologia monedelor din Tyras independent (autonom)
Motivul mistreţului în tradiţia iraniană
La izvoarele arheologiei Chersonesului Tauric

Colegiul de redacţie a volumului: **Igor V. Bruyako** (redactor responsabil),
Denis A. Topal, Vitalij S. Sinika (redactori adjuncţi),

Sankt Petersburg. Chişinău. Odesa. Bucureşti.
2014

High Anthropological School
Высшая Антропологическая Школа

Editor-in-Chief — doctor of history **Mark E. Tkachuk**

Coordinating Editor — doctor of history **Roman A. Rabinovici**
Responsible Secretary — doctor of history **Leonid A. Mosionjnic**

Administration and promoting — **Alexander N. Burean**

Founder — **Alexei S. Tulbure**

Editorial Advisory Board:

M. B. Shchukin. *Through the Decision of the Senate of the High Anthropological School and Stratum plus editorial board, the name of Mark B. Shchukin shall be recorded forever in the list of editors of this journal in memory of his outstanding merits.*

G. Atanasov — doctor of historical sciences (Regional History Museum, Silistra, Bulgaria).
M. Babeş — doctor of history (Institute of Archaeology "Vasile Pârvan", Bucharest, Romania).
S. Beletsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
Yu. Berezkin — professor, doctor of historical sciences (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (the Kunstkamera), Saint Petersburg, Russia).
V. Borshevich — doctor habilitat of physical-mathematical sciences (Moldovan Branch of the UN International Academy of Informatization, Kishinev, Moldova).
I. Bruyako — doctor of historical sciences (Odessa Archaeological Museum of Ukraine National Academy of Sciences, Odessa, Ukraine).
V. Cavruc — doctor of history (Eastern Carpathians National Museum, Sfântu Gheorghe, Romania).
S. Covalenco — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
V. Dergacev — doctor habilitat of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
A. Dobrolyubsky — doctor of historical sciences (South Ukraine Pedagogical University, Odessa, Ukraine).
E. Girya — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
B. Govedarica — professor, doctor habilitat (Free University of Berlin, Berlin, Germany).
S. Hansen — professor, doctor habilitat (German Archaeological Institute, Eurasia Department, Berlin, Germany).
M. Kazansky — doctor of historical sciences (CNRS — French National Center for Scientific Research, Center for Studies in History and Civilization of Byzantium, Paris, France).
V. Kirilko — candidate of historical sciences (Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine, Simferopol, Ukraine).
A. Kovalev — member correspondent of the German Archaeological Institute, leader of Central Asian International Archaeological Expedition (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia).
I. Manzura — doctor of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
K. Marchenko — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
S. Monachov — doctor of historical sciences (Institute of Archeology and Cultural Heritage of the N. G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia).
V. Myts — candidate of historical sciences (The State Hermitage Muzeum, Saint Petersburg, Russia).
E. Nicolae — doctor of history (Institute of Archaeology "Vasile Pârvan", Bucharest, Romania).
L. Nikolova — PhD, professor (International Institute of Anthropology, Salt Lake City, USA).
K. Randsborg — professor in archaeology (University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark).
N. Russev — doctor habilitat of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
O. Sharov — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
P. Shuvalov — candidate of historical sciences (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia).
O. Shcheglova — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
N. Telnov — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
L. Vishnyatsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
V. Zuev — candidate of historical sciences (Saint Petersburg, Russia).

Address: Zimbrului St. 10a, Kishinev, MD-2024, Republic of Moldova
High Anthropological School University, "Stratum plus" Journal.
Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Redactor şef — doctor în istorie **Mark E. Tkachuk**

Redactor coordonator — doctor în istorie **Roman A. Rabinovici**
Secretar responsabil — doctor în istorie **Leonid A. Mosionjnic**

Administrare şi promovare — **Alexander N. Burean**

Fondator — **Alexei S. Tulbure**

Colegiul redacțional:

M. B. Shchukin. *Prin Decizia Senatului Universității „Şcoala Antropologică Superioară” şi a redacției revistei „Stratum plus”, în memoria meritelor savantului de seamă Mark B. Shchukin, numele său a fost înscris pe veci în componența colegiului redacțional.*

G. Atanasov — doctor în ştiințe istorice (Muzeul regional de istorie, Silistra, Bulgaria).
M. Babeş — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, Bucureşti, România).
S. Beletsky — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
Yu. Berezkin — profesor, doctor în ştiințe istorice (Muzeul de antropologie şi etnografie „Petru cel Mare” al Academiei de Ştiințe a Rusiei (Kunstkamera), Sankt Petersburg, Rusia).
V. Borşevici — doctor habilitat în fizică şi matematică (Filiala Republicii Moldova al Academiei internaționale de informatizare pe lîngă ONU, Chişinău, Moldova).
I. Bruyako — doctor în ştiințe istorice (Museul de arheologie din Odesa, Academia Națională de Ştiințe a Ucrainei, Odesa, Ucraina).
V. Cavruc — doctor în istorie (Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe, România).
S. Covalenco — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Ştiințe a Moldovei, Chişinău, Moldova).
V. Dergacev — doctor habilitat în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Ştiințe a Moldovei, Chişinău, Moldova).
A. Dobrolyubsky — doctor în ştiințe istorice (Universitatea pedagogică din Ucraina de Sud, Odesa, Ucraina).
E. Girya — candidat în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
B. Govedarica — profesor universitar, doctor habilitat, (Universitatea Liberă din Berlin, Germania).
S. Hansen — profesor universitar, doctor habilitat (Institutul German de Arheologie, Departamentul de Eurazie, Berlin, Germania).
M. Kazanski — doctor în ştiințe istorice (Centrul Național pentru Cercetări Ştiințifice din Franța, Centrul pentru Studii în Istorie şi Civilizație Bizantină, Paris, Franța).
V. Kirilko — candidat în ştiințe istorice (Institutul de arheologie, filiala Crimeea, al Academiei Naționale de Ştiințe din Ucraina, Simferopol, Ucraina).
A. Kovalev — membru corespondent al Institutului German de Arheologie, conducător al Expediției arheologice internaționale în Azia Centrală (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).
I. Manzura — doctor în istorie (Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”, Chişinău, Moldova).
K. Marchenko — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
S. Monachov — doctor în ştiințe istorice (Institutul de arheologie şi patrimoniul cultural, Universitatea de Stat din Saratov „N. G. Cernîşevskii”, Saratov, Rusia).
V. Myts — candidat în ştiințe istorice (Muzeul de Stat Hermitage, Sankt Petersburg, Rusia).
E. Nicolae — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, Bucureşti, România).
L. Nikolova — doctor, professor (Institutul Internațional de Antropologie, Salt Lake City, SUA).
K. Randsborg — profesor în arheologie (Universitatea din Copenhaga, Copenhaga, Danemarca).
N. Russev — doctor habilitat în istorie (Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”, Chişinău, Moldova).
O. Sharov — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
P. Shuvalov — candidat în ştiințe istorice (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).
O. Shcheglova — candidat în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
N. Telnov — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Ştiințe a Moldovei, Chişinău, Moldova).
L. Vishnyatsky — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
V. Zuev — candidat în ştiințe istorice (Sankt Petersburg, Rusia).

Adresa: str. Zimbrului 10a, Chişinău, MD-2024, Moldova
Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”, revista „Stratum plus”.
Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Главный редактор — доктор истории **Марк Е. Ткачук**

Редактор-координатор — доктор истории **Роман А. Рабинович**
Ответственный секретарь — доктор истории **Леонид А. Мосионжник**

Управление и продвижение — **Александр Н. Бурян**

Основатель журнала — **Алексей С. Тулбуре**

Редколлегия:

М. Б. Щукин. *Решением Сената университета «Высшая антропологическая школа» и редакции журнала «Stratum plus» имя Марка Борисовича Щукина в память о его выдающихся заслугах навсегда вписано в состав редколлегии этого издания.*

Г. Г. Атанасов — доктор исторических наук (Региональный исторический музей, Силистра, Болгария).
М. Бабеш — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).
С. В. Белецкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Ю. Е. Березкин — профессор, доктор исторических наук (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия).
В. И. Боршевич — доктор хабилитат физико-математических наук (Молдавское отделение Международной Академии информатизации при ООН, Кишинёв, Молдова).
И. В. Бруяко — доктор исторических наук (Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины, Одесса, Украина).
Л. Б. Вишняцкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Е. Ю. Гиря — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Б. Говедарица — профессор, доктор хабилитат (Свободный университет Берлина, Берлин, Германия).
В. А. Дергачев — доктор хабилитат истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
А. О. Добролюбский — доктор исторических наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина).
В. Ю. Зуев — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия).
В. Каврук — доктор истории (Национальный музей Восточных Карпат, Сфынту-Георге, Румыния).
М. Казанский — доктор исторических наук (Национальный центр научных исследований, Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Париж, Франция).
В. П. Кирилко — кандидат исторических наук (Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины, Симферополь, Украина).
А. А. Ковалев — член-корреспондент Немецкого Археологического института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).
С. И. Коваленко — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
И. В. Манзура — доктор истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).
К. К. Марченко — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
С. Ю. Монахов — доктор исторических наук (Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия).
В. Л. Мыц — кандидат исторических наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия).
Л. Николова — доктор, профессор (Международный Институт антропологии, Солт-Лейк-Сити, США).
Е. Николае — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).
К. Рандсборг — профессор археологии (Копенгагенский университет, Копенгаген, Дания).
Н. Д. Руссев — доктор хабилитат истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).
Н. П. Тельнов — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
С. Ханзен — профессор, доктор хабилитат (Немецкий археологический институт, Евразийское отделение, Берлин, Германия).
О. В. Шаров — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
П. В. Шувалов — кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).
О. А. Щеглова — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: ул. Зимбрулуй 10а, Кишинев, MD-2024, Республика Молдова
Университет «Высшая антропологическая школа», журнал «Stratum plus».
Тел./факс: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Издан при поддержке
Ольги Витальевны Свиридовой,
Олега Алексеевича Тюренкова
и Алексея Александровича Рыбалко

Stratum plus. Археология и культурная антропология (сокращенно *Stratum plus*) — международный рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Издается университетом «Высшая антропологическая школа» с 1999 года. Выходит на русском языке.

Тематика публикаций журнала не ограничена ни регионально, ни хронологически. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии, принимаются к публикации материалы по истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Журнал выходит шесть раз в год в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается отдельной исторической эпохе. Последний, 6-й номер годового цикла включает статьи по нумизматике и эпиграфике разных периодов, а также статьи по культурной антропологии, этнологии, истории позднего средневековья и начала нового времени. Каждый вышедший номер имеет свое собственное уникальное название, характеризующее содержание номера.

Электронная версия журнала (e-ISSN 1857-3533) доступна на сайте **www.e-anthropology.com**. Здесь же можно ознакомиться с полным архивом журнала.

Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (abridged as *Stratum plus*) is an international peer-reviewed academic journal covering topical issues of archaeology and cultural anthropology, published by the High Anthropological School University since 1999. The journal comes out in the Russian language. All papers are supplemented by abstracts in English, Russian and Moldovan languages.

Subjects are not limited either regionally or chronologically. They include results of analytical research, interpretations or a high-quality publication of new sources. Contributions on history, ethnology, numismatics, epigraphics and other auxilliary historical disciplines are accepted along with papers on archaeology and cultural anthropology.

The Journal comes out six times a year in subject-oriented volumes dedicated to a specific historical age. The last, the sixth issue includes papers on numismatics and epigraphics of different periods, as well as papers on cultural anthropology, ethnology, history of late Middle Ages and early New Time. Each volume has its own unique title relevant to its content.

Online journal (e-ISSN 1857-3533) and **full archive** are available on **www.e-anthropology.com**.

Все права защищены.
© Университет «Высшая антропологическая школа», Р. Р. «Stratum plus», журнал «Stratum plus. Археология и культурная антропология»
© Обложка: Д. А. Топал
Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина
Перевод на государственный язык Республики Молдова: С. Церна
Технический координатор: Ж. Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник, Г. В. Засыпкина
Редактор карт: Л. А. Мосионжник
Корректор: Г. В. Засыпкина

Статьи этого журнала доступны учреждениям-подписчикам базы данных EBSCOhost.com
Содержание номеров журнала доступно также и в научной базе данных Elibrary.ru

Article level content of this publication is available to subscribing institutions via EBSCOhost.com databases
Article level content of this publication is also available via Elibrary.ru scientific databases

СОДЕРЖАНИЕ

МИРЫ. КУЛЬТУРЫ. ХРОНОЛОГИЯ

С. Б. Вальчак (*Москва, Россия).* **Развитие одного из мотивов орнаментации керамики кобанской культуры в начале I тыс. до н. э. 17**

И. В. Бруяко (*Одесса, Украина***). Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом 39**

К. Ю. Пеляшенко (*Харьков, Украина***). Кружковидные черпаки раннескифского времени лесостепной части Среднего Поднепровья . . 51**

В. С. Синика (*Тирасполь, Молдова)***, В. А. Меньшикова (***Ростов-на-Дону, Россия)***, Н. П. Тельнов (***Кишинев, Молдова).* **Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV—I вв. до н. э. 65**

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА
(ПАМЯТИ А. И. МЕЛЮКОВОЙ)

П. М. Соколов (*Волгоград, Россия).* **Погребальный обряд комплексов с клинковым вооружением савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья 105**

О. И. Фризен (*Москва, Россия).* **Раннесарматские зеркала в системе хронологии наборов вооружения 113**

Д. А. Топал (*Кишинев, Молдова).* **Финальная линия развития мечей классической Скифии. Соотношение типов Чертомлык и Шульговка 129**

А. В. Денисов (*Самара, Россия)***, А. М. Мамедов (***Актобе, Казахстан).* **О времени и истоках появления клинкового оружия с прямым перекрестием на территории Южного Приуралья. 157**

А. В. Дедюлькин (*Ростов-на-Дону, Россия).* **Защитное снаряжение местного производства населения Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху 169**

«ПИСЬМА С ПОНТА»

Е. В. Кузнецова (*Саратов, Россия).* **Торговые связи Фанагории в IV—III вв. до н. э. по разным категориям амфорного материала: проблема соотношения 187**

С. Ю. Монахов (*Саратов, Россия).* **Косские и псевдокосские амфоры и клейма 195**

О. В. Фатеев (*Днепропетровск, Украина***). Хронология амфорных клейм Херсонеса конца IV — начала III вв. до н. э. (исследование комплексов и комплексные исследования) 223**

А. М. Новичихин (*Анапа, Россия).* **К династической истории Синдики: Горгипп и его потомки 245**

Е. Я. Туровский (*Севастополь, Россия***), Е. А. Колесниченко (***Одесса, Украина***). Хронология монет независимой (автономной) Тиры 255**

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

А. В. Вертиенко (*Киев, Украина***). Образ вепря в иранской традиции — нарратив и визуализация 271**

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

С. С. Иванов (*Бишкек, Кыргызстан***). Новые находки наконечников дротиков сакского времени из Кыргызстана 283**

С. В. Паламарчук (*Измаил, Украина***), В. С. Синика (***Тирасполь, Молдова).* **Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка . . 291**

Т. В. Егорова (*Москва, Россия).* **Новая раннеэллинистическая усадьба на городище «Чайка» и ее место в структуре поселения 303**

В. В. Котенко (*Киев, Украина***). Поселение Маслины в Северо-Западной Таврике (общая характеристика). 325**

А. Н. Колесниченко (*Одесса, Украина***). Позднеэллинистический стеклянный кубок из собрания Одесского археологического музея . . 343**

ИСТОРИЯ НАУКИ

В. И. Кац (*Саратов, Россия).* **Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом 353**

Список сокращений. 365

Авторам «*Stratum plus***» 367**

CONTENTS

WORLDS. CULTURES. CHRONOLOGY

S. B. Valchak (*Moscow, Russia*). The Development of One of the Ornamental Motives on the Koban Culture Ceramics at the Beginning of the 1st Millennium BC 17

I. V. Bruyako (*Odessa, Ukraine*). Pintaderae of Early Iron Age between Carpathian Basin and Pontic Region 39

K. Yu. Pelyashenko *(Kharkov, Ukraine).* Cup-Type Scoops of Early Scythian Time from Forest-Steppe Area of the Middle Dnieper Region 51

V. S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*), V. A. Menshikova (*Rostov-on-Don, Russia*), N. P. Telnov (*Kishinev, Moldova*). Hand-Molded Incense Cups from the Northern Black Sea Coast Sites of 4th—1st Centuries BC 65

MAN AND WAR
(TO THE MEMORY OF A. I. MELYUKOVA)

P. M. Sokolov (*Volgograd, Russia*). Funeral Rite in Burials with Swords of Sauromatian Archeological Culture from the Lower Volga Region 105

O. I. Frizen (*Moscow, Russia*). Early Sarmatian Mirrors and Chronological Sequence of Weapon Sets 113

D. A. Topal (*Kishinev, Moldova*). Final Evolutionary Lineage of Scythian Swords in Classical Period. Corelation of Chertomlyk and Shulgovka Types 129

A. V. Denisov (*Samara, Russia*), A. M. Mamedov (*Aktobe, Kazakhstan*). About the Time and the Origins of Bladed Weapons with Rectangular Hilt in the Southern Urals 157

A. V. Dedjulkin (*Rostov-on-Don, Russia*). Locally Made Protective Equipment of the Population of North-Western Caucasus in the Hellenistic Period . . 169

“EPISTULAE EX PONTO”

E. V. Kuznetsova (*Saratov, Russia*). Phanagoria’s Commercial Relations in the 4th—3rd Centuries BC by Different Categories of Amphora Material: Problem of Correlation 187

S. Ju. Monachov (*Saratov, Russia*). Koan and Pseudo-Koan Amphorae and Stamps 195

O. V. Fateev (*Dnepropetrovsk, Ukraine*). Chronology of Chersonesos Amphora Stamps of Late 4th — Early 3rd cc. B. C. (studies of complexes and complex studies). 223

A. M. Novichikhin (*Anapa, Russia*). About the Dynastic History of Sindica: Gorgippos and His Descendants. 245

E. Ya. Turovsky (*Sevastopol, Russia*), E. A. Kolesnichenko (*Odessa, Ukraine*). Chronology of Coins of Independent (Autonomous) Tyras 255

ARCHAEOLOGY OF REPRESENTATIONS

H. V. Vertiienko (*Kiev, Ukraine*). The Image of Boar in the Iranian Tradition — Narrative and Visuality 271

RESEARCHES AND PUBLICATIONS

S. S. Ivanov (*Bishkek, Kyrgyzstan*). Recent Finds of Javelinheads of Saka Period from Kyrgyzstan 283

S. V. Palamarchiuk (*Izmail, Ukraine*), V. S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*). Scythian Burials from the Barrows in Izmail City and near Kamyshovka Village . . 291

T. V. Egorova (*Moscow, Russia*). The New Early Hellenistic Farmstead on "Chaika" Settlement and Its Place in Its Structure 303

V. V. Kotenko (*Kiev, Ukraine*). Masliny Settlement in Northwest Taurica (general characteristics) 325

A. N. Kolesnychenko (*Odessa, Ukraine*). Late-Hellenistic Glass Beaker from the Collection of Odessa Archaeological Museum 343

HISTORY OF SCIENCE

V. I. Kac (*Saratov, Russia*). The Beginning of the Excavation in Chersonesos Tauric by Imperial Archaeological Commission 353

List of Abbreviations 365

Submissions 372

CUPRINS

CIVILIZAȚII. CULTURI. CRONOLOGIE

S. B. Valchak (*Moscova, Rusia*). Evoluția unuia dintre motivele ornamentale de pe ceramica culturii Koban la începutul mileniului I î. Hr. 17

I. V. Bruyako (*Odesa, Ucraina*). Pintaderele din epoca timpurie a fierului dintre Carpați şi spațiul Pontic 39

K. Yu. Pelyashenko (*Harkov, Ucraina*). Polonicele în formă de cupă din perioada scitică timpurie din silvostepa Niprului de Mijloc. 51

V. S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*), V. A. Menshikova (*Rostov-pe-Don, Rusia*), N. P. Telnov (*Chişinău, Moldova*). Fumegătoarele lucrate cu mâna de pe siturile spațiului Nord-Pontic din sec. IV—I î. Hr. 65

OMUL ŞI RĂZBOIUL
(ÎN MEMORIA LUI A. I. MELIUKOVA)

P. M. Sokolov (*Volgograd, Rusia*). Ritul funerar al complexelor cu armament cu tăiş din cadrul culturii arheologice sauromatice de la Volga de Jos . . 105

O. I. Frizen (*Moscova, Rusia*). Oglinzile sarmatice timpurii în sistemul cronologic al garniturilor de arme 113

D. A. Topal (*Chişinău, Moldova*). Linia finală de evoluție a spadelor Sciției clasice. Raportul dintre tipurile Certomlîk şi Şulgovka 129

A. V. Denisov (*Samara, Rusia*), A. M. Mamedov (*Aktobe, Kazahstan*). Despre timpul şi izvoarele apariției armamentului cu tăiş cu garda dreaptă în Uralul de Sud 157

A. V. Dedjulkin (*Rostov-pe-Don, Rusia*). Armamentul defensiv de producție locală al populației Caucazului de nord-vest în perioada elenistică 169

“EPISTULAE EX PONTO”

E. V. Kuznetsova (*Saratov, Rusia*). Relațiile comerciale ale Phanagoriei în sec. IV—III î. Hr. în baza diferitelor categorii ale materialului amforistic: probleme de corelație 187

S. Ju. Monachov (*Saratov, Rusia*). Amforele şi ştampilele de tip Cos şi pseudo-Cos 195

O. V. Fateev (Dnepropetrovsk, Ucraina). Cronologia ştampilelor amforistice din Chersonesos de la sfârşitul sec. IV — începutul sec. III î. Hr. (cercetarea complexelor şi cercetări complexe). 223

A. M. Novichikhin (*Anapa, Rusia*). Contribuţii la istoria dinastică a Sindicăi: Gorgippos şi urmaşii acestuia 245

E. Ya. Turovsky (*Sevastopol, Rusia*), E. A. Kolesnichenko (*Odesa, Ucraina*). Cronologia monedelor din Tyras independent (autonom) 255

ARHEOLOGIA REPREZENTĂRILOR

H. V. Vertiienko (*Kiev, Ucraina*). Motivul mistreţului în tradiţia iraniană — narativ şi vizualizare 271

CERCETĂRI ŞI PUBLICAŢII

S. S. Ivanov (*Bişkek, Kîrgîzstan*). Noi descoperiri de vârfuri de lance din perioada Saka din Kîrgîzstan 283

S. V. Palamarchiuk (*Izmail, Ucraina*), V. S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*). Mormintele scitice din tumulii de lângă or. Izmail şi s. Kamîşovka 291

T. V. Egorova (*Moscova, Rusia*). O nouă gospodărie elenistică timpurie de pe cetăţuia „Ceaika” şi locul acesteia în structura aşezării 303

V. V. Kotenko (*Kiev, Ucraina*). Aşezarea de la Maslinî din Taurica de nord-vest (caracteristică generală) 325

A. N. Kolesnychenko (*Odesa, Ucraina*). O cupă elenistică târzie din sticlă din colecţia Muzeului Arheologic din Odesa 343

DIN ISTORIA ŞTIINŢEI

V. I. Kac (*Saratov, Rusia*). Începutul săpăturilor în Chersonesos Tauric de către Comisiunea Arheologică Imperială 353

Listă de abrevieri 365

Submissions 372

Миры. Культуры. Хронология

Worlds. Cultures. Chronology
Civilizații. Culturi. Cronologie

С. Б. Вальчак

Развитие одного из мотивов орнаментации керамики кобанской культуры в начале I тыс. до н. э.

Keywords: Northern Caucasus, Koban culture, Early Iron Age, ceramics, ornament, burial grounds, chronology.

Cuvinte cheie: Caucazul de Nord, cultura Koban, fierul timpuriu, ceramică, ornament, necropole, cronologie.

Ключевые слова: Северный Кавказ, кобанская культура, ранний железный век, керамика, орнамент, могильники, хронология.

S. B. Valchak

The Development of One of the Ornamental Motives on the Koban Culture Ceramics at the Beginning of the 1st Millennium BC

The article studies funeral complexes with decorated vessels belonging to the western variant of the Koban culture, particularly the vessels with one of many ornamental patterns representing lines on surface scratched by nail or a stick, or representing finger imprints. The author suggests a typology of such vessels and analyzes forty burials with such vessels, made in pits or stone boxes. He also considers three complexes with similar ceramics located outside the main area of the Koban culture, as well as materials of some settlements and stray finds. He uses materials from burials to build a chronological distribution of the latter and outlines development of forms of vessels with the studied ornamental pattern.

S. B. Valchak

Evoluția unuia dintre motivele ornamentale de pe ceramica culturii Koban la începutul mileniului I î. Hr.

Articolul reprezintă analiza complexelor funerare cu ceramică ornamentată din cadrul variantei de vest a culturii Koban. Este studiat unul dintre multele motive ornamentale — șiruri din impresiuni în formă de linii scurte pe suprafața vasului, aplicate cu unghia, obiect ascuțit din lemn sau degetul. Este prezentată tipologia vaselor și analiza a 40 de morminte, realizate în gropi sau cutie din piatră. Analiza include și trei complexe cu ceramică similară, descoperite în afara arealului de bază al culturii. Sunt atrase și materialele de pe câteva așezări, precum și descoperiri fortuite. În baza materialelor din complexe funerare este sugerată distribuția lor cronologică și schițată evoluția formelor vaselor cu decor de acest tip.

С. Б. Вальчак

Развитие одного из мотивов орнаментации керамики кобанской культуры в начале I тыс. до н. э.

Статья посвящена анализу погребальных комплексов с орнаментированными сосудами западного варианта кобанской культуры. Рассматриваются сосуды с одним из многих мотивов орнамента, который представляет собой ряды вдавлений на поверхности сосуда в виде черточек, сделанных ногтем, палочкой или представляющие собой пальцевые вмятины. Предложена типология сосудов с данным типом орнамента. Проведен анализ 40 погребений с такими сосудами, совершенных в ямах или каменных ящиках. Также рассмотрены три комплекса с подобной керамикой, находящиеся за пределами основного ареала культуры, использованы материалы некоторых поселений и случайные находки. На основании материалов из погребений предложено их хронологическое распределение и намечено развитие форм сосудов с рассматриваемым мотивом орнамента.

Изучение керамического комплекса кобанской культуры Северного Кавказа конца эпохи бронзы — начала раннего железного века в прошедшие четыре десятилетия в основном формировалось и формируется на основании отдельных статей, обобщающих публикаций и монографий В. И. Козенковой (Козенкова 1989: 89—113, табл. XXX—XLI; 1996; 2004: 93, 135—148; там же см. библиографию).

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы происхождения и развития одного из орнаментов на керамике кобанской куль-

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© С. Б. Вальчак, 2014.

туры. Варианты такого орнамента: «короткие косые насечки, ногтевые, пальцевые и семечковидные вдавления» — являются одной из характерных особенностей керамики Кисловодской котловины и вообще характерны для ареала западного варианта кобанской культуры. Такой орнамент отмечен в основном на «корчагах» и горшках, которые являются сосудами тарно-хозяйственного назначения, они отличаются грубой лепкой и шероховатой поверхностью (Козенкова 1989: 66—68, рис. 8; 1998: 90, 91, табл. XXX). Орнамент этот встречается на различных частях разнообразных по форме сосудов: венчиках, горле и тулове. Характеризуя категорию «горшки» из раскопок на поселении Подкумский Мост в Кисловодске, С.Л. Дударев описывает такой орнамент следующим образом: «На венчике и проходящем под ним валике нередко нанесены крупные, реже мелкие, вдавливания в виде ногтевидного орнамента, сделанные палочкой-штампом, нарезная насечка, либо пальцевые вмятины. ... Корпус горшков чаще всего украшен рядами ногтевидного или семечковидного орнамента, который сочетается с каннелюрами, нарезными полосками, волнистой линией. На тулове сделаны и ряды крупных вдавлений, нанесённых круглым или овальным штампом. Ногтевидные и семечковидные вдавления нанесены, как правило, наклонно, но есть фрагменты сосудов, на которых они сочетаются с такими же вдавливаниями, но сделанными горизонтально» (Дударев 2007: 149, 158). Читать это определение сложно, но приведенная цитата отражает практически все встречаемые особенности орнаментации сосудов тарного и хозяйственного назначения кобанской культуры в начале раннего железного века. Конечно, есть и исключения, но очень немногочисленные. Такой орнамент встречается на различных типах «кухонных» сосудов, изредка и на «столовой» керамике, с другой технологией обработки поверхности (лощением).

В данной статье, в основном, хотелось бы рассмотреть комплексы с сосудами, которые имеют на тулове орнаментацию в виде некоторого количества горизонтальных рядов ногтевых вдавлений, произведенных мастером-изготовителем. Присоединяясь к мнению В.И. Козенковой, считаю, что это наиболее характерная и отличительная особенность орнаментации многих сосудов западного варианта кобанской культуры. Подобный орнамент практически не встречается в ареалах центрального и восточного вариантов кобанской культуры (от восточных районов нынешних Кабардино-Балкарии до Ингушетии, Чечни, Дагестана, есть редчайшие исключения), как и в протомеотской группе памятников Северо-Западного Кавказа (от бассейна Нижней Кубани до западных районов Карачаево-Черкесии) (Козенкова 1989: рис. 8; 1996: 62—73, рис. 26). Для степных памятников начала I тыс. до н.э., такой орнамент и вовсе не характерен.

Данная работа не является сводом всей совокупности керамики с подобной орнаментацией. Было отобрано несколько десятков погребальных комплексов, которые, как представляется, достоверно отражают развитие рассматриваемого орнамента во времени.

Если учесть более чем столетнюю историю изучения артефактов кобанских древностей, удивительным обстоятельством является отсутствие глубоких и ранжированных во времени классификаций керамики того хронологического диапазона, который соответствует периоду от IX до 1-й половины VII в. до н.э. При наличии нескольких сотен археологически целых форм сосудов в любом из регионов Северного Кавказа, исследователи пользуются сегодня лишь обобщающими работами В.И. Козенковой. Это при том, что в публикациях этого специалиста неоднократно обращалось внимание на необходимость дальнейшей разработки именно этого направления. Системной является лишь работа В.Е. Маслова, но в ней рассматривается керамика более позднего времени — VII—V вв. до н.э. (Маслов 1997).

В связи с этим в данной статье можно предложить лишь предварительную типологию сосудов с упомянутым орнаментом и её хронологическое ранжирование.

Пригодные для классификации археологически целые формы происходят в подавляющем большинстве из грунтовых могильников предгорной и горной зон Северного Кавказа. Сосуды из поселений сильно фрагментированы и редко составляют реконструируемые формы, но количество их фрагментов в памятниках западного варианта кобанской культуры свидетельствует о широком распространении рассматриваемых вариантов орнамента (Козенкова 1989: табл. III—VIII; XI; XIII—XVIII; XX). Все рассматриваемые сосуды лепные, часто имеют значительные отличия метрических параметров в рамках одного типа или варианта, поскольку происходят из разных комплексов и различных памятников. Для их классификации более важным представляется пропорциональное соотношение основных параметров: высоты, максимального диаметра, диаметров венчика и дна.

Типы сосудов

Сосуды тарно-хозяйственного назначения. Большинство известных археологически целых форм относятся к одному типу. Они лепные, несколько отличаются размерами. Иногда их называют «корчагообразными» или «корчагами» (Козенкова 1998: 90; Дударев 2004: 37).

Тип 1. Это довольно крупные округло-биконические формы высотой около 20—40 см с максимальным расширением тулова в средней части, диаметр которой практически равен высоте сосуда. Горло короткое, венчик отогнут и обычно имеет закруглённый край. Дно плоское. Диаметр венчика составляет немногим более половины максимального диаметра тулова, а диаметр дна — заметно менее половины максимального диаметра. Таким образом, максимальное расширение тулова оказывается визуально подчёркнутым, а сам сосуд вписывается в куб. Представляется, что сосуды подобной формы служили для хранения или приготовления пищи.

Орнамент в виде ногтевых вдавлений и насечек покрывает практически всё тулово, оставляя свободными участки горла и у дна. Иногда насечками покрыт край венчика, в одном случае отмечен валик с насечками под горлом.

Такие сосуды найдены в п. 17 мог. Берёзовский 1, п. 11 мог. Клин-Яр I, п. 1 мог. Лермонтовская скала 2, п. 4 мог. Эчкивашский (Рунич 1963: 3, рис. 1: 5; 2: 17—22; 1964: 8, 9, рис. 8: 3—10; 1966: 20, рис. 24; 1970: 3, рис. 3: 19—28), есть они и среди случайных находок на мог. Султангорский 1 (Рунич 1964: 3, рис. 2: 2) (рис. 1; 2: 1, 2, 4).

Тип 2. В этот тип достоверно можно включить один сосуд, имеющий шаровидную форму тулова, короткое горло и отогнутый венчик. Высота сосуда — 24 см, диаметр венчика — 18,5 см, соотношение параметров такое же, как и у типа 1. Он был найден в каменном ящике 1 Каменномостского могильника в Кабарде (Гриневич 1951: 130, рис. 1) (рис. 3: 1). По всей вероятности, подобный же сосуд происходит из внекомплексных находок в каменных ящиках на могильнике санатория КСУ в Кисловодске. Все перечисленные могильники находятся в г. Кисловодске или его окрестностях. Б.Е. Деген упоминал в своей статье ещё о некоторых подобных сосудах (Деген 1941: 287, табл. XX: 1) (рис. 2: 3).

Вполне вероятно, что вторым вариантом этого типа являются сосуды округло-биконических форм и меньших размеров, но близких пропорций, высотой 15—20 см. Такой сосуд происходит из п. 6 к.1 у пос. Садовый в степной зоне Северной Осетии (Козенкова и др. 1997: 14—18, рис. 1). Явление это — одно из уникальных, поскольку находка встречена вне основного ареала сосудов с рассматриваемым орнаментом, к тому же во впускном курганном погребении (рис. 3: 2).

Тип 3. Известен только один археологически целый сосуд, поэтому он может считаться редкой формой. Впрочем, вероятно, многочисленные находки на поселениях западного варианта кобанской культуры могут быть фрагментами таких форм.

Сосуд из п. 1 мог. Султангорский 3 отличается максимальным диаметром тулова в верхней трети высоты, очень широким наружным диаметром венчика и отсутствием выраженной горловины (Рунич 1966: 4, рис. 4: 1—11). Кроме ногтевого орнамента, заполняющего практически всю поверхность тулова, под венчиком и на плечиках имеются четыре врезные линии, которые образуют три псевдовалика (рис. 3: 3).

Горшки. Очевидно, что это сосуды кухонного назначения, которые предназначались для приготовления пищи. Все сосуды этой категории лепные, при общем сходстве форм и параметров отличаются некоторым разнообразием, которое позволяет выделить несколько вариантов.

Тип 1. Горшки имеют округло-биконическую форму с максимальным расширением в середине или верхней трети тулова. Горло невысокое, венчики обычно отогнуты слабо и закруглены на крае. Дно плоское. Высота сосудов, как правило, превышает максимальный диаметр тулова. По соотношению основных параметров могут быть разделены на четыре варианта.

Вариант 1. Основной отличительной чертой является то, что наружный диаметр венчика несколько шире максимального диаметра тулова, который обычно расположен в верхней трети высоты горшка. Край венчика закруглён (4 экз.). Орнамент ногтевидный или в виде насечек в несколько горизонтальных рядов (Белореченский 2, п. 13), здесь же имеется и сосуд с расчленённым валиком под губой венчика (рис. 4: 3). В двух случаях насечки разделены врезными горизонтальными линиями по тулову (Берёзовский 6, п. 1 и Берёзовский 1, п. 22). В одном случае под венчиком имеется гладкий валик, а тулово покрыто горизонтальными рядами пальцевых вдавлений (Белореченский 2, п. 31) (Рунич 1963: рис. 3: 64: 13—15; 1966: 10, рис. 13: 1—12; Дударев 2004: рис. 7: В, 1—3; 25: А, 1—6) (рис. 4: 1, 2; 5: 1).

Рис. 1. Сосуды тарно-хозяйственного назначения, тип 1: 1 — мог. Эчкиваш, п. 4 (по Рунич 1970: рис. 3: 19—28); 2 — мог. Лермонтовская скала 2, п. 1 (по Рунич 1966: рис. 24).

Fig. 1. Household vessels and containers, type 1: 1 — bur. Echkivash, gr. 4 (after Рунич 1970: рис. 3: 19—28); 2 — bur. Lermontov's Rock 2, gr. 1 (after Рунич 1966: рис. 24).

Вариант 2. Наружный диаметр венчика больше максимального диаметра тулова. Высота сосуда практически равна его максимальному диаметру, который расположен в середине тулова, из-за чего сосуды имеют приземистые пропорции. Такие сосуды найдены в п. 8 и 13 могильника Берёзовский 1. Орнамент — три-четыре ряда насечек на тулове (Рунич 1962: 13, 14, табл. 12: 9, 10; 13: 3; 1963: 1, 2, рис. 1: 2; 2: 3—6) (рис. 5: 2, 3). Ещё один сосуд найден в п. 18 мог. Белореченский 2 и отличается тем, что ряды насечек

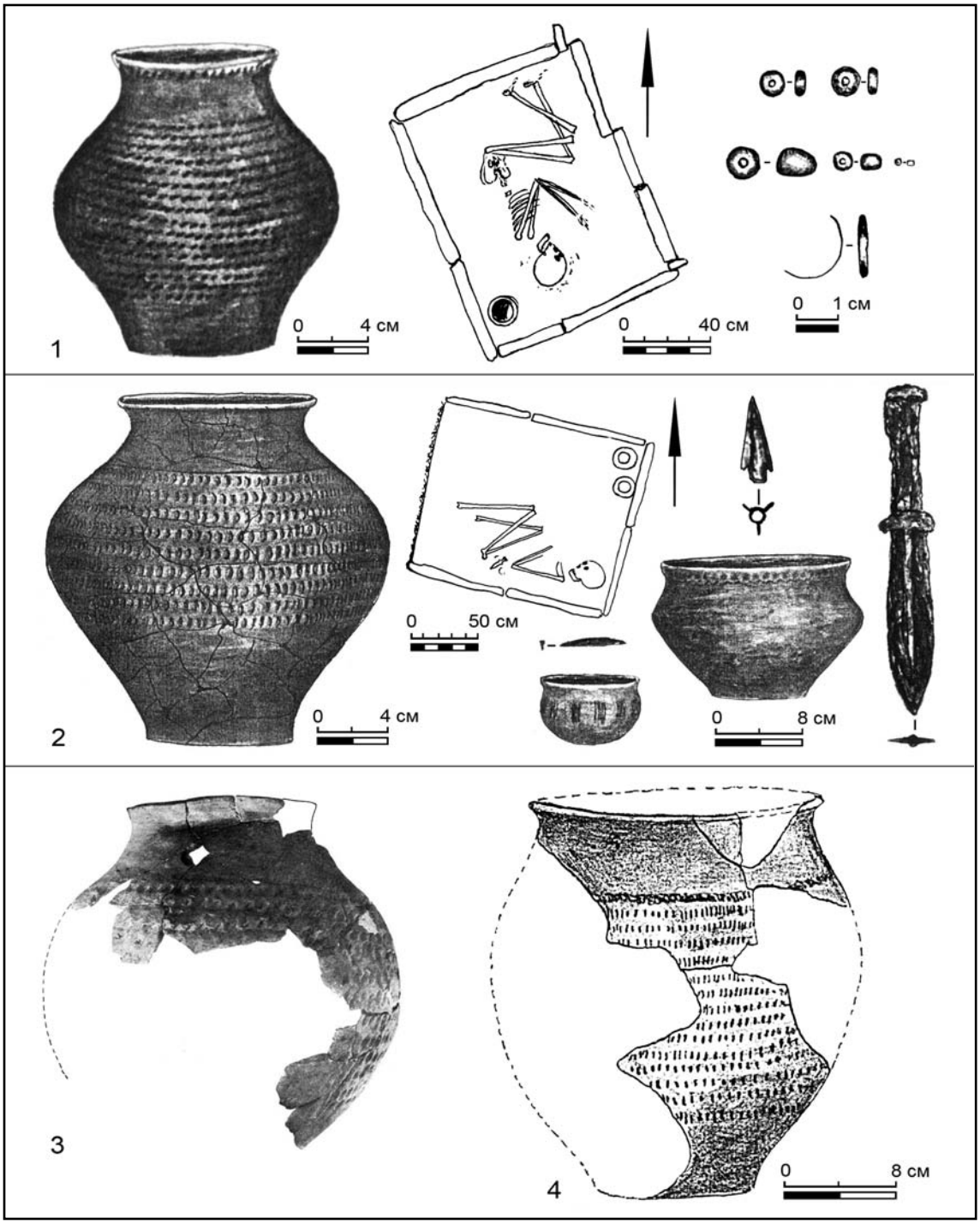

Рис. 2. Сосуды тарно-хозяйственного назначения, тип 1 (1, 2, 4) и тип 2 (3): 1 — мог. Клин-Яр I, п. 11 (по Рунич 1964: рис. 8: 3—10); 2 — мог. Берёзовский 1, п. 17 (по Рунич 1963: рис. 1: 5); 3 — мог. санатория КСУ в Кисловодске, фото без масштаба (по Деген 1941: 287, табл. XX: 1); 4 — мог. Султангорский 1, разрушенное погр. (по Рунич 1964: рис. 2: 2).

Fig. 2. Household vessels and containers, type 1 (1, 2, 4) and type 2 (3): 1 — bur. Klin-Yar I, gr. 11 (after Рунич 1964: рис. 8: 3—10); 2 — bur. Berezovskiy 1, gr. 17 (after Рунич 1963: рис. 1: 5); 3 — bur. Sanatorium KSU in Kislovodsk, unscaled photo (after Деген 1941: 287, табл. XX: 1); 4 — Sultangorskiy 1, destroyed bur. (after Рунич 1964: рис. 2: 2).

на тулове разделены волнистыми валиками (Дударев 2004: рис. 13) (рис. 6: 1).

Вариант 3. Наружный диаметр венчика равен максимальному диаметру тулова. Высота сосуда обычно больше его максимального диаметра, который расположен в верхней трети высоты горшка или в середине тулова, из-за чего сосуды имеют удлинённые пропорции. Такие сосуды найдены в п. 10, 19 и 30 мог. Кисловодской мебельной

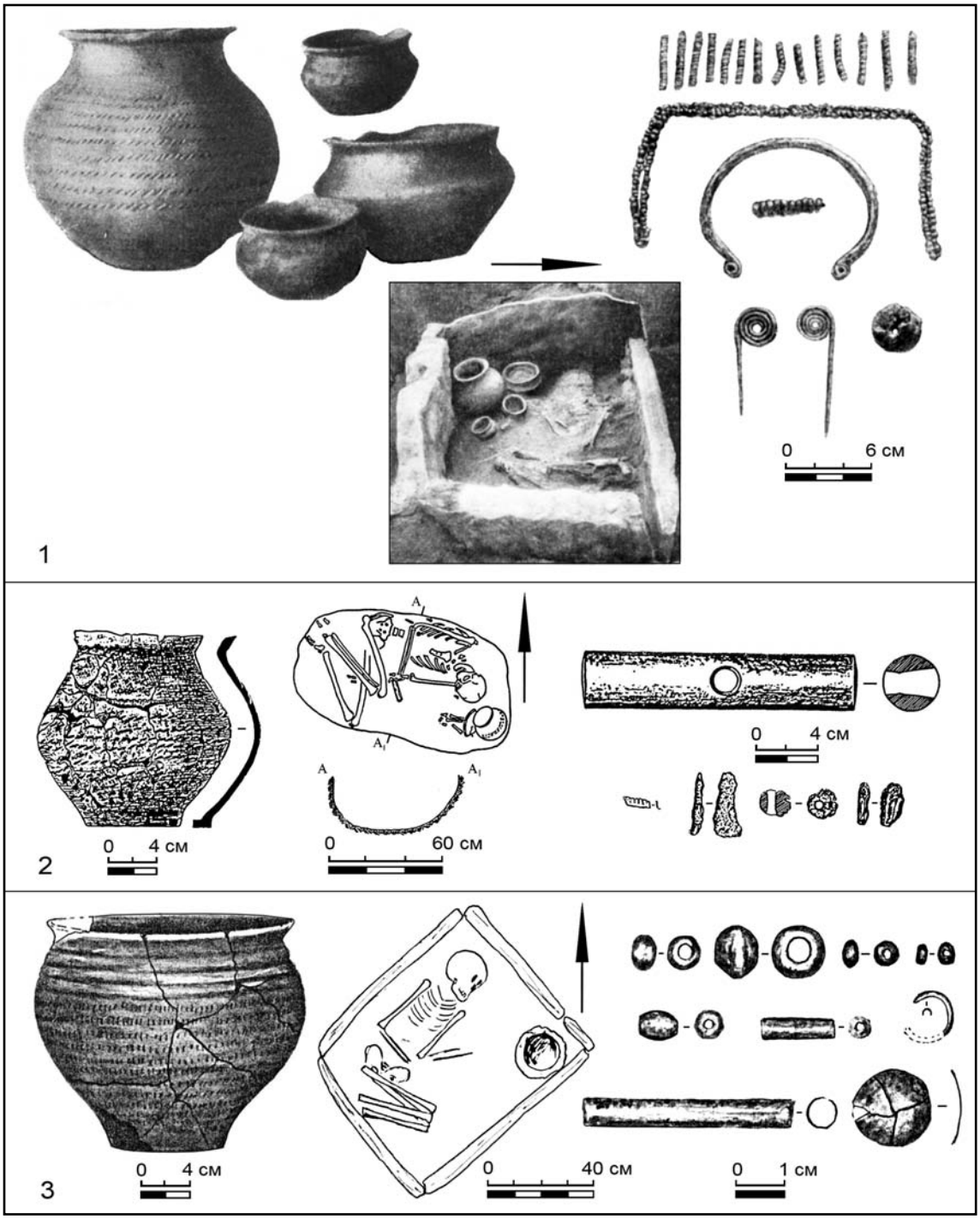

Рис. 3. Сосуды тарно-хозяйственного назначения, тип 2 (1, 2) и тип 3 (3): 1 — мог. Каменномостский, кам. ящ. 1, фото без масштаба (по Гриневич 1951: 130, рис. 1); 2 — Садовый, к.1, п. 6 (по Козенкова и др. 1997: рис. 1); 3 — мог. Султангорский 3, п. 1 (по Рунич 1966: рис. 4: 1—11).

Fig. 3. Household vessels and containers, type 2 (1, 2) and type 3 (3): 1 — bur. Kamennomostsky, gr. 1, photo without scale (after Гриневич 1951: 130, рис. 1); 2 — bur. Sadovy, barrow 1, gr. 6 (after Козенкова и др. 1997: рис. 1); 3 — bur. Sultangorskiy 36, gr. 1 (after Рунич 1966: рис. 4: 1—11).

фабрики 1, п. 2 мог. Берёзовский 5 (Рунич 1959: 6, 7, рис. IX: 6; X: 9—11; 1970: 4, рис. 6: 1—6; 1971: 5, 6, рис. 7: 18—28; 1963: 5, рис. 3: 5; 4: 12) (рис. 6: 2; 7: 2; 8: 1, 3) а также на поселении Кабардинка 2 (Белинский и др. 2009: 197, 198, рис. 14: 8) (рис. 9: 1). Но есть и исключения. Например, у горшков из п. 1 мог. у Кисловодского железнодорожного вокзала, п. 32 мог. Кисловодской мебельной фабрики 1 и п. 25 мог. Белореченский 2 высота практически равна максимальному диаметру тулова (Рунич 1962: 17, рис. 14: 9—11;

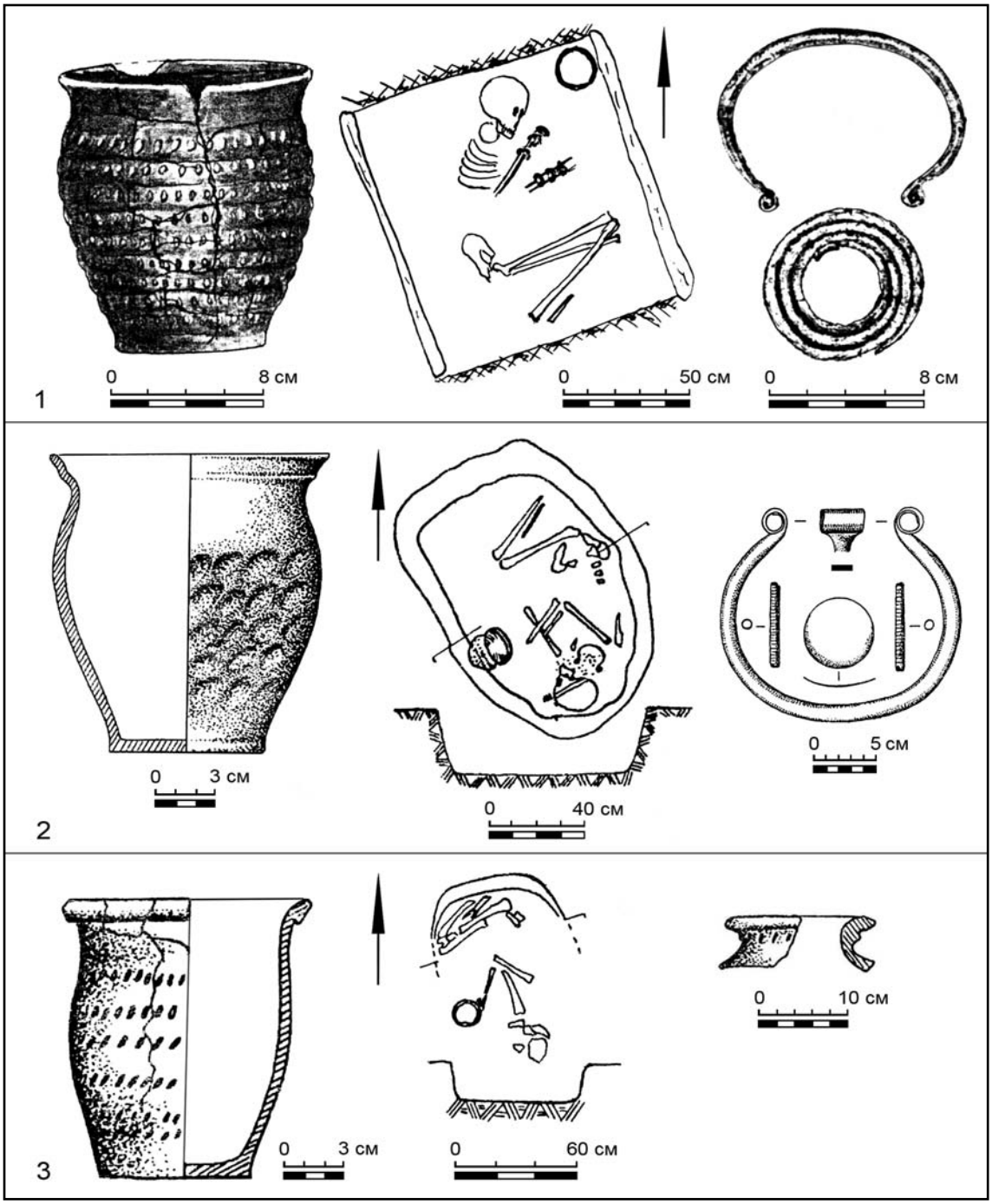

Рис. 4. Горшки, тип 1, вариант 1: 1 — мог. Берёзовский 6, п. 1 (по Рунич 1963: рис. 3: 13—15); 2 — мог. Белореченский 2, п. 31; 3 — мог. Белореченский 2, п. 13 (по Дударев 2004: рис. 7: В, 1—3; 25: А, 1—6).

Fig. 4. Pots, type 1, variant 1: 1 — bur. Berezovskiy 6, gr. 1 (after Рунич 1963: рис. 3: 13—15); 2 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 31; 3 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 13 (after Дударев 2004: рис. 7: В, 1—3; 25: А, 1—6).

1971: 6, рис. 8: 8—18а; Дударев 2004: рис. 19) (рис. 7: 1, 3).

Орнаментальные композиции — это ногтевые вдавления, насечки палочкой, которые обычно в несколько горизонтальных рядов покрывают бóльшую часть тулова горшка, оставляя неорнаментированные участки на венчике, горле и у дна. В нескольких случаях вдавления и насечки имеются на венчике (рис. 8). Горшок из п. 10 мог. Кисловодской мебельной фабрики 1 на горле имеет врезные линии, которые образуют два псевдо-валика (рис. 6: 2).

Вариант 4. Наиболее многочисленный вариант. Наружный диаметр венчика несколько меньше максимального диаметра туло-

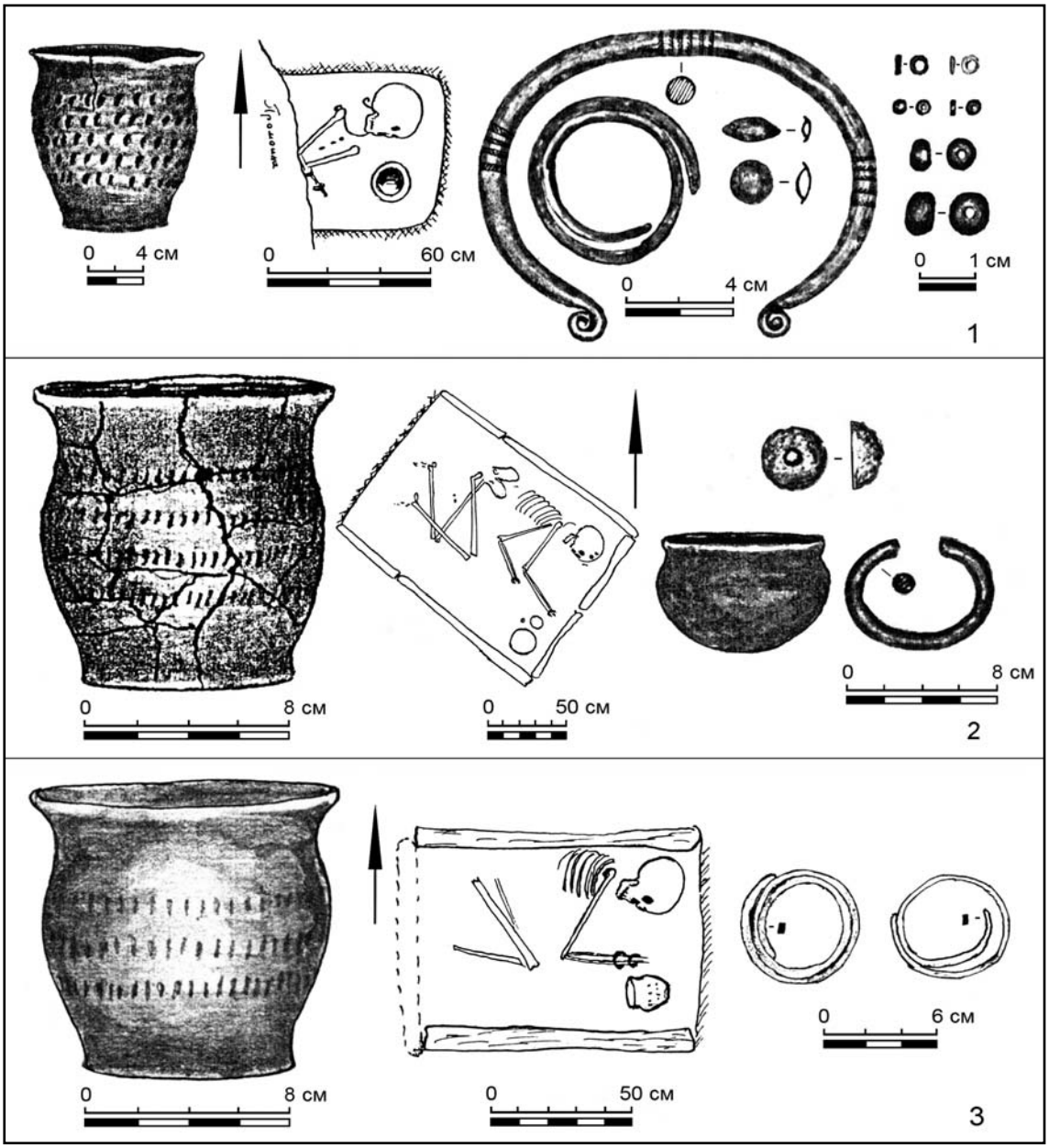

Рис. 5. Горшки, тип 1, вариант 1 (1) и вариант 2 (2, 3): 1 — мог. Берёзовский 1, п. 22 (по Рунич 1966: рис. 13: 1—12); 2 — мог. Берёзовский 1, п. 13 (по Рунич 1963: рис. 1: 2; 2: 3—6); 3 — мог. Берёзовский 1, п. 8 (по Рунич 1962: табл. 12: 9, 10; 13: 3).

Fig. 5. Pots, type 1, variant 1(1) and variant 2 (2, 3): 1 — bur. Berezovskiy 1, gr. 22 (after Рунич 1966: рис. 13: 1—12); 2 — bur. Berezovskiy 1, gr. 13 (after Рунич 1963: рис. 1: 2; 2: 3—6); 3 — bur. Berezovskiy 1, gr. 8 (after Рунич 1962: табл. 12: 9, 10; 13: 3).

ва. Высота сосуда обычно больше его максимального диаметра, который расположен в верхней трети высоты горшка или в середине тулова, из-за чего сосуды имеют удлинённые пропорции. Такие сосуды найдены в п. 4, 6, 9, 10, 23, 26 мог. Белореченский 2 (Рунич 1973: 10—12; Дударев 2004, рис. 3, А, 1—5; 4, А, 1—15; 5, А, 1—11, В, 1—6; 17, В, 1—11; 20), а также в п. 7 мог. Эчкиваш и п. 12 мог. Берёзовский 1 (Рунич 1966: рис. 25: 17—19; 1963: 1, рис. 1: 1; 2: 12) (рис. 9: 2, 3; 10; 12). И здесь имеются исключения, когда высота практически равна максимальному диаметру тулова: п. 6 мог. Эчкиваш, п. 7 мог. Индустрия 1, п. 34 мог. Белореченский 2 (Рунич 1966: 25: 11—16; Афанасьев, Козенкова 1981: 168, 174, рис. 5: 15; Дударев 2004: рис. 28) (рис. 11), горшок из разрушенных погребений мог. Кисловодской мебельной фабрики 1 (Рунич 1971: 9, рис. 14: 25).

Многочисленные отступления от канонов и отличия в деталях могут рассматриваться как отсутствие строгой стандартизации лепных форм. Конечно же, предлагаемая типо-

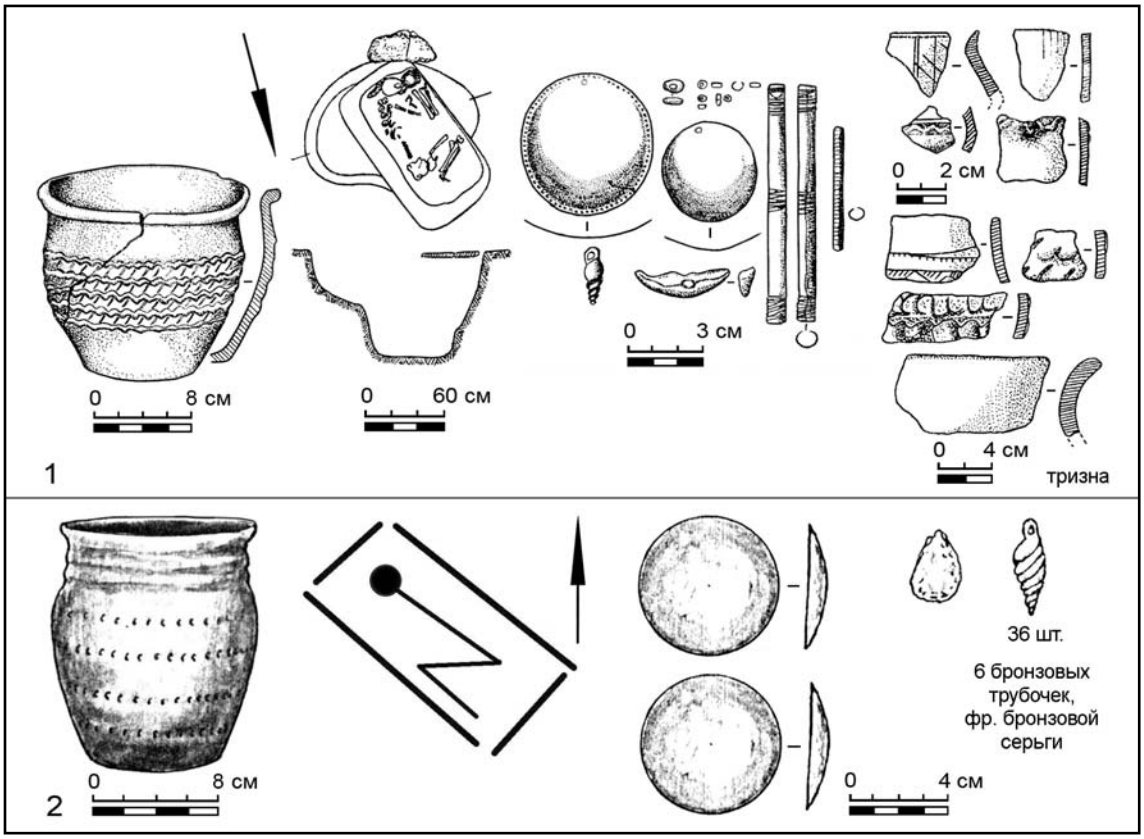

Рис. 6. Горшки, тип 1, вариант 2 (1) и вариант 3 (2): 1 — мог. Белореченский 2, п. 18 (по Дударев 2004: рис. 13); 2 — мог. Кисловодской мебельной фабрики 1, п. 10 (по Рунич 1959: рис. IX: 6; X: 9—11).

Fig. 6. Pots, type 1, variant 2 (1) and variant 3 (2): 1 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 18 (after Дударев 2004: рис. 13); 2 — bur. Kislovodsk furniture factory 1, gr. 10 (after Рунич 1959: рис. IX: 6; X: 9—11).

логия нуждается в дальнейшем уточнении на основе большего количества находок.

Орнаментальные композиции — это ногтевые или пальцевые вдавления, насечки палочкой, которые покрывают бóльшую часть тулова горшка, оставляя неорнаментированные участки на венчике, горле и у дна. Иногда ряды вдавлений и насечек разделены врезными горизонтальными линиями. Горшок из п. 7 мог. Эчкиваш имеет наклонные врезные линии, которые опоясывают тулово против часовой стрелки, по направлению слева-сверху — вправо-вниз (рис. 9: 2). Сосуд из п. 26 мог. Белореченский 2 имеет два ряда насечек на горле, а тулово орнаментировано только горизонтальными врезными линиями (рис. 12: 3).

Кроме того, помимо фрагментов керамики с рассматриваемым орнаментом из поселений и погребений кобанской культуры, С.Л. Дударевым был выделен аналогичный материал из окружения и заполнения погребений мог. Белореченский 2. Исследователь считает эти находки следами тризны или других поминальных действий. Это относится к комплексам п. 14, 16, 27, 38 и 39 указанного могильника (Дударев 2004: рис. 8; 11; 23: А, 1—4; 32; 33). К сожалению, подобная интерпретация разрозненных фрагментов керамики прослежена и опубликована только для одного из могильников рассматриваемого региона. Восстановить формы сосудов по мелким фрагментам не оказалось возможным. Точно так же нет возможности установить форму сосуда с аналогичным орнаментом из разрушенного погребения 1983 года на мог. Клин-Яр III (Андреева, Козенкова 1986: 257, 258, рис. 1: 6) (рис. 13: 2).

Редкие формы сосудов. Они относятся к разным категориям и расположены очень дискретно в рамках ареала западного варианта кобанской культуры.

Чаша. Найдена среди разнообразного инвентаря в гробнице 2 мог. Терезе в Карачаево-Черкесии. В кавказской археологии сосуды подобной формы часто именуют «кубками». Это круглодонный сосуд с прямым горлом и слегка отогнутым венчиком (рис. 13: 1). По справедливому замечанию автора раскопок, это единственный экземпляр сосудов такого типа, «украшенный ногтевыми вдавлениями и горизонтальными прочерченными

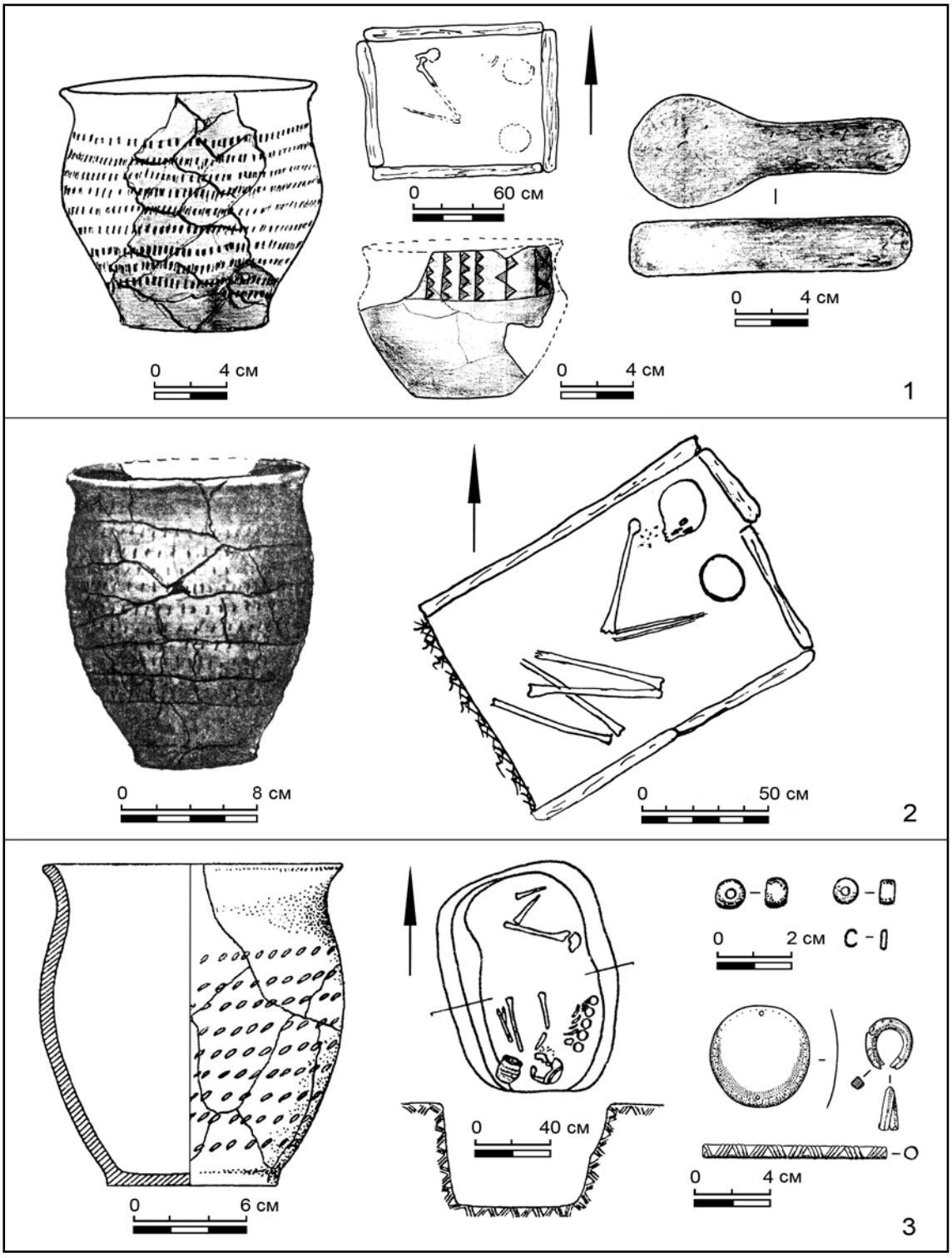

Рис. 7. Горшки, тип 1, вариант 3: 1 — Кисловодский ж.-д. вокзал, п. 1 (по Рунич 1962: 17, рис. 14: 9—11); 2 — мог. Берёзовский 5, п. 2 (по Рунич 1963: 5, рис. 3: 5; 4: 12); 3 — мог. Белореченский 2, п. 25 (по Дударев 2004: рис. 19).

Fig. 7. Pots, type 1, variant 3: 1 — bur. Kislovodsk railway station, gr. 1 (after Рунич 1962: 17, рис. 14: 9—11); 2 — bur. Berezovskiy 5, gr. 2 (after : 5, рис. 3: 5; 4: 12); 3 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 25 (after Дударев 2004: рис. 19).

бороздками» (Козенкова 1989: табл. XXXVIII: 14; 1998: 92, табл. XXXI: 19).

Кружка. Сосуд имеет округло-биконическую форму, узкое горло с отогнутым венчиком и ручку. Рядами ногтевых насечек покрыто всё тулово до горла (рис. 13: 3). Найдена кружка в п. 20 мог. Белореченский 2 (Дударев 2004: 24, 39, рис. 15: В, 4).

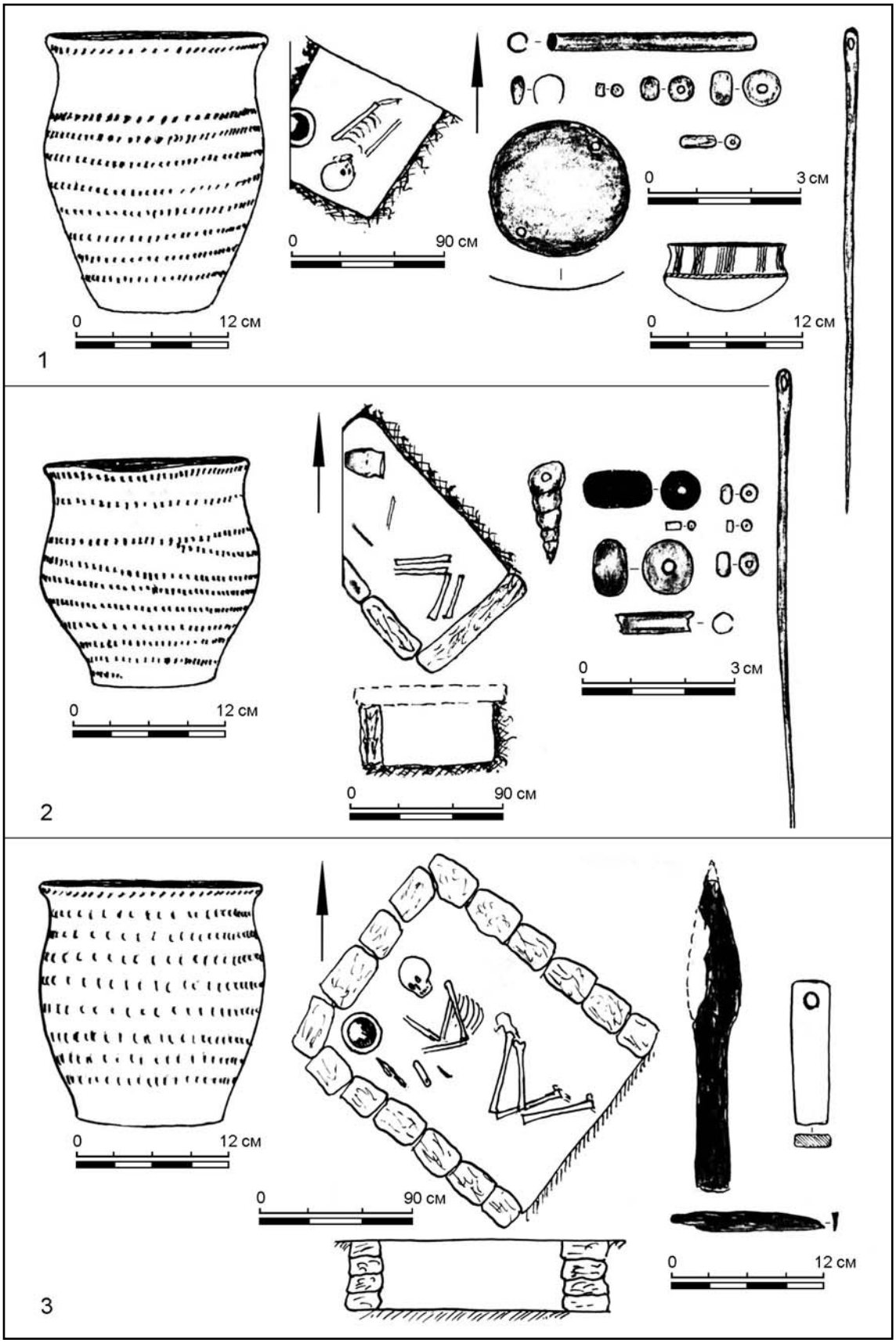

Рис. 8. Горшки, тип 1, вариант 3: могильник Кисловодской мебельной фабрики 1, 1 — п. 30; 2 — п. 32; 3 — п. 19 (по Рунич 1970: рис. 6: 1—6; 1971: рис. 7: 18—28).

Fig. 8. Pots, type 1, variant 3: burial ground Kislovodsk furniture factory 1, 1 — gr. 30; 2 — gr. 32; 3 — gr. 19 (after Рунич 1970: рис. 6: 1—6; 1971: рис. 7: 18—28).

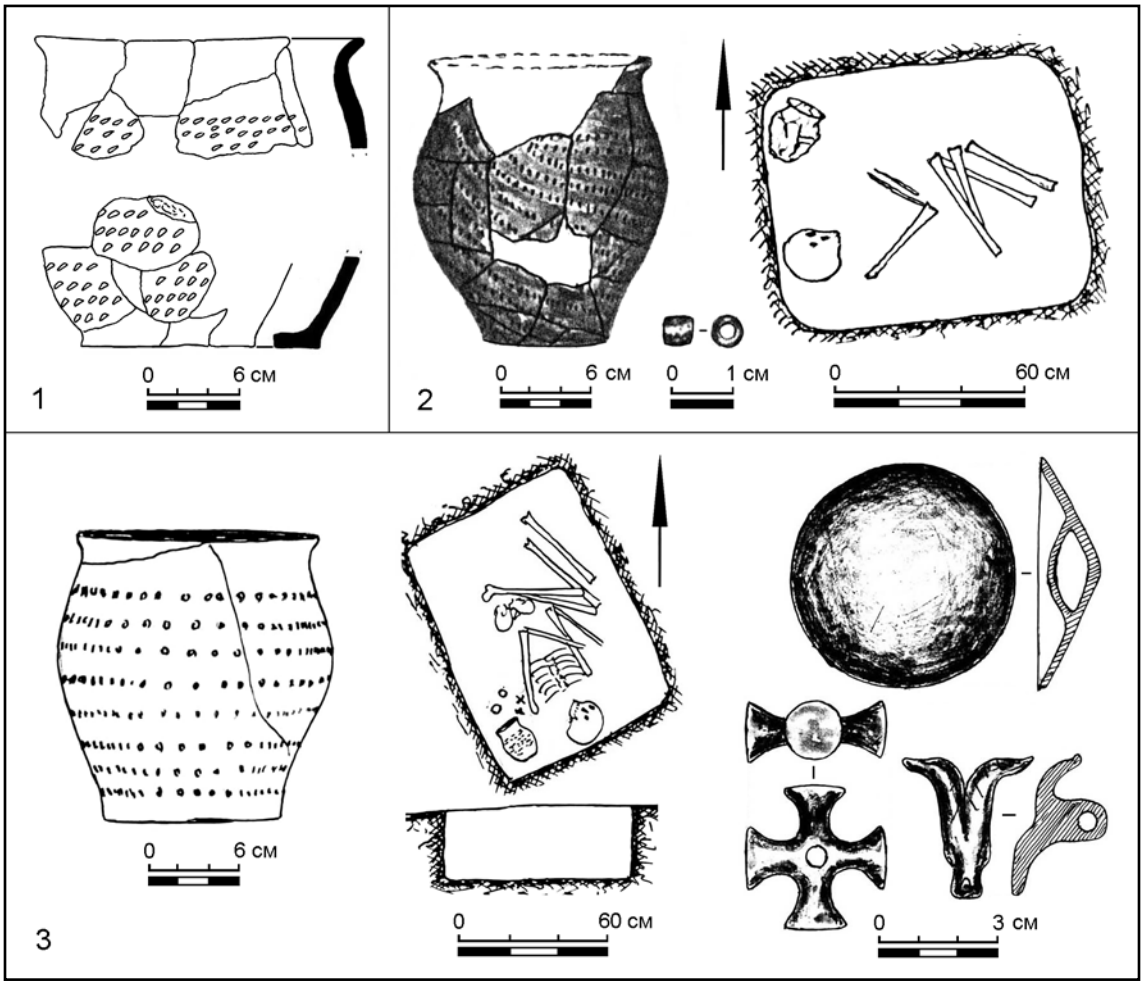

Рис. 9. Горшки, тип 1, вариант 3 (1) и вариант 4 (2, 3): 1 — поселение Кабардинка 2 (по Белинский и др. 2009: рис. 14: 8); 2 — мог. Эчкиваш, п. 7 (по Рунич 1966: рис. 25: 17—19); 3 — мог. Белореченский 2, п. 4 (по Рунич 1973: 5: 10—12).

Fig. 9. Pots, type 1, variant 3 (1) and variant 4 (2, 3): 1 — settlement Kabardinka 2 (after Белинский и др. 2009: рис. 14: 8); 2 — bur. Echkivash, gr. 7 (after Рунич 1966: рис. 25: 17—19); 3 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 4 (after Рунич 1973: 5: 10—12).

Находки вне ареала кобанской культуры. К этим редким находкам относятся два сходных по форме сосуда, чрезвычайно напоминающих кубки северопричерноморского облика и принципиально отличающихся от одноимённых форм кобанской культуры. Кубки эти несколько отличаются в размерах. Они имеют округлое тулово, слабо выделенное горло, венчик сильно отогнут наружу, край его округлой формы. Дно кубков плоское. Поверхность тулова до горла украшена рядами ногтевых вдавлений. Высота сосудов 10—15 см, максимальный диаметр тулова несколько больше высоты, а венчика — чуть больше максимального диаметра.

Один кубок был найден во впускном п. 1 к.14 группы Чограй IX на северо-востоке Ставропольского края (Андреева, Ульянова 1986: 122, 123, рис. 550; 551)[1]. Второй сосуд происходит из впускного же п. 8 кургана 1 у с. Глиное Слободзейского района Молдовы (Фидельский, Синика 2010: 164—170, рис. 1) (рис. 14: 1, 2). Помимо упомянутого выше сосуда из впускного погребения у сел. Садовый (рис. 3: 2), это пока единственные находки в курганах степной зоны.

По форме и параметрам рассматриваемые предметы очень близки к широко распространённому в Северном Причерноморье типу столовой керамики, характерному для предскифского периода, но на их поверхности присутствует абсолютно другой орнамент по виду и способу нанесения (Тереножкин

[1] Глубоко благодарен канд. ист. наук М.В. Андреевой за разрешение использовать неопубликованный материал.

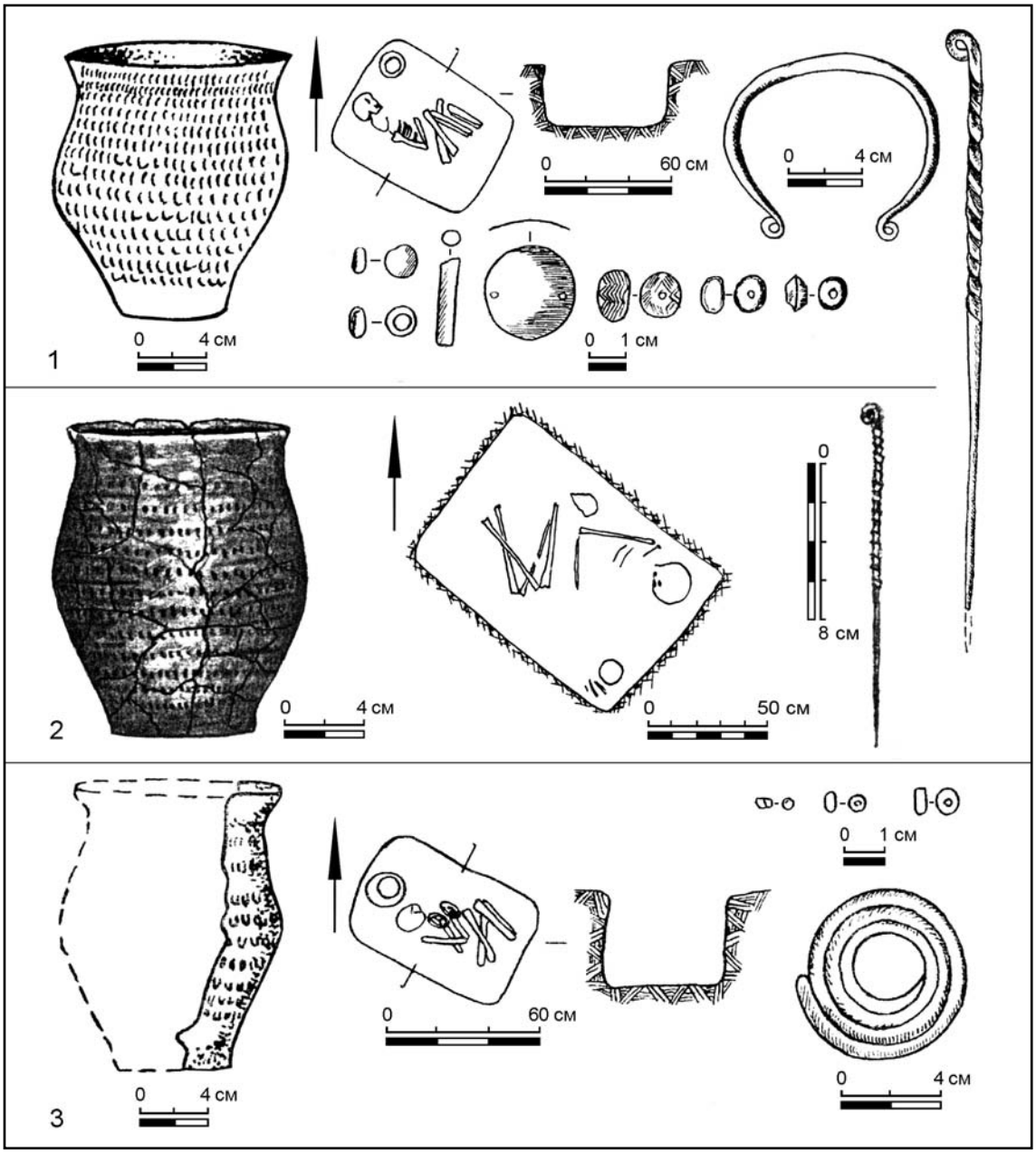

Рис. 10. Горшки, тип 1, вариант 4: 1, 3 — мог. Белореченский 2, п. 9, 10 (по Дударев 2004: рис. 4: А, 1—15; 5: А, 1—11); 2 — мог. Берёзовский 1, п. 12 (по Рунич 1963: рис. 2: 12).

Fig. 10. Pots, type 1, variant 4: 1, 3 — burial ground Belorechenskiy 2, gr. 9, 10 (after Дударев 2004: рис. 4: А, 1—15; 5: А, 1—11); 2 — bur. Berezovskiy 1, gr. 12 (after Рунич 1963: рис. 2: 12).

1976: 167—169; Махортых 2005: 72, 74, 107). Сочетание такой формы с типично кобанским орнаментом уникально и может свидетельствовать о достаточно дальних связях кобанцев с кочевниками.

Вопросы хронологии

Поскольку сами формы сосудов с рассматриваемым орнаментом различны, а комплексы с ними очень неравноценны по составу другого инвентаря, то несомненный интерес вызывают вопросы датирования этих комплексов.

Рассматриваемые элементы орнамента и орнаментальные ряды из них встречаются на северокавказской керамике с эпохи средней бронзы (Кореневский 1990: 42, 43, рис. 27: Б, 5—7; 29: 4; 30: 3; 31: 2; 32), они подобны, но не аналогичны. Сложнее обстоит дело с находками периода поздней бронзы, поскольку чётко они не выделены. Похожие орнамен-

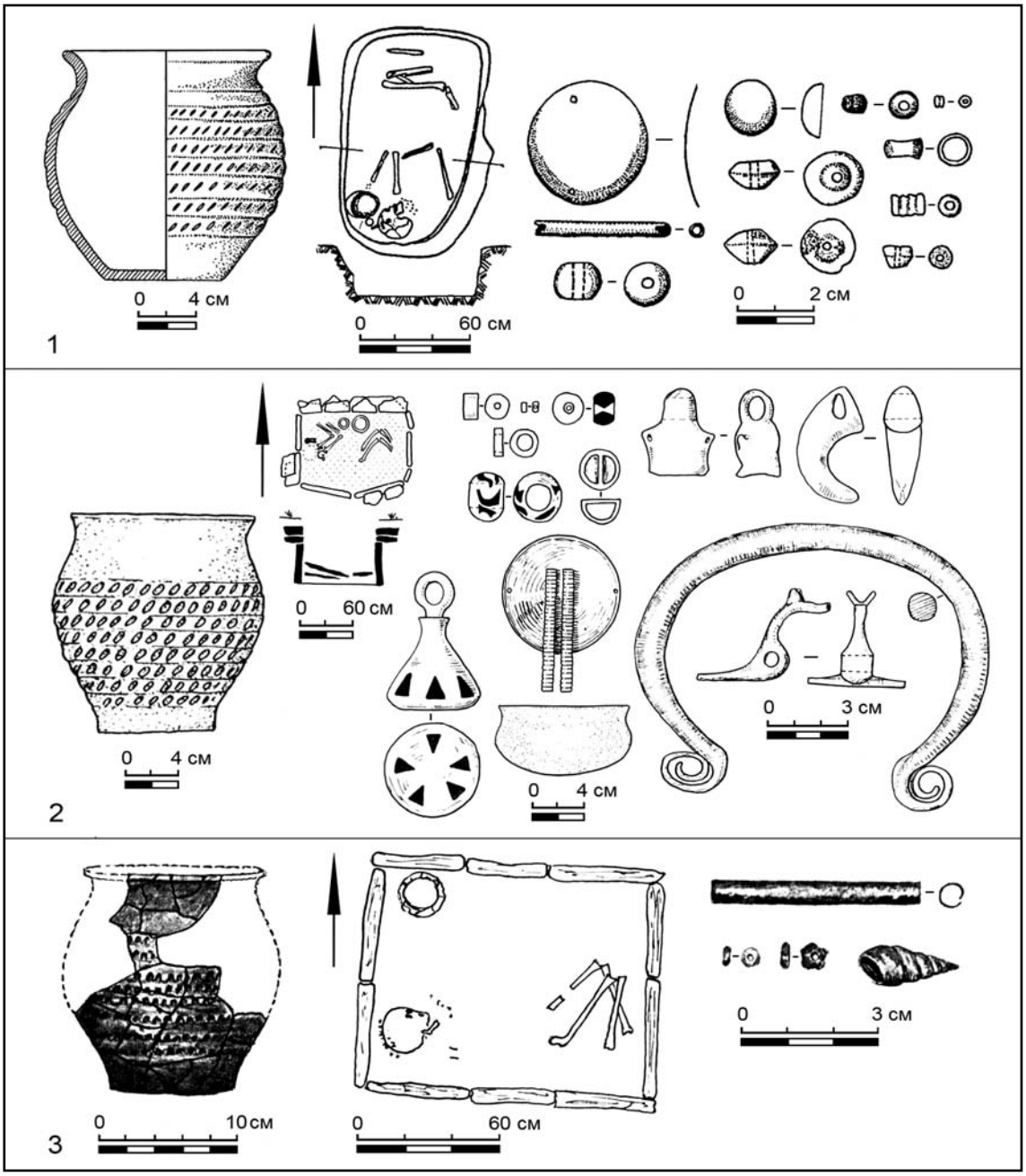

Рис. 11. Горшки, тип 1, вариант 4: 1 — мог. Белореченский 2, п. 34 (по Дударев 2004: рис. 28); 2 — мог. Индустрия 1, п. 7 (по Афанасьев, Козенкова 1981: рис. 5: 15); 3 — мог. Эчкиваш, п. 6 (по Рунич 1966: рис. 25: 11—16).

Fig. 11. Pots, type 1, variant 4: 1 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 34 (after Дударев 2004: рис. 28); 2 — bur. Industry 1, gr. 7 (after Афанасьев, Козенкова 1981: рис. 5: 15); 3 — bur. Echkivash, gr. 6 (on Рунич 1966: рис. 25: 11—16).

тальные ряды, которые сделаны «палочкой-штампом, нарезной насечкой или пальцевыми вмятинами» (Дударев 2004), ногтевыми «зарубками», «вдавлениями», из раскопок памятников начала раннего железного века представляются воплощением той же идеи-архетипа орнамента, но выраженным иначе и в иное время.

В работах 1980-х годов для сосудов с ногтевой орнаментацией предлагались даты в рамках конца II тыс. — 1-й пол. VIII в. до н.э. или «не позднее 1-й пол. VIII в. до н.э.», например, для погребения 7 мог. Индустрия 1 (Афанасьев, Козенкова 1981: 168, 174, рис. 5: 15). Фрагменты подобного сосуда из разрушенного погребения мог. Клин-Яр III (1983 г.) датировались «не позднее VIII в. до н.э.» или «в рамках IX—VIII в. до н.э., ближе к раннему периоду, нежели позднему» (Андреева, Козенкова 1986: 257, 258, рис. 1: 6), хотя форма его не реконструируется. Здесь на датировку влияла совместная находка с бронзовым

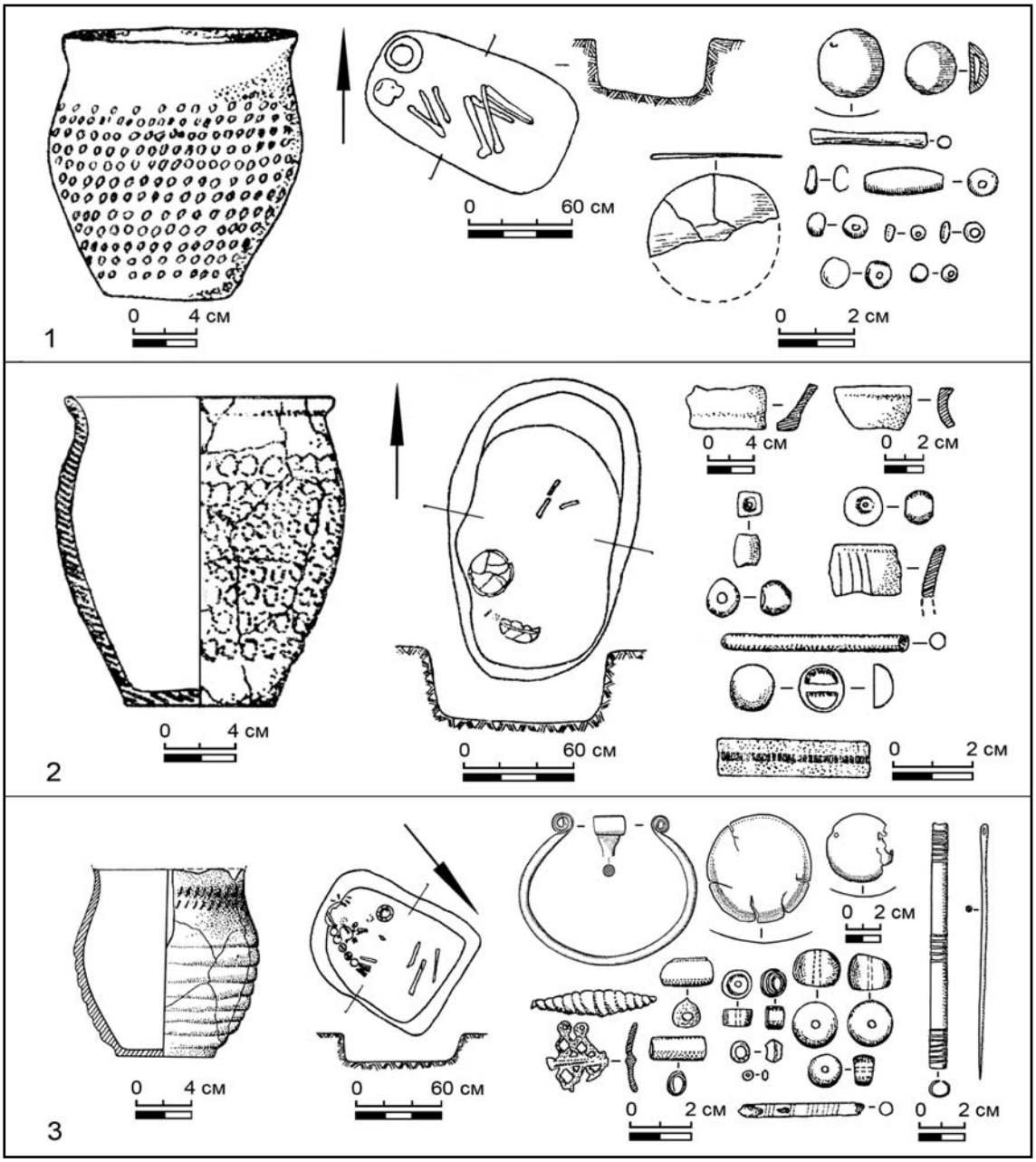

Рис. 12. Горшки, тип 1, вариант 4: могильник Белореченский 2, 1 — п. 6; 2 — п. 23; 3 — п. 26 (по Дударев 2004: рис. 3: А, 1—5; 5: В, 1—11; 20).

Fig. 12. Pots, type 1, variant 4: burial ground Belorechenskiy 2, 1 — gr. 6; 2 — gr. 23; 3 — gr. 26 (after Дударев 2004: рис. 3: А, 1—5; 5: В, 1—11; 20).

кинжалом. Рассматривая истоки происхождения сосудов с подобным орнаментом на тулове, В.И. Козенкова указывает на формы конца II тыс. до н.э., но приводит ссылки на слабо стратифицированные фрагменты сосудов, иногда и с абсолютно иными орнаментами (Козенкова 1989: 66; 1998: 90, 91, табл. XXX: 1—5).

Похоже, что определённым «прорывом» для датировок стал анализ и публикация материалов гробницы 2 мог. Терезе. В них действительно имеется уникальная находка: чаша-кубок с ногтевыми вдавлениями (Козенкова 1989: табл. XXXVIII: 14; 1998: 92, табл. XXXI: 19). Другие находки таких сосудов этого типа с подобным орнаментом пока не известны, и чаша из комплекса может претендовать на роль одной из самых ранних, но дата гробницы — «не позднее XI в. до н.э.» (Козенкова 1998: 92) — вызывает большие сомнения. Наличие в инвентаре костяных бляшек «жирноклеевской» серии, булавок с навершиями из пяти шишечек на отростках, длинного оселка, а также обломка рукояти биметалли-

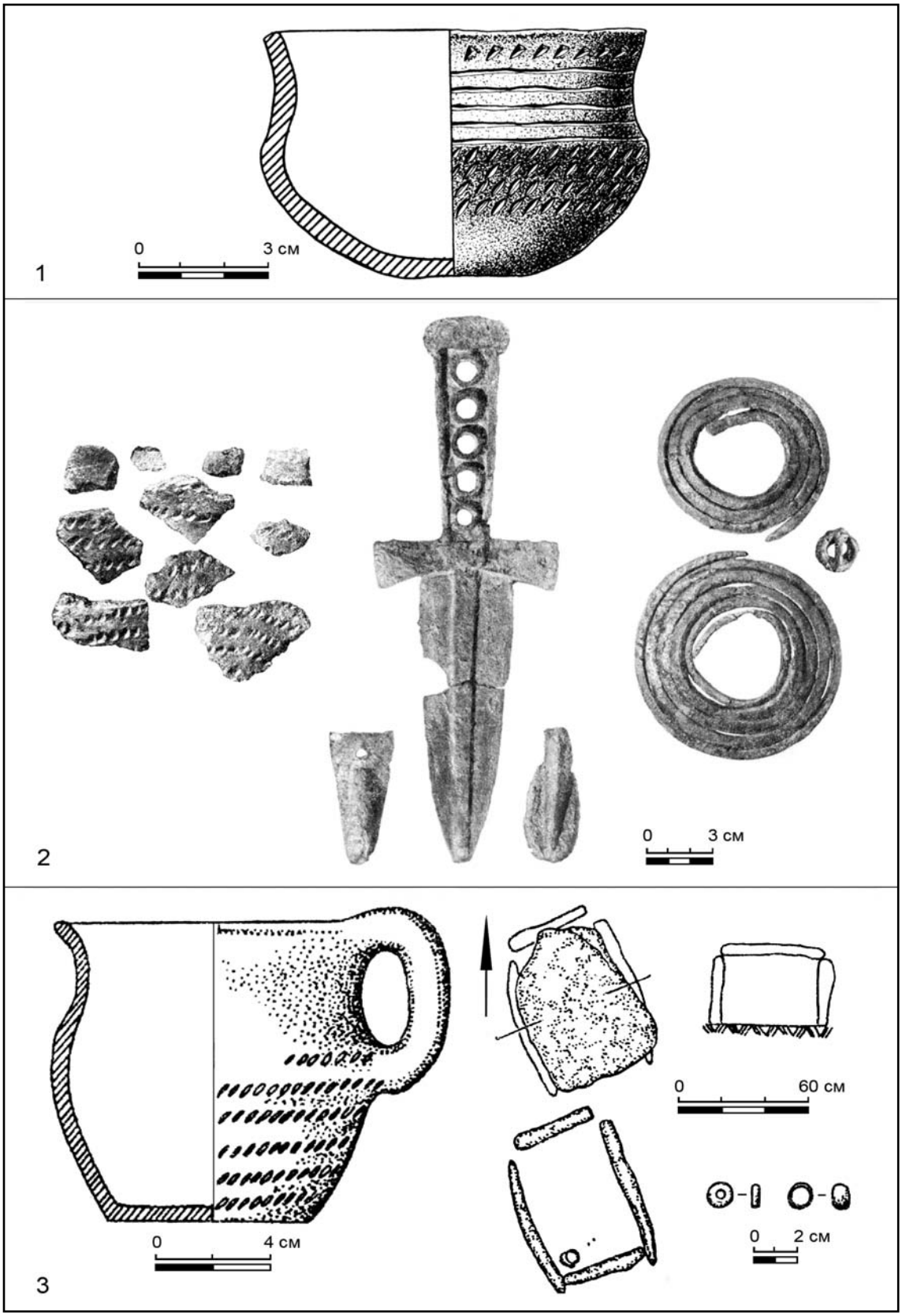

Рис. 13. Редкие формы сосудов: 1 — мог. Терезе, гробница 2 (по Козенкова 1998: 92, табл. XXXI: 19); 2 — мог. Клин-Яр III, разрушенное погр. 1983 г. (по Андреева, Козенкова 1986: рис. 1: 6); 3 — мог. Белореченский 2, п. 20 (по Дударев 2004: рис. 15: В, 4).

Fig. 13. Rare forms of vessels: 1 — bur. Tereze, tomb 2 (after Козенкова 1998: 92, табл. XXXI: 19); 2 — bur. Klin-Yar III, destroyed gr. 1983 (after Андреева, Козенкова 1986: рис. 1: 6); 3 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 20 (after Дударев 2004: рис. 15: В, 4).

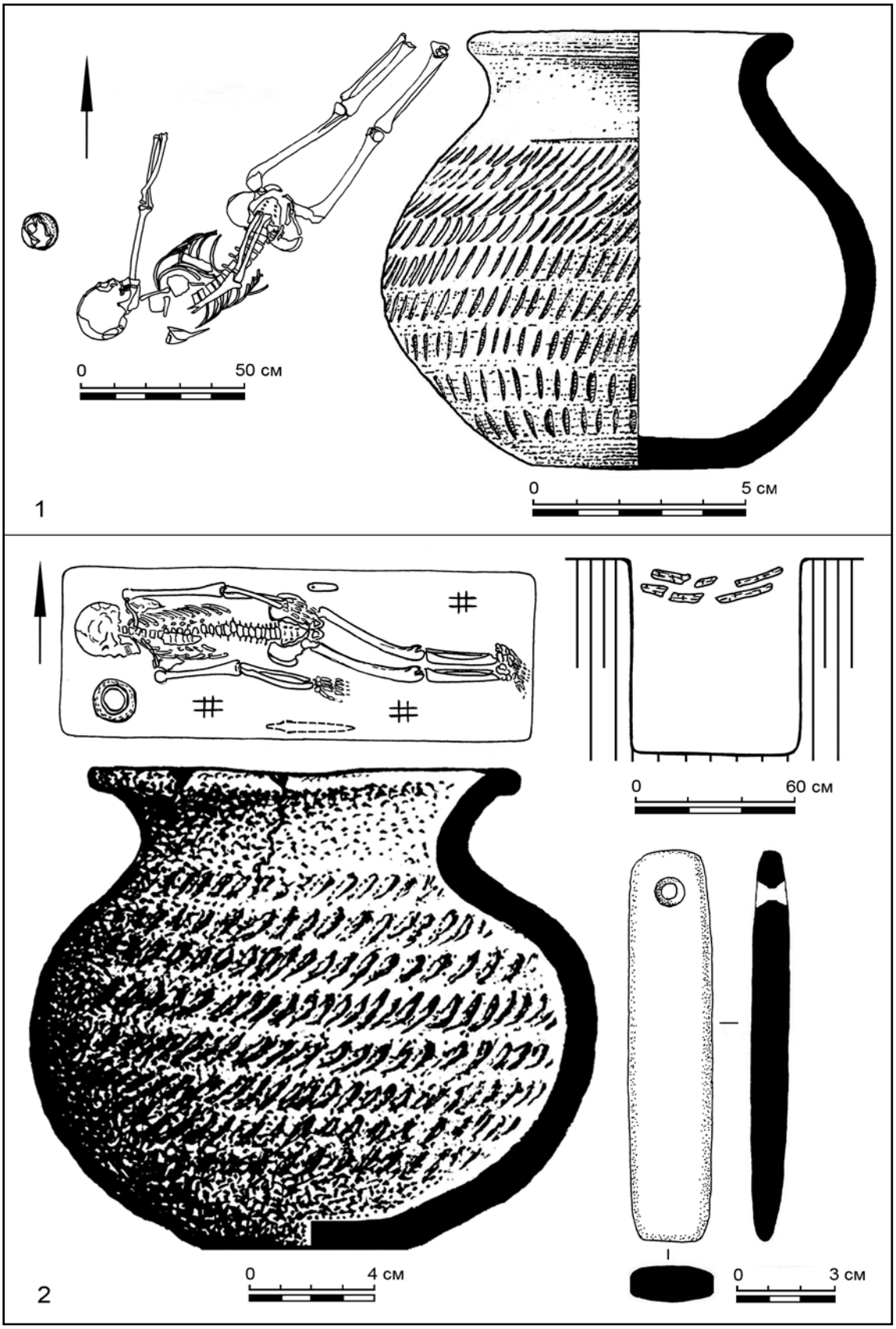

Рис. 14. Находки вне ареала кобанской культуры: 1 — мог. Чограй IX, к. 14, п. 1 (по Андреева, Ульянова 1986: 122, 123, рис. 550; 551); 2 — мог. Глиное, к. 1, п. 8 (по Фидельский, Синика 2010: рис. 1).

Fig. 14. Koban culture artefacts found outside its main area: 1 — bur. Chogray IX, barrow 14, gr. 1 (after Андреева, Ульянова 1986: 122, 123, рис. 550; 551); 2 — bur. Glinoe, barrow 1, gr. 8 (after Фидельский, Синика 2010: рис. 1).

ческого меча или кинжала (Козенкова 1989: табл. XXXVIII; 1995: табл. X: 12) не дают возможность выносить дату этих находок далеко за пределы конца IX — 1-й четв. VIII в. до н. э. (Вальчак и др. 1996: 23—44; Вальчак 2008: 6—25; Эрлих 2007: 159, 160), так как большинство из них характерны для кобанских и протомеотских памятников на протяжении всего VIII в. до н. э.

Не менее проблематичной является и ситуация с датировкой горшка из постройки 14 поселения Кабардинка 2 (вариант 3 или 4 предлагаемой типологии) (рис. 9: 1). Утверждая, что сосуды с подобным орнаментом «являются ведущей формой керамики IX в. до н. э. в окрестностях Кисловодска», авторы публикации тут же замечают, что его форма «для региона котловины не является типичной», ссылаясь на подборки В. И. Козенковой и ряд неопубликованных материалов (Белинский и др. 2009: 197, 198, рис. 14: 8). В то же время именно из подборки В. И. Козенковой следует, что распространение рассматриваемых вариантов орнамента и форм сосудов отмечено в бассейнах различных рек на территории западного варианта, и не только близ Кисловодска, и далеко не только для IX в. до н. э. (Козенкова 1989: 66, рис. 8; табл. III—VIII; XI; XIII—XVIII; XX; 1998: 90, 91, табл. XXXI) (рис. 8—12). Не менее странным представляется и следующий вывод: отмечая, что в помещении «ведущая форма IX в. до н. э. представлена только одним сосудом» (ничтожные 44 фрагмента из 25 000 с другими орнаментами), авторы поддерживают предположение С. Райнхольд о том, «что поселение прекратило своё существование уже в начале IX в. до н. э.» (Белинский и др. 2009: 198, рис. 12—14). Но если форма уникальна среди остального материала, то она должна быть или импортом, или наиболее ранней, или наиболее поздней из остальных представленных в комплексе. Первое и второе положения не подходят, т. к. тогда эта форма не была бы ведущей для всего IX века. Логично, если среди материалов из помещения она является одной из поздних. К тому же, углеродные даты для комплекса здесь совсем не идеальный аргумент, учитывая дискуссионный характер данного метода датирования.

Какие же датировки мы можем предложить для рассматриваемых в этой статье погребальных комплексов? Наиболее информативными являются предметы вооружения и конского снаряжения, но в рассматриваемых комплексах их крайне мало, так как большинство погребений с горшками — женские, что подметил и С. Л. Дударев (Дударев 2004: 37). Действительно, из 40 проанализированных ингумационных комплексов только 13, включая 3 степных погребения, имеют «мужской» инвентарь. В остальных, помимо сосудов с орнаментом, встречены бляхи, пронизи и подвески от головных уборов и так называемых «накосников», бусы из разных материалов, булавки, гривны, браслеты, серьги и иглы — типично «женский» инвентарь, который имеет очень широкий диапазон бытования.

Рассмотрим погребения с корчагообразными сосудами. Наиболее богатый инвентарь содержит п. 4 мог. Эчкиваш (рис. 1: 1). Уздечный комплект, биметаллический кинжал и навершие булавы уже рассматривались в специальных работах на фоне подобных изделий из других комплексов. Взаимовстречаемость этих находок позволила отнести комплекс к первому, предновочеркасскому этапу предскифского периода и датировать в рамках 1-й пол. — сер. VIII в. до н. э., но не ранее конца IX в. до н. э. (Вальчак 2008: 15, 16, 19; 2009: 71, 85, 89—93). Железные наконечники копий не могут служить основанием для точной датировки, поскольку появляются ещё на раннем этапе предскифского периода и сосуществуют с бронзовыми, количество которых заметно сокращается к 1-й пол. VII в. до н. э. (Вальчак 2003: 16, 17). К ранней группе, если признать комплекс достоверным, на основании бронзового кинжала можно отнести и разрушенное п. 1983 г. на мог. Клин-Яр III (рис. 13: 2). Мне представляется, что датировать его можно в рамках 1-й пол. VIII в. до н. э. (Вальчак 2005: 141—143; 150—152; 156, 157). Вполне вероятна и ранняя дата, в рамках 1-й пол. VIII в. до н. э., и для п. 1 мог. Лермонтовская скала 2 (Рунич 1970: 3, рис. 3), учитывая находку здесь необычного рогового наконечника копья и бронзового шила с костяной рукоятью (рис. 1: 2).

Ещё одним информативным комплексом является п. 17 мог. Берёзовский 1 (рис. 2: 2). Здесь сосуд тарно-хозяйственного назначения встречен с железным кинжалом «скифского» облика и трёхлопастным бронзовым наконечником стрелы. Комплекс этот, по всей вероятности, один из самых поздних и «запирает» время существования сосудов с рассматриваемым орнаментом в рамках 2-й пол. VII — 1-й пол. VI в. до н. э. (Козенкова 1998: 90). Найденные в нём предметы вооружения соответствуют инвентарю погребений из близлежащих могильников, но уже с совершенно иным набором керамических форм. В качестве примера можно упомянуть погребения 1—6 мог. Султангорский 2 (Рунич

1964: 3—6, рис. 2: 5), погребения у санатория «Туркменистан» в Кисловодске и в Учкекенском кургане (Рунич 1973: 7—9, рис. 16; 17).

Погребения с орнаментированными горшками не столь информативны и имеют широкую датировку. Публикуя материалы мог. Белореченский 2, С.Л. Дударев все погребения, в инвентаре которых были обнаружены сосуды с различными вариантами рассматриваемого орнамента (14 шт.), отнёс к ранней группе могильника, датируемой в рамках VIII — 1-й пол. VII в. до н.э., лишь одно из них (п. 38) было датировано VII — нач. VI в. до н.э. (Дударев 2004: 49—51). Аналогичным образом датирует исследователь подобную керамику из слоёв поселения Подкумский мост: VIII — 1-я пол. VII в. до н.э., где также найдены фрагменты и археологически целые формы с интересующим нас орнаментом, как и с другими, очень сходными с Кабардинкой 2 и целым рядом погребальных комплексов VIII—VII вв. до н.э. (Дударев 2007: 146—167).

Исходя из присутствия в инвентаре спиральных уплощённых браслетов, которые отсутствуют в комплексах позднего этапа предскифского периода, в рамках VIII в. до н.э. можно датировать погребения 1 мог. Берёзовский 6, п. 8 и 22 мог. Берёзовский 1, п. 10 мог. Белореченский 2 (рис. 4: 1; 5: 1, 3; 10: 3). Аналогично по наличию массивных бронзовых браслетов и костяного «пряслица» можно датировать и п. 13 мог. Берёзовский 1 (рис. 5: 2). В п. 22 мог. Берёзовский 1 была найдена и достаточно ранняя орнаментированная гривна (рис. 5: 1).

Гривны с раскованными и закрученными в трубочку концами, но неорнаментированные, дают возможность датировать комплексы каменного ящика 1 мог. Каменномостский, п. 1 мог. Берёзовский 6, п. 7 мог. Индустрия 1, п. 9, 26 и 31 мог. Белореченский 2 VIII — 1-й четв. VII в. до н.э. (рис. 3: 1; 4: 1, 2; 10: 1; 11: 2; 12: 3).

Можно согласиться с мнением С.Л. Дударева, предложившего датировать п. 20 мог. Белореческий 2 в пределах 1-й пол. VII в. до н.э. (Дударев 2004: 50): этот могильник содержал кружку — тип сосуда, который более характерен для скифского времени (рис. 13: 3). Остальные из рассматриваемых погребений могут быть датированы широко, в рамках VIII — 1-й пол. VII в. до н.э.

Для всех типов и вариантов сосудов можно заметить, что практически все они сосуществуют, хотя бы частично. Создаётся впечатление, что появление налепных волнистых валиков, неорнаментированных псевдо-валиков на тулове и горле, крупных пальцевых вдавлений более характерно для сосудов из поздних комплексов, а в ранних они единичны.

Отдельно стоит остановиться на датировке трёх степных погребений. Погребение у с. Садового, помимо орнаментированного сосуда, содержало каменный молот (рис. 3: 2). Сосуд, по мнению авторов публикации, характерен для западнокобанских форм, с чем можно полностью согласиться. Молоты же подобного типа имеют широкую датировку как в кобанских памятниках, так и в погребениях Северного Причерноморья. Таким образом, авторы датируют комплекс «не позднее середины VIII в. до н.э.» (Козенкова и др. 1997: 16, 17). Мне представляется, что и 2-ю пол. VIII в. до н.э. для этого комплекса исключать нельзя.

Дату погребений из Чограя IX и Глиного установить сложнее, так как точных аналогий подобным кубкам в кобанской культуре нет (рис. 14). В степных же памятниках подобные формы бытуют, по меньшей мере, на всём протяжении VIII и в начале VII в. до н.э., но керамика с подобным орнаментом отсутствует. Здесь важное значение имеет положение и ориентировка погребённых. Учитывая их западную ориентировку и вытянутое положение, которые в основном характерны для позднего, классического новочеркасского этапа, наиболее вероятной для этих погребений может быть дата в пределах последней четверти VIII — 1-й половины VII в. до н.э.

Безусловно, приведенные в этой статье соображения не окончательны. Рассмотренные погребения нуждаются в дальнейшем исследовании, с привлечением других комплексов и категорий инвентаря, с учётом планиграфии могильников. Несомненно то, что такая работа будет необходима для более глубокого изучения и установления хронологии погребальных и поселенческих комплексов.

Литература

Андреева М.В., Ульянова О.А. 1986. *Отчёт о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в Ставропольском крае в 1986 году.* Архив ИА РАН. Р-1, 1986. № 11910, 11910а.

Андреева М.В., Козенкова В.И. 1986. Комплекс начала I тысячелетия до н.э. из урочища Клин-Яр (Кисловодская котловина). *СА* (1), 253—258.

Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И. 1981. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. *СА* (2), 161—177.

Белинский А.Б., Коробов Д.С., Райнхольд С. 2009. Ландшафтная археология на Северном Кавказе: первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи позднего бронзового — раннего железного века. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа* IX, 177—220.

Вальчак С.Б. 2003. *Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Вальчак С.Б. 2005. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронология некоторых кинжалов и мечей предскифского периода. В: Гуляев В.И. (отв. ред.). *Древности Евразии: от поздней бронзы до раннего средневековья.* Москва: ИА РАН, 138—160.

Вальчак С.Б. 2008. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII—VII вв. до н.э.). *Военная археология* 1. Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Москва: Квадрига, 6—25.

Вальчак С.Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы.* Москва: Таус.

Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. 1996. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология. *ИАА* 2, 23—44.

Гриневич К.Э. 1951. Новые данные по археологии Кабарды. *МИА* 23, 125—139.

Дударев С.Л. 2004. Белореченский 2-й могильник — памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод. *МИАСК* 3, 16—100.

Дударев С.Л. 2007. Поселение Подкумский Мост в г. Кисловодске. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа* VII, 146—167.

Деген Б.Е. 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. *МИА* 3, 213—294.

Козенкова В.И. 1989. *Кобанская культура. Западный вариант.* САИ В2—5.

Козенкова В.И. 1995. *Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской кудьтуры (систематизация и хронология). Западный вариант.* САИ В2—5.

Козенкова В.И. 1996. *Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры).* Москва: ИА РАН.

Козенкова В.И. 1998. *Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант.* САИ В2—5.

Козенкова В.И. 2004. *Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII—VIII в. до н.э.* Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа V. Москва: Памятники исторической мысли.

Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л. 1997. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии). *МИАР* 1. *Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы*, 14—18.

Кореневский С.Н. 1990. *Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья.* Москва: ИА РАН.

Маслов В.Е. 1997. Керамика Центрального Предкавказья скифской эпохи VII—V вв. до н.э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва.

Махортых С.В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья.* Киев: Шлях.

Рунич А.П. 1959. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кавминвод.* Архив ИА РАН, Р-1, 1986. №2036.

Рунич А.П. 1962. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1962 год.* Архив ИА РАН, Р-1, №2454.

Рунич А.П. 1963. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1963 год.* Архив ИА РАН, Р-1, №2694.

Рунич А.П. 1964. *Отчёт о полевых исследованиях по району Кавминвод за 1964 год.* Архив ИА РАН, Р-1, №2869.

Рунич А.П. 1966. *Отчёт о археологических разведках в районе Кавминвод за 1966 год.* Архив ИА РАН, Р-1, №3251.

Рунич А.П. 1969. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1969 год.* Архив ИА РАН, Р-1, №5244.

Рунич А.П. 1970. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1970 год.* Архив ИА РАН, Р-1, №4179.

Рунич А.П. 1971. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971 год.* Архив ИА РАН, Р-1, №4633.

Рунич А.П. 1973. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1973 год.* Архив ИА РАН, Р-1, №5009.

Тереножкин А.И. 1976. *Киммерийцы.* Киев: Наукова думка.

Фидельский С., Синика В. 2010. Два новых степных киммерийских погребения (к вопросу о северокавказских влияниях на Юго-Восточную Европу в предскифское время). *RA* VI (1), 164—170.

Эрлих В.Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников.* Москва: Наука.

References

Andreeva, M. V., Ulyanova, O. A. 1986. *Otchet o rabote Arzgirskogo otriada Stavropol'skoi ekspeditsii v Stavropol'skom krae v 1986 godu (Report of the work of the Arzgirsk detachment of Stavropol expedition in the Stavropol region in 1986).* Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, 1986. № 11910, 11910a (in Russian).

Andreeva, M. V., Kozenkova, V. I. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 253—258 (in Russian).

Afanasyev, G. E., Kozenkova, V. I. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 161—177 (in Russian).

Belinsky, A. B., Korobov, D. S., Rainhold S. 2009. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo naslediia Severnogo Kavkaza (Research materials on the historical-cultural heritage of Northern Caucasus)* IX, 177—220 (in Russian).

Valchak, S. B. 2003. *Vooruzhenie vsadnikov i konskaia sbruia iuga Vostochnoi Evropy v predskifskii period (Armament of horsemen and horse garment of the South of Eastern Europe in the Pre-Scythian period).* PhD Thesis. Moscow(in Russian).

Valchak, S. B. 2005. In *Drevnosti Evrazii: ot pozdnei bronzy do rannego srednevekov'ia (Antiquities of Eurasia: from the Late*

Bronze to Early Medieval age). Moscow: IA RAN, 138—160 (in Russian).

Valchak, S. B. 2008. In *Voennaia arkheologiia (Military archaeology)* 1. Moscow: Kvadriga, 6—25 (in Russian).

Valchak, S. B. 2009. *Konskoe snariazhenie v pervoi treti I-go tys. do n. e. na iuge Vostochnoi Evropy (Horse garment in the first third of the 1st millennium BC in the South of Eastern Europe).* Moscow: Taus (in Russian).

Valchak, S. B., Mamontov, V. I., Sazonov, A. A. 1996. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical-archaeological almanac)* 2, 23—44 (in Russian).

Grinevich, K. E. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 23, 125—139 (in Russian).

Dudarev, S. L. 2004. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and researches on the archaeology of Northern Caucasus)* 3, 16—100 (in Russian).

Dudarev, S. L. 2007. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo naslediia Severnogo Kavkaza (Research materials on the historical-cultural heritage of Northern Caucasus)* VII, 146—167 (in Russian).

Degen, B. E. 1941. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 3, 213—294 (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1989. *Kobanskaia kul'tura. Zapadnyi variant (Koban culture. Western variant).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2—5 (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1995. *Oruzhie, voinskoe i konskoe snariazhenie plemen kobanskoi kud'tury (sistematizatsiia i khronologiia). Zapadnyi variant (Armament, warrior and horse garment of the tribes of Koban culture (systematization and chronology). Western variant).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2—5 (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1996. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhdeniia i razvitiia kobanskoi kul'tury) (Cultural-historical processes in Northern Caucasus in Late Bronze and Early Iron Age (Key problems of origin and development of the Koban culture)).* Moscow: IA RAN (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1998. *Material'naia osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyi variant (Material basis of the everyday life of Koban tribes. Western variant).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2—5 (in Russian).

Kozenkova, V. I. 2004. *Biritualizm v pogrebal'nom obriade drevnikh «kobantsev». Mogil'nik Tereze kontsa XII—VIII v. do n. e.* Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo naslediia Severnogo Kavkaza (Research materials on the historical-cultural heritage of Northern Caucasus) V. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli (in Russian).

Kozenkova, V. I., Sosranov, R. S., Cherdzhiev, E. L. 1997. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and researces on the archaeology of Russia)* 1. *Pamiatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy (Pre-Scythian and Scythian sites in the South of Eastern Europe),* 14—18 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 1990. *Pamiatniki naseleniia bronzovogo veka Tsentral'nogo Predkavkaz'ia (Sites of the Bronze Age population in the Central Forecaucasus).* Moscow: IA RAN (in Russian).

Maslov, V. E. 1997. *Keramika Tsentral'nogo Predkavkaz'ia skifskoi epokhi VII—V vv. do n. e. (Scythian-time pottery of the Central Forecaucasus in 7th—5th centuries BC).* PhD Thesis. Moscow(in Russian).

Makhortykh, S. V. 2005. *Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ia (The Cimmerians of North Pontic Area).* Kiev: Shliakh (in Russian).

Runich, A. P. 1959. *Otchet o polevykh issledovaniiakh v raione Kavminvod (Report on the field investigations on the Kavminvod region).* Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, 1986. № 2036 (in Russian).

Runich, A. P. 1962. *Otchet o polevykh issledovaniiakh v raione Kavminvod za 1962 god (Report on the field investigations on the Kavminvod region in 1962).* Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 2454 (in Russian).

Runich, A. P. 1963. *Otchet o polevykh issledovaniiakh v raione Kavminvod za 1963 god (Report on the field investigations on the Kavminvod region in 1963).* Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 2694 (in Russian).

Runich, A. P. 1964. *Otchet o polevykh issledovaniiakh po raionu Kavminvod za 1964 god (Report on the field investigations on the Kavminvod region in 1964).* Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 2869.

Runich, A. P. 1966. *Otchet o arkheologicheskikh razvedkakh v raione Kavminvod za 1966 god (Report on the archaeological investigations on the Kavminvod region in 1966).* Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 3251 (in Russian).

Runich, A. P. 1969. *Otchet o polevykh issledovaniiakh v raione Kislovodska za 1969 god (Report on the field investigations on the Kislovodsk region in 1969).* Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 5244 (in Russian).

Runich, A. P. 1970. *Otchet o polevykh issledovaniiakh v raione Kislovodska za 1970 god (Report on the field investigations on the Kislovodsk region in 1970).* Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 4179 (in Russian).

Runich, A. P. 1971. *Otchet o polevykh issledovaniiakh v raione Kavminvod za 1971 god (Report on the field investigations on the Kavminvod region in 1971).* Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 4633 (in Russian).

Runich, A. P. 1973. *Otchet o polevykh issledovaniiakh v raione Kavminvod za 1973 god (Report on the field investigations on the Kavminvod region in 1973).* Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 5009.

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy (Cimmerians).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Fidelskii, S., Sinika, V. 2010. In *Revista Arheologică* VI (1), 164—170 (in Russian).

Erlich, V. R. 2007. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zheleznogo veka. Protomeotskaia gruppa pamiatnikov (North-Western Caucasus in the beginning of the Iron Age. Proto-Meotae group of sites).* Moscow: Nauka (in Russian).

Статья поступила в номер 23 января 2014 г.

Sergey Valchak (Moscow, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences [1].

Sergey Valchak (Moscova, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de arheologie al Academiei de Ştiinţe a Rusiei.

Вальчак Сергей Борисович (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: valchaks@yandex.ru; valchak@newmail.ru

Address: [1] Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russia

И. В. Бруяко

Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом

Keywords: Carpathian-Pontic region, Early Iron Age, pintaderae, Vekerzug-Culture, Getae.

Cuvinte cheie: regiunea Carpato-Pontică, epoca fierului timpuriu, pintadere, cultura Vekerzug, geți

Ключевые слова: Карпато-Понтийский регион, ранний железный век, пинтадеры, культура Векерзуг, геты.

I. V. Bruyako

Pintaderae of Early Iron Age between Carpathian Basin and Pontic Region

In Early Iron Age, North-Western Pontic region turns into the area of such specific clay objects as pintaderae. This phenomenon spreads widely in Carpathian-Pontic region in 6th—4th c. BC. The main area of pintaderae was Vekerzug culture on Great Hungarian Plain. It is known that these objects were brought here by Siginnae from Northern Caucasus during their migration to the West. Some pintaderae were found in the area of Getian culture in 5th c. BC. The author offers a reconstruction of the process of distribution of pintaderae outside of their main area. Considering the chronology, topography and cultural identity of sites with these clay items to the East of the Carpathians, it could be established that pintaderae appear between the Dniester and Siret rivers as a result of the disintegration of the cultural phenomenon from Great Hungarian Plain known as Vekerzug culture. The dissolution of this Scythian enclave was recorded in 5th c. BC, so the late dates of pintaderae from Dniester-Carpathian region could indicate the direction of migration of the Vekerzug population. Despite the existence of various interpretations of this category of material culture (like tools for tattooing or body painting), their real purpose remains uncertain.

I. V. Bruyako

Pintaderele din epoca timpurie a fierului dintre Carpați și spațiul Pontic

În epoca fierului timpuriu, spațiul nord-vest pontic se include în arealul de circulare a unei categorii de obiecte specifice din lut — pintadere. Acest fenomen era larg răspândit în regiunea Carpato-Pontică în sec. VI—IV î. Hr. Teritoriul de bază de circulare a pintaderelor corespunde culturii Vekerzug de pe Marea Câmpie Ungară. Se consideră, că aceste obiecte au fost aduse aici de către populația din Caucazul de Nord (sigini) în timpul migrației acestora spre vest. Unele pintadere au fost descoperite în arealul populat de către geți în sec. V î. Hr. În prezentul articol este propusă reconstruirea mecanismului de răspândire a pintaderelor în afara arealului lor de bază. Luând în considerare cronologia, topografia și apartenența culturală a siturilor cu pintadere de la est de arcul Carpatic, apariția pintaderelor pe spațiile dintre Nistru și Siret reprezintă rezultatul dezintegrării mediului cultural compact din Alföld (cultura Vekerzug). Descompunerea acestui anclav scitic are loc exact în sec. V, iar datarea mai târzie a pieselor din cadrul grupului dintre Carpați și Nipru indică orientarea vectorului de migrare a populației culturii Vekerzug. Necătând la diversele propuneri de interpretare a acestei categorii de inventar arheologic (piese pentru tatuaj sau aplicarea picturii pe corp), funcția lor rămâne deocamdată incertă.

И. В. Бруяко

Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом

В раннем железном веке Северо-Западное Причерноморье попадает в ареал специфических глиняных предметов — пинтадер. Этот феномен был распространён в Карпато-Понтийском регионе в VI—IV вв. до н. э. Основным ареалом пинтадер была область культуры Векерзуг на Большой Венгерской низменности. Считается, что эти предметы были сюда принесены населением Северного Кавказа (сигинны) в ходе их миграции на запад. Некоторые пинтадеры были обнаружены в области проживания гетов в V в. до н. э. Предлагается реконструкция механизма проникновения пинтадер за пределы их основного ареала. Учитывая хронологию, топографию и культурную идентичность памятников с пинтадерами к востоку от Карпатской дуги получается, что появление пинтадер на землях между Днестром и Сиретом, это результат дезинтеграции компактного культурного пространства в Альфёльде (культура Векерзуг). Распад этого скифского анклава зафиксирован именно для V в. до н. э., поэтому поздние даты пинтадер днестровско-карпатской группы указывают на направление исхода населения культуры Векерзуг. Несмотря на различные интерпретации рассматриваемой категории предметов (как инструментов для татуирования или раскрашивания тела), их назначение пока остается неопределенным.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© И. В. Бруяко, 2014.

В раннем железном веке Северо-Западное Причерноморье попадает в ареал загадочных глиняных предметов, именуемых пинтадерами. Хронологически это явление было весьма мимолётным. Крайне невелика и численность находок. Однако этот эпизод кажется довольно важным, поскольку может дополнить картину исторического развития региона в соответствующий период некоторыми новыми штрихами, которые её детализируют, а возможно, и в какой-то степени исправляют. Две особенности определяют феноменальность данного эпизода: внезапность и оригинальность. Оригинальность видится в том, что в тот короткий период раннего железного века, когда пинтадеры отмечены в Северо-Западном Причерноморье, на соседних территориях их нет. А говоря о внезапности, я имею в виду то обстоятельство, что, за исключением эпохи энеолита, ни в предыдущие, ни в последующие периоды такие предметы в Северо-Западном Причерноморье неизвестны.

Район исследования ограничивается тремя реками — Днестром, Дунаем и Сиретом. Поэтому с географической точки зрения точнее будет говорить не о Северо-Западном Причерноморье, а о Днестровско-Карпатском (Сиретском) регионе. На сегодня здесь известны следующие находки (табл. 1).

В настоящей статье нас интересуют в первую очередь пять из шести находок. Они относятся к довольно ограниченному периоду времени и, вероятно, обязаны своим появлением каким-то достаточно динамичным, относительно скоротечным событиям. Правда, список этот небезупречен с точки зрения хронологии находок. По возможности следует уточнить ситуацию с тремя пинтадерами, дата которых сопровождается вопросительным знаком.

Ханска — поселение классической гетской культуры, и это стало ясно после первых раскопок памятника, которые провела Анна Ивановна Мелюкова. Она предложила датировать поселение IV—III вв. до н. э. (Мелюкова 1963: 68). Впоследствии агломерацию памятников в микрозоне Ханска на протяжении ряда лет изучал Иван Тимофеевич Никулицэ. На основании полученных новых материалов он, в целом, подтвердил дату, предложенную А. И. Мелюковой для гетского поселения (Никулицэ 1985: 113). В то же время, в первой публикации по Ханска упоминается о находках нескольких фрагментов амфор, которые Ираида Борисовна Зеест отнесла к продукции Хиоса и датировала V в. до н. э. (Мелюкова 1963: 66). Судя по силуэту, к V веку в том числе можно отнести и 1 наконечник стрелы из таблицы с иллюстрациями (Мелюкова 1963: 68—69, рис. 19: 2). В общем, можно согласиться с А. И. Мелюковой в том, что касается начала функционирования поселения Ханска ещё в V в. Соответственно, к этому же времени может относиться и пинтадера (рис. 1: 2), хотя она найдена в жилище 1, которое, вероятно, датируется уже основным горизонтом обитания на поселении, т. е. IV в. до н. э.

Другой не вполне ясный контекст зафиксирован на городище Стынчешть на севере румынской Молдовы. Ещё совсем недавно этот памятник был плохо известен, и его окружал ореол таинственности. Предполагалось, и не без оснований, что городище Стынчешть может стать одним из ключевых источников по вопросу генезиса гетской культуры. Оставаясь загадочным явлением, городище многие годы пробуждало у исследователей диаметрально противоположные ожидания. У одних нечто, таившееся внутри этой формы, порождало необычайный оптимизм. У других, наоборот, — подавляло уверенность и заставляло быть крайне осторожными в выборе выражений, когда речь заходила о раннегетской культуре. И вот, в 2005 г. материалы городища были опубликованы авторами раскопок Адрианом и Мариленой Флореску (Florescu, Florescu 2005). По разным причинам я не считаю себя вправе подробно комментировать это

Таблица 1.

Находки пинтадер в Карпато-Днестровском регионе

№ п/п	Памятник/ культурная принадлежность	Хронологический контекст находки	Источник информации
1	Никоний/древнегреческий город	первая пол. V в.	Бруяко 1993а
2	Новая Некрасовка II/ поселение гетов	вторая — третья четв. V в.	Бруяко 2005
3	Ханска/поселение гетов	V (?) — IV вв.	Мелюкова 1963
4	Стынчешть/городище гетов	IV в. (?)	Florescu, Florescu 2005
5	Пояна/поселение гетов	IV в. (?)	Vulpe 1952
6	Картал/слой культуры Басарабь	VIII—VII вв.	Раскопки Нижнедунайской АЭ в 1999 г.

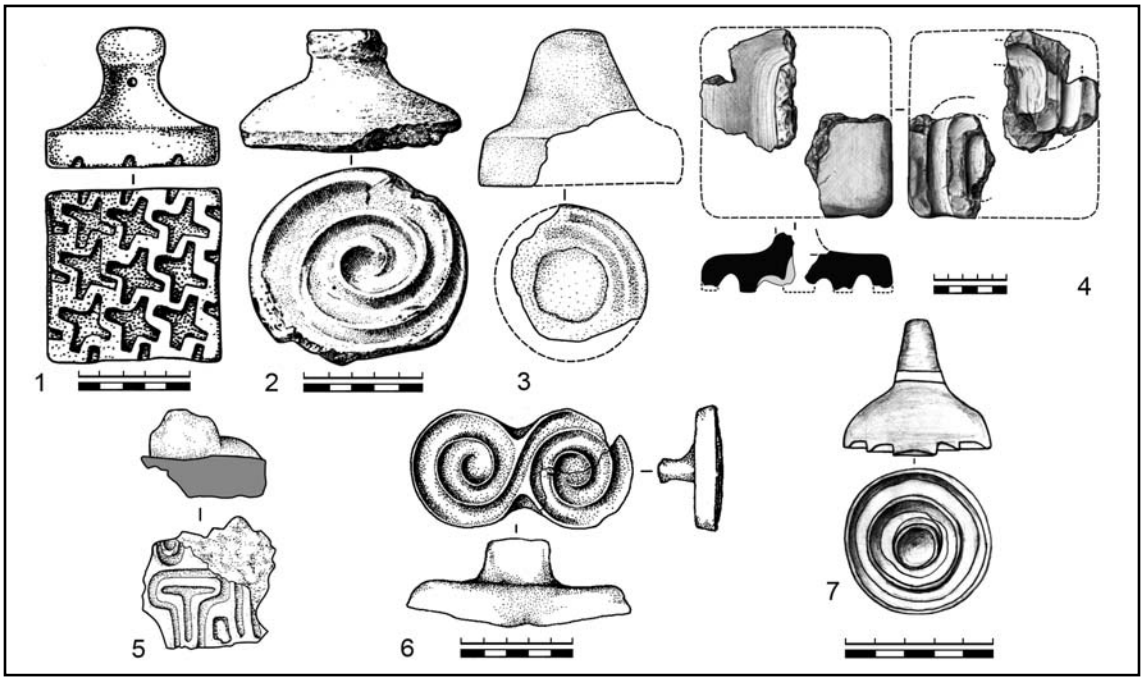

Рис. 1. Находки пинтадер из Карпато-Понтийского региона. 1 — Никоний; 2 — Ханска; 3, 5 — Стынчешть; 4 — Новая Некрасовка; 6 — Бернадя; 7 — Картал (1, 7 — материалы автора; 2 — по Мелюкова 1963: 69, рис. 19: 7; 3, 5 — по Florescu, Florescu 2005: fig. 64: 6, 8a, 8b; 4 — по Бруяко 2005: 296, рис. 14: 6; 6 — Ursuțiu 1999—2000: 90, pl. I: 1).

Fig. 1. Finds of Pintaderae from the Carpathian-Pontic area. 1 — Nikonion; 2 — Hansca; 3, 5 — Stânceşti; 4 — Novaya Nekrasovka; 6 — Bernadea; 7 — Kartal (1, 7 — materials of the author; 2 — after Мелюкова 1963: 69, рис. 19: 7; 3, 5 — after Florescu, Florescu 2005: fig. 64: 6, 8a, 8b; 4 — after Бруяко 2005: 296, рис. 14: 6; 6 — Ursuțiu 1999—2000: 90, pl. I: 1).

издание. Отмечу лишь, что в характеристике памятника, отдельных горизонтов, комплексов и находок много непонятного, а иногда и противоречивого[1]. Контекст находки пинтадер (а их, вопреки мнению авторов, не одна, а две)[2] неясен. Несмотря на то, что жилище, в котором были найдены пинтадеры (рис. 1: 3, 5), датировано IV в. до н. э., из его описания не видно, на чём основана эта датировка (Florescu, Florescu 2005: 38—39). Между тем, городище существовало довольно долго: оно датируется серединой VI — III вв. до н. э., что отнюдь не исключает датировку пинтадер любым из отрезков этого диапазона, в т. ч. и V в.

Поселение Пояна — многослойный фракийский памятник, где пинтадера отнесена ко «второй эпохе железа», как это следует из подписи под соответствующей таблицей с иллюстрациями (Vulpe 1952: fig. 14: 1). Вторая эпоха железного века, по представлениям румынских археологов, — это синоним латена. То есть, она включает в себя в том числе и период существования классической гетской культуры IV в. до н. э. Уточнить контекст находки из Пояна по статье Раду Вулпе 1952 г. вряд ли возможно. Более поздние публикации этой вещи мне неизвестны, и пока что она хронологически, как будто бы, несколько обособлена от остальной группы находок. Морфологически пинтадера из Пояна чрезвычайно похожа на пинтадеру из Ханска[3]. Эти два поселения расположены довольно близко друг от друга, и, таким образом, Пояна также входит в общую группу пунктов находок пинтадер на землях между Днестром и Карпатами (Сиретом).

Итак, датировка 5 штампов демонстрирует достаточно узкий диапазон — в пределах столетия. При этом 2 из 5 датируются ещё более точно — первой половиной V в. до н. э. Несмотря на указанные в публикациях

[1] Без дружеской помощи молдавских коллег — Сергея Агульникова, Сергея Бодяна и Сергея Поповича, с их совершенным знанием языка соседней страны, многие контексты из этой монографии остались бы мной совершенно непонятыми. Однако, иногда даже их усилия оказывались тщетными.

[2] Пинтадерой авторы считают лишь один экземпляр (рис. 1: 5), тогда как другой (рис. 1: 3), по их мнению, является лощилом из обожжённой глины (Florescu, Florescu 2005: fig. 64: 6, 8a, 8b).

[3] Сходство между ними в самом деле очень велико, на что обратила внимание А. И. Мелюкова (1963: 67).

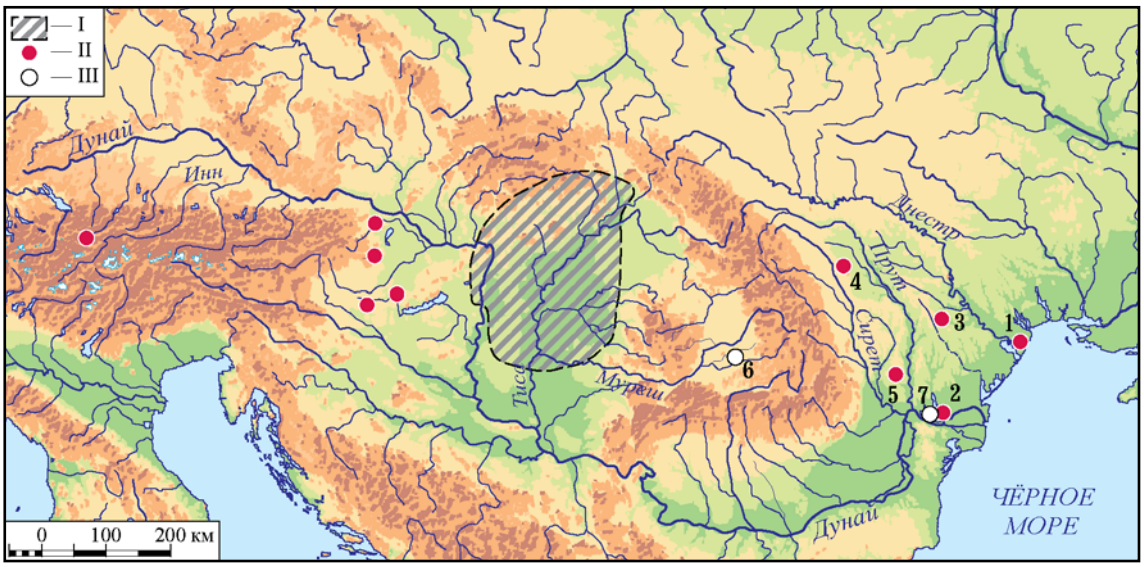

Рис. 2. Картографирование находок: I — основной ареал пинтадер раннего железного века (Алфёльд); II — местонахождения VI—IV вв. до н. э. (1 — Никоний; 2 — Новая Некрасовка; 3 — Ханска; 4 — Стынчешть; 5 — Пояна); III — местонахождения VIII—VII вв. до н. э. (6 — Бернадя; 7 — Картал).

Fig. 2. Mapping of finds: I — main area of Pintaderae of Early Iron Age (Alföld); II — sites of 6th—4th cent. BC (1 — Nikonion; 2 — Novaya Nekrasovka; 3 — Hansca; 4 — Stânceşti; 5 — Poiana); III — sites of 8th—7th cent. BC (6 — Bernadea; 7 — Kartal).

датировки, оставшиеся 3 штампа также вполне могут относиться к этому же столетию, учитывая широкие хронологические рамки соответствующих памятников и их принадлежность одному и тому же населению — гетам.

Если мы попробуем отыскать интересующие нас предметы для V—IV вв. на соседних территориях, то эти поиски окажутся безрезультатными. В степях Северного Причерноморья пинтадеры неизвестны, так же, впрочем, как нет их и в Приднепровской лесостепи, Добрудже и Валахии. Ближайшими регионами, где такие находки есть, причём в очень большом количестве, являются Венгрия (Алфёльд) и Кавказ. При очевидной синхронности находок пинтадер из этих двух ареалов в рамках эпохи раннего железного века, хронологический приоритет кавказского региона всё же несомненен. Здесь пинтадеры известны фактически уже в позднем бронзовом или в самом начале раннего железного века, то есть, имеют более долгую историю, и кроме того, несравненно более обширный ареал, куда входят культурные области как Северного Кавказа, так и Закавказья. Это обстоятельство некоторым образом облегчает нашу задачу, поскольку позволяет детали кавказского сюжета оставить за рамками исследования и сосредоточиться на карпатском направлении.

Проблема изучения пинтадер в Карпатском бассейне не оставалась без внимания исследователей и имеет вполне достойную историографию. Причём это справедливо и для раннего железного века, и для преистерической эпохи (нео-энеолит). Последняя по времени обстоятельная работа, посвящённая пинтадерам раннего железного века, принадлежит венгерской исследовательнице Юлии Кишфалуди. Автор, фактически, собрала воедино и систематизировала весь корпус находок глиняных штампов на территории Венгрии по состоянию на середину 90-х гг. прошлого века[4]. Всего здесь зафиксировано 137 экз. Из них 42 найдены в ареале т. н. скифских памятников (Kisfaludi 1997: 76). Вся коллекция делится на 2 группы:

1) большие (5—10 см) четырехугольные или удлинённые, с массивной ручкой округлого контура; в ручке никогда нет отверстий; орнамент как негативный, так и позитивный;

2) маленькие (1—4 см) круглые, квадратные, треугольные или ромбические; контур ручки конический; ручка очень часто имеет отверстие; есть несколько веретенообразных (биноклевидных?) экземпляров с двумя рабочими поверхностями; орнамент только позитивный.

[4] В 2010 г. вышла еще одна работа, где география пинтадер раннего железного века расширена за счёт областей, лежащих западнее основного ареала в Альфёльде: Задунавье (Кишальфёльд, Дунантуль), Бавария, Моравия. В двух последних регионах эти находки единичны. Статья снабжена весьма информативным каталогом находок пинтадер (Schwellnus 2010).

Если на Кавказе феномен пинтадер имеет более или менее длительную традицию, которая существует в течение позднего бронзового и раннего железного веков, то в Алфёльде этот сюжет — откровенная вставка в местный этнокультурный контекст. При этом его скоротечность и необычайная популярность свидетельствуют о том, что он извлечён из чужеродного, инокультурного содержания и механическим образом, массово внедрён в культурную среду Восточной Венгрии. Появление пинтадер в этом регионе исследователи единодушно связывают с культурой Векерзуг (далее — КВ), формирование которой мыслится ими как результат прихода на Венгерскую равнину восточного населения. В предельно общем смысле это население представляется скифским, в более конкретном это могли быть сигинны — народ кавказского происхождения, который к этому времени приобрел практически все маркеры раннескифской материальной культуры[5]. Не осталось в стороне от участия в культурогенезе группы Векерзуг и какое-то местное население (Chochorowski 1987: 197 ff.; 1993: 245 ff.; 1998: 486; Бруяко 2005а: 291—292).

Хронология КВ на протяжении последних 25—30 лет постоянно уточнялась и в настоящее время она охватывает целиком VI в., а также, по представлениям разных исследователей, занимает какую-то часть предыдущего и последующего столетий (Chochorowski 1998: 480; Бруяко 2005а: 277; Kemenczei 2009: 112—113).

В последнее время появились данные о находках пинтадер в более древних пластах раннего железного века. Имеются в виду 2 находки, сделанные в ареале культуры Басарабь. Это поселение Бернадя (уезд Муреш, Трансильвания) и городище Картал на Нижнем Дунае. В Трансильвании штамп был найден в слое поздней Басарабь (рис. 1: 6), который, по мнению автора публикации находки, датируется VII — нач. VI вв. (Ursuţiu 2000)[6]. Но это означает, что датировка контекста настолько поздняя, что полностью соответствует ранней фазе КВ в Алфёльде. Эта находка весьма примечательная ещё и потому, что ранее пинтадеры в Трансильвании не были известны. В Картале пинтадера (рис. 1: 7) была найдена в яме с выразительной керамикой эпохи среднего гальштата, в том числе орнаментированной в стиле, характерном для культуры Басарабь VIII в. до н. э.[7] Резюмируя данный сюжет, можно отметить, что находки в Бернадя и Картале в слоях Басарабь остаются уникальными каждая для своего культурно-географического ареала, но дальнейшие выводы на сей счёт делать пока довольно трудно[8].

Говоря о пинтадерах, невозможно обойти молчанием вопрос их функционального назначения, хотя споры по этому поводу до сих пор не привели к сколько-нибудь правдоподобному и убедительному решению. Ю. Кишфалуди сразу отвергает использование таких штампов в качестве орнаментира керамики. Вместе с тем, она полагает, что экземпляры первой группы могли быть инструментами для росписи тканей[9]. Но, вероятнее всего, большинство штампов использовалось всё-таки для раскраски тел (Kisfaludi 1997: 78—79). Полностью согласен с подобной бифункциональностью пинтадер и Тибор Кеменцеи (Kemenczei 2009: 94). Заметим, что трактовка венгерских исследователей не является новой, ибо ещё полвека назад Евгений Игнатьевич Крупнов полагал, что пинтадеры Кавказа могли применяться как при орнаментации тканей, так и при раскраске человеческого тела (Krupnov 1962: 204). В более позд-

[5] Свои собственные также не были утрачены, о чём говорит, в частности, быстрая и непосредственная трансляция пинтадер из Кавказского региона в Карпатский.

[6] Иногда пинтадеры путают со штампами — керамическими орнаментирами. Так, расхожим стало мнение о находке пинтадеры на городище Рудь в слоях среднего гальштата (Ursuţiu 1999—2000: 282; Kemenczei 2009: 94). На самом деле, если пользоваться не пересказами публикации М. А. Романовской, а непосредственно её текстом, то станет совершенно ясно, что речь идёт об орнаментире с негативом зубчатого штампа (Романовская 1980). Такие находки образуют отдельную достаточно обширную группу, которая опубликована в виде свода румынскими исследователями (Ailincăi et al. 2004—2005).

[7] На городище Картал имеется весьма мощный слой эпохи раннего энеолита (группа Болград-Алдень). Учитывая уникальность этой находки для эпохи среднего гальштата, нужно считаться и с тем, что пинтадера могла принадлежать энеолитическому слою и оказаться в комплексе раннего железного века случайно. Хотя, считается, что одним из отличий группы Болград-Алдень от нуклеарного ареала культуры Гумельница является как раз отсутствие в слоях этих поселений пинтадер (Субботин 2013: 112). Тем самым, если поселение в Картале принадлежит болградской локальной группе, то находка пинтадеры либо является для нее уникальной, либо, все-таки, относится к слою раннего железного века.

[8] К этому можно добавить, что пинтадеры из Баварии, судя по всему, довольно ранние. Они датируются временем Урненфельд (Schwellnus 2010: 210, cat.).

[9] При определённых технологических манипуляциях с различным сырьём (воск, смола) орнамент на тканях, нанесённый штампом, может быть довольно устойчивым (Schwellnus 2010: 219).

ней своей работе он предложил критерий для деления пинтадер на две группы, в соответствии с областью их применения. Так, пинтадеры с глубоким орнаментом, по мнению Е.И. Крупнова, использовались для татуировки, а с менее рельефным — для декорирования культовых хлебцев (Крупнов 1969: 108—110). Функции керамического орнаментира, как, например, на Дальнем Востоке в Приамурье, для европейского региона дружно отвергались и, надо сказать, вполне справедливо по причине отсутствия подобного орнамента на керамике. Поэтому предполагалось, что пинтадеры использовались в качестве средства для нанесения орнамента на ткани, но главным образом, всё-таки, на человеческие тела. То есть, речь идёт о поверхностной татуировке, или, точнее, — раскраске. Уверенности в этом добавляют свидетельства античных авторов — Геродота, Ксенофонта, Аммиана Марцеллина. В то же время, изучение аналогичных находок преисторической эпохи, избавленной, как известно, от опеки нарративными источниками, позволило обратить внимание на иные возможные функциональные характеристики этих предметов. Первая предполагает наличие оттисков всё-таки на неорганическом материале — глине. Вторая — оттиски на хлебе, и тогда пинтадеры оправдывают своё название в немецком варианте — «Brotstempeln». В первом случае пинтадеры выполняли роль керамических орнаментиров и это, в целом, удостоверено этнографическими и археологическими данными. Публикуя материалы из Норшун-тепе, Клаус Шмидт собрал сведения, подтверждающие использование пинтадер в этом качестве в Анатолии в эпоху неолита-бронзы. Негативы штампов отпечатались на глиняных ларцах (реликвариях), ваннах, больших сосудах и просто кусках глины (Schmidt 2002: 105). В то же время, основной функцией штампов К. Шмидт считает вторую из названных выше, т.е. орнаментацию хлебной продукции (теста). Подобные действия носили обрядовый характер, сопровождая определённые ритуалы. Поскольку подтвердить эту мысль археологическими источниками пока невозможно, К. Шмидт апеллирует к этнографическим наблюдениям. Между тем, для раннего железного века Алфёльда Ю. Кишфалуди отмечает несколько случаев, когда в погребениях с пинтадерами были зафиксированы остатки минеральных красителей (реальгар, охра, известь). А на четырёх штампах их следы отмечены прямо на рабочей поверхности (Kisfaludi 1997: 78). Примечательно, что следы краски зафиксированы и на отдельных штампах энеолитического времени (см. Makkay 1984: 91). Однако К. Шмидт полагает, что здесь имеет место лишь разновидность уже упомянутого хлебного ритуала, и эта вариация предполагает раскраску рельефно украшенного теста (Schmidt 2002: 107).

Использование пинтадер в качестве «Brotstempeln» представлялось наиболее вероятным и И.Г. Нариманову, который опубликовал серию штампов из Сары-тепе (Западный Азербайджан). Тем самым, он не разделял мнение своих азербайджанских коллег, которые считали пинтадеры печатями — знаками собственности (ДГКСА 1985: 47, 131, табл. XVII: 14, 15). И.Г. Нариманов, скорее всего, прав. В противном случае явно просматриваются параллели соответствующим институтам древневосточных монархий, которые вряд ли уместны для периферийных обществ Закавказья.

Обращаясь к иным, ещё более удалённым от нас районам древнего мира, можно найти свидетельства использования фигурных глиняных штампов в качестве орнаментиров керамической (терракотовой) продукции — ларцов-«реликвариев». Большая коллекция печатей из Алтын-депе представляет собой устойчивую, характерную традицию материальной культуры ранних цивилизаций Древнего Востока. По сырьевому воплощению все печати из Алтына делятся на три группы, при том, что глиняные (терракотовые) штампы образуют наименьшую из них по численности, уступая металлическим и каменным. Вадим Михайлович Массон заметил, что, несмотря на большое число печатей, их оттиски редки и представлены лишь на кусках обожжённой глины (Массон 1981: 88).

На неолитических памятниках Приамурья известны глиняные шарообразные штампы, которые использовались для нанесения криволинейного орнамента на сосуды (Молодин 1990: 77). Впрочем, эти предметы типологически отличаются от штампов-пинтадер. Зато ещё дальше на восток, в Японии, на поселениях культуры Дзёмон (о. Хоккайдо) найдены глиняные штампы до мельчайших деталей сходные с европейскими образцами эпохи нео-энеолита (Молодин 1990: 77—79, рис. 2; 3).

Подводя итог обсуждению практической области применения пинтадер, следует признать, что у нас нет для этого надёжных и недвусмысленных данных. По-видимому, не остаётся ничего иного, как констатировать, что проблема функциональной принадлежности пинтадер убедительного реше-

ния по-прежнему не имеет[10]. Причём, как для эпохи палеометалла, так и для раннего железного века. А потому мы вернёмся к более привлекательному сюжету, который позволяет использовать эти предметы в историко-археологических построениях применительно к Карпато-Понтийским землям в VI—V вв. до н. э.

Из краткого обзора, приведённого выше, намечается вывод, согласно которому феномен пинтадер — явно паневразийского свойства, имеет очевидный полицентрический характер и проявляется ритмически, на определённых стадиях развития ранних земледельческих обществ, в их традиционных, стабильных ареалах[11]. Но, в таком случае, пинтадеры на Венгерской равнине в раннем железном веке не соответствуют этой парадигме, поскольку большая их часть происходит из ареала КВ. Формирование этой культуры произошло при самом активном участии пришлого населения, которое, к тому же, мало соответствовало критериям оседло-земледельческого общества. Впрочем, возможно, это несоответствие лишь кажущееся, а устранить его поможет анализ социального и, в особенности, гендерного аспекта проблемы. Согласно Ю. Кишфалуди, из 137 пинтадер, известных на момент публикации (т. е. на 1995 г.), 79 были найдены в 53 захоронениях. Однако, в погребениях, совершённых по обряду трупоположения, находилось только 19 штампов, причем для 14 захоронений имеются антропологические определения. А именно, в 10 случаях пинтадеры сопровождали женские захоронения, в 1 — мужское, и в 3 — детские (Kisfaludi 1997: 79). Говоря о положении в обществе индивидуумов, раскрашенных таким образом, Т. Кеменцеи ограничился указанием на то, что они занимали в этом обществе особую нишу (Kemenczei 2009: 94). Действительно, такое объяснение — первое, что приходит на ум. Тем более, что эта версия вполне подтверждается свидетельствами древних авторов — современников описываемых событий. Так, Ксенофонт упоминает обычай татуировки тел у племени моссинойков, с которым он и его соратники по анабазису встретились в Северо-Восточной Анатолии. Согласно Ксенофонту, обычай татуировки у моссинойков был привилегией сыновей богатых родителей (Xen. Anab. V, IV.32).

Вероятно всё же, что пинтадеры раннего железного века в Алфёльде вполне соответствуют ритмическому ряду этого явления, растянувшегося на тысячелетия и охватившего самые разные исторические области. Пинтадеры — атрибут земледельческих обществ. Эта аксиома покоится на анализе больших длительностей, каковыми являются земледельческие цивилизации от Японии до Центральной Европы. Нет оснований думать, что в раннескифское время этот постулат был нарушен. Вероятно, в составе скифской орды, положившей начало группе Векерзуг, находился значительный процент земледельческого (нескифского) населения. Возможно, именно эта часть населения и могла быть историческими сигиннами. Краткий текст, фактически реплика, пинтадер в Венгрии говорит об отсутствии здесь как традиции, так и преемственности. Феномен пинтадер не встретил понимания у населения Алфёльда (хотя этот компактный ареал и способствовал проникновению отдельных экземпляров дальше на запад, в земли позднегальштатского мира) и, скорее всего, умер вместе с поколением тех людей, которые привнесли его сюда из Кавказского региона. Не слишком многочисленная, но всё же серия антропологических определений показывает, что в своём большинстве обладателями пинтадер были женщины. И тогда цепочку наших умозаключений можно увенчать выводом, который по своей обезоруживающей наивности, обывательской доходчивости и научному нахальству выглядит совершенно по-американски. Откуда бы ни шла орда, проложившая путь на Венгерскую равнину, как минимум, какая-то часть женщин в её составе были кавказского происхождения. Возможно, тогда более понятными станут находки и тех единичных экземпляров пинтадер, которые встречены ещё дальше на западе, в ареале календенбергской культуры (Смоленице), Каринтии и на позднегальштатском поселении в окрестностях

[10] Мне думается всё же, что эти штампы применялись для поверхностной татуировки или раскраски каких-то органических материалов. Поскольку такое покрытие было недолговечным и нестойким, то можно предположить, что оно предназначалось для какого-то определённого, кратковременного действия (ритуала).

[11] Феномен пинтадер в ареале трипольско-кукутенской общности не подвергался глубокому осмыслению. Т. С. Пассек констатировала, что эти предметы предназначались для татуировки (Пассек 1949: 236). А в соответствующем томе «Археологии СССР» пинтадеры зачислены в категорию культовых предметов (Энеолит СССР 1982: 248), что обычно избавляет от лишних вопросов. Хранит молчание по поводу пинтадер и автор новейшей монографии, посвящённой космогоническим представлениям древнейших земледельцев Юго-Восточной Европы, опредмеченным в разных группах археологических источников (Палагута 2012).

Зальцбурга [12]. И, в таком случае, можно предположить, что ритуал, в котором предусматривалось использование пинтадер, мог быть, к примеру, свадебным.

Что касается хронологии пинтадер в Алфёльде, то наиболее ранние экземпляры Т. Кеменцеи датирует периодом HaC2-HaD1, замечая в то же время, что в поздних комплексах скифского горизонта глиняных штампов уже нет (Kemenczei 2009: 94). Тогда получается, что все находки пинтадер к востоку от Карпат образуют наиболее позднюю группу, соотносимую в европейской шкале с древностями ступеней HaD3-LTA. Причём все они найдены на памятниках гетской культуры. В какой-то степени это справедливо и для Никония, поскольку наличие в городе фракийского населения было стабильным и представительным на всём протяжении его истории (Бруяко 1993)[13].

Находка пинтадеры в античном Никонии позволила высказать следующую идею. Она была сформулирована 20 лет назад (Бруяко 1993а; 1993б: 67 и сл.) и заключалась в том, что данную находку можно рассматривать как свидетельство контактов между греческими городами и населением Алфёльда[14]. В перечень свидетельств таких дальних контактов включалась, в частности, и технология изготовления сероглиняной гончарной керамики. Теперь эту гипотезу можно скорректировать следующим образом. Идея карпато-понтийских контактов по-прежнему считается актуальной и жизнеспособной (Смирнова 1999; Smirnova 1998; Бруяко 2005а: 199 и сл.; Кашуба, Дараган, Левицкий 2010), однако, пинтадеры теперь могут служить иллюстрацией более сложной цепочки событий. Учитывая хронологию, топографию и культурную идентичность памятников с пинтадерами к востоку от Карпатской дуги, получается, что появление пинтадер на землях между Днестром и Сиретом (Бессарабия и румынская Молдова) — это результат дезинтеграции компактного (регионального) культурного пространства. Конкретно, речь может идти об Алфёльде и культуре Векерзуг. Распад этого скифского анклава вполне удостоверен именно для V в. Центробежные тенденции, сопровождающие подобные явления, приводят к тому, что отдельные звенья культурной традиции могут быть вынесены довольно далеко за пределы первичного ареала. Важна в данном случае траектория этого выноса и этнокультурная среда, где эти звенья оказались воспринятыми.

Итак, предполагается, что поздние даты пинтадер днестровско-карпатской группы указывают на направление (или одно из направлений) исхода населения культуры Векерзуг. Это была своеобразная репатриация потомков скифского населения, которая происходила в первой половине V в. до н. э. В результате население, участвовавшее в этом процессе, который можно назвать реверсивной миграцией, осело уже в новом культурном контексте, который формировался в Днестровско-Карпатских землях. Это была культура ранних гетов, в генезисе которой теперь, наряду с южной основной и юго-западной второстепенной (Бруяко 2005а: 219), может появиться ещё одна — северо-западная (западная) сюжетная линия. Здесь крайне важным следует считать клад скифской упряжи и украшений в зверином стиле из городища Стынчешть (Florescu, Florescu 2005: fig. 109—116). Этот бесспорно гетский памятник раннего этапа, крупный и укреплённый, сочетает в себе элементы, привнесённые как с запада (пинтадеры), так и с востока. Безусловно фракийский (гетский) контекст клада скифских вещей из Стынчешть в известной степени дополняет список памятников горизонта Пыржолтены-Данчены-Олонешты (Бруяко, Ткачук 1994)[15].

И, в заключение, несколько слов об этнической идентичности населения, использовавшего пинтадеры в Карпато-Днестро-Дунайском регионе в VI—V вв. до н. э. Основной ареал пинтадер — культура Векерзуг, которую отождествляют с сигиннами античных источников. Однако, все 5 штампов, о которых

[12] Примечательно, что на местонахождении близ Зальцбурга обнаружены и наконечники стрел типичного для VI—V вв. «скифского» силуэта (Stollner 1996: Taf. 83: 157).

[13] В свою очередь, эта находка дополняет перечень элементов материальной культуры, которые надёжно противостоят варварофобским ревизиям этнической истории античных городов Северного Причерноморья (см. напр. Буйских 2007).

[14] Впоследствии эта гипотеза была поддержана Я. Хохоровски (1998: 488—489).

[15] Клад можно датировать V в., скорее, первой его половиной. Он находился в лепном сосуде и включал в себя целый ряд замечательных предметов. В частности, это золотая аппликация в виде рыбы с головой кабана, 2 золотые накладки в виде листа, 2 бронзовые накладки в форме рога, пара двудырчатых псалиев с раскованными орлиноголовыми окончаниями, железные удила с несомкнутыми внешними петлями. Находки упряжи этой же типо-хронологической группы известны на городище и помимо клада. В частности, это Г-образный железный двудырчатый псалий и железные удила с несомкнутыми внешними петлями, точно такие же, как и в кладе (Florescu, Florescu 2005: fig. 58: 3—5).

здесь шла речь, сосредоточены за пределами Карпатского бассейна в ареале фракийской (гетской) культуры. Плотность находок в этих двух ареалах несопоставима — 137 и 5 — из чего можно заключить, что у гетов пинтадеры не имели сколько-нибудь заметного распространения. Но, тем не менее, даже если геты и не практиковали раскраску тела, а с удивлением взирали на то, как это делают мигранты из Алфёльда, оказавшиеся в их ареале, они должны были быть, по крайней мере, знакомы с этим обычаем.

Что говорят по этому поводу античные авторы? Геродот отмечает, что этот обычай характерен для фракийцев. Однако, если судить по контексту, геты в их число не входят (Herod. V, 6). Далее «отец истории» сразу же переходит к описанию сигиннов, их происхождения и обычаев. Геродот делает это довольно подробно (Herod. V, 9), но при этом ничего не сообщает о распространении обычая раскраски тел. Ещё одна ссылка, которую используют для подтверждения обычая татуировки, на самом деле не вполне точна. Речь идёт о фрагменте из «Истории» Аммиана Марцеллина. По мнению Ю. Кишфалуди, в нём историк говорит о распространении такого обычая у агафирсов (Kisfaludi 1997: 81). Но Марцеллин нигде не пишет об обычае татуировки у агафирсов. Дословно, он говорит о том, что агафирсы красили тело и волосы в голубой цвет. Более того, эта процедура была известна Марцеллину в деталях, а именно, он уточняет, что простые люди наносили эту краску «небольшими... рассеянными пятнами, а знатные — широкими, яркими и частыми» (Amm. Marc. XXXI, 2.14). Очевидно, что для достижения подобного эффекта пинтадеры не годятся.

Краткий итог особых поводов для оптимизма не даёт. Археологические данные в очередной раз вступают в противоречие с нарративными источниками. Для того, чтобы их примирить, в настоящее время возможна лишь перестановка исходных данных и неизбежная вольность при их интерпретации. Примером может послужить версия, озвученная Ю. Кишфалуди. Агафирсов обычно отождествляют с населением семиградской группы, а население Алфёльда — культура Векерзуг — считается сигиннами. В Алфёльде есть пинтадеры, в Трансильвании нет. Однако о сигиннах у древних авторов не сказано ничего такого, что могло бы свидетельствовать об обычае татуировки (раскраски) тел. Зато говорится, что нечто похожее практиковали агафирсы. Что всё это может значить? Это значит, считает Ю. Кишфалуди, что нужно присоединиться ко мнению тех исследователей (напр., О. Трогмайер), кто считает агафирсов населением КВ (Kisfaludi 1997: 81).

Но можно ведь представить дело и по-другому, с диаметрально противоположным результатом. Версия в защиту сигиннов, как носителей традиции раскраски тел, логически выглядит более сложной. Но методически она столь же спекулятивна, как и версия Ю. Кишфалуди. Сигинны — народ мидийский (об этом говорят Геродот и Страбон), а это, в широком смысле, Закавказье. Северо-Восточная Анатолия, где обитали моссинойки, граничит с Закавказьем. Вряд ли моссинойки были единственным народом в регионе, практиковавшим подобный обычай. Это весьма вероятно, если вспомнить, что пинтадеры были массово распространены в области между Каспийским и Чёрным морями, и не только в раннем железном веке. Тогда обычай раскраски с помощью глиняных штампов можно распространить на Закавказье в целом, куда, по умолчанию, попадают и сигинны. Заметим при всём при этом, что все фактические звенья в этом умозаключении обозначены современниками событий. Мы лишь соединяем эти звенья по своему усмотрению, не забыв упрекнуть Геродота в невнимательности по отношению к сигиннам, их обычаям и нравам.

Впрочем, единственное, чего всегда не хватает подобным «сложноподчинённым» версиям, — это убедительности. Вот и сейчас, когда мы полагаем, что реконструкция историко-археологической части сюжета вполне обоснована, вопросы этнокультурных соответствий, равно как и функциональности пинтадер, по-прежнему остаются открытыми.

Литература

Бруяко И.В. 1993. Лепная керамика греческого Никония. В: Ванчугов В.П. (отв. ред.). *Древности Причерноморских степей*. Киев: Наукова думка, 58—71.

Бруяко И.В. 1993а. Пинтадера из Никония. В: Охотников С.Б. (отв. ред). *Древнее Причерноморье. КС ОАО*, 57—60.

Бруяко И.В. 1993б. Северо-Западное Причерноморье в VII—V вв. до н.э. Начало колонизации Нижнего Поднестровья. *AMA* 9, 60—79.

Бруяко И.В. 2005. Поселение Ново-Некрасовка-II («Геродотовы» геты на Нижнем Дунае). *Revista Arheologică* 1 (1), 279—300.

Бруяко И.В. 2005а. *Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р.Х.)*. Кишинёв: Высшая антропологическая школа.

Бруяко И.В., Ткачук М.Е. 1994. Бессарабия VII—I вв. до Р.Х. Цикл кросскультурных диалогов. *Про-*

блемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья 2. Тезисы докладов конференции, посвященной 95-летию проф. Б.Н. Гракова. Запорожье, 27—31.

Буйских С.Б. 2007. К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье архаического времени. *ССПiК* XIV, 110—125.

ДГКСА 1985: *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. 1985. Археология СССР. Москва: Наука.

Кашуба М.Т., Дараган М.Н., Левицкий О.В. 2010. Технологические новшества раннего железного века: перспективы изучения ранней гончарной сероглиняной керамики Восточного Прикарпатья. *Revista arheologică* V (2), 28—61.

Крупнов Е.И. 1969. Новые пинтадеры из Чечено-Ингушетии. *Древности Восточной Европы (К 70-летию А.П. Смирнова)*. МИА 169, 105—110.

Массон В.М. 1981. *Алтын-депе*. Тр. ЮТАКЭ XVIII. Ленинград: Наука.

Мелюкова А.И. 1963. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. *КСИА АН СССР* 94, 64—72.

Молодин В.И. 1990. К вопросу о штампах для орнаментации древней керамики. В: Молодин В.И., Ламина Е.В. (отв. ред.). *Древняя керамика Сибири. Типология, технология, семантика*. Новосибирск: Наука, 76—80.

Никулицэ И.Т. 1985. Изучение северофракийских поселений в Ханском микрорайоне. *АИМ в 1981 г.*, 95—117.

Палагута И.В. 2012. *Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры балкано-карпатского круга в VII—III тыс. до н.э.)*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Пассек Т.С. 1949. *Периодизация трипольских поселений (III—II тыс. до н.э.)*. МИА 10.

Романовская М.А. 1980. Керамический штамп из окрестностей с. Рудь. *СА* (1), 290—293.

Смирнова Г.И. 1999. Еще раз о кружальной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья. *АСГЭ* 34, 44—57.

Субботин Л.В. 2013. Культура Гумельница: Болградский вариант. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (отв. ред). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: СМИЛ, 85—114.

Энеолит СССР. 1982. Археология СССР. Москва: Наука.

Ailincăi et al. 2004—2005: Ailincăi S., Nicic A.V., Jugănaru G., Dobrinescu C. 2004—2005. Consideraţii privind realizarea decorului imprimat. *Pontica* XXXVII—XXXVIII, 111—128.

Chochorowski J. 1987. Rola sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *PA* 34, 161—218.

Chochorowski J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagiełłoński.

Chochorowski J. 1998. Die Vekerzug-Kultur und ihre östliche Beziehungen. In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. München, 473—491.

Florescu A., Florescu M. 2005. *Cetăţile traco-getice din secolele VI—III a. Chr. de la Stânceşti (jud. Botoşani)*. Târgovişte: Cetatea de Scaun.

Kemenczei T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe*. Inventoria Praehistorica Hungariae 12. Budapest: Magyar Nemzeti Múeum.

Kisfaludi J. 1997. Tonstempel und Knochenzylinder aus der Mittleren Eisenzeit in Karpatenbecken. *CAH*, 75—107.

Krupnov E.I. 1962. Kaukasisches Pintaderas. *MAGW* 92, 197—205.

Makkay J. 1984. *Early stamps in South-East Europe*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Schmidt K. 2002. *Norşuntepe. Kleinfunde II. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern.

Schwellnus F. 2010. Pintadere: Überblick über die Fundgruppe der Tonstempel ausgehend von zwei Funden aus Sopron-Krautacker (Westungarn). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 40 (2), 207—226

Smirnova G.I. 1998. Din nou despre ceramica cenuşie lucrată la roată descoperită în siturile scitice timpurii din zona Nistrului Mijlociu. *SCIVA* 49 (1), 23—37.

Stöllner T. 1996. *Die Hallstattzeit und der Beginn der Latenzeit im Inn-Salzach-Raum*. Archäologie in Salzburg 3. Salzburg: Amt der Salzburger Landesregierung (Landesarchäologie).

Ursuţiu A. 1999—2000. An Early Iron Age Pintadera from Bernadea, Mureş county. *Analele Banatului* VII—VIII, 271—285.

Vulpe R. 1952. Şantierul Poiana. *SCIV* III, 191—210.

References

Bruyako, I. V. 1993. In *Drevnosti Prichernomorskikh stepei (Antiquities of the Pontic steppes)*. Kiev: Naukova dumka, 58—71 (in Russian).

Bruyako, I. V. 1993. In *Drevnee Prichernomor'e. Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Ancient Pontic region. Brief reports of the Odessa Archaeological Society)*, 57—60 (in Russian).

Bruyako, I. V. 1993. In *Antichnyi mir i arkheologiia (Anciet world and archaeology)* 9, 60—79 (in Russian).

Bruyako, I.V. 2005. In *Revista Arheologică* 1 (1), 279—300 (in Russian).

Bruyako, I. V. 2005a. *Rannie kochevniki v Evrope (X—V vv. do R. Kh.) ((Early Nomads in Europe (10th—5th cc. BC))*.. Kishinev: Vysshaia antropologicheskaia shkola (in Russian).

Bruyako, I. V., Tkachuk, M. E. 1994. In *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Problems of Scythian and Sarmatian archeology of the Northern Pontic region)* 2. Zaporozh'e, 27—31 (in Russian).

Bujskikh, S. B. 2007. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XIV, 110—125 (in Russian).

Drevneishie gosudarstva Kavkaza i Srednei Azii (The most ancient states of the Caucasus and Central Asia). 1985. Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR). Moscow: Nauka (in Russian).

Kashuba, M. T., Daragan, M. N., Leviţki, O. V. 2010. In *Revista arheologică* V (2), 28—61 (in Russian).

Krupnov, E. I. 1969. In *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A. P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the anniversary of 70 years from the birth of A.P. Smirnov)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 169, 105—110 (in Russian).

Masson, V. M. 1981. *Altyn-depe (Altyn-depe)*. Trudy Iuzhno-Turkmenistanskoi kompleksnoi arkheologicheskoi ekspeditsii

(Works of the Complex archaeological expedition in Southern Turkmenistan) XVIII. Leningrad: Nauka (in Russian).

Melyukova, A. I. 1963. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 94, 64—72 (in Russian).

Molodin, V. I. 1990. *Drevniaia keramika Sibiri. Tipologiia, tekhnologiia, semantika (Ancient pottery of Siberia. Typology, technology, semantics)*. Novosibirsk: Nauka, 76—80 (in Russian).

Niculiță, I. T. 1985. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1981 g. (Archaeological researches in Moldavia in 1981)*, 95—117 (in Russian).

Palaguta, I. V. 2012. *Mir iskusstva drevnikh zemledel'tsev Evropy (kul'tury balkano-karpatskogo kruga v VII—III tys. do n. e.) (The art of early European farmers. Cultures of the Balkan-Carpathian circle in the 7th—3rd millennia BC)*. Saint Petersburg: Aleteiia (in Russian).

Passek, T. S. 1949. *Periodizatsiia tripol'skikh poselenii (III—II tys. do n. e.) (Periodization of Tripolye settlements (3rd—2nd millennia BC))*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 10 (in Russian).

Romanovskaya, M. A. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 290—293 (in Russian).

Smirnova, G. I. 1999. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 34, 44—57 (in Russian).

Subbotin, L. V. 2013. In *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Ancient cultures of the North-Western Pontic region)*. Odessa: SMIL, 85—114 (in Russian).

Eneolit SSSR (Eneolithic of the USSR). 1982. Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR). Moscow: Nauka.

Ailincăi, S., Nicic, A. V., Jugănaru, G., Dobrinescu, C. 2004—2005. Considerații privind realizarea decorului imprimat. *Pontica* XXXVII—XXXVIII, 111—128.

Chochorowski, J. 1987. Rola sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *PA* 34, 161—218.

Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagiełłoński.

Chochorowski, J. 1998. Die Vekerzug-Kultur und ihre östliche Beziehungen. In: Hänsel, B., Machnik, J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. München, 473—491.

Florescu, A., Florescu, M. 2005. *Cetățile traco-getice din secolele VI—III a. Chr. de la Stânceşti (jud. Botoşani)*. Târgovişte: Cetatea de Scaun.

Kemenczei, T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe*. Inventoria Praehistorica Hungariae 12. Budapest: Magyar Nemzeti Múeum.

Kisfaludi, J. 1997. Tonstempel und Knochenzylinder aus der Mittleren Eisenzeit in Karpatenbecken. *CAH*, 75—107.

Krupnov, E. I. 1962. Kaukasisches Pintaderas. *MAGW* 92, 197—205.

Makkay, J. 1984. *Early stamps in South-East Europe*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Schmidt, K. 2002. *Norşuntepe. Kleinfunde II. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern.

Schwellnus, F. 2010. Pintadere: Überblick über die Fundgruppe der Tonstempel ausgehend von zwei Funden aus Sopron-Krautacker (Westungarn). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 40 (2), 207—226

Smirnova, G. I. 1998. Din nou despre ceramica cenuşie lucrată la roată descoperită în siturile scitice timpurii din zona Nistrului Mijlociu. *SCIVA* 49 (1), 23—37.

Stöllner, T. 1996. *Die Hallstattzeit und der Beginn der Latenzeit im Inn-Salzach-Raum*. Archäologie in Salzburg 3. Salzburg: Amt der Salzburger Landesregierung (Landesarchäologie).

Ursuțiu, A. 1999—2000. An Early Iron Age Pintadera from Bernadea, Mureş county. *Analele Banatului* VII—VIII, 271—285.

Vulpe, R. 1952. Şantierul Poiana. *SCIV* III, 191—210.

Статья поступила в номер 22 декабря 2013 г.

Igor Bruyako (Odessa, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine[1].

Igor Bruyako (Odesa, Ucraina). Doctor în ştiințe istorice. Muzeul de arheologie din Odesa, Academia Națională de Ştiințe a Ucrainei.

Бруяко Игорь Викторович (Одесса, Украина). Доктор исторических наук. Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины.

E-mail: ibruyako@yandex.ru

Address: [1] Lanzheronovskaya St., 4, Odessa, 065026, Ukraine

К. Ю. Пеляшенко

Кружковидные черпаки раннескифского времени лесостепной части Среднего Поднепровья

Keywords: Middle Dnieper region, Scythian culture, Early Iron Age, ceramics, pottery tradition, cup-type scoop.

Cuvinte cheie: Niprul de Mijloc, cultura scitică, epoca fierului timpuriu, ceramică, tradiție ceramică, polonic în formă de cupă.

Ключевые слова: Среднее Поднепровье, скифская культура, ранний железный век, керамика, гончарные традиции, кружковидный черпак.

K. Yu. Pelyashenko

Cup-Type Scoops of Early Scythian Time from Forest-Steppe Area of the Middle Dnieper Region

The appearance of new categories of objects in material culture has always woken up a special interest of researchers. The paper presents a comprehensive analysis of a category of molded pottery of Early Scythian time (cup-type scoops) like classification, spatial and chronological characterizing, comparing with other regions. This kind of scoops was quite innovative and had no prototypes in previous period. The area (forest-steppe zone of the Middle Dnieper region) and chronological frames (2nd half of the 7th — turn of the 6th—5th centuries BC) of this tradition were determined. The evidences of connection of this category of pottery with outflow of Scythians of Northern Caucassus were given. It seems that this tradition appeared as a result of influence of nomadic "fashion" on population of Dnieper region.

K. Yu. Pelyashenko

Polonicele în formă de cupă din perioada scitică timpurie din silvostepa Niprului de Mijloc

Apariția în cultura materială a unor noi categorii de piese totdeauna a trezit interesul deosebit al cercetătorilor. Articolul prezintă analiza multilaterală (clasificarea, caracteristica spațial-cronologică, compararea cu teritoriile învecinate) a unuia dintre tipurile veselei lucrate cu mâna din perioada scitică timpurie — polonicele în formă de cupă. Acest tip de polonic este unul inovativ și nu-și găsește paralele în perioada premergătoare. A fost stabilit teritoriul (silvostepa Niprului de Mijloc) și limitele cronologice de răspândire a polonicelor (a doua jumătate a sec. VII — hotarul sec. VI—V î. Hr.). Este argumentată originea acestei categorii ceramice, care poate fi legată de întoarcerea sciților din Caucazul de Nord și influența modei „nomadice" asupra tradiției locale ceramice din regiunea Niprului.

К. Ю. Пеляшенко

Кружковидные черпаки раннескифского времени лесостепной части Среднего Поднепровья

Появление в материальной культуре новых категорий предметов всегда вызывало особый интерес исследователей. В статье приведен всесторонний анализ (классификация, пространственно-временная характеристика, сопоставление с соседними территориями) одного из типов лепной посуды раннескифского времени — кружковидных черпаков. Данная разновидность черпака является инновационной и не находит параллелей в предшествующее время. Определена территория (лесостепная часть Среднего Поднепровья) и хронологические рамки бытования черпаков (в пределах второй половины VII — рубежа VI—V вв. до н. э.). Высказаны аргументы в пользу происхождения данной категории керамики, связанной с оттоком скифов из северокавказского региона и влиянием кочевой «моды» на местную гончарную традицию Поднепровья.

Одной из главных задач в изучении керамики из археологических памятников является реконструкция историко-культурных процессов прошлого. Особенно актуально это для домашнего керамического производства, при котором местные изделия выступают одним из основных археологических маркеров этнических групп, межплеменных контактов и миграционных процессов. Особый интерес вызывает появление в составе керамического комплекса новых форм посуды, происхождение которых не связано с местной традицией предшествующего времени.

В последнее время опубликован ряд исследований, посвященных проблемам трансформаций в гончарной традиции населения раннего железного века Восточной Европы. Среди них можно отметить недавно вышед-

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© К. Ю. Пеляшенко, 2014.

шую статью, авторы которой приводят убедительные аргументы относительно генезиса т.н. низких черпаков с высокой ручкой (Кашуба, Левицкий 2011). Эта статья послужила отправной точкой для специального исследования следующей, более поздней группы черпаков, целью которого стало решение вопроса об их генезисе и дальнейшем развитии.

В данной работе будут проанализированы лепные черпаки, ставшие новацией в местной гончарной традиции племен Среднего Поднепровья в раннескифское время. Имеются в виду сосуды с невысокой поднятой над венчиком ручкой и выделенным отростком в верхней части, имеющие глубокую чашечку, плоское, реже округлое дно (рис. 1). Большинство подобных форм имеет сужающееся кверху коническое горло, реже со слабо выделенным отогнутым венчиком. Характерной особенностью большинства аналогичных сосудов является выраженное ребро посередине или в нижней части тулова, в то же время некоторые образцы данной серии имеют плавный абрис. Как и во многих других случаях, в литературе отсутствует единая терминология для обозначения таких сосудов. Встречаются термины «биконический» или «округло-биконический», характеризующие абрис корпуса (Бессонова, Скорый 2001: 72—73). Называют глубокие черпаки «грушевидными» (Ильинская 1975: 119; Шрамко 1983: 87; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 77) или «кувшиновидными» (Ковпаненко 1967: 119; 1981: 86).

Учитывая морфологическую вариативность, выраженную в профиле, по нашему мнению, более корректно называть такие черпаки «кружковидными», поскольку основным критерием для выделения этих сосудов для питья является пропорция основных параметров тулова (соотношение общей высоты и диаметра) и наличие ручки, что соответствует термину «кружка».

Попытка решения вопроса о генезисе и дальнейшем развитии кружковидных черпаков подразумевает обзор имеющегося материала, классификацию сосудов, уточнение ареала их распространения и времени бытования, а также поиск аналогий или производных форм в соседних, хронологически синхронных историко-культурных образованиях.

Одна из первых классификаций черпаков скифского времени была предложена Г.Т. Ковпаненко при описании керамического комплекса памятников бассейна Ворсклы. Исследователь отдельно отметила кувшиновидные сосуды, обозначила их датировку в пределах второй половины VI в. до н.э. и привела ближайшие аналогии на памятниках Днепровского Лесостепного Правобережья (Ковпаненко 1967: 119, 120).

По материалам курганов раннескифского времени бассейна р. Тясмин, исследованным Г.Т. Ковпаненко, В.А. Ильинская выделила глубокие грушевидные неорнаментированные сосуды, относящиеся к позднейшей группе, которые «завершают цикл развития черпаков на Правобережье». При этом исследователь отметила, что «в их форме как бы возрождается древняя изначальная форма глубоких кружковидных черпаков, бытовавших в позднечернолесское и раннежаботинское время» (Ильинская 1975: 119), тем самым признавался определенный хронологический разрыв между ранними и поздними формами.

Рассматривая материалы погребений Поросской группы памятников, Г.Т. Ковпаненко также выделила глубокие черпаки с высокой шейкой и плоским дном в отдельный тип (тип 3 группа 3). Как и на Тясмине, они были отнесены к самой поздней группе черпаков, при этом Г.Т. Ковпаненко отметила, что сосуды из Поросья «имеют свои местные особенности, проявляющиеся в форме» (Ковпаненко 1981: 86).

Возражения относительно изменения морфологии черпаков «от глубоких к мелким, а затем снова к глубоким (грушевидным)» были высказаны В.Н. Горбовым (Горбов 1986: 41, 42). Автор настаивает на сосуществовании глубоких и мелких черпаков, указывая на недостатки предшествующих типологий, опиравшихся на незначительный объём материала из погребений, и призывая к широкому использованию стратифицированных поселенческих материалов.

В обобщающей монографии, посвященной памятникам скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья, помимо погребальных комплексов, впервые были привлечены многочисленные керамические материалы поселений (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989). Было установлено, что глубокие грушевидные черпаки (тип 5, отдел 1) известны в небольшом количестве на памятниках раннескифского периода, тем самым была обозначена верхняя хронологическая граница их бытования (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 56, 77, 85). По материалам раскопок Мотронинского городища С.С. Бессоновой и С.А. Скорым была разработана классификация глубоких черпаков, а именно были выделены четыре типа и определена хронология их бытования на памятнике (Бессонова, Скорый 2001: 73, 74).

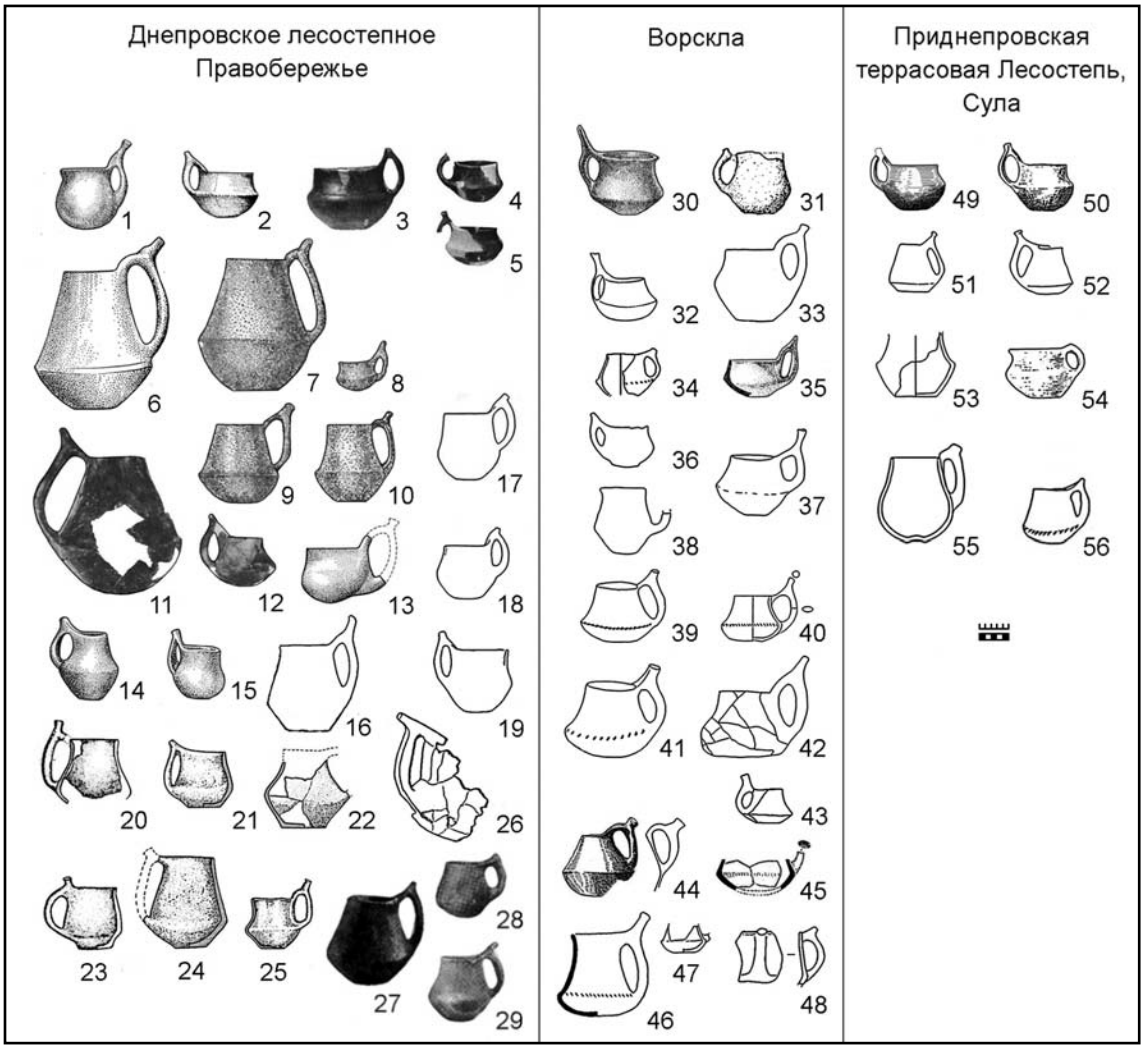

Рис. 1. Кружковидные черпаки Среднего Поднепровья: 1 — Журовка, к. 406; 2 — Фляровка; 3—5 — Малая Офирна; 6 — Журовка, к. 407; 7—10 — Репяховатая Могила, п. 2; 11—12 — Захарейкова Могила; 13 — Грушевка, к. 395; 14 — Журовка, к. 447; 15 — Гуляй-Город, к. 49; 16 — Пастырское гор.; 17 — Бобрица, к. 35; 18 — Берестняги, к. 82; 19 — Лазурцы, к. 2; 20—25 — Мотронинское гор.; 26 — Хотовское гор.; 27—29 — Пирогово, п. 25, 80, 82; 30—33 — Западное Бельское гор.; 34 — Лихачевка; 35 — Пожарная Балка-2; 36 — Мачухи, к. 19; 37 — Мачухи, к. 18; 38 — Мачухи, к. 37; 39, 41 — Скоробор, к. 8; 40, 42—43 — Скоробор, к. 22; 44—45 — Царина Могила; 46—47 — Восточное Бельское гор.; 48 — Полковая Никитовка; 49 — Герасимовка, к. 1; 50 — Герасимовка, к. 2; 51 — Лубны, к. 4; 52 — Лубны, к. 11; 53—54 — Басовское гор.; 55—56 — Гладковщина, к. 4 (1, 6, 13—15 — по Ильинская 1975: табл. 1: 1; 4: 5; 9: 9; 10: 19; 12: 22; 2 — по Ковпаненко 1984: рис. 2: 12; 3—5 — по Петровська 1968: рис. 6: 3, 4, 6; 7—12 — по Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: рис. 24: 5—8; 33; 16, 26 — по Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: рис. 6: 28—29; 17—19 — по Ковпаненко 1981: рис. 8: 16; 10: 22; 26: 2; 20—25 — по Бессонова, Скорый 2001: рис. 43: 5, 7—8; 44: 3—5; 27—29 — по Петровська 1970: рис. 15: 3; 17: 2; 19: 6; 30, 35 — по Ковпаненко 1967: рис. 21: 7; 30: 9; 31 — по Шрамко 1995: рис. 1: 1; 32—33, 46 — по Шрамко 1987: рис. 47: 7, 8; 34 — по Моруженко 1982: табл. 15: 1; 36—38 — по Ковпаненко 1970: 4: 33; 5: 1; 7: 6; 39—43 — по Шрамко 1994: рис. 4: 3, 4; 13: 3, 4, 7; 44 — по Мурзин и др. 2001: рис. 24: 1; 45 — по Мурзин и др. 1998: рис. 25; 49—52 — по Ильинская 1968: табл. 45: 2; 46: 6; 67: 6, 7; 58 — по Ильинская 1952: табл. 2: 23).

Fig. 1. Cup-type scoops of Middle Dnieper region: 1 — Zhurovka, b. 406; 2 — Fljarovka; 3—5 — Malaja Ofirna; 6 — Zhurovka, b. 407; 7—10 — Repyakhovataja Mogila, gr. 2; 11—12 — Zakharejkova Mogila; 13 — Grushevka, b. 395; 14 — Zhurovka, b. 447; 15 — Gulyay-Gorod, b. 49; 16 — Pastyrskoe hill.; 17 — Bobritsa, b. 35; 18 — Berestnjagi, b. 82; 19 — Lazyrtsy, b. 2; 20—25 — Motronino hill.; 26 — Khotovskoe hill.; 27—29 — Pirogovo gr. 25, 80, 82; 30—33 — Western Belsk hill.; 34 — Likhachevka; 35 — Pozharnaja Balka-2; 36 — Machukhi, b. 19; 37 — Machukhi, b. 18; 38 — Machukhi, b. 37; 39, 41 — Skorobor, b. 8; 40, 42—43 — Skorobor, b. 22; 44—45 — Tzarina Mogila; 46—47 — Eastern Belsk hill.; 48 — Polkovaja Nikitovka hill.; 49 — Gerasimovka, b. 1; 50 — Gerasimovka, b. 2; 51 — Lubny, b. 4; 52 — Lubny, b. 11; 53—54 — Basovka hill.; 55—56 — Gladkovshchina, b. 4 (after: 1, 6, 13—15 — Ильинская 1975 : табл. 1: 1; 4: 5; 9: 9; 10: 19; 12: 22; 2 — Ковпаненко 1984: рис. 2: 12; 3—5 — Петровська 1968: рис. 6: 3—4, 6; 7—12 — Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980 : рис. 24: 5—8; 33; 16, 26 — Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: рис. 6: 28—29; 17—19 — Ковпаненко 1981: рис. 8: 16; 10: 22; 26: 2; 20—25 — Бессонова, Скорый 2001: рис. 43: 5, 7—8; 44: 3—5; 27—29 — Петровська 1970: рис. 15: 3; 17: 2; 19: 6; 30, 35 — Ковпаненко 1967: рис. 21: 7; 30: 9; 31 — Шрамко 1995: рис. 1: 1; 32—33, 46 — Шрамко 1987: рис. 47: 7, 8; 34 — Моруженко 1982: табл. 15: 1; 36—38 — Ковпаненко 1970: 4: 33; 5: 1; 7: 6; 39—43 — Шрамко 1994: рис. 4: 3, 4; 13: 3, 4, 7; 44 — Мурзин и др. 2001: рис. 24: 1; 45 — Мурзин и др. 1998: рис. 25; 49—52 — Ильинская 1968: табл. 45: 2; 46: 6; 67: 6, 7; 58 — Ильинская 1952: табл. 2: 23).

Интерес представляют также исследования керамического комплекса Жаботинскго поселения, где М.Н. Дараган были выделены черпаки типа 3 — глубокие слабопрощеные или нелощеные с короткой шейкой и иногда с намеченным ребром-перегибом, которые составляют весьма немногочисленную группу (Дараган 2011: 405). Появляются они в финале горизонта Жаботин III и могут рассматриваться как переходные формы к более поздним грушевидным (Дараган 2011: 408, 535).

Территория распространения глубоких кружковидных черпаков в целом ограничивается лесостепной частью левого и правого берега среднего течения Днепра, где они широко представлены как в погребальных комплексах, так и среди материалов поселений. Значительная коллекция таких сосудов происходит из памятников бассейна р. Тясмин (рис. 1: 1—2, 6—16, 20—25). Большинство целых форм найдено в архаических погребениях: Грушевка, к. 395, Гуляй-Город, к. 49, Журовка, к. 406, к. 407, к. 447, Фляровка «Червона могила», Репяховатая Могила, п. 2, Захарейкова Могила, а также ряда не паспортизированных комплексов (Ильинская 1975: табл. 1: 1; 4: 5; 9: 9; 10: 19; 12: 22; 32: 6; 33: 3; 35: 5; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: рис. 24: 5—8; 25: 5—7; 33: 1—2; Ковпаненко 1984: рис. 2: 12). Целые черпаки и их фрагменты найдены при раскопках Мотронинского и Пастырского городищ (Ковпаненко, Бассонова, Скорый 1989: рис. 7: 26, 28; Бессонова, Скорый 2001: 73, рис. 43—44). Представительная серия происходит из погребальных комплексов бассейна р. Рось: Малая Офирна, Берестняги, к. 82, Бобрица, к. 35, к. 40; Ковали, к. 55; Куриловка, к. 2, к. 19; Лазурцы, к. 2, к. 4 (Петровська 1968: рис. 6: 3—4, 6; Ковпаненко 1981: рис. 8: 16; 10: 22; 11: 8; 24: 6, 9; 26: 2, 37, 39) (рис. 1: 3—5, 17—19). Фрагменты глубоких черпаков с выделенным ребром были обнаружены при раскопках Трахтемировского городища (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: рис. 29; Фіалко, Болтрик 2003: табл. 18). Известны находки кружковидных черпаков и в северной части Днепровского Лесостепного Правобережья: на Хотовском городище и в шести погребениях Пироговского могильника (Петровська, 1970: рис. 5: 3, 6; 15: 3; 17: 2; 19: 6; Кубишев, Скиба, Скорий 1995: рис. 2: 2, 5; 4, 7) (рис. 1: 26—29).

На левом берегу Днепра основным ареалом бытования глубоких черпаков является бассейн Ворсклы (рис. 1: 30—48). Данный тип посуды широко представлен в архаических слоях поселений и городищ: Западного и Восточного укрепления Бельского городища, поселений Лихачевка, Пожарная Балка-2, Царина Могила, городища Полковая Никитовка (Ковпаненко 1967: рис. 21: 7; рис. 30: 9; Шрамко 1987: рис. 47: 7—8; 48: 8; 1995: рис. 1: 1; Моруженко 1977: табл. 12: 3—4; 1982: табл. 15; Мурзин и др. 1998: рис. 25; 2001: рис. 24; Черненко и др. 2004: рис. 5: 8). Среди погребальных комплексов ворсклинской группы кружковидные черпаки известны только в двух могильниках: Мачухи, к. 18, к. 19, к. 37 и Скоробор, к. 8, к. 22 (Ковпаненко 1970: рис. 4: 32—33; 5: 1; 7: 6; Шрамко 1994: рис. 4: 3—4; 13: 3—4, 7).

В небольшом количестве черпаки известны в могильниках Посулья и Приднепровской террасовой Лесостепи (рис. 1: 49—56): Герасимовка, к. 1, к. 2; Лубны, к. 4, п. 3, к. 11; Гладковщина, к. 4 (Ильинская 1968: табл. 45: 2; 46: 2; 57: 6—7; Григорьев, Скорый 2012: рис. 13: 1, 3). Несколько форм обнаружено при раскопках Басовского городища (Іллінська 1952: табл. 2: 23) (рис. 1: 53—54).

Заметим, что глубокие кружковидные черпаки в лесостепных памятниках Среднего Днестра и Южного Буга, а также на поселениях сеймінской и северскодонецкой группы, т.е. на соседних территориях со Средним Поднепровьем, неизвестны.

Несмотря на целый ряд общих признаков, среди кружковидных черпаков можно выделить несколько вариантов, которые отличаются морфологически и параметрами. В ряде случаев, безусловно, выделение вариантов является довольно условным из-за наличия переходных форм.

Выделяются пять вариантов. Вне зависимости от них, черпаки имеют невысокую петельчатую ручку, округлую в разрезе, с несколькими вариантами оформления отростка в верхней части: с сужающимся заостренным или округлым окончанием (рис. 1: 2, 11, 12, 16, 27—30, 35, 42, 56), с коническим, ровно срезанным окончанием (рис. 1: 3, 6—10, 14—15, 17—19, 21, 26, 31, 34, 36, 39, 41, 48, 55), с «гвоздевидным» утолщением (рис. 1: 1, 5, 20, 25, 33, 37, 40, 44, 50—52), в редких случаях с раздвоенным отростком (рис. 1: 32).

К ***варианту 1*** относятся наиболее низкие черпаки с биконическим или округлобиконическим туловом, наибольшее расширение которого приходится на середину высоты (рис. 1: 2—5, 8, 35, 49, 50, 54). В сравнении с другими сосудами они имеют довольно широкое устье (соотношение диаметра тулова и диаметра верхней части 1:0,8—1:0,9) и более приземистые пропорции (соотношение высоты к диаметру тулова 1:1,2—1:1,4).

Высота их колеблется в пределах 5—12 см, наибольший диаметр тулова 7—14 см и диаметр венчика — 6—12 см.

Черпаки ***варианта 2*** — биконические, с выраженным ребром в средней части корпуса или немного смещенным вниз (рис. 1: 17—19, 21, 25, 32—34, 36—37, 39—41, 43). Так же, как и предыдущие, они приземистых пропорций (соотношение высоты к диаметру тулова 1:1—1:1,25), но, в отличие от варианта 1, имеют сужающееся коническое горло (соотношение диаметра тулова и диаметра верхней части 1:0,6—1:0,8). Высота черпаков 6—13 см, наибольший диаметр тулова 7—14 см, диаметр венчика 5—9 см.

Вариант 3 — высокие черпаки с выделенным ребром посередине или ниже середины корпуса (рис. 1: 6—7, 9—10, 14, 16, 20, 22, 24, 38, 44). Отличает их, прежде всего, отношение высоты к диаметру тулова (1:0,8—1:0,9) и коническая форма, сужающаяся верхняя часть тулова (соотношение диаметра тулова и диаметра верхней части 1:0,5—1:0,7). Часть этих черпаков имеет большие размеры (высотой 23—24 см), приближающиеся к кувшинам, поэтому в литературе встречаем термин «кувшиновидные» (рис. 1: 6—7). В то же время основная часть сосудов имеет средние размеры: общую высоту 12—16 см, наибольший диаметр тулова 10—14 см, диаметр верхней части 7—10 см.

Вариант 4 — высокие сосуды с асимметрично-биконическим корпусом и выраженным ребром в нижней части тулова (рис. 1: 23, 27—29, 46, 51—52, 56). Морфологически сходны с черпаками предыдущего варианта, имеют близкие пропорции (соотношение высоты к диаметру тулова 1:0,8—1:1, соотношение диаметра тулова и диаметра верхней части 1:0,5—1:0,7), однако отличаются сильно смещенным вниз наибольшим расширением корпуса, из-за чего их нередко называют «грушевидными». Целые формы представлены сосудами средних размеров: высотой тулова 9—15 см, наибольшим диаметром 8—13 см, диаметром верхней части 4—8 см.

Вариант 5 — глубокие черпаки с плавным абрисом корпуса без выраженного ребра, наибольшее расширение в нижней части тулова (рис. 1: 1, 13, 15, 31, 42, 55). Преобладают сосуды высоких пропорций (соотношение высоты к диаметру тулова 1:0,9—1:1, соотношение диаметра тулова и диаметра верхней части 1:0,7—1:0,8). Большая часть черпаков имеет округлое дно, иногда с ямкой в центре (рис. 1: 1, 13, 15, 55).

Общим для кружковидных черпаков всех вариантов является практически полное отсутствие декора, в тех же случаях, где орнамент нанесен, он довольно однообразен.

Главным отличием от черпаков с мелкой чашечкой является отсутствие резной геометрической орнаментации. Известен только один сосуд из раскопок Восточного Бельского городища, на котором, помимо насечек, был нанесен заштрихованный треугольник (Ковпаненко 1967: рис. 33: 9).

Еще Г. Т. Ковпаненко отметила, что часть ворсклинских глубоких черпаков орнаментирована насечками по ребру, что отличает их от правобережных образцов, которые, как правило, не орнаментированы (Ковпаненко 1967: 119—120). Действительно, при сравнении поселенческих и погребальных материалов эта разница заметна. Орнаментацию насечками на сосудах Днепровского Лесостепного Правобережья встречаем в единичных случаях только на Мотронинском городище и в погребении кургана у с. Фляровка (Ковпаненко 1984: рис. 2, 12; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: рис. 7, 26), в то время как на Левобережье такой орнамент известен на большинстве памятников. В ряде случаев насечки зафиксированы не только на ребре, но и на ручке сосуда (рис. 4: 3). Однако необходимо подчеркнуть, что и на левом берегу Днепра косыми насечками по ребру украшена только часть черпаков.

При решении вопроса о причинах появления традиции изготовления кружковидных черпаков установление времени бытования той или иной формы, особенно нижней хронологической границы, наиболее важно. Поскольку современное состояние абсолютной хронологии раннескифской культуры (РСК) остается дискуссионным из-за различных подходов к датированию материала (см.: Алексеев 2003: 15—37), во избежание путаницы мы будем придерживаться относительной периодизации. За её основу мы принимаем трехступенчатую схему РСК Г. Коссака с дополнениями И. Н. Медведской (Медведская 1992). Кроме того, учитываются и комплексы финального этапа РСК или РСК-3ф, выделенные Д. С. Гречко (2013).

Сегодня можно однозначно констатировать отсутствие прямой хронологической связи кружковидных черпаков с подобными сосудами предскифского времени. Как показали исследования керамического комплекса Жаботинского поселения, новая разновидность черпаков — более глубоких с намечающимся ребром-перегибом, — появляется в финале горизонта Жаботин-III (Дараган 2011: 535). До этого времени самой распространенной формой являются низкие черпаки с вы-

сокой ручкой (тип 2 по М.Н. Дараган), которые в слоях горизонта Жаботин-II составляют 62—92% (Дараган 2011: 533). Кружковидные черпаки не известны в отложениях горизонта А зольника № 5 Западного укрепления Бельского городища, появляясь только в следующем горизонте Б (Шрамко 2006).

Наиболее ранние погребальные комплексы с интересующей нас формой посуды относятся к периоду РСК-2: Герасимовка, к. 1, к. 2, Журовка, к. 406, Бобрица, к. 35 (рис. 2: 3; 3: 3; 4: 10—11). Видимо, к этой же группе можно отнести погребения: Малая Офирна, Фляровка, Мачухи, к. 37 (рис. 2: 8; 3: 4; 4: 5). Исходя из этого, самыми архаичными мы можем считать сосуд грушевидной формы с плавным профилем из к. 406 у с. Журовка и черпаки варианта 1 (рис. 1: 1—5, 49—50). Определенное сходство сосуды данного варианта находят с более низкими и широкими черпаками с короткой шейкой, происходящими из погребений той же хронологической группы: Синявка, к. 100, Перепятиха,— аналогичные черпакам типа 3, выделенным на Жаботинском поселении (Ковпаненко 1981: рис. 41—42; Скорий 1990: рис. 7: 2; Дараган 2011: рис. IV. 5: 1, 4—6). Интерес вызывают также два черпака из к. 15 Стеблевского могильника (Клочко, Скорий 2003: рис. 5: 3—4). Из-за определенных морфологических отличий (высокая ручка, более широкие пропорции тулова) они не были включены в нашу группу. Несмотря на дискуссию по поводу даты данного комплекса (см.: Могилов 2008: 106), эти сосуды, как представляется, можно считать переходными к глубоким кружковидным черпакам.

Весьма важным является фиксация в одном погребальном комплексе черпаков с глубокой и мелкой чашечкой (Фляровка, Малая Офирна, Мачухи, к. 37), что указывает на параллельные линии развития форм (рис. 2: 8; 3: 4; 4: 5). Это подтверждается и поселенческими материалами. В частности, в раскопе 1 поселения Лихачевка на площадке культового сооружения, рядом с остатками жертвоприношения было обнаружено два черпака: низкий и глубокий (Моруженко 1977: 9). Одновременное бытование низких и глубоких черпаков на протяжении середины VII — первой половины VI в. до н.э. подтверждается материалами из Западного Бельского городища и поселения Царина Могила.

С учётом абсолютных дат комплексов с античным импортом появление кружковидных черпаков можно отнести ко второй-третьей четвертям VII в. до н.э.

Большинство известных форм происходит из погребальных комплексов следующего этапа РСК-3: Репяховатая Могила, п. 2, Захарейкова Могила, Лазурцы, к. 2, Беретняги, к. 82, Гладковщина, к. 4, Мачухи, к. 18 и, вероятно, Скоробор, к. 8, к. 22 (рис. 2: 1—2; 3: 1, 3; 4: 1, 6—7). Переходную позицию между вторым и третьим этапами РСК занимает к. 407 у с. Журовка (Медведская 1992) (рис. 2: 7).

К финальному этапу раннескифской культуры можем отнести несколько погребений: Журовка, к. 447 и Лубны, к. 11 (рис. 2: 6; 4: 8). Оба содержали античную керамику (ионийское блюдце и коринфский арибалл), датирующуюся в пределах второй — третьей четвертей VI в. до н.э. (Гречко 2013: 150). К этой же группе принадлежит и к. 18 у с. Мачухи с зеркалом «ольвийского» типа (рис. 4: 2).

Верхняя дата бытования кружковидных сосудов и вообще черпаков определяется как погребальными комплексами, так и поселенческими материалами. Наиболее поздними являются грунтовые погребения конца VI — начала V в. до н.э. Пироговского могильника — самого северного памятника в ареале распространения черпаков (Петровська 1970: рис. 14—19; Кубишев, Скиба, Скорий 1995). Черпаки здесь обнаружены в шести могилах, и все имеют асимметрично-биконическое вытянутое тулово (вариант 3). Целые формы найдены в слоях среднескифского периода Хотовского городища (Петровська 1970: рис. 5: 3, 6). Кружковидные черпаки преобладают и среди материалов Мотронинского городища. Основное время их бытования исследователи относят к середине — второй половине VI в. до н.э., при этом несколько форм достоверно происходит из закрытого комплекса, датированного концом VI в. до н.э. (Бессонова, Скорый 2001: 74).

В бассейне Ворсклы верхняя дата кружковидных черпаков также определяется в рамках конца VI — начала V в. до н.э., что установлено на основании материалов из Восточного Бельского городища, поселений Царина Могила (зольник №3) и Лисовой Кут, а также городища Полковая Никитовка (Шрамко 1983: рис. 6: 14—15; 11: 3; Мурзин и др. 2001: рис. 24: 1, 3, 8; Скорый 2008: рис. 9: 11).

Одной из причин появления высоких кружковидных черпаков, вероятно, следует считать затухание импульсов гальштатской традиции изготовления чернолощеной геометрической керамики и возвращение к глубоким неорнаментированным формам, бытовавшим на правобережье Среднего Днепра

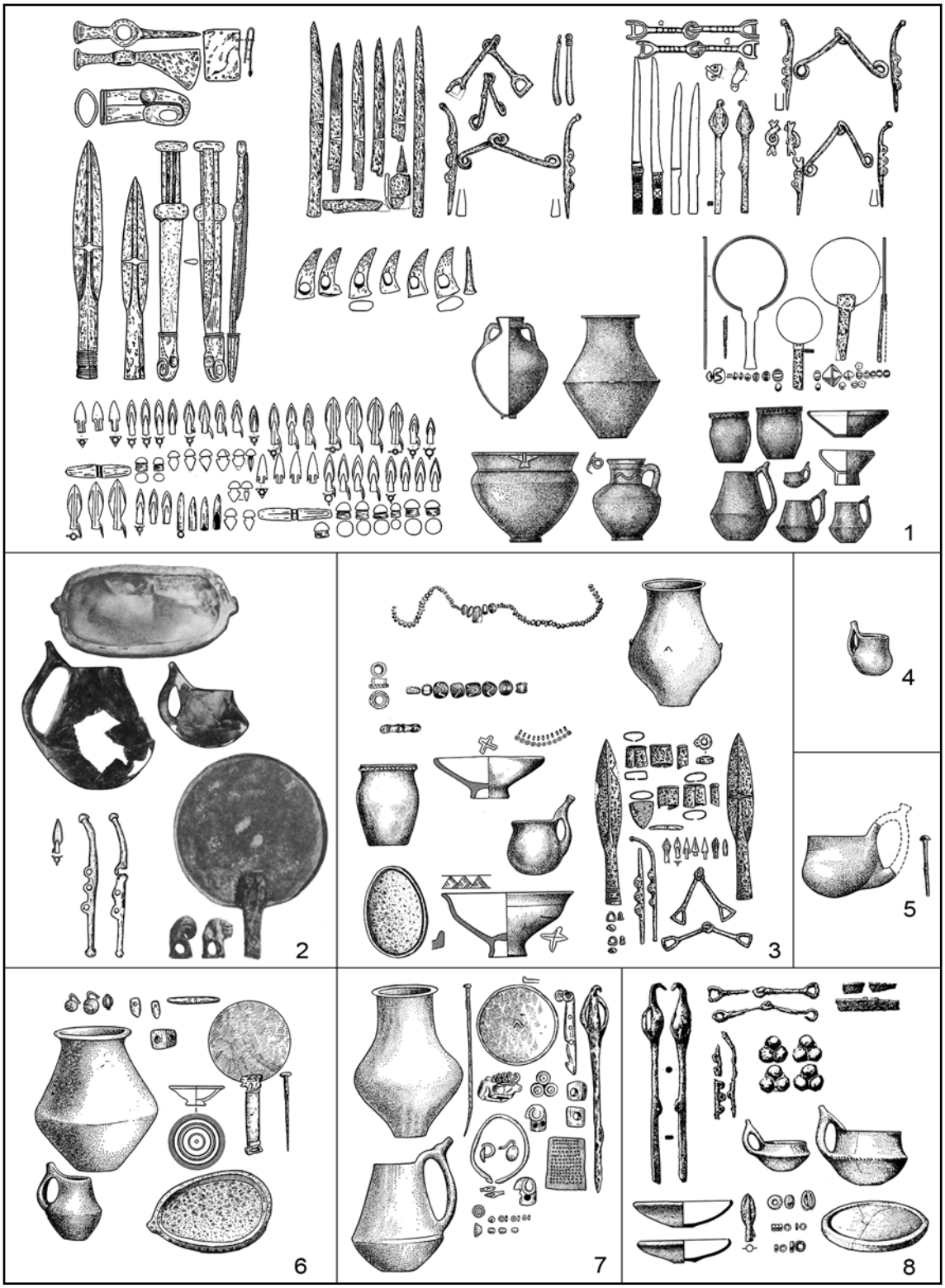

Рис. 2. Погребальные комплексы бассейна р. Тясмин с кружковидными черпаками: 1 — Репяховатая Могила, п. 2; 2 — Захарейкова Могила, п. 1; 3 — Журовка, к. 406; 4 — Гуляй-Город, к. 49; 5 — Грушевка, к. 395; 6 — Журовка, к. 447; 7 — Журовка, к. 407; 8 — Фляровка (1, 2 — по Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: рис. 11; 14—20; 24; 27; 33—36; 3—7 — по Ильинская 1975: табл. 8—10; 8 — по Ковпаненко 1984: рис. 2). Масштаб произвольный.

Fig. 2. Burial complexes with cup-type scoops from the basin of Tyasmin river: 1 — Repyakhovataja Mogila gr. 2; 2 — Zakharejkova Mogila; 3 — Zhurovka, b. 406; 4 — Gulyay-Gorod, b. 49; 5 — Grushevka, b. 395; 6 — Zhurovka, b. 447; 7 — Zhurovka, b. 407; 8 — Fljarovka (after: 1, 2 — Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: рис. 11; 14—20; 24; 27; 33—36; 3—7 — Ильинская 1975: табл. 8—10; 8 — Ковпаненко 1984: рис. 2). Image scale is arbitrary.

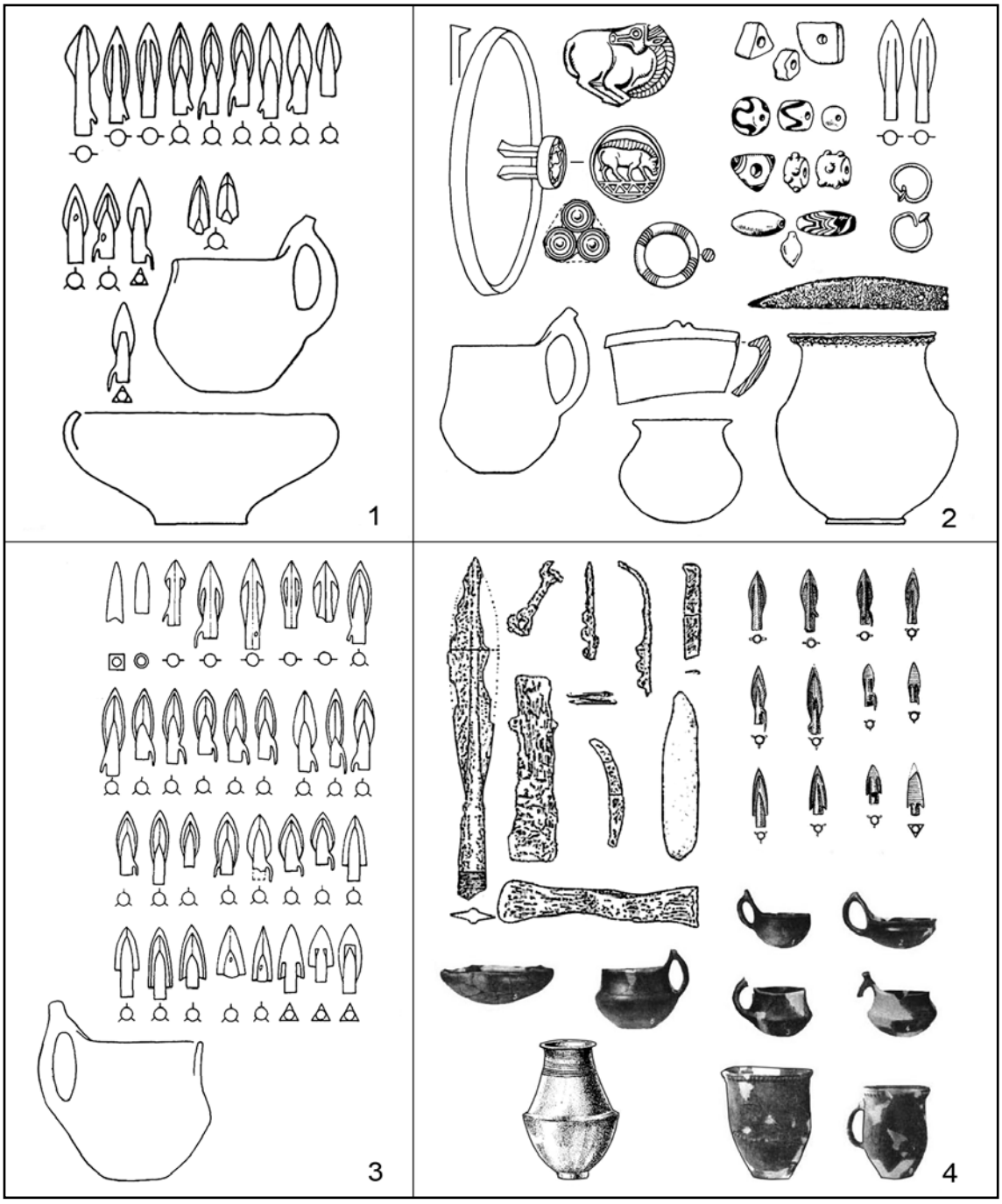

Рис. 3. Погребальные комплексы бассейна р. Рось с кружковидными черпаками: 1 — Берестняги, к. 82; 2 — Бобрица, к. 35; 3 — Лазурцы, к. 2; 4 — Малая Офирна (1—3 — по Ковпаненко 1981: рис. 8; 22: 2—35; 4 — по Петровська 1968: рис. 4—7). Масштаб произвольный.

Fig. 3. Burial complexes with cup-type scoops from the basin of Ros river: 1 — Berestnjagi, b. 82; 2 — Bobritsa, b. 35; 3 — Lazurtsy, b. 2; 4 — Malaja Ofirna (after: 1—3 — Ковпаненко 1981: рис. 8; 22: 2—35; 4 — Петровська 1968: рис. 4—7). Image scale is arbitrary.

с эпохи поздней бронзы. Глубокие черпаки известны в Лесостепи на памятниках белогрудовской и чернолесской культуры (Тереножкин 1961: 58, 64). Представлены они в степных памятниках Северного Причерноморья белозерского и киммерийского времени, гальштатских памятниках Карпато-Подунавья (Мелюкова 1958: рис. 16, 21; 1979: рис. 17—18; Гаврилюк 1979: рис. 3; Махортых 2005: рис. 44: 10—15). В то же время факт наследования предшествующей местной традиции вызывает сомнения: на это указывают некоторые отличия в морфологии сосудов, их пропорциях и оформлении ручек; при этом кружковидные формы черпаков отсутствуют в материалах поселений жаботинского этапа.

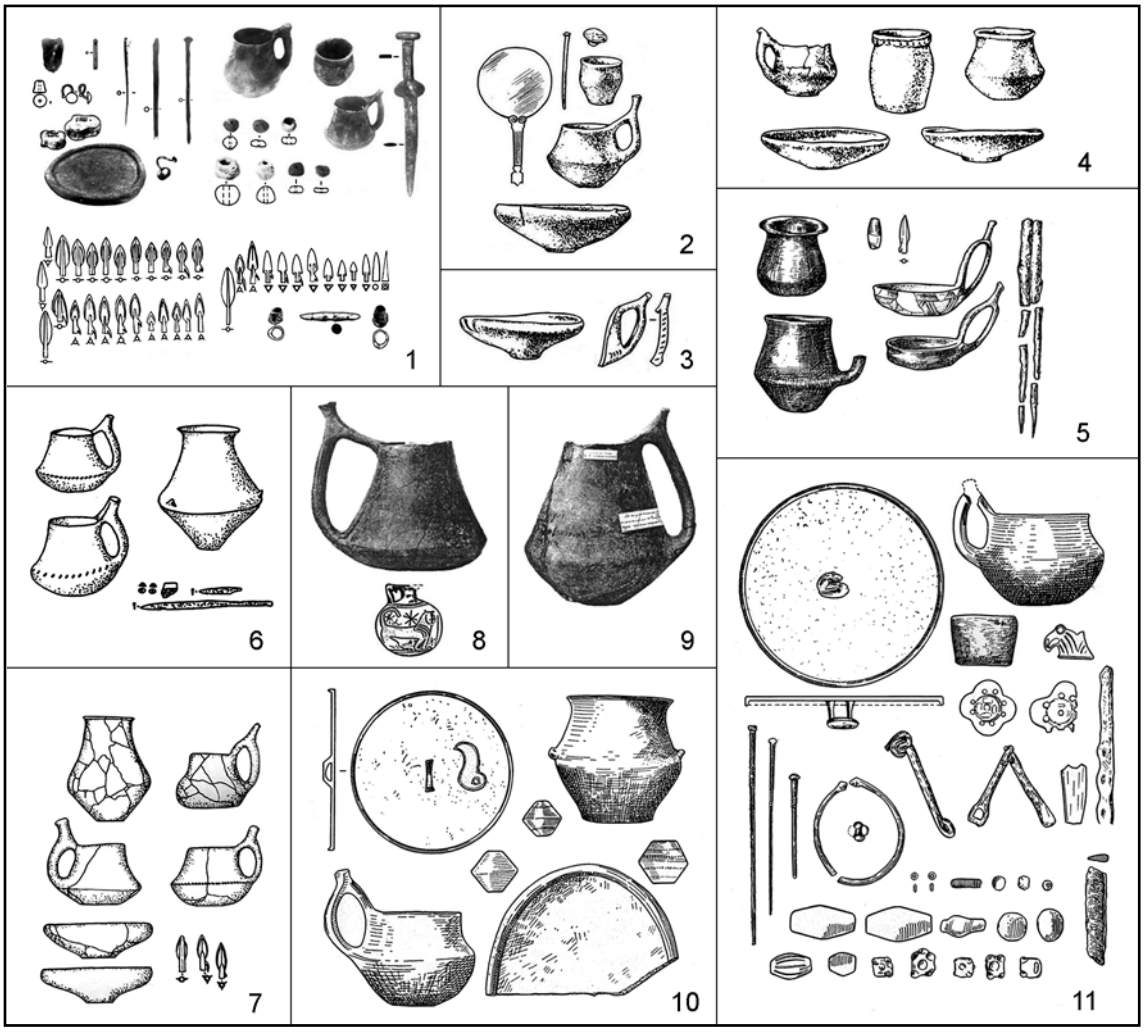

Рис. 4. Погребальные комплексы Днепровского Лесостепного Левобережья с кружковидными черпаками. 1 — Гладковщина, к. 4; 2 — Мачухи, к. 18, п. 1; 3 — Мачухи, к. 18, п. 2; 4 — Мачухи, к. 19; 5 — Мачухи, к. 37; 6 — Скоробор, к. 8; 7 — Скоробор, к. 22; 8 — Лубны, к. 11; 9 — Лубны, к. 4, п. 3; 10 — Герасимовка, к. 1; 11 — Герасимовка, к. 2 (1 — по Григорьев, Скорый 2012: рис. 12—14; 2—5 — по Ковпаненко 1970: рис. 4: 25—33; 5: 1—5; 7: 1—7; 6, 7 — по Шрамко 1994: рис. 4: 3—5; 6: 28—31; 11: 20—22; 13; 8, 9 — по Супруненко 2000: 123, 182; 10, 11 — по Ильинская 1968: табл: 45, 46). Масштаб произвольный.

Fig. 4. Burial complexes with cup-type scoops from the Forest-Steppe region of the Left Bank of Dnieper river. 1 — Gladkovshina, b. 4; 2 — Machukhi, b. 18, gr. 1; 3 — Machukhi, b. 18, gr. 2; 4 — Machukhi, b. 19; 5 — Machukhi, b. 37; 6 — Skorobor, b. 8; 7 — Skorobor, b. 22; 8 — Lubny, b. 4; 9 — Lubny, b. 11; 10 — Gerasimovka, b. 1; 11 — Gerasimovka, b. 2 (after: 1 — Григорьев, Скорый 2012: рис. 12—14; 2—5 — Ковпаненко 1970: рис. 4: 25—33; 5: 1—5; 7: 1—7; 6, 7 — Шрамко 1994: рис. 4: 3—5; 6: 28—31; 11: 20—22; 13; 8, 9 — Супруненко 2000: 123, 182; 10, 11 — Ильинская 1968: табл: 45, 46). Image scale is arbitrary.

По нашему мнению, решение вопроса генезиса глубоких черпаков упирается во время появления и контекст обнаружения их наиболее ранних образцов. Основная масса кружковидных черпаков раннего (РСК-2) и основного (РСК-3) периодов их бытования происходит из погребений, которые большинством исследователей интерпретируются как захоронения скифской военной аристократии и содержат черты кочевнического погребального ритуала (Скорый 2003: табл. 2). Появление их совпадает со временем изменений в материальной культуре Лесостепи и внедрением комплекса предметов келермесского типа. С. А. Скорый связывает древности этих двух этапов со второй «кавказской» волной скифов, инвентарь большинства погребений которой «имеет ярко выраженный кавказский и переднеазиатский колорит» (Скорый 2003: 77). В определенной степени это касается и керамического набора. Кружковидные черпаки из памятников Среднего Поднепровья обнаруживают некоторое сходство с лепными кружками из воинских захоронений Северного Кавказа на могильниках Нартан, Новозаведенное-II и Краснознаменское (рис. 5).

По справедливому замечанию В. Е. Маслова, комплекс керамики из могильников

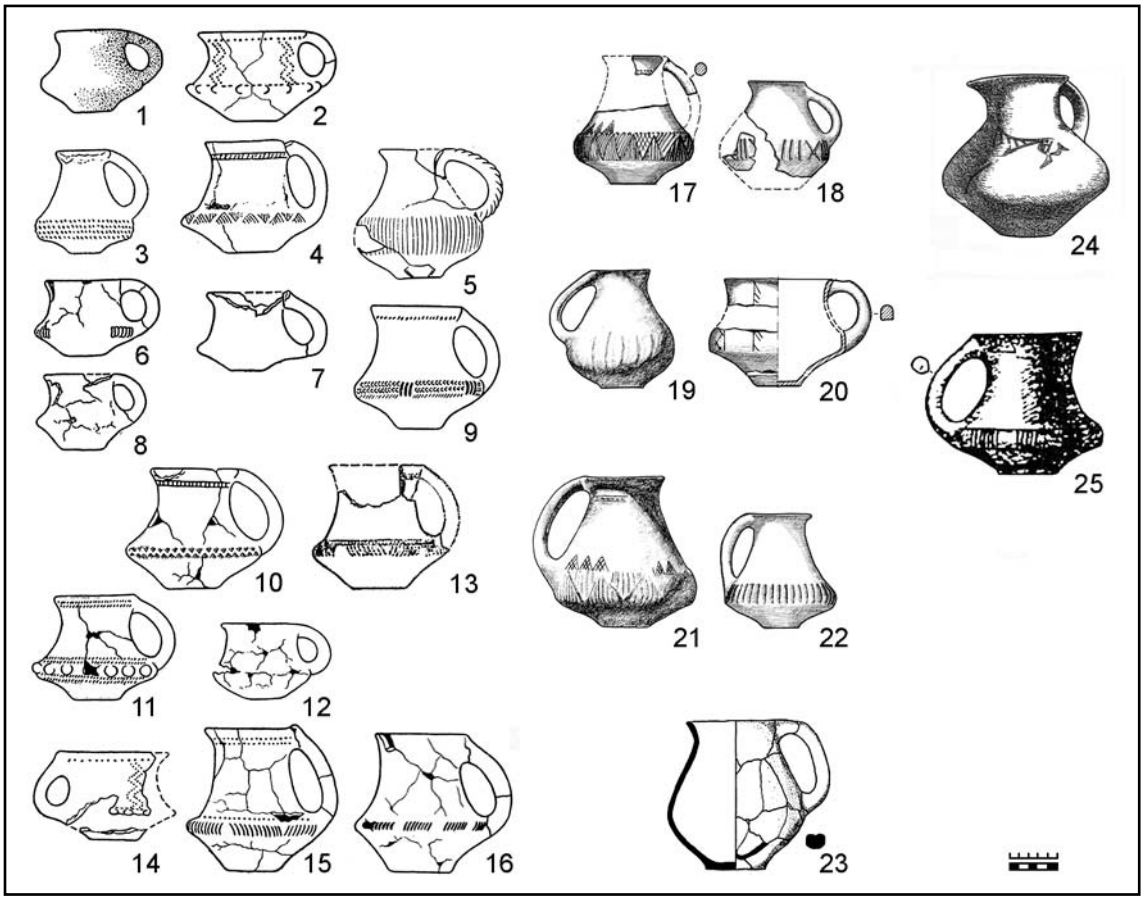

Рис. 5. Лепные кружки из погребальных комплексов конца VII — VI вв. до н.э. кочевников Северного Кавказа. 1—16 — Нартанский могильник, к. 5—7, 9, 10, 15, 16, 20, 22; 17—22 — Краснознаменский могильник, к. 1, 3, 7—8; 23 — ст. Ассиновская, к. 10; 24—25 — Новозаведенное-II, к. 6, 14 (1—16 — по Батчаев 1985: табл. 19: 4; 21: 2, 4; 23: 4—5; 27: 12—14; 29: 3; 39: 36—39; 41: 34; 48: 47, 48; 51: 34; 17—22 — по Петренко 2006: табл. 69; 23 — по Бурков, Маслов 2007: рис. 7: 1; 24 — по Петренко, Маслов, Канторович 2006: рис. 2: А; 25 — по Петренко, Маслов, Канторович 2000: рис. 9).

Fig. 5. Hand-molded cups from burial complexes of nomads of the Northern Caucasus (late 7th — 6th centuries BC). 1—16 — Nartan, b. 5—7, 9, 10, 15, 16, 20, 22; 17—22 — Krasnoe Znamya, b. 1, 3, 7—8; 23 — Assinovskaja, b. 10; 24—25 — Novozavedenoe-II, b. 6, 14 (after: 1—16 — Батчаев 1985: табл. 19: 4; 21: 2, 4; 23: 4—5; 27: 12—14; 29: 3; 39: 36—39; 41: 34; 48: 47, 48; 51: 34; 17—22 — Петренко 2006: табл. 69; 23 — Бурков, Маслов 2007: рис. 7: 1; 24 — Петренко, Маслов, Канторович 2006: рис. 2: А; 25 — Петренко, Маслов, Канторович 2000: рис. 9).

скифской дружинной знати Предкавказья «обладает столь выразительными особенностями, что его следует рассматривать как новое культурное явление» (Маслов 2006: 79). Наиболее распространенными среди новых форм посуды становятся кружки, генезис которых в гончарной традиции местных племен исследователь связывает с появлением на Северном Кавказе памятников скифской архаической культуры и господствующей моды, формировавшейся новой элитой. При этом происхождение самой формы кружек предлагается выводить из керамических форм Восточного Закавказья, с населением которого скифы поддерживали культурные контакты (Маслов 2006: 85—86). У нас не вызывает сомнения, что северокавказские образцы не являются импортом, а изготовлены местными мастерами. При сравнении лепных кружек из могильников Северного Кавказа заметны определенные локальные отличия, выраженные как в морфологии, так и в орнаментации, отражающие местные элементы гончарных традиций (рис. 5). Обращает внимание, что мода на наборы посуды (корчага, миска, черпак), характерная для захоронений скифской знати Кавказа, находит отражение и в погребальной традиции кочевников лесостепного Поднепровья.

Аналогии кружковидным черпакам известны в комплексах западного варианта кобанской культуры и Восточном Закавказье (рис. 6: 6—12). Среди керамического комплекса меотских памятников правобережья Кубани также имеется ряд соответствий (рис. 6: 1—5). По Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, это

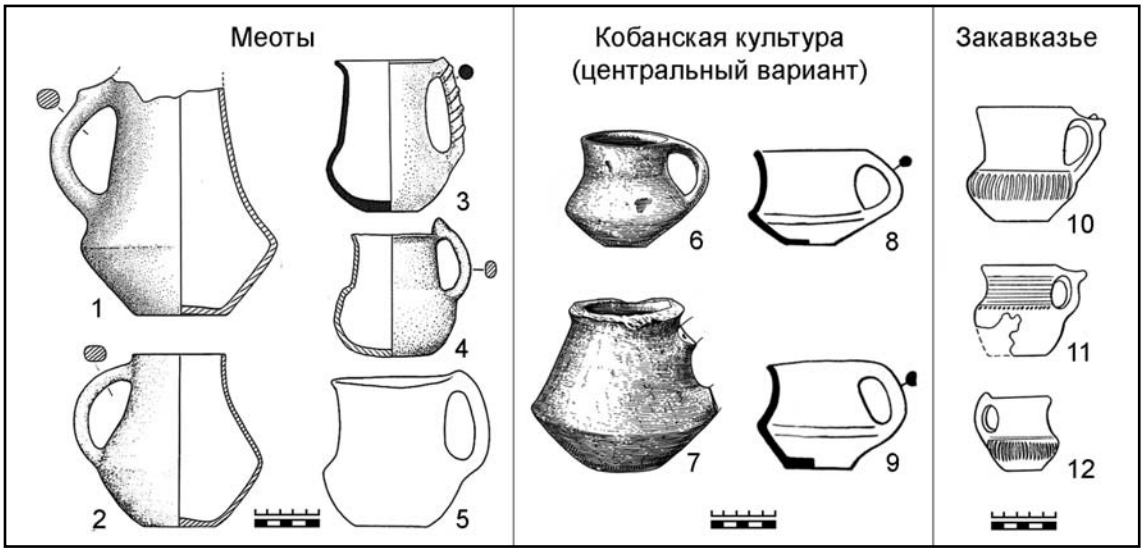

Рис. 6. Лепные кружки из погребальных комплексов конца VII — VI вв. до н. э. меотов, западного варианта кобанской культуры и Восточной Грузии. 1 — Старокорсунское-2 п. 266в; 2 — хут. Ленина-2, п. 46; 3 — Старокорсунское-2, п. 332з; 4 — Старокорсунское-2-1999, п. II/«З»; 5 — Усть-Лабинский-2-1937, п. 18; 6—7 — Карабашево; 8—9 — Султан-гора 3; 10—12 — Грмахевистави (1—5 — по Лимберис, Марченко 2013: рис. 9: 12—14; 13: 4; 100: 8; 6, 7 — по Козенкова 1989: табл. 44: 25, 26; 8, 9 — по Членова 1984: рис. 3: 6, 8; 10—12 — по Абрамова 1984: рис. 2: 9—11).

Fig. 6. Hand-molded cups from Maeotian burial complexes of the late 7th — 6th centuries BC (Western variant of Koban culture and Eastern Georgia). 1 — Starokorsunskoe-2 gr. 266v; 2 — Lenin khutor-2, gr. 46, 3 — Starokorsunskoe-2 gr. 332z; 4 — Starokorsunskoe-2, 1999, gr. II/"Z"; 5 — Ust-Laba-2, 1937, gr. 18; 6—7 — Karabashevo; 8—9 — Sultan-gora 3, 10—12 — Grmakhevistavi (after: 1—5 — Лимберис, Марченко 2013: рис. 9: 12—14; 13: 4; 100: 8; 6, 7 — Козенкова 1989: табл. 44: 25, 26; 8, 9 — Членова 1984: рис. 3: 6, 8; 10—12 — Абрамова 1984: рис. 2: 9—11).

кувшинчики типа 5, которые не находят параллелей в протомеотское время и появляются лишь в комплексах первой половины VI в. до н. э., что также можно связывать с влиянием кочевых скифов (Лимберис, Марченко 2012: 20—21).

При сравнении кружковидных черпаков Среднего Поднепровья с указанными аналогиями из Предкавказья и Кубани заметна разница в некоторых признаках: оформлении ручки, орнаментации и некоторых отличиях профиля. При этом везде сохраняется общая форма кружки, размеры и пропорции, тулово с выделенным ребром или перегибом. Все это указывает на местное производство, а также на переработку этой идеи с учетом местных гончарных традиций.

Вместе с тем нам не известны аналогии кружковидным черпакам на территориях к западу от Среднего Поднепровья — на памятниках Среднего Поднестровья и Побужья, Днестровско-Прутского междуречья. Некоторое сходство заметно только с глубокими кружками с биконическим туловом и высокой петельчатой ручкой из более поздних памятников Карпато-Подунавья VI в. до н. э. (Kemenczei 2001—2002: Abb. 1: 3; 3: 29; 5: 6—8; 10: 20; 11: 11), в частности, погребений т. н. «Alföld-Gruppe», с которой связываются исторические судьбы носителей раннескифского комплекса украинской Лесостепи (Дараган 2011: 632).

В конце VI — начале V в. до н. э. традиция изготовления черпаков у населения Среднего Поднепровья прерывается. Одновременно появляется ряд новых керамических форм, среди которых известны кружки. Именно в этой категории посуды находят своё продолжение глубокие черпаки. Практически все ранние образцы имеют лощеную или подлощеную поверхность и размеры, аналогичные кружковидным черпакам, а некоторые из них имеют приподнятую ручку (Петренко 1967: 22; табл. 7: 1, 2; 8: 1—4; Супруненко 1996: рис. 19). Особый интерес представляет кружка из Восточного Бельского городища, на которой сохранился небольшой выступ на ручке, характерный для черпаков (Шрамко 1983: рис. 11: 2).

В целом, глубокие кружковидные черпаки, которые появляются в Среднем Поднепровье одновременно с проникновением скифов «кавказской» волны, можно рассматривать как инновационное явление, связанное с традициями новых завоевателей, в значительной степени повлиявших на материальную культуру местного населения, в том числе и на керамический набор.

Литература

Абрамова М.А. 1984. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Петренко В.Г. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 15—20.

Алексеев А.Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н.э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Батчаев В.М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов. *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии* 2. Нальчик: Эльбрус, 7—115.

Бессонова С.С., Скорый С.А. 2001. *Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.)*. Киев; Краков: Киевская типография ФПУ.

Бурков С.Б., Маслов В.Е. 2007. Воинские погребения из курганов у станицы Ассиновской. В: Козенкова В.И., Малашев В.Ю. (отв. ред.). *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке*. Сборник памяти М.П. Абрамовой. Москва: ИА РАН; Таус, 295—320.

Горбов В.Н. 1986. К вопросу о типологии черпаков Среднего Поднепровья. В: Андриенко В.П. (отв. ред.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Обл. науч.-практ. семинар, 10—11 апр. 1986. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 41—42.

Гречко Д.С. 2013. О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре. *Stratum plus* (3), 133—154.

Григорьев В.П., Скорый С.А. 2012. Курганы у села Гладковщина — памятники эпохи скифской архаики в Левобережной Приднепровской терасовой Лесостепи. В: Blajer W. (red.). *Peregrinationes archaelogicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Krakow: Profil-Archeo, 441—459.

Дараган М.Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: КНТ.

Іллінська В.А. 1952. Верхньосульська експедиція 1947 р. *АП УРСР* VI, 34—41.

Ильинская В.А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.

Ильинская В.А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. 1980. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, 31—63.

Кашуба М.Т., Левицкий О.Г. 2011. Заметка о происхождении одной категории сосудов для питья позднейшего предскифского — раннескифского времени в Северном Причерноморье. В: Посохов С.И. (отв. ред.). *Древности Восточной Европы.* Сборник науч. трудов к 90-летию Б.А. Шрамко. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 148—159.

Клочко В.І., Скорий С.А. 1993. Курган № 15 біля с. Стеблева у Пороссі. *Археологія* (2), 71—84.

Ковпаненко Г.Т. 1970. Кургани поблизу с. Мачухи на Полтавщині. *Археологія* XXIV, 146—169.

Ковпаненко Г.Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в басейне р. Рось*. Киев: Наукова думка.

Ковпаненко Г.Т. 1984. «Червона могила» у с. Фляркова. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Петренко В.Г. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 107—113.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья*. Киев: Наукова думка.

Козенкова В.И. 1989. *Кобанская культура. Западный вариант.* САИ В2—6.

Кубишев А.І., Скиба Л.Є., Скорий С.А. 1995. Поховання скіфського часу Пирогівського могильника. *Археологія* (1), 100—111.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2012. *Меотские древности VI—V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани)*. Краснодар: Кубанский государственный университет.

Маслов В.Е. 2006. К вопросу о формировании керамического комплекса раннескифского времени в Центральном Предкавказье. *РА* (1), 79—87.

Махортых С.В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Киев: Шлях.

Медведская И.Н. 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток. *РА* (3), 86—107.

Мелюкова А.И. 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. *МИА* 64, 5—102.

Мелюкова А.И. 1978. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.

Могилов О.Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи*. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ.

Моруженко А.А. 1977. *Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого госуниверситета о разведках и раскопках в 1977 году*. НА ИА НАНУ, № 1977/87.

Моруженко А.А. 1982. *Отчет лесостепной скифской экспедиции ДонГУ о работах в 1982 г.* НА ИА НАНУ, №1982/140.

Мурзин и др. 1998: Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В., Белозор В.П. 1998. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1997 г.* Киев: Институт археологии НАН Украины.

Мурзин и др. 2001: Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Скорый С.А., Махортых С.В., Белозор В.П. 2001. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 г.* Киев: Институт археологии НАН Украины.

Петренко В.Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н.э.* САИ Д1—4.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II. В: Гуляев В.И., Ольховский В.С. (отв. ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология*. Москва: Ин-т археологии РАН, 238—248.

Петренко В.Г. 2006. *Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе*. Москва; Берлин; Бордо: Палеограф.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. 2006. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II. В: Петренко В.Г., Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Древности скифской эпохи*. Москва: ИА РАН, 388—423.

Петровська Є.О. 1968. Курган VI ст. до н.е. біля с. Мала Офірна на Київщині. *Археологія* XXI, 164—174.

Петровська Є.О. 1970. Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва. *Археологія* XXIV, 129—145.

Скорий С. А. 1990. *Курган Перепʼятиха (До етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя)*. Київ: Наукова думка.

Скорый С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев: ІА НАНУ.

Скорый С. А. 2008. Селище в ур. Лисовый Кут на Большом укреплении Бельского городища. *Revista Arheologică* (4), 146—179.

Супруненко О. Б. 1996. Розкопки Більського курганного некрополю «Б». В: Супруненко О. Б. (відп. ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава: Археологія, 88—120.

Супруненко О. Б. 2000. *Археологія в діяльності першого приватного музею України (Лубенський музей К. М. Скржинської)*. Київ; Полтава: Археологія.

Тереножкин А. И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев: АН УССР.

Фіалко О. Є., Болтрик Ю. В. 2003. *Напад скіфів на Трахтемирівське городище*. Київ: КОРВІН ПРЕСС.

Черненко и др. 2004: Черненко Е. В., Ролле Р., Скорый С. А., Махортых С. В., Герц В., Белозор В. П. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2003 г*. Киев: Институт археологии НАН Украины.

Членова Н. Л. 1984. Могильник VI в. до н. э. Султангора III под Кисловодском. В: Мелюкова А. И., Мошкова М. Г., Петренко В. Г. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 235—241.

Шрамко Б. А. 1983. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей. *АСГЭ* (23), 73—92.

Шрамко Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.

Шрамко Б. А. 1994. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор. *Древности 1994. Харьковский историко-археологический ежегодник*. Харьков: Бизнес Информ, 102—126.

Шрамко И. Б. 1995. Раскопки на Западном укреплении Бельского городища в 1994 г. *Древности 1995. Харьковский историко-археологический ежегодник*. Харьков: Бизнес Информ, 174.

Kemenczei T. 2001—2002. Beiträge zur Schmuckmode der Alföld-Gruppe Skitischer Pragung. *Folia Archaelogica* XLIX—L. Budapest, 29—73.

References

Abramova, M. A. 1984. In *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia (Antiquities of Eurasia in Scythian and Sarmatian time)*. Moscow: Nauka, 15—20 (in Russian).

Alexeev, A. Yu. 2003. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII—IV vekov do n. e. (The chronography of European Scythia in 7th—4th centuries BC)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).

Batchaev, V. M. 1985. In *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii (Salvage archaeological investigations in Kabardino-Balkaria)* 2. Nalchik: Elbrus, 7—115 (in Russian).

Bessonova, C. S., Skory, S. A. 2001. *Motroninskoe gorodishche skifskoi epokhi (po materialam raskopok 1988—1996 gg.) (Motroninskoe fortified settlement from Scythian epoch (basing on the materials from the excavations in 1988—1996))*. Kiev; Kraków: Kievskaia tipografiia FPU (in Russian).

Burkov, S. B., Maslov, V. E. 2007. In *Severnyi Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke (Northern Caucasus and nomadic world in Early Iron Age)*. Moscow: IA RAN; Taus, 295—320 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1986. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass region)*. Donetsk: Donetskii oblastnoi kraevedcheskii muzei, 41—42 (in Russian).

Grechko, D. S. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiia i kulʼturnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 133—154 (in Russian).

Grigoriev, V. P., Skory, S. A. 2012. In *Peregrinationes archaelogicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków: Profil-Archeo, 441—459 (in Russian).

Daragan, M. N. 2011. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (The beginning of Early Iron Age in the forest-steppe zone of the right bank of Dnieper)*. Kiev: KNT (in Russian).

Ilyinskaya, V. A. 1952. In *Arkheolohichni pamʼyatky URSR (Archaeological sites of URSR)* VI, 34—41 (in Ukrainian).

Ilyinskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezhʼia (kurgany Posulʼia) (Scythians of the forest-steppe zone of the right bank of Dnieper (Posulʼie barrows))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Ilyinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskie kurgany basseina r. Tiasmin (Early Scythian barrows in the bassin of the river Tiasmyn)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Ilyinskaya, V. A., Mozolevskii, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. In *Skifiia i Kavkaz (Scythia and Caucasus)*. Kiev: Naukova dumka, 31—63 (in Russian).

Kashuba, M. T., Levițski, O. G. 2011. In *Drevnosti Vostochnoi Evropy (Antiquities of the Eastern Europe)*. Kharkov: KhNU, 148—159 (in Russian).

Klochko, V. I., Skory, S. A. 1993. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 71—84 (in Ukrainian).

Kovpanenko, H. T. 1970. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XXIV, 146—169 (in Ukrainian).

Kovpanenko, G. T. 1981. *Kurgany ranneskifskogo vremeni v baseine r. Rosʼ (Early Scythian barroes in the basin of Rosʼ river)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Kovpanenko, G. T. 1984. In *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia (Antiquities of Eurasia in Scythian and Sarmatian time)*. Moscow: Nauka, 107—113 (in Russian).

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryi, S. A. 1989. *Pamiatniki skifskoi epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhʼia (Monuments from the Scythian epoch in the forest-steppe zone of the left bank of Dnieper)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1989. *Kobanskaia kulʼtura. Zapadnyi variant (Koban culture. Western variant)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2—6 (in Russian).

Kubyshev, A. I., Skiba, L. E., Skory, S. A. 1995. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 100—111 (in Ukrainian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2012. *Meotskie drevnosti VI—V vv. do n. e. (po materialam gruntovykh mogilʼnikov pravoberezhʼia Kubani) (Maeotae antiquities from 6th—5th centuries BC (basing on the materials from the flat necropolises on the right bank of Kuban))*. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Maslov, V. E. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 79—87 (in Russian).

Makhortykh, S. V. 2005. *Kimmeriitsy Severnogo Prichernomorʼia (The Cimmerians of North Pontic Area)*. Kiev: Shliakh (in Russian).

Medvedskaya, I. N. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 86—107 (in Russian).

Melyukova, A. I. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 64, 5—102 (in Russian).

Melyukova, A. I. 1978. *Skifiia i frakiiskii mir (Scythia and Thracian world)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Mogilov, O. D. 2008. *Sporyadzhennya konya skifsʼkoï doby u lisostepu Skhidnoï Yevropy (Scythian-time horse garment in the forest-steppe zone of Eastern Europe)*. Kiev; Kamenets-Podolsky: IA NANU (in Ukrainian).

Moruzhenko, A. A. 1977. *Otchet lesostepnoi skifskoi ekspeditsii Donetskogo gosuniversiteta o razvedkakh i raskopkakh v 1977 godu (Report of the forest-steppe Scythian expedition of Donetsk State university on the fieldwalking and excavations in 1977)*. Naukovii arkhiv IA NANU (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). № 1977/87 (in Russian).

Moruzhenko, A. A. 1982. *Otchet lesostepnoi skifskoi ekspeditsii DonGU o rabotakh v 1982 g. (Report of the forest-steppe Scythian expedition of Donetsk State university on the field works in 1982)*. Naukovii arkhiv IA NANU (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). № 1982/140 (in Russian).

Murzin, V. Yu., Rolle, R., Hertz, V., Makhortykh, S. V., Belozor, V. P. 1998. *Issledovaniia sovmestnoi Ukrainsko-Nemetskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1997 g. (Investigations of the joint Ukrainian-German archaeological expedition in 1997)*. Kiev: Institut arkheologii NAN Ukrainy (in Russian).

Murzin, V. Yu., Rolle, R., Hertz, V., Skory, S. A., Makhortykh, S. V., Belozor, V. P. 2001. *Issledovaniia sovmestnoi Ukrainsko-Nemetskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 2000 g. (Investigations of the joint Ukrainian-German archaeological expedition in 2000)*. Kiev: Institut arkheologii NAN Ukrainy (in Russian).

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ia v V-III vv. do n. e. (The right bank of the middle Dnieper basin in the 5th—3rd centuries BC)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—4 (in Russian).

Petrenko, V. G., Maslov, V. E., Kantorovich, A. R. 2000. In *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n. e.: paleoekologiia, antropologiia i arkheologiia (Scythians and Sarmatians in 7th—3rd centuries BC: paleoecology, anthropology and archaeology)*. Moscow: IA RAN, 238—248 (in Russian).

Petrenko, V. G. 2006. *Krasnoznamenskii mogil'nik. Elitnye kurgany ranneskifskoi epokhi na Severnom Kavkaze (Krasnoznamenskii necropolis. Elite barrows from the Early Scythian period in Northern Caucasus)*. Moscow; Berlin; Bordo: Paleograf (in Russian).

Petrenko, V. G., Maslov, V. E., Kantorovich, A. R. 2006. In *Drevnosti skifskoi epokhi (Antiquities from the Scythian epoch)*. Moscow: IA RAN, 388—423 (in Russian).

Petrovskaya, E. O. 1968. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XXI, 164—174 (in Ukrainian).

Petrovskaya, E. O. 1970. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XXIV, 129—145 (in Ukrainian).

Skory, S. A. 1990. *Kurhan Perep'yatykha (Do etnokul'turnoï istoriï Dniprovs'koho Lisostepovoho Pravoberezhzhya) (Perep'yatykha barrow (On the ethnocultural history of the forest-steppe zone of the right bank of Dnieper))*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).

Skory, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problema vydeleniia iranskogo etnokul'turnogo elementa) (Scythians in the forest-steppe zone of the right bank of Dnieper (the problem of emphasize of Iranian ethnocultural element))*. Kiev: IA NANU (in Russian).

Skory, S. A. 2008. In *Revista Arheologică* (4), 146—179 (in Russian).

Suprunenko, O. B. 1996. In *Bil's'ke horodyshche v konteksti vyvchennya pam'yatok rann'oho zaliznoho viku Yevropy (Bil's'ke fortified settlement in the context of research of Early Iron Age sites in Europe)*. Poltava: Arkheolohiya, 88—120 (in Ukrainian).

Suprunenko, O. B. 2000. *Arkheolohiya v diyal'nosti pershoho pryvatnoho muzeyu Ukraïny (Lubens'kyj muzej K. M. Skrzhyns'koï) (Archaeology in the activity of the first private museum of Ukraine (Lubensk museum of K. M. Skrzhyns'kaia))*. Kiev; Poltava: Arkheolohiya (in Ukrainian).

Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'e (The Pre-Scythian period on the right bank of Dnieper)*. Kiev: AN USSR (in Russian).

Fialko, E. E., Boltrik, Yu. V. 2003. *Napad skifiv na Trakhtemirivs'ke gorodishche (Scythian assault on Trakhtemirivs'ke fortified settlement)*. Kiev: Korvin Press (in Russian).

Chernenko, E. V., Rolle, R., Skory, S. A., Makhortykh, S. V., Hertz, V., Belozor, V. P. 2004. *Issledovaniia sovmestnoi Ukrainsko-Nemetskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 2003 g. (Investigations of the joint Ukrainian-German archaeological expedition in 2003)*. Kiev: Institut arkheologii NAN Ukrainy (in Russian).

Chlenova, N. L. 1984. In *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia (Antiquities of Eurasia in Scythian and Sarmatian time)*. Moscow: Nauka, 235—241 (in Russian).

Shramko, B. A. 1983. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* (23), 73—92 (in Russian).

Shramko, B. A. 1987. *Bel'skoe gorodishche skifskoi epokhi (gorod Gelon) (Bel'sk fortified settlement of the Scythian epoch (the town of Gelon))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Shramko, B. A. 1994. In *Drevnosti 1994. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik (Antiquities 1994. Kharkov historical and archaeological annual)*. Kharkov: Biznes Inform, 102—126 (in Russian).

Shramko, I. B. 1995. In *Drevnosti 1995. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik (Antiquities 1995. Kharkov historical and archaeological annual)*. Kharkov: Biznes Inform, 174 (in Russian).

Kemenczei, T. 2001—2002. Beiträge zur Schmuckmode der Alföld-Gruppe Skitischer Pragung. *Folia Archaelogica* XLIX—L. Budapest, 29—73.

Статья поступила в номер 14 января 2014 г.

Konstantyn Pelyashenko (Kharkov, Ukraine). Regional municipal institution "Kharkiv Historical Museum"[1].

Konstantyn Pelyashenko (Harkov, Ucraina). Instituția municipală regională „Muzeul de istorie din Harkov".

Пеляшенко Константин Юрьевич (Харьков, Украина). Областное коммунальное учреждение «Харьковский исторический музей».

E-mail: pelyashenko@mail.ru

Address: [1] University St., 5, Kharkov, 61003, Ukraine

В. С. Синика, В. А. Меньшикова, Н. П. Тельнов

Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV—I вв. до н. э.

Keywords: Northern Black Sea Coast, Dniester Region, Bug Region, Crimea, Dnieper Region, Don Region, 4th—1st centuries BC, hand-molded incense cups, ornament.

Cuvinte cheie: spațiul Nord-Pontic, bazinul Nistrului, bazinul Bugului, Crimea, bazinul Niprului, bazinul Donului, sec. IV—I î. Hr., fumegători lucrate cu mâna, ornament.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Поднестровье, Побужье, Крым, Поднепровье, Подонье, IV—I вв. до н. э., лепные курильницы, орнамент.

V. S. Sinika, V. A. Menshikova, N. P. Telnov

Hand-Molded Incense Cups from the Northern Black Sea Coast Sites of 4th—1st Centuries BC

The article deals with hand-molded incense cups of the North Black Sea Coast of 4th—1st centuries BC. Given the large number of censers found during the excavation of the Scythian barrow cemetery near village Glinoe in the Dniester region, the authors revised all known similar finds and proposed a typology of these vessels. They substantiated the origin of the fluted incense cups from similar vessels common among Meotian tribes of the Kuban Region. Their way of penetration into the Northern Black Sea Coast is outlined. Censers with ornaments with solar symbols, apparently, represent the Crimean tradition in the manufacture of such vessels. Such ornamental patterns like "fishbone" and groups of lines falling down from a line on the shoulder of a vessel seem to be of Scythian origin. The origin of censers without any ornament is more complicated some of them — with a distinguished foot — can testify to the Greek influence, some other — with a flat bottom: indicate the use of Scythian form of hand-molded pots.

V. S. Sinika, V. A. Menshikova, N. P. Telnov

Fumegătoarele lucrate cu mâna de pe siturile spațiului Nord-Pontic din sec. IV—I î. Hr.

Articolul prezintă analiza fumegătorilor lucrate cu mâna din spațiul Nord-Pontic din sec. IV—I î.Hr. Având în vedere cantitatea considerabilă de fumegători, descoperite în cursul cercetării necropolei scitice de la Glinoe (Hlinaia — bazinul Nistrului), a fost realizată o trecere în revistă a tuturor descoperirilor de acest tip și propusă tipologia acestora. Sunt aduse argumente în favoarea originii fumegătorilor canelate de la vase similare, răspândite la triburile meotice din regiunea Kuban. A fost conturată calea pătrunderii acestor vase în spațiul Nord-Pontic. Probabil, motivele solare de pe unele fumegători reflectă o tradiție, originară din Crimea, iar decorul în formă de „brad" și benzi liniare, care se coboară în jos de la o altă linie, aflată pe umărul vasului, sunt de origine scitică. Mai complicată e problema originii fumegătorilor fără decor: o parte din ele — cu picior evidențiat — pot reflecta influența grecească asupra producerii ceramicii; o altă parte — cu fund plat — sugerează forma chiupului scitic.

В. С. Синика, В. А. Меньшикова, Н. П. Тельнов

Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV—I вв. до н. э.

В статье анализируются лепные курильницы из Северного Причерноморья IV—I в. до н. э. С учётом значительного количества курильниц, обнаруженных при исследовании скифского могильника у с. Глиное в Поднестровье, осуществлена ревизия всех известных подобных находок. Предложена типология этих сосудов. Обосновывается происхождение каннелированных курильниц от аналогичных сосудов, распространённых у меотских племён Прикубанья. Намечен путь их проникновения в Северное Причерноморье. Курильницы с орнаментом, включающим солярные символы, по всей видимости, представляют крымскую традицию в изготовлении подобных сосудов. Вероятно, «ёлочный» орнамент и орнамент в виде групп линий, пучком опускающихся вниз от линии на плече сосуда, имеют скифское происхождение. Более сложен вопрос о происхождении курильниц без орнамента: часть из них — с выделенной ножкой — может свидетельствовать о греческом влиянии на изготовление сосудов; другая часть — с плоским дном — об использовании формы скифского лепного горшка.

Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья с раздутым туловом на протяжении длительного времени привлекают внимание исследователей. Изначально они становились предметом анализа при публикации археологических материалов из памятников Крыма (Шульц 1953: 34, 62) и Поднестровья (Мелюкова 1962: 157, 159, рис. 4: 1—5), где они встречались чаще, чем в других регионах Северного Причерноморья. Одними из немногих работ, посвящённых этим культовым сосудам, стали работы Е. В. Яковенко

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© В. С. Синика, В. А. Меньшикова, Н. П. Тельнов, 2014.

1971 г. и О.Д. Дашевской 1980 г. В них рассматривались и анализировались лепные курильницы, известные авторам более 30 лет назад (Яковенко 1971; Дашевская 1980).

В настоящее время, с учетом накопления новых данных, полученных в ходе археологических раскопок памятников Северного Причерноморья, и современного понимания ситуации, назрела необходимость более детального рассмотрения всех известных курильниц подобного вида, т.е. с раздутым туловом[1]. При этом особое значение имеет представительная коллекция подобных сосудов из раскопок скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района в Поднестровье, большинство погребений которого сохранились не потревоженными.

Ниже приводится список памятников по регионам, в которых были обнаружены лепные курильницы.

Добруджа

Самым западным пунктом, где была обнаружена курильница с каннелюрами по тулову, является некрополь г. Томы в Добрудже, на западном побережье Чёрного моря (рис 1: 1). Сосуд с двумя ушками-упорами без отверстий украшен косыми прочерченными каннелюрами по тулову таким образом, что они образуют V-образный орнамент. Погребение с курильницей датируется III—II вв. до н.э. Автор публикации называет курильницу уникальным сосудом, отмечая, что он не имеет аналогий в гетской керамике и является единичным образцом (Scorpan 1970: 80—81, fig. 1: 1, 2; 4: 3—6).

Нижнее Подунавье

На левобережье Нижнего Дуная пять курильниц обнаружены в скифских погребениях. Четыре сосуда (три — из могильника Кугурлуй и один — из могильника Градешка) до настоящего времени не опубликованы и только упоминаются в работах (Редина 1989: 133; Андрух 1995: 45, 46). Пятая курильница найдена в погребении 24/1 могильника Курчи. Под венчиком и на плече она украшена двумя рядами округлых вдавлений, образующих волнистые линии. Под вдавлениями на венчике расположены косые насечки, а по тулову нанесён «ёлочный» орнамент (рис. 1: 2) (Андрух 1991: 27, рис. 3: 2). Курган 24 был датирован концом III — началом II в. до н.э. (Андрух, Чернов 1990: 155, 161, рис. 1: 23)[2].

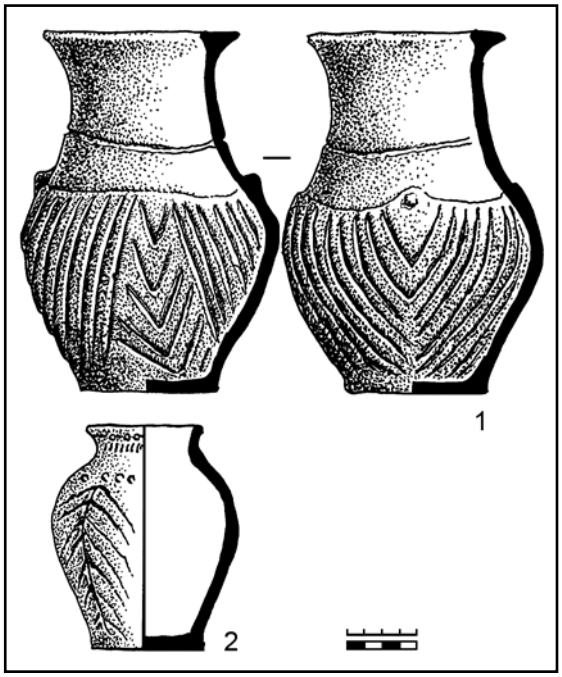

Рис. 1. Курильницы: 1 — некрополь Томы в Добрудже; 2 — погр. 24/1 могильника Курчи на левобережье Нижнего Дуная (1 — по Scorpan 1970: fig. 1: 1; 2 — по Андрух 1991: рис. 3: 2).

Fig. 1. Incense cups: 1 — necropolis of the Tomis in Dobruja; 2 — b. 24/1 of cemetery Curchi on the left bank of the Lower Danube (1 — after Scorpan 1970: fig. 1: 1; 2 — after Андрух 1991: рис. 3: 2).

Поднестровье

В Поднестровье в настоящее время известно 98 курильниц.

Наибольшее число курильниц было обнаружено в ходе раскопок скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Эти исследования проводились Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко на протяжении 1995—2012 гг. (Тельнов, Четвериков, Синика 2012). Лепные курильницы известны в 72 погребениях могильника у с. Глиное (39,2% комплексов!). В пяти захоронениях находилось по две курильницы, в остальных — по одной. Помимо этого, фрагменты курильниц найдены в тризне кур-

[1] В настоящей работе не рассматриваются другие виды культовых сосудов из погребальных и поселенческих памятников Северного Причерноморья, которые имеют иную морфологию.

[2] Подобная датировка вызывает сомнение, т.к. она основана на родосских клеймах, обнаруженных в другом комплексе (!) могильника Курчи — тризне III (Андрух, Чернов 1990: 157, 161, рис. 1: 25; 3: 30).

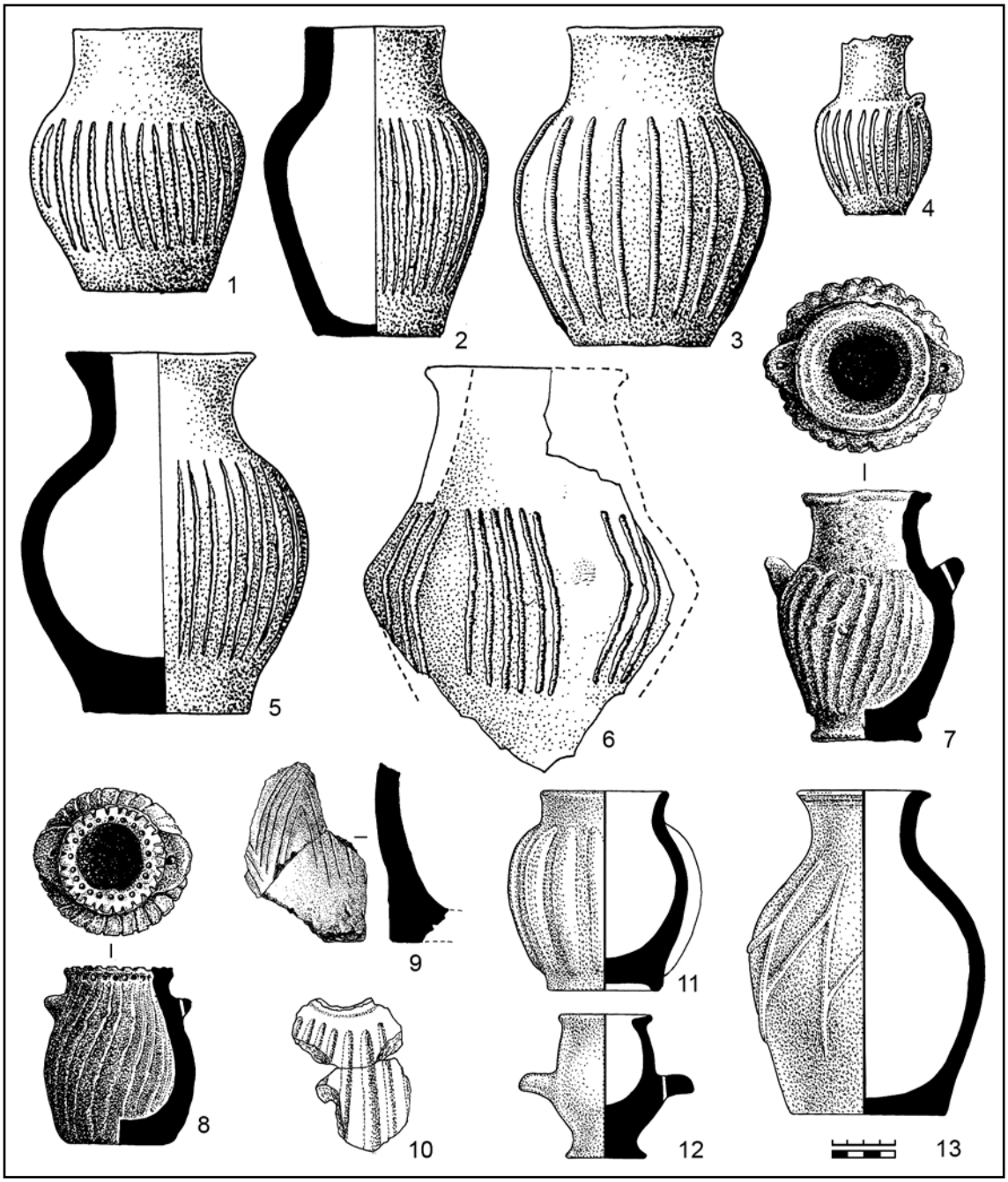

Рис. 2. Курильницы из Поднестровья: 1 — курган 275 у с. Глиное; 2 — курган 173 у с. Парканы; 3 — курган 288 у с. Чобручи; 4 — курган 399 у с. Чобручи; 5 — курган 400 у с. Чобручи; 6 — курган 403 у с. Чобручи; 7 — разрушенное погребение в г. Тирасполь (2005 г.); 8, 9 — поселение у с. Чобручи; 10—13 — городище Надлиманское (1—6 — по Мелюкова 1962: табл. 8: 6; рис. 4: 1—5; 8 — по Фидельский 2012: рис. 1: 7; 10—13 — по Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: рис. 64: 1, 3, 4; 67: 4).

Fig. 2. Censers from the Dniester Region: 1 — barrow 275 Chobruchi; 2 — barrow 173 Parkany; 3 — barrow 288 Chobruchi; 4 — barrow 399 Chobruchi; 5 — barrow 400 Chobruchi; 6 — barrow 403 Chobruchi; 7 — destroyed burial in Tiraspol (2005); 8, 9 — settlement Chobruchi; 10—13 — Nadlimanskoe settlement (1—6 — after Мелюкова 1962: табл. 8: 6; рис. 4: 1—5; 8 — after Фидельский 2012: рис. 1: 7; 10—13 — after Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: рис. 64: 1, 3, 4; 67: 4).

гана 47 и во рву кургана 106. Таким образом, на могильнике у с. Глиное, функционировавшем с конца IV в. до н. э. по третью четверть II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2012: 10), известны находки 79 курильниц, что сопоставимо с количеством подобных находок на поселениях и в погребальных памятниках IV—II вв. до н. э. всех других степных и лесостепных регионов Северного Причерноморья (рис. 3—9). За исключением двух сосудов без орнамента (41/1, 100/1) и одного сосуда с орнаментом в виде

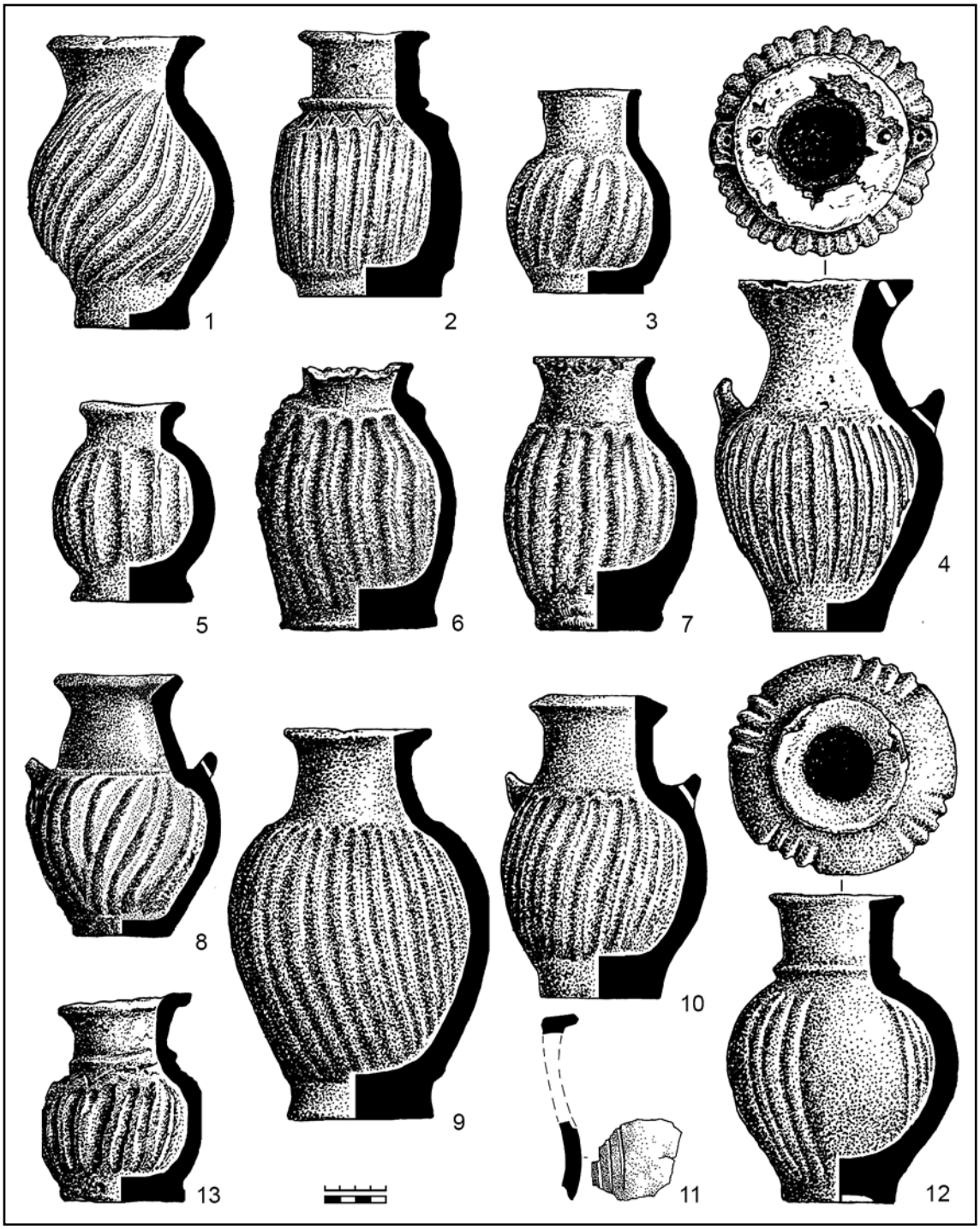

Рис. 3. Курильницы из могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра: 1 — погр. 2/2; 2 — погр. 4/1; 3 — погр. 6/3; 4 — погр. 7/1; 5 — погр. 8/1; 6, 7– погр. 9/1; 8 — погр. 11/1; 9 — погр. 12/1; 10 — погр. 13/1; 11 — погр. 14/1; 12 — погр. 14/2; 13 — погр. 18/2.

Fig. 3. Incense cups from cemetery Glinoe on the left bank of the Lower Dniester: 1 — burial 2/2; 2 — burial 4/1; 3 — burial 6/3; 4 — b. 7/1; 5 — b. 8/1; 6, 7 — b. 9/1; 8 — b. 11/1; 9 — b. 12/1; 10 — b. 13/1; 11 — b. 14/1; 12 — b. 14/2; 13 — b. 18/2.

пяти несимметрично расположенных групп прочерченных линий (по три линии в группе), свисающих вниз от сплошной горизонтальной линии (49/1), все остальные сосуды украшены каннелюрами: рельефными или прочерченными; вертикальными, косыми или волнистыми; покрывающими тулово курильницы полностью или частично.

Ещё восемь сосудов с каннелюрами были обнаружены супругами И.Я. и Л.С. Стемпковскими в ходе раскопок скифских курганов Тираспольщины в 1896—1911 гг.: к. 275

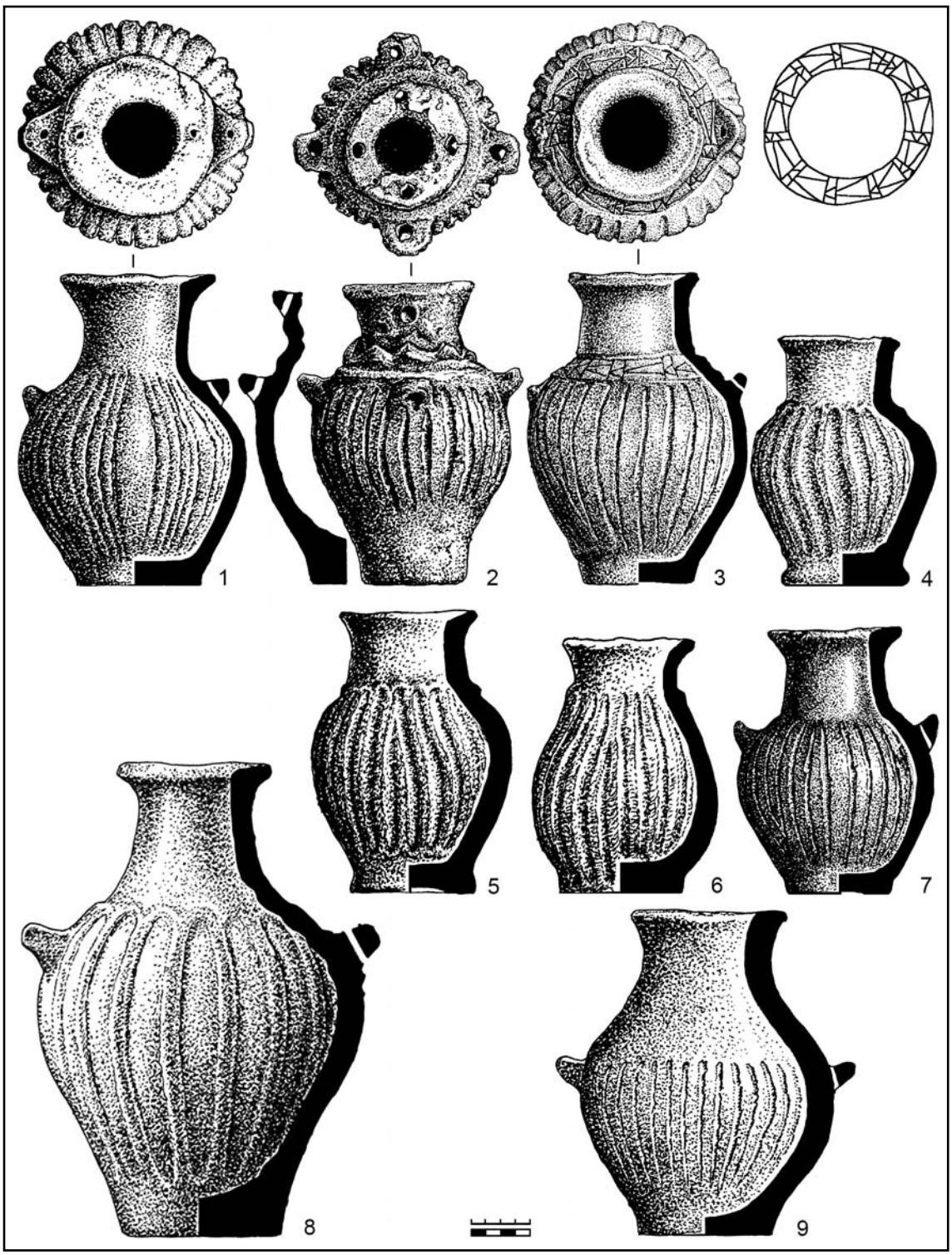

Рис. 4. Курильницы из могильника у с. Глиное: 1, 2 — погр. 19/2; 3 — погр. 20/1; 4 — погр. 23/1; 5 — погр. 24/1; 6 — погр. 26/1; 7 — погр. 28/1; 8 — погр. 31/1; 9 — погр. 32/1.

Fig. 4. Incense cups from cemetery Glinoe: 1, 2 — b. 19/2; 3 — b. 20/1; 4 — b. 23/1; 5 — b. 24/1; 6 — b. 26/1; 7 — b. 28/1; 8 — b. 31/1; 9 — b. 32/1.

у с. Глиное (рис. 2: 1), к. 173 (рис. 2: 2) и к. 174 у с. Парканы, к. 288 (рис. 2: 3), к. 399 (рис. 2: 4), к. 400 (рис. 2: 5), к. 403 (рис. 2: 6) и к. 407 у с. Чобручи (Мелюкова 1962: 157, рис. 2: 2—4; 4: 1—5, табл. 5: 1, 2, 5, 8; 7: 8; 8: 3, 6). В настоящее время нет никаких сомнений, что перечисленные скифские погребения с курильницами датируются тем же временем, что и комплексы, исследованные на могильнике у с. Глиное в 1995—2012 гг.

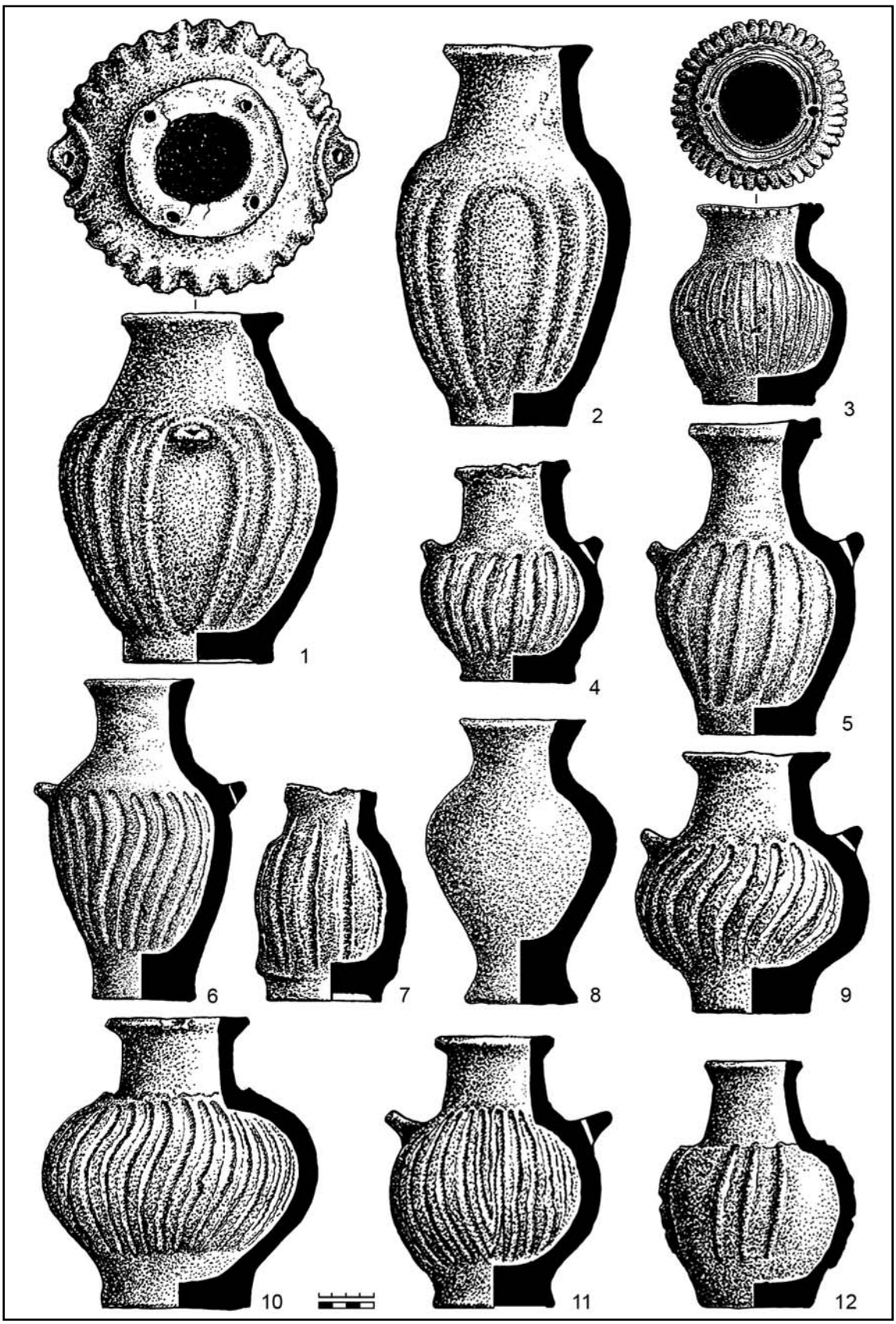

Рис. 5. Курильницы из могильника у с. Глиное: 1, 2 — погр. 33/1; 3 — погр. 35/1; 4 — погр. 36/1; 5 — погр. 37/1; 6 — погр. 38/1; 7 — погр. 38/3; 8 — погр. 41/1; 9 — погр. 42/1; 10 — погр. 45/1; 11 — погр. 46/3; 12 — погр. 47/1.

Fig. 5. Incense cups from cemetery Glinoe: 1, 2 — b. 33/1; 3 — b. 35/1; 4 — b. 36/1; 5 — b. 37/1; 6 — b. 38/1; 7 — b. 38/3; 8 — b. 41/1; 9 — b. 42/1; 10 — b. 45/1; 11 — b. 46/3; 12 — b. 47/1.

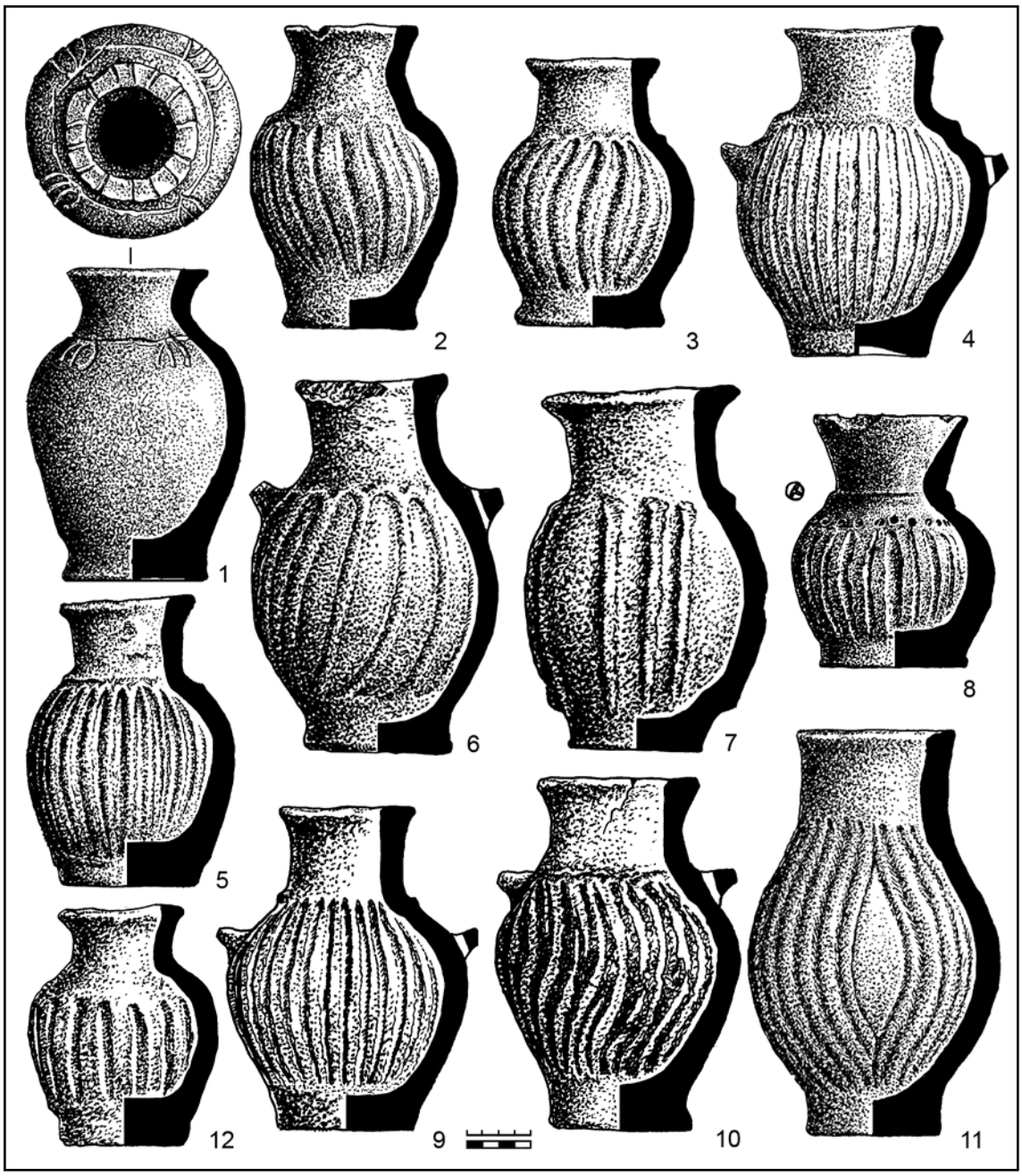

Рис. 6. Курильницы из могильника у с. Глиное: 1, 2 — погр. 49/1; 3 — погр. 51/1; 4 — погр. 52/1; 5 — погр. 53/1; 6 — погр. 54/3; 7 — погр. 55/1; 8 — погр. 60/1; 9 — погр. 61/1; 10 — погр. 62/1; 11 — погр. 63/1; 12 — погр. 65/1.

Fig. 6. Incense cups from cemetery Glinoe: 1, 2 — b. 49/1; 3 — b. 51/1; 4 — b. 52/1; 5 — b. 53/1; 6 — b. 54/3; 7 — b. 55/1; 8 — b. 60/1; 9 — b. 61/1; 10 — b. 62/1; 11 — b. 63/1; 12 — b. 65/1.

В 2000 г. в захоронении 2/3 кургана группы «Чобручи-источник», располагавшейся на восточной окраине с. Чобручи Слободзейского района, были обнаружены фрагменты стенок курильницы с прочерченными каннелюрами. Дата комплекса определяется клеймами на ручках родосской амфоры последним десятилетием III в. до н. э. (Четвериков, Синика 2009: 211, рис. 3: 12).

Ещё одна курильница была обнаружена в 2005 г. при проведении земляных работ в центре г. Тирасполь и, безусловно, являлся составной частью погребального инвентаря разрушенного скифского захоронения. Курильница по всему тулову орнаментирована рельефными волнистыми каннелюрами и имеет два ушка с отверстиями (рис. 2: 7).

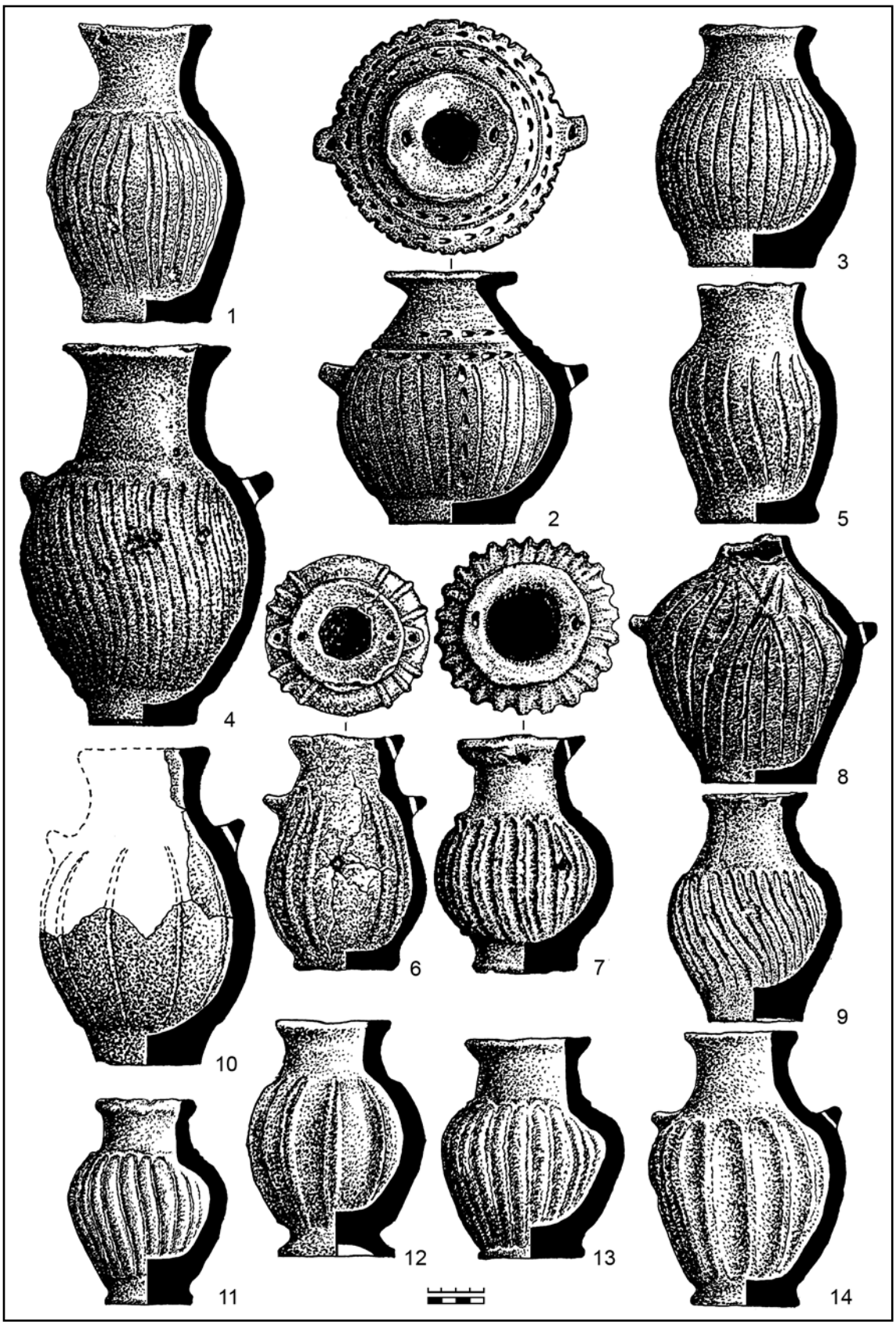

Рис. 7. Курильницы из могильника у с. Глиное:1 — погр. 66/1; 2 — погр. 66/2; 3 — погр. 69/2; 4 — погр. 74/1; 5 — погр. 75/1; 6 — погр. 78/3; 7 — погр. 79/1; 8 — погр. 80/1; 9 — погр. 81/3; 10 — погр. 84/1; 11 — погр. 86/1; 12, 13 — погр. 88/1; 14 — погр. 89/3.

Fig. 7. Incense cups from cemetery Glinoe: 1 — b. 66/1; 2 — b. 66/2; 3 — b. 69/2; 4 — b. 74/1; 5 — b. 75/1; 6 — b. 78/3; 7 — b. 79/1; 8 — b. 80/1; 9 — b. 81/3; 10 — b. 84/1; 11 — b. 86/1; 12, 13 — b. 88/1; 14 — b. 89/3.

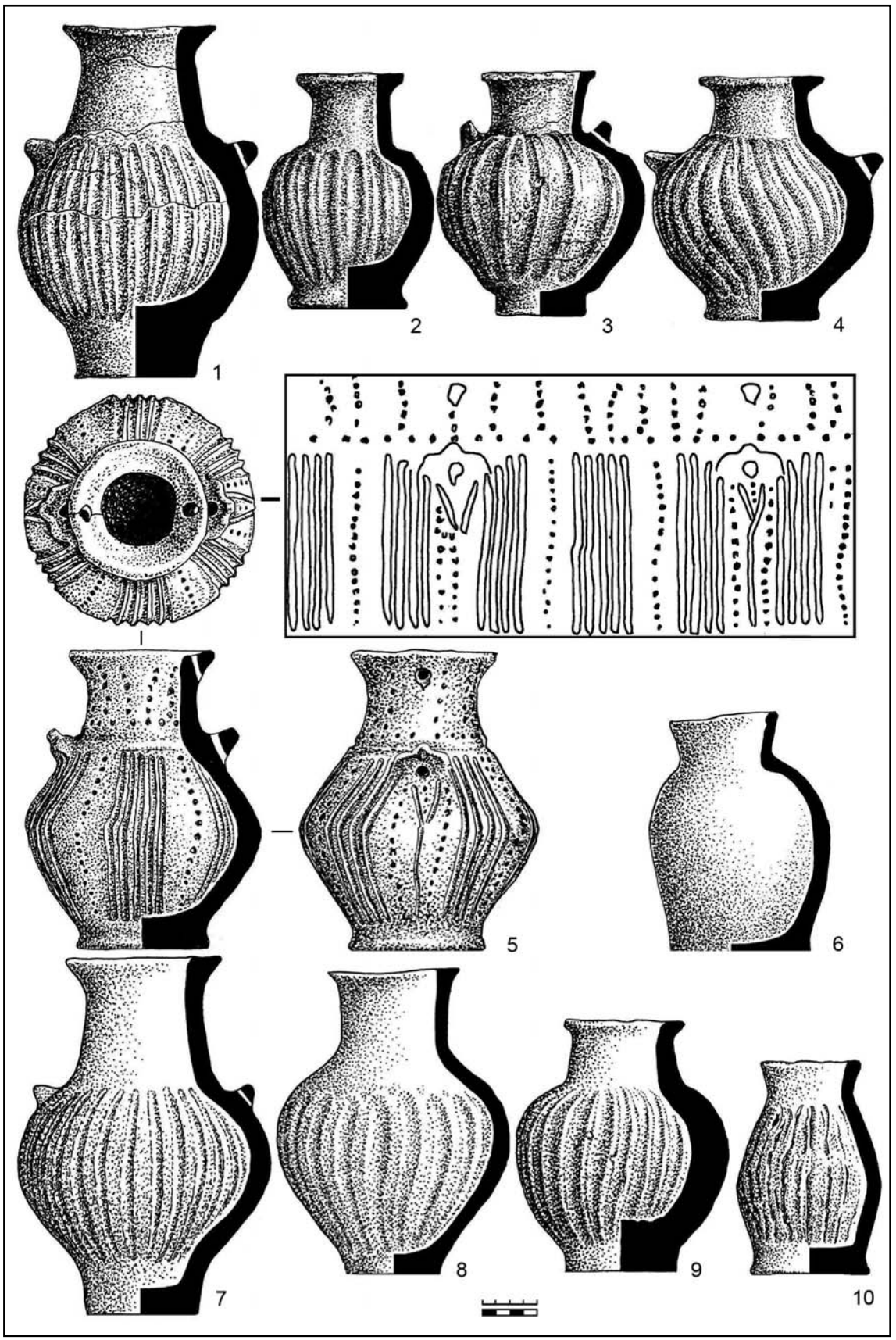

Рис. 8. Курильницы из могильника у с. Глиное: 1 — погр. 92/1; 2 — погр. 94/1; 3 — погр. 95/1; 4 — погр. 96/1; 5 — погр. 99/1; 6 — погр. 100/1; 7 — погр. 104/1; 8 — ров кургана 106; 9 — погр. 107/3; 10 — погр. 108/1.

Fig. 8. Incense cups from cemetery Glinoe: 1 — b. 92/1; 2 — b. 94/1; 3 — b. 95/1; 4 — b. 96/1; 5 — b. 99/1; 6 — b. 100/1; 7 — b. 104/1; 8 — ditch of barrow 106; 9 — b. 107/3; 10 — b. 108/1.

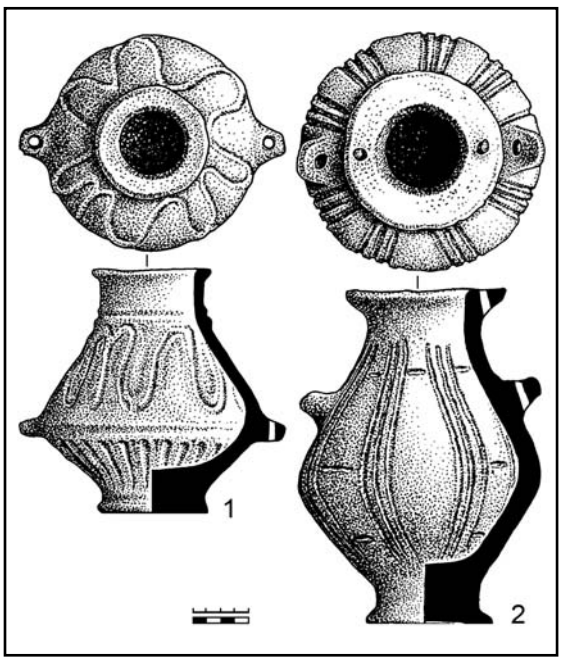

Рис. 9. Курильницы из могильника у с. Глиное: 1 — погр. 109/1; 2 — погр. 112/1.

Fig. 9. Incense cups from cemetery Glinoe: 1 — b. 109/1; 2 — b. 112/1.

Помимо погребальных памятников, известно девять курильниц и на поселениях левобережного Поднестровья. В 2004 г. на поселении у с. Чобручи, в слое III—II вв. до н.э., были обнаружены целый сосуд с орнаментом в виде наколов на поверхности венчика и волнистых прочерченных каннелюр на тулове. Курильница имеет два ушка с отверстиями (рис. 2: 8) (Фидельский 2012: 19, рис. 1: 7). В этом же слое был обнаружен фрагмент тулова курильницы с прочерченным орнаментом. Ещё один фрагмент придонной части курильницы, с прочерченными каннелюрами по тулову, образующими V-образный орнамент, был обнаружен в 2005 г. в яме №45 (рис. 2: 9), сооружение которой относится также к III—II вв. до н.э.

Фрагмент стенки курильницы с рельефными каннелюрами был обнаружен на поселении Красное на Левобережье Днестра и, по-видимому, относится к III — началу II в. до н.э. (Синика, Тащи, Тельнов, Четвериков 2012: 191, 198).

Пять курильниц найдены при исследовании Надлиманского городища: три из них имеют вертикальные рельефные каннелюры; одна с редкими вертикальными каннелюрами, соединёнными косыми каннелюрами; ещё одна — не орнаментирована и имеет ушки со сквозными отверстиями. Сосуды датированы концом IV — началом III в. до н.э. (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 112—115, рис. 64; 67: 4, табл. 41: 1—4).

Побужье

В Побужье нам известны девять находок курильниц.

Четыре сосуда происходят из погребений некрополя Ольвии эллинистического времени: два из них (из захоронения 56/1901 (рис. 10: 1) и из собрания Одесского археологического музея) имеют высокую горловину и прочерченный орнамент на плече; два других (из погребения 110/1902 (рис 10: 2) и из раскопок 1920 г. (рис. 10: 8)) — с рельефными каннелюрами, причём последняя имеет сквозные отверстия между каннелюрами. М. Парович-Пешикан датирует эти сосуды не ранее II в. до н.э. (Парович-Пешикан 1974: 121—123, рис. 99: 2—4).

Ещё одна курильница происходит из кургана 67 у с. Яцковичи в Лесостепном Побужье. Этот миниатюрный сосуд имеет восемь вертикальных каннелюров на тулове (рис. 10: 5). Погребение было датировано автором публикации рубежом V—IV или первой половиной IV в. до н.э. (Бессонова 1994: 19—20, 26, рис. 4: 5).

Среди материалов поселенческих памятников отметим находки из Ольвии. В слое IV—III вв. до н.э., была обнаружена курильница со сложным орнаментом (рис. 10: 3) (Марченко 1975: 73—74, рис. 1: 22; Дашевская 1980: 19, 27). Ещё одна беспаспортная курильница из Ольвии хранится в Национальном музее истории Украины[3]. Сосуд орнаментирован прочерченными вертикальными каннелюрами и зигзагообразными линиями, а на поверхности венчика имеются наколы (рис. 10: 6) (Яковенко 1971, рис. 2: 2).

С поселения ольвийской хоры Козырка 2 второй половины IV — первой трети III в. до н.э. происходит сосуд с загнутым внутрь краем и двумя ручками в виде горизонтальных уплощенных налепов (рис. 10: 4). Авторы публикации отметили, что сосуд имеется в одном экземпляре, и указали, что подобные типы лепной керамики происходят из поселений степного Поднестровья, Молдавии и Румынии (Доманский, Марченко 1980: 31, рис. 10: 2), что не соответствует действительности, поскольку этот сосуд по форме идентичен курильницам из погребальных памятников Прикубанья.

Ещё одна беспаспортная курильница хранится в Николаевском областном краеведче-

[3] До 1991 г. Киевский исторический музей.

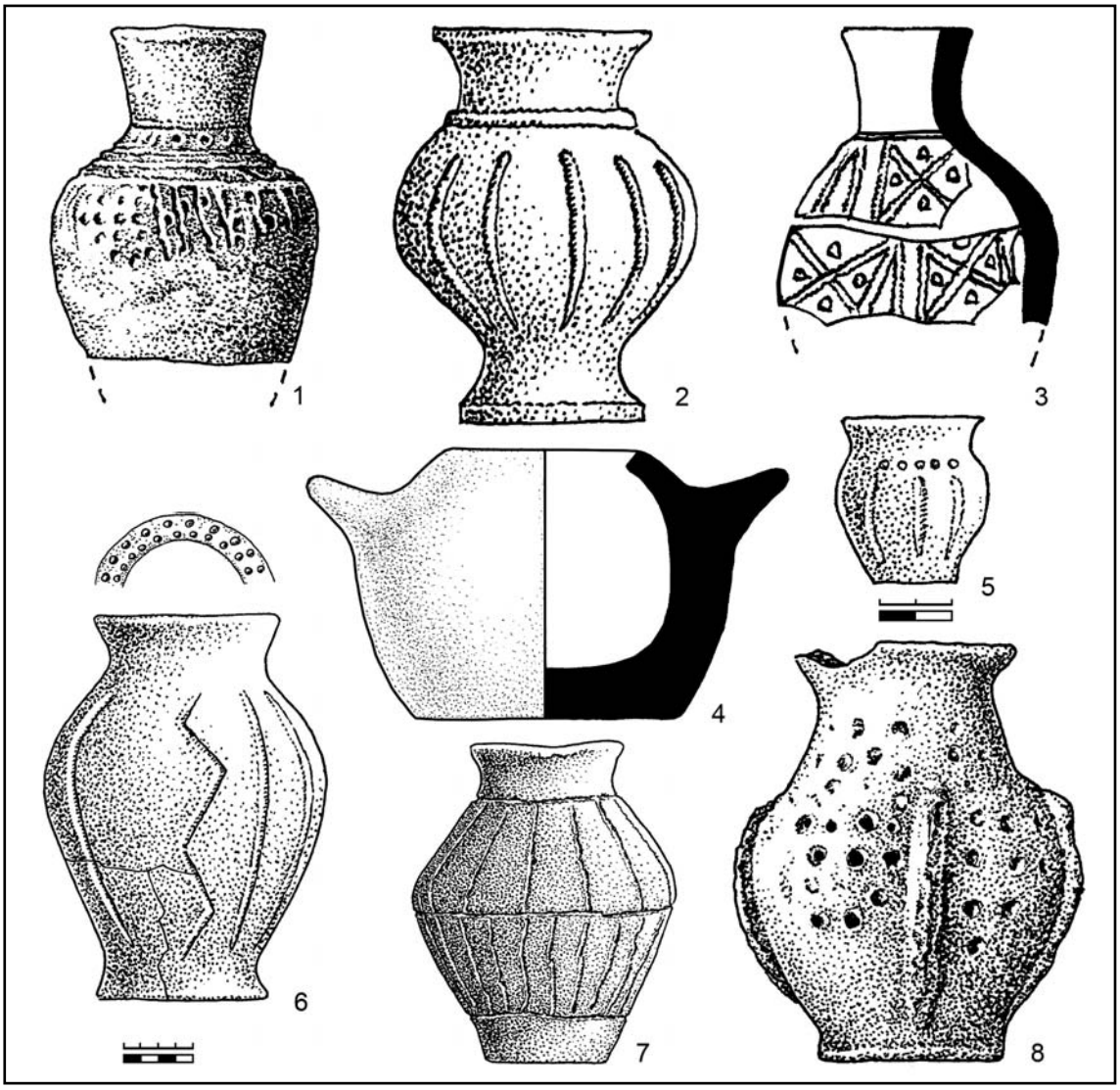

Рис. 10. Курильницы из Побужья: 1 — могила 56/1901 некрополя Ольвии; 2 — могила 110/1902 некрополя Ольвии; 3 — Ольвия; 4 — Козырка 2; 5 — курган 67 у с. Яцковичи; 6 — Ольвия (Национальный музей истории Украины); 7 — поселение Варваровка; 8 — некрополь Ольвии (раскопки 1920 г.) (1, 2, 8 — по Паровић-Пешикан 1974: рис. 99: 2—4; 3 — по Марченко 1975: рис. 1: 22; 4 — по Доманский, Марченко 1980: рис. 10: 2; 5 — по Бессонова 1994: рис. 4: 5; 6 — по Яковенко 1971: рис. 2: 2).

Fig. 10. Incense cups from the Bug Region: 1 — grave 56/1901 of the Olbia necropolis; 2 — grave 110/1902 of the Olbia necropolis; 3 — Olbia; 4 — Kozyrka 2; 5 — barrow 67 Yatskovichi; 6 — Olbia (National History Museum of Ukraine); 7 — settlement Varvarovka; 8 — Olbia necropolis (1920) (1, 2, 8 — after Паровић-Пешикан 1974: рис. 99: 2—4; 3 — after Марченко 1975: рис. 1: 22; 4 — after Доманский, Марченко 1980: рис. 10: 2; 5 — after Бессонова 1994: рис. 4: 5; 6 — after Яковенко 1971: рис. 2: 2).

ском музее. Сосуд с биконическим туловом, украшенным прочерченными горизонтальными и вертикальными линиями, происходит с поселения Варваровка на левом берегу Бугского лимана (рис. 10: 7)[4].

Крым

В Крыму известно 34 курильницы. Все они имеют раздутое тулово, выделенный поддон или достаточно массивное дно; их поверхность иногда лощёная — чёрного, серого или жёлтого цвета.

12 сосудов не орнаментированы: две курильницы из кургана 2, раскопанного Н.И. Веселовским в 1895 г. на землях Черкеса (рис. 11: 2, 3) (Колтухов 2001: 62; Колтухов 2004: 110), по одной — из некропо-

[4] Благодарим сотрудника лаборатории археологии и этнологии Института истории и права Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского Л.И. Смирнова за информацию об этой находке.

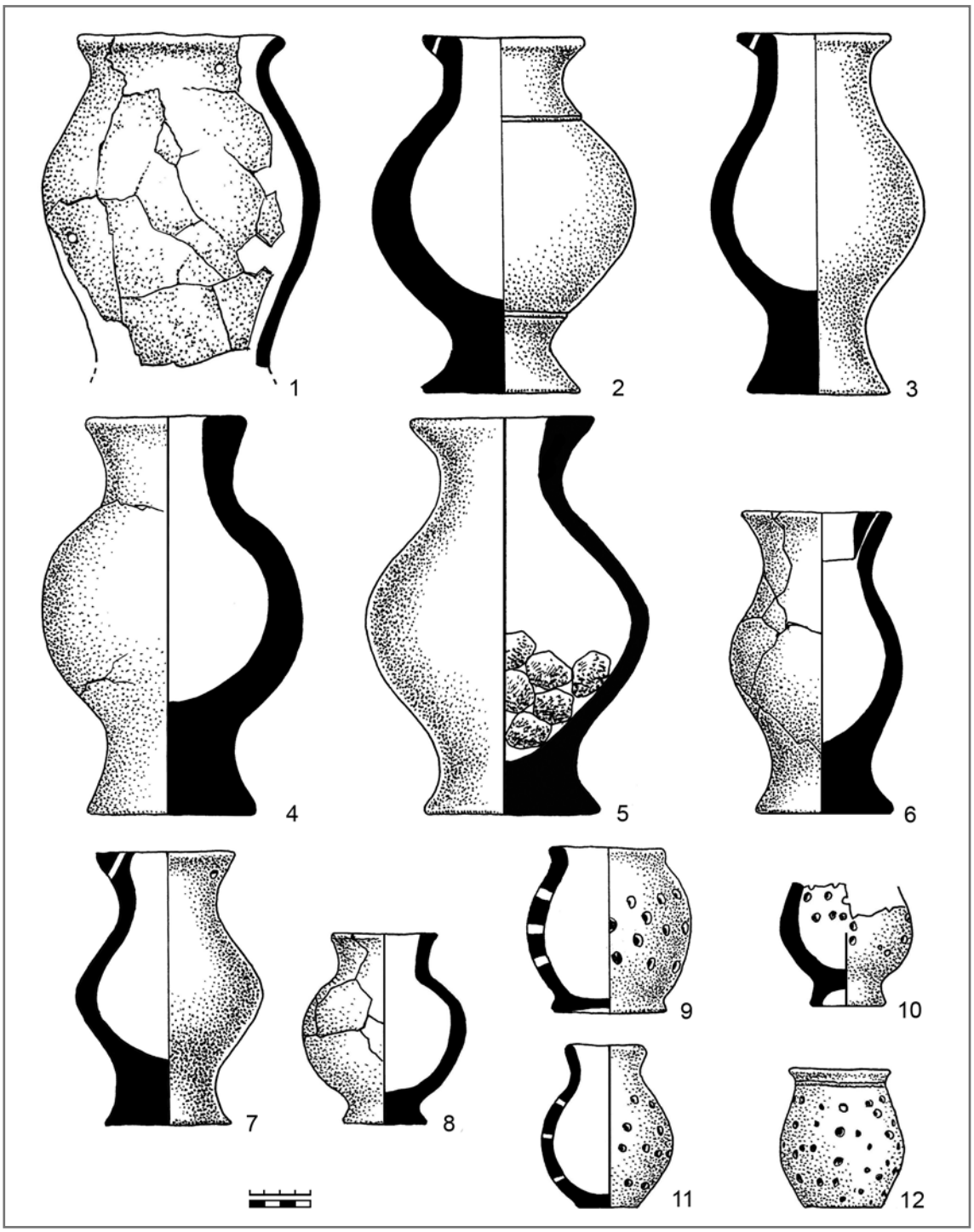

Рис. 11. Курильницы из Крыма без орнамента: 1 — погр. 1/8 у с. Красный Партизан; 2, 3 — курган Черкеса; 4 — курган 10 группы Сары-Кая; 5 — погр. 18 могильника Левадки; 6 — склеп 12/1 у с. Ленино; 7 — некрополь Керкинитиды; 8 — погр. 6/1 у с. Ильичёво; 9 — могила 34 Неапольского могильника; 10 — городище Неаполь; 11 — могила 17 Беляусского могильника; 12 — могила 53 Беляусского могильника (1 — по Колтухов 2004: рис. 6: 13; 2, 3, 7, 9, 11 — по Дашевская 1991: табл. 46: 2, 3, 5; 47: 2, 4; 4 — по Зайцев, Мордвинцева 2010: рис. 3: 10; 5 — по Храпунов 2004: рис. 9: 2; 6, 8 — по Яковенко 1970: рис. 15: 11, 14; 10, 12 — по Дашевская 1980: рис. 5: 2; 6: 4).

Fig. 11. Incense cups from Crimea without ornament: 1 — b. 1/8 Krasnyj Partizan; 2, 3 — Cherkes barrow; 4 — barrow 10 Sary-Kaya; 5 — burial 18 of cemetery Levadki; 6 — crypt 12/1 Lenino; 7 — Kerkinitis' necropolis; 8 — b. 6/1 Ilyichovo; 9 — b. 34 of the Neapol' cemetery; 10 — settlement Neapol'; 11 — b. 17 of the Beljaus cemetery; 12 — b. 53 of the Beljaus cemetery (1 — after Колтухов 2004: рис. 6: 13; 2, 3, 7, 9, 11 — after Дашевская 1991: табл. 46: 2, 3, 5; 47: 2, 4; 4 — after Зайцев, Мордвинцева 2010: рис. 3: 10; 5 — after Храпунов 2004: рис. 9: 2; 6, 8 — after Яковенко 1970: рис. 15: 11, 14; 10, 12 — after Дашевская 1980: рис. 5: 2; 6: 4).

ля Керкинитиды (рис. 11: 7) (Мелюкова 1962: 159; Дашевская 1980: 18, рис. 1: 1; Дашевская 1991: 28, табл. 46: 3—5), южной погребальной камеры могилы 18 могильника Левадки (рис. 11: 5) (Храпунов 2004: 192, рис. 9: 2), погребений 6/1 у с. Ильичёво (рис. 11: 8) и 1/8 у с. Красный Партизан (рис. 11: 1), а также склепа 12/1 у с. Ленино (рис. 11: 6) (Яковенко 1970: 129—130, рис. 15: 11, 14; Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: 144, 160, рис. 4: 13; 15: 2; Яковенко 1971: 91, рис. 4: 2, 3; Андреев 1992: 120, рис. 3: 7; Колтухов 2004: 110, рис. 6: 13; 7: 14, 15). Ещё одна курильница без орнамента происходит из кургана 10 группы Сары-Кая (рис. 11: 4). Появление подобных курильниц исследователи относят к IV в. до н. э. (Яковенко 1971: 91; Дашевская 1991: 28). Датировку этой группы культовых сосудов подтверждает находка курильницы из кургана 10 могильника Сары-Кая (рис. 11: 4), дата которого определяется бронзовым зеркалом в пределах конца IV — первой половины III в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева 2010: 172, рис. 3: 10).

Значительно позже, в пределах II—I вв. до н. э., и даже первыми веками н. э., датируются лепные неорнаментированные курильницы с раздутым туловом, на котором находятся сквозные отверстия (Дашевская 1980: 23—25; Дашевская 1991: 28): из могилы 34 Неапольского могильника (рис. 11: 9), из городища Неаполь (рис. 11: 10) и из могил 17 (рис. 11: 11) и 53 (рис. 11: 12) Беляусского могильника (Дашевская 1980: 24, рис. 5: 2, 3; 6: 3, 4; Дашевская 1991: 28, табл. 47: 2, 4).

15 сосудов из Крыма имеют прочерченный орнамент в виде горизонтальных, вертикальных и волнистых линий (в некоторых случаях заполненный белой пастой) и различных символов, в том числе и солярных.

11 подобных сосудов происходят из погребальных комплексов: две курильницы — из мавзолея Неаполя (рис. 12: 3, 4) (Шульц 1953: 34, рис. 16; 80; табл. XXI); по одной — из склепа Неапольского могильника 1926 г. (рис. 12: 2), «большого погребения» кургана 1949 г. на Неаполе (рис. 12: 11), кургана 12 у с. Кринички (рис. 12: 7), могилы 1 (рис. 12: 15) и земляного склепа 31 (рис. 12: 1) Беляусского могильника (Яковенко 1971: 90, рис. 1: 4—6; 4: 1, 1а; Дашевская 1980: 18—20, рис. 2; 3; Сымонович 1983: 80—81, рис. 6: 6, 8; Дашевская 1991: 28—30, рис. 46: 7—12; 47: 1), из склепов 1979 г. (рис. 12: 8) и №105 (рис. 12: 6) Битакского могильника (Зайцев, Мордвинцева 2004: 187, рис. 12: 1; Пуздровский 2007: 65, рис. 32: 3; 36: 1: 1); склепа №9 могильника Кара-Тобе (рис. 12: 5) (Внуков, Лагутин 2001: 105, 115, рис. 4: 183; Зайцев, Мордвинцева 2004: 187, рис. 12: 14) и из склепа №17 кургана 1 на некрополе Пантикапея (рис. 12: 9) (Мелюкова 1962: 159; Дебрюкс 2010: рис. 178: N).

Фрагменты курильниц с аналогичным орнаментом обнаружены на городищах Беляус (рис. 12: 10) и Калос Лимен (рис. 12: 14) (Дашевская 1980: 22—23; рис. 1: 2, 3).

В Одесском археологическом музее хранятся две курильницы, происхождение которых, хотя и неизвестно (Мелюкова 1962: 159; Яковенко 1971: 89), но всё же, судя по орнаменту, с большой степенью достоверности может быть связано с Крымом (Дашевская 1980: 21, 23, рис. 4: 1, 3). Первый сосуд, с четырьмя крупными отверстиями на тулове, имеет оригинальный орнамент (рис. 12: 12); второй — с отбитой горловиной, на подставке, тулово орнаментировано семью вертикальными линиями, разделяющими его на секции, в каждой из которых находятся по три отверстия, составляющие три горизонтальных ряда, причём отверстия среднего ряда окаймлены кругами, образуя солярные символы (рис. 12: 13).

Курильницы из склепов №9 могильника Кара-Тобе и №105 Битакского могильника, из городища Калос-Лимен, могилы 1 Беляусского могильника и из Одесского археологического музея имеют сквозные отверстия на тулове; сосуд из городища Беляус — в венчике.

Ещё семь крымских курильниц орнаментированы рельефными или прочерченными каннелюрами: из Неапольского кургана 1949 г. (рис. 13: 3) (Яковенко 1971: 88—89, рис. 1: 38), кургана 1 могильника Капак-Таш (рис. 13: 2) (Пуздровский 2007: рис. 54: 11). Ещё один подобный сосуд был обнаружен сотрудниками Крымской палеолитической экспедиции ИА НАНУ в 1992 г. при обследовании разрушенного современными грабителями кургана у с. Вишенное Белогорского района Крыма (рис. 13: 1) (Кропотов, Лесков 2006: 29—30, рис. 4: 2; Зайцев, Мордвинцева 2010: 171, рис. 1: 2).

Фрагмент придонной части курильницы с рельефными каннелюрами происходит из Тиритаки (рис. 13: 6) (Кастанян 1981: 74, рис. 15). Известны подобные курильницы и на скифских городищах: Кермен-Кыр (Пуздровский 2007: 65), Ак-Кая (рис. 13: 5) и из раскопок 1958 г. Неаполя Скифского, причём последняя, единственная из найденных в Крыму, имеет два ушка-упора без отверстий (рис. 13: 4). Очень условно в эту группу мы включаем курильницу из Ялтинского

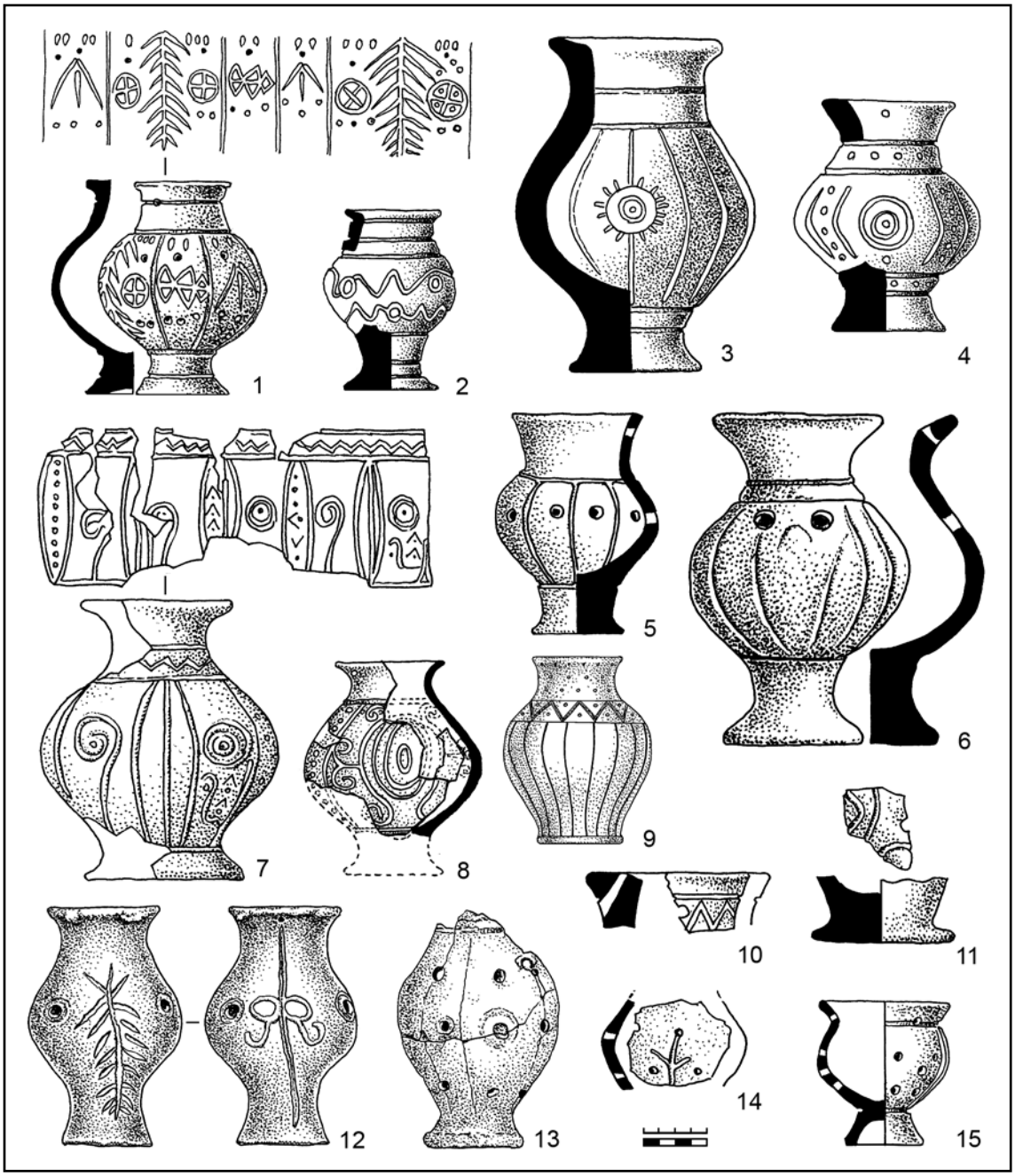

Рис. 12. Курильницы из Крыма с орнаментом в виде горизонтальных, вертикальных и волнистых линий и различных символов:1 — склеп 31 Беляусского могильника; 2 — склеп Неапольского могильника 1926 г.; 3, 4 — мавзолей Неаполя; 5 — склеп №9 могильника Кара-Тобе; 6 — склеп №105 Битакского могильника; 7 — курган 12 у с. Кринички; 8 — склеп 1979 г. Битакского могильника; 9 — склеп №17 кургана 1 на некрополе Пантикапея; 10 — городище Беляус; 11 — «большое погребение» кургана 1949 г. на Неаполе; 12, 13 — Одесский археологический музей; 14 — городище Калос-Лимен; 15 — могила 1 Беляусского могильника (1, 10, 12—15 — по Дашевская 1980: рис. 1: 2, 3; 3; 4: 1, 3; 5: 1; 2—4, 11 — по Дашевская 1991: табл. 46: 6, 10—12; 5 — по Внуков, Лагутин 2001: рис. 4: 183; 6, 8 — по Пуздровский 2007: рис. 36: 1; 32: 3; 7 — по Яковенко 1971: рис. 4: 1, 1а; 9 — по Дебрюкс 2010: рис. 178: N).

Fig. 12. Incense cups from Crimea with ornament in the form of horizontal, vertical and wavy lines and different symbols: 1 — crypt 31 of the Beljaus cemetery; 2 — crypt of the Neapol's cemetery of 1926; 3, 4 — mausoleum of Neapol; 5 — crypt 9 of the Kara-Tobe cemetery; 6 — crypt 105 of the Bitakskij cemetery; 7 — barrow 12 Krinichki; 8 — crypt of 1979 of the Bitakskij cemetery; 9 — crypt 17 of barrow 1 of the Panticapaeum necropolis; 10 — Beljaus settlement; 11 — "big burial" of1949 at Neapol; 12, 13 — Odessa Archaeological Museum; 14 — Kalos Limen settlement; 15 — burial 1 of the Beljaus cemetery (1, 10, 12—15 — after Дашевская 1980: рис. 1: 2, 3; 3; 4: 1, 3; 5: 1; 2—4, 11 — after Дашевская 1991: табл. 46: 6, 10—12; 5 — after Внуков, Лагутин 2001: рис. 4: 183; 6, 8 — after Пуздровский 2007: рис. 36: 1; 32: 3; 7 — after Яковенко 1971: рис. 4: 1, 1а; 9 — after Дебрюкс 2010: рис. 178: N).

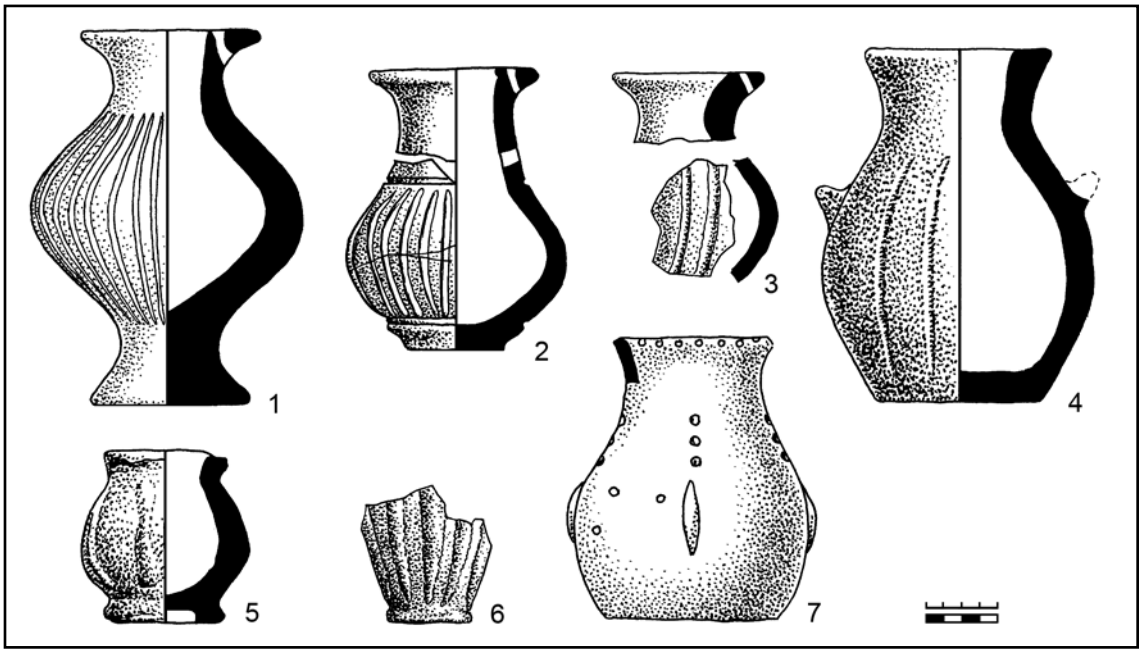

Рис. 13. Курильницы из Крыма с рельефными или прочерченными каннелюрами: 1 — курган у с. Вишенное; 2 — курган 1 могильника Капак-Таш; 3 — Неапольский курган 1949 г.; 4 — Неаполь Скифский (1958 г.); 5 — городище Ак-Кая; 6 — Тиритака; 7 — Ялтинский музей (1 — по Кропотов, Лесков 2006: рис. 4: 2; 2 — по Пуздровский 2007: рис. 54: 11; 3 — по Яковенко 1971: рис. 1: 3; 6 — по Кастанян 1981: рис. 15; 7 — по Дашевская 1991: табл. 47: 3).

Fig. 13. Incense cups from Crimea with relief or incised flutes: 1 — barrow Vishennoe; 2 — barrow 1 of the Capac-Tash cemetery; 3 — Neapol's barrow of 1949; 4 — Neapol Scythian (1958); 5 — Ak-Kaya settlement; 6 — Tiritaka; 7 — Yalta Museum (1 — after Кропотов, Лесков 2006: рис. 4: 2; 2 — after Пуздровский 2007: рис. 54: 11; 3 — after Яковенко 1971: рис. 1: 3; 6 — after Кастанян 1981: рис. 15; 7 — after Дашевская 1991: табл. 47: 3).

музея, которая имеет четыре симметричных вертикальных налепа и сквозные отверстия на тулове (рис. 13: 7) (Дашевская 1991: табл. 47: 3)[5].

Орнаментированные сосуды традиционно датируют II—I вв. до н. э. (Дашевская 1980: 20; Дашевская 1991: 28—30). Однако находка курильницы с каннелюрами в слое пожара при раскопках святилища у оборонительной стены (сектор 6D) на городище Ак-Кая в Центральном Крыму свидетельствует, что подобные курильницы появляются, по крайней мере, в середине III в. до н. э., если не на рубеже IV—III вв. до н. э.[6]

Поднепровье

В Поднепровье известно 13 курильниц.

На поселениях Нижнего Поднепровья обнаружены семь курильниц. Целый сосуд найден у южной стороны очага помещения 8 на городище Золотая Балка, он имеет оригинальный орнамент на тулове и венчике, в котором есть два отверстия для подвешивания (рис. 14: 6) (Яковенко 1971: 89, рис. 2: 1; Дашевская 1980: 21; Гаврилюк 2009: 130, рис. 11: 4). Само сооружение, насколько можно судить по последней публикации, датировано III — началом II вв. до н. э. (Гаврилюк 2009: 139). На Знаменском городище в слое II в. до н. э. (?) обнаружен фрагмент придонной части курильницы со сквозными отверстиями между прочерченными вертикальными каннелюрами (рис. 14: 4) (Погребова 1958: 140—141, рис. 16: 8). Четыре курильницы с рельефными каннелюрами происходят из Капуловского поселения. Целый сосуд (рис. 14: 8) и фрагмент другого (рис. 14: 9) опубликованы А. Г. Плешивенко, при этом упоминается ещё один фрагмент (Плешивенко 2000: 224—226, рис. 3: 1, 2). Ещё одна курильница Капуловского поселения представляет со-

[5] В литературе можно найти упоминание о других курильницах из Крыма. Так, П. Н. Шульц сообщает ещё о двух находках фрагментов курильниц из раскопа «Б» 1948 г. и раскопа «А» 1949 г. в Неаполе Скифском, но не сообщает о них ничего более (Шульц 1953: 62, примечание 46), что не позволяет учитывать эти сосуды в нашей выборке.

[6] Материалы с городища Ак-Кая и курильница с ушками из Неаполя Скифского не опубликованы. Благодарим канд. ист. наук Ю. П. Зайцева за возможность опубликовать сосуды и за устное сообщение относительно хронологического контекста находки курильницы на городище Ак-Кая.

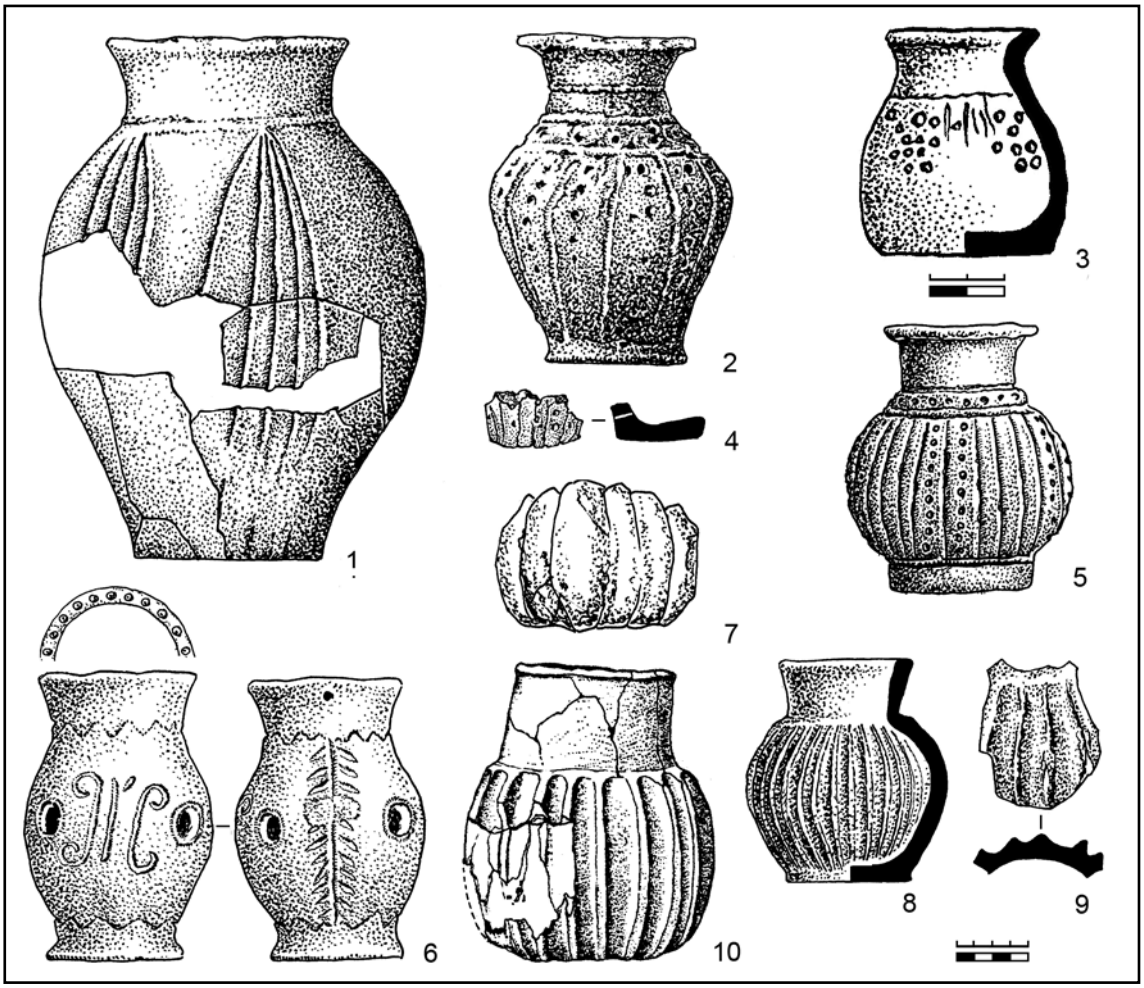

Рис. 14. Курильницы из Поднепровья: 1 — погр. 45/1 могильника Широкое-II; 2 — погр. 1 кургана 1882 г. в ур. Замковщина; 3 — погр. 2 кургана 1882 г. в ур. Замковщина; 4 — Знаменское городище; 5 — Кагамлык; 6 — городище Золотая Балка; 7—9 — Капуловское поселение; 10 — погр. 10/2 у с. Тягинка (1 — по Черненко, Бунятян 1977: рис. 3: 10; 2, 5 — по Кулатова, Супруненко 1999: рис. 3, 4; 3 — по Супруненко 2000: 218; 4 — по Погребова 1958: рис. 16: 8; 6 — по Гаврилюк 2009: рис. 11: 4; 8, 9 — по Плешивенко 2000: рис. 3: 1, 2; 10 — по Евдокимов, Куприй 1991: рис. 24: 16, 17).

Fig. 14. Incense cups from the Dnieper Region: 1 — b. 45/1 of the Shirokoe-II cemetery; 2 — b. 1 of the barrow of 1882 Zamkovschina; 3 — b. 2 of the barrow of 1882 Zamkovschina; 4 — Znamenskoye settlement; 5 — Kagamlyk; 6 — Zolotaja Balka settlement; 7—9 — Kapulovskoe settlement; 10 — b. 10/2 Tyaginka (1 — after Черненко, Бунятян 1977: рис. 3: 10; 2, 5 — after Кулатова, Супруненко 1999: рис. 3, 4; 3 — after Супруненко 2000: 218; 4 — after Погребова 1958: рис. 16: 8; 6 — after Гаврилюк 2009: рис. 11: 4; 8, 9 — after Плешивенко 2000: рис. 3: 1, 2; 10 — after Евдокимов, Куприй 1991: рис. 24: 16, 17).

бой «чашу», изготовленную из нижней части курильницы[7] (рис. 14: 7). Все эти находки представляют собой подъёмный материал с поселения, которое функционировало, судя по опубликованным амфорным клеймам, с конца V в. до н.э. до первой четверти II в. до н.э. (Плешивенко 2000: 230). До настоящего времени не опубликованы фрагменты лепных курильниц из раскопок Каменского городища 1939 г., хранящиеся в Никопольском краеведческом музее. В литературе можно найти предположительную датировку сосудов — рубеж IV—III вв. до н.э. (Полин 1992: 46, 47).

В погребальных комплексах известны шесть курильниц. Три из них происходят из Лесостепного Левобережного Поднепровья. Два сосуда украшены резными каннелюрами по тулову. Первая курильница обнаружена в погребении 1 кургана 1882 г. в ур. Замковщина (г. Лубны) — тулово орнаментировано вертикальными полосами, пространство между которыми заполнено мелкими наколами, а иногда сквозными отверстиями, а плечо сосуда — двумя бороздками по кругу, между которыми располагался ряд вдавлений (рис. 14: 2). Захоронение в Лубнах

[7] Благодарим находчика П.В. Мостового (г. Никополь) за возможность опубликовать эту находку.

было совершено по обряду трупоположения, погребённый лежал головой на север, у его левого плеча находилась лепная миска с костью лошади — все эти детали сближают лубенское захоронение со множеством скифских погребений, исследованных на могильнике у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика 2012), хотя оно было совершено в прямоугольной яме. Однако авторы публикации курильницы из ур. Замковщина настаивают, что комплекс, в котором она была обнаружена, «в полной мере следует считать сарматским» (Кулатова, Супруненко 1999: 148—149, рис. 3), что, по нашему мнению, не соответствует действительности. Вторая курильница, практически идентичная лубенской, происходит из с. Кагамлык (рис. 14: 5) Глобинского района Полтавской области (Кулатова, Супруненко 1999: 149, рис. 4). В кургане 1882 г. в ур. Замковщина была обнаружена ещё одна курильница — в погребении 2. Этот миниатюрный сосуд украшен едва заметными вертикальными прочерченными линиями и ямками на плече (рис. 14: 3); внутри сосуда зафиксировано смолистое вещество. Комплекс был датирован концом VI—V в. до н. э. без должных на то оснований (Супруненко 2000: 217, рис. на стр. 218).

Ещё три курильницы обнаружены в скифских погребениях Нижнего Поднепровья. Один из сосудов найден в захоронении 45/1 могильника Широкое-II, который, судя по бронзовым наконечникам стрел, датируется первой половиной IV в. до н. э. В публикации курильница с резным орнаментом в виде групп из трёх и четырёх линий, свисающих от горизонтальных линий (рис. 14: 1), называется «горшком» (Черненко, Бунятян 1977: 64, рис. 3: 10). Подобный орнамент встречается на курильницах, в том числе и в погребении 49/1 могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (рис. 6: 1), а найденный в захоронении могильника Широкое-II «овальный камешек со следами огня» (Черненко, Бунятян 1977: 64) дополнительно свидетельствует о том, что сосуд использовался в качестве курильницы.

Из погребения 10/2 у с. Тягинка Херсонской области происходит курильница с рельефными каннелюрами, внутри которой были обнаружены пережжённая органика и три округлых камня (рис. 14: 10) (Евдокимов, Куприй 1991: 29, рис. 24: 16, 17)[8]. На основании чернолакового канфара захоронение может быть датировано последней четвертью IV в. до н. э. Курильница с рельефными каннелюрами была обнаружена вместе с бронзовым зеркалом в разрушенном скифском кургане рубежа IV—III вв. до н. э. у пгт. Большая Александровка Херсонской области (Полин 1992: 47)[9].

Приазовье

В Приазовье известны четыре курильницы.

Одна из них была обнаружена в погребении 5/12 у с. Белоярка Амвросиевского района Донецкой области, в низовьях р. Крынка, правого притока р. Миус. Это сосуд с невысоким венчиком, раздутым в средней части туловом и массивным дном. Орнамента на сохранившихся частях сосуда не имеется (рис. 15: 1). Погребальный комплекс на основании чернолакового канфара был датирован последней четвертью IV в. до н. э., а вопрос о его этнокультурной атрибуции (скифской или сарматской) остался так и не решённым (Зарайская 1992: 89—90, 93—95, рис. 2: 2).

Из Беглицкого некрополя происходят две курильницы с вертикальными каннелюрами. В 1928 г. при исследовании разрушающегося кургана обнаружены фрагменты лепного сосуда с «сильно выпуклыми рёбрами и углублениями между ними, расходящимися правильными радиусами, от центра дна к венцу» (Миллер, Лунин 1928: 51). Вторая курильница обнаружена при исследовании кургана № 7 Беглицкого некрополя. Захоронение было совершено в могиле катакомбного типа. Венчик сосуда отогнут, край венчика плоско срезан, тулово яйцевидное (рис. 15: 2) (Прохорова 1993: 39, 168, рис. 4: 1; 1994: 21). Большинство захоронений могильника у Беглицкой косы датируется второй половиной IV — первой половиной III в. до н. э. (Коваленко 2006, 53; Меньшикова 2012: 107).

[8] Благодарим н. с. Института археологии НАНУ Н. М. Куприя за возможность опубликовать рисунок курильницы.

[9] В литературе можно найти упоминание ещё об одной «курильнице» из Нижнего Поднепровья — из погребения 8/2 у с. Вольная Украина, — которая имеет два сквозных отверстия под венчиком и два ряда точечных наколов на шейке (Болдін, Зарайська 1972: 118; Ольховский 1991: 116). Сосуд до настоящего времени не опубликован. Осмотр этого сосуда, хранящегося в фондах ИА НАНУ, показал, что он является обыкновенным миниатюрным скифским горшком, который напоминает курильницу только наличием двух сквозных отверстий под венчиком. Благодарим канд. ист. наук С. В. Полина за оказанную помощь.

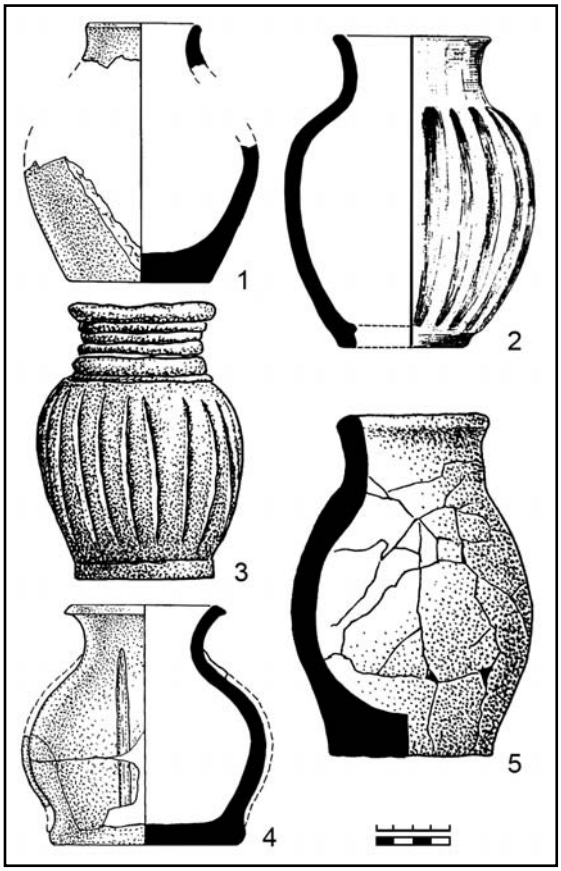

Рис. 15. Курильницы из Приазовья (1, 2) и Подонцовья (3—5): 1 — погр. 5/12 у с. Белоярка; 2 — курган №7 Беглицкого некрополя; 3 — погр. у с. Ярёмовка; 4 — Циркуновское городище; 5 — погр. 2/2 Беловодского могильника (1 — по Зарайская 1992: рис. 2: 2; 2 — по Прохорова 1997: рис. 4: 1; 3 — по Макаревич 1957: рис. 2; 4 — по Пеляшенко 2011: рис. 53: 5; 70: 5; 5 — по Ключнева 2003: рис. 5).

Fig. 15. Incense cups from the Azov Region (1, 2) and Seversky Donets region (3—5): 1 — b. 5/12 Beloyarka; 2 — b. 7 of Beglitsa cemeterty; 3 — b. Yaremovka; 4 — Tsirkunovskoe settlement; 5 — b. 2/2 of the Belovodskiy cemetery (1 — after Зарайская 1992: рис. 2: 2; 2 — after Прохорова 1997: рис. 4: 1; 3 — after Макаревич 1957: рис. 2; 4 — after Пеляшенко 2011: рис. 53: 5; 70: 5; 5 — after Ключнева 2003: рис. 5).

С территории Ново-Золотовского городища, расположенного на южном берегу Миусского полуострова, происходит фрагмент тулова лепной курильницы с объёмными каннелюрами (рис. 16: 22) (Каменецкий 1956: рис. 43). Слои, в которых обнаружен сосуд, относятся к скифо-античному времени.

Подонцовье

В Подонцовье курильницы известны в двух погребениях: у с. Ярёмовка и 2/2 Беловодского могильника. Первый сосуд обнаружен в скифском грунтовом погребении IV — начала III в. до н.э., исследованном в 1929 г. на левом берегу р. Северский Донец, у с. Ярёмовка Изюмского района Харьковской области. Сосуд довольно близок находкам из Лубен и Кагамлыка и отличается от последних только тем, что пространство между его каннелюрами на тулове и бороздками по горловине не заполнено дополнительными элементами, наколы есть только на венчике, а плитчатый поддон подчёркнут ещё одной бороздкой (рис. 15: 3) (Макаревич 1957: 146—147, рис. 2; Полин, Симоненко 1990: 79, 81, рис. 1: 1).

Курильница из погребения 2/2 Беловодского могильника не имеет орнамента на туловe (рис. 15: 5), и была найдена с пятью камнями внутри. Помимо этого, среди инвентаря захоронения были обнаружены железные трёхлопастные и бронзовые трёхгранные наконечники стрел, бронзовый поясной/колчанный крюк, железный нож с костяной рукоятью и костяной гребень, а также фрагмент бронзового котла (Ключнева 2003: 293, рис. 5). Определение этнокультурной атрибуции и дата комплекса в его публикации не содержится (Ключнева 2003), однако мы считаем, что есть все основания считать его скифским и датировать концом IV — первой половиной III в. до н.э. на основании бронзового трёхгранного и железных втульчатых наконечников стрел.

Курильница с четырьмя симметричными рельефными каннелюрами известна среди материалов Циркуновского городища (рис. 15: 4) в Среднем Подонцовье. Слой, из которого она происходит, датируется в пределах конца V — конца IV в. до н.э. (Пеляшенко 2011: 11—12, рис. 53: 5; 70: 5)[10].

Среднее Подонье

Из городищ Среднего Подонья происходят четыре лепные курильницы, украшенные вертикальными каннелюрами, и одна без орнамента.

Целый сосуд происходит с городища у с. Круглое (рис. 16: 23) (Либеров 1965: табл. II: 13) и по одному фрагменту с Волошинского 1 городища и городища Большое Сторожевое. Все три сосуда каннелированные. Распространение этой керамики относится к III в. до н.э. (Пузикова 1969: 62, 66, рис. 3: 8; 9: 11, 12). Ещё две курильницы най-

[10] Раскопки м.н.с. Харьковского исторического музея К.Ю. Пеляшенко 2010 г. Благодарим автора за возможность опубликовать рисунок курильницы и за сообщение относительно хронологического контекста находки.

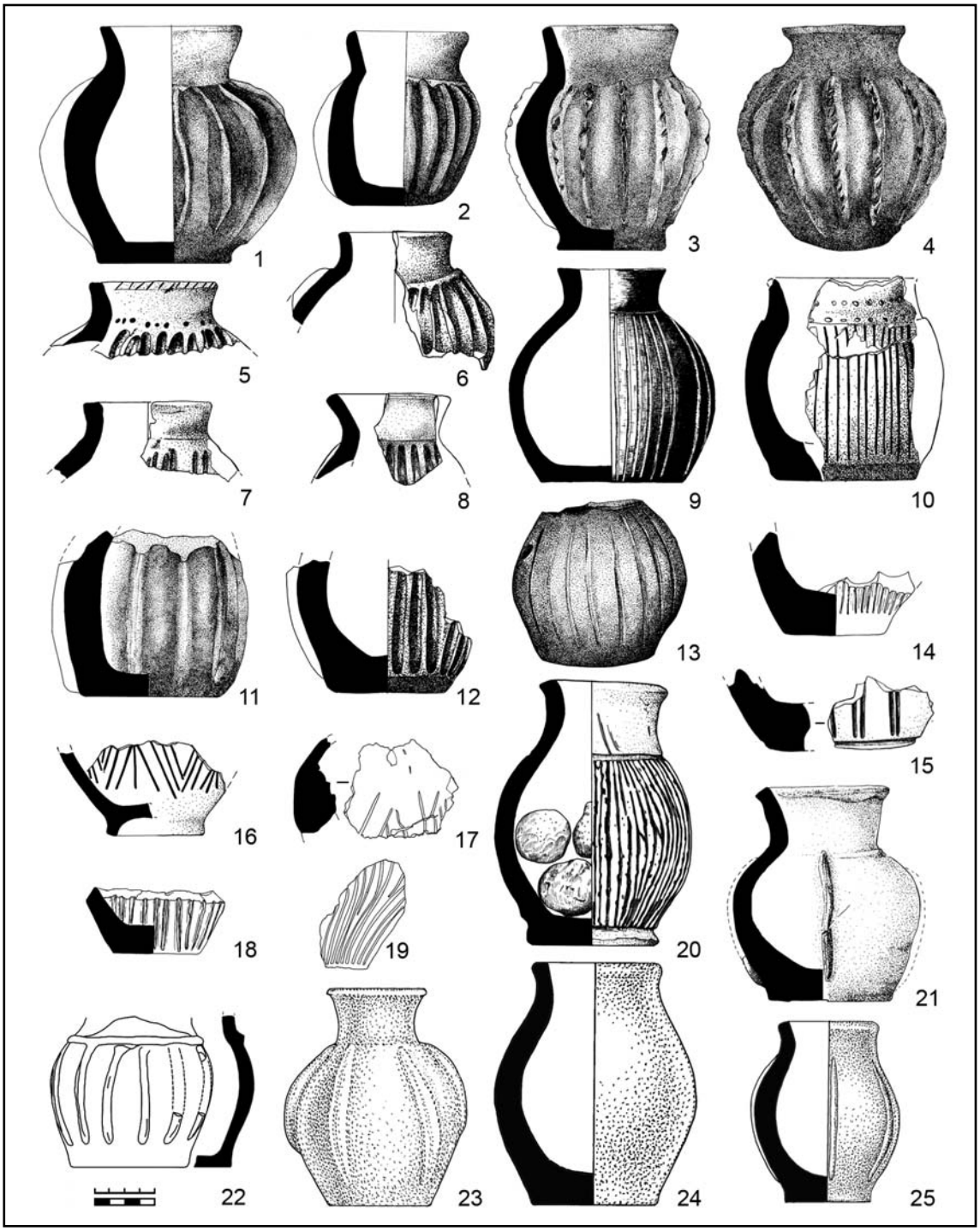

Рис. 16. Курильницы из Нижнего (1—22) и Среднего (23—25) Подонья: 1—19 — Елизаветовское городище; 20 — погр. 242 грунтового некрополя Танаиса; 21 — погр. 5 Нижнегниловского городища 2003 г.; 22 — Ново-Золотовское городище; 23 — городище Круглое; 24, 25 — Семилукское городище (13 — по Шилов 1958: рис. 16: 2; 20 — АМЗТ, 314/634; 22 — по Каменецкий 1956: рис. 43; 23 — по Пузикова 1969: рис. 3: 8; 24, 25 — по Пряхин, Разуваев 1995: рис. 7: 9, 11).

Fig. 16. Incense cups from the Lower (1—22) and Middle (23—25) Don region: 1—19 — Elizavetovskoe settlement; 20 — b. 242 of the ground necropolis of Tanais; 21 — b. 5 of the Nizhnegnilovskiy settlement (2003); 22 — Novo-Zolotovskoe settlement; 23 — Krugloe settlement; 24, 25 — Semilukskoe settlement (13 — after Шилов 1958: рис. 16: 2; 20 — AMZT, 314/634; 22 — after Каменецкий 1956: рис. 43; 23 — after Пузикова 1969: рис. 3: 8; 24, 25 — after Пряхин, Разуваев 1995: рис. 7: 9, 11).

дены при исследовании Семилукского городища: одна из них украшена рельефными каннелюрами (рис. 16: 25), а другая — не имеет никакого орнамента и носит следы воздействия высокой температуры (рис. 16: 24). Обе курильницы названы сосудами

ритуального назначения, а время функционирования городища отнесено к концу IV — началу III в. до н.э. (Пряхин, Разуваев 1995: 56, 58, 66, рис. 7: 9, 11).

Нижнее Подонье

Из материалов Елизаветовского городища происходят 22 лепные курильницы с вертикальными каннелюрами. Основная масса курильниц повторяет форму I типа лепных сосудов Елизаветовского городища по классификации К.К. Марченко (1972: 126—127; 1973: 66). Некоторые сосуды дополнительно орнаментировались насечками по краю венчика, оттиском полой палочки или срезанным стержнем пера по плечам, а у двух экземпляров каннелюры украшались защипами (рис. 16: 1—19) (Меньшикова 2012: 106—107, рис. 1: 1—11). Одна из курильниц в верхней части тулова имеет два отверстия для подвешивания, внешняя поверхность имеет лощение (Шилов 1958: 6, рис. 16: 2). По форме этот сосуд имеет значительное сходство с курильницами из могильников Прикубанья: у него отсутствует венчик (рис. 16: 13). Внутренняя поверхность стенок курильниц — со следами нагара. Курильницы с каннелюрами датируется концом IV — первой третью III в. до н.э. и относятся ко времени существования Большой греческой колонии Елизаветовского городища. Однако отметим, что одна из курильниц происходит из материалов первой греческой колонии, так называемого «квартала», функционировавшего на территории скифского Елизаветовского городища во второй половине — конце IV вв. до н.э. (Марченко 1988: 15—16).

Две курильницы с каннелюрами обнаружены при исследовании грунтового некрополя Танаиса. Тулово одной из них сплошь покрыто прочерченными каннелюрами, ограниченными у горла и придонной части горизонтальными врезными линиями (Ильяшенко 2012: рис. 1374: 2) (рис. 16: 20). Погребение датируется II в. до н.э.[11]. Вторая курильница, с рельефными каннелюрами, происходит из разрушенного погребения[12]. Встречаются обломки лепных сосудов, украшенных вертикальными каннелюрами, и в ранних слоях самого городища Танаис. Один из фрагментов лощеной курильницы был обнаружен в заполнении ямы III—II вв. до н.э. (Арсеньева 1969: 201, табл. I: 11; Меньшикова 2012: 107).

Из разрушенного погребения Нижнегниловского городища, расположенного в низовье Дона, происходит курильница с четырьмя вертикальными рельефными каннелюрами (рис. 16: 21). Предположительное время совершения захоронения — II—I вв. до н.э. (Копылов, Коваленко 2004: 36—37; Меньшикова 2012: 107, 109, рис. 1: 12).

Азиатский Боспор

На территории Азиатского Боспора лепная курильница с симметрично прочерченными вертикальными каннелюрами была обнаружена в земляном склепе 78, который был сооружен не ранее III в. до н.э. на территории городища Тирамба (рис. 17: 1) (Коровина 1984: табл. XLVIII: 13, 14).

* * *

До настоящего времени попытка создания типологии лепных курильниц из скифских памятников предпринималась единожды — и только для Северо-Западного Причерноморья. Е.Ф. Редина, используя опубликованные курильницы из скифских курганов Тираспольщины, а также неопубликованные из придунайских могильников Кугурлуй и Градешка и из Надлиманского городища в левобережном Поднестровье, выделила два типа сосудов: I — «с раздутыми боками и суженной горловиной» со сквозными отверстиями; II — с «прямым горлом, резко переходящим в окологрушевидное тулово». Отметим, что исследовательница оперировала всего 15 сосудами из скифских погребений, три из которых были отнесены к I типу, а 12 — ко II типу (Редина 1989: 133, 134).

Находки значительного числа курильниц на могильнике у с. Глиное и из других регионов и памятников Северного Причерноморья позволяют предложить новую типологию этих сосудов, в которой признаком для выделения типа является общий профиль сосуда, для подтипа — наличие более или менее выделенной ножки, для варианта — наличие или отсутствие ушек (рис. 18), при этом не учитывается орнамент (или его отсутствие), который ни в одном случае не может являться типо- или вариантообразующим признаком[13].

[11] Благодарим канд. ист. наук С.М. Ильяшенко за возможность опубликовать рисунок сосуда и за сообщение о датировке погребения.

[12] Благодарим канд. ист. наук И.В. Толочко за устное сообщение.

[13] Авторами настоящей типологии являются В.С. Синика и Н.П. Тельнов.

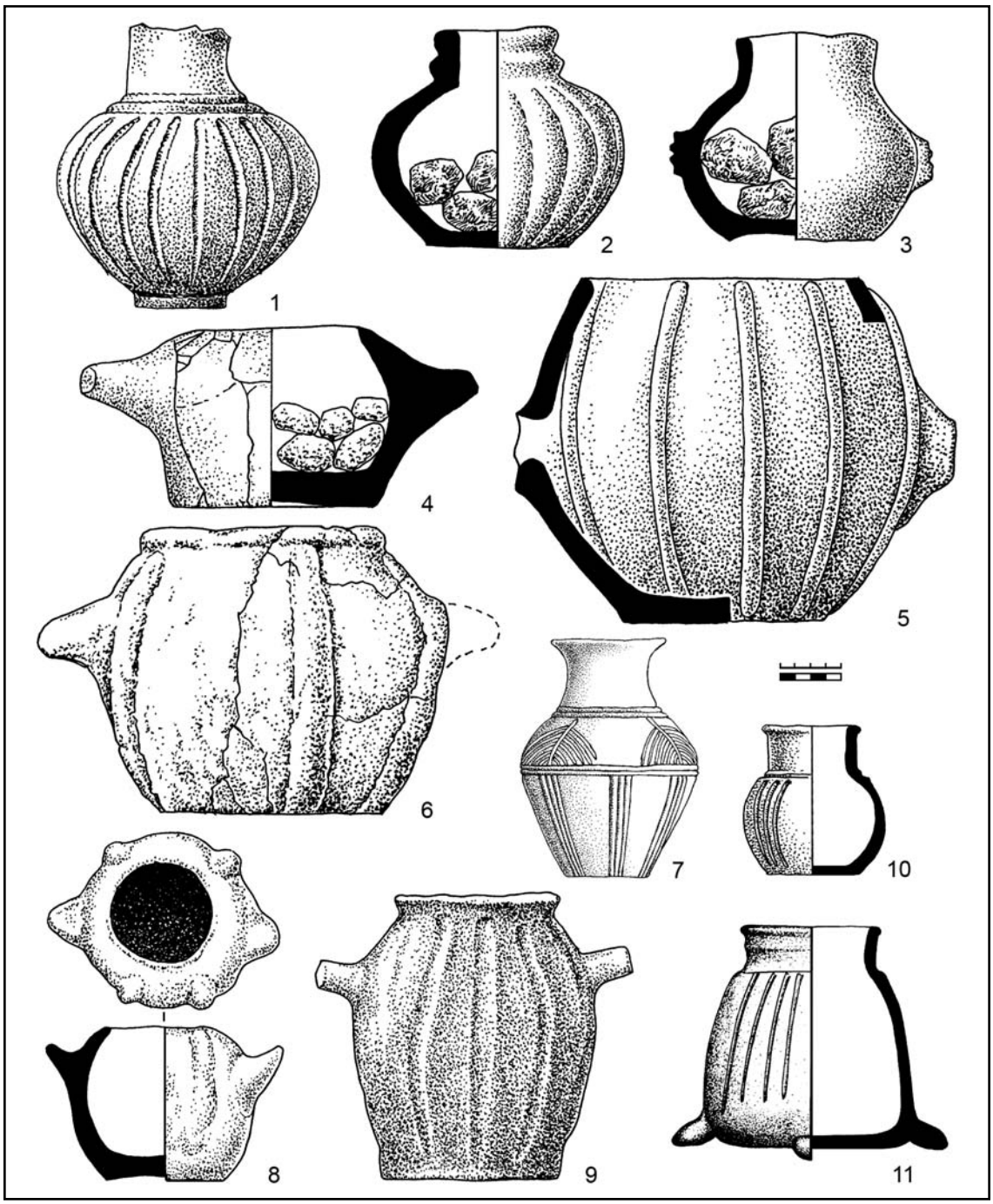

Рис. 17. Курильницы из Азиатского Боспора (1), Кавказа (2, 3), Прикубанья (4—9) и Урала (10): 1 — Тирамба; 2, 3 — Ханкальский могильник; 4 — погр. 283з могильника №2 Старокорсунского городища; 5 — погр. 4 могильника Пашковский; 6 — погр. 6/7 могильника Уляп I; 7 — погр. 43 могильника №2 городища у хут. Ленино; 8 — погр. 60 кургана скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища; 9 — скопление 11 в кургане 6 могильника Уляп; 10 — погр. 9/4 могильника Лебедёвка V; 11 — погр. 9/5 могильника Лебедёвка V (1 — по Коровина 1984: табл. XLVIII: 13, 14; 2, 3 — по Байбик и др. 1969: рис. 1: 1, 4; 4 — по Лимберис, Марченко 1997: рис. 1: 5; 5 — по Смирнов 1958: рис. 9: 16; 6 — по Лесков и др. 2005 : рис. 40: 10; 7 — по Шедевры... 1987 : рис. 48; 8 — по Раев, Беспалый 2006: табл. 7: 4; 34: 1; 35: 6; 9 — по Сокровища... 1985: кат. 408; 10, 11 — по Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: рис. 23: 2; 25: 1).

Fig. 17. Incense cups from the Asian Bosporus (1), the Caucasus (2, 3), Kuban region (4—9) and the Ural (10): 1 — Tiramba; 2, 3 — Hankala cemetery; 4 — b. 283z of cemetery №2 of the Starokorsunskoe settlement; 5 — b. 4 of the Paszkowski cemetery; 6 — b. 6/7 of the Ulyap I cemetery; 7 — b. 43 of cemetery №2 of the settlement Lenino; 8 — b. 60 of the Scythian time barrow in a ground necropolis of the IVth Novolabinskoe settlement; 9 — clustering 11 in barrow 6 of the Ulyap cemetery; 10 — b. 9/4 of the Lebedevka V cemetery; 11 — b. 9/5 of the Lebedevka V cemetery (1 — after Коровина 1984: табл. XLVIII: 13, 14; 2, 3 — after Байбик и др. 1969: рис. 1: 1, 4; 4 — after Лимберис, Марченко 1997: рис. 1: 5; 5 — after Смирнов 1958: рис. 9: 16; 6 — after Лесков и др. 2005 : рис. 40: 10; 7 — after Шедевры... 1987 : рис. 48; 8 — after Раев, Беспалый 2006: табл. 7: 4; 34: 1; 35: 6; 9 — after Сокровища... 1985: кат. 408; 10, 11 — after Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: рис. 23: 2; 25: 1).

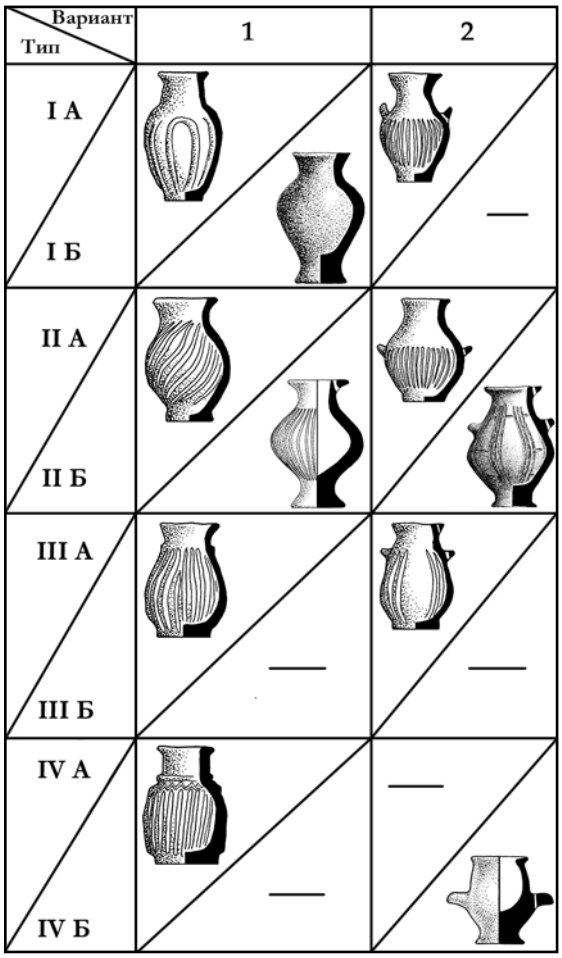

Рис. 18. Типология лепных курильниц.

Fig. 18. Typology of hand-molded incense cups.

При создании настоящей классификации учтены находки 147 курильниц: из Добруджи (1 экз.), Подунавья (1 экз.), Поднестровья (82 экз., в том числе 71 экз. с могильника у с. Глиное), Побужья (7 экз.), Крыма (29 экз.), Поднепровья (7 экз.), Приазовья (2 экз.), Подонцовья (3 экз.), Среднего (3 экз.) и Нижнего (10 экз.) Подонья, Азиатского Боспора (1 экз.); остальные известные курильницы представлены недостаточно информативными фрагментами.

К ***I типу*** относится 61 курильница. Тулово сосудов имеет максимальное расширение в верхней части.

Вариант 1 представлен 43 сосудами без ушек: из захоронений 24/1 могильника Курчи в Нижнем Подунавье (рис. 1: 2); два сосуда с поселения Надлиманское (рис. 2: 11, 13), из курганов 275 у с. Глиное (рис. 2: 1), 173 у с. Парканы (рис. 2: 2), 403 у с. Чобручи (рис. 2: 6) и 18 погребальных комплексов могильника у с. Глиное: 12/1 (рис. 3: 9), 14/2 (рис. 3: 12), 23/1 (рис. 4: 4), 24/1 (рис. 4: 5), 33/1 (рис. 5: 2), 41/1 (рис. 5: 8), 47/1 (рис. 5: 12), 49/1—2 экз. (рис. 6: 1, 2), 65/1 (рис. 6: 12), 66/1 (рис. 7: 1), 75/1 (рис. 7: 5), 81/3 (рис. 7: 9), 86/1 (рис. 7: 11), 88/1 (рис. 7: 13), 100/1 (рис. 8: 6), изо рва кургана 106 (рис. 8: 8), 107/3 (рис. 8: 9) в Поднестровье; из кургана 67 у с. Яцковичи (рис. 10: 5), из Ольвии: из некрополя — могилы 56/1901 (рис. 10: 1), раскопок 1920 г. (рис. 9: 8) и территории города (Национальный музей истории Украины) (рис. 10: 6) в Побужье; из погребений 1/8 у с. Красный Партизан (рис. 11: 1) и 6/1 у с. Ильичёво (рис. 11: 8), из склепа №17 кургана 1 на некрополе Пантикапея (рис. 12: 9) и могилы 1 Беляусского могильника[14] (рис. 12: 15) в Крыму; из погребения 45/1 могильника Широкое-II (рис. 14: 1), из захоронения 1 кургана 1882 г. в ур. Замковщина (рис. 14: 2) и с Капуловского поселения (рис. 14: 8) в Поднепровье; из погребений 5/12 у с. Белоярка (рис. 15: 1) и кургана №7 Беглицкого некрополя (рис. 15: 2) в Приазовье; из захоронения у с. Яремовка (рис. 15: 3) в Подонцовье; три сосуда из Елизаветовского городища (рис. 16: 1, 3, 4) и из погребения 5 Нижнегниловского городища (рис. 16: 21) в Нижнем Подонье; из некрополя Тирамбы (рис. 17: 1) в Азиатском Боспоре.

Во *2 варианте* включаются 18 курильниц, снабжённых ушками: из некрополя г. Томы в Добрудже (рис. 1: 1); из кургана 399 у с. Чобручи (рис. 2: 4) и из разрушенного погребения в г. Тирасполь (рис. 2: 7), а также из 15 захоронений могильника у с. Глиное в Поднестровье: 7/1 (рис. 3: 4), 11/1 (рис. 3: 8), 19/2 (рис. 4: 2), 20/1 (рис. 4: 3), 28/1 (рис. 4: 7), 31/1 (рис. 4: 8), 33/1 (рис. 5: 1), 37/1 (рис. 5: 5), 38/1 (рис. 5: 6), 61/1 (рис. 6: 9), 62/1 (рис. 6: 10), 74/1 (рис. 7: 4), 80/1 (рис. 7: 8), 89/3 (рис. 7: 14) и 95/1 (рис. 8: 3).

Из 61 курильницы I типа большинство (58 экз.) относятся к *подтипу I А*, т.е. у них нет выделенной ножки. Только три сосуда 1 варианта принадлежат *подтипу I Б* — с выделенной ножкой: из погребения 41/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье, из захоронения 6/1 у с. Ильичёво и могилы 1 Беляусского могильника в Крыму.

Курильниц ***II типа*** — с максимальным расширением тулова в средней части — в настоящее время известно больше (73 экз.).

1 варианту принадлежат 56 курильниц без ушек: из курганов 288 (рис. 2: 3) и 400 (рис. 2: 5) у с. Чобручи, погребений 2/2 (рис. 3: 1), 6/3

[14] Сосуд имеет полую ножку.

(рис. 3: 3), 8/1 (рис. 3: 5), 9/1—2 экз. (рис. 3: 6, 7), 35/1 (рис. 5: 3), 45/1 (рис. 5: 10), 51/1 (рис. 6: 3), 53/1 (рис. 6: 5), 55/1 (рис. 6: 7), 60/1 (рис. 6: 8), 63/1 (рис. 6: 11), 69/2 (рис. 7: 3), 79/1 (рис. 7: 7), 88/1 (рис. 7: 12), 94/1 (рис. 8: 2), 108/1 (рис. 8: 10) могильника у с. Глиное в Поднестровье; из могилы 110/1902 некрополя Ольвии (рис. 10: 2) и из города Ольвия (рис. 10: 3), с поселения Варваровка (рис. 10: 7) в Побужье; два сосуда из кургана на землях Черкеса (рис. 11: 2, 3), из кургана 10 группы Сары-Кая (рис. 11: 4), из погребения 18 могильника Левадки (рис. 11: 5), из склепа 12/1 у с. Ленино (рис. 11: 6), из некрополя Керкинитиды (рис. 11: 7), из склепов 31 Беляусского могильника (рис. 12: 1) и Неапольского могильника 1926 г. (рис. 12: 2), два сосуда из мавзолея Неаполя (рис. 12: 3, 4), из склепов №9 могильника Кара-Тобе (рис. 12: 5) и №105 Битакского могильника (рис. 12: 6), из кургана 12 у с. Кринички (рис. 12: 7), из склепа 1979 г. Битакского могильника (рис. 12: 8), два сосуда, хранящиеся в Одесском археологическом музее (рис. 12: 12, 13), из кургана у с. Вишенное (рис. 13: 1), из кургана 1 могильника Капак-Таш (рис. 13: 2), с городища Ак-Кая (рис. 13: 5)[15], из могилы 34 Неапольского могильника (рис. 11: 9), из городища Неаполь (рис. 11: 10), из могил 17 (рис. 11: 11) и 53 Беляусского могильника (рис. 11: 12) в Крыму; из погребения у с. Кагамлык (рис. 14: 5) и с городища Золотая Балка (рис. 14: 6) в Поднепровье; с Циркуновского городища (рис. 15: 4) и погребения 2/2 Беловодского могильника (рис. 15: 5) в Подонцовье; из городища Круглое (рис. 16: 23) и два сосуда с Семилукского городища (рис. 16: 24, 25) в Среднем Подонье; два сосуда из Елизаветовского городища (рис. 16: 9, 13), из Нижнегниловского городища (рис. 16: 22), из погребения 242 грунтового некрополя Танаиса (рис. 16: 20) в Нижнем Подонье.

Ко *2 варианту* относятся 17 сосудов с ушками: 16 — из погребений 13/1 (рис. 3: 10), 19/2 (рис. 4: 1), 32/1 (рис. 4: 9), 36/1 (рис. 5: 4), 42/1 (рис. 5: 9), 46/3 (рис. 5: 11), 52/1 (рис. 6: 4), 54/3 (рис. 6: 6), 66/2 (рис. 7: 2), 84/1 (рис. 7: 10), 92/1 (рис. 8: 1), 96/1 (рис. 8: 4), 99/1 (рис. 8: 5), 104/1 (8: 7), 109/1 (рис. 9: 1) и 112/1 (рис. 9: 2) могильника у с. Глиное в Поднестровье и только один — из Неаполя Скифского (1958 г.) (рис. 13: 4) в Крыму.

Из 73 курильниц II типа большинство (52 экз.) относятся к *подтипу II А*, т. е. у них нет выделенной ножки. Остальные сосуды принадлежат *подтипу II Б* — с выделенной ножкой: 20 из них 1 варианта (из могилы 110/1902 некрополя Ольвии в Побужье; два сосуда из кургана на землях Черкеса, из кургана 10 группы Сары-Кая, из погребения 18 могильника Левадки, из склепа 12/1 у с. Ленино, из некрополя Керкинитиды, из склепов 31 Беляусского могильника и Неапольского могильника 1926 г., два сосуда из мавзолея Неаполя, из склепов №9 могильника Кара-Тобе и №105 Битакского могильника, из кургана 12 у с. Кринички, из склепа 1979 г. Битакского могильника, два сосуда, хранящиеся в Одесском археологическом музее, из кургана у с. Вишенное, из городища Неаполь в Крыму; из городища Золотая Балка в Поднепровье) и только одна — второго варианта (из погребения 112/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье).

Известно всего пять курильниц ***III типа***, которые имеют максимальное расширение тулова в нижней части.

В *1 вариант* включаются три курильницы без ушек: из погребения 26/1 могильника у с. Глиное (рис. 4: 6) в Поднестровье, из Ялтинского музея (рис. 13: 7) в Крыму и из погребения 2 кургана 1882 г. в ур. Замковщина (рис. 14: 3) в Поднепровье.

Ко *2 варианту* относятся два сосуда с ушками: с поселения у с. Чобручи (рис. 2: 8) и из погребения 78/3 могильника у с. Глиное (рис. 7: 6) в Поднестровье.

Все курильницы III типа относятся к *подтипу III А* — без выделенной ножки.

IV тип образовывают восемь курильниц, тулово которых, хотя и имеет едва заметное расширение в средней части, можно характеризовать как цилиндрическое.

1 вариант представлен семью курильницами без ушек: из погребений 4/1 (рис. 3: 2), 18/2 (рис. 3: 13), 38/3 (рис. 5: 7) могильника у с. Глиное в Поднестровье, 10/2 у с. Тягинка (рис. 14: 10) в Поднепровье, и тремя сосудами из Елизаветовского городища (рис. 16: 2, 10, 11) в Нижнем Подонье.

Ко *2 варианту* можно отнести только один сосуд с ушками из городища Надлиманское (рис. 2: 12) в Поднестровье.

Из восьми курильниц IV типа большинство (7 экз.) относятся к *подтипу IV А*, т. е. у них нет выделенной ножки. Единственный сосуд второго варианта (из городища Надлиманского)

[15] Этот сосуд снабжён слабо выделенным кольцевым поддоном. Такие поддоны (их имитации?) присутствуют на десяти курильницах из погребений могильника у с. Глиное: 14/2, 24/1, 28/1, 33/1 (на сосуде с четырьмя отверстиями в венчике), 38/3, 46/3, 49/1 (на сосуде с орнаментом виде линий, свисающих вниз пучком), 52/1, 88/1 (с максимальным расширением в средней части тулова) и 112/1.

принадлежит *подтипу IV Б* — с выделенной ножкой.

Только 38 курильниц из Северного Причерноморья (т.е. 18,8% от общего числа учтённых сосудов (202 экз.) или 25,85% от числа типологически определимых сосудов) принадлежит 2 варианту, т.е. они изготавливались с ушками со сквозными отверстиями (36 экз.) или ушками-упорами (2 экз.). Обращает внимание, что 37 из них были обнаружены в Северо-Западном Причерноморье: некрополь г. Томы в Добрудже (1 экз.); поселение у с. Чобручи, городище Надлиманское, а также курган 399 у с. Чобручи, разрушенное погребение в г. Тирасполь и 33 захоронения могильника у с. Глиное в Поднестровье. Только одна курильница с ушками-упорами обнаружена в Крыму — на городище Неаполь (1958 г.). Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что 2-й вариант курильниц является локальной особенностью данного вида культовых сосудов, характерной для Северо-Западного Причерноморья.

Ушки со сквозными отверстиями, по нашему мнению, изготавливались, в первую очередь, в утилитарных целях: для подвешивания сосуда и для его переноса в разогретом состоянии. Для этого использовались отверстия в венчике и ушках диаметром 0,4—0,7 см. Подвешивание могло осуществляться при помощи:

1) двух диаметрально противоположных отверстий в венчике (рис. 19: 1) — два сосуда из погребений 35/1 и 79/1 могильника у с. Глиное;

2) двух отверстий в двух диаметрально противоположных ушках (рис. 19: 2) — 27 сосудов из погребений 11/1, 13/1, 20/1, 28/1, 31/1, 32/1, 36/1, 37/1, 38/1, 42/1, 46/3, 52/1, 54/3, 61/1, 62/1, 74/1, 84/1, 89/3, 92/1, 95/1, 96/1, 104/1, 109/1 могильника у с. Глиное, курган 399 у с. Чобручи (рис. 2: 4), погребения в г. Тирасполь (рис. 2: 7), поселения у с. Чобручи (рис. 2: 8) и городища Надлиманское[16] (рис. 2: 12) в Поднестровье;

3) двух диаметрально противоположных отверстий в венчике и двух отверстий в ушках, расположенных под ними на одной линии (рис. 19: 3) — шесть сосудов из погребений 7/1, 19/2, 66/2, 78/3, 99/1, 112/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье.

У курильницы из погребения 80/1 могильника у с. Глиное с двумя отверстиями в ушках, расположенных на одной оси, горловина была отбита в древности, что не позволяет установить, как именно осуществлялось её подвешивание: при помощи только отверстий в ушках или при помощи отверстий в венчике и ушках;

4) четырёх отверстий в венчике (две противолежащие пары), не совпадающих осями с двумя отверстиями в двух диаметрально противоположных ушках (рис. 19: 4) — один сосуд из погребения 33/1 могильника у с. Глиное;

5) четырёх отверстий в венчике, расположенных над четырьмя отверстиями в четырёх ушках (рис. 19: 5) — один сосуд из погребения 19/2 могильника у с. Глиное.

Ещё одна курильница — из некрополя г. Томы в Добрудже (рис. 1: 1) — снабжена ушками-упорами, в которых нет сквозных отверстий. Очевидно, эти упоры предназначались для удобства переноса разогретого сосуда. Аналогичные упоры, как уже отмечалось выше, присутствуют на курильнице из раскопок 1958 г. в Неаполе Скифском (рис. 13: 4).

Отметим, что находки курильниц в узко датированных комплексах могильника у с. Глиное в Поднестровье не подтверждают более ранний характер курильниц без орнамента по сравнению с каннелированными сосудами. Так, курильницы с каннелюрами встречаются в погребениях, совершённых на протяжении всего времени существования могильника, т.е. с конца IV в. до н.э. по третью четверть II в. до н.э. Ещё более широкие рамки бытования каннелированных курильниц отмечены по материалам Нижнего Подонья, где они встречаются в поселенческих и погребальных комплексах со второй половины IV в. до н.э. и до II—I вв. до н.э.

На могильнике у с. Глиное только две курильницы лишены орнамента: из погребений 41/1 и 100/1, что сближает их с крымскими неорнаментированными сосудами (рис. 11), а также с курильницами из Надлиманского городища (рис. 2: 12) из Поднестровья, из Белоярки в Приазовье (рис. 14: 11) и Семилукского городища в Подонье (рис. 15: 22).

Сосуд из погребения 41/1, которое датируется в пределах последней четверти III — первой четверти II в. до н.э., так же, как и крымские экземпляры, имеет массивное, высокое дно (рис. 5: 8). В отличие от крымских сосу-

[16] При анализе этого сосуда авторы публикаций сначала указывают, что он имитирует деревянные скифские кубки с боковыми ручками (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 113), а затем отмечают, что «сосуды-курильницы с ручками-упорами получают распространение в меотских памятниках Прикубанья с IV в. до н.э.» (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 115). При этом осталось незамеченным, что профиль этой курильницы на самом деле соответствует гончарным образцам, известным, например, в некрополе Ольвии (см.: Парович-Пешикан 1974: 119—121, рис. 98: 1, 7).

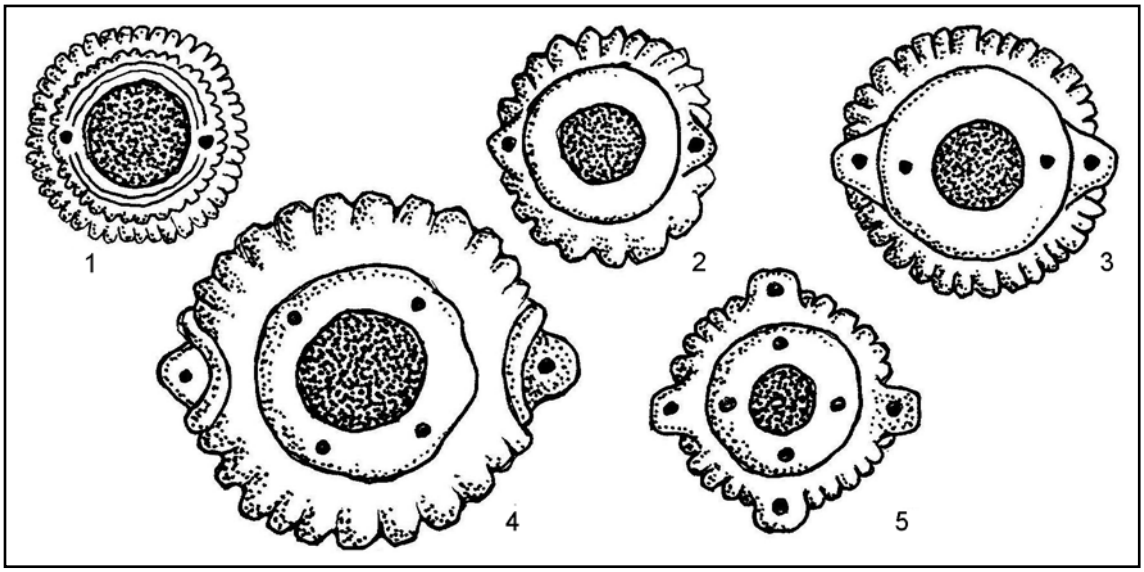

Рис. 19. Способы подвешивания курильниц.

Fig. 19. Incense cups hanging methods.

дов с максимальным расширением тулова в средней части, курильница из Глиного имеет максимальное расширение в верхней части тулова. Гораздо более небрежно изготовлена курильница из погребения 100/1 могильника у с. Глиное: у сосуда прямой венчик, слегка отогнутый наружу; высокое асимметричное тулово; диаметр дна превышает диаметр края венчика (рис. 8: 6). Комплекс датируется первой четвертью II в. до н. э. Морфологически близкие культовые сосуды, с галькой внутри, известны в материалах могильников Нижнего Прикубанья (Марченко 1996: 167, рис. 35: 101). Курильницы отнесены исследователем к третьей хронологической группе памятников, датирующейся концом III—II в. до н. э. (Марченко 1996: 87). Интересны находки подобных сосудов в Южном Приуралье. Курильницы происходят из погребений 9/1 могильника Мечетсай (Краева 2008: 96, рис. 25: 4) и 9/2 могильника Лебедёвка VI (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: 23, рис. 50: 9). Характерной чертой этих курильниц является наличие одного сквозного отверстия на шейке и более короткий венчик. Культовый сосуд из разрушенного погребения курганного могильника Лебедёвка VI авторами исследования предположительно был включён в первую хронологическую группу, относящуюся к концу VI—V в. до н. э. (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: 37). Курильница из Мечетсая широко датируется IV в. до н. э. (Краева 2008: 96).

Однако абсолютное большинство курильниц из погребений могильника у с. Глиное, как и из других памятников Северного Причерноморья, орнаментировано. В большинстве случаев орнамент представляет собой вертикальные, волнистые или косые каннелюры на тулове, которые выполнялись тремя различными способами: оттягивались из стенки сосуда, прочерчивались или продавливались палочкой. На курильнице из Ольвии, хранящейся в Национальном музее истории Украины, пространство между группами вертикальных прочерченных каннелюр заполнено каннелюрами в виде зигзага (рис. 10: 6).

Изредка каннелюры сочетались с орнаментом в виде несквозных вдавлений и наколов (Глиное 66/2 (рис. 7: 2), 99/1 (рис. 8: 5) в Поднестровье; курган 67 у с. Яцковичи (рис. 10/5) в Побужье; Пантикапей (рис. 12: 9) в Крыму) или сквозных отверстий (некрополь Ольвии (раскопки 1920 г.) (рис. 10: 8) в Побужье, Знаменское городище (рис. 14: 4), погребение 1 кургана 1882 г. в ур. Замковщина (рис. 14: 2), Кагамлык (рис. 14: 5) в Поднепровье). На курильнице из погребения 109/1 могильника у с. Глиное каннелюры в нижней части тулова сочетаются с прочерченным «змеевидным» орнаментом — в верхней части (рис. 9: 1). Курильница из Ялтинского музея украшена по тулову четырьмя неполными каннелюрами и наколами (рис. 13: 7).

Орнамент в виде групп линий, пучком опускающихся вниз от линии на плече сосуда, украшает курильницы из погребений 49/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье (рис. 6: 1) и 45/1 могильника Широкое-II в Поднепровье (рис. 14: 1). В могиле 56/1901 некрополя Ольвии обнаружена курильница с орнамен-

том на плече в виде групп линий, опускающихся вниз, между которыми находятся вдавления и наколы (рис. 10: 1).

«Ёлочный» орнамент известен на курильнице из погребения 24/1 могильника Курчи на левобережье Нижнего Дуная (рис. 1: 2), на одной из крымских курильниц, хранящихся в Одесском археологическом музее (рис. 12: 12), и на курильнице из склепа 31 Беляусского могильника (рис. 12: 1); на сосуде из городища Золотая Балка в Поднепровье (рис. 14: 6. Последние два сосуда имеют «тамгообразные» знаки на противоположных сторонах тулова.

Одна курильница из Ольвии орнаментирована квадратами, прочерченными двумя линиями, их диагонали также переданы в виде двойных линий: внутри треугольников, основания которых соответствуют сторонам квадратов, находятся несквозные наколы (рис. 10: 3).

Примитивный орнамент, состоящий из небольших прочерченных линий и несквозных наколов, зафиксирован на тулове курильницы из погребения 2 кургана 1882 г. в ур. Замковщина (рис. 14: 3) в Поднепровье.

Хорошо заметные солярные символы, иногда в сочетании с иными растительным и геометрическим орнаментом, а также с несквозными наколами, украшают группу из шести крымских курильниц: из склепа 31 Беляусского могильника (рис. 12: 1), из склепа Неапольского могильника 1926 г. (рис. 12: 2), из мавзолея Неаполя — 2 экз. (рис. 12: 3, 4), из кургана 12 у с. Кринички (рис. 12: 7) и из склепа 1979 г. Битакского могильника (рис. 12: 8)[17]. Менее заметные солярные символы в виде двойных линий вокруг сквозных отверстий на тулове сосудов известны на двух крымских курильницах, хранящихся в Одесском археологическом музее (рис. 12: 12, 13), и сосуде из городища Золотая Балка в Поднепровье (рис. 14: 6). Перечисленные памятники свидетельствуют о том, что распространение этого элемента орнаментации (солярных символов) в настоящее время можно связывать с крымской традицией изготовления курильниц. Этому заключению не противоречит находка курильницы с солярными символами на городище Золотая Балка, расположенном в Нижнем Поднепровье, т. е. поблизости от Крыма.

Завершая характеристику курильниц, необходимо остановиться на составе их заполнения. Абсолютное большинство сосудов, обнаруженных в погребениях могильника у с. Глиное в Поднестровье, содержало гальки[18]. В результате изучения каменного материала из их заполнения исследователи пришли к заключению: «Применялся каменный материал, очевидно, для сожжения органического содержимого курильниц, для чего образцы горных пород, вероятно, разогревались на огне, а затем помещались в сосуд, уже содержащий органические составляющие. Об этом свидетельствуют многочисленные следы копоти и сажи в виде точек, пятен и плёнок на поверхности образцов, а также трещиноватость, не свойственная окатанным речным галькам» (Романов, Кравченко, Кишлярук 2002: 307).

Находки галек также были отмечены в заполнении сосудов в скифских погребениях могильников Градешка и Кугурлуй на Нижнем Дунае (Петрунь 2008); на Надлиманском городище в Поднестровье (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 113); в одной из курильниц в кургане Черкеса и в погребении 18 в Левадках (Пуздровский 2007: 65) в Крыму; в погребении 10/2 у с. Тягинка (Евдокимов, Куприй 1991: 29) и в захоронении 45/1 могильника Широкое-II (Черненко, Бунятян 1977: 64), одна галька была найдена возле курильницы в помещении 8 на городище Золотая Балка (Гаврилюк 2009: 126, табл. I) в Поднепровье; в погребении 2/2 Беловодского могильника в Подонцовье (Ключнева 2003: 293); на некрополе Танаиса (Ильяшенко 2012: рис. 1374: 2). Небезынтересна и находка лепной курильницы из кургана №7 Беглицкого некрополя. Погребение ограблено. Разбитый сосуд обнаружен в грабительском лазе, здесь же найдены обломки камней песчаника с заглаженными поверхностями, идентичный камешек найден на дне погребальной камеры. Исследователь предположила, что камешки могли использоваться грабителями для заточки инструментов, которыми был вырыт лаз (Прохорова 1994: 13—14). Однако возможно, что камни могли происходить и из курильницы, тем более что на некоторых из них заметны следы воздействия огня.

В некоторых случаях, наряду с каменным материалом, в заполнении курильниц из погребений могильника у с. Глиное в Поднест-

[17] Нельзя исключать, что подобные солярные символы могли украшать и фрагменты сосудов из городищ Беляус (рис. 12: 10) и Калос-Лимен (рис. 12: 14), а также «большого погребения» кургана 1949 г. на Неаполе (рис. 12: 11).

[18] Этим термином мы обозначаем различные геологические породы, определение которых содержится в опубликованных работах (Романов, Кравченко, Кишлярук 2002; Петрунь 2008; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 113).

ровье были обнаружены и иные материалы: комки обожжённой глины — 2/1, 9/1, 13/1 (вместе с одной галькой), 20/1, 33/1 (в обеих курильницах), 61/1 (вместе с одной галькой), 95/1, 104/1, 108/1, 109/1); фрагменты лепной керамики — 9/1 (вместе с кремнем и комком обожжённой глины), 65/1 (вместе с одной галькой), 75/1 (вместе с двумя гальками), 94/1 (вместе с одной галькой). Фрагмент амфоры был обнаружен в заполнении курильницы из погребения 24/1 могильника Курчи в Нижнем Подунавье (Андрух, Суничук 1987: 44). Внутри курильниц из Прикубанья довольно часто находят обожженные фрагменты керамики (Лимберис, Марченко 2006: 134). Также внутри культового сосуда с каннелюрами из погребения 8/10 могильника Покровка II в Южном Приуралье был толстый слой нагара и три фрагмента обточенных донцев от лепных сосудов (Краева 2008: 91, рис. 25: 1).

Растительные остатки из курильниц могильника у с. Глиное были также изучены и проанализированы. Исследователи установили, что органическими компонентами заполнения сосудов являются остатки семян конопли, пшеницы-двузернянки и 17 видов сорных растений, и пришли к выводам, что наиболее широкое использование в погребальном обряде получила конопля, по-видимому, дикорастущая, при этом не исключается её культивирование, но при низком уровне агротехнических мероприятий (Кишлярук, Кузьминова 2000)[19].

Вопрос о происхождении курильниц из памятников IV—I вв. до н. э. до настоящего времени остаётся одним из наиболее сложных. Проблема упирается в поиски близких форм культовой лепной керамики в памятниках предшествующего времени. Как уже отмечалось, наиболее ранние находки курильниц, с орнаментом или без него, известны в Крыму (неорнаментированные курильницы) и Подонье (Елизаветовское и другие городища, погребения Беглицкого некрополя и др.). Дата этих памятников не выходит за пределы IV — первой трети III в. до н. э. В III—II вв. до н. э. такие курильницы известны во всех регионах Северного Причерноморья, а в Крыму доживают до I в. до н. э., уступая место курильницам со сквозными отверстиями и курильницам иных типов.

В разные годы исследователи пытались определить исходный регион, откуда в тот или иной регион Северного Причерноморья попадают курильницы. П. Н. Шульц связывает появление крымских курильниц с солярными знаками с кизил-кобинской культурой на основании наличия солярного символа, инкрустированного белой пастой, на сосуде из Кизил-Кобы (Шульц 1953: 62). Даже если согласиться с этим мнением, остаётся целый ряд нерешённых вопросов: происхождение формы сосудов и истоки других орнаментов. Н. Н. Погребова склоняется к поискам исходных для крымских курильниц форм в Поднестровье (Погребова 1961: 111), что на настоящий момент неприемлемо, т. к. наиболее ранние курильницы появляются на берегах Днестра не ранее конца IV — рубежа IV—III в. до н. э., т. е. в то же время, когда и в Крыму. А. И. Мелюкова предположила, что курильницы появились в одном из регионов, где известны находки подобных сосудов, — в Нижнем Поднепровье, Побужье, Поднестровье и Крыму (Мелюкова 1962: 159). Эту точку зрения, как наиболее плодотворную для своего времени, позже поддержала О. Д. Дашевская (1980: 26), хотя ей, в отличие от А. И. Мелюковой, уже были известны близкие формы лепной керамики, относящиеся к более раннему времени, чем рубеж III—II вв. до н. э. Э. В. Яковенко, не исключая возможность проникновения курильниц с раздутым туловом из Прикубанья, где они известны в меотских погребениях (Яковенко 1970: 130), считает прототипом днестровских, днепробугских и крымских курильниц культовые сосуды из Кармир-Блура (Яковенко 1970: 130; Яковенко 1971: 92, рис. 5), что вызвало обоснованную критику ввиду значительного территориального и хронологического разрыва при неочевидности сходства сосудов (Дашевская 1980: 26).

Существуют различные точки зрения относительно происхождения курильниц с каннелюрами, а именно, что такие сосуды получили наибольшее распространение в Северном Причерноморье.

Е. Ф. Редина считает, что каннелированные курильницы, выделенные ею во II тип, имеют савроматское происхождение (Редина 1989: 134). А. Е. Пуздровский предполагает, что «тип ритуальной посуды в виде курильниц» сформировался в контактной зоне скифских и савромато-меотских племён, откуда в результате миграций населения распространился на запад (Подунавье, Поднестровье, Побужье, Крым) и на вос-

[19] Сосуды с камнями, побывавшими в огне вместе с семенами конопли, обнаружены в Пазырыкских курганах на Алтае (Руденко 1953: 333—334). Воскуривание конопли у пазырыкских племён небезосновательно считается, «скорее всего, иранским наследием в культуре» (Полосьмак 2001: 265), подтверждением чему является практика использования сосудов (курильниц) с обожжёнными гальками и семенами конопли на могильнике у с. Глиное.

ток (Северный Кавказ), где курильницы под воздействием различных факторов продолжили линию самостоятельного развития (Пуздровский 2007: 65). Это мнение, на наш взгляд, наиболее приемлемо.

Тем не менее, на данный момент три основные проблемы остаются нерешёнными: **1)** прототипы для северопричерноморских курильниц; **2)** исходный регион, откуда идея курильниц проникает в Северное Причерноморье; **3)** путь этого проникновения.

По нашему мнению, ближайшие исходные формы лепной керамики находятся в меотских памятниках на территории Прикубанья[20]. В целом, к настоящему времени исследователями учтено 57 лепных меотских курильниц (Лимберис, Марченко 2006б), определённая часть которых вызывает наибольший интерес. В частности, три курильницы известны в погребениях 1, 57 и 60 кургана скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. От первой сохранились три фрагмента плеча сосуда с венчиком, вторая курильница рассыпалась, но в ней были две гальки. Представление о форме сосудов даёт находка из погребения 60: курильница с приземистым туловом, с двумя ручками-упорами, дно не выделено, горловина не выражена, на тулове четыре рельефных каннелюры (рис. 17: 8) (Раев, Беспалый 2006: 12, 36, 37, табл. 7: 4; 34: 1; 35: 6). Абсолютно идентичные курильницы с гальками и без них известны в меотских погребениях: 287з могильника №2 Старокорсунского городища второй — третьей четверти IV в. до н.э. (рис. 17: 4) (Лимберис, Марченко 1997: 81, рис. 1: 5); 6/7 могильника Уляп I, дата которого не выходит за пределы первых трёх четвертей IV в. до н.э. (рис. 17: 6) (Лесков и др. 2005: 21, 76, рис. 40: 10); 4 (рис. 17: 5) и 9 могильника Пашковский (Смирнов 1958: 288, 290, рис. 9: 16). Указанные находки курильниц из меотских комплексов схожи профилем тулова, а также наличием внутри них галек и орнаментом в виде вертикальных каннелюр. Это ещё не северопричерноморские курильницы, однако весьма близкие к ним.

Особый интерес вызывает находка лепной курильницы с ручками-упорами из скопления 11 в кургане 6 могильника Уляп, тулово которой, орнаментированное восемью вертикальными прочерченными каннелюрами, вытягивается, и появляется венчик (рис. 17: 9) (Сокровища... 1985: 125, кат. 408). Этот сосуд имеет шаровидное тулово без горловины и с неотделённым венчиком, а сам комплекс датирован в разное время IV в. до н.э. (Сокровища... 1985: 125, кат. №408), концом V — третьей четвертью IV в. до н.э. (Лесков и др. 2005: 76), концом III в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2006а: 139).

На сосудах из меотских комплексов встречается и орнамент, позже получивший распространение на северопричерноморских курильницах. Например, на тулове сосуда из погребения 43 могильника городища №2 у хут. Ленино сочетаются резной ёлочный орнамент в верхней части и прочерченные каннелюры, по три в группе,— в нижней (рис. 17: 7) (Шедевры... 1987: 115, рис. 48, кат. 124). Идентичный по форме и орнаментации сосуд происходит из погребения 3 могильника Старокорсуновского городища №2. Погребение датировано концом IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2007: 83, рис. 20: 4).

Ещё раз подчеркнём, что наиболее ранние курильницы с каннелюрами появляются в меотских погребениях Прикубанья со второй четверти IV в. до н.э. В последней четверти этого столетия идея культового сосуда, украшенного каннелюрами, с гальками внутри воспринимается скифами и населением Среднего и Нижнего Подонья. Обращая внимание на специфическую форму курильниц из материалов Большой греческой колонии Елизаветовского городища на Дону, К.К. Марченко указал на азиатскую часть Боспора как исходный район обитания елизаветовских переселенцев (Марченко 1999: 78). Таким образом, исследователь предполагает, что курильницы с каннелюрами принесены в дельту Дона непосредственно представителями населения Азиатского Боспора. Однако в нашей работе мы неоднократно указывали, что между курильницами с каннелюрами, происходящими из погребальных памятников Прикубанья, и аналогичными культовыми сосудами с территории Северного Причерноморья имеются существенные морфологические отличия. Это может объясняться тем, что идея курильницы перерабатывается местной керамической традицией: используется типичная форма лепного горшка, стенки которого утолщаются и орнаментируются, как правило, рельефными каннелюрами. Уже в первой половине IV в. до н.э. эта форма сосуда фиксируется в Поднепровье (погребение 45/1 могильника Широкое-II) и в Побужье (курган 67 у с. Яцковичи), в конце IV в. до н.э.— в Поднестровье (городище Надлиманское, скифский могильник у с. Глиное и другие скифские погребальные

[20] На это впервые указала Э.В. Яковенко со ссылкой на устное сообщение Н.В. Анфимова (Яковенко 1970: 130, прим. 31).

памятники) и Подунавье (погребение 24/1 могильника Курчи), в III в. до н. э. — в Добрудже (некрополь г. Томы). В III—I вв. до н. э. керамическая форма развивалась в Крыму: помимо каннелированных курильниц, появляются сосуды с солярными знаками, ёлочным и комбинированным сложным орнаментом, а также с отверстиями в тулове. В свою очередь, крымская традиция в изготовлении курильниц прослеживается в Поднепровье и Побужье. Некоторые сосуды из этих регионов имеют усложнённый орнамент, а также сквозные отверстия по тулову.

Прикубанье являлось регионом, откуда идея курильниц с каннелюрами распространилась не только на запад — в Северное Причерноморье, но и на восток — на Кавказ и далее до Южного Приуралья. Среди курильниц с гальками различных форм и орнаментации из памятников Северо-Восточного Кавказа обратим внимание на два сосуда с гальками из погребений III—II вв. до н. э. Ханкалинского могильника в Чечне. Их тулово такое же приземистое, как и у перечисленных выше курильниц из Прикубанья, однако появляется выделенная горловина. У одной курильницы отсутствует орнамент, и сохраняются ручки-упоры, у второй — наоборот, появляются каннелюры и отсутствуют ручки-упоры (рис. 17: 2, 3). «Именно контактами с меотами» авторы публикации объясняют «появление у древних обитателей Ханкалы не присущей им прежде черты похоронного ритуала и заимствование некоторых форм соответствующих сосудов» (Байбик и др. 1969: 83—84, рис. 1: 1, 4).

Самым восточным пунктом, где были обнаружены сосуды, украшенные каннелюрами, является могильник Лебедёвка V в Уральской области Казахстана. Из погребения 9/4, датированного не ранее III в. до н. э., происходит лепной горшок с прочерченным орнаментом на тулове (рис. 17: 10). В захоронении 9/5 обнаружен сосуд с аналогичным орнаментом на тулове, снабжённый тремя ножками (рис. 17: 11), который с учётом находок нескольких камешков в непосредственной близости можно считать курильницей (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: 13—14, 41, рис. 23: 2; 25: 1; 28: 1). Ещё одна курильница с каннелюрами происходит из погребения 8/10 могильника Покровка II: сосуд имел внутри толстый слой нагара и три фрагмента обточенных донцев от лепных сосудов (Краева, 2008: 95, рис. 25: 1).

Относительно сосудов с солярными символами, как мы уже указывали выше, в настоящее время можно констатировать крымское происхождение этой орнаментальной традиции курильниц.

Вероятно, орнамент в виде групп линий, пучком опускающихся вниз от линии на плече сосуда (курильницы из погребений 49/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье, 45/1 могильника Широкое-II в Поднепровье, могилы 56/1901 некрополя Ольвии), имеет скифское происхождение. В частности, нам известны находки горшков с аналогичным орнаментом из скифских погребений 23/6 у с. Любимовка и 1/2 группы Острой Могилы у с. Широкое (Гаврилюк 1980: 22, 26, рис. 3: 4; 4: 10), а также на лепном горшке из Каменского городища в Поднепровье (Граков 1954: 74, табл. III: 4). При этом форма полностью сохранившихся сосудов из погребения 49/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье и 45/1 могильника Широкое-II в Поднепровье также ничем не отличается от скифских лепных горшков.

«Ёлочный» орнамент на курильницах (погребение 24/1 могильника Курчи в Подунавье (рис. 1: 2), одна из крымских курильниц, хранящихся в Одесском археологическом музее (рис. 12: 12), склеп 31 Беляусского могильника (рис. 12: 1) в Крыму, сосуд из городища Золотая Балка (рис. 14: 6) в Поднепровье) также, по всей видимости, имеет скифское происхождение. В частности, аналогичный орнамент нанесён на тулово лепного горшка из скифского погребения в кургане 22 в ур. Холодный Яр (Покровська 1957: 78, табл. II: 9) и лепного миниатюрного сосуда (двуручного горшка?) из захоронения 2/2 у с. Акимовка (Фиалко 1991: 7, 9, рис. 5) в Поднепровье. Обе крымские курильницы с «ёлочным» орнаментом имеют хорошо выделенную ножку, сосуд из Поднепровья — слабо выделенную, причём все три сосуда снабжены солярными символами, а два из них (из склепа 31 Беляусского могильника в Крыму и городища Золотая Балка в Поднепровье) — ещё и тамгообразными знаками. Курильница из погребения 24/1 могильника Курчи в Подунавье с плоским дном повторяет форму типичных скифских лепных горшков.

Более сложным является вопрос о происхождении курильниц, лишённых всякого орнамента. К этой группе относится всего 18 сосудов: из Надлиманского городища (рис. 2: 12) и из погребений 41/1 (рис. 5: 8) и 100/1 (рис. 8: 6) могильника у с. Глиное в Поднестровье; 12 сосудов из Крыма (рис. 11)[21]; из погребения 5/12 у с. Белоярка в Приазовье

[21] На одном из сосудов из кургана Черкеса есть две горизонтальные прочерченные линии, которые отделяют тулово от горловины и ножки (рис. 11: 2).

(рис. 15: 1); из захоронения 2/2 Беловодского могильника в Подонцовье (рис. 15: 5); один сосуд из Семилукского городища в Среднем Подонье (рис. 16: 24).

Десять этих сосудов: из Надлиманского городища и погребения 41/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье; из курганов Черкеса (2 экз.) и №10 группы Сары-Кая, погребения 18 могильника Левадки, склепа 12/1 у с. Ленино, из некрополя Керкинитиды, погребения 6/1 у с. Ильичёво и из городища Неаполь в Крыму,— имеют довольно высокую и массивную ножку, а последняя (из городища Неаполь) — полую ножку, в виде кольцевого поддона.

Заметим, что массивная ножка характерна для целого ряда курильниц с орнаментом: в виде каннелюр (погребения 112/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье и 110/1902 некрополя Ольвии в Побужье, из кургана у с. Вишенное в Крыму); в виде горизонтальных, вертикальных и волнистых линий и различных символов на сосудах из Крыма (склепы 31 Беляусского могильника и Неапольского могильника 1926 г., два сосуда из мавзолея Неаполя, склепы №9 могильника Кара-Тобе, №105 и 1979 г. Битакского могильника, курган 12 у с. Кринички, два сосуда из Одесского археологического музея, из «большого погребения» кургана 1949 г. на Неаполе и из могилы 1 Беляусского могильника); в виде «ёлочного» орнамента в сочетании с тамгообразным знаком из городища Золотая Балка в Нижнем Поднепровье.

Таким образом, наличие высокой или просто достаточно выделенной ножки (подтип Б курильниц всех типов) характерно, в основном, для курильниц из Крыма (21 экз.), при этом ещё две подобные находки происходят из памятников соседних регионов — Нижнего Побужья (Ольвия — 1 экз.) и Нижнего Поднепровья (1 экз.). Намного более удалены от указанного ареала курильницы на ножках из памятников Поднестровья (3 экз.).

Поиски возможных прототипов для лепных курильниц из Северного Причерноморья без орнамента и на высокой ножке указывают на гончарные образцы подобных культовых сосудов, которые известны в погребениях некрополя Ольвии греческого времени: 35/1896, 41/1896, 10/1901, 41/1902, 110/1902, 118/1902, 19/1908 и др. Ножка у всех этих сосудов довольно высокая и полая (Парович-Пешикан 1974: 119—120, рис. 98: 1, 7), т.е. в виде кольцевого поддона, что отличает её от большинства лепных курильниц, за исключением упомянутого сосуда из городища Неаполь. С достаточной долей уверенности подражанием греческим образцам, судя по профилю тулова, является только курильница из городища Надлиманское в Поднестровье (рис. 2: 12). Для остальных лепных сосудов без орнамента и на высокой ножке предположение о греческом влиянии на традицию их изготовления может быть высказано только в очень осторожной форме. Косвенным аргументом в его пользу может служить устоявшееся мнение о греческом происхождении чашек на высокой ножке в скифском керамическом наборе (Гаврилюк 1984: 9; 2009: 129). Специальное исследование подобных чашек из Ольвии и её округи, а также из Мирмекия, Тиритаки, Нимфея и Херсонеса, Танаиса и Горгиппии, проведённое К.И. Зайцевой, позволило исследователю, помимо констатации их греческого происхождения, утверждать, что они использовались, в том числе, в качестве курильниц и фимиатериев (Зайцева 2000: 150).

Возвращаясь к лепным курильницам без орнамента, отметим, что восемь из них не имеют выделенной ножки: из захоронения 100/1 могильника у с. Глиное в Поднестровье; из погребения 1/8 у с. Красный Партизан, из могил 34 Неапольского, 17 и 53 Беляусского могильников в Крыму; из погребений 5/12 у с. Белоярка в Приазовье; 2/2 Беловодского могильника в Подонцовье; один сосуд из Семилукского городища в Среднем Подонье. За исключением курильницы из могилы 34 Неапольского могильника со слабо выраженным кольцевым поддоном, остальные семь сосудов имеют плоское дно. Все они очень похожи на обычные горшки — самый распространённый вид лепной кухонной посуды в скифских памятниках Северного Причерноморья. В нашей работе они учтены как курильницы, поскольку в них были обнаружены гальки (погребения 100/1 могильника Глиное, 2/2 Беловодского могильника), следы горения на внутренней поверхности сосудов (погребения 1/8 у с. Красный Партизан, 5/12 у с. Белоярка, сосуд из Семилукского городища), или же их тулово содержит отверстия, которые предназначались для выхода дыма (могилы 34 Неапольского, 17 и 53 Беляусского могильников)[22].

[22] Использовались ли в лепных курильницах с отверстиями в тулове крышки, в настоящее время установить невозможно, поскольку ни одна из них не зафиксирована. Однако на гончарных курильницах из погребения 2S Петуховского могильника (Ebert 1913: 62, Abb. 62: g) и из некрополя Ольвии (Парович-Пешикан 1974: 119—120, рис. 98: 2—4, 6) такие крышки есть, причём с отверстиями, в то время как тулово сосудов никаких отверстий не имеет.

Вопрос о назначении курильниц в скифской погребальной обрядности ранее уже рассматривался исследователями. М. И. Вязьмитина и Т. Н. Высотская считают, что курильницы использовались для очищения могилы огнём, «для того чтобы выгнать злых духов», одновременно связывая помещение этих сосудов в захоронения с культом предков (Вязьмитина 1972: 156; Высотская 1976: 68—69). О. Д. Дашевская, соглашаясь с этим мнением, обращает внимание на то, что крымские курильницы с символическими изображениями (солярный орнамент и др.) могли посвящаться божествам (Дашевская 1980: 28).

В этой связи обратим внимание на находки культовых сосудов из материалов Большой греческой колонии Елизаветовского городища в дельте Дона. Семь из двадцати двух курильниц происходят из строительных комплексов конца IV — первой трети III в. до н. э., выполненных в греческой строительной традиции. В четырех случаях совместно с курильницами в тех же или смежных помещениях домов найдены фрагменты протом богини Деметры (Марченко 1988: 15—16). В Поднестровье, хотя и вне комплексов с курильницами, фрагменты двух терракот Деметры были обнаружены при исследовании городища Надлиманское IV—III вв. до н. э. (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 133, табл. 51: 3; 52: 1). Фрагменты двух статуэток Деметры, а также целая статуэтка богини Кибелы и фрагменты ещё трёх аналогичных были обнаружены в слое III—II вв. до н. э. поселения Чобручи (Фидельский, Синика 2005; Щербакова, Тащи 2009: 217—219, рис. 1: 1—6; Фидельский 2012: 19, рис. 1: 1). Таким образом, очевидно, что курильницы на поселениях использовались при отправлении домашних культов, в связи с чем могли использоваться и в погребальном обряде. Последнее иллюстрируется более чем наглядно находками из скифского могильника у с. Глиное и ряда других погребальных памятников Поднестровья.

Подытоживая данные о курильницах в Северном Причерноморье, выделим следующие моменты:

1. Ритуальные сосуды с раздутым туловом с различным орнаментом и без него в IV—I вв. до н. э. получили повсеместное распространение во всех регионах Причерноморья: Добруджа — 1 экз., Подунавье — 5 экз., Поднестровье — 98 экз., Побужье — 9 экз., Крым — 34 экз., Поднепровье — 13 экз., Приазовье — 4 экз., Подонцовье — 2 экз., Среднее Подонье — 5 экз., Нижнее Подонье — ок. 30 экз., Азиатский Боспор — 1 экз.

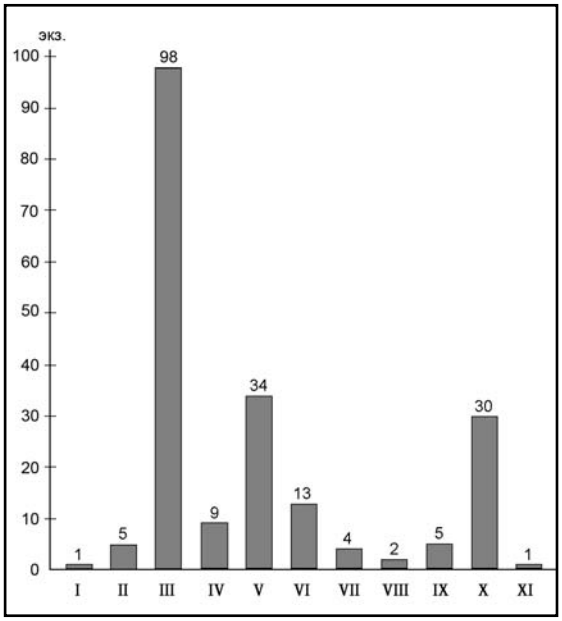

Рис. 20. Лепные курильницы Северного Причерноморья. I — Добруджа; II — Подунавье; III — Поднестровье; IV — Побужье; V — Крым; VI — Поднепровье; VII — Приазовье; VIII — Подонцовье; IX — Среднее Подонье; X — Нижнее Подонье; XI — Азиатский Боспор.

Fig. 20. Hand-made incense cups on the North Black Sea Coast. I — Dobrudja; II — Danube Region; III — Dniester Region; IV — Bug Region; V — Crimea; VI — Dnieper Region; VII — Azov Region; VIII — Severski Donets Region; IX — Middle Don Region; X — Lower Don Region; XI — Asian Bosporus.

(рис. 20). Таким образом, курильницы представляют собой общее явление для Северного Причерноморья, а не локальную особенность материальной культуры скифов Поднестровья, Крыма или любого другого региона.

Прототипами лепных каннелированных курильниц из памятников Северного Причерноморья явились, вероятно, меотские сосуды — курильницы, орнаментированные рельефными каннелюрами по тулову, с ручками-упорами и гальками внутри. Курильницы с орнаментом, включающим солярные символы, по всей видимости, представляют крымскую традицию в изготовлении подобных сосудов. Вероятно, орнамент в виде групп линий, пучком опускающихся вниз от линии на плече сосуда, а также «ёлочный» орнамент имеют скифское происхождение. Более сложен вопрос о происхождении курильниц без орнамента: часть из них — с выделенной ножкой — может свидетельствовать о греческом влиянии на изготовление сосудов; другая часть — с плоским дном — об использовании формы скифского лепного горшка.

2. Исходным регионом проникновения в Северное Причерноморье орнамента в виде

каннелюр является Прикубанье, где он встречается в комплексах, начиная со второй четверти IV в. до н.э.

3. Проникновение идеи курильниц с каннелюрами из Прикубанья на запад происходило через Подонье в Поднепровье, Крым и Побужье, а далее в Поднестровье, Подунавье и Добруджу. Во всех этих регионах курильницы, хотя и появляются раньше, получают широкое распространение в III—II вв. до н.э., а в Крыму доживают до I в. до н.э. Восточное направление в распространении курильниц маркируется находками на Кавказе и далее на восток, дата которых также определяется не ранее III в. до н.э. Очевидно, что в случае с распространением курильниц в Северном Причерноморье речь идёт о фактах взаимопроникновения культур и межэтнических контактов. Яркой иллюстрацией последних выступает курильница с поселения Козырка 2 в Побужье, которая является эталонной формой подобных культовых сосудов у меотов Прикубанья.

Другие виды орнамента или его отсутствие в настоящее время можно считать местной традицией.

4. Находки курильниц на поселениях могут свидетельствовать об использовании этих сосудов во время определённых культовых действий. Только в Поднестровье наибольшее количество курильниц обнаружено в погребениях (могильник Глиное и другие скифские погребальные памятники), поскольку большая их часть осталась непотревоженной до момента исследования. Вероятно, они предназначались и для окуривания погребального сооружения во время захоронения, и для посмертного воскуривания погребённым.

Литература

Андреев В.Н. 1992. Курган эпохи бронзы в Крыму. *ДСПК* III, 115—122.

Андрух С.І. 1991. До питання про перебування скіфів у Північно-Західному Причорномор'ї. *Археологія* (1), 20—33.

Андрух С.И. 1995. *Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н.э. (этнополитический аспект)*. Запорожье: Запорожский университет.

Андрух С.И., Суничук Е.Ф. 1987. Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная. В: Самойлова Т.Л. (отв. ред.) *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 38—46.

Андрух С.И., Чернов С.И. 1990. Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья. *СА* (2), 149—163.

Арсеньева Т.М. 1969. Лепная керамика Танаиса. В: Шелов Д.Б. (отв. ред.). *Античные древности Подонья-Приазовья*. Москва: Наука, 173—220.

Байбик и др. 1969: Байбик В.Д., Виноградов В.Б., Гантимурова Т.М., Магомадов И.Д. 1969. Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии. *Археолого-этнографический сборник* III, 80—94.

Бессонова С.С. 1994. Курганы Лесостепного Побужья. В: Черненко Е.В. (отв. ред.). *Древности скифов*. Киев: ИА АН Украины, 3—34.

Болдін Д.І., Зарайська Н.П. 1972. Дослідження скіфських поховань у Каховському районі. *АДУ 1969 р.* 4, 114—118.

Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. 2001. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. *Труды ГИМ* 118, 96—121.

Высотская Т.Н. 1976. Культы и обряды поздних скифов. *ВДИ* (3), 51—73.

Вязьмитина М.И. 1972. *Золотобалковский могильник*. Киев: Наукова думка.

Гаврилюк Н.О. 1980. Кераміка степових скіфських поховань IV—III ст. до н.е. *Археологія* 34, 17—30.

Гаврилюк Н.О. 1984. Скіфські імітації форм античного гончарного посуду. *Археологія* 48, 7—11.

Гаврилюк Н.А. 2009. Фракийцы в Нижнем Поднепровье. *Stratum plus* (3), 2005—2009, 114—141.

Граков Б.Н. 1954. *Каменское городище на Днепре*. МИА 36.

Дашевская О.Д. 1980. О скифских курильницах. *СА* (1), 18—29.

Дашевская О.Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. САИ Д1—7.

Дебрюкс П. 2010. *Собрание сочинений*. Т. I. Тексты. Т. II. Иллюстрации. Санкт-Петербург: Коло.

Дзис-Райко Г.А., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 2012. Городище Надлиманское IV—III вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье. *МАСП* 3.

Доманский Я.В., Марченко К.К. 1980. Поселение ольвийской хоры Козырка 2. *АСГЭ* 21, 20—38.

Зайцева К.И. 2000. Лепные чашки на ножках конца VII—I вв. до н.э. из Северного Причерноморья. *Археологические вести* 7, 140—153.

Зарайская Н.П. 1992. Погребение раннего железного века на р. Крынке. *ДАС* 1, 89—98.

Евдокимов Г.Л., Куприй Н.М. 1991. *Отчёт о раскопках курганов в зоне строительства орошения земель Херсонской обл. Краснознаменской экспедицией ИА АН УСССР в 1991 г.* Науковий архів ІА НАНУ. №1991/6.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2004. Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э.— 1 в.н.э. В: Раев Б.А. (отв. ред.). *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: Кубанский государственный университет, 174—204.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2010. Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая. *Археологический альманах* 22, 169—176.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. 2006. *Древности Лебедевки (VI—II вв. до н.э.)*. Москва: Восточная литература.

Ильяшенко С.М. 2012. *Отчёт об археологических исследованиях на территории грунтового некро-*

поля городища Танаис в х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2008 г. (раскоп XVIII, площадь 4, 5). Т. I. АМЗТ.

Каменецкий И. С. 1956. *Фотографии к Отчету о работах археологической экспедиции Таганрогского музея в 1956 году.* ТЛИАМЗ. Ф. 11. № 1.

Кастанян Е. Г. 1981. *Лепная керамика боспорских городов.* Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.

Кишлярук В. М., Кузьминова Н. Н. 2000. Растительные остатки из курильниц курганного могильника позднескифского времени у с. Глиное. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Чобручский археологически комплекс и древние культуры Поднестровья.* Материалы полевого семинара. Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 38—43.

Ключнева И. Н. 2003. Погребения раннего железного века из курганного могильника у пгт. Беловодск Луганской области. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 1, 289—304.

Коваленко А. Н. 2006. Население Нижнего Дона второй половины IV — первой трети III вв. до н. э. (по материалам погребальных комплексов). *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное время.* Ростов: РПИ, 51—57.

Колтухов С. Г. 2001. О крымских курганах с «коллективными погребениями». *Труды ГИМ* 118, 59—70.

Колтухов С. Г. 2004. Лепная керамика скифского населения Степного и предгорного Крыма. *Херсонесский сборник* XIII, 68—120.

Копылов В. П., Коваленко А. Н. 2004. *Отчёт об исследованиях экспедиции Научно-методического центра археологии Ростовского государственного педагогического университета в 2003 г.* Архив Научно-методического центра археологии Ростовского государственного педагогического университета. Ростов-на-Дону.

Коровина А. К. 1984. Тирамба. В: Рыбаков Б. А. (глав. ред.). *Античные государства Северного Причерноморья.* Археология СССР. Москва: Наука, 87.

Краева Л. А. 2008. *Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI—I вв. до н. э.* Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Кропотов В. В., Лесков А. М. 2006. Курган с коллективным погребением у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.). *Культура народов Причерноморья* 84, 25—39.

Кулатова И. Н., Супруненко А. Б. 1999. Раннесарматские памятники Ворсклинско-Сульского междуречья. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологи Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова).* Запорожье: Запорожский государственный университет, 148—154.

Лесков и др. 2005: Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. 2005. *Меоты Закубанья в середине VI — начале III в. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы.* Москва: Наука.

Либеров П. Д. 1965. *Памятники скифского времени на Среднем Дону.* САИ Д1—31.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 1997. Погребения с гераклейскими амфорами из раскопок могильника Старокорсунского городища № 2. В: Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. (ред.). *Stratum + Петербургский археологический вестник.* Санкт-Петербург; Кишинёв: Бизнес-Элита, 94—100.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2006а. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья. *Древности Кубани* 6, 134—151.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2006б. Типология и хронология меотских курильниц. В: Бжания В. В. (отв. ред.). *Первая Абхазская международная археологическая конференция.* Материалы. Сухум: Алашарбага, 230—236.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2007. Раскопки могильника Старокорсуновского городища № 2 в 2006 г. *МИАК* 7, 70—150.

Макаревич М. Л. 1957. Поховання сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці. *Археологія* X, 146—149.

Марченко И. И. 1996. *Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани).* Краснодар: Кубанский государственный университет.

Марченко К. К. 1972. Лепная керамика V—III вв. до н. э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону. *СА* (1), 122—134.

Марченко К. К. 1973. Новые типы лепной керамики V—III вв. до н. э. из Елизаветовского городища на Дону. *КСИА* 133, 62—66.

Марченко К. К. 1975. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV — первой половины I в. до н. э. *КСИА АН СССР* 143, 70—76.

Марченко К. К. 1988. *Отчёт о работах Южно-Донской экспедиции в 1987 г.* Архив ЛОИА АН СССР. № 148.

Марченко К. К. 1999. Демографическая и военно-политическая ситуация в Нижнем Подонье в конце IV — первой четверти III в. до н. э. В: Яблонский Л. Т. (отв. ред.) *Скифы Северного Причерноморья (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии).* Тез. докл. междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. Москва: Институт археологии РАН, 77—79.

Мелюкова А. И. 1962. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских). *МИА* 115, 114—166.

Меньшикова В. А. 2012. Лепные курильницы с каннелюрами из Северо-Восточного Приазовья. В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Мат-лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16—19 октября 2012 г. Тирасполь: РВТ, 106—110.

Миллер М. А., Лунин Б. В. 1928. Некрополь у Беглицкой косы. *Краеведение на Северном Кавказе* (3—4), 44—53.

Ольховский В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.).* Москва: Наука.

Парович-Пешикан М. 1974. *Некрополь Ольвии эллинистического времени.* Киев: Наукова думка.

Пеляшенко К. Ю. 2011. *Звіт про розкопки на Циркунівському городищі скіфського часу у Харківському районі Харківської області в 2010 р.* Науковий архів ІА НАНУ.

Петрунь В. Ф. 2008. О камне из скифских погребений с курильницами в Нижнем Поднестровье и Подунавье. В: Охотников С. Б., Петренко В. Г. (отв. ред.). *Краткие сообщения Одесского археологического общества.* Одесса: Фаворит, 147—152.

Плешивенко А. Г. 2000. Капуловский комплекс скифского времени (по материалам коллекции А. В. Бо-

дянского). *ССПіК* VIII, 222—236.

Погребова Н.Н. 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское). *МИА* 64, 103—247.

Погребова Н.Н. 1961. Находки в Мавзолее Неаполя Скифского. *МИА* 96, 103—213.

Покровська Є.Ф. 1957. Кургани IV ст. до н.е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли. *Археологія* X, 65—79.

Полин С.В. 1992. *От Скифии к Сарматии.* Киев: Институт археологии АН Украины.

Полин С.В., Симоненко А.В. 1990. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья. В: Ковалёва И.Ф. (отв. ред.). *Исследования по археологии Поднепровья.* Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 76—95.

Полосьмак Н.В. 2001. *Всадники Укока.* Новосибирск: Инфолио.

Прохорова Т.А. 1993. Некрополь на Беглицкой косе. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону* 11, 30—39.

Прохорова Т.А. 1994. Раскопки Беглицкого некрополя в 1993 году. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону* 13, 20—22.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. 1995. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984—1993 гг.). *Археологические памятники Среднего Поочья* 4, 43—68.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н.э.— III в.н.э. Погребальные памятники.* Симферополь: Бизнес-Информ.

Раев Б.А., Беспалый Г.Е. 2006. *Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища.* Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН.

Редина Е.Ф. 1989. Лепные курильницы из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. В: Виноградов Ю.Г. (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья.* Тез. докл. областной конференции. I. Запорожье: Коммунар, 133—134.

Романов Л.Ф., Кравченко Е.Н., Кишлярук В.М. 2002. Каменный материал из курильниц могильника позднескифского времени у с. Глиное. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.— V в.н.э.).* Мат-лы III Междунар. конф. Тирасполь. 5—8 ноября 2002 г. Тирасполь: Типар, 306—309.

Руденко С.И. 1953. *Культура населения Горного Алтая в скифское время.* Москва: Издательство АН СССР.

Синика В.С., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П., Четвериков И.А. 2012. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* (3), 187—215.

Смирнов К.Ф. 1958. Меотский могильник у станицы Пашковской. *МИА* 64, 272—312.

Сокровища... 1985: *Сокровища курганов Адыгеи.* 1985. Каталог выставки. Москва: Искусство.

Супруненко О.Б. 2000. *Археологія в діяльности першого приватного музею України (Лубенський музей К.М. Скаржинської).* Київ; Полтава: Археологія.

Сымонович Э.А. 1983. *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского).* Киев: Наукова думка.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2012. Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). В: Тельнов Н.П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э.* Мат-лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16—19 октября 2012 г. Тирасполь: РВТ, 5—15.

Фиалко Е.Е. 1991. Погребение женщин с оружием у скифов. В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.). *Курганы степной Скифии.* Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 4—18.

Фидельский С.А., Синика В.С. 2005. Новые находки терракотовых статуэток Кибелы в Нижнем Поднестровье (по материалам раскопок на многослойном поселении Чобручи). В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Четвёртая Кубанская археологическая конференция.* Тез. и докл. Краснодар: Символика, 281—286.

Фидельский С.А. 2012. Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III—II вв. до н.э. В: Тельнов Н.П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э.* Мат-лы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16—19 октября 2012 г. Тирасполь: РВТ, 16—20.

Храпунов И.Н. 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. *БИ* VI.

Черненко Е.В., Бунятян Е.П. 1977. Курганная группа Широкое-II. В: Черненко Е.В. (отв. ред.). *Курганы южной Херсонщины.* Киев: Наукова думка, 45—93.

Четвериков И.А., Синика В.С. 2009. Скифский курган конца III в. до н.э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра. *ССПіК* XV. Мат-ли конф. «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова), 204—212.

Шедевры... 1987: *Шедевры древнего искусства Кубани.* 1987. Каталог выставки. Москва: Искусство.

Шилов В.П. 1958. *Отчёт о работах Южно-Донской экспедиции в 1958 году.* Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. №20а.

Шульц П.Н. 1953. *Мавзолей Неаполя Скифского.* Москва: Искусство.

Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф. 2009. Терракоты из Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок поселения Чобручи). *ССПіК* XV. Мат–ли конф. «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова), 217—221.

Яковенко Э.В. 1970. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. В: Лесков А.М. (отв. ред.). *Древности Восточного Крыма.* Киев: Наукова думка, 113—135.

Яковенко Е.В. 1971. Про кулясті курильниці IV—I ст. до н.е. *Археологія* (2), 87—93.

Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. 1970. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма В: Лесков А.М. (отв. ред.). *Древности Восточного Крыма.* Киев: Наукова думка, 136—179.

Ebert M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritsin, Gouv. Cherson (Sűd-Russland). *PZ* V (1/2), 1—80.

Scorpan C. 1970. Prezenţa şi continuitatea getică în Tomis şi Callatis. *SCIV* 21 (1), 65—95.

References

Andreev, V. N. 1992. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* III, 115—122 (in Russian).

Andrukh, S. I. 1991. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 20—33 (in Ukrainian).

Andrukh, S. I. 1995. *Nizhnedunaiskaia Skifiia v VI — nachale I v. do n. e. (etnopoliticheskii aspekt) (The Lower Danube Scythia in 6th — beginning of 1st century BC (ethno-political aspect))*. Zaporozhye: Zaporozhskii universitet (in Russian).

Andrukh, S. I., Sunichuk, E. F. 1987. In *Novye issledovaniia po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (New investigations into the archaeology of Northern Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 38—46 (in Russian).

Andrukh, S. I., Chernov, S. I. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 149—163 (in Russian).

Arsenyeva, T. M. 1969. In *Antichnye drevnosti Podon'ia-Priazov'ia (Antiquities of Don and Azov regions).* Moscow: Nauka, 173—220 (in Russian).

Baibik, V. D., Vinogradov, V. B., Gantimurova, T. M., Magomadov I. D. 1969. In *Arkheologo-etnograficheskii sbornik (Archaeological and ethnographical compilation)* III, 80—94 (in Russian).

Bessonova, S. S. 1994. In *Drevnosti skifov (Antiquities of the Scythians).* Kiev: IA AN Ukrainy, 3—34 (in Russian).

Boldin, D. I., Zaraiskaya, N. P. 1972. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraïni 1969 r. (Archaeological investigations in Ukraine in 1969)* 4, 114—118 (in Ukrainian).

Vnukov, S. Yu., Lagutin, A. B. 2001. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 118, 96—121 (in Russian).

Vysotskaya, T. N. 1976. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient history)* (3), 51—73 (in Russian).

Vyazmitina, M. I. 1972. *Zolotobalkovskii mogil'nik (Zolotobalkovskii necropolis).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Gavrilyuk, N. A. 1980. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 34, 17—30 (in Ukrainian).

Gavrilyuk, N. A. 1984. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 48, 7—11 (in Ukrainian).

Gavrilyuk, N. A. 2009. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 2005—2009, 114—141 (in Russian).

Grakov, B. N. 1954. *Kamenskoe gorodishche na Dnepre (Kamenka fortified settlement on the Dnieper).* Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 36 (in Russian).

Dashevskaya, O. D. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 18—29 (in Russian).

Dashevskaya, O. D. 1991. *Pozdnie skify v Krymu (Pozdnie skify v Krymu).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—7 (in Russian).

Du Brux, P. 2010. *Sobranie sochinenii (Compilation of works).* Vol. I; II. Saint Petersburg: Kolo (in Russian).

Dzis-Raiko, G. A., Okhotnikov, S. B., Redina, E. F. 2012. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 3 (in Russian).

Domanskii, Ya. V., Marchenko, K. K. 1980. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 21, 20—38 (in Russian).

Zaitseva, K. I. 2000. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological news)* 7, 140—153 (in Russian).

Zaraiskaya, N. P. 1992. In *Donetskii arkheologicheskii sbornik (Donetsk archaeological compilation)* 1, 89—98 (in Russian).

Evdokimov, G. L., Kuprii, N. M. 1991. *Otchet o raskopkakh kurganov v zone stroitel'stva orosheniia zemel' Khersonskoi obl. Krasnoznamenskoi ekspeditsiei IA AN USSSR v 1991 g. (Report on the excavations of barrows in the zone of the construction of the irrigation systems of the lands of Kherson region conducted by the Krasnoznamenskaia expedition of IA AN USSSR in 1991).* Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). № 1991/6 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2004. In *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian cultures of Eurasia: problems of regional chronology).* Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 174—204 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2010. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 22, 169—176 (in Russian).

Zhelezchikov, B. F., Klepikov, V. M., Sergatskov, I. V. 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI—II vv. do n. e.) (Antiquities of Lebedevka (6th—2nd centuries BC)).* Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Ilyashenko, S. M. 2012. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na territorii gruntovogo nekropolia gorodishcha Tanais v kh. Nedvigovka Miasnikovskogo raiona Rostovskoi oblasti v 2008 g. (raskop XVIII, ploshchad' 4, 5) (Report on the archeological excavations on the flat necropolis of the Tanais fortified settlement in the village of Nedvigovka of the Miasnikovskii district of Rostov region in 2008. (trench XVIII, area 4, 5)).* Vol. I. Arkheologicheskii muzei-zapovednik Tanais (Archaeological museum-reservation of Tanais) (in Russian).

Kamenetsky, I. S. 1956. *Fotografii k Otchetu o rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii Taganrogskogo muzeia v 1956 godu (Photographs to the Report on the works of the archaeological expedition of Taganrog museum in 1956).* Taganrogskii gosudarstvennyi literaturnyi i istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovednik (Taganrog State Literature and Historical-Architectural Museum-Reservation). F. 11. № 1 (in Russian).

Kastanyan, E. G. 1981. *Lepnaia keramika bosporskikh gorodov (Hand-made pottery of the Bosporan cities).* Leningrad: Nauka (in Russian).

Kishlyaruk, V. M., Kuzminova, N. N. 2000. In *Chobruchskii arkheologicheski kompleks i drevnie kul'tury Podnestrov'ia (Ciobruci archaeological complex and the ancient cultures of the Dniester region: materials of the field seminar).* Tiraspol: Pridnestrovskii gosudarstvennyi universitet, 38—43 (in Russian).

Klyuchneva, Y. N. 2003. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiï Skhidnoï Ukraïny (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 1, 289—304 (in Russian).

Kovalenko, A. N. 2006. In *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe vremia (International relations in the Black Sea basin in Scythian and Sarmatian time).* Rostov: RPI, 51—57 (in Russian).

Koltukhov, S. G. 2001. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 118, 59—70 (in Russian).

Koltukhov, S. G. 2004. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos compilation)* XIII, 68—120 (in Russian).

Kopylov, V. P., Kovalenko, A. N. 2004. *Otchet ob issledovaniiakh ekspeditsii Nauchno-metodicheskogo tsentra arkheologii Rostovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta v 2003 g. (Report on the investigations of the expedition of the scientific-methodical Center for archaeology of the Rostov State Pedagogical University in 2003).* Arkhiv Nauchno-metodicheskogo tsentra arkheologii Rostovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Archive of the scientific-methodical Center for archaeology of the Rostov State Pedagogical University). Rostov-on-Don (in Russian).

Korovina, A. K. 1984. In *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia (Ancient states of the Northern Pontic region).* Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR). Moscow: Nauka, 87 (in Russian).

Kraeva, L. A. 2008. *Goncharstvo rannikh kochevnikov Iuzhnogo Priural'ia v VI—I vv. do n. e. (Goncharstvo rannikh kochevnikov Iuzhnogo Priural'ia v VI—I vv. do n. e.).* PhD thesis. Moscow (in Russian).

Kropotov, V. V., Leskov, A. M. 2006. In *Kul'tura narodov*

Prichernomor'ia (Culture of the people of the Pontic region) 84, 25—39 (in Russian).

Kulatova, I.N., Suprunenko, A.B. 1999. In *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologi Severnogo Prichernomor'ia) (Problems of Scythian and Sarmatian archeology of the Northern Pontic region).* Zaporozhye: ZGU, 148—154.

Leskov, A. M., Beglova, E. A., Ksenofontova, I. V., Erlich, V. R. 2005. *Meoty Zakuban'ia v seredine VI — nachale III v. do n. e. Nekropoli u aula Uliap. Pogrebal'nye kompleksy (Maeotae of the Transkuban region in the middle of 6th – early 3rd century BC. Necropolis near the Uliap mountain village. Funerary complexes).* Moscow: Nauka (in Russian).

Liberov, P. D. 1965. *Pamiatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu (Scythian-time sites in Middle Don region).* Svod arkheologicheskikh istochnikov) (Corpus of Archaeological Sources) D1—31.

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 1997. In *Stratum + Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (Stratum + St.-Petersburg archaeological bulletin).* Saint Petersburg; Kishinev: Biznes-Elita, 94—100 (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2006. In *Drevnosti Kubani (Antiquities of Kuban Region)* 6, 134—151 (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2006. In *Pervaia Abkhazskaia mezhdunarodnaia arkheologicheskaia konferentsiia. Materialy (First Abhazian international archaeological conference. Materials).* Sukhum: Alasharbaga, 230—236 (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2007. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and researces on the archaeology of Kuban Region)* 7, 70—150 (in Russian).

Makarevich, M. L. 1957. In *Arkheolohiya (Archaeology)* X, 146—149 (in Ukrainian).

Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebenii Nizhnei Kubani) (Kuban Siraces (basing on the materials from the barrow burials from Lower Kuban region)).* Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Marchenko, K. K. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 122—134 (in Russian).

Marchenko, K. K. 1973. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 133, 62—66 (in Russian).

Marchenko, K. K. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 143, 70—76 (in Russian).

Marchenko, K. K. 1988. *Otchet o rabotakh Iuzhno-Donskoi ekspeditsii v 1987 g. (Report on the works of the Southern-Don expedition in 1987)* Arkhiv Leningradskogo otdeleniia Instituta arkheologii AN SSSR (Archive of the Leningrad department of the Institute of Archaeology of AN SSSR). № 148 (in Russian).

Marchenko, K. K. 1999. In *Skify Severnogo Prichernomor'ia (problemy paleoekologii, antropologii i arkheologii) (Scythians of the Northern Pontic region (problems of paleoecology, anthropology and archaeology)).* Moscow: Institut arkheologii RAN, 77—79 (in Russian).

Melyukova, A. I. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 115, 114—166 (in Russian).

Menshikova, V. A. 2012. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic area from the 3rd—2nd centuries BC).* Tiraspol: RVT, 106—110 (in Russian).

Miller, M. A., Lunin, B. V. 1928. In *Kraevedenie na Severnom Kavkaze (Regional studies in Northern Caucasus)* (3—4), 44—53 (in Russian).

Olkhovskii, V. S. 1991. *Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' naseleniia stepnoi Skifii (VII—III vv. do n. e.) ((The funerary and commemorative rites of the population of steppe Scythia (7th—3rd centuries BC)).*. Moscow: Nauka (in Russian).

Parovich-Peshikan, M. 1974. *Nekropol' Ol'vii ellinisticheskogo vremeni (Necropolis of Olbia in the Hellenistic time).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Pelyashenko, K. Yu. 2011. *Zvit pro rozkopky na Tsyrkunivs'komu horodyshchi skifs'koho chasu u Kharkivs'komu rajoni Kharkivs'koï oblasti v 2010 r. (Report on the excavations on the Tsyrkunivs'k fortified settlement from the Scythian time in the Kharkiv district of the Kharkiv region in 2010).* Naukovyj arkhiv Institutu arkheolohiï National'noi Akademiï nauk Ukraïni (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine) (in Ukrainian).

Petrun, V. F. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Brief Reports of the Odessa Archaeological Society).* Odessa: Favorit, 147—152 (in Russian).

Pleshivenko, A. H. 2000. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* VIII, 222—236 (in Russian).

Pogrebova, N. N. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 64, 103—247 (in Russian).

Pogrebova, N. N. 1961. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 96, 103—213.

Pokrovskaya, E. F. 1957. In *Arkheolohiya (Archaeology)* X, 65—79 (in Ukrainian).

Polin, S. V. 1992. *Ot Skifii k Sarmatii (From Scythia to Sarmatia).* Kiev: Institut arkheologii AN Ukrainy (in Russian).

Polin, S. V., Simonenko, A. V. 1990. In *Issledovaniia po arkheologii Podneprov'ia (Researches into the archaeology of Dnieper region).* Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskii gosudarstvennyi universitet, 76—95 (in Russian).

Polosmak, N. V. 2001. *Vsadniki Ukoka (Ukok riders).* Novosibirsk: Infolio (in Russian).

Prokhorova, T. A. 1993. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and archaeological research in Azov and Lower Don regions)* 11, 30—39 (in Russian).

Prokhorova, T. A. 1994. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and archaeological research in Azov and Lower Don regions)* 13, 20—22 (in Russian).

Pryakhin, A. D., Razuvaev, Yu. D. 1995. In *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological sites of Middle Oka region)* 4, 43—68 (in Russian).

Puzdrovsky, A. E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki (Crimean Scythia into the 2nd century BC — 3rd century AD. Funerary sites).* Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).

Raev, B. A., Bespalyi, G. E. 2006. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha (A Scythian barrow on the flat necropolis of the 4th Novolabinsk fortified settlement).* Rostov-on-Don: Iuzhnyi nauchnyi tsentr RAN (in Russian).

Redina, E. F. 1989. In *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia ((Problems of Scythian and Sarmatian archeology of the Northern Pontic region))* I. Zaporozhye: Kommunar, 133—134 (in Russian).

Romanov, L. F., Kravchenko, E. N., Kishlyaruk, V. M. 2002. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n. e. — V v. n. e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD)).* Tiraspol: Tipar, 306—309 (in Russian).

Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the population of Gorny Altai in the Scythian time).* Moscow: AN SSSR (in Russian).

Sinika, V. S., Taschi, E. F., Telnov, N. P., Chetverikov, I. A. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 187—215 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 64, 272—312 (in Russian).

Sokrovishcha kurganov Adygei (Treasures of the barrows from Adygea). 1985. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Suprunenko, O. B. 2000. *Arkheolohiya v diyal'nosty pershoho pryvatnoho muzeyu Ukraïny (Lubens'kyj muzej K. M. Skarzhynskoï) (Archaeology in the activity of*

first private museum of Ukraine (Lubens'kyj museum of K. M. Skarzhynskaia). Kiev; Poltava: Arkheolohiya (in Ukrainian).

Symonovich, E. A. 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolia Skifskogo) (Population of the capital of late-Scythian kingdom (basing on the materials of the Eastern Necropolis of Scythian Neapol))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2012. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic area from the 3rd—2nd centuries BC)*. Tiraspol: RVT, 5—15 (in Russian).

Fialko, E. E. 1991. In *Kurgany stepnoi Skifii (Barrows of steppe Scythia)*. Kiev: Naukova dumka, 4—18 (in Russian).

Fidelskii, S. A., Sinika, V. S. 2005. In *Chetvertaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Fourth Kuban archaeological conference)*. Krasnodar: Simvolika, 281—286 (in Russian).

Fidelskii, S. A. 2012. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic area from the 3rd—2nd centuries BC)*. Tiraspol: RVT, 16—20 (in Russian).

Khrapunov, I. N. 2004. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies)* VI (in Russian).

Chernenko, E. V., Bunyatyan, E. P. 1977. In *Kurgany iuzhnoi Khersonshchiny (Barrows of Southern Kherson region)*. Kiev: Naukova dumka, 45—93 (in Russian).

Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2009. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XV, 204—212 (in Russian).

Shedevry drevnego iskusstva Kubani (Masterpieces of ancient art of Kuban). 1987. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Shilov, V. P. 1958. *Otchet o rabotakh Iuzhno-Donskoi ekspeditsii v 1958 godu (Report on the works of the Southern Don expedition in 1958)*. Arkhiv Leningradskogo otdeleniia Instituta arkheologii AN SSSR (Arkhiv Leningradskogo otdeleniia Instituta arkheologii AN SSSR). F. 35. Op. 1. № 20a (in Russian).

Schultz, P. N. 1953. *Mavzolei Neapolia Skifskogo (Mausoleum of Scythian Neapol)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Shcherbakova, T. A., Taschi, E. F. 2009. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XV, 217—221 (in Russian).

Yakovenko, E. V. 1970. In *Drevnosti Vostochnogo Kryma (Antiquities of Eastern Crimea)*. Kiev: Naukova dumka, 113—135 (in Russian).

Yakovenko, E. V. 1971. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 87—93 (in Ukrainian).

Yakovenko, E. V., Chernenko, E. V., Korpusova, V. N. 1970. In *Drevnosti Vostochnogo Kryma (Antiquities of Eastern Crimea)*. Kiev: Naukova dumka, 136—179 (in Russian).

Ebert, M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritsin, Gouv. Cherson (Sűd-Russland). *PZ* V (1/2), 1—80.

Scorpan, C. 1970. Prezenţa şi continuitatea getică în Tomis şi Callatis. *SCIV* 21 (1), 65—95.

Статья поступила в номер 30 декабря 2013 г.

Vitalij Sinika (Tiraspol, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Transnistria State University [1].

Vitalij Sinika (Tiraspol, Moldova). Candidat în ştiinţe istorice. Universitatea de Stat din Transnistria.

Синика Виталий Степанович (Тирасполь, Молдова). Кандидат исторических наук. Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко.

E-mail: sinica80@mail.ru

Vera Menshikova (Rostov-on-Don, Russia). Museum of the History of the Don Cossacks in Novocherkassk [2].

Vera Menshikova (Rostov-pe-Don, Rusia). Muzeul de istorie a cazacilor de pe Don din Novocercassk.

Меньшикова Вера Александровна (Ростов-на-Дону, Россия). Новочеркасский музей истории донского казачества.

E-mail: menshikova.vera@yandex.ru

Nicolai Telnov (Kishinev, Moldova). Doctor of History. The Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova [1].

Nicolai Telnov (Chişinău, Moldova). Doctor în istorie. Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Ştiinţe a Moldovei.

Тельнов Николай Петрович (Кишинев, Молдова). Доктор истории. Институт культурного наследия Академии наук Молдовы.

E-mail: telnovnikolai@mail.ru

Addresses: [1] 25 October St., 128, Tiraspol, 3300, Moldova; [2] Atamanskaya St., 38, Rostov-on-Don, 346429, Russia; [3] Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova

Человек и война

(Памяти А. И. Мелюковой)

Man and War (To the memory of A. I. Melyukova)
Omul şi războiul (În memoria lui A. I. Meliukova)

№3. 2014

П. М. Соколов

Погребальный обряд комплексов с клинковым вооружением савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья

Keywords: Lower Volga region, 6th—4th centuries BC, Sauromatian archaeological culture, sword, social status, nomadic society, nomadism.

Cuvinte cheie: Volga de Jos, secolele VI—IV î. Hr., cultura arheologică sauromatică, spadă, statut social, societate nomadică, nomadism.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, VI—IV вв. до н. э., савроматская археологическая культура, меч, социальный статус, кочевое общество, номадизм.

P. M. Sokolov

Funeral Rite in Burials with Swords of Sauromatian Archeological Culture from the Lower Volga Region

The sword is an indicator of the social status of the buried. The analysis of the funeral rite of the burials with swords belonging to the Sauromatian culture of the Lower Volga region gives the opportunity to reconstruct the social structure of the Sauromatian society of 6th—4th centuries BC. Sword acts as an exponent of the social status of the deceased. Sauromatian burials with swords can be divided into three categories: very rich burials of the tribal leaders, burials of the nobility and burials of men — professional warriors with different status, including slaves. Swords are never found in female graves. Hence, for the Sauromatian culture of the Lower Volga region, sword is an exponent of a warrior male burial, often accompanied by a high social status.

P. M. Sokolov

Ritul funerar al complexelor cu armament cu tăiș din cadrul culturii arheologice sauromatice de la Volga de Jos

Analiza ritului funerar din complexele cu spade din cadrul culturii sauromatice de la Volga de Jos permite să reconstruim structura socială a societății nomadice a sauromaților din sec. VI—IV î. Hr. Spada reprezintă un indiciu al statutului social al defunctului. Mormintele cu arme se împart în trei categorii: morminte foarte bogate ale căpeteniilor de trib, mormintele reprezentanților nobilimii gentilice și morminte de bărbați — războinici profesioniști cu statut diferit, inclusiv și robi. În această regiune, din complexele feminine spadele lipsesc cu desăvârșire. Pentru cultura sauromatică de la Volga de Jos, pumnalul este un indiciu tipic al mormântului de bărbat războinic, deseori și al unui statut social înalt.

П. М. Соколов

Погребальный обряд комплексов с клинковым вооружением савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья

Анализ погребального обряда комплексов с мечами савроматской культуры Нижнего Поволжья дает возможность реконструировать социальную структуру кочевого общества савроматов в VI—IV вв. до н. э. Меч выступает как показатель социального статуса погребенного. Погребения с мечами разделяются на три категории: очень богатые погребения вождей племен, погребения представителей родовой знати и погребения мужчин — профессиональных воинов разного статуса, в том числе и рабов. Мечи здесь никогда не встречаются в могилах женщин. Для савроматской культуры Нижнего Поволжья меч — это признак мужского воинского погребения, часто высокого социального статуса.

Клинковое вооружение VI—IV вв. до н. э. давно привлекает внимание исследователей. До 30-х годов XX века памятники Нижнего Поволжья VI—IV вв. до н. э. связывались со скифскими и предметы вооружения с этой территории рассматривались как принадлежащие скифам. Одним из первых к скифскому оружию обратился М. И. Ростовцев (Ростовцев 1925: 44). Оно интересовало его как аргумент доказательства иранского про-

Russian Foundation for Humanities. "Bladed weapon as a source of Sarmatian history of the Lower Volga region", no. 13-31-01014 ■ Fundația rusă pentru studii umanitare. „Armamentul cu tăiș ca o sursă pentru studierea istoriei sarmaților din regiunea Volgăi de Jos", nr. 13-31-01014 ■ Российский гуманитарный научный фонд. «Клинковое вооружение как источник по истории сарматов Нижнего Поволжья», проект № 13-31-01014.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© П. М. Соколов, 2014.

исхождения скифов и их культуры (Ростовцев 1918: 69). Он же наметил основные пути развития клинкового оружия скифов.

Идеи М. И. Ростовцева были использованы В. Гинтерсом, который посвятил специальную работу скифским и сарматским мечам (Ginters 1928). В этом исследовании впервые в качестве типообразующих признаков выступают формы наверший и перекрестий скифских и сарматских мечей.

Основные принципы создания типологии клинкового вооружения VI—IV вв. до н. э. были разработаны в кандидатской диссертации и изложены в своде А. И. Мелюковой. Заложенные в этом своде принципы типологии и тенденции хронологического развития тех или иных категорий вооружения во многом остаются актуальными до сих пор. Одной из задач её типологии было установление узких дат отдельных видов акинаков. Отделы клинкового оружия определялись формой навершия, а типы — формой перекрестия мечей (Мелюкова 1964). Показателем востребованности труда А. И. Мелюковой может служить тот факт, что её типологические ступени были впоследствии приняты К. Ф. Смирновым при создании работы о савроматском вооружении (Смирнов 1961: 9).

Несомненными плюсами исследования К. Ф. Смирнова является то, что автор собрал все имевшиеся на тот момент археологические материалы, разработал типологию, которая оставалась актуальной на протяжении почти 40 лет, выявил хронологические рамки бытования отдельных типов мечей, привел большое количество аналогий к каждому типу и попытался определить источники происхождения тех или иных форм наверший и перекрестий савроматских мечей.

В 1988 г. была защищена кандидатская диссертация М. А. Очир-Горяевой, посвященная культуре кочевников Нижнего Поволжья VI—IV вв. до н. э. В ней автором было проведено сопоставление клинкового оружия с наборами наконечников стрел, а также сравнение нижневолжских мечей с приуральскими. В целом М. А. Очир-Горяева отмечает, что учтенные типы мечей и кинжалов не выходят за рамки «общепринятой классификации» (Очир-Горяева 1988: 11—13).

Следует отметить, что скифскому и сарматскому клинковому оружию уделяется довольно много внимания и в последнее время. В 2007 году в Челябинске прошла конференция, посвященная региональной типологии и хронологии вооружения сарматов. На ней были рассмотрены, в частности, вопросы хронологии клинкового вооружения VI—IV вв. до н. э. Нижнего Поволжья (Скрипкин 2007), проведен анализ культурных взаимодействий и их проявлений в развитии клинкового оружия Южного Приуралья (Гуцалов 2007: 11—15), комплекс вооружения Южного Зауралья (Таиров 2007: 24—29), лесостепного Подонья (Ворошилов, Медведев 2007). Исследователи в последние несколько лет обращают внимание и на биметаллическое клинковое оружие скифского времени из междуречья Волги и Дона (Ворошилов 2007б) и с территории Украины (Бабенко 2006).

В 2007 году А. Н. Ворошиловым была защищена кандидатская диссертация, посвященная вооружению населения лесостепного Подонья в скифское время (Ворошилов 2007а). Основное внимание в этой работе уделено клинковому оружию указанного региона. Несомненной заслугой автора диссертации является подробное рассмотрение вопросов классификации, изготовления и происхождения типов клинкового оружия Подонья. А. Н. Ворошилов довольно подробно разработал и унифицировал терминологию описания типов наверший и перекрестий клинкового оружия, создал развернутую типологию мечей (Ворошилов 2007а: 12—19).

Таким образом, большинство исследователей клинкового оружия VI—IV вв. до н. э. уделяло основное внимание созданию и доработке типологических схем данного вида вооружения и установлению хронологических позиций того или иного отдельного меча или какого-либо типа мечей в целом. Чуть меньше внимания уделялось вопросам технологии изготовления клинкового оружия и вопросам происхождения отдельных его типов. Такие вопросы, как социальный статус погребенных с предметами клинкового вооружения, особенности погребального обряда комплексов с мечами, как правило, практически не рассматриваются или рассматриваются вскользь. При этом, по моему мнению, в настоящее время типологические и хронологические схемы клинкового вооружения разработаны на достаточно высоком уровне. Это позволяет перейти на уровень исторических реконструкций процессов культурогенеза общества номадов VI—IV вв. до н. э. Попытка перехода к этому уровню анализа и будет предпринята в настоящем исследовании.

Целью данной статьи является анализ погребального обряда комплексов с предметами клинкового вооружения савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья. Это позволяет перейти к анализу социальной истории кочевников, населявших Нижнее Поволжье в VI—IV вв. до н. э.

Для достижения цели работы были рассмотрены 430 погребений VI—IV вв. до н. э. с территории Нижнего Поволжья. Из них было отобрано 64 погребения, которые содержали среди прочего инвентаря предметы клинкового вооружения. Погребальный обряд этих комплексов был подвергнут детальному анализу.

Мечи являются второй, по степени распространенности, категорией вооружения в савроматских погребениях Нижнего Поволжья. При этом клинковое вооружение является далеко не самой распространенной категорией погребального инвентаря. Мечи были встречены в 14,8% савроматских погребений. Вероятнее всего, население Нижнего Поволжья в VI—IV вв. до н. э. было слабо задействовано в крупных межэтнических и межгосударственных конфликтах, либо такие столкновения происходили достаточно редко. Поэтому клинковое вооружение было слабо распространено. С другой стороны, как правило, мечи встречаются в достаточно богатых савроматских погребениях. Это позволяет сделать предположение о том, что меч является признаком довольно высокого общественного статуса погребенного (рис. 1). Указанное предположение будет проверено ниже.

Большая часть савроматских погребений с клинковым оружием была совершена в курганах с земляной насыпью (84,3%). Это в целом типично и для всей савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья. Насыпи курганов, сложенные с применением камня, были обнаружены только в курганных могильниках Аксеновский I и II. Эти комплексы несколько отличаются от массы савроматских погребений Нижнего Поволжья.

Из погребений данной выборки 48% являются основными в курганах, а 52% впускными в курганы более раннего времени. Следует отметить, что для савроматской культуры в целом характерно преобладание впускных погребений над основными (74% савроматских погребений Нижнего Поволжья были впускными в курганы более раннего времени). В связи с этим, группа комплексов с клинковым вооружением демонстрирует очень высокий процент основных погребений. Это, несомненно, свидетельствует о некоем единстве данной группы комплексов и, возможно, о довольно высоком статусе погребенных с мечами людей. При этом общая для всей культуры тенденция преобладания впускных погребений над основными сохраняется и в данной группе, пусть и с незначительным перевесом.

Наиболее распространенной формой могильной ямы в данной выборке является простая прямоугольная яма (32,8%). Однако размеры многих могил такой формы превышают 2 м в длину и 1 м в ширину. То есть, размеры данной группы ям выходят далеко за рамки стандартных савроматских прямоугольных могил, которые, как правило, едва превышают размеры погребенного. Величина могильной ямы часто расценивается также как статусный признак, так как большие размеры связаны напрямую с большими трудовыми затратами на сооружение такой могилы. Следует отметить, что для савроматской культуры в целом также характерно преобладание именно прямоугольных могильных ям (37%).

На втором месте по распространенности среди могил с клинковым вооружением стоят большие подквадратные могильные ямы (28,1%). Интересно, что разрыв между количеством простых прямоугольных и больших подквадратных ям минимален. При этом для савроматской культуры в целом характерно гораздо более низкое количество больших подквадратных ям (всего 15% погребений). Размеры этих могил находятся в пределах 2—3 м в длину и в ширину и до 2,5 м в глубину. Большие подквадратные ямы, несомненно, являются показателем высокого погребального статуса захороненных в них людей. Это также подтверждается как количеством, так и качеством погребального инвентаря, обнаруживаемого в них.

Впускных погребений в насыпи кургана насчитывается в данной группе всего 18%. Это третий по распространенности способ погребения в данной группе. Для савроматской культуры в целом характерен гораздо больший процент погребений в насыпи — 36,2%. Это второй по распространенности способ погребения в савроматской культуре Нижнего Поволжья. То есть, являясь достаточно характерным способом погребения для всей культуры в целом, могилы в насыпи могут быть признаны нетипичными для погребений с клинковым оружием.

Могилы с камерами встречаются в данной группе еще реже — в 12% погребений. Для савроматской культуры в целом этот показатель еще ниже — 6,5%. Можно сделать вывод о нетипичности камерных могил для савроматской культуры Нижнего Поволжья. Кроме того, многие камерные могилы савроматской культуры датируются IV в. до н. э. В это время в Нижнее Поволжье начинают проникать приуральские погребальные традиции. Вероятно, появление камерных могил связано именно с этим. Вместе с тем, нельзя отрицать, что данная черта погребального обряда была известна и савроматскому населению в более

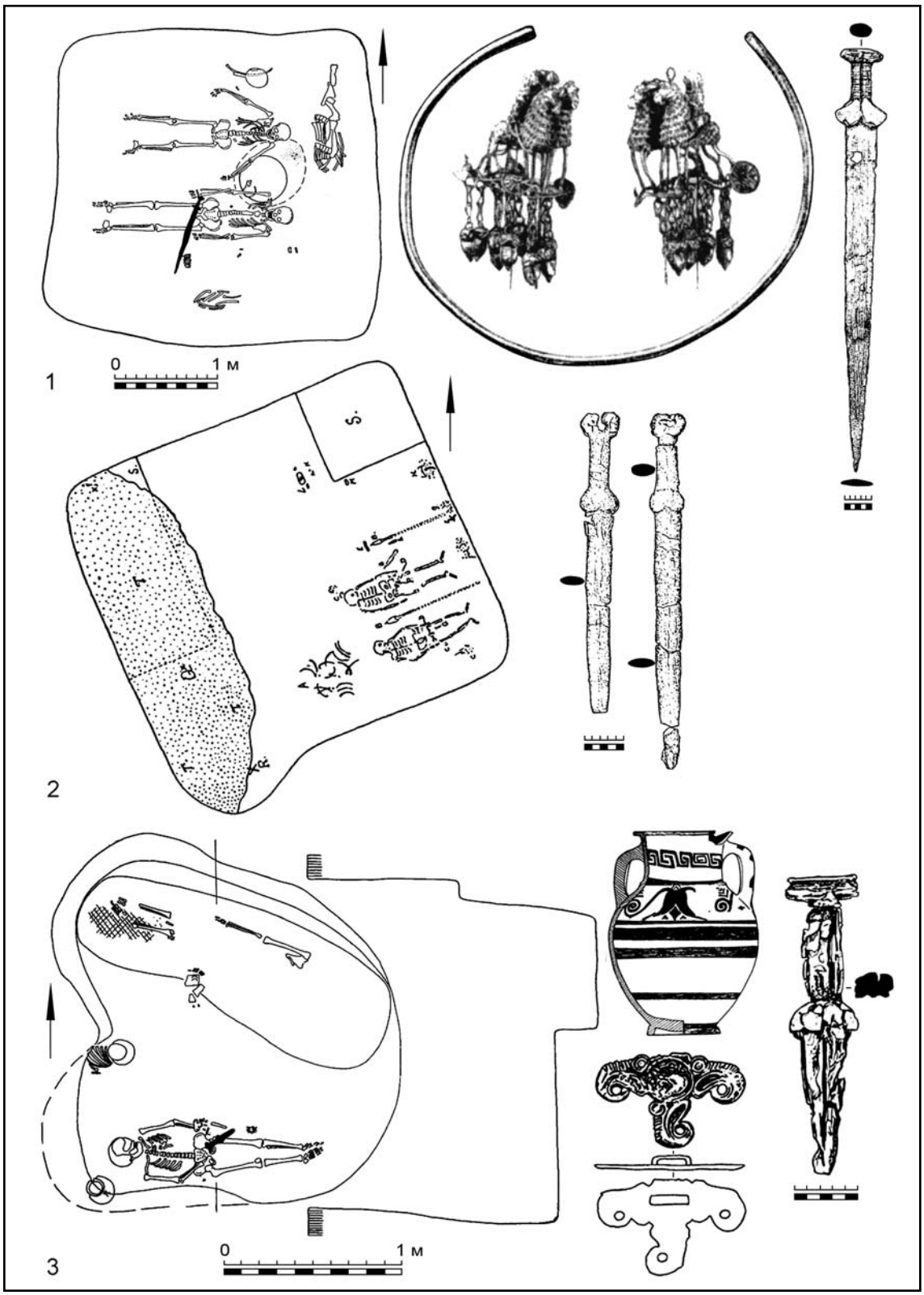

Рис. 1. Наиболее яркие погребения с мечами: 1 — Сазонкин Бугор, к. 2, п. 1 (план погребения, меч, золотые гривна и серьги) (по Берхин-Засецкая, Маловицкая 1965: 143—153); 2 — Блюменфельд А 12 (план погребения и мечи) (по Граков 1999: 2, 3); 3 — Аксай I, к. 3, п. 3 (план погребения, меч, амфора и крестовидная бляха) (по Дьяченко, Мейб, Скрипкин, Клепиков 1999: 4, 5).

Fig. 1. The most representative burials with swords: 1 — Sazonkin Mound, k. 2, b. 1 (plan of burial, a sword, a golden grivna and earrings) (after Берхин-Засецкая, Маловицкая 1965: 143—153); 2 — Blumenfeld A 12 (plan of burial and swords) (after Граков 1999: 2, 3); 3 — Aksai I, k. 3, b. 3 (plan of burial, sword, amphora and a cross-shaped badge) (after Дьяченко, Мейб, Скрипкин, Клепиков 1999: 4, 5).

раннее время, но не получила особого распространения.

В 10% погребений анализируемой группы были зафиксированы следы деревянных сооружений. В основном в тех комплексах, где удалось проследить конструкцию, было обнаружено деревянное перекрытие. В одном случае была также зафиксирована обшивка стен деревом. Следует отметить, что деревянные конструкции не характерны для савроматской культуры Нижнего Поволжья.

Важным маркером культурной принадлежности погребений является положение погребенного. Во всех комплексах данной выборки, так же как и в абсолютном большинстве погребений савроматской культуры, погребенный располагается вытянуто на спине. Как правило, погребенный располагается по центральной оси могилы. Встречается смещение тела к одной из стенок ямы. В некоторых погребениях руки погребенного располагаются ладонями на тазе. Встречаются так называемые «атакующая поза» — одна нога согнута в колене, руки разведены в стороны; «поза всадника» — ноги разведены в стороны и слегка согнуты в коленях.

В тех погребениях, где был установлен пол погребенного, меч, как правило, связан с мужским костяком. Встречаются коллективные погребения. Чаще всего они также принадлежат мужчинам или мужчинам с детьми. Ни одного погребения, где была бы захоронена только одна женщина, в данной выборке не зафиксировано. Это позволяет с большой долей уверенности утверждать, что в савроматское время для Нижнего Поволжья меч является атрибутом только мужских погребений.

Еще одной важной и культурообразующей чертой является ориентировка погребенного. В данной выборке преобладает западная ориентировка (67%). Этот показатель практически полностью совпадает с показателем для всей савроматской культуры в целом. Ориентировка в восточный сектор встречается в погребениях данной выборки гораздо реже — 33%.

В некоторых погребениях были зафиксированы следы угля и процессов горения (12%), различных минеральных веществ (14%) и подстилки (12%). Следует отметить, что все эти признаки не являются характерными для савроматской культуры Нижнего Поволжья и, скорее, являются оригинальными проявлениями влияния на савроматский погребальный обряд извне.

В 75% погребений данной выборки были встречены кости животных в том или ином сочетании. Вероятно, они представляют собой остатки напутственной пищи. Её состав разнообразен, но преобладают кости мелкого рогатого скота (80%). Однако также встречаются кости крупного рогатого скота и лошади. В могилы помещаются различные части туши: ноги, ребра, туши без головы и пр. Выделить какой-то стандартный набор заупокойной пищи для савроматской культуры не представляется возможным. Очень редко (в 3 погребениях) были встречены кости птицы и в 1 погребении — скелет собаки. Последняя не является заупокойной пищей, помещена в могилу целиком и, очевидно, сопровождала хозяина на том свете. Интересно, что в большинстве погребений анализируемой выборки состав напутственной пищи очень разнообразен, а ее количество велико. Все это, вероятно, также свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных.

Самыми распространенными предметами, помещенными в могилы данной выборки, кроме мечей, являются представительные колчанные наборы наконечников стрел. Они были встречены в 68% погребений. В некоторых комплексах, помимо наконечников стрел, были обнаружены также колчанные крючки. Помимо мечей и наконечников стрел, в погребениях данной выборки также довольно часто встречаются наконечники копий (15%), иногда со втоками и даже (в одном погребении) с футляром для наконечника копья. Наборы конской узды встречаются редко (всего в 2 погребениях). Однако это типично и для всей савроматской культуры Нижнего Поволжья в целом (4,8% погребений). Поэтому довольно показательно, что предметы узды также встречаются в сочетании с клинковым оружием.

Из бытовых предметов в комплексах с клинковым оружием очень часто встречаются глиняные сосуды (58%) и небольшие железные ножи (43%). Из других бытовых предметов в погребениях данной выборки можно отметить и такие находки, как абразивные инструменты (26%) и шилья (5%).

Интересно также, что в погребениях с клинковым оружием, помимо прочего инвентаря, также довольно часто находятся поясные пряжки, различные детали портупеи и ворворки. Вероятно, все эти предметы были необходимы кочевникам для ношения как самого клинкового оружия, так и прочих предметов вооружения.

Другой характерной чертой рассматриваемой выборки является практически полное отсутствие украшений и зеркал. Последние были встречены в погребениях, где, помимо мужского скелета, был обнаружен также жен-

ский. Единственным исключением из украшений, которые были обнаружены в данных комплексах, являются бусы (9%). Однако они могут быть принадлежностью как женского, так и мужского костюма. А также служить украшениями или даже функциональными деталями портупеи или ножен меча.

Предметы, связанные с ритуальными функциями, в комплексах данной выборки встречаются крайне редко (не более 1% погребений).

Таким образом, погребения савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья с клинковым вооружением достаточно часто являлись основными в курганах. Для них сооружались крупные могильные ямы, иногда были зафиксированы деревянные конструкции, в могилы помещалось большое количество разнообразной напутственной пищи. Все погребения с клинковым оружием принадлежат мужчинам. И даже в коллективных погребениях меч всегда остается атрибутом мужчины. Интересно, что мечи также помещали и в детские, и в подростковые погребения. То есть, принимая во внимание тот факт, что меч — это атрибут мужчины, можно признать, что дети в кочевом обществе принимали на себя статус взрослого и с раннего возраста выполняли в некотором объеме мужские функции.

Анализ прочего сопутствующего инвентаря показал, что вместе с мечами практически всегда в могилы помещались и другие виды вооружения: наконечники стрел и копий. Также довольно часто встречаются предметы, связанные с ношением оружия: ворворки, пряжки, оконечники ремней и пр. При этом отсутствуют украшения, зеркала и ритуальные предметы — типичные признаки женских погребений.

Можно сделать однозначный вывод о том, что в VI—IV вв. до н. э. меч в погребениях Нижнего Поволжья — это принадлежность мужчины. Причем мужчины довольно высокого статуса, вероятно, профессионального воина.

Необходимо сказать, что в своей массе савроматские погребения Нижнего Поволжья являются довольно бедными. В них зачастую помещена одна, реже две-три категории погребального инвентаря. Стандартные мужские погребения также довольно бедны. В них встречаются наконечники стрел, глиняная посуда и кости животных.

Мужские погребения с мечами часто гораздо богаче по набору и ассортименту погребального инвентаря, они размещаются в обширных могильных ямах, часто являются основными в курганах. Все это позволяет судить о том, что погребения с клинковым вооружениям принадлежат лицам высокого социального статуса. Вряд ли они были рядовыми воинами-общинниками. Скорее всего эти люди принадлежали к родовой знати, являлись профессиональными воинами, возможно, руководителями небольших родовых групп.

Следует также отметить, что в савроматских погребениях Нижнего Поволжья очень редко встречаются предметы из драгоценных металлов. Такие случаи единичны. В подобной ситуации на первые позиции в определении статуса погребенного должны выходить другие признаки. Можно предположить, что меч как раз и является таким показателем высокого статуса. Кроме того, в анализируемой выборке встречены предметы из золота — это золотые серьги, бусы и гривна из погребения в могильнике Сазонкин Бугор, золотые оковки деревянного сосуда из Жутово, золотые и серебряные литые бляхи с изображением головы грифона и льва из Аксеновского могильника. Данный факт является еще одним подтверждением высказанного выше предположения о высоком статусе погребенных с мечами.

Комплекс из могильника Сазонкин Бугор является уникальным для Нижнего Поволжья как по богатству, так и по разнообразию инвентаря (рис. 1: 1). В этом парном погребении мужчины и женщины, помимо меча, была найдена также золотая гривна, что, несомненно, является показателем очень высокого социального статуса погребенного. Данное погребение можно считать захоронением вождя какого-то крупного савроматского племенного объединения.

К другой социальной группе, очевидно, относятся погребенные из известного комплекса кургана Блюменфельд А12 (рис. 1: 2). Обнаруженные там мужчины-воины, вооруженные мечами, копьями со втоками и наборами наконечников стрел, сопровождали погребение некоего вождя, которое было ограблено. Они, вероятно, являлись его охранниками-рабами и были помещены в могилу господина для того, чтобы сопровождать его и после смерти.

Итак, клинковым оружием пользовалось несколько категорий населения — носителей савроматской культуры: руководители племенных объединений, представители родовой знати, воины-дружинники различного статуса. В любом случае, меч всегда являлся атрибутом мужчины-воина достаточно высокого социального статуса.

Литература

Бабенко Л.І. 2006. Біметалевий меч скіфського часу з колекції Харківського історичного музею. *Археологія* (2), 53—56.

Берхин-Засецкая И.П., Маловицкая Л.Я. 1965. Богатое савроматское погребение в Астраханской области. *СА* (3), 143—153.

Ворошилов А.Н. 2007а. *Вооружение населения лесостепного Подонья в скифское время (акинаки, копья, дротики)*. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Воронеж.

Ворошилов А.Н. 2007б. Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Волги и Дона. *РА* (3), 150—155.

Ворошилов А.Н., Медведев А.П. 2007. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 76—87.

Граков Б.Н. 1999. Памятники скифской культуры между Волгой и Уральскими горами. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Башилов В.А. (отв. ред.). *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову*. Москва: ИА РАН, 7—33.

Гуцалов С.Ю. 2007. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI—I вв. до н.э. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 11—23.

Дьяченко Л.Н., Мейб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. 1999. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье. *НАВ* 2, 93—126.

Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов*. САИ Д1—4.

Очир-Горяева М.А. 1988. *Савроматская культура Нижнего Поволжья VI—IV вв. до н.э.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.

Ростовцев М.И. 1918. *Эллинство и иранство на юге России*. Петроград: Огни.

Ростовцев М.И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград: Типография I Лениградской трудовой артели печатников.

Скрипкин А.С. 2007. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII—IV вв. до н.э. (проблемы хронологии). В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 38—50.

Смирнов К.Ф. 1961. *Вооружение савроматов*. МИА 101.

Таиров А.Д. 2007. Некоторые образцы клинкового оружия раннего железного века из Южного Зауралья. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 24—29.

Ginters W. 1928. *Das Schwert der Scythen und Sarmaten im Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.

References

Babenko, L. I. 2006. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 53—56 (in Ukrainian).

Berkhin-Zasetskaya, I. P., Malovitskaya, L. Ya. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 143—153 (in Russian).

Voroshilov, A. N. 2007. *Vooruzhenie naseleniia lesostepnogo Podon'ia v skifskoe vremia (akinaki, kop'ia, drotiki) (Armament of the population of forest-steppe Din region in Scythian time (akinakai, spears, javelins))*. PhD Thesis. Voronezh (in Russian).

Voroshilov, A. N. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 150—155 (in Russian).

Voroshilov, A. N., Medvedev, A. P. 2007. In *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiia i khronologiia (Armament of Sarmatians: regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: IuUrGU, 76—87 (in Russian).

Grakov, B. N. 1999. In *Evraziiskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu (Eurasian antiquities. 100 years from the birth of B. N. Grakov)*. Moscow: IA RAN, 7—33 (in Russian).

Gutsalov, S. Yu. 2007. In *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiia i khronologiia (Armament of Sarmatians: regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: IuUrGU, 11—23 (in Russian).

Diachenko, L. N., Meib, E., Skripkin ,A. S., Klepikov, V. M. 1999. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)* 2, 93—126 (in Russian).

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Scythian armament)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—4 (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M. A. 1988. *Savromatskaia kul'tura Nizhnego Povolzh'ia VI—IV vv. do n. e. (Sauromatian culture of Lower Volga region in the 6th—4th centuries BC)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 1918. *Ellinstvo i iranstvo na iuge Rossii (Iranians and Greeks in South Russia)*. Petrograd: Ogni (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifiia i Bospor (Scythia and Bosphorus)*. Leningrad: Tipografiia I Lenigradskoi trudovoi arteli pechatnikov (in Russian).

Skripkin, A. S. 2007. In *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiia i khronologiia (Armament of Sarmatians: regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: IuUrGU, 38—50 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 101 (in Russian).

Tairov, A. D. 2007. In *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiia i khronologiia (Armament of Sarmatians: regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: IuUrGU, 24—29.

Ginters, W. 1928. *Das Schwert der Scythen und Sarmaten im Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.

Статья поступила в номер 30 января 2013 г.

Pavel Sokolov (Volgograd, Russia). Candidate of Historical Sciences. Volgograd State University [1].

Pavel Sokolov (Volgograd, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Universitatea de Stat din Volgograd.

Соколов Павел Михайлович (Волгоград, Россия). Кандидат исторических наук. Волгоградский государственный университет.

E-mail: swarg211@mail.ru

Address: [1] Universitetsky Pr., 100, Volgograd, 400062, Russia

№3. 2014

О.И. Фризен

Раннесарматские зеркала в системе хронологии наборов вооружения

Keywords: Southern Urals, Early nomads, burial complexes, relative chronology, bronze mirrors, typology.

Cuvinte cheie: Uralul de Sud, nomazii timpurii, complexe funerare, cronologie relativă, oglinzi din bronz, tipologie.

Ключевые слова: Южное Приуралье, ранние кочевники, погребальные комплексы, относительная хронология, бронзовые зеркала, типология.

O.I. Frizen

Early Sarmatian Mirrors and Chronological Sequence of Weapon Sets

The paper deals with bronze mirrors from burials of the 6th—1st centuries BC in the cemeteries near the village of Pokrovka in the Southern Urals area. The analysis of their morphology enabled us to distinguish six types corresponding to the earlier accepted typologies. Chronological estimate of some items was based on co-occurrence of mirrors and weapons in the same complexes. The rest were dated through analogies and stratigraphy. The conditions of the occurrence of either intact or fragmented mirrors and the relation between their presence and age-sex characteristics of burials were also analysed. The results of the study revealed specific traits of the use of mirrors in burial and funeral rites characteristic of early nomads inhabiting the territory under study during the five distinguished chronological periods.

O.I. Frizen

Oglinzile sarmatice timpurii în sistemul cronologic al garniturilor de arme

Articolul examinează o serie de oglinzi din bronz, provenite din morminte de sec. VI—I î. e.n. din cadrul necropolelor de lângă s. Pokrovka (Uralul de Sud). Analiza morfologică a acestui inventar a permis identificarea a șase tipuri, care corespund cu tipologiile, propuse anterior în literatura de specialitate. În baza ocurenței reciproce a unor piese în complexele cu arme, este stabilită cronologia acestora. Celelalte oglinzi sunt datate în baza analogiilor și analizei stratigrafiei complexelor. Este studiat specificul fragmentării oglinzilor, precum și caracteristicile de sex și vârstă a defuncților din mormintele cu oglinzi. Rezultatele obținute au permis identificarea particularităților de utilizare a oglinzilor în ritul funerar al nomazilor, prezenți pe acest teritoriu pe parcursul a cinci perioade cronologice.

О.И. Фризен

Раннесарматские зеркала в системе хронологии наборов вооружения

В статье рассмотрена сводка бронзовых зеркал из погребений VI—I вв. до н.э. могильников у с. Покровка (Южное Приуралье). Проведенный анализ морфологии данной категории инвентаря позволил выделить шесть типов, соответствующих разработанным ранее типологиям. На основе взиамовстречаемости зеркал в комплексах с оружием некоторым экземплярам дана хронологическая оценка. Остальные зеркала датированы на основе аналогий и анализа стратиграфии комплексов. Рассмотрена специфика встречаемости зеркал в целом или во фрагментарном виде, а также соотношение с половозрастными характеристиками захоронений с зеркалами. Полученные результаты позволили выявить особенности использования зеркал в погребально-поминальной практике, характерные для ранних кочевников на данной территории в течение пяти выделенных хронологических периодов.

Погребальные комплексы из могильников у с. Покровка, расположенного в левобережье р. Илек (Соль-Илецкий р-н, Оренбургская обл.) (рис. 1), относятся к различным культурно-хронологическим периодам, начиная с эпохи бронзы до позднесарматского времени — второй половины III в.н.э. (Веддер и др. 1993; Яблонский и др. 1994; 1995; 1996; Яблонский, Малашев 2005; Малашев, Яблонский 2008; Малашев 2013). К VI—I вв. до н.э. из могильников у с. Покровка относятся 205 погребальных комплексов (180 из них представляют собой наиболее информативную выборку).

Одной из самых массовых категорий погребального инвентаря, обнаруженного в 52 комплексах, оказались наконечники стрел (более 1200 экз.). На основе данной категории

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© О.И. Фризен, 2014.

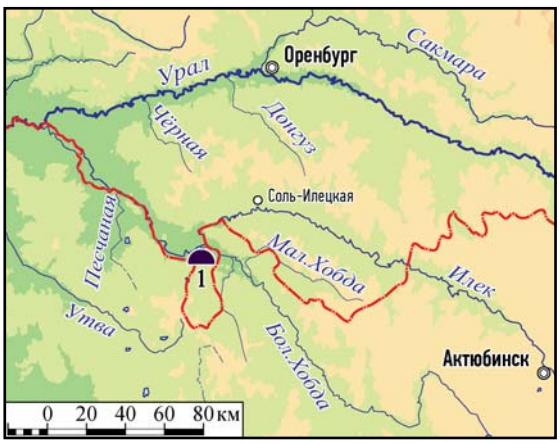

Рис. 1. Расположение могильников у с. Покровка (1) на левобережье Илека в Южном Приуралье.

Fig. 1. Location of cemeteries near the village of Pokrovka (1) on the left bank of the Ilek river in the South Ural region.

инвентаря, с помощью типологического метода и анализа взаимовстречаемости типов наконечников стрел в колчанных наборах, была сделана попытка разработки относительной хронологии для указанных комплексов (рис. 2) и получены пять хронологических групп (периодов) (Куринских 2011: 42—54).

Менее массовой категорией инвентаря в силу своей специфичности, но при этом наиболее информативной в хронологическом отношении, является клинковое оружие, обнаруженное в 41 комплексе. В 29 погребениях мечи и кинжалы были встречены наряду с наконечниками стрел, составляя «наборы вооружения». На основе полученной в результате анализа наконечников стрел относительной хронологии эти комплексы уже были датированы. Данные экземпляры клинкового оружия также были рассмотрены в плане типологии и проанализированы на предмет взаимовстречаемости типов в комплексах. Хронологическая оценка типам давалась с учетом аналогий из надежно датированных комплексов ранних кочевников с территории Южного Приуралья и соседних регионов, а также с учетом стратиграфии комплексов в «курганах-кладбищах» (рис. 3). Благодаря этому удалось уточнить позиции некоторых определенных ранее погребальных комплексов с колчанными наборами в системе относительной хронологии (Куринских 2012: 72—80; 76).

Таким образом, анализ двух основных категорий вооружения — наконечников стрел и клинкового оружия — позволил датировать почти третью часть комплексов ранних кочевников из могильников у с. Покровка. Выделенные группы относительной хронологии получили следующую оценку: первая группа — вторая половина VI — начало V вв. до н.э.; вторая группа — V в. до н.э.; третья группа — рубеж V—IV — конец IV вв. до н.э.; четвертая группа — конец IV—III — начало II вв. до н.э.; пятая группа — II—I вв. до н.э.

На основе разработанной системы относительной хронологии для раннекочевнических древностей из покровских могильников стало возможно уточнить хронологическую позицию и других категорий инвентаря, датировка которых затруднена в силу либо их немногочисленности, либо незначительной изменчивости морфологии, а также вследствие практически полного отсутствия надежно датированных импортов в комплексах. Прежде всего, была выбрана такая категория вещей, которая встречалась бы как в погребениях с наборами вооружения, так и без них, с другими категориями погребального инвентаря. Это позволило бы определить не только хронологическую позицию конкретных типов вещей из комплексов с оружием, но и с помощью сравнительного метода датировать другие комплексы, где остальной инвентарь датируется значительно шире (например, керамика). Такой категорией инвентаря оказались бронзовые зеркала.

Всего зеркала и их фрагменты обнаружены в 46 погребениях из 180 (26%). При этом большая часть погребений принадлежит женщинам[1] — 29 из 46 (63%). В мужских погребениях зеркала также встречаются, хотя и намного реже, наряду с типичным набором мужского инвентаря (вооружение, ножи, пряжки, керамические сосуды и др.). Так, из восьми захоронений мужчин в двух погребениях зеркала встречены вместе с клинковым оружием, в пяти — с клинковым оружием и наконечниками стрел. В двух женских погребениях, где были обнаружены фрагменты зеркал, также находились наконечники стрел. Еще три погребения, принадлежавшие захоронениям взрослого мужчины совместно с ребенком или подростком, содержали среди инвентаря фрагменты бронзовых зеркал. При этом в одном погребении были обнаружены наконечники стрел, а в другом — набор вооружения: наконечники стрел и клинковое оружие. Именно данные комплексы с оружием (11 из 46) и послужили основой для хронологической оценки некоторых типов зеркал (табл. 1). Остальные погребения с зеркалами

[1] Антропологические определения сделаны в поле Л.Т. Яблонским.

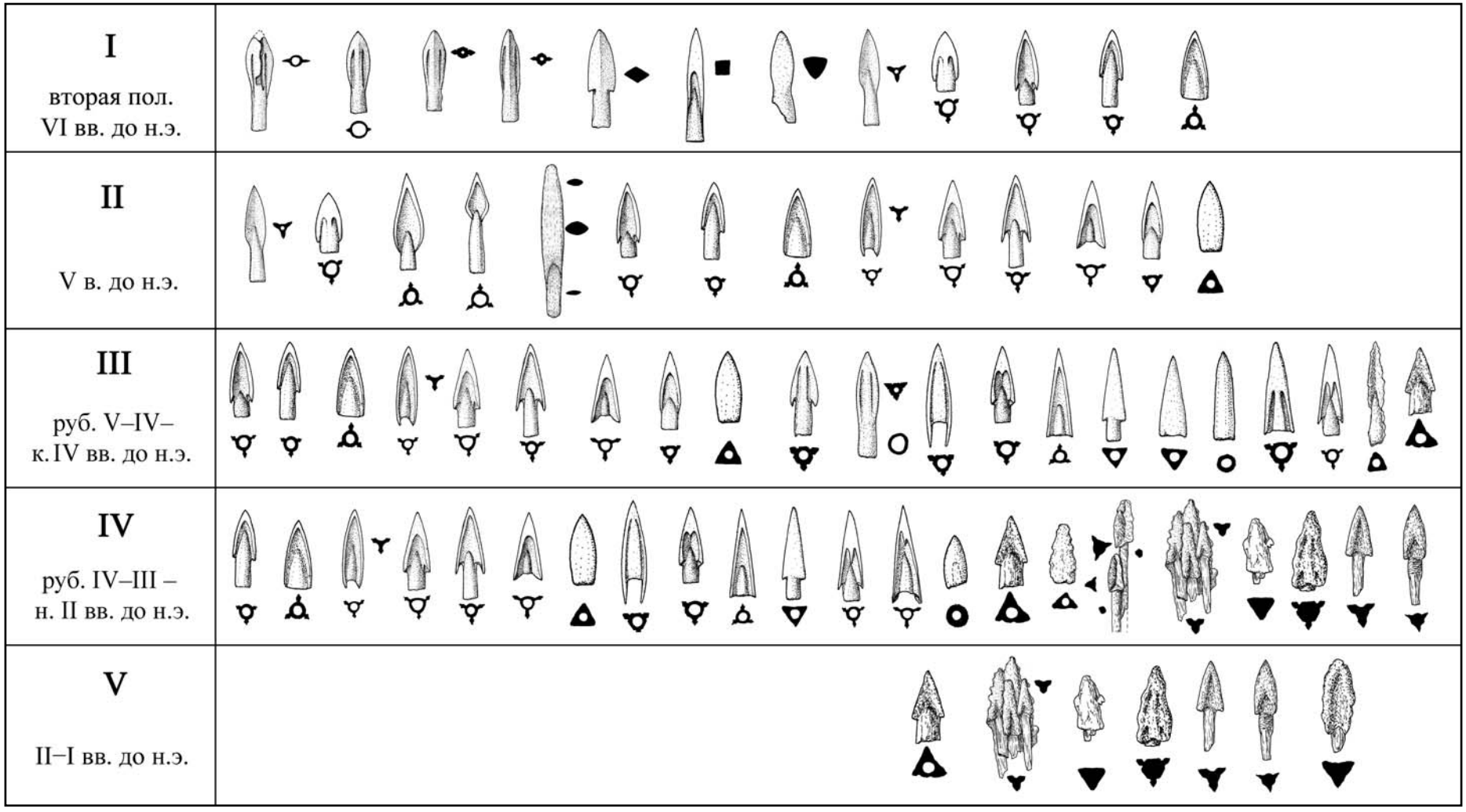

Рис. 2. Относительная хронология типов наконечников стрел из покровских могильников (по Куринских 2011: 51, рис. 5). Примечание: изображения не масштабированы.

Fig. 2. Relative chronology of arrowhead types from the Pokrovka cemeteries (after Куринских 2011: 51, рис. 5). NB: Drawings are not scaled.

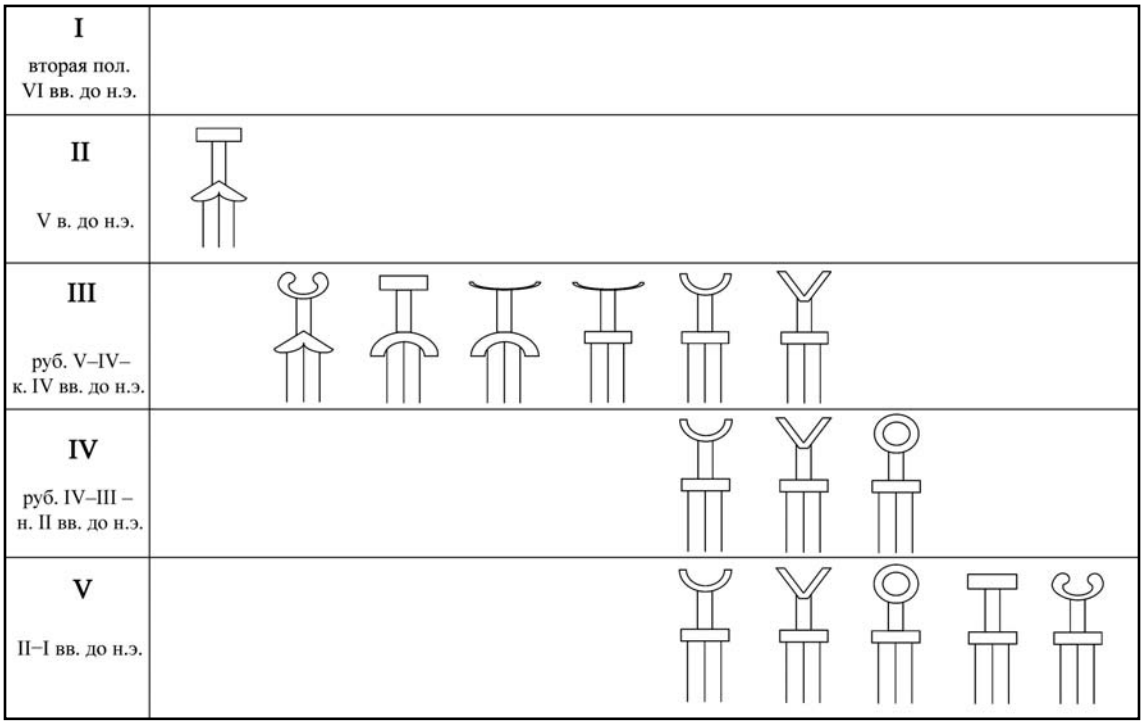

Рис. 3. Относительная хронология типов клинкового оружия из покровских могильников (по Куринских 2012: 77, рис. 2). Примечание: изображения типов схематичны.

Fig. 3. Relative chronology of blade weapon types from the Pokrovka cemeteries (after Куринских 2012: 77, рис. 2). NB: Drawings are sketchy.

были распределены по периодам в результате анализа стратиграфии и датированных аналогий из синхронных памятников Южного Приуралья.

Предварительный анализ с учетом аналогий с исследованными образцами из других памятников региона показал, что в данной выборке имеются зеркала, определенно являющиеся импортом и привезенные из крупных ремесленных центров Ближнего Востока и Средней Азии. Отдельные такие экземпляры стали предметом специальных исследований как в историко-археологическом (Берлизов 2009: 58—68; Трейстер 2012: 120—133), так и в химико-технологическом плане (Равич 2012: 247—252)[2].

Типы зеркал были выделены на основе существующих в литературе разработок по классификации и типологии данной категории инвентаря (Хазанов 1963; Мошкова 1963; Смирнов 1964; Скрипкин 1990; Клепиков 2002). Предпочтение, в большей мере, учитывая обширность источниковой базы и территориального охвата, было отдано типологии, разработанной А.С. Скрипкиным (Скрипкин 1990: 88—97, рис. 33). При выделении типов использовались следующие признаки и их значения: 1 — характер оформления края диска (плоский; бортик; утолщение; валик); 2 — дополнительные детали на диске (выпуклость; валик); 3 — наличие ручки или ее отсутствие, либо ручка, крепящаяся отдельно; 4 — форма ручки (плоская прямоугольная; плоская клиновидная; плоская, расширяющаяся к концу; ручка-штырь); 5 — орнамент на диске (концентрические круги; точечный орнамент). Информация по данным признакам сохранилась не на всех зеркалах. Из 46 экземпляров шесть представляли собой неинформативные фрагменты, по которым было трудно судить о конструкции зеркала. Из оставшихся 40 экземпляров 15 были относительно целые, что позволило определить все характерные для них конструктивные особенности, в том числе наличие ручки и ее форму или ее достоверное отсутствие. Оставшиеся 25 зеркал были найдены в виде отдельных фрагментов, по которым можно было определить только характер оформления края диска; также нет данных о наличии или отсутствии ручки. Учитывался и диаметр диска, в большинстве случаев реконструируемый графически. Таким образом,

[2] Также учитывались результаты химико-технологических исследований аналогичных экземпляров из других синхронных памятников региона: Прохоровка, Филипповка 1, Бердянка V, Нижняя Павловка (Равич, Яблонский 2008: 97—105).

Таблица 1.

Взаимовстречаемость наконечников стрел, клинкового оружия и зеркал в комплексах ранних кочевников покровских могильников, распределенных по группам относительной хронологии

№ п/п	Могильник	Курган	Погр.	Период	Дата	Нак. стрел	Мечи	Зеркало
1	Покровка 2	17	1	I	втор. пол. VI в. до н.э.	1		
2	Покровка 1	2	5	II	V век до н.э.	1		
3	Покровка 2	1	2			1		
4	Покровка 2	2	1			1	1	
5	Покровка 2	2	2			1		
6	Покровка 2	2	3			1	1	
7	Покровка 2	3	2					1
8	Покровка 10	2	2			1	1	1
9	Покровка 10	3	1					1
10	Покровка 10	4	1			1		
11	Покровка 10	6	9				1	
12	Покровка 10	13	1			1	1	
13	Покровка 10	13	2			1		
14	Покровка 10	33	1					1
15	Покровка 10	35	1					1
16	Покровка 1	13	2, ск1	III	руб. V—IV — к. IV вв. до н.э.			1
17	Покровка 1	16	3					1
18	Покровка 2	7	2					1
19	Покровка 2	7	6					1
20	Покровка 2	7	7					1
21	Покровка 2	7	8				1	
22	Покровка 2	10	2			1	1	
23	Покровка 2	19	3			1		
24	Покровка 2	23	1					1
25	Покровка 2	23	2			1	1	
26	Покровка 2	23	5					1
27	Покровка 2	23	6			1	1	
28	Покровка 2	23	10			1	1	1
29	Покровка 2	23	17			1	1	
30	Покровка 2	23	18					1
31	Покровка 2	23	30			1		
32	Покровка 7	9	2			1	1	
33	Покровка 7	9	4					1
34	Покровка 7	9	5					1
35	Покровка 7	9	9			1		
36	Покровка 10	5	1			1		
37	Покровка 10	6	1			1	1	1
38	Покровка 10	6	3			1		
39	Покровка 10	31	1			1	1	

Таблица 1 (окончание).

№ п/п	Могильник	Курган	Погр.	Период	Дата	Нак. стрел	Мечи	Зеркало
40	Покровка 1	1	2	IV	руб. IV—III нач. II вв. до н.э.			1
41	Покровка 1	2	7					1
42	Покровка 1	2	10					1
43	Покровка 1	3	1				1	
44	Покровка 1	3	2				1	
45	Покровка 1	3	5				1	1
46	Покровка 1	3	6					1
47	Покровка 1	4	1				1	
48	Покровка 1	4	2			1	1	1
49	Покровка 1	6	1					1
50	Покровка 1	6	2					1
51	Покровка 1	10	6					1
52	Покровка 1	10	9					1
53	Покровка 1	12	1			1	1	1
54	Покровка 1	12	3			1	1	
55	Покровка 1	15	1					1
56	Покровка 1	15	2					1
57	Покровка 1	17	3					1
58	Покровка 2	8	3			1		
59	Покровка 2	8	4			1	1	
60	Покровка 2	8	5			1		1
61	Покровка 2	8	8			1	1	
62	Покровка 2	23	7			1		
63	Покровка 2	25	2					1
64	Покровка 7	8	1					1
65	Покровка 8	1	13			1	1	
66	Покровка 8	1	14			1	1	
67	Покровка 8	2	3				1	
68	Покровка 8	5	1				1	
69	Покровка 8	5	2				1	
70	Покровка 8	5	3				1	
71	Покровка 8	6	1					1
72	Покровка 8	6	4				1	
73	Покровка 8	6	5				1	
74	Покровка 10	5	2					1
75	Покровка 10	5	8					1
76	Покровка 10	6	4			1	1	
77	Покровка 10	6	6					1
78	Покровка 10	6	7				1	
79	Покровка 10	6	8			1	1	
80	Покровка 10	55	1					1
81	Покровка 10	55	2			1		1
82	Покровка 10	55	3					1
83	Покровка 1	2	12	V	II—I вв. до н.э.			1
84	Покровка 1	4	4			1	1	
85	Покровка 1	6	3			1	1	1
86	Покровка 2	16	1			1	1	1
87	Покровка 2	17	2			1	1	
88	Покровка 7	1	1			1	1	1
89	Покровка 7	1	2				1	
90	Покровка 7	10	1			1		1
91	Покровка 8	1	6			1	1	
	Итого					43	41	46

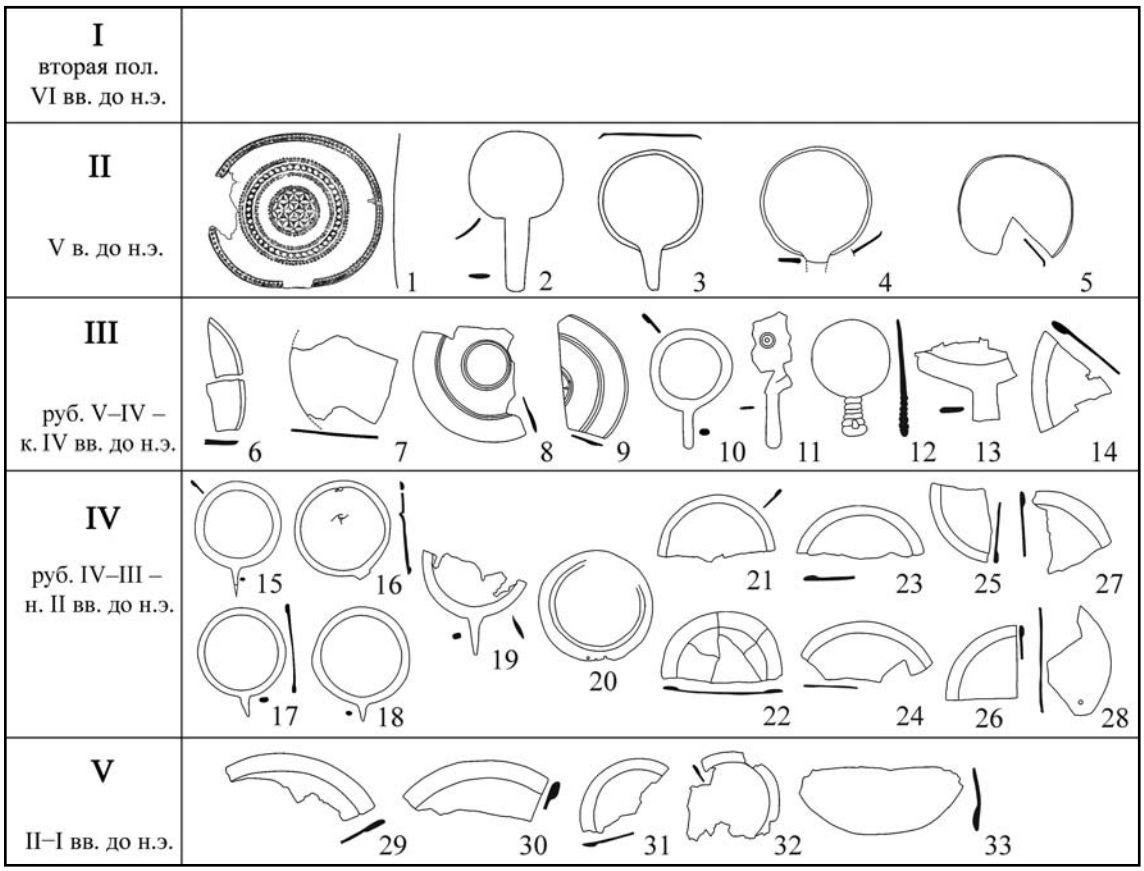

Рис. 4. Относительная хронология зеркал из покровских могильников (изображения зеркал даны по Веддер и др. 1993; Яблонский и др. 1994; 1995; 1996; Яблонский, Малашев 2005; Трейстер 2012). Примечание: изображения не масштабированы.

Fig. 4. Relative chronology of mirrors from the Pokrovka cemeteries (mirrors represented after Веддер и др. 1993; Яблонский и др. 1994; 1995; 1996; Яблонский, Малашев 2005; Трейстер 2012). NB: Drawings are not scaled.

достоверно определить тип удалось только для 13 экземпляров, не считая двух целых зеркал, аналогий которым в разработанных классификациях найдено не было (Покровка 2, кург. 3, погр. 2; Покровка 7, кург. 9, погр. 4). Все остальные фрагменты зеркал были объединены в группы по сходству вариантов оформления диска. Всего было выделено шесть типов (рис. 4):

1. Зеркала с плоским диском и плоской прямоугольной боковой ручкой, отлитой вместе с диском (1 экз.). Единственный экземпляр этого типа имеет плоский диск, слегка прокованный в центральной части так, что у края имеется небольшое закругление, но как такового загнутого бортика оно не образует, поэтому мы отнесли этот экземпляр к данному типу (рис. 4: 2).

2. Зеркала с плоским диском и отдельно крепящейся ручкой (2 экз.). На диске имеются отверстия для крепления ручки, на одном экземпляре также есть орнамент в виде концентрических окружностей (рис. 4: 20). Тип 1.1 по А.С. Скрипкину.

3. Зеркала с вертикальным бортиком по краю диска и плоской клиновидной боковой ручкой (2 экз.). Судить о форме ручки можно только по одному экземпляру. Видимо, это ручка-штырь, которая вставлялась в рукоять из органического материала. Ручка на втором экземпляре была отломана в древности, но, по всей видимости, тоже сужалась к концу (рис. 4: 3, 4).

4. Зеркала с валиком по краю диска и прямоугольной боковой ручкой (2 экз.). В одном случае ручка незначительно расширяется к концу, что восстанавливается графически (рис. 4: 10, 13).

5. Зеркала с утолщенным краем на диске и прямоугольной боковой ручкой (1 экз.). В центре имеется полусферическая выпуклость, которую окружает концентрический валик (рис. 4: 11).

6. Зеркала с валиком по краю диска и боковой ручкой-штырем (6 экз.). Два экземпляра сохранились фрагментарно, но имеется информация о наличии ручки-штыря и о характере оформления края диска (рис. 4: 15—19).

Зеркала, которые не вошли в классификацию, стоит описать отдельно.

Зеркало (Покровка 2, кург. 3, погр. 2) с рельефно оформленным краем (валик с пирамидальными выпуклостями) и сложным орнаментом в виде круга из вписанных в него, частично наложенных друг на друга, семи кругов, образующих три ряда. Орнамент выполнен в технике точечного накола. Данное зеркало является импортом и было предметом специального исследования[3] (рис. 4: 1; 5).

Зеркало с плоским диском и рельефной ручкой (Покровка 7, кург. 9, погр. 4). Короткая ручка, оформленная пятью горизонтальными перетяжками, расширяется к концу, на котором имеется сквозное отверстие для подвешивания (рис. 4: 12).

Проведенный анализ взаимовстречаемости типов зеркал в рамках выделенных периодов позволил определить хронологические рамки их бытования в среде ранних кочевников региона.

В единственном комплексе первой хронологической группы зеркал встречено не было. Они появляются в погребениях второй группы, начиная с рубежа VI—V вв. до н. э. В это время зафиксировано бытование зеркал двух типов (тип 1 и 3), а также встречено одно импортное зеркало.

Тип 1 (плоский диск с прямоугольной ручкой) соответствует типу 1.4 по А.С. Скрипкину (Скрипкин 1990: рис. 33). Появление зеркал типа 1 в Южном Приуралье К.Ф. Смирнов относит к VI в. до н. э., а большинство аналогий приводит из комплексов V в. до н. э. (Смирнов 1964: 153). По мнению большинства исследователей, этот тип был заимствован на Востоке (скорее всего, Ближнем), попал к ранним кочевникам из Средней Азии, получил распространение в Южном Приуралье в савроматское время и прекратил свое существование в период формирования прохоровской культуры к рубежу IV—III вв. до н. э. (Смирнов 1964: 153—154; Хазанов 1963: 60; Скрипкин 1990: 143, 150; Максименко 1983: 96). К.Ф. Смирнов также отмечал, что эта форма была заимствована из Средней Азии, но в оренбургских степях сформировался собственный центр производства подобных зеркал (Смирнов 1964: 154). Некоторые аналогии этому типу зеркал находим в памятниках VI—IV вв. до н. э. Южного Приуралья: Лебедевка IV, к. 22, п. 2 (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: рис. 11: 11); Лебедевка VI, к. 25, п. 1; к. 26, п. 2; к. 40, п. 1 (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: рис. 53: 6; 57: 3; 59: 3); 3-я Аландская группа, к. 3—4, п. 2 (Мошкова 1972: 69); Биш-Уба I, курган 1, п. 1 (Агеев, Сунгатов, Вильданов 1998: 100, рис. 4: 4; 8: 5; 10: 2); Переволочаны, к. 1 и 3 (Пшеничнюк 1983: табл. XLVI: 2—4); а также в Нижнем Поволжье (Клепиков 2002: 69). В комплексе с данным зеркалом (Покровка 10, к. 3, п. 1) оружия обнаружено не было, поэтому по вышеуказанным аналогиям он был датирован V в. до н. э. (табл. 1).

Зеркала с загнутым бортиком и с короткой плоской боковой ручкой — *тип 3* (рис. 4: 3, 4) — соответствуют типу 3.6 по А.С. Скрипкину. Такой характерный признак, как загнутый бортик по краю, также является ранним признаком для сарматских зеркал. Близок данному типу экземпляр, сохранившийся почти полностью, за исключением небольшого сегмента, на котором могла присутствовать ручка (рис. 4: 5). Подобные зеркала, по мнению исследователей, появляются у ранних кочевников в VI—V вв. до н. э. (тип VII по А.М. Хазанову; вариант типа I и тип V по К.Ф. Смирнову; тип 3.0, 3.1, 3.6 по А.С. Скрипкину). В покровских погребениях данный тип встречен только в группе комплексов второго периода, датирующегося V в. до н. э. (рис. 4: 3—5).

Уникальное зеркало с рельефно оформленным краем было встречено в комплексе без оружия (рис. 5). Анализ декора и его аналогия из кургана 15 некрополя Кырык-Оба II, комплекс которого датируется концом VI — началом V вв. до н. э., позволяет отнести погребение с этим зеркалом, скорее всего, к первой половине V в. до н. э.[4] М.Ю. Трейстер, подробно рассматривая его в рамках работы по анализу бронзовых зеркал из Южного Приуралья в контексте вопроса о ближневосточных и южно-азиатских импортах и местных подражаниях, приходит к выводу, что на зеркалах VI—V вв. до н. э. в основном встречается геометрический орнамент, выполненный в технике точечного накола. Зеркало рассматриваемого типа автор относит к переднеазиатскому (иранскому?) импорту (Трейстер 2012: 130). Оно является одним из самых ранних зеркал с розеттами, которое отлито из низкооловян-

[3] Подробное описание зеркала см.: Трейстер, Шемаханская, Яблонский 2012: 63, кат. А10.2.1.7, рис. 39: 1.

[4] В погребении вместе с рассматриваемым зеркалом были обнаружены височные подвески с коническими украшениями. Аналогичные подвески были найдены в погребении жрицы кургана №3 могильника Бесоба на левом берегу р. Илек. Датируется этот курган рубежом VI—V вв. до н. э. (Кадырбаев, Курманкулов 1978: 69—70).

ной бронзы с примесью олова около 8% с последующим упрочнением холодной ковкой[5].

В третью хронологическую группу вошли комплексы с зеркалами типов 4 и 5.

Тип 4 — зеркала с утолщением или валиком по краю диска и прямоугольной боковой ручкой, которые соответствуют типу 4.5 по А.С. Скрипкину (рис. 4: 10, 13). Некоторые исследователи разделяют типы в зависимости от выраженности утолщения — на уплощенные и высокие валики по краю диска (Клепиков 2002: 69). В данной выборке не оказалось серии целых экземпляров с низким утолщением, чтобы проследить особенности их взаимовстречаемости в хронологических группах, поэтому мы рассматриваем их вместе с экземплярами с высоким валиком. Целый экземпляр данного типа представляет собой небольшое зеркало с диаметром диска 90 мм (рис. 4: 10). В комплексах этого периода встречены также фрагменты дисков зеркал с небольшим утолщением и орнаментом в виде двух групп концентрических окружностей (рис. 4: 8, 9).

Как уже говорилось выше, такая характерная особенность, как утолщение по краю диска, появляется, по мнению исследователей, ближе к концу V в. до н.э.[6] По мнению К.Ф. Смирнова, зеркала с уплощением

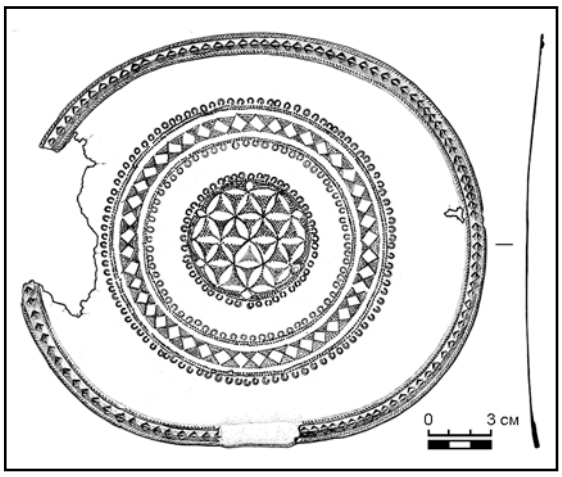

Рис. 5. Бронзовое зеркало из погребения 2 кургана 3 могильника Покровка 2 (по Трейстер 2012: рис. 65).

Fig. 5. Bronze mirror from Burial 2 of Barrow 3 of the Pokrovka 2 cemetery (after Трейстер 2012: рис. 65).

по краю диска появляются уже во второй половине V — начале IV вв. до н.э. в комплексах Бис-Оба и Ак-Булака (Смирнов 1964: 159—160). А.С. Скрипкин считает, что зеркала этого типа продолжают традиции савроматской культуры и встречаются до рубежа IV—III вв. до н.э. (Скрипкин 1990: 94, 150—151: тип 4.5). В.Н. Васильев основную массу этих зеркал датирует IV в. до н.э. (Васильев 2004: 160). В.М. Клепиков выделяет эти зеркала во второй отдел своей классификации и говорит об их переходном характере, предполагая, что наметившееся утолщение по краю, возможно, в дальнейшем послужило основой к появлению характерного валика на раннесарматских зеркалах «прохоровского» типа конца IV—II вв. до н.э. (Клепиков 2002: 71). Отдельно он выделяет тип 2.2 — с концентрическими кругами — и находит ему ряд аналогий в памятниках Южного Приуралья IV в. до н.э. (Клепиков 2002: 70).

Особое внимание хотелось бы уделить *типу 5* (тип 5.3 по А.С. Скрипкину — Скрипкин 1990: 95, рис. 35: 31). Это зеркало с утолщением или валиком по краю диска, выпуклостью в центре и еще одним концентрическим валиком вокруг данной выпуклости (рис. 4: 11)[7]. А.С. Скрипкин определяет время бытования данного типа только IV в. до н.э., не находя для него истоков в более ранний период (Скрипкин 1990: 150). Подобные зеркала для IV—III вв. до н.э. Б.Ф. Железчиков

[5] Эта технология использовалась греческими и этрусскими мастерами архаического и классического времени и получила широкое распространение в Средиземноморье и Причерноморье. Из низкооловянной бронзы или из сплавов с дополнительными добавками свинца отлиты бронзовые зеркала VI—IV вв. до н.э., найденные на территории Европейской Скифии (Барцева 1981: 65—72; Равич 2006: 48; Равич, Яблонский 2008: 98; Равич 2012: 248; Трейстер 2012: 131).

[6] На наш взгляд, появление плоского утолщения по краю диска может быть связано с похожим оформлением на «прохоровских» зеркалах, обнаруженных как в погребениях могильника Прохоровка, так и во многих других захоронениях ранних кочевников Южного Приуралья IV в. до н.э. Это оформление представляет собой широкий выступ, образованный путем проковки средней части плоского диска и его соответствующим углублением. Зеркала с углубленной средней частью, как правило, все имели плоские прямоугольные боковые ручки. Чаще всего они еще были оформлены декором в технике точечного накола. Происходят такие зеркала из следующих комплексов: Прохоровка (курган 1—3), Филипповка I (курган 11, курган 15, погребение 2 и 4), Веселый I, Гумарово (курган 3), Ивановские, Альмухаметовские, Переволочанские, Муракаевские курганы, которые датируются IV в. до н.э. (Смирнов, Петренко 1963: табл. 28: 6; Мошкова 1963: табл. 28: 19—21; Мажитов, Пшеничнюк 1977: рис. 4: 2; Пшеничнюк 1983: табл. XXIX: 2, XXXI: 2, XXXVII: 2, XLVII: 1; Зуев, Исмагилов 1999: 110; Васильев 2004: 160; Равич, Яблонский 2008: 97—105; Яблонский 2010: 32, 78, 205; Сиротин 2010: 337; Трейстер 2012: 126—127).

[7] Зеркала эти отличаются от зеркал с более крупной выпуклостью в центре диска, которые А.М. Хазанов выделил в тип VIII и определил время их бытования I—II вв. н.э. (Хазанов 1963: 64).

выделяет в Илекской группе и Восточном Оренбуржье (Железчиков 1980: 108, табл. 62). В.М. Клепиков также утверждает, что эти зеркала характерны в основном для IV в. до н.э., связывая их происхождение с востоком (Клепиков 2002: 72). Более подробно этот вопрос рассматривает Н.Е. Берлизов, который данный тип определил как промежуточный (вариант 3 по Н.Е. Берлизову) между типом с углублением в центре и прямоугольной боковой ручкой и типом Хазанов VIII (Берлизов 2009: 58—68) и датировал его III в. до н.э., в том числе и экземпляр из Покровки 2, к. 23, п. 5 (Берлизов 2009: 61, табл. 1: 5). На наш взгляд, дата комплекса, которую предлагает автор, завышена, и по набору инвентаря, а также по особенностям погребального обряда (Яблонский и др. 1994: 47, 48, рис. 64, 89), ее можно определить как конец IV — начало III вв. до н.э. К тому же основная масса других экземпляров этого варианта в приведенном автором исследовании, как с территории Урала, так и Зауралья и Сибири, датируется IV и IV—III вв. до н.э. (Берлизов 2009: 62, табл. 1: 7—9, 11; 65—66: 1, 2, 4—6, 9)[8]. В соответствии с этим, данное погребение с описанным зеркалом, в котором, к сожалению, не встречено оружие, было помещено в группу комплексов третьего периода, датирующихся рубежом V—IV — концом IV вв. до н.э.

Анализ стратиграфии и взаимовстречаемость с оружием позволили определить в данную группу комплексы, где были встречены фрагменты зеркал с плоскими дисками (рис. 4: 6, 7), которые датируются исследователями широко — от VI в. до н.э. до I в.н.э.[9], а также одно целое зеркало, найти точную аналогию которому не удалось (рис. 4: 12).

Это небольшое зеркало с плоским массивным диском диаметром 63 мм и короткой, оформленной пятью горизонтальными перетяжками, ручкой, расширяющейся к концу, на котором имеется сквозное отверстие для подвешивания. Как уже говорилось выше, плоский диск был широко распространен в савроматское и раннесарматское время, оформление же рукояти носит более индивидуальный характер и, возможно, является результатом творчества мастера, изготовившего данное зеркало. Такая деталь, как петля для подвешивания, также имеет широкое распространение и встречается как на греческих зеркалах с плоским диском, так и на сарматских зеркалах «прохоровского» типа с валиком по краю диска[10]. Наибольшее же распространение петля на рукояти получает в средне- и позднесарматское время на т.н. миниатюрных сарматских зеркалах-подвесках с боковыми ручками. Можно предположить, что для рассматриваемого зеркала такая деталь, как петелька на ручке, не может считаться диагностической, являясь лишь дополнением, а вот такой признак, как плоский диск, добавляет данному типу архаическую черту, что не противоречит его датировке в рамках IV в. до н.э.

Четвертая хронологическая группа характеризуется меньшим типологическим разнообразием при большем количестве встреченных экземпляров зеркал. Здесь также встречено наибольшее количество целых экземпляров по сравнению с другими группами. В основном это зеркала типа 6 с валиком по краю диска и ручкой-штырем. Встречено также плоское зеркало с раздельной ручкой и концентрическим орнаментом, одно без орнамента (тип 2) и множество фрагментов зеркал с валиком по краю диска.

Тип 2 с плоским диском и отверстиями для крепления отдельной ручки соответствует типу 1.1 по А.С. Скрипкину (рис. 4: 20, 28). По мнению исследователей, подобные зеркала встречаются на протяжении длительного времени (Скрипкин 1990: 143). На одном экземпляре имеются прочерченные на оборот-

[8] В своей работе автор также не учел еще один экземпляр без валика по краю диска, встреченный в Южном Приуралье в могильнике Лебедевка V, в кургане 9, в погребении 5, который датируется авторами публикации IV в. до н.э. (Железчиков и др. 2006: 14, 38, рис. 28: 6).

[9] По А.М. Хазанову, это тип VI, который начинает встречаться с конца III в. до н.э., но наибольшее распространение получает в I в. до н.э. — I в.н.э. (Хазанов 1963: 62, 64). М.Г. Мошкова связывала их происхождение с савроматскими зеркалами (Мошкова 1963: 41). Плоское зеркало без ручки встречено в погребении 1 кургана 34 могильника Лебедевка VI, которое авторами датируется IV в. до н.э. (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: 37—38, рис. 57: 6).

[10] Зеркало из гробницы №4, раскопанной у с. Золотое в Крыму, датируется второй половиной VI в. до н.э. (Масленников 1980: 89—90). Зеркало «прохоровского» типа из грабительских раскопок 1911 г. в кургане 3 Прохоровского могильника получило неоднозначную хронологическую оценку исследователей (Ростовцев 1918; Мещеряков, Федоров, Яблонский 2006: 108; Яблонский 2010: 205, кат. 248). На диске данного зеркала имеется полусферический валик по краю, который появляется на сарматских зеркалах не ранее рубежа IV—III вв. до н.э., а само зеркало отличается небольшими размерами, что становится характерным для зеркал более позднего периода, начиная с III в. до н.э. (Мошкова 1963: 41—42, табл. 28: 7).

ной стороне концентрические окружности (рис. 4: 20). Аналогичное зеркало было найдено в воинском погребении 4 кургана 4 могильника Бердянка V (Моргунова, Мещеряков 1999: 132, рис. 3: 7), которое авторы отнесли к 1 типу 1 отдела по классификации М.Г. Мошковой и датировали соответственно III—II вв. до н.э. (Мошкова 1963: табл. 27: 8, 9). Этой дате не противоречит и набор вооружения, найденный в том же погребении (железные наконечники стрел и меч с прямым перекрестием и серповидным навершием), а также импортный гончарный сосуд среднеазиатского происхождения (Болелов 2012: 202, кат. №2). Поскольку комплексы с зеркалами данного типа не имели в своем составе оружия, то они были датированы на основании приведенных выше аналогий, а также анализа стратиграфии комплексов, и, соответственно, мы относим их к четвертому хронологическому периоду.

На пяти целых экземплярах *типа 6* была зафиксирована ручка-штырь (рис. 4: 15—19). Фрагментированные экземпляры с валиком по краю диска также вполне могли иметь подобную ручку (рис. 4: 21—27). Большинством исследователей этот тип датируется III—I вв. до н.э.[11]

В последней хронологической группе, датирующейся II—I вв. до н.э., встречено всего пять комплексов с зеркалами, которые были представлены фрагментами дисков (рис. 4: 29—33; табл. 1). Информация о наличии или отсутствии ручки не сохранилась, поэтому отнести эти экземпляры к какому-то определенному типу не представляется возможным. Можно лишь отметить, что все фрагменты имели четко выступающий валик по краю диска, что характерно для большинства зеркал, распространенных в это время, с ручкой-штырем или без ручки (Мошкова 1963: 42, 43; Хазанов 1963: 62; Скрипкин 1990: 150—152; Клепиков 2002: 71). Благодаря тому, что почти во всех погребениях этого периода были встречены ранее датированные наборы вооружения, мы определили хронологическую позицию данных комплексов с фрагментами зеркал именно таким образом (табл. 1).

Была также сделана попытка соотнести диаметры дисков зеркал, встреченных в одной хронологической группе, и сравнить группы между собой. Диаметры дисков, сохранившихся во фрагментах, были реконструированы графически. Была построена гистограмма распределения всех диаметров, в результате чего было получено несколько групп. *Небольшие* зеркала с диаметром диска до 100 мм были встречены во всех периодах, начиная со второго, в одном экземпляре. Зеркала с диаметром диска от 105 до 150 мм были отнесены в группу средних размеров, в которой, в свою очередь, выделяются две подгруппы наиболее часто встречаемых значений — *средние-1* — от 105 до 120 мм; *средние-2* — от 130 до 140 мм. Подгруппа *средние-2* имеет самое большое количество экземпляров. И, наконец, *крупные* зеркала с диаметром диска 170—190 мм были встречены только в последних двух периодах, при этом в четвертом они составляли пять экземпляров из шести.

Кроме того, все целые экземпляры типа 6 были распределены по размерным группам. В результате эти зеркала, встреченные только в четвертом периоде, попали в три группы — *небольшие*, *средние-2* и *крупные*. Поэтому нельзя однозначно отнести какие-либо фрагменты дисков зеркал с валиком по краю из пятого периода только к данному типу.

Отдельно хотелось бы отметить еще два момента, касающиеся сарматских зеркал как элемента погребально-ритуальной практики ранних кочевников.

Во-первых, это традиция помещения зеркал в погребение в целом виде или во фрагментах в разные периоды. Данные о количестве целых экземпляров и фрагментов, встреченных в комплексах в разные периоды, приведены в диаграмме (рис. 6). Как мы видим, в VI—V вв. до н.э. господствует обряд помещения зеркала в могилу в целом виде, что характерно для большинства погребений с зеркалами в Южном Приуралье и в Поволжье (Кузнецова 1988: 55, табл. 5). Начиная с третьего периода, которым датируется начало раннесарматского времени (IV в. до н.э.), мы наблюдаем появление традиции использования при захоронении лишь части зеркала. В нашем случае это либо половина диска, либо четверть (рис. 4: 6—9, 14, 21—33). Это могло быть связано с рядом причин, таких, как значительное увеличение населения при сохранении обязательной традиции (для избранных членов группы) использования в ритуале захоронения зеркала; а также удаление от сырьевой базы или центров производства, и, как следствие, невозможности

[11] Типы IV и V по А.М. Хазанову (Хазанов 1963: 62); тип II.3 по М.Г. Мошковой (Мошкова 1963: 42, 43, табл. 28: 12, 15); тип 4.7 по А.С. Скрипкину (Скрипкин 1990: 151); тип 3.1 по В.М. Клепикову (Клепиков 2002: 71).

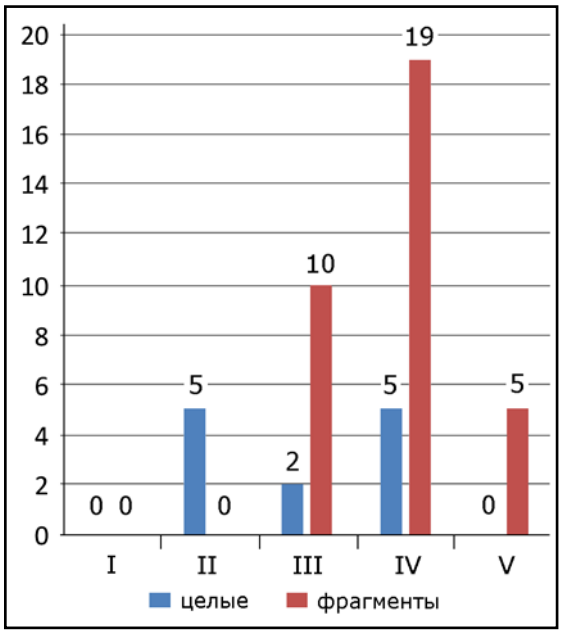

Рис. 6. Состояние помещаемых в погребение зеркал.

Fig. 6. The state of preservation of mirrors used as grave goods.

положить в могилу целый «дорогостоящий» предмет (Кузнецова 1988: 57). Кроме того, появление данного факта именно в период формирования т. н. «прохоровской» культуры с ее характерными курганами-кладбищами, в отличие от индивидуальных захоронений предыдущих периодов, помимо фактора увеличения населения, также может объясняться зарождением традиции «разделения» целого «дорогостоящего» зеркала на фрагменты для последующего его захоронения в одновременных или относительно синхронных погребениях родственников под одной насыпью. Как видно из диаграммы (рис. 6), в третьем и четвертом периодах также сохраняется обычай класть в погребение целый экземпляр, видимо, в тех случаях, когда была такая возможность, но при этом к четвертому периоду резко увеличивается число погребений с фрагментами зеркал. В то же время в пятом периоде, когда наблюдается общее сокращение количества и раннесарматского населения и, соответственно, погребений этого времени, сохраняется традиция использования только фрагментов, возможно, отражая, тем самым, закрепление представления о части зеркала как о символе целого предмета, тогда как оставшейся частью могли вполне продолжать пользоваться живые.

Второй момент касается встречаемости зеркал в комплексе совместно с оружием и вопроса о том, может ли зеркало маркировать половозрастную принадлежность набора инвентаря. На следующей диаграмме (рис. 7) представлены данные о количестве погребений в разные периоды, где зеркала либо сопровождались оружием, либо нет. На последней диаграмме (рис. 8) представлены половозрастные характеристики погребений с зеркалами всех периодов. Как видно, в раннем периоде совместных находок зеркал и оружия не встречено, при этом зеркала сопровождали исключительно женские захоронения. А если вернуться к рис. 6, то все эти зеркала были, к тому же, целые. Начиная с IV в. до н. э. зеркала входят в состав инвентаря погребений, принадлежащих и мужчинам, и женщинам разных возрастных групп (рис. 8), и кроме того, чаще всего это были отдельные фрагменты. Соответственно, практически во всех захоронениях мужчин (в 9 из 11) данная категория инвентаря сопровождалась оружием. И эта тенденция сохраняется до конца раннесарматского времени. Таким образом, наблюдаются некоторые изменения в ритуально-обрядовой практике в отношении зеркала, и оно перестает быть частью исключительно «женского» набора инвентаря, оставаясь при этом предметом, доступным лишь избранной части общества.

Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы. Зеркала присутствуют в погребальном инвентаре лишь 20% захоронений ранних кочевников из покровских могильников, возможно, тем самым отмечая особый статус погребенных. В конце VI—V вв. до н. э. они встречаются в основном в «женских» наборах инвентаря. Начиная с периода формирования «прохоровской» культуры, т. е. с IV в. до н. э., зеркала фиксируются уже у разных групп населения, как женщин, так и детей и мужчин, но по-прежнему не во всех погребениях. В III—II вв. до н. э. отмечается увеличение количества погребений с зеркалами, что, скорее всего, связано с общим увеличением в это время количества комплексов ранних кочевников в могильниках Южного Приуралья. При этом сокращается количество встреченных типов зеркал, что может свидетельствовать о налаживании постоянных контактов с центрами производства или об изготовлении зеркал «под заказ» для кочевников, в результате чего появляются устойчивые типы в большом количестве. Кроме того, увеличение населения и появление курганов-кладбищ приводит к зарождению новой традиции — захоронения части зеркала как символа целого предмета. Попадание зеркала в комплекс «мужского» набора инвентаря наряду с вооружением позволило определить время бытования некото-

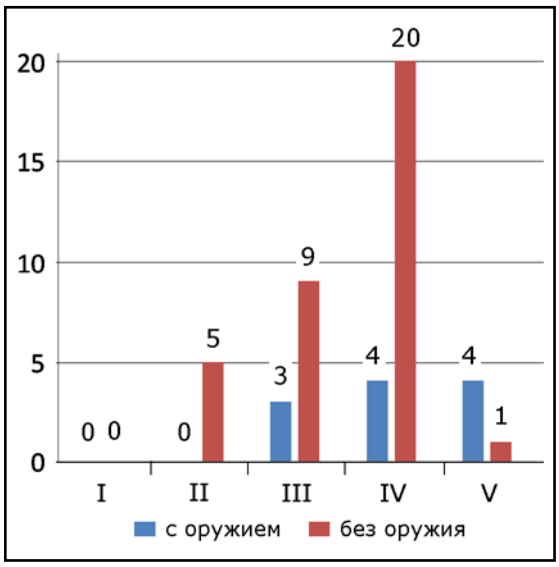

Рис. 7. Встречаемость зеркал в комплексах с оружием.

Fig. 7. Presence of mirrors in the complexes containing weapons.

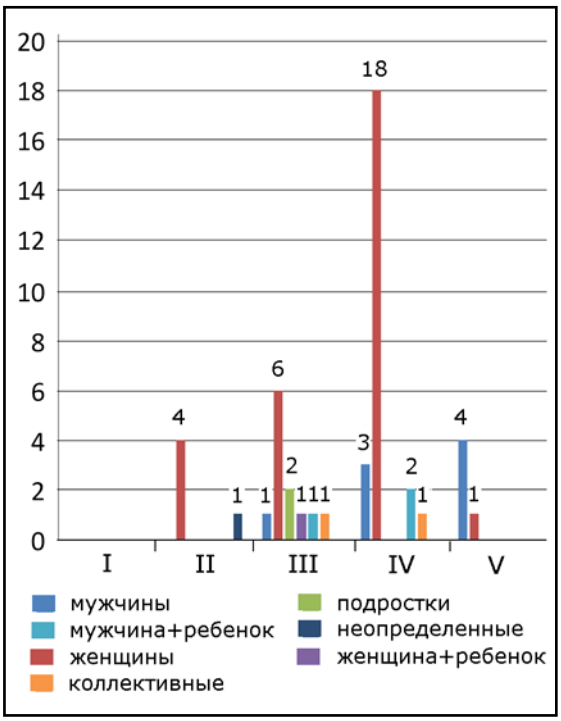

Рис. 8. Половозрастные характеристики захоронений с зеркалами.

Fig. 8. Age-sex characteristics of burials containing mirrors.

рых типов зеркал, которые датируются в широких рамках. По аналогии с такими типами и с учетом стратиграфии, были датированы другие комплексы, где оружие отсутствует. Таким образом, мы получили схему развития и сосуществования типов сарматских зеркал в системе относительной хронологии раннекочевнических комплексов из покровских могильников с V по I вв. до н. э., которая в целом соответствует предложенным ранее гипотезам. Результаты этого исследования могут послужить основой для дальнейшего анализа и датировки сопутствующего инвентаря и особенностей погребального обряда.

Литература

Агеев Б. Б., Сунгатов Ф. А., Вильданов А. А. 1998. Могильник Биш-Уба I. *УАВ* 1, 97—115.

Барцева Т. Б. 1981. *Цветная металлообработка скифского времени.* Москва: Наука.

Берлизов Н. Е. 2009. Еще раз о происхождении зеркал Хазанов-VIII. *ИАА* 9, 58—68.

Болелов С. Б. 2012. Среднеазиатская керамика из курганов Южного Приуралья. Каталог. В: Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т. (ред.). *Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н. э.).* Т. 2. Москва: Таус, 202—210.

Васильев В. Н. 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса. *УАВ* 5, 153—172.

Веддер и др. 1993: Веддер Дж., Егоров В. Л., Девис-Кимболл Дж., Моргунова Н. Л., Трунаева Т. Н., Яблонский Л. Т. 1993. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году. В: Яблонский Л. Т. (ред.). *Курганы левобережного Илека.* Москва: ИА РАН, 18—55.

Железчиков Б. Ф. 1980. *Ранние кочевники Южного Приуралья в VI в. до н. э.— I в. н. э.* Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В. 2006. *Древности Лебедевки (VI—II вв. до н. э.).* Москва: «Восточная литература» РАН.

Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б. 1999. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралья. *АПО* 3, 105—123.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. 1978. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области. *КСИА* 154, 65—70.

Клепиков В. М. 2002. *Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э.* Волгоград: ВГУ.

Кузнецова Т. М. 1988. Зеркала в погребальном обряде сарматов. *СА* (4), 52—61.

Куринских О. И. 2011. Наконечники стрел ранних кочевников Левобережного Илека VI—I вв. до н. э. (по материалам могильников у с. Покровка). *РА* (3), 42—54.

Куринских О. И. 2012. Клинковое оружие ранних кочевников VI—I вв. до н. э. из могильников у с. Покровка (Левобережье Илека). *РА* (2), 72—80.

Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х. 1977. Курганы раннесарматской культуры в Южной и Юго-Восточной Башкирии. В: Кузеев Р. Г. (ред.). *Исследования по археологии Южного Урала.* Уфа: БФ АН СССР, 52—66.

Максименко В. Е. 1983. *Савроматы и сарматы на Нижнем Дону.* Ростов-на-Дону: РГУ.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. 2008. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10.* Москва: Восточная литература.

Малашев В.Ю. 2013. *Позднесарматская культура Южного Приуралья во II—III вв. н.э.* Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Масленников А.А. 1980. Варварское погребение VI в. до н.э. на Керченском полуострове. *КСИА* 162, 89—90.

Мещеряков Д.В., Федоров В.К., Яблонский Л.Т. 2006. Старая коллекция находок из Прохоровки в свете новейших археологических исследований. *РА* (1), 107—116.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника. *АПО* 3, 124—146.

Мошкова М.Г. 1963. *Памятники прохоровской культуры.* САИ Д1—10.

Мошкова М.Г. 1972. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья. *МИА* 153, 49—78.

Пшеничнюк А.Х. 1983. *Культура ранних кочевников Южного Урала*. Москва: Наука.

Равич И.Г. 2006. Некоторые типы высокооловянных горячекованных зеркал сарматского времени и их технологические особенности. *КСИА* 220, 42—51.

Равич И.Г. 2012. Состав и технология изготовления редких форм зеркал из погребений ранних кочевников Южного Приуралья. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 1. Москва: Таус, 247—252.

Равич И.Г., Яблонский Л.Т. 2008. Химико-технологическое изучение сарматских зеркал, найденных в курганных могильниках Оренбургской области. В: Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Ранние кочевники Волго-Уральского региона.* Материалы международной научной конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 97—105.

Ростовцев М.И. 1918. *Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма.* Петроград: Огни.

Сиротин С.В. 2010. Курган №11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии. В: Герасимова М.М., Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. (ред.). *Археология и антропология евразийских степей и сопредельных территорий.* МИАР 13. Москва: Таус, 323—338.

Скрипкин А.С. 1990. *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект.* Саратов: Изд-во Саратовского университета.

Смирнов К.Ф. 1964. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов.* Москва: Наука.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. 1963. *Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.* САИ Д1—9.

Трейстер М.Ю. 2012. Бронзовые зеркала из Южного Приуралья: ближневосточные и южноазиатские импорты и местные подражания. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 1. Москва: Таус, 120—133.

Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. 2012. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Покровка. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 2. Москва: Таус, 54—64.

Хазанов А.М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал. *СА* (3), 58—71.

Яблонский Л.Т. 2010. *Прохоровка: у истоков сарматской археологии.* МИАР 12. Москва.

Яблонский и др. 1994: Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Девис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году. В: Яблонский Л.Т. (ред.). *Курганы левобережного Илека* 2. Москва: ИА РАН, 4—60.

Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю. 2005. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10. *НАВ* 7, 149—213.

Яблонский и др. 1995: Яблонский Л.Т., Девис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. 1995. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 г. В: Яблонский Л.Т. (ред.). *Курганы левобережного Илека* 3. Москва: ИА РАН, 9—47.

Яблонский и др. 1996: Яблонский Л.Т., Девис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю. 1996. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 г. В: Яблонский Л.Т. (ред.). *Курганы левобережного Илека* 4. Москва: ИА РАН, 7—48.

References

Ageev, B. B., Sungatov, F. A., Vildanov, A. A. 1998. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa archaeological bulletin)* 1, 97—115 (in Russian).

Bartseva, T. B. 1981. *Tsvetnaia metalloobrabotka skifskogo vremeni (Non-ferrous metal working from Scythian time).* Moscow: Nauka (in Russian).

Berlizov, N. E. 2009. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical-archaeological almanac)* 9, 58—68 (in Russian).

Bolelov, S. B. 2012. In *Vliianie akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V—III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid culture in the Southern Ural region (5th—3rd centuries BC)).* Vol. 2. Moscow: Taus, 202—210 (in Russian).

Vasilyev, V. N. 2004. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa archaeological bulletin)* 5, 153—172 (in Russian).

Vedder, J., Egorov, V. L., Davis-Kimball, J., Morgunova, N. L., Trunaeva, T. N., Yablonsky, L. T. 1993. In *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Barrows of the left-Bank Ilek).* Moscow: IA RAN, 18—55 (in Russian).

Zhelezchikov, B. F. 1980. *Rannie kochevniki Iuzhnogo Priural'ia v VI v. do n. e. — I v. n. e. (Early nomads from Southern Ural region in 6th century BC — 1st century AD).* PhD Diss. Moscow (in Russian).

Zhelezchikov, B. F., Klepikov, V. M., Sergatskov, I. V. 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI—II vv. do n. e.) (Antiquities of Lebedevka (6th—2nd centuries BC)).* Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Zuev, V. Yu., Ismagilov, R. B. 1999. In *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological sites of Orenburg region)* 3, 105—123 (in Russian).

Kadyrbaev, M. K., Kurmankulov, Zh. K. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 154, 65—70 (in Russian).

Klepikov, V. M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ia v IV—III vv. do n. e. (Sarmatians of Lower Volga region in 4th—3rd centuries BC).* Volgograd: VGU (in Russian).

Kuznetsova, T. M. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 52—61 (in Russian).

Kurinskikh, O. I. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 42—54 (in Russian).

Kurinskikh, O. I. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 72—80 (in Russian).

Mazhitov, N. A., Pshenichnyuk, A. Kh. 1977. In *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Researches into the archaeology of Southern Ural).* Ufa: BF AN SSSR, 52—66 (in Russian).

Maksimenko, V. E. 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu (Sauromatians and Sarmatians of the Lower Don region).* Rostov-na-Donu: RGU (in Russian).

Malashev, V. Yu., Yablonsky, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie Iuzhno-*

go Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (Steppe population of Southern Ural region in late Sarmatian time: basing on the materials from Pokrovka 10 necropolis). Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Malashev, V. Yu. 2013. *Pozdnesarmatskaia kul'tura Iuzhnogo Priural'ia vo II—III vv. n. e. (Late Sarmatian culture of Southern Ural region in 2nd—3rd centuries AD).* PhD Diss. Moscow (in Russian).

Maslennikov, A. A. 1980. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 162, 89—90 (in Russian).

Meshcheryakov, D. V., Fedorov, V. K., Yablonsky, L. T. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 107—116 (in Russian).

Morgunova, N. L., Meshcheryakov, D. V. 1999. In *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological sites of Orenburg region)*3, 124—146 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Sites of prokhorovskaia culture).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—10 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1972. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 153, 49—78.

Pshenichnyuk, A. Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Iuzhnogo Urala (Culture of early nomads from Southern Ural region).* Moscow: Nauka (in Russian).

Ravich, I. G. 2006. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 220, 42—51 (in Russian).

Ravich, I. G. 2012. In *Vliianie akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V—III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid culture in the Southern Ural region (5th—3rd centuries BC)).* Vol. 1. Moscow: Taus, 247—252 (in Russian).

Ravich, I. G., Yablonsky, L. T. 2008. In *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona (Early nomads of the Volga-Ural region).* Orenburg: OGPU, 97—105 (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 1918. *Kurgannye nakhodki Orenburgskoi oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma (Tumular finds of the Orenburg region from Early and Late Hellinistic period).* Petrograd: Ogni (in Russian).

Sirotin, S. V. 2010. In *Arkheologiia i antropologiia evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and anthropology of the Eurasian steppes and adjacent territories).* Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and researces on the archaeology of Russia) 13. Moscow: Taus, 323—338 (in Russian).

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt (Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect).* Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (Sauromatians. Early history and culture of sarmatians).* Moscow: Nauka (in Russian).

Smirnov, K. F., Petrenko, V. G. 1963. *Savromaty Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia (Sauromatians of Volga and Southern Ural regions).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—9 (in Russian).

Treister, M. Yu. 2012. In *Vliianie akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V—III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid culture in the Southern Ural region (5th—3rd centuries BC)).* Vol. 1. Moscow: Taus, 120—133 (in Russian).

Treister, M. Yu., Shemakhanskaya, M. S., Yablonsky, L. T. 2012. In *Vliianie akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V-III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid culture in the Southern Ural region (5th—3rd centuries BC)).* Vol. 2. Moscow: Taus, 54—64 (in Russian).

Khazanov, A. M. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 58—71 (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2010. *Prokhorovka: u istokov sarmatskoi arkheologii (Prokhorovka: at the origins of Sarmatian archaeology).* Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and researces on the archaeology of Russia) 12. Moscow (in Russian).

Yablonsky, L. T., Trunaeva, T. N., Vedder, J., Davis-Kimball, J., Egorov, V. L. 1994. In *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Barrows of the left-Bank Ilek)* 2. Moscow: IA RAN, 4—60 (in Russian).

Yablonsky, L. T., Malashev, V. Yu. 2005. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)* 7, 149—213 (in Russian).

Yablonsky, L. T., Davis-Kimball, J., Demidenko, Yu. V. 1995. In *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Barrows of the left-Bank Ilek)* 3. Moscow: IA RAN, 9—47 (in Russian).

Yablonsky, L. T., Davis-Kimball, J., Demidenko, Yu. V., Malashev, V. Yu. 1996. In *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Barrows of the left-Bank Ilek)* 4. Moscow: IA RAN, 7—48 (in Russian).

Статья поступила в номер 30 декабря 2013 г.

Olga Frizen (Moscow, Russia). The State Museum of Oriental Art[1].

Olga Frizen (Moscova, Rusia). Muzeul Oriental de Stat.

Фризен Ольга Ивановна (Москва, Россия). Государственный музей Востока.

E-mail: olgarha@yandex.ru

Address: [1] Nikitsky Bd., 12a, Moscow, 119019, Russia

Д. А. Топал

Финальная линия развития мечей классической Скифии. Соотношение типов Чертомлык и Шульговка

Keywords: Northern Pontic region, Scythian culture, Classical period, 400—300 BC, akinakai, single-edged blade weapon, typology, chronology, Chertomlyk.

Cuvinte cheie: spațiul Nord-Pontic, cultura scitică, perioada clasică, sec. IV î. Hr., akinakai, arme cu un singur tăiș, tipologie, cronologie, Certomlîk.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, скифская культура, классический период, IV в. до н. э., акинак, однолезвийное оружие, типология, хронология, Чертомлык.

D. A. Topal

Final Evolutionary Lineage of Scythian Swords in Classical Period. Corelation of Chertomlyk and Shulgovka Types

Since the beginning of 20th c. many researchers have paid attention to a series of Scythian swords with rounded pommel, oval handle and pseudo-triangle hilt. It is proposed to assign to this phenomena the following term — Chertomlyk type. Chronological analysis of burial complexes showed that this type was developed throughout the 4th c. BC., and the chronological frames of its biggest distribution are 350—325 BC. Chertomlyk type of akinakai is closely related to a group of ceremonial single-edged blade weapons — so-called Shulgovka type. It is obvious that in 4th c. BC centers of production of bladed weaponry moved to the South. Also, it is clear that at the end of Classical period the area of Scythian swords and daggers significantly contracts (comparing to the earlier types): the Eastern boundary of burial complexes is along the Don river, although complexes with Solokha type akinakai reached the Urals. The trajectory of this final line of evolutionary lineage reflects centrifugal trends in Scythian culture of late 4th c. BC, particularly leading to dissappearance of akinakai as a cultural tradition. Besides that, all these observations contradict to the widespread assertion, that the number of Scythian burials with akinakai had notably increased by 4th—3rd cc. BC.

D. A. Topal

Linia finală de evoluție a spadelor Sciției clasice. Raportul dintre tipurile Certomlîk și Șulgovka

Încă de la începutul sec. XX, mai mulți cercetători au atras atenția asupra unei serii de spade scitice cu vârful rotunjit, tija mânerului ovală și garda pseudo-triunghiulară. Propunem atribuirea acestor piese „tipului Certomlîk". Analiza cronologică a complexelor funerare a arătat, că tipul respectiv circula pe parcursul întregului sec. IV î. Hr., cunoscând o răspândire maximă în cel de-al treilea sfert al secolului. Începând cu a doua jumătate a sec. IV î. Hr., de tipul Certomlîk este strâns legat un grup de spade cu un tăiș, care pot fi considerate de paradă și aparțin tipului Șulgovka. Este evident, că în sec. IV î. Hr., centrele de producere a armamentului cu un tăiș au început să se deplaseze spre sud. De asemenea, putem nota o reducere considerabilă a arealului spadelor și pumnalelor scitice în raport cu perioada mai timpurie — limita estică a complexelor funerare cu akinakai de tip Certomlîk acum trece pe Don, cu toate că unele complexe cu akinakai de tip Soloha ajungeau după Ural. Traiectoria acestei linii finale de evoluție a pieselor scitice de tip akinakai reflectă tendințele eferente din cultura scitică de la sfârșitul sec. IV, care au adus, printre altele, la dispariția fenomenului spadelor de tip akinakai ca o tradiție culturală propriu-zisă, în pofida afirmațiilor destul de răspîndite conform cărora numărul de morminte scitice cu armament cu tăiș cunoaște o creștere considerabilă în sec. IV—III î. Hr.

Д. А. Топал

Финальная линия развития мечей классической Скифии. Соотношение типов Чертомлык и Шульговка

С начала XX в. многие исследователи обращали внимание на серию скифских мечей с округлым навершием, овальным стержнем рукояти и ложнотреугольным перекрестьем. Предлагается закрепить за этим типом термин «тип Чертомлык». Хронологический анализ погребальных комплексов показал, что данный тип развивался в течении всего IV в. до н. э., а время его наибольшего распространения охватывает третью четверть столетия. С типом Чертомлык, начиная со второй половины IV в. до н. э., тесно связана группа парадных форм однолезвийного оружия — тип Шульговка. Очевидно, что в IV в. до н. э. центры производства клинкового оружия стали смещаться в южном направлении. Также отмечается значительное сужение ареала скифских мечей и кинжалов по сравнению с более ранним временем — восточная граница погребальных комплексов с акинаками типа Чертомлык теперь проходит по Дону, хотя комплексы с акинаками типа Солоха достигали Зауралья. Траектория этой финальной линии развития скифских акинаков является отражением центробежных тенденций в скифской культуре конца IV в., приведших, в частности, и к исчезновению самого акинака как культурной традиции, несмотря на расхожее утверждение, что к IV—III вв. до н. э. число скифских погребений с клинковым оружием заметно увеличивается.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© Д. А. Топал, 2014.

Еще М.И. Ростовцев, в поисках аналогий мечу из Частых курганов, обратил внимание на «необычайную типичность» рукоятей ряда мечей (из Чертомлыка, Куль-Обы, кургана мирзы Кекуватского и др.) и пришел к выводу об их одновременности (Ростовцев 1914: 89, 90; 1914а: 11, 12). В. Гинтерс, развивая эту идею, выделил группу «мечей с уплощенно-овальным навершием» (Ginters 1928: 33—36). Б.Н. Граков называл подобное оформление рукояти *чертомлыкско-кульобским типом* (Граков 1947: 112). А.И. Мелюкова объединила эту группу в 3-й тип I-го отдела (Мелюкова 1964: 51, 52), отделив от них, правда, находку из кургана мирзы Кекуватского и кургана Карагодеуашх в 6-й тип (Мелюкова 1964: 53). В литературе нередко употребляется словосочетание «чертомлыкская серия» или даже «чертомлыкский тип» применительно к оформлению ножен и рукоятей (Ginters 1928: 26; Черненко 1980: 67—69; 1981: 103; Гуляев 2004: 14; 2008: 168; 2009: 147, 148). А.Ю. Алексееву также удалось выделить этот тип исходя из взаимовстречаемости «черт»-признаков[1] (тип 3 по: Алексеев 1991а: 276). По мнению А.Ю. Алексеева, тип оформился под влиянием эллинского оружия, т.к. овальные рукояти характерны для греческих ксифосов[2], а некоторые из мечей, отнесенных им к этому типу, являются однолезвийными (Алексеев 1991а: 278). С точки зрения соблюдения чистоты археологической номенклатуры (дабы не плодить сущности без необходимости), было бы разумно закрепить за серией мечей классической Скифии с овальным навершием, подовальным стержнем рукояти, ложнотреугольным перекрестьем и треугольным клинком историографически сложившийся термин — *тип Чертомлык*. Для большинства из них характерно украшение рукояти, навершия и перекрестья в зверином стиле, часть мечей была плакирована золотом по кованому рельефу. Традиционно считается, что, поскольку мечи «чертомлыкской серии» сочетают элементы греко-варварского искусства и часть из них найдена на Боспоре, можно говорить об их принадлежности к его мастерским (Онайко 1970: 31). Однако, согласно наблюдениям В.И. Гуляева, орнамент на рукоятях был нанесен при помощи ковки, а не пунсонной матрицы, а золотым листом рукояти покрывались непосредственно перед похоронами, недалеко от места погребения (Гуляев 2009: 163, 164).

Необходимо детально рассмотреть хронологические позиции комплексов с мечами данного типа. В кургане Чертомлык, в центральном погребении, было обнаружено пять двулезвийных однотипных мечей, из которых в настоящее время известно четыре[3] (рис. 1: 3, 4, 12, 13). Три из них (рис. 1: 4, 12, 13) найдены в нише К камеры №5 воткнутыми в стенку (ДГС 1872: 112, табл. XL: 9, 12, 14; Recueil d'antiquités... 1873: tabl. XL; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: кат. 186, 187). Рядом с известным ахеменидским мечом был найден еще один, от которого сохранилась лишь рукоять (рис. 1: 3) (ДГС 1872: табл. XXXVII: 3; Recueil d'antiquités 1873: tabl. XXXVII; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: кат. 184). Первоначально И.Б. Брашинский датировал курган Чертомлык по синопскому клейму из насыпи концом IV — III вв. до н.э. (Брашинский 1965: 100, 101). М.И. Артамонов, анализируя изображения на серебряной вазе и блюде из Чертомлыка, поместил курган между первой четвертью и серединой IV в. до н.э. (Артамонов 1966: 52). Н.А. Онайко датировала чернолаковые сосуды из кургана серединой — третьей четвертью IV в. до н.э., херсонесское клеймо — первой половиной III в. до н.э., а синопское — концом IV — началом III вв. до н.э. (Онайко 1970: 99). А.Ю. Алексеев предложил несколько датировок комплекса разной степени точности. «Широкая» дата (по ахеменидскому мечу и амфорным клеймам из насыпи) охватывает V — рубеж IV—III вв. до н.э., «узкая» (по некоторым нашивным бляшкам, наконечникам стрел и бронзовым навершиям) — 330—300 гг. до н.э. (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: 130, 131). Хотя «ядро» чертомлыкского комплекса (включая парадный воинский набор «троянской серии»), по мнению А.Ю. Алексеева, относится к 350—320 гг.

[1] В графе, иллюстрирующем взаимовстречаемость признаков, перепутаны местами подписи типа 3 и 4 (Алексеев 1991а: рис. 38). Тем не менее, самые сильные связи, характеризующие этот тип, присущи следующим признакам — «навершие овальное», «рукоять овальная», «перекрестье ложнотреугольное», различные виды орнаментации рукояти, навершия и перекрестья и «золотая обкладка рукояти» (Алексеев 1991а: табл. I).

[2] Ранее это предположение более осторожно высказывали А.И. Мелюкова и Е.В. Черненко (Мелюкова 1964: 53; Черненко 1977: 126). Все-таки, овальные рукояти у акинаков встречались и ранее, начиная с VI в. до н.э., на территории, не испытывавшей сильного греческого влияния (например, в Трансильвании и Альфёльде).

[3] Всего из кургана Чертомлык известно 7 мечей, один из которых — ахеменидского облика, другой — однолезвийный. Еще один меч, так и не опубликованный И.Е. Забелиным, был, по всей видимости, найден в нише F камеры №5 (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: 103, кат. 185).

до н. э., однако, более поздние изделия указывают на последнюю треть столетия (Алексеев 2003: 268). С этим выводом принципиально не согласен С. В. Полин, основываясь, прежде всего, на аналогиях вещевому комплексу, которые указывают на середину — третью четверть IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин 2005: 370), а также С. Ю. Монахов, датировавший комплекс концом 340-х — первой половиной 330-х гг. до н. э. (Монахов 1999: 368, 578). Интересно, что нижняя хронологическая граница отчасти подтверждается радиокарбонным датированием — комбинированные даты (2217±20 BP, 2217±42 BP, 2228±26 BP) дают наиболее вероятный интервал 330/320—200 гг. до н. э. (Евразия... 2005: 206, 207).

Кроме специфического оформления рукояти чертомлыкского типа, выделяется серия плакированных золотом ножен «чертомлыкской серии». Ножнам из Чертомлыка (рис. 1: 2) близки обкладки ножен из 8 Пятибратнего кургана (рис. 1: 10) и ножны из музея Метрополитен (найденные, предположительно, в Крыму у с. Чаян[4]) (рис. 4) (Richter 1932: 109—112, fig. 3). Эти престижные наборы, а также гориты «троянской серии» (в том числе из Вергины), по мнению М. Ю. Трейстера, были изготовлены в боспорских мастерских в 360—340 гг. до н. э. (Treister 1999: 79). Предположение о том, что предметы троянской серии были изготовлены около 350 г. до н. э. и начали поступать в аристократические комплексы с 340-х гг. до н. э., ранее высказывали А. Н. Щеглов и В. И. Кац (Shcheglov, Katz 1991: 103), считая при этом Чертомлык наиболее поздним из них. По мнению А. Ю. Алексеева, стилистические особенности деталей и изображений на предметах серии не могут быть датированы точнее середины — начала последней четверти IV в. до н. э., а обращение к сюжетам троянского цикла могло быть стимулировано походом Александра. Поэтому нижняя дата изготовления этих вещей ограничивается 334 г. до н. э. (Алексеев 2003: 245). Тем не менее, некоторые детали изображений на ножнах «чертомлыкского» типа (наиболее существенная из них — наличие длинного копья в руках всадника), по некоторым данным, могут относиться ко времени после 331 г. до н. э. (Нефедкин 1998: 76).

На ножнах меча из кургана 8 группы «Пять братьев» (рис. 1: 10) изображены сцены, аналогичные тем, что мы видим на золотой обкладке ножен из Чертомлыка. Овальная форма его навершия и треугольно-сердцевидная — перекрестья сходны с теми, что представлены на мечах из Чертомлыкского кургана (Шилов 1961: 158, 159; Золотые олени... 2003: 57), а изображения животных на его рукояти полностью повторяют рисунок на рукояти меча из ниши К камеры №5 центральной гробницы (ДГС 1872: XXXVII). И. В. Брашинский отнес данный комплекс к рубежу третьей и последней четвертей IV в. до н. э. (Брашинский 1984: 139), С. Ю. Монахов датирует амфорный комплекс из кургана 8 группы «Пять братьев» временем от второй половины 50-х до середины 30-х гг. IV в. до н. э. (Монахов 1999: 362). Курган мирзы Кекуватского (Antiquités... 1892: табл. XXVII: 9; Ростовцев 1914: табл. V: 3; Ginters 1928: 34, Taf. 17: b, c) с рукоятью меча, аналогичной чертомлыкскому (рис. 1: 15), по находкам расписной пелики и остродонной амфоры датируют серединой IV в. до н. э. (Яковенко 1974: 65; Виноградов 2005: 271).

В Прикубанье, в кургане Карагодеуашх был обнаружен меч, от которого сохранилась железная рукоять, покрытая листовым золотом (рис. 1: 16). Эта находка близка мечам из Чертомлыка и Куль-Обы (Лаппо-Данилевский 1894: 53; Мальмберг 1894: 128, табл. V: 3). Стержень рукояти слегка утолщен посередине, верхняя часть (вероятно, речь идет о навершии) — почти эллипсоидной формы. Авторы первой публикации датировали его в пределах IV—III вв. до н. э., М. И. Артамонов считал его одновременным Александропольскому кургану и датировал концом IV в. до н. э. (Артамонов 1966: 74, 75). Анализ вещевого комплекса (включая античную керамику) указывает на хронологическую близость Карагодеуашха к курганам Чертомлык и Куль-Оба (Вахтина 1999: 205—207; 2009: 39). Раннехерсонесские амфоры, найденные в Карагодеуашхе, датируются не позже третьей четверти IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин 2005: 365), и, несмотря на возможность удревнения нижней границы до 360-х гг., наиболее вероятной датой кургана остается третья четверть IV в. до н. э. или 340-е — первая половина 320-х гг. (Монахов 1999: 412, 578).

К чертомлыкскому типу, с большой степенью вероятности, относится меч, обнаруженный в погребении кургана 7 близ г. Борисполь[5] (рис. 1: 5), в группе «Язвена Могила» (Яковенко 1965: 157, табл. III: 3). От деревянных ножен

[4] Подробнее об этой наиболее правдоподобной версии см.: Shcheglov, Katz 1991: 112—114. В разное время эту находку локализовали от района Никополя в Среднем Поднепровье (Артамонов 1966: 79) до окрестностей Константинополя (Манцевич 1987: 71).

[5] Иногда в публикациях в качестве пункта привязки указывается с. Иванков Бориспольского района Киевской области (Фиалко 1994: 9).

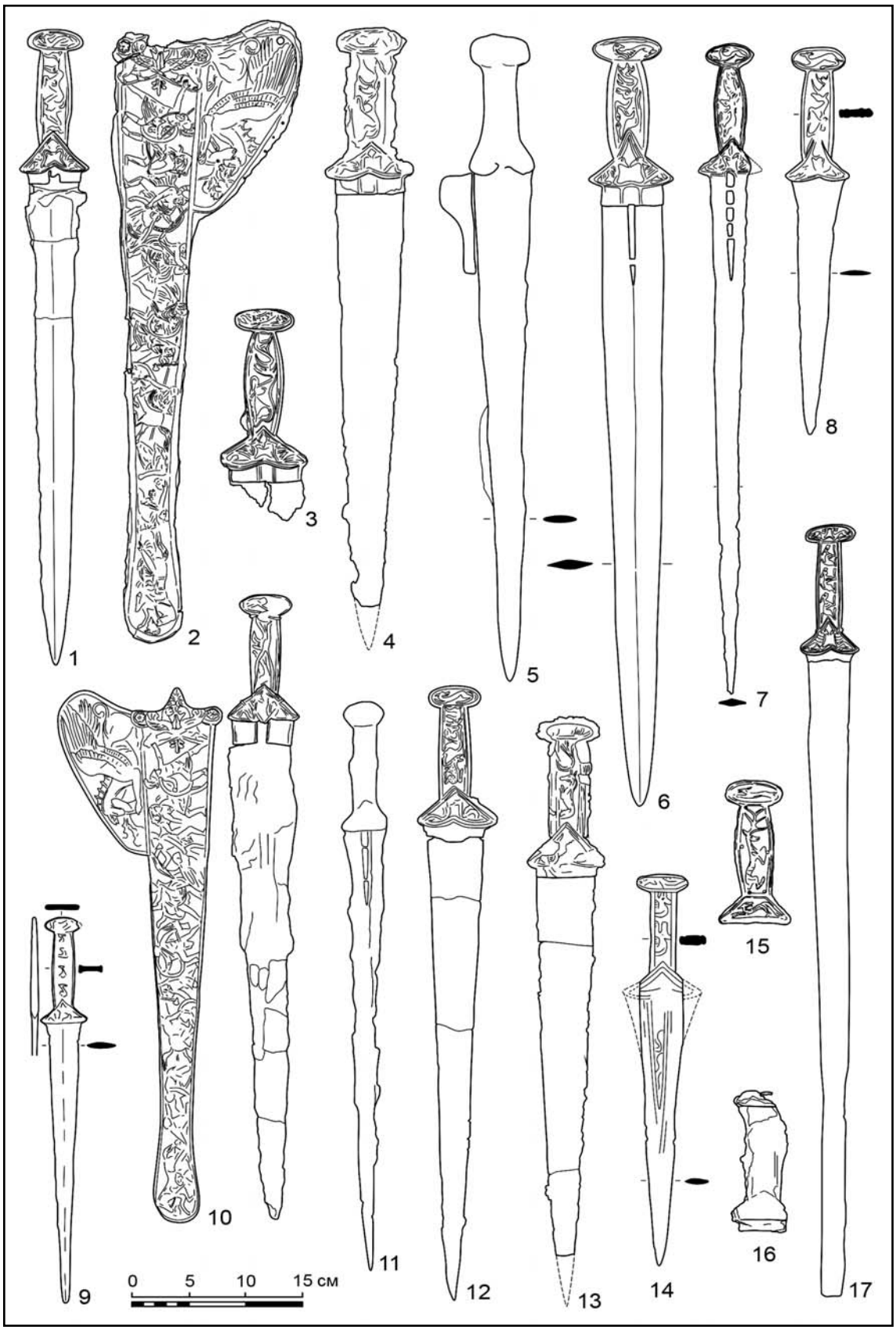

Рис. 1. Акинаки типа Чертомлык: 1 — Старый Мерчик, к. 11, п. 1; 2—4, 12, 13 — Чертомлык; 5 — Бориспольский могильник, к. 7, п. 1; 6 — Колбино, к. 7, п. 1; 7 — Колбино, к. 36; 8 — Нугушское водохранилище; 9 — Дубенский район (колл. Б.Н. Ханенко); 10 — Елизаветовский могильник, «Пять братьев», к. 8; 11 — Ходорков, к. 61, п. 1; 14 — Петропавловка; 15 — курган Кекуватского; 16 — курган Карагодеуашх; 17 — Частые курганы, к. 3. (рисунки автора по: Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: кат. 186, 187; Бандуровский, Буйнов 2000: рис. 20: 1; Гуляев

2008: рис. 1: 4, 5; ДГС 1872: 112, табл. XL: 9, 12, 14; XXXVII; Древности... 1900: табл. XXXVIII: 167; Замятнин 1946: рис. 11; Исмагилов 1978: 22, рис. 3; 2001: 121, табл. II: 15; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 121, рис. 38: 3; Лаппо-Данилевский 1894: 53; Либеров 1965: 73, табл. 17: 1, 2; Мальмберг 1894: 128, табл. V: 3; Махортых, Иевлев 2001: рис. 2: 2; Ростовцев 1914, табл. II, 5; V: 3; Яковенко 1965: 157, табл. III: 3; Antiquités... 1892: табл. XXVII: 9; Ginters 1928: 34, Taf. 17: b, c; Recueil d'antiquités... 1873: tabl. XL).

Fig. 1. Akinakai of Chertomlyk type: 1 — Staryi Merchik, t. 11, gr. 1; 2—4, 12, 13 — Chertomlyk; 5 — Borispol burial ground, t. 7, gr. 1; 6 — Kolbino, t. 7, gr. 1; 7 — Kolbino, t. 36; 8 — Nugush river reservoir; 9 — Dubno region (collection of B.N. Khanenko); 10 — Elizavetovskaya burial ground, "Five Brothers" group, t. 8; 11 — Khodorkov, t. 61, gr. 1; 14 — Petropavlovka; 15 — Kekuvatskii burial mound; 16 — Karagodeuashkh burial mound; 17 — Chastye Kurgany, t. 3 (drawings by the author after: Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: кат. 186, 187; Бандуровский, Буйнов 2000: рис. 20: 1; Гуляев 2008: рис. 1: 4, 5; ДГС 1872: 112, табл. XL: 9, 12, 14; XXXVII; Древности... 1900: табл. XXXVIII: 167; Замятнин 1946: рис. 11; Исмагилов 1978: 22, рис. 3; 2001: 121, табл. II: 15; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 121, рис. 38: 3; Лаппо-Данилевский 1894: 53; Либеров 1965: 73, табл. 17: 1, 2; Мальмберг 1894: 128, табл. V: 3; Махортых, Иевлев 2001: рис. 2: 2; Ростовцев 1914, табл. II, 5; V: 3; Яковенко 1965: 157, табл. III: 3; Antiquités... 1892: табл. XXVII: 9; Ginters 1928: 34, Taf. 17: b, c; Recueil d'antiquités... 1873: tabl. XL).

сохранились остатки двух лопастей — верхней и нижней, вероятно, подобных тем, что на ножнах у меча из кургана Солоха. В аристократическом погребении (№1) кургана 11 у с. Старый Мерчик был найден меч с овальным навершием, рукоять которого была обтянута золотым листом (рис. 1: 1). На перекрестье отчеканены фигуры грифонов, сидящих друг напротив друга, на подовальном стержне — лежащий олень и хищник (Бандуровский, Буйнов 2000: рис. 20: 1). Этот комплекс содержал инвентарь второй половины IV в. до н.э., включая чернолаковую миску редкого типа, серебряный кубок, фрагменты серебряной чаши (Бандуровский, Буйнов 2000: 61, 67). Более узко авторы раскопок датировали его временем между возведением кургана Солоха и курганов Чертомлык и Куль-Оба — «340—325 гг. до н.э.» (Бандуровский, Буйнов 1999: 23, 24; 2000: 69), отмечая при этом сходство с набором вещей из кургана 8 у с. Пески (Гребенников 1987: рис. 5).

К типу Чертомлык, по всей видимости, относится меч с овальным навершием и ложнотреугольным перекрестьем из погребения 1 кургана 61 у с. Ходорков (урочище «Быковщина») Попельнянского района Житомирской области (рис. 1: 11) (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 121, рис. 38: 3). Автором раскопок отмечена интересная деталь в оформлении треугольного клинка — «в верхней части находилась треугольная скважина, разделенная двумя поперечными перемычками», что однозначно указывает на ажурность клинка (Антонович 1893: 13). Курган датирован IV в. до н.э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 139).

Одним из первых на Среднем Дону, в группе «Частых курганов» близ Воронежа, в кургане 3, был обнаружен меч, удивительно близкий по декору и морфологии чертомлыкским (рис. 1: 17) (Ростовцев 1914: 11, табл. II: 5; 1914а; Замятнин 1946: рис. 11; Либеров 1965: 73, табл. 17: 1, 2). М.И. Ростовцев датировал воронежский меч, как и всю чертомлыкскую серию, второй половиной IV — началом III вв. до н.э., отмечая особый расцвет этого типа в первой половине III в. до н.э. (Ростовцев 1914: 12). С.Н. Замятнин отнес первые курганы из группы «Частых» (включая 3-й) к последнему периоду функционирования могильника — ко второй половине IV в. до н.э. (Замятнин 1946: 48; Савченко 2004: табл. 13).

Мечи из погребений курганов 9 (рис. 2: 17) и 10 (рис. 2: 15) у с. Дуровка, исходя из овального навершия и подтреугольного перекрестья, также можно отнести к типу Чертомлык (Пузикова 1969: рис. 6: 3, 4, 5; 2001: рис. 30: 2, 3). Оригинально оформлена железная рукоять одного из мечей из кургана 9 (рис. 2: 12) — она обложена фигурными пластинками из серебра и золота (Пузикова 1969: 93, рис. 6: 1, 2). Таким же образом, но костяными накладками при помощи бронзовых заклепок оформлена рукоять меча из погребения 3 кургана 3 у с. Дудчаны Херсонской области (рис. 2: 9) (Фридман 1987: рис. 6: 2). Курган датирован автором раскопок серединой IV в. до н.э.[6], причем упоминается аналогичная рукоять из неопубликованного погребения 1 кургана 7 у с. Подовое (Фридман 1987: 170). Таким образом, выделяется целая серия мечей с подобным оформлением. Среди них, например, меч из кургана 4 у с. Ильинка (рис. 2: 13) (близ Каменского городища) Каменско-Днепровского района Запорожской области (Плешивенко 1991: 61, рис. 6: 3). Металлическая основа его рукояти покрыта с двух сторон деревянными, а сверху украшена фигурными костяными пластинами, прикрепленными при помощи бронзовых заклепок. По чернолаковому канфаровидному килику курган отнесен ко второй-третьей четверти IV в. до н.э. (Плешивенко 1991: 71).

[6] А.Ю. Алексеев отнес его к третьей четверти IV в. до н.э. (Алексеев 2006: 57).

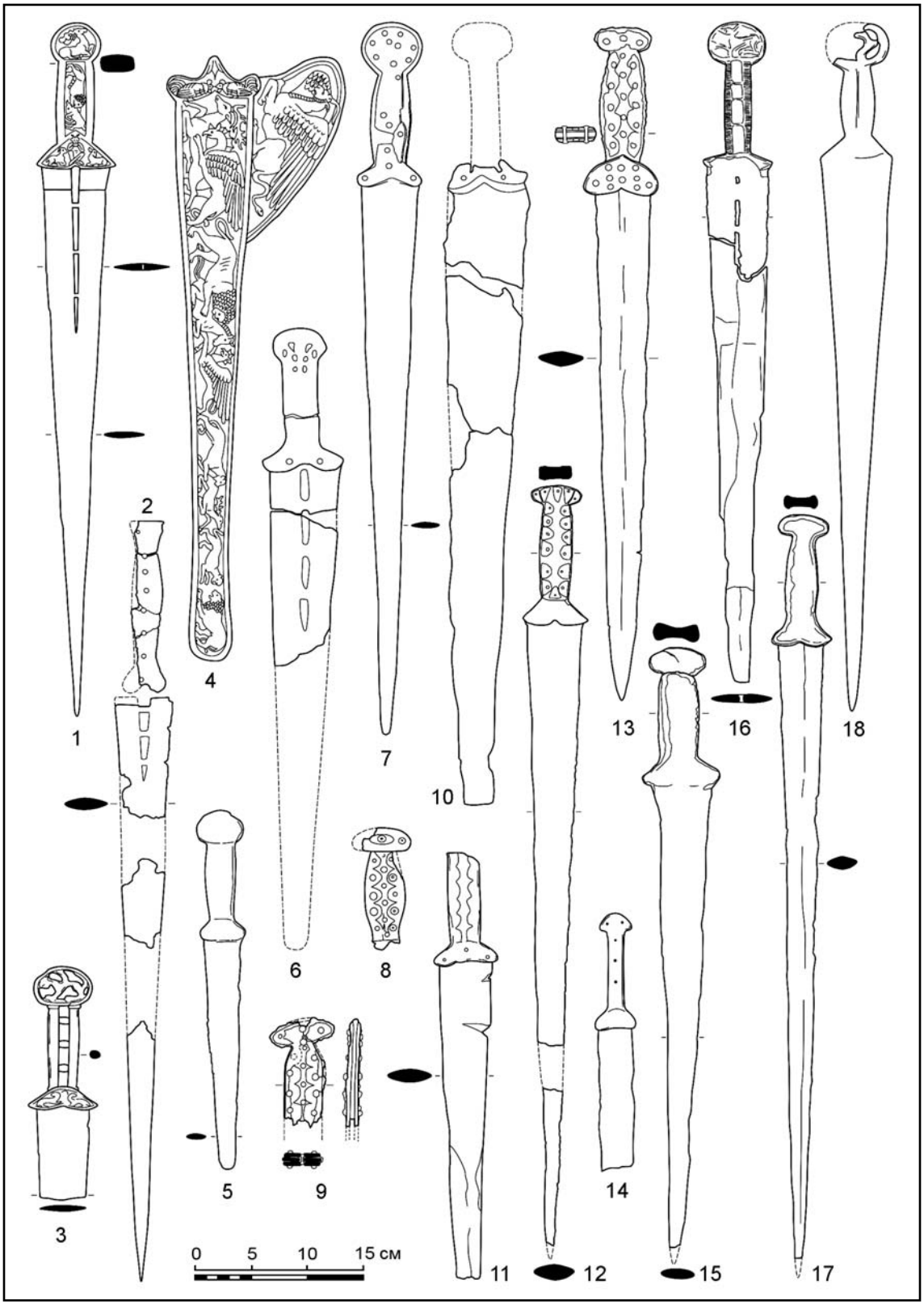

Рис. 2. Акинаки типа Чертомлык: 1, 4 — Толстая Могила; 2 — Капуловка-I, к. 2; 3 — Хвощевая лесная дача (с. Милорадово); 5 — Плискачевка; 6, 10 — Солоха; 7 — Макеевка, к. 489; 8 — Шульговка, I-й курган, меч №2; 9 — Дудчаны, к. 3, п. 3; 11 — Новорайск; 12, 17 — Дуровка, к. 9; 13 — Белозерка (с. Ильинка), к. 4, п. 2; 14 — Широкое-II, к. 62, п. 1; 15 — Дуровка, к. 10; 16 — Горняцкий; 18 — недокументированный меч из собрания Государственного Эрмитажа; 19 — Каневский уезд (рисунки автора по: Алексеев 2006: рис. 1: 2; Галанина 1977: табл. 10: 21; История Луганского края 2003: 83, рис. 17; Манцевич 1987: 46, кат. 30, 50; Мозолевський 1979: 69—73, рис. 52—56; Петренко 1967: 42, табл. 33: 4, 8; Плешивенко 1991: 61, рис. 6: 3; Пузикова 1969: рис. 6: 3, 4, 5; 2001: рис. 30: 2, 3; Рудинський 1928: 50, табл. VII: 2; Сокольский 1954: 133, табл. II: 2; Тереножкин и др. 1973:

177, рис. 3: 18, 26; Філатов, Черненко 1972: 123, рис. 1; Фридман 1987: рис. 6: 2; Черненко, Бунятян 1977: 81, табл. XXI; Шахров 1990: 76, рис. 3: 4; Шкурко 1982: табл. V: 2).

Fig. 2. Akinakai of Chertomlyk type: 1, 4 — Tolstaya Mogila burial mound; 2 — Kapulovka-I, t.2; 3 — Khvoshchevaya lesnaya dacha (Miloradovo); 5 — Pliskachevka; 6, 10 — Solokha burial mound; 7 — Makeevka, t. 489; 8 — Shulgovka, 1st tumulus, sword no.2; 9 — Dudchany, t. 3, gr. 3; 11 — Novoraisk; 12, 17 — Durovka, t. 9; 13 — Belozerka (Ilyinka), t. 4, gr. 2; 14 — Shirokoe-II, t. 62, gr. 1; 15 — Durovka, t. 10; 16 — Gornyatsky; 18 — State Hermitage Museum, undocumented; 19 — Kanev region (drawings by the author after: Алексеев 2006: рис. 1: 2; Галанина 1977: табл. 10: 21; История Луганского края 2003: 83, рис. 17; Манцевич 1987: 46, кат. 30, 50; Мозолевський 1979: 69—73, рис. 52—56; Петренко 1967: 42, табл. 33: 4, 8; Плешивенко 1991: 61, рис. 6: 3; Пузикова 1969: рис. 6: 3, 4, 5; 2001: рис. 30: 2, 3; Рудинський 1928: 50, табл. VII: 2; Сокольский 1954: 133, табл. II: 2; Тереножкин и др. 1973: 177, рис. 3: 18, 26; Філатов, Черненко 1972: 123, рис. 1; Фридман 1987: рис. 6: 2; Черненко, Бунятян 1977: 81, табл. XXI; Шахров 1990: 76, рис. 3: 4; Шкурко 1982: табл. V: 2).

В погребении 1 кургана 6 у с. Новорайск Бериславского района Херсонской области был обнаружен железный акинак с наборной рукоятью (рис. 2: 11) (Шахров 1990: 76, рис. 3: 4). Аналогичный фрагмент рукояти («второго меча») происходит из Первого кургана у с. Шульговка (рис. 2: 8). Она также была покрыта костяными пластинами при помощи бронзовых заклепок (Алексеев 2006: рис. 1: 2). Комплекс датирован А. Ю. Алексеевым по золотым нашивным бляшкам, воспроизводящим аверс и реверс боспорских статеров, временем не ранее 330-х гг. до н. э. (Алексеев 2006: 45).

Немаловажно, что аналогичным образом, при помощи костяных пластин, украшена рукоять зеркала из погребения 2 кургана 13 группы Богдановской обогатительной фабрики (БОФ) у г. Орджоникидзе Никопольского района Днепропетровской области (рис. 7: C) (Тереножкин и др. 1973: 161—166), который по характеру украшений можно уверенно отнести ко второй половине IV в. до н. э. (Алексеев 2006: 58). Интересен также факт оформления в «чертомлыкском» стиле рукоятей зеркал, как, например, ручки зеркала из Куль-Обы (Antiquités... 1892: tabl. XXXI; Ростовцев 1914: табл. IV: 5; Граков 1971: табл. V: 6). Рукоять зеркала из Куль-Обы состоит из округлого навершия с изображением хищника, стержень ручки украшен изображением оленя с ветвистыми рогами и бегущим за ним хищным животным (рис. 7: D). Кроме того, можно установить период сосуществования оформления наверший типа Чертомлык и типа Солоха. Так, вероятно, в одном из самых поздних курганов с мечом солошского типа — Куль-Обе, найдено зеркало с рукоятью в чертомлыкском стиле, а в самом кургане Чертомлык с серией мечей одноименного типа соседствует зеркало с навершием типа Солоха. Поэтому время синхронизации двух типов оформления рукоятей, по всей видимости — рубеж последних двух третей IV в. до н. э. или 30-е гг. IV в. до н. э.

Меч с золотой обкладкой рукояти из погребения 1 кургана 7 у с. Колбино (рис. 1: 6) (Гуляев 2008: рис. 1: 4), по аналогии с чертомлыкским, исследователи датировали серединой третьей четверти IV в. до н. э. (Гуляев, Савченко 2000: 93). Также, в кургане 36 Колбинского могильника был обнаружен еще один меч чертомлыкского типа (рис. 1: 7) (Гуляев 2008: рис. 1: 5), интересный своим ажурным клинком, причем этот комплекс считается более ранним и датируется серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. (Савченко 2006: 329). Есть версия, что такие ажурные клинки (и, возможно, рукояти) были вызваны стремлением облегчить верхнюю часть меча, а следовательно, приблизить центр тяжести оружия к точке удара (Савченко 2006: 325). Кроме этого, поскольку прорези занимают верхнюю часть клинка, это может указывать на связь с более древним способом орнаментации, характерным для акинаков типа Солоха[7] — желобками или каннелюрами, образующими вытянутый треугольник. Прорезной треугольный клинок отличает меч, обнаруженный рядом со скелетом С (погребение оруженосца у северной стенки) (рис. 2: 6), и, возможно, меч у бедра скелета В[8] из впускного погребения кургана Солоха (рис. 2: 10) (Манцевич 1987: 46, кат. 30, 50), которое относится к 80-м гг. IV в. до н. э. Навершие первого меча лучшей сохранности — овальное, в нем проделано восемь симметричных отверстий, в перекрестье — четыре. Возможно, характерные парные отверстия в навершии и перекрестье связаны со способом крепления пластин, как, например, на рукояти меча из кургана

[7] В общих чертах наблюдения по данному типу были сформулированы автором в процессе сбора аналогий к мечу из погребения 3 кургана 7 у с. Пуркарь (Агульников и др. 2013: 274—278). Хронологические наблюдения позже были дополнены в специальной работе (Топал 2014). Термин «солохский тип» употреблялся, правда, и ранее — например, в статье В. И. Гуляева (2004: 14).

[8] Рукоять меча не сохранилась, за исключением ажурного перекрестья. Однако, по аналогии с мечом у скелета В, А. П. Манцевич предположила наличие и ажурного навершия (Манцевич 1987: 72).

489 у Макеевки (рис. 2: 7) (Галанина 1977: табл. 10: 21). Его рукоять с круглым навершием была обложена с двух сторон костяными пластинками, скрепленными при помощи симметричных отверстий в навершии и перекрестье. Погребение, исходя из типов наконечников стрел, относится к середине IV — началу III вв. до н. э. (Петренко 1967: 96; Галанина 1977: 26). Вероятно, к типу Чертомлык также можно отнести экземпляр из кургана 2 могильника Капуловка-I (рис. 2: 2) (Тереножкин и др. 1973: 177, рис. 3: 18, 26). Меч сохранился не полностью, однако с уверенностью можно судить о таких типонесущих признаках данного экземпляра, как узкий треугольный клинок, снабженный прорезями в верхней части, и овальная рукоять с остатками бронзовых заклепок, которыми крепились костяные пластинки. Так же, деревянными накладками при помощи заклепок, украшена рукоять меча из погребения 1 кургана 62 могильника Широкое-II на юге Херсонской области (рис. 2: 14) (Черненко, Бунятян 1977: 81, табл. XXI). Прорези на клинке есть и у меча из центральной гробницы кургана Толстая Могила (рис. 2: 1) (Мозолевський 1979: 69—73, рис. 52—56). Кроме того, данный меч отличает необычное округлое навершие. Рукоять, как и у многих мечей из аристократических погребений, покрыта золотой фольгой. Ножны этого экземпляра также плакированы фольгой, способом, характерным для чертомлыкской серии (рис. 2: 4) (Treister 1999: 75). Исходя из датировок античной керамики из погребений и тризны, Б. Н. Мозолевский все погребения кургана датировал в пределах второй — начала третьей четверти IV в. до н. э. (Мозолевський 1979: 229). А. Ю. Алексеев, в целом согласившись с нижней хронологической границей, передвигает верхнюю, основываясь на аналогиях фиале и амфоре в Куржипсском кургане и пекторали в Большой Близнице. По его мнению, Толстая Могила относится к группе царских курганов рубежа второй-третьей четвертей IV в. до н. э. (Чмырева Могила, Цимбалка, Гайманова Могила), в диапазоне 350/340—320 гг. до н. э. (Алексеев 2003: 243). Тождественность и хронологическую близость трехручных амфор (датированных А. Ю. Алексеевым последней четвертью IV в. до н. э.) из Толстой Могилы и Курджипса подверг сомнению С. В. Полин, не считая, что есть серьезные основания для пересмотра датировки Б. Н. Мозолевского (Мозолевский, Полин 2005: 363, 364). По крайней мере, радиокарбонные датировки позволяют уверенно утверждать, что Толстая Могила была совершена раньше Чертомлыкского кургана (Евразия... 2005: 207).

Подводя итог хронологическому анализу, можно заключить, что время наибольшего распространения мечей типа Чертомлык — третья четверть IV в. до н. э. (рис. 7), и, по-видимому, с этим временем связаны и случайные находки акинаков, оформленных схожим образом. Примечательно, что все три экземпляра акинаков чертомлыкского типа, обнаруженные вдали от основного ареала, — небольших размеров. Среди них — кинжал из Дубенского района Волынской губернии (совр. Ровенской области) из коллекции Б. Н. Ханенко (рис. 1: 9) (Древности... 1900: табл. XXXVIII: 167). Клинок и рукоять выкованы из одной полосы металла, перекрестье подтреугольной формы. В результате реставрации, благодаря удалению коррозионного покрытия, на его рукояти удалось проследить неизвестные ранее изображения — выкованный рельеф бегущих друг за другом «волкоподобных хищников», изображения которых также находятся и на перекрестии, и на навершии (Махортых, Иевлев 2001: рис. 2: 2). Два других кинжала типа Чертомлык, которые можно отнести к позднесавроматскому времени, были обнаружены в Башкирии. Первый — в окрестностях д. Петропавловка Стерлитамакского района (рис. 1: 14) (Исмагилов 1978: 22, рис. 3). На его навершии и рукояти просматриваются изображения животных, по всей видимости, волков. Клинок, помимо традиционных желобков, украшен S-видными фигурами. Р. Б. Исмагилов не сомневается в западном происхождении этого экземпляра, ограничивая, правда, его датировку первой половиной IV в. до н. э., т. к., по его мнению, с конца столетия безраздельно господствуют длинные всаднические мечи прохоровского типа новых видов и форм (Исмагилов 1978: 237, 238). Другой кинжал был обнаружен неподалеку от Нугушского водохранилища (рис. 1: 8) (Исмагилов 2001: 121, табл. II: 15).

Чертомлыкской серии в ее классическом проявлении третьей четверти IV в. до н. э. близок по оформлению и ряд мечей более архаичного облика, которые можно отнести к данному типу условно. Один из признаков, характерных для более ранних экземпляров (к примеру, типа Солоха), — имитация обмотки на рукояти, проявляется и на некоторых мечах типа Чертомлык. Меч с имитацией обмотки на рукояти и овальным навершием найден в погребении 1 кургана 12 Перещепинского могильника (рис. 3: 12) (Махортых 2012: рис. 13: 1). Датировка меча из этого погребения уточняется по уздечным принадлежностям — стро-

гим удилам, С-овидным железным псалиям, налобнику и уздечным бляхам и укладывается в пределах последней четверти V — первой половины IV в. до н. э. (Махортых 2011: 14). Позже С. В. Махортых отнес этот комплекс к числу позднейших в III группе погребений Перещепинского могильника и датировал первой половиной IV в. до н. э. (Махортых 2012: 157).

На левобережье Нижнего Дона, в диагональном погребении 2 кургана 3 могильника Житков-II (пос. Веселый Ростовской области) был обнаружен акинак типа Чертомлык (рис. 3: 1). По бокам его рукояти, обернутой золотой фольгой, также нанесены поперечные насечки (Treasures... 1991: 65, cat. 39; Парусимов 2013: 225, рис. 3: 22). Из этого погребения происходит расписной гончарный кувшин, для которого якобы есть аналогии среди парадной столовой посуды Ольвии второй половины IV — III вв. до н. э. (Зайцева 1982: 50—69; Клепиков 2002: 61). Однако прямоугольные золотые пластинки (с изображением лежащего оленя) для оковки деревянных чаш (Парусимов 2013: рис. 3: 17, 19) находят прямые аналогии в комплексе I Завадской Могилы[9] (Мозолевский 1980: 105, 109, рис. 44: 6, 9; 47). А I Завадская Могила по находкам хиосских амфор «нового стиля» относится к третьей четверти V в. до н. э.[10], возможно, к 430-м гг. до н. э. (Алексеев 2003: 259). В связи с этим может быть интересна и железная модель лука из житковского погребения, аналогии которой есть в некрополе Ольвии — погребении 49 1913 г. середины V в. до н. э. (Козуб 1974: 161, рис. 54)[11]. Между тем, по мнению В. М. Клепикова, меч из кургана 14 II Аксеновского могильника, который датируется второй половиной V — первой половиной IV вв. до н. э. (Шилов, Очир-Горяева 1997: 151), относится к тому же типу, что и житковский (Клепиков 2002: 25). В Курской области известна случайная находка — меч, найденный у с. Рогозцы (рис. 3: 2), который, несмотря на отсутствие перекрестья, по оформлению чрезвычайно близок мечу из Житковского могильника (Апальков 1995: рис. 1: 1; Чубур 2000: рис. 39: 4). У акинака из Рогозцев такое же вытянутое овальное навершие, центральная часть клинка украшена каннелюрами, а края рукояти поперечно покрыты желобками. Точно не известно место находки и схожего меча, хранящегося в ГКИМ[12] (дар Терещенко) (рис. 3: 2) (Мелюкова 1964, рис. 18: 6), рукоять которого также украшена имитацией обмотки, а перекрестье орнаментировано аналогично житковскому.

Кроме овального стержня рукояти, подовального (округлого) навершия, важный признак, сопутствующий группе мечей чертомлыкского типа — прорезные рукояти. Прорези на рукояти, например, есть на мече из Бердянского кургана (с. Нововасильевка Запорожской области) (рис. 3: 13) (Мурзін, Фіалко 1998: 107, рис. 4), сходно и общее оформление меча — овальное навершие, вытянутое бабочковидное перекрестье. Этот «царский» курган относится к раннему пласту III группы погребений по А. Ю. Алексееву, в которую также входит курган Солоха (Алексеев 2003: 207). Бердянский курган очень близок по времени и инвентарю к кургану Солоха и датируется различными исследователями в пределах 380—365 гг. до н. э.: 375—365 гг. (Ковалев, Полин, Чередниченко 1992: 40), 380—375 гг. (Фиалко 1997: 57). С. Ю. Монахов считает, что есть серьезные основания для сужения датировки до первой половины 60-х гг. IV в. (Монахов 1999: 287), тем не менее, наиболее предпочтительным представляется датировать курган концом первой — началом второй четверти IV в. до н. э.

[9] Это наиболее близкая аналогия, но далеко не единственная. Судя по сводке Е. Ф. Корольковой, данный мотив характерен для комплексов, не выходящих за рамки V в. до н. э., как в Приднепровье, так и в Поволжье (Королькова 2006: табл. 21).

[10] Этой дате не противоречат и уздечные принадлежности второй половины V в. до н. э. типа «Нимфей-Завадская Могила» (Канторович 2012: 36, 37). Тем не менее, В. М. Клепиков настаивает на датировке золотых обкладок Волго-Донского междуречья IV в. до н. э., и даже началом III в. до н. э. (Клепиков 2002: 62).

[11] Г. Талмацки считает эти изделия домонетной формой денег («semne monetare») милетских колоний конца V — IV вв. до н. э., вероятно, потому, что пять экземпляров «монет» в форме лука происходят с территории Истрийской хоры (Talmaţchi 2010: 13, pl. 10: 1—7). Аналогичные модели лука известны в погребении могильника Дервент в Подунавье (Мелюкова 1989: 92, 336, табл. 31: 2) и основного погребения кургана М 2-В могильника Енисала (Simion 1971: 104, fig. 25; 2006: pl. VII: 3). Погребение из Енисалы содержало аттическую чернолаковую чашечку со штампованным орнаментом, на основании которой, а также материала из тризны, Г. Симион определил, что возведение кургана относится к середине IV в. до н. э. (Simion 1971: 108). Несмотря на плохое качество иллюстрации, есть все основания для датировки этой чашечки более ранним временем, не исключая и вторую половину V в. до н. э. (Sparkes, Tallcott 1970: 134).

[12] По всей видимости, имеется в виду Государственный исторический музей Украинской ССР (сейчас — Национальный музей истории Украины), до 1950 г. называвшийся Киевский государственный исторический музей (КГИМ).

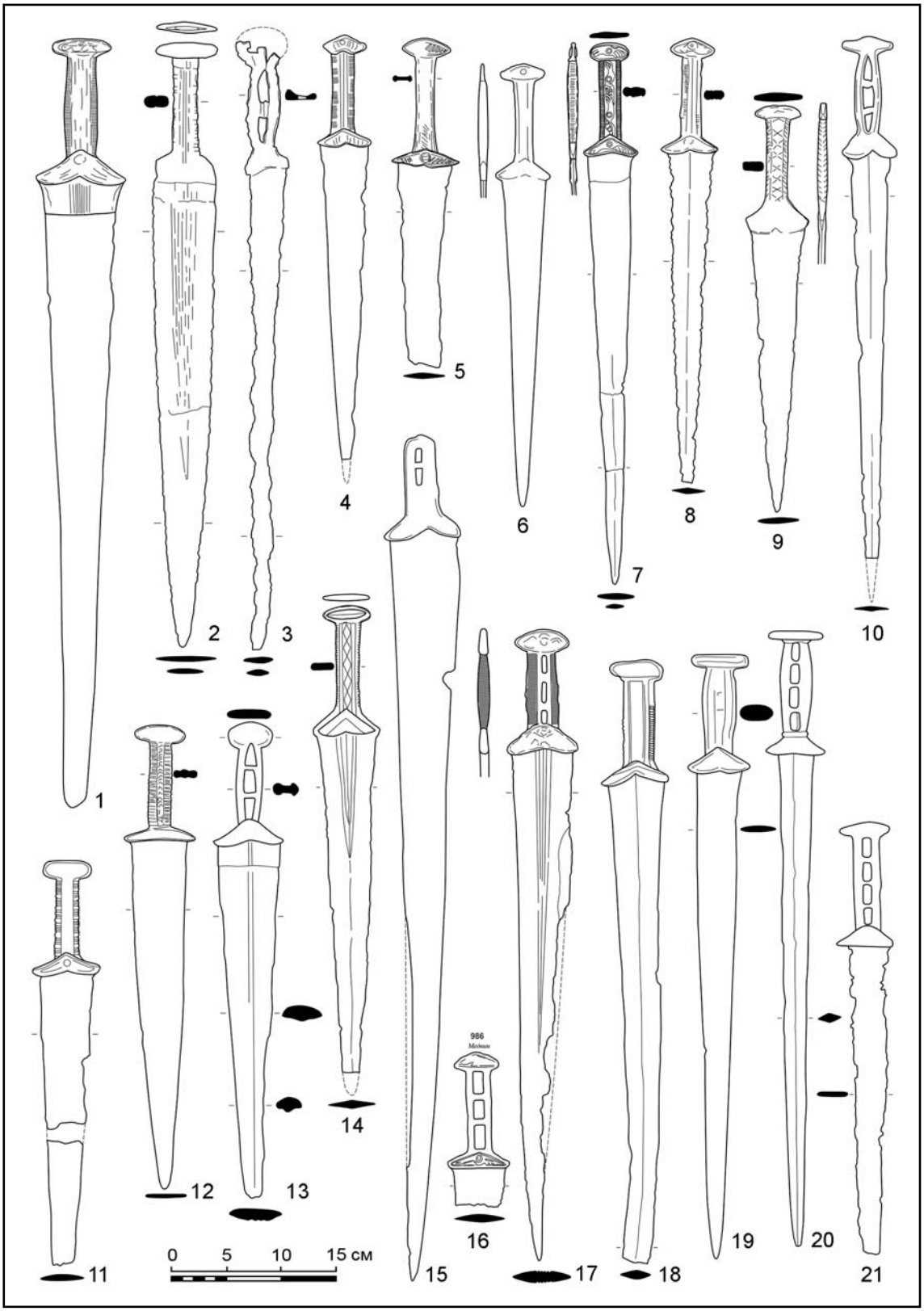

Рис. 3. Акинаки типа Чертомлык: 1 — Житков-II, к. 3, п. 2 (пос. Веселый); 2 — Рогозцы; 3 — Ближнее Стояново, к. 8, п. 1; 4 — Конь-Колодезь; 5 — Сухоносовка; 6 — Чичерино; 7 — Ключ; 8 — Липецкий район; 9 — Красный Лиман; 10 — Сухин; 11 — ГКИМ (дар Терещенко); 12 — Перещепино, к. 12, п. 1; 13 — Бердянский курган; 14 — Кистендей; 15 — Новоселка; 16 — Медвин; 17 — Екатериновка; 18 — Измаил, курган; 19 — Черкасская волость; 20 — Старый Мерчик, к. 3, п. 1; 21 — Ковали; 22 — Львовский музей (рисунки автора по: Апальков 1995: рис. 1: 1; Бандуровский, Буйнов 2000: 77, рис. 8: 7, 8; Березуцкий 1996: рис. 6: 2; Бессонова 1994, рис. 5: 20; Галанина 1977: 53, табл. 33: 3; Клоков 1996: 130, рис. 5: 10; Ковпаненко, Левченко 1977: 60; Косиков, Павлик 1992, рис. 1: 3; Кулатова 1995: 174, 175; Махортых 2012: рис. 13: 1; Медведев 1999,

рис. 50: 5; 51: 20—22; Мурзін, Фіалко 1998: 107, рис. 4; Паламарчук, Синика 2014: рис. 2: 9; Парусимов 2013: 225, рис. 3: 22; Петренко 1967: табл. 33: 9; Пузикова 1984: рис. 1; Смирнов 1961: 23, рис. 6: 1; Чубур 2000: рис. 39: 4; Treasures... 1991: 65, cat. 39).

Fig. 3. Akinakai of Chertomlyk type: 1 — Zhitkov-II, t. 3, gr. 2 (Veselyj); 2 — Rogoztsy; 3 — Blizhnee Stoyanovo, t. 8, gr. 1; 4 — Kon-Kolodez; 5 — Sukhonosovka; 6 — Chicherino; 7 — Klyuch; 8 — Lipetsk region; 9 — Krasnyj Liman; 10 — Sukhin; 11 — NHMU (Tereshchenko collection); 12 — Pereshchepino, t. 12, gr. 1; 13 — Berdyansk burial mound; 14 — Kistendey; 15 — Novoselka; 16 — Medvin; 17 — Ekaterinovka; 18 — Izmail, burial mound; 19 — Cherkasskaya volost; 20 — Staryj Merchik, t. 3, gr. 1; 21 — Kovali; 22 — Museum of Lvov (drawings by the author after: Апальков 1995: рис. 1: 1; Бандуровский, Буйнов 2000: 77, рис. 8: 7, 8; Березуцкий 1996: рис. 6: 2; Бессонова 1994, рис. 5: 20; Галанина 1977: 53, табл. 33: 3; Клоков 1996: 130, рис. 5: 10; Ковпаненко, Левченко 1977: 60; Косиков, Павлик 1992, рис. 1: 3; Кулатова 1995: 174, 175; Махортых 2012: рис. 13: 1; Медведев 1999, рис. 50: 5; 51: 20—22; Мурзін, Фіалко 1998: 107, рис. 4; Паламарчук, Синика 2014: рис. 2: 9; Парусимов 2013: 225, рис. 3: 22; Петренко 1967: табл. 33: 9; Пузикова 1984: рис. 1; Смирнов 1961: 23, рис. 6: 1; Чубур 2000: рис. 39: 4; Treasures... 1991: 65, cat. 39).

(Мозолевский, Полин 2005: 362). Характерно, что комбинированная дата ^{14}C (2334±38 BP) дает калиброванный возраст 408—370 гг. до н. э. (1σ) (Алексеев 2003: 262). Схожий мотив прослеживается в орнаментации железной рукояти зеркала из погребения 3 кургана, раскопанного в 1987 г. у с. Владимировка Джанкойского района Крыма — стержень рукояти украшен продольным ажурным вырезом в виде последовательных отверстий овальной формы (рис. 7: В) (Колотухин 2000: 13, рис. 7: 8; Колтухов 2012а: 49, рис. 19: 15). Первоначально чернолаковый канфар из этого погребения был отнесен к 320—310 гг. до н. э. (Колотухин 2000: 13), позже к третьей четверти IV в. до н. э., а по сумме датировок античного импорта комплекс был датирован второй половиной или третьей четвертью IV в. до н. э. (Колотухин 2012а: 49).

Прорези на рукояти присутствуют и на длинном мече 77 см из погребения кургана 4 у с. Новоселка Черкасской области (рис. 3: 15) (Бессонова 1994, рис. 5: 20). Из этого погребения происходит также амфора типа Солоха I первой половины IV в. до н. э. (Бессонова 1994: 21). На обтянутой золотой фольгой рукояти меча из погребения 1 кургана 3 у с. Старый Мерчик (Валковский район, Харьковская область) просматриваются вмятины от четырех прорезных прямоугольников (рис. 3: 20) (Бандуровский, Буйнов 2000: 77, рис. 8: 7, 8). Это погребение относят к третьей четверти IV в. до н. э., а присутствие плакированного меча связывают с участием северскодонецких скифов в войне с Боспором (Гречко, Карнаух 2011: 249). А. Ю. Алексеев предположил, что значительная часть украшенного золотом оружия могла использоваться в качестве дипломатических подарков варварской знати (Алексеев 2003: 247). На Среднем Дону известен меч из погребения 1 кургана 8 у с. Ближнее Стояново (рис. 3: 3) (Березуцкий 1996: рис. 6: 2; Медведев 1999: рис. 50: 5). Рукоять меча овальная, прорезная, в центральной части перемычка, навершие сохранилось плохо, автор раскопок предположил, что оно было в зверином стиле — из «двух голов, обращенных друг к другу». Погребение датировано IV в. до н. э., первой половиной столетия, поскольку меч, по мнению В. Д. Березуцкого, относится к рубежу V—IV вв. до н. э. (Березуцкий 1996: 177). Схожий меч был обнаружен в разрушенном погребении кургана в пос. Горняцкий у г. Перевальск Луганской области (рис. 2: 16) (Філатов, Черненко 1972: 123, рис. 1; История Луганского края 2003: 83, рис. 17). Меч из этого явно аристократического погребения был обернут в золотую фольгу, на которой видны углубления, вероятно, от прорезей. Кроме того, навершие рукояти — овальной формы, почти круглой, с изображением какого-то животного. Кроме рукояти, снабжен прорезями и клинок данного меча. Меч с прорезями и имитацией обмотки на рукояти, овальным орнаментированным навершием был обнаружен в разрушенном кургане в г. Измаил (Пойдовка) (рис. 3: 17). По клейму гераклейской амфоры курган датирован началом 60-х гг. IV в. до н. э. (Паламарчук, Синика 2014: 296). Таким образом, мечи с прорезными рукоятями, в основном, относятся к более ранним комплексам первой половины IV в. до н. э., тяготея к началу столетия. На это указывают и другие архаичные признаки, такие как имитация проволочной или веревочной обмотки[13] на рукояти и орнаментация верхней части клинка продольными желобками.

В лесостепной части Украины встречаются и случайные находки мечей с прорезями в овальных рукоятях — например, акинаки из с. Сухин (рис. 3: 10) (Галанина 1977: 53, табл. 33: 3) и с. Ковали (рис. 3: 21) (Петренко 1967: табл. 33: 9). Предположительно с территории Львовской области происходит железный меч с прорезями в рукояти (рис. 3: 22) (Косиков, Павлик 1992: рис. 1: 3),

[13] Еще В. Гинтерс обратил внимание на наличие такой орнаментации меча, по его мнению, для препятствия скольжению рукояти меча в руке (Ginters 1928: 39).

для которого характерно низкое качество как изготовления, так и самого металла, из которого он был выкован. Снабжена прорезями ажурная рукоять меча из Хвощевой лесной дачи у с. Милорадово и хранящегося в Полтавском музее (рис. 2: 3) (Рудинський 1928: 50, табл. VII: 2; Шкурко 1982: табл. V: 2). Интересно, что прорези присутствуют и в верхней части рукояти, в круглое навершие которой вписана фигура грифона. Среди боспорских мечей V—IV вв. до н. э., опубликованных Н. И. Сокольским, приводится экземпляр с треугольным клинком, овальной рукоятью и ажурным навершием из коллекции Государственного Эрмитажа (рис. 2: 18) (Сокольский 1954: 133, табл. II: 2). Из Киевской области, из окрестностей с. Медвин происходит меч с ромбовидным навершием, перекрестьем, украшенным головой лося и тремя прорезями в рукояти (рис. 3: 16) (Ковпаненко, Левченко 1977: 60).

К этой же ранней серии акинаков типа Чертомлык можно отнести обломанный меч с подовальным орнаментированным навершием и бабочковидным перекрестьем, обнаруженный в 1972 г. на городище скифского времени у с. Сухоносовка Чернухинского района Полтавской области (рис. 3: 5) (Кулатова 1995: 174, 175). Автор публикации предположила, что рукоять меча была покрыта тонким слоем фольги. К чертомлыкскому типу относится пара случайных находок из Днепровского Правобережья. Речь, в частности, идет о мече из Каневского уезда[14] (рис. 2: 19) (Петренко 1967: 42, табл. 33: 8). По всей видимости, к типу Чертомлык можно также отнести случайную находку у с. Плискачевка (рис. 2: 5) (Петренко 1967: 42, табл. 33: 4). У этого акинака овальное навершие, и рукоять расширяется в средней части, приближаясь к овальной форме. Несмотря на то, что перекрестье утрачено, оно, скорее всего, было ложнотреугольным. Случайная находка у с. Ключ Горшеченского района Курской области (рис. 3: 7) отличается хорошей сохранностью (акинак откован из высокоуглеродистой стали) и прекрасно сохранившимся орнаментом (Пузикова 1984: рис. 1; Медведев 1999: рис. 51: 21). Кроме стилизованного изображения головы лося на навершии и перекрестье рукоять (изготовленная отдельно от клинка) украшена имитацией обмотки по краю. Орнамент выполнен ковкой по горячему металлу высококлассным мастером, возможно, ювелиром (Пузикова 1984: 212). Интересно, что орнамент на рукояти в виде двух последовательно расположенных стилизованных голов лосей практически идентичен украшению парадного меча из бокового погребения кургана Солоха. Стилизованное изображение голов лосей, характерное для перекрестий акинаков типа Солоха (Солоха, Перещепино, возможно, Аксютинцы), иногда встречается и на перекрестьях и навершиях мечей типа Чертомлык (Житков, Медвин, Конь-Колодезь, Сухоносовка, Липецкого района, Чичерино и, возможно, на мече из коллекции Терещенко). По всей видимости, это свидетельствует о более ранней датировке данной серии мечей типа Чертомлык, поскольку мечи типа Солоха с этим орнаментальным мотивом относятся ко времени не позднее первой четверти IV в. до н. э., а возможно, и к V в. до н. э., что косвенным образом подтверждается уточненной хронологией Житковского кургана.

Не для всех мечей типа Чертомлык характерно овальное навершие. Предположительно из Липецкого района происходит меч с навершием «треугольной формы», повторяющим верхний край перекрестья. И перекрестье, и навершие украшены «ромбами и окружностями, имитирующими глаз птицы» (рис. 3: 8) (Клоков 1996: 130, рис. 5: 10). Автор датирует данный экземпляр по ложнотреугольному перекрестью IV—III вв. до н. э. (Клоков 1996: 123). Также из Липецкой области происходит меч со схожим навершием, найденный у с. Конь-Колодезь Хлевенского района (рис. 3: 4) (Медведев 1999: рис. 51: 22). В Воронежской области схожие акинаки были обнаружены у с. Чичерино Грибановского района (рис. 3: 6), Красный Лиман Паннинского района (рис. 3: 9) и Екатериновка Россошанского района (рис. 3: 17) (Медведев 1999: рис. 51: 20; Ворошилов 2008). Ко второй половине IV в. до н. э. К. Ф. Смирнов отнес меч, случайно обнаруженный в Черкасской волости Хвалынского уезда (совр. Черкасское Саратовской области) в 1911 г. (рис. 3: 19) (Смирнов 1961: 23, рис. 6: 1). Его перекрестие узкое бабочковидное, при этом на рукояти отмечены «боковые ребристые валики» (вероятно, имитация проволочной обмотки). Еще один меч в Саратовской области происходит из окрестностей с. Кистендей Аркадакского района (рис. 3: 14) (Моржерин 2004: 182).

В целом, различают три основных подхода к типологии клинкового оружия скифского времени: 1) построение типологии на основе сочетания формы навершия и перекрестья;

[14] Правда, В. Г. Петренко упоминает еще об одном экземпляре, схожем типологически с данным экземпляром — мече из кургана 287 у с. Старосельечко (Старосельe? — *прим. авт.*), однако ни рисунка, ни детального описания не приводит (Петренко 1967: 42).

2) изучение функциональных особенностей на основе формы клинка; 3) выделение «культурных» типов (Денисов 2010: 270). Яркой попыткой выхода на культурные типы на скифском материале может считаться работа А.Ю. Алексеева (Алексеев 1991). Будучи одним из участников Археологического семинара Л.С. Клейна в Ленинградском университете, А.Ю. Алексеев (наряду с другими «семинаристами») взял на себя труд по иллюстрации ряда положений Л.С. Клейна на материале скифского клинкового вооружения (Клейн 1991: 244). Одной из главных среди этих положений была идея о связи культурного контекста с типологическими характеристиками и необходимости поиска группировок вещей, осознаваемых их носителями (Алексеев 1991: 272), а выделение таких групп без изучения контекста невозможно (Клейн 1979: 69). Эволюционный ряд А.Ю. Алексеев выстраивает в соответствии с собственной теорией о последовательном разрушении фаллической символики в оформлении акинака[15] (Алексеев 1991: 276—279) от «исконного» почковидного перекрестья к «абстрактному» узкому бабочковидному.

Однако, на мой взгляд, «культурные типы» скифского акинака можно диагностировать при помощи других взаимодополняемых показателей. Один из них — наличие престижных «парадных» форм внутри данного типа, т.е. украшенных драгоценными металлами. Другой, не менее важный признак — отражение в изобразительном искусстве и монументальной скульптуре[16]. Одним из таких изображений с акинаком типа Чертомлык можно считать рельеф на серебряной чаше из тайника кургана Гайманова Могила (рис. 6) (Бідзиля 1971: рис. 8: 11; Бидзиля, Полин 2012: 105—116, 421—424, рис. 593, 594). Орнаментальный фриз чаши представляет собой изображения шести фигур, у одной из которых (бородатого воина на возвышении) — длинный парадный меч с треугольным клинком, украшенным геометрическим узором (Бідзиля 1971: 54). В данном случае любопытным представляется оформление навершия овальной формы, причем края рукояти украшены горизонтальными насечками (вероятнее всего, имитацией об-

Рис. 4. Меч из Музея Метрополитен, предположительно из с. Чаян (с. Запорожское, Крым) (по Shcheglov, Katz 1991: fig. 1).

Fig. 4. Sword from the Metropolitan Museum of Art, probably discovered in Chayan (Zaporozhskoe, Crimea) (after Shcheglov, Katz 1991: fig. 1).

[15] Подробный критический разбор данной гипотезы содержится в недавней статье А.В. Шелеханя (Шелехань 2013).

[16] Связь «культурных типов» с изобразительным искусством носителей скифской культуры отмечалась автором данной статьи для акинаков типа Келермес (Топал 2014а) и Солоха (Топал 2014: 381, 389).

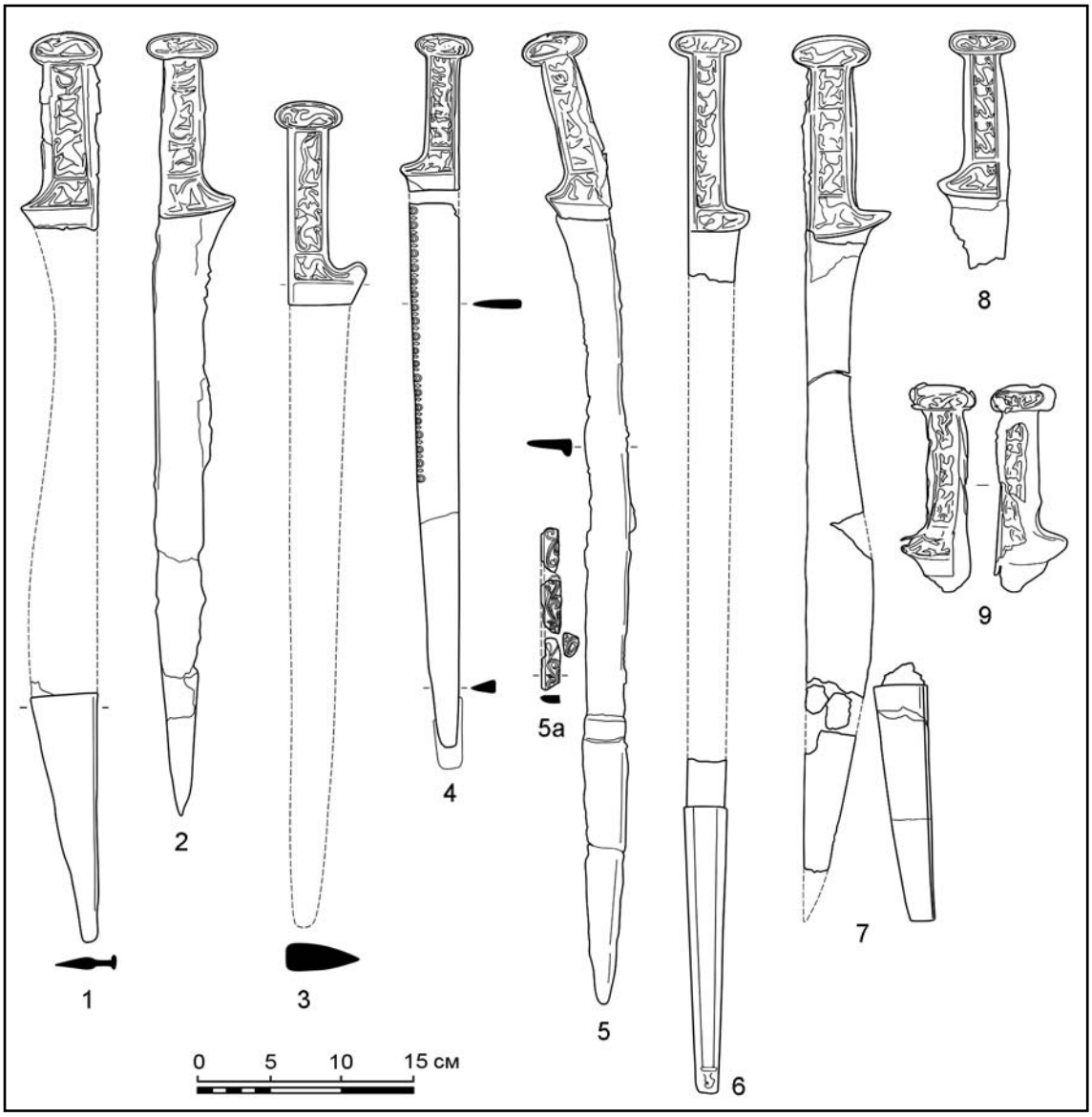

Рис. 5. Однолезвийные мечи типа Шульговка: 1 — Чертомлык; 2 — Большой Рыжановский курган (основное погребение); 3 — Малая Лепетиха, к. 10, п. 4; 4 — Пески «Три могилы», к. 9, п. 1; 5 — Соболева Могила, п. 2; 6 — Капитановка (Златополь), к. 487; 7 — Шульговка, I-й курган, меч №1; 8 — Керчь (?); 9 — Новоалександровка — Богачовка, к. 5, п. 3. (по Алексеев 2006: рис. 1: 1; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: кат. 72, 73; Бобринский 1910: 70, рис. 8, 8а; Гребенников 1987: рис. 4: 10; Данилко, Куприй 2004: рис. 3: 2; Мозолевский, Полин 2005: рис. 99: 50; 104: 2; табл. 19; Ростовцев 1914: 89, табл. V: 1; Chochorowski et. al. 1997: Fot. 5; Chochorowski, Skoryj 2000: Abb. 10, Fot. 14).

Fig. 5. Shulgovka type swords: 1 — Chertomlyk; 2 — Great Ryzhanovka burial mound (central grave); 3 — Malaya Lepetikha, t. 10, gr. 4; 4 — Peski "Tri Mogily", t. 9, gr. 1; 5 — Soboleva Mogila, gr. 2; 6 — Kapitanovka (Zlatopol), t. 487; 7 — Shulgovka, 1st tumulus, sword no. 1; 8 — Kerch (?); 9 — Novoaleksandrovka — Bogachovka, t. 5, gr. 3. (after Алексеев 2006: рис. 1: 1; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: кат. 72, 73; Бобринский 1910: 70, рис. 8, 8а; Гребенников 1987: рис. 4: 10; Данилко, Куприй 2004: рис. 3: 2; Мозолевский, Полин 2005: рис. 99: 50; 104: 2; табл. 19; Ростовцев 1914: 89, табл. V: 1; Chochorowski et. al. 1997: Fot. 5; Chochorowski, Skoryj 2000: Abb. 10, Fot. 14).

мотки) (рис. 6; 7: А). Автором раскопок данный комплекс был датирован началом второй половины IV в. до н.э. (Бідзиля 1971: 55), позже А.Ю. Алексеев поместил Гайманову Могилу в середину — третью четверть IV в. до н.э. (Алексеев 1996: 103, 104; 2003: 277), связав курган со временем деятельности Атея. По данным С.Ю. Монахова, амфорный набор из северного погребения относится к середине 330-х гг. до н.э., что позволило С.В. Полину сузить датировку до 350—340 гг. до н.э. (Мозолевский, Полин 2005: 365). В любом случае ясно, что изображение меча на чаше из Гаймановой Могилы относится ко времени наибольшего распространения типа Чертомлык.

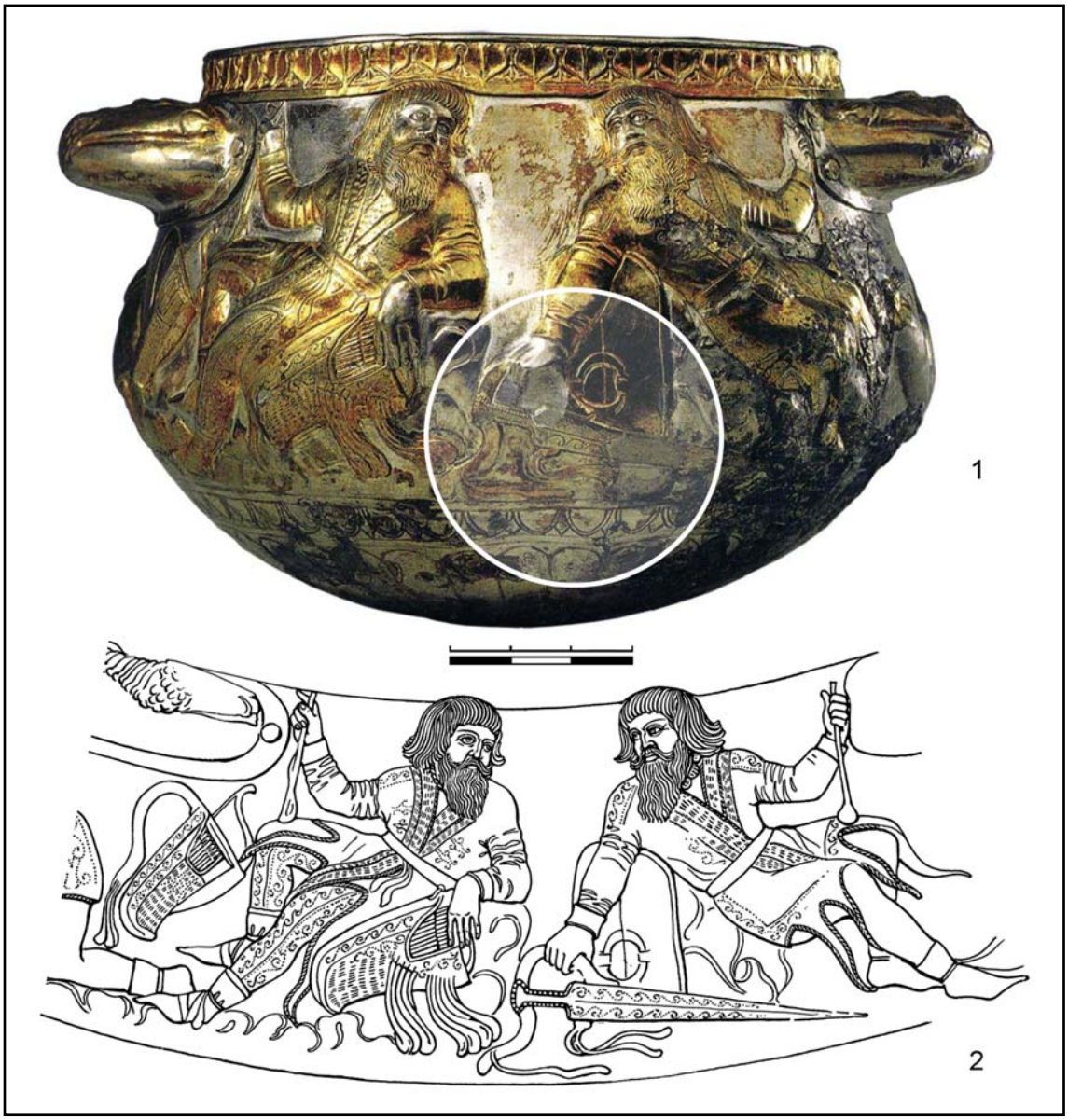

Рис. 6. Чаша из Гайманової Могилы: фото (1) и прорисовка (2) (по Бидзиля, Полин 2012: рис. 593, 594).

Fig. 6. Bowl from Gaimanova Mogila burial mound: photo (1) and drawing (2) (after Бидзиля, Полин 2012: рис. 593, 594).

Кроме того, с типом Чертомлык тесно связана группа парадных форм однолезвийного оружия, на что в разное время обращали внимание В. Гинтерс (Ginters 1928: 36, 37), А.И. Мелюкова (1964: 59) и А.Ю. Алексеев (2006: 43). Речь идет о девяти экземплярах длинных однолезвийных мечей, рукоять которых состоит из овального навершия, трапециевидного перекрестья и часто покрыта золотой фольгой и рельефным орнаментом. Орнаментальная схема оформления рукояти чрезвычайно сближает данную группу с парадными мечами типа Чертомлык — в частности, находят широкие аналогии зооморфные мотивы, представленные кошачьими хищниками и копытными. Одна из самых первых находок мечей данного типа происходит из курганов, раскопанных Н.И. Веселовским в 1889—1891 гг. близ с. Шульговка (и Новониколаевка, в 12 верстах от Мелитополя) (рис. 5: 7) (Алексеев 2006: 46, 47, рис. 1: 1). Поэтому, следуя эпонимическому принципу, можно обозначить серию однолезвийных мечей, близкую чертомлыкским двулезвийным мечам, термином *тип Шульговка*. К сожалению, сам эпонимный предмет утрачен, а единственным источником о раскопках Н.И. Веселовского в данный момент является его полевая документация, инвентарная опись и рукописный каталог, подготовленный в 1890-х гг. Г.Е. Кизерицким. Детальный анализ этих документов позволил

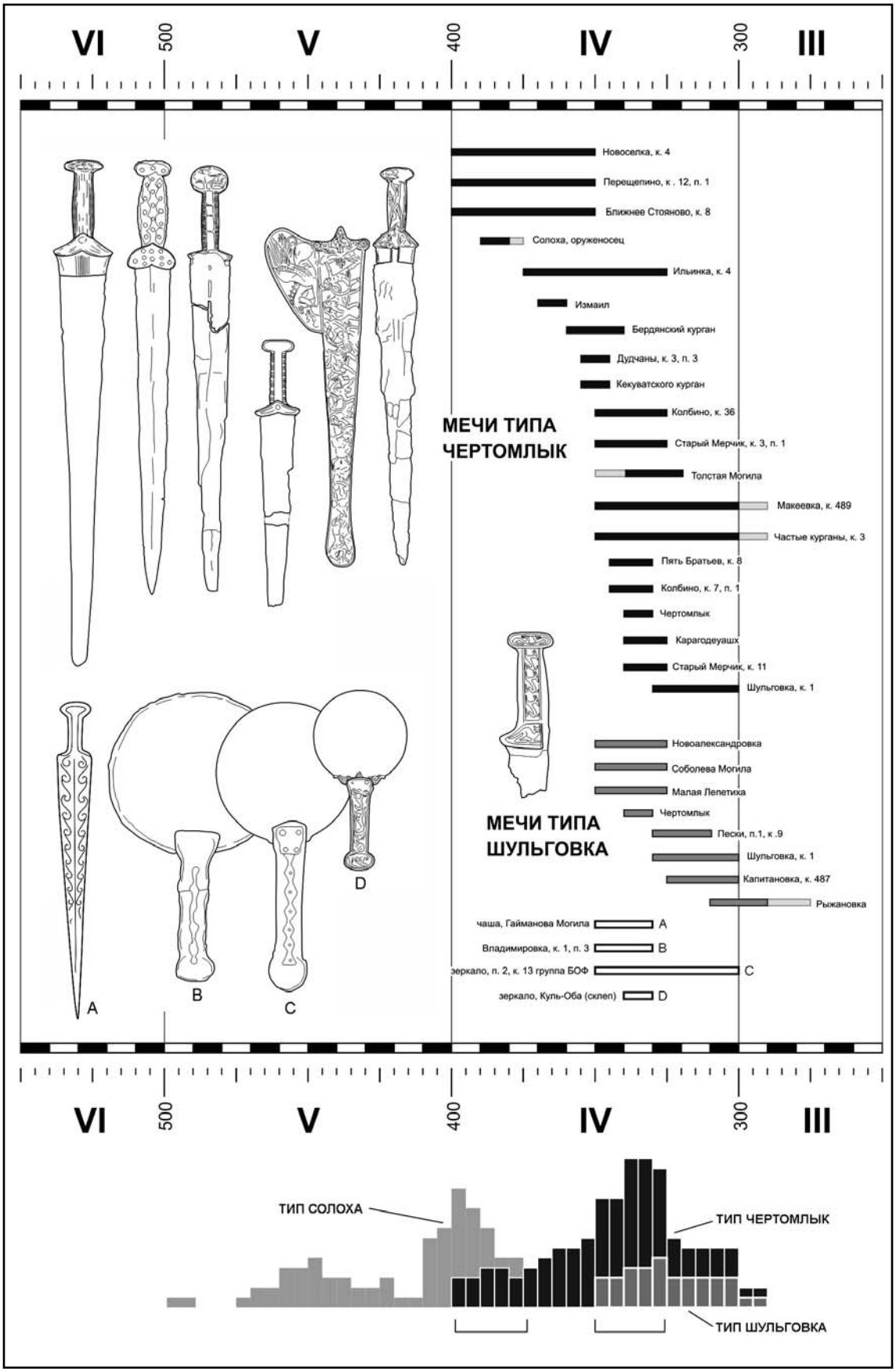

Рис. 7. Хронологическое соотношение погребальных комплексов с мечами типа Чертомлык и Шульговка.

Fig. 7. Chronological position of the burial complexes with swords of Chertomlyk and Shulgovka type.

А.Ю. Алексееву составить подробное описание мечей, исправить серию историографических неточностей и на основе сопутствующих материалов определить время сооружения кургана (Алексеев 2006: 43—47). По его мнению, золотые нашивные бляшки, воспроизводящие аверс и реверс боспорских статеров, позволяют, хоть и с большой осторожностью, отнести весь комплекс ко времени не ранее 330-х гг. до н.э. (Алексеев 2006: 46).

Показательно, что один из мечей типа Шульговка был обнаружен в Чертомлыцком кургане, по всей видимости, в юго-западной камере среди воинского инвентаря[17] (рис. 5: 1) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: кат. 72, 73). Восстановить общую длину и форму этого меча можно лишь приблизительно, поскольку сохранилась лишь рукоять, обтянутая золотом, и золотой наконечник ножен. Однако по фрагменту клинка, сохранившемуся в наконечнике ножен, можно судить о его профиле, в частности, о продольной выемке в центральной части, формирующей почти двутавровое сечение с одним заостренным краем. Прямая аналогия подобной форме сечения — у железной махайры из кургана у с. Абрамовка в Среднем Подонье (Медведев, Ефимов 2001: рис. 5: 1), что позволило А.Ю. Алексееву предположить, что клинок меча из Чертомлыкского кургана (так же, как и мечей из Шульговки и Абрамовки) расширялся в средней части, подобно клинкам, типичным для греческих махайр (Алексеев 2006: 47). Дискуссия относительно хронологии кургана Чертомлык подробно рассматривалась выше, можно лишь добавить, что А.Ю. Алексеев, несмотря на возражения С.В. Полина, остается на прежних позициях, предлагая в качестве *terminus ante quem* для находки однолезвийного меча дату совершения центрального погребения, т.е. 329/328 г. до н.э. (Алексеев 2006: 47).

В погребении 1 кургана 9 в урочище «Три могилы» близ с. Пески (Баштанского района Николаевской области) был найден однолезвийный меч с золотой обкладкой в зверином стиле[18] (рис. 5: 4) (Гребенников 1987: 153, рис. 4: 10). Погребение датировано по херсонесской и гераклейской амфорам последней четвертью IV в. до н.э., а скорее всего — 310-ми гг. до н.э. (Монахов 1999: 430), хотя А.Ю. Алексеев считает, что оно было совершено не ранее 310 г. до н.э. (Алексеев 2006: 48). В своей более поздней работе С.Ю. Монахов датировал это погребение 330—310 гг. до н.э. (Монахов 2003: 94).

Во впускном погребении №4 кургана 10 у с. Малая Лепетиха, частично раскопанного Н.И. Веселовским в 1916 г., затем доследованного в 1990 г. Г.Л. Евдокимовым, был обнаружен однолезвийный меч (рис. 5: 3). Рукоять меча покрыта золотым листом с рельефными изображениями животных — оленя, лежащего на коленях, и кошачьего хищника, готовящегося к прыжку. На перекрестье, яркой особенностью которого является слегка приподнятый закругленный выступ — также изображение кошачьего, на навершии — изображение копытного, возможно, косули (Данилко, Куприй 2004: 83, рис. 3: 2). Кроме того, меч снабжен электровым наконечником-обоймой. Авторы датировали погребение №4 третьей четвертью IV в. до н.э., в то время как для соседнего впускного погребения (№5) есть более надежная дата, установленная по гераклейским клеймам Агиодама и Ликона — середина 360-х гг. (Монахов 1999: 309—311; 2003: 83). Однако, как справедливо отметил А.Ю. Алексеев, можно предположить, что более поздняя дата погребения 4 не противоречит стратиграфической ситуации, которая, к сожалению, так и не была освещена в публикации кургана (Алексеев 2006: 49).

В погребении 2 аристократического кургана Соболева Могила был найден однолезвийный меч с обложенной золотом рукоятью (рис. 5: 5) (Мозолевский, Полин 2005: 181, 182, рис. 99: 50; 104: 2; табл. 19). Рукоять украшена рельефными изображениями животных: на ручке — олень и кошачий хищник, на перекрестье — лежащая лань и, вероятно, также изображение хищника. Сохранился серебряный коробчатый наконечник ножен, а от самих деревянных ножен сохранилось несколько фрагментов с орнаментом, по предположению С.В. Полина, греческого типа (Мозолевский, Полин 2005: 182, рис. 104: 1). Интересно, что построение орнамента на ножнах аналогично тому, что присутствует на изображении меча на чаше из Гайманової Могилы — ориентировано по длине и состоит из спиральных завитков. Амфоры Менды мелитопольского типа из тризны позволили авторам обобщающей работы датировать курган третьей четвертью IV в. до н.э. Этой

[17] У автора раскопок И.Е. Забелина сведений о находке однолезвийного меча не было, хотя в каталоге Г.Е. Кизерицкого такая находка упоминается. Кроме того, в описании инвентаря юго-западной камеры присутствует и упоминание о треугольном наконечнике ножен, принадлежащем, скорее всего, именно этому однолезвийному экземпляру (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: 103).

[18] Кроме всего прочего, данный экземпляр был снабжен серебряным коробчатым наконечником ножен, не упомянутым в первой публикации (Мозолевский, Полин 2005: 352).

дате не противоречат и данные о других типах амфор неизвестного центра, аналогичных находке из кургана 8 группы Чередниковой Могилы начала 340-х гг. (Монахов 1999: 346), а также Пепарета (Солоха-I) и Синопы (Мозолевский, Полин 2005: 358). Кроме того, по данным М. Ю. Трейстера, серебряная посуда из Соболевой Могилы также характерна для комплексов середины — третьей четверти IV в. до н. э. (Трейстер 2005: 519).

Есть находки однолезвийных мечей данного типа и в Крыму. В восточной части полуострова, в засыпи ограбленного погребения 2 кургана 5 группы Новоалександровка-Богачевка, был обнаружен фрагмент рукояти железного однолезвийного меча, обтянутой золотом (рис. 5: 9) (Колтухов 2012: 45, рис. 16: 5). Несмотря на сильное ограбление, сохранилась часть инвентаря, которая сближает данный комплекс с Соболевой Могилой — в частности, серебряный килик, подобный распространенным в Северном Причерноморье в третьей четверти IV в. до н. э. (Трейстер 2005: 513). В коллекции Государственного Эрмитажа хранится однолезвийный меч, который был издан М. И. Ростовцевым как «покупка в Керчи» (рис. 5: 8) (Ростовцев 1914: 89, табл. V: 1). Правда, в своде А. И. Мелюковой рисунок этого меча фигурирует как находка из Новониколаевки[19]. К сожалению, ничего, кроме формы данного экземпляра, не может указывать на датировку этой находки. Впрочем, кроме меча из Новоалександровки-Богачевки, наиболее близкой аналогией для него является меч из кургана 487 у с. Капитановка в лесостепном правобережье Днепра (Алексеев 2006: 48).

Днепровская лесостепь представлена двумя курганными комплексами с однолезвийными мечами — курганом 487 у с. Капитановка и Рыжановским курганом. Курган 487, раскопанный А. А. Бобринским в 1908 г. у дороги из с. Капитановки в Златополь (группа курганов у с. Турья Чигиринского уезда Киевской губернии), содержал рукоять однолезвийного меча, ножны которого были снабжены массивным электровым наконечником (рис. 5: 6) (Бобринский 1910: 70, рис. 8, 8а). Кроме меча, основное погребение содержало богатый инвентарь, в состав которого вошли наконечники дротиков, колчанный набор, амфора, бронзовая чаша, золотая гривна. Погребение сопровождалось захоронением лошади с уздечным набором. Амфора была определена как гераклейская (возможно, IIа типа по С. Ю. Монахову (Монахов 1999)), аналогии ей можно найти в Александропольском кургане последней четверти IV в. до н. э., а детали узды из погребения лошади близки уздечному набору из погребения 2 кургана Хомина Могила и Рыжановского кургана конца IV в. до н. э., что позволяет определить дату комплекса из Капитановки в рамках последней четверти IV в. до н. э. (Алексеев 2006: 50).

В основном (мужском) погребении Большого Рыжановского кургана среди богатейшего инвентаря был обнаружен однолезвийный меч в золотой обкладке с наконечником ножен (рис. 5: 2) (Chochorowski et. al. 1997: Fot. 5; Chochorowski, Skoryj 2000: Abb. 10, Fot. 14; Скорый, Хохоровски 2004: 37). Впускное (женское) погребение, исследованное Г. Оссовским в 1887 г. (Ossowski 1888: 6; Chochorowski, Skoryj 1995: 119—122), Н. А. Онайко датировала по чернолаковой керамике второй половиной IV в. до н. э., сужая датировку в соответствии с хронологией пантикапейских статеров до 340—315 гг. до н. э. (Онайко 1970: 58). С. Ю. Монахов на основе аналогий чернолаковой посуде датировал погребение третьей четвертью IV в. до н. э., что, по его мнению, подтверждается и хронологической позицией амфоры (т. н. «рыжановского типа») (Монахов 1999: 413—415). В результате доследования кургана в 1995—1998 гг., кроме замечательной коллекции погребального инвентаря, также была получена серия радиокарбонных датировок. На основании последних авторами раскопок предлагается дата для основного погребения в рамках 270±12 гг. до н. э. (Chochorowski, Kovaliuch, Skripkin 1998: 109), а сам вещевой комплекс был разделен на четыре хронологические группы (V—IV, IV, IV—III и III вв. до н. э.), причем большая часть вещей была отнесена ко второй половине IV в., и лишь единичные находки — к III в. до н. э. (Скорый 1998: 132). Сочетание амфор с грибовидными венцами в центральном погребении, по мнению А. Ю. Алексеева (со ссылкой на С. Ю. Монахова), оставляет 70-е гг. III в. до н. э. в качестве максимально допустимой границы (Алексеев 2003: 272; Монахов 1999: 497—509), что, с точки зрения С. В. Полина, вряд ли возможно (Мозолевский, Полин 2005: 377, 378). К тому же, в результате пересчета данных таблиц радиокарбонных датировок, проделанного А. Ю. Алексеевым, выяснилось, что вероятность изготовления в конце IV — начале III в. до н. э. (350—285 гг. до н. э.) всех деревянных элементов конструкций (цен-

[19] В статье М. И. Ростовцева рисунок с этим мечом был подписан как «меч из раскопок А. А. Бобринского» (Ростовцев 1914а: табл. V: 1). Видимо, это и послужило причиной ошибки А. И. Мелюковой, а затем и С. А. Скорого (Алексеев 2006: 48).

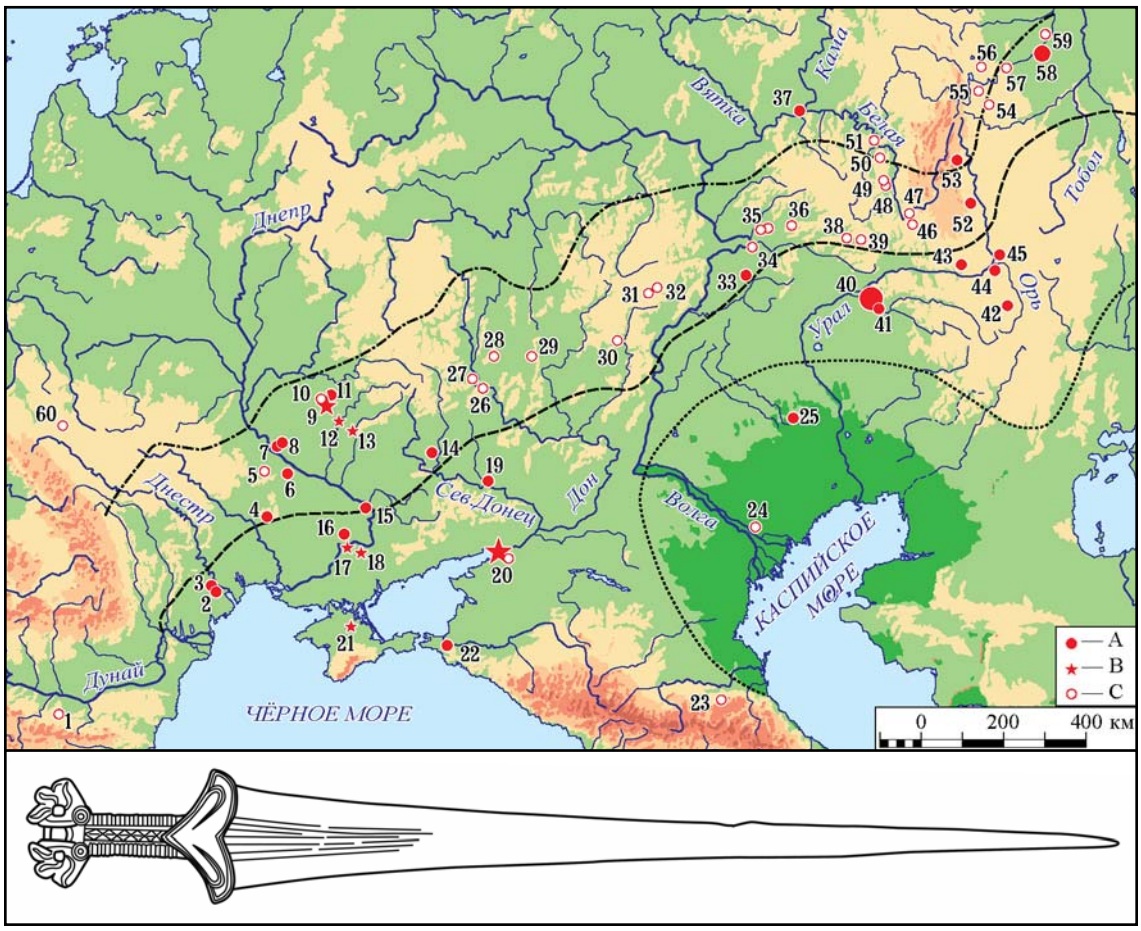

Рис. 8. Распространение акинаков типа Солоха. Легенда: А — погребения; В — парадные формы; С — случайные находки (значки меньшего размера — 1 экз.; среднего — 2—3 экз.; большего — более 3 экз.). 1 — Агатово; 2 — Пуркарь; 3 — Талмаза; 4 — Тимофеевка; 5 — Вязовок; 6 — Жаботин; 7 — Гладковщина; 8 — Софиевка; 9 — Аксютинцы, «Стайкин верх»; 10 — Ромны; 11 — Волковцы; 12 — Осняги; 13 — Перещепино; 14 — Волосская Балаклея; 15 — Близнец; 16 — Нагорное; 17 — Солоха; 18 — Большая Белозерка; 19 — Петровка; 20 — Елизаветовская; 21 — Куль-Оба; 22 — Семь братьев; 23 — Ялхой-мохк; 24 — Исикай; 25 — Кара-Оба (Джангала); 26 — Вязники; 27 — Мастюгино; 28 — Хлебное; 29 — Садовка; 30 — Яблочный; 31 — Шняево; 32 — Пилюгино; 33 — Кировский; 34 — Самара, «Студеный овраг»; 35 — Безречье, Похвистнево; 36 — Ахрат; 37 — Малые Чеганды; 38 — Ивановка; 39 — Новая Богдановка; 40 — Филипповка; 41 — Лебедевка; 42 — Сарытау; 43 — Ибрагимово; 44 — Новый Кумак; 45 — Новоорский; 46 — Тляумбетово; 47 — Акназарово; 48 — Талачево; 49 — Дадановка; 50 — Вязовка; 51 — Уфа; 52 — Сибай; 53 — Муракаево; 54 — Шабунина; 55 — Мисяш; 56 — Аргаяш; 57 — Миасское; 58 — Воробьево; 59 — Воскресенское; 60 — Львов.

Fig. 8. Distribution of akinakai of Solokha type. Legend: A — burial; B — ceremonial items; C — stray finds (small sign — 1 ex.; medium — 2—3 ex.; large — more than 3 ex.). 1 — Agatovo; 2 — Purcari; 3 — Talmaza; 4 — Timofeevka; 5 — Vyazovok; 6 — Zhabotin; 7 — Gladkovshchina; 8 — Sofievka; 9 — Aksjutintsy, "Stajkin verkh"; 10 — Romny; 11 — Volkovtsy; 12 — Osnjagi; 13 — Pereshchepino; 14 — Volosskaya Balakleya; 15 — Bliznets; 16 — Nagornoe; 17 — Solokha; 18 — Bolshaya Belozerka; 19 — Petrovka; 20 — Elizavetovskaya; 21 — Kul-Oba; 22 — Seven Brothers burial mound; 23 — Yalkhoi-mokhk; 24 — Isikay; 25 — Kara-Oba (Dzhangala); 26 — Vyazniki; 27 — Mastyugino; 28 — Khlebnoe; 29 — Sadovka; 30 — Yablochnyi; 31 — Shnyaevo; 32 — Pilyugino; 33 — Kirovskij; 34 — Samara, "Studenyi ovrag"; 35 — Bezrechye, Pokhvistnevo; 36 — Akhrat; 37 — Malye Chegandy; 38 — Ivanovka; 39 — Novaya Bogdanovka; 40 — Filippovka; 41 — Lebedevka; 42 — Sarytau; 43 — Ibragimovo; 44 — Novyi Kumak; 45 — Novoorskij; 46 — Tlyaumbetovo; 47 — Aknazarovo; 48 — Talachevo; 49 — Dadanovka; 50 — Vyazovka; 51 — Ufa; 52 — Sibay; 53 — Murakaevo; 54 — Shabunina; 55 — Misyash; 56 — Argayash; 57 — Miasskoe; 58 — Vorobyevo; 59 — Voskresenskoe; 60 — Lvov.

трального погребения кургана) довольно высока (Алексеев 2001: 71, 72; Евразия... 2005: 212), с чем, похоже, начали соглашаться и авторы раскопок, позже предложив датировку 360—270 гг. до н. э. (Kovaliukh et al. 2003). В итоге, на основе результатов радиоуглеродного датирования и анализа вещевого комплекса, А. Ю. Алексеев остановился на дате «около 300 г. до н. э.» (или, шире, 315—285 гг. до н. э.), отмечая, что Большой Рыжановский курган является позднейшей «царской гробницей» Скифии (Алексеев 2003: 272, 273; 2006: 50). С этим, правда, категорически не согласен С. В. Полин, считающий наиболее

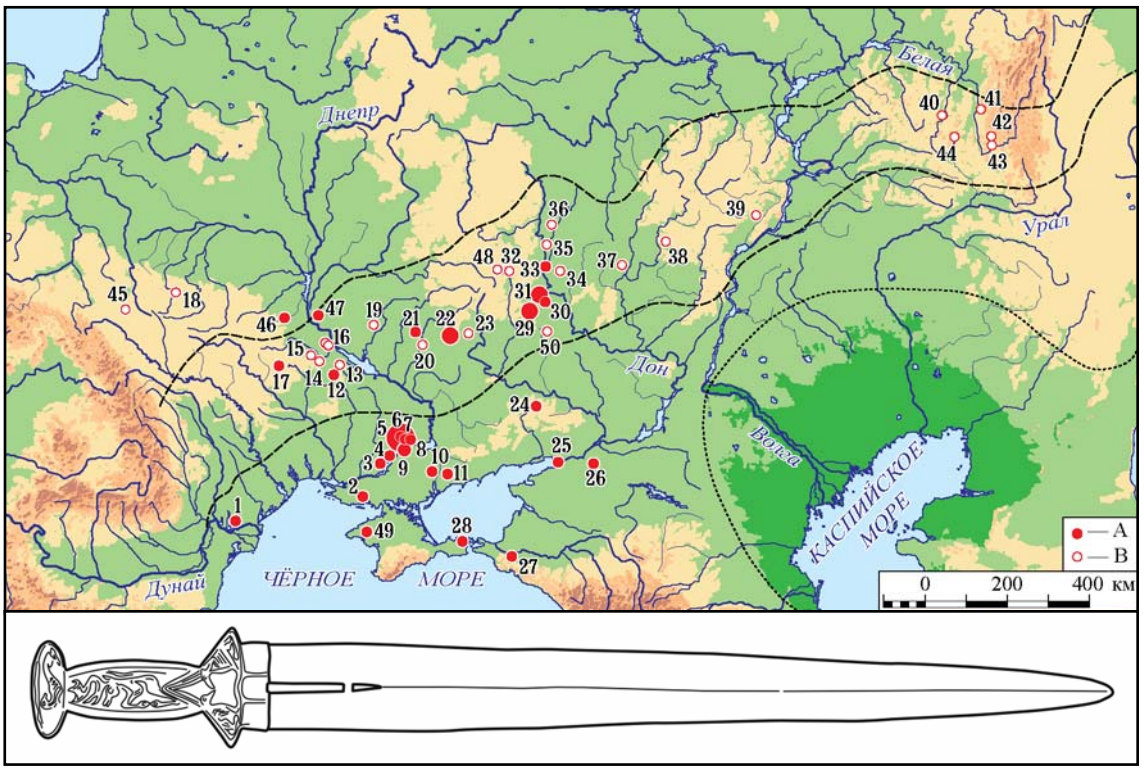

Рис. 9. Распространение акинаков типа Чертомлык (А — погребения; В — случайные находки). 1 — Измаил; 2 — Широкое; 3 — Новорайск; 4 — Дудчаны; 5 — Чертомлык; 6 — Толстая Могила; 7 — Капуловка; 8 — Белозерка; 9 — Солоха; 10 — Шульговка; 11 — Бердянский курган (с. Нововасильевка); 12 — Макеевка; 13 — Плискачевка; 14 — Медвин; 15 — Сухин; 16 — Ковали, Канев; 17 — Новоселка; 18 — Дубно; 19 — Сухоносовка; 20 — Хвощевая дача (с. Милорадово); 21 — Перещепино; 22 — Старый Мерчик; 23 — Циркуны; 24 — Горняцкий; 25 — Елизаветовский могильник; 26 — Житков; 27 — Карагодеуашх; 28 — курган Кекуватского; 29 — Дуровка; 30 — Ближнее Стояново; 31 — Колбино; 32 — Ключ; 33 — Частые Курганы; 34 — Красный Лиман; 35 — Конь-Колодезь; 36 — Липецк; 37 — Чичерино; 38 — Кистендей; 39 — Черкасское; 40 — Дёма; 41 — Янгискаин; 42 — Нугушское водохранилище; 43 — Петропавловка; 44 — Верхний Алыштан; 45 — Львов; 46 — Ходорков; 47 — Борисполь; 48 — Рогозцы; 49 — Чаян (с. Запорожское); 50 — Екатериновка.

Fig. 9. Distribution of akinakai of Chertomlyk type (A — burials; B — stray finds). 1 — Izmail; 2 — Shirokoe; 3 — Novorajsk; 4 — Dudchany; 5 — Chertomlyk; 6 — Tolstaya Mogila; 7 — Kapulovka; 8 — Belozerka; 9 — Solokha; 10 — Shulgovka; 11 — Berdyanskij kurgan (Novovasilevka); 12 — Makeevka; 13 — Pliskachevka; 14 — Medvin; 15 — Sukhin; 16 — Kovali, Kanev; 17 — Novoselka; 18 — Dubno; 19 — Sukhonosovka; 20 — Khvoshhevaya dacha (Miloradovo); 21 — Pereshchepino; 22 — Staryi Merchik; 23 — Tsirkuny; 24 — Gornyatskij; 25 — Elizavetovskaya necropolis; 26 — Zhitkov; 27 — Karagodeuashkh; 28 — Kekuvatskij burial mound; 29 — Durovka; 30 — Blizhnee Stoyanovo; 31 — Kolbino; 32 — Klyuch; 33 — Chastye Kurgany; 34 — Krasnyi Liman; 35 — Kon-Kolodez; 36 — Lipetsk; 37 — Chicherino; 38 — Kistendey; 39 — Cherkasskoe; 40 — Dyoma; 41 — Yangiskain; 42 — Nugush river reservoir; 43 — Petropavlovka; 44 — Verkhnij Alyshtan; 45 — Lvov; 46 — Khodorkov; 47 — Borispol; 48 — Rogoztsy; 49 — Chayan (Zaporozhskoe); 50 — Ekaterinovka.

приемлемой датировкой Рыжановки третью четверть IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин 2005: 379).

Следует отметить, что для классической Скифии известны и другие типы однолезвийных акинаков. На Нижнем Дону, в Елизаветовском могильнике, однолезвийные мечи появляются уже в V в. до н. э. — в погребениях 1 (вторая половина V в. до н. э.) и 4 (рубеж V—IV вв. до н. э.) кургана 62 (Янгулов 2008: 65, 70, рис. 4: 1, 2). Кроме того, меч из кургана 13 1966 г. уверенно датированный по чернолаковому килику второй четвертью V в., свидетельствует о еще более раннем времени появления у скифов собственных типов однолезвийного клинкового оружия (Янгулов 2008: 67). Серия схожих однолезвийных мечей, выделенных Е. Ф. Рединой в отдельный тип (наряду с мечами типа Чертомлык-Златополь-Пески, боевыми ножами «фракийского облика»), известна по материалам скифских могильников Нижнего Дуная. Семь экземпляров происходят из курганов могильника Чауш, из них поддаются реконструкции лишь три — из курганов 12, 15 и 22, датированные Е. Ф. Рединой третьей четвертью IV в. до н. э. (Суничук 1985: 44, рис. 2: 16, 17; Редина 1999: 223—226, рис. 1: 2, 3; 2: 1—3). В кургане 24 могильника Плавни I был обнаружен аналогичный меч. В целом, этот могильник считается

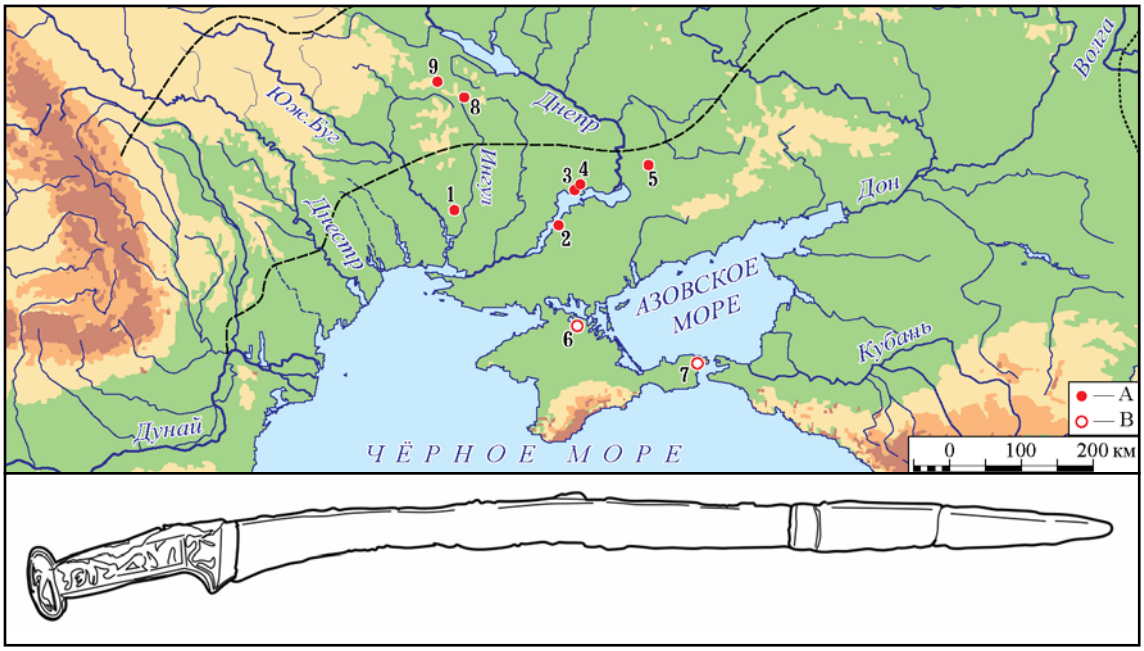

Рис. 10. Распространение однолезвийных мечей типа Шульговка (А — погребения; В — случайные находки). 1 — Пески; 2 — Малая Лепетиха; 3 — Чертомлык; 4 — Соболева Могила; 5 — Новониколаевка; 6 — Богачовка; 7 — Керчь; 8 — Капитановка; 9 — Рыжановка.

Fig. 10. Distribution of swords of Shulgovka type (A — burial; B — stray finds). 1 — Peski; 2 — Malaya Lepetikha; 3 — Chertomlyk; 4 — Soboleva Mogila; 5 — Novonikolaevka; 6 — Bogachovka; 7 — Kerch; 8 — Kapitanovka; 9 — Ryzhanovka.

одновременным чаушскому и датирован серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. (Суничук, Фокеев 1984: 117; Редина 1999: 223; Redina 2005: 236). Ко второй половине IV в. до н. э. можно отнести и погребение с однолезвийным акинаком грунтового могильника Николаевка I в Нижнем Поднестровье, обнаруженное в 1964 г. (Дзис-Райко 1965: 63, 64, рис. 4: 4). Даже на западных рубежах Скифии, например, в Днестровско-Карпатском регионе, пока не известны погребения с двулезвийными мечами или кинжалами, которые бы достоверно датировались именно III в. до н. э. Кроме того, красноречиво выглядит факт полного отсутствия мечей и кинжалов в скифском могильнике конца IV — середины II вв. до н. э. у с. Глиное (хотя, при этом, другие категории вооружения широко представлены) (Синика, Тельнов 2014). По всей видимости, данный вид вооружения исчезает на рубеже IV—III вв. до н. э. не только в Поднестровье, но и в Подунавье, где еще в третьей четверти IV в. до н. э. традиционный скифский акинак сменяется однолезвийными мечами гибридного типа.

Что касается парадного однолезвийного оружия типа Шульговка, А. Ю. Алексеев выделяет две разновидности его оформления — ствол рукояти первой украшен последовательным рядом из трех или пяти изображений животных (Капитановка, Шульговка, Керчь, Новоалександровка-Богачевка), второй — изображением хищника и копытного (Рыжановка, Пески, Соболева Могила, Чертомлык, Малая Лепетиха). Кроме того, по мнению А. Ю. Алексеева, такие разновидности представлены и в «исходном» типе (чертомлыкском — *прим. авт.*) (Алексеев 2006: 51). Так, в частности, большинство рукоятей мечей типа Чертомлык оформлено в соответствии со второй разновидностью (пять мечей из Чертомлыка, два меча из Колбино, экземпляры из Старого Мерчика, Пятибратнего кургана, кургана Кекуватского и Нугушского водохранилища), хотя лишь на стволе рукояти меча из погребения 1 кургана 11 у с. Старый Мерчик и меча из Чертомлыка, кроме копытного, изображен и хищник. Рядом «идущих» изображений животных, в соответствии с первой разновидностью по А. Ю. Алексееву, украшены рукояти мечей из кургана 3 группы Частых курганов и случайных находок из Дубенского района и Петропавловки. Сложно сказать, стоят ли за данными различиями в оформлении хронологические особенности — комплексы с однолезвийными мечами более-менее синхронны и не выходят за пределы второй половины IV в. до н. э. Между тем, ряд комплексов с двулезвийными мечами типа Чертомлык, оформленными схожим образом со второй разновидностью однолезвийных мечей типа Шульговка, будто бы тяготеет к середине —

третьей четверти IV в. до н. э., в то время как первая разновидность — к последней четверти — концу IV в. до н. э.

Кроме того, очевидно, что в IV в. до н. э. центры производства клинкового оружия смещаются в южном направлении. Так, тип Солоха формируется, по всей видимости, еще на Лесостепном Левобережье Днепра — для раннего периода его развития (первой половины V в. до н. э.) характерны лишь лесостепные комплексы, к тому же подавляющее большинство «парадных» форм происходит с левого берега Днепра (рис. 8) (Топал 2014: 389, рис. 1). Распространение типа Чертомлык и связанного с ним типа Шульговка проходило в противоположном, по сравнению с солошским типом, направлении, вероятно, с юга на север, из Правобережья Среднего Днепра (рис. 9; 10). Показательно, что лесостепные комплексы с однолезвийными мечами типа Шульговка появляются гораздо позже степных, и располагаются они уже исключительно на правом берегу Днепра. Продолжая сравнение с типом Солоха, можно отметить значительное сужение ареала чертомлыкских мечей и кинжалов, к тому же, восточная граница погребальных комплексов с акинаками типа Чертомлык проходит по Дону. А вторая по значимости концентрация погребений с клинковым оружием занимает уже не Нижнее, а Среднее Подонье. Траектория этой финальной линии развития скифских акинаков, безусловно, является отражением определенных тенденций в скифской культуре конца IV в., приведших, в частности, и к исчезновению самого акинака как некой культурной традиции, несмотря на расхожее утверждение, что к IV—III вв. до н. э. число скифских погребений с клинковым оружием заметно увеличивается (Мелюкова 1964: 46).

Литература

Агульников и др. 2013: Агульников С. М., Попович С. С., Церна С. В., Топал Д. А. 2013. Скифский курган №7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре. *Stratum plus* (3), 257—284.

Алексеев А. Ю. 1991. Этюд об акинаках. В: Клейн Л. С. *Археологическая типология*. Ленинград: АН СССР, 271—280.

Алексеев А. Ю. 1996. Скифские цари и «царские» курганы V—IV вв. до н. э. *ВДИ* (3), 99—112.

Алексеев А. Ю. 2001. Греческие амфоры из Краснокутского кургана. *РА* (4), 69—76.

Алексеев А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев А. Ю. 2006. Акинак или махайра? (Мечи из раскопок Н. И. Веселовского у с. Шульговки в 1891 г.). В: Петренко В. Г., Яблонский Л. Т. (отв. ред.). *Древности скифской эпохи*. МАР 7. Москва: ИА РАН, 43—65.

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. 1991. *Чертомлык*. Киев: Наукова думка.

Антонович В. Б. 1893. *Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян*. МАР 11. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова.

Апальков А. Н. 1995. Находки предметов вооружения скифского времени в междуречье Сейма и Сосны. *РА* (2), 149—152.

Артамонов М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа*. Прага: Артия; Ленинград: Советский художник.

Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. 1999. Предварительные итоги раскопок курганного могильника скифского времени у с. Старый Мерчик на Харьковщине. В: Дьячков С. В. (отв. ред.). *Проблемы истории и археологии Украины*. Тезисы докладов научной конференции 21—23 октября 1999 г. Харьков: ХИАО, 23, 24.

Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. 2000. *Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант)*. Киев: ИА НАНУ.

Березуцкий В. Д. 1996. Курганы скифского времени у села Ближнее Стояново. В: Синюк А. Т. (отв. ред.). *Археологические исследования высшей педагогической школы*. Сборник научных трудов. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 162—180.

Бессонова С. С. 1994. Курганы лесостепного Побужья. В: Черненко Е. В. (отв. ред.). *Древности скифов*. Киев: Наукова думка, 3—34.

Бідзиля В. І. 1971. Дослідження Гайманової Могили. *Археологія* (1), 44—56.

Бидзиля В. И., Полин С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скіф.

Бобринский А. А. 1910. Отчет о раскопках в Чигиринском у. Киевской губ. в 1908 г. *ИАК* 35, 61—85.

Брашинский И. Б. 1965. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья. *Eirene: studia Graeca et Latina* IV. Praha, 89—109.

Брашинский И. Б. 1984. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской. *НЭ* 14, 3—22.

Вахтина М. Ю. 1999. О некоторых греческих элементах женского погребения в кургане Карагодеуашх. В: *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 204—208.

Вахтина М. Ю. 2009. О композиции на золотой треугольной пластине из женского погребения кургана Карагодеуашх. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Материалы конференции. Краснодар: КГУ, 39—43.

Виноградов Ю. А. 2005. Боспор Киммерийский. В: Марченко К. К. (ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху*. Санкт-Петербург: Алетейя, 211—276.

Ворошилов А. Н. 2008. Случайные находки архаических акинаков как источник по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху. В: Савинов Д. Г., Седых В. Н. (ред.). *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный*

контекст. Материалы тематической научной конференции 16—19 декабря 2008 г. Санкт-Петербург, 91—96.

Галанина Л.К. 1977. *Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга*. САИ Д1—33. Москва: Наука.

Граков Б.Н. 1947. Γυναικοκρατουμενοι (пережитки матриархата у сарматов). *ВДИ* (3), 100—121.

Граков Б.Н. 1971. *Скифы*. Москва: Издательство Московского университета.

Гребенников Ю.С. 1987. Курганы скифской знати в Поингулье. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 148—158.

Гречко Д.С., Карнаух Е.Г. 2011. Некоторые вопросы этнокультурной истории юга Восточной Европы конца скифского периода. *Stratum plus* (3), 245—261.

Гуляев В.И. 2004. Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V—IV вв. до н.э.). В: *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху*. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг. Москва: РАН, 7—24.

Гуляев В.И. 2008. «Престижные вещи» из среднедонских курганов скифского времени и проблема единой Скифии. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Проблемы современной археологии*. Сборник памяти В.А. Башилова. Москва: Таус, 155—171.

Гуляев В.И. 2009. «Парадные» мечи V—IV вв. до н.э. из курганов Скифии. В: Килейников В.В. (отв. ред.). *Археологические памятники Восточной Европы* 13. Воронеж: ВГПУ, 147—151.

Гуляев В.И., Савченко Е.И. 2000. Новое погребение знатного воина скифской эпохи на Среднем Дону. *Археология, этнография и антропология Евразии* (1), 88—93.

Данилко Н.М., Куприй С.А. 2004. Курган у с. Малая Лепетиха. *ССПК* XI. Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я (до 105-річчя з дня народження Б.М. Гракова)». Запоріжжя, 79—86.

ДГС 1872: *Древности Геродотовой Скифии*. 1872. Сборник археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. II. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.

Дзис-Райко Д.А. 1965. Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане. *КСОГАМ за 1963 г.*, 62—66.

Древности... 1900: Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. 1900. *Древности Приднепровья*. Вып. III. *Эпоха предшествующая Великому переселению народов*. Киев.

Евразия... 2005: *Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология*. 2005. Санкт-Петербург: Теза.

Замятнин С.Н. 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. *СА* 8, 9—50.

Золотые олени... 2003: *Золотые олени Евразии*. 2003. Санкт-Петербург: Славия.

Исмагилов Р.Б. 1978. Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии. *СА* (4), 229—238.

Исмагилов Р.Б. 2001. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки). *УАВ* 3, 117—147.

История Луганского края 2003: *История Луганского края*. Учебное пособие. 2003. Луганск: Альма-матер.

Канторович А.Р. 2012. Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюция. *Stratum plus* (3), 17—71.

Клейн Л.С. 1991. *Археологическая типология*. Ленинград: АН СССР.

Клепиков В.М. 2002. *Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н.э.* Волгоград: ВГУ.

Клоков А.Ю. 1996. Находки скифских мечей и кинжалов в бассейне Верхнего Дона. В: Бессуднов А.Н. (отв. ред.). *Археологические памятники лесостепного Придонья*. Липецк: ЛГПИ, 122—132.

Ковалев Н.В., Полин С.В., Чередниченко Н.Н. 1992. О датировке Бердянского кургана (по керамическим материалам). В: Мозолевский Б.Н. (отв. ред.). *Киммерийцы и скифы*. Тезисы докладов II Международной конференции, посвященной памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь: ИА АНУ, 39—40.

Ковпаненко Г.Т., Левченко Б.М. 1977. Скіфський меч з с. Медвин. *Археологія* 23, 60—61.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. 1994. Новые погребения раннего железного века в Поросье. В: Черненко Е.В. (отв. ред.). *Древности скифов*. Киев: Наукова думка, 41—63.

Козуб Ю.І. 1974. *Некрополь Ольвії V—IV ст. до н.е.* Київ: Наукова думка.

Колотухин В.А. 2000. *Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Подкурганные погребения Степного Крыма начала железного века*. Материалы по археологии Крыма. Симферополь: Сонат.

Колтухов С.Г. 2012. *Скифы Крымского Присивашья в VII—IV вв. до н.э. Погребальные памятники*. Материалы к археологической карте Крыма X. Симферополь: Феникс.

Королькова Е.Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Косиков В.А., Павлик А.А. 1992. Скифские мечи из коллекции Львовского исторического музея. *Донецкий археологический сборник* 2. Донецк: Аверс, 113—118.

Кулатова І.М. 1995. Кинджал. *ПАЗ* 3, 174—175.

Лаппо-Данилевский А. 1894. Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV—III вв. до Р.Х. *Древности Южной России. Курган Карагодеуаших. МАР* 13. Ч. I.

Либеров П.Д. 1965. *Памятники скифского времени на Среднем Дону*. САИ Д1—31. Москва: Наука.

Мальмберг В.К. 1894. Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх. *Древности Южной России. Курган Карагодеуаших. МАР* 13. Ч. II.

Манцевич А.П. 1987. *Курган Солоха. Публикация одной коллекции*. Ленинград: Искусство.

Махортых С.В., Иевлев С.М. 2001. Скифские мечи и кинжалы из собрания Национального музея истории Украины. *Древности Северского Донца* 5. Луганск: Шлях, 100—107.

Махортых С.В. 2011. Мечи и кинжалы из погребений Перещепинского курганного могильника. *История оружия* 2—3. Запорожье, 10—15.

Махортых С.В. 2012. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска. *Stratum*

plus (3), 145—160.

Медведев А.П. 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э.* Москва: Наука.

Медведев А.П., Ефимов К.Ю. 2001. Курган скифского времени у с. Абрамовка. В: *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху.* Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993—2000. Москва, 202—210.

Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов.* САИ Д1—4. Москва: Наука.

Мелюкова А.И. 1989. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время.* Археология СССР. Москва: Наука, 92—100.

Мозолевський Б.М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Мозолевский Б.Н. 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.). В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, 70—154.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Стилос.

Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н.э.* Саратов: Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре.* Каталог-определитель. Москва: Киммерида; Саратов: Саратовский университет.

Моржерин К.Ю. 2004. Новые данные о находках вооружения савроматского времени в саратовском Поволжье. В: *Проблемы археологии Нижнего Поволжья.* I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов. Волгоград: ВолГУ, 182—186.

Мурзін В.Ю., Фіалко О.Е. 1998. Зброя з Бердянського кургану. *Археологія* (3), 103—112.

Нефедкин А.К. 1998. Сцена боя на золотой обкладке ножен акинака из Чертомлыка и военная реформа Дария III, к вопросу об интерпретации изображения. В: *Боспорское царство как историко-культурный феномен.* Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 71—76.

Онайко Н.А. 1970. *Античный импорт в Приазовье и Побужье в IV—II вв. до н.э.* САИ Д1—27. Москва: Наука.

Паламарчук С.В., Синика В.С. 2014. Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка. *Stratum plus* (3), 291—302.

Парусимов И.Н. 2013. Нижнедонские диагональные погребения IV в. до н.э. В: Кашуба М.Т., Скаков А.Ю. (отв. ред.). *Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа.* Материалы Третьей Абхазской международной археологической конференции. Сухум: АбИГИ, 220—226.

Петренко В.Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н.э.* САИ Д1—4. Москва: Наука.

Плешивенко А.Г. 1991. Скифский курган у Белозерского лимана. В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.). *Курганы степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 53—72.

Пузикова А.И. 1969. Раскопки могильника скифского времени у села Дуровка в 1965 г. В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Население Среднего Дона в скифское время.* МИА 151, 82—95.

Пузикова А.И. 1984. Акинак из с. Ключ Курской области. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Петренко В.Г. (отв. ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время.* Москва: Наука, 210—213.

Пузикова А.И. 2001. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. (Публикация комплексов).* Москва: Индрик.

Редина Е.Ф. 1999. К вопросу о фрако-скифских культурных взаимоотношениях (скифское однолезвийное оружие). В: *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова).* III Граковские чтения. Запорожье: ЗГУ, 222—227.

Ростовцев М.И. 1914. *Воронежский серебряный сосуд.* Петроград: Типография Главного управления уделов.

Ростовцев М.И. 1914а. Воронежский серебряный сосуд. *МАР* 34, 79—93.

Рудинський М.Я. 1928. Археологічні збірки Полтавського музею. В: *Збірник присвячений 35-річчю музею*. Т.І. Полтава: ПДМ, 29—62.

Савченко Е.И. 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону. В: *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху.* Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг. Москва: РАН, 151—277.

Савченко Е.И. 2006. Курган скифского времени у с. Колбино на Среднем Дону. В: Петренко В.Г., Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Древности скифской эпохи*. МАР 7. Москва: ИА РАН, 317—335.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2014. Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV—II вв. до н.э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье. В: Лукьяшко С.И. (отв. ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 345—366.

Скорый С.А. 1998. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана. *MSROA* XIX, 119—138.

Скорый С., Хохоровски Я. 2004. Оружие из Большого Рыжановского кургана. В: *Проблемы истории и археологии Украины.* Материалы V Международной конференции. Харьков: НМЦ «МД», 36—37.

Смирнов К.Ф. 1961. *Вооружение савроматов.* МИА 101.

Сокольский Н.И. 1954. Боспорские мечи. В: Кобылина М.М. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху* II. *МИА* 33, 123—196.

Суничук Е.Ф. 1985. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная. В: Ванчугов В.П., Дзис-Райко Г.А. (отв. ред.). *Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, 38—45.

Суничук Е.Ф., Фокеев М.М. 1984. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная. В: Черняков И.Т. (отв. ред.). *Ранний железный век в Северо-Западном Причерноморье.* Киев: Наукова думка, 103—120.

Тереножкин и др. 1973: Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Скифские древности.* Киев: Наукова думка, 113—186.

Топал Д.А. 2014. Акинаки классической Скифии: тип Солоха. В: Лукьяшко С.И. (отв. ред.). *Война и во-*

енное дело в скифо-сарматском мире. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 380—406.

Топал Д.А. 2014а. Акинаки келермесского типа в свете новых находок в центральной Молдове. В: *Ранние кочевники Урало-Поволжья в I тыс. до н.э.* Волгоград, в печати.

Трейстер М.Ю. 2005. Серебряная посуда из Соболевой могилы. Прил. 3. В: Мозолевский Б.Н., Полин С.В. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева могилы.* Киев: Стилос, 513—527.

Фиалко Е.Е. 1994. *Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой лесостепи.* Киев: ИА НАНУ. Препринт.

Фиалко Е.Е. 1997. Хронологическая позиция Бердянского кургана. В: Яровой Е.В. (ред.). *Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э.— IV в. до н.э.).* Тирасполь: НИЛ «Археология», 56—57.

Філатов О.П., Черненко Е.В. 1972. Скіфський курган на Ворошиловгращині. *АДУ в 1969 р.*, 122—125.

Фридман М.И. 1987. Скифские курганы у с. Дудчаны на Херсонщине. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины.* Киев: Наукова думка, 159—170.

Черненко Е.В. 1977. Ножны греческого меча из Ольвии. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Скифы и сарматы.* Киев: Наукова думка, 120—127.

Черненко Е.В. 1980. О серийном производстве парадного оружия скифского времени в античных центрах Северного Причерноморья. В: *Проблемы античной истории и классической филологии*. Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Харьков: ХГУ, 67—69.

Черненко Е.В. 1981. *Скифские лучники.* Киев: Наукова думка.

Черненко Е.В., Бунятян Е.П. 1977. Курганная группа Широкое-II. В: Черненко Е.В. (отв. ред.). *Курганы Южной Херсонщины.* Киев: Наукова думка, 45—93.

Чубур А.А. 2000. *Курский край. Эпоха раннего металла.* Т. 2. Курск: КГПУ.

Шахров Г.И. 1990. Исследование курганной группы у с. Новорайск на Херсонщине. *ДСПК* I, 71—85.

Шелехань О.В. 2013. До питання про форму перехрестя клинкової зброї скіфського часу. *Археологія* (4), 41—54.

Шилов В.П. 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. *СА* (1), 150—168.

Шилов В.П., Очир-Горяева М.А. 1997. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский I—II. *Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы.* МИАР 1. Москва, 127—152.

Шкурко А.И. 1982. Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии. В: *Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ* 54. Ч. 2. Москва, 3—8.

Яковенко Е.В. 1965. Некрополь скіфського часу біля м. Бориспіль. *Археологія* XVIII, 150—159.

Яковенко Е.В. 1974. *Скіфи Східного Криму в V—III ст. до н.е.* Київ: Наукова думка.

Янгулов С.Ю. 2008. Оружие из погребений V в. до н.э. Елизаветовского могильника в дельте Дона. *РА* (1), 63—72.

Antiquités... 1892: Reinach S. (ed.). *Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854)*. 1892. Paris: Librairie de Firman-Didot.

Chochorowski J., Skoryj S. 1995. Wielki Kurhan Ryżanowski w świetle aktualnej oceny badań Godfryda Ossowskiego. *MSROA* XVI, 119—128.

Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J. 1997. Centralny pochówek Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego. *MSROA* XVIII, 77—92.

Chochorowski J., Kovaliuch N., Skripkin V. 1998. Subkalibrowane datowanie radiowęglowe grobowca "księcia" skytyjskiego z Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego. *MSROA* XIX, 99—118.

Chochorowski J., Skoryj S. 2000. Die Zentralbestattung des Groß-Grabhügels von Ryžanovka im rechtsseitigen Teil des ukrainischen Waldsteppengebietes. In: Lungu V. (ed.). *Pratiques funéraires dans l'Europe des XIIIe — IVe s. av. J.-C.: actes du IIIe Colloque international d'archéologie funéraire organisé à Tulcea, 15—20 septembre 1997*. Tulcea: Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, 105—122.

Ginters W. 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.

Kovaliukh et al. 2003: Kovaliukh N., Skripkin V., Khokhorovsky Ja., Skory S. 2003. On the age of the Great Ryzhanovsky burial-mound. In: *Impact of the environment on human migration in Eurasia.* Proceedings of the NATO Advanced Research Workshop, Held in St. Petersburg, 15—18 November 2003. Book of abstracts and programme. St. Petersburg, 37.

Ossowski G. 1888. *Wielki kurhan ryżanowski według badań dokonanych w latach 1884—1887*. Kraków: Fr. Kluczycki i Spółka.

Recueil d'antiquités... 1866: *Recueil d'antiquités de la Scythie.* 1866. Atlas publié par la Commission Impériale Archéologique. Vol. 2. St.-Pétersbourg: Académie Impériale des sciences.

Redina E.F. 2005. Scytho-Thracian cultural contacts in northwestern Black Sea littoral. In: Bouzek J., Domaradzka L. (eds.). *The culture of Thracians and their neighbours.* Proceedings of the International Symposium in Memory of Prof. Mieczyslaw Domaradzki, with a round table "Archaeological map of Bulgaria". BAR International Series 1350.

Richter G. 1932. A Greek sword sheath from South Russia. *Metropolitan Museum studies* IV, 109—130.

Simion G. 1971. Despre cultura geto-dacă din nordul Dobrogei, în lumina descoperirilor de la Enisala. *Peuce* II, 63—129.

Simion G. 2006. Prezenţe scitice în teritoriul Orgamei. În: *Orgame/Argamum.* Suppl. 1. *A la recherché d'une colonie*, 263—281.

Shcheglov A.N., Katz V.I. 1991. A fourth-century B.C. Royal Kurgan in the Crimea. *Metropolitan Museum Journal* 26, 97—122.

Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C.* The Athenian Agora XII. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens.

Talmaţchi G. 2010. *Semne monetare din aria de vest şi nord-vest a Pontului Euxin. De la symbol la comerţ (secolele VI—V a. Chr.).* Cluj-Napoca: Mega Publishing House.

Topal D. 2014. Akinakai of Kelermes type: New discoveries in Central Bessarabia. *Marisia* XXXIII, in print.

Treasures... 1991: *The Treasures of the Nomadic Tribes in South Russia*. 1991. Exhibition catalogue. April 13th — May 26th, 1991. Tokyo: The Ancient Orient Museum.

Treister M. 1999. The workshop of the gorytos and scabbard overlays. In: Reeder E.D. (ed.). *Scythian gold. Treasures of ancient Ukraine.* New York: Abrams, 71—81.

References

Agulnikov, S. M., Popovici, S. S., Ţerna, S. V., Topal, D. A. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 257—284 (in Russian).

Alexeev, A. Yu. 1991. In Klejn, L. S. *Arkheologicheskaia tipologiia (Archaeological typology).* Leningrad: AN SSSR, 271—280 (in Russian).

Alexeev, A. Yu. 1996. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 99—112 (in Russian).

Alexeev, A. Yu. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 69—76 (in Russian).

Alexeev, A. Yu. 2003. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII—IV vekov do n. e. (The chronography of European Scythia in 7th—4th centuries BC).* Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).

Alexeev, A. Yu. 2006. In *Drevnosti skifskoi epokhi (Antiquities of the Scythian epoch).*. Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia) 7. Moscow: IA RAN, 43—65 (in Russian).

Alexeev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (Chertomlyk).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Antonovich, V. B. 1893. *Drevnosti Iugo-Zapadnogo kraia. Raskopki v strane drevlian (Antiquities of the South-Western region. Excavations in the land of Drevlyane).* Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia) 11. Saint Petersburg: Tipografiia I. N. Skorokhodova (in Russian).

Apalkov, A. N. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 149—152 (in Russian).

Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha (Treasures from Scythian barrows in the collection of the State Hermitage).* Praga: Artiia; Leningrad: Sovetskii khudozhnik (in Russian).

Bandurovskij, A. V., Bujnov, Yu. V. 1999. In *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Problems of history and archaeology of Ukraine).* Kharkov: KhIAO, 23, 24 (in Russian).

Bandurovskij, A. V., Bujnov, Yu. V. 2000. *Kurgany skifskogo vremeni (severskodonetskii variant) (Scythian barrows of the Severskiy Donetsk variant).* Kiev: IA NANU (in Russian).

Berezutsky, V. D. 1996. In *Arkheologicheskie issledovaniia vysshei pedagogicheskoi shkoly (Archaeological investigations of the High Pedagogical School).* Voronezh: Izd-vo VGPU, 162—180 (in Russian).

Bessonova, S. S. 1994. In *Drevnosti skifov (Antiquities of the Scythians).* Kiev: Naukova dumka, 3—34 (in Russian).

Bidzilya, V. I. 1971. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 44—56 (in Ukrainian).

Bidzilya, V. I., Polin S. V. 2012. *Skifskii tsarskii kurgan Gaimanova Mogila (Scythian royal barrow Gaimanova Mogila).* Kiev: Skif (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1910. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 35, 61—85 (in Russian).

Brashinsky, I. B. 1965. In *Eirene: studia Graeca et Latina* IV. Praha, 89—109 (in Russian).

Brashinsky, I. B. 1984. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 14, 3—22 (in Russian).

Vakhtina, M. Yu. 1999. In *Bosporskii fenomen: grecheskaia kul'tura na periferii antichnogo mira (The Bosphoran phenomenon: Greek culture at the periphery of Ancient world).* Saint Petersburg: IIMK RAN, 204—208 (in Russian).

Vakhtina, M. Yu. 2009. In *Piataia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (5th Kuban archaeological conference).* Krasnodar: KGU, 39—43 (in Russian).

Vinogradov, Yu. A. 2005. In *Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ia v skifskuiu epokhu (The Greeks and Barbarians of the Northern Pontic region in the Scythian epoch).* Saint Petersburg: Aleteiia, 211—276 (in Russian).

Voroshilov, A. N. 2008. In *Sluchainye nakhodki: khronologiia, atributsiia, istoriko-kul'turnyi kontekst (Accidental finds: chronology, attribution, historical and cultural context).* Saint Petersburg, 91—96 (in Russian).

Galanina, L. K. 1977. *Skifskie drevnosti Podneprov'ia (Ermitazhnaia kollektsiia N. E. Brandenburga (Scythian antiquities of the Dnieper region (Hermitage collection of N. E. Brandenburg).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—33. Moscow: Nauka (in Russian).

Grakov, B. N. 1947. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 100—121 (in Russian).

Grakov, B. N. 1971. *Skify (Scythians).* Moscow: Moskovskii universitet (in Russian).

Grebennikov, Yu. S. 1987. In *Drevneishie skotovody stepei iuga Ukrainy (The most ancient cattle-breeders of the steppes of Southern Ukraine).* Kiev: Naukova dumka, 148—158 (in Russian).

Grechko, D. S., Karnaukh, E. G. 2011. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 245—261 (in Russian).

Gulyaev, V. I. 2004. In *Arkheologiia Srednego Dona v skifskuiu epokhu (Archaeology of Middle Don in the Scythian epoch).* Moscow: RAN, 7—24 (in Russian).

Gulyaev, V. I. 2008. In *Problemy sovremennoi arkheologii (Problems of modern archaeology).* Moscow: Taus, 155—171 (in Russian).

Gulyaev, V. I. 2009. In *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of the Eastern Europe)* 13. Voronezh: VGPU, 147—151 (in Russian).

Gulyaev, V. I., Savchenko, E. I. 2000. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)* (1), 88—93 (in Russian).

Danilko, N. M., Kuprij, S. A. 2004. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XI, 79—86 (in Russian).

Drevnosti Gerodotovoi Skifii (Antiquities of the Herodotus Scythia). 1872. Issue II. Saint Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk (in Russian).

Dzis-Raiko, D. A. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeia za 1963 g. (Brief reports on the field archaeological investigations of Odessa State Archaeological Museum in 1963),* 62—66 (in Russian).

Khanenko, B. N., Khanenko, V. I. 1900. *Drevnosti Pridneprov'ia (Antiquities of the Dnieper basin).* Issue III. *Epokha predshestvuiushchaia Velikomu pereseleniiu narodov (The epoch before the Great Migrations).* Kiev (in Russian).

Evraziia v skifskuiu epokhu: radiouglerodnaia i arkheologicheskaia khronologiia (Eurasia in Scythian epoch: radiocarbon and archaeological chronology). 2005. Saint Petersburg: Teza (in Russian).

Zamyatnin, S. N. 1946. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 8, 9—50 (in Russian).

Zolotye oleni Evrazii (Golden deers of Eurasia). 2003. Saint Petersburg: Slaviia (in Russian).

Ismagilov, R. B. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 229—238 (in Russian).

Ismagilov, R. B. 2001. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa archaeological bulletin)* 3, 117—147 (in Russian).

Istoriia Luganskogo kraia (History of the Lugansk region). 2003. Lugansk: Al'ma-mater (in Russian).

Kantorovich, A. R. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 17—71 (in Russian).

Klejn, L. S. 1991. *Arkheologicheskaia tipologiia (Archaeological typology).* Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Klepikov, V. M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ia v IV—III vv. do n. e. (Sarmatians of Lower Volga region in the 4th—3rd centuries BC)* Volgograd: VGU (in Russian).

Klokov, A. Yu. 1996. In *Arkheologicheskie pamiatniki lesostepnogo Pridon'ia (Archaeological sites of the forest-steppe Don region).* Lipetsk: LGPI, 122—132 (in Russian).

Kovalev, N. V., Polin, S. V., Cherednichenko, N. N. 1992. In *Kimmeriitsy i skify (Cimmerians and Scythians).* Melitopol: IA ANU, 39—40 (in Russian).

Kovpanenko, H. T., Levchenko, B. M. 1977. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 23, 60—61 (in Ukrainian).

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skory, S. A. 1994. In *Drevnosti skifov (Antiquities of the Scythians).* Kiev: Naukova dumka, 41—63 (in Russian).

Kozub, Yu. I. 1974. *Nekropol' Ol'vii V—IV st. do n. e. (Necropolis of Olbia from 5th—4th centuries BC).* Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).

Kolotukhin, V. A. 2000. *Kimmeriitsy i skify Stepnogo Kryma. Podkurgannye pogrebeniia Stepnogo Kryma nachala zheleznogo veka (Cimmerians and Scythians of Steppe Crimea. Tumular graves of Steppe Crimea from the Early Iron Age).* Materialy po arkheologii Kryma (Materials on the archae-

ology of Crimea). Simferopol: Sonat (in Russian).

Koltukhov, S. G. 2012. *Skify Krymskogo Prisivash'ia v VII—IV vv. do n. e. Pogrebal'nye pamiatniki (Scythians of the Crimean Sivash region in the 7th—4th centuries BC. Funerary sites).* Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma (Materials for the archaeological map of Crimea) X. Simferopol: Feniks (in Russian).

Korolkova, E. F. 2006. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (VII—IV vv. do n. e.). Problemy stilia i etnokul'turnoi prinadlezhnosti (Animal style of Eurasia. The art of the tribes of Lower Volga and Southern Ural regions in the Scythian epoch (7th—4th centuries BC). Problems of style and ethnocultural appurtenance).* Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).

Kosikov, V. A., Pavlik, A. A. 1992. In *Donetskii arkheologicheskii sbornik (Donetsk archaeological compilation)* 2. Donetsk: Avers, 113—118 (in Russian).

Kulatova, I. M. 1995. In *Poltavs'kyj arkheolohichnyj zbirnyk (Poltava archaeological compilation)* 3, 174—175 (in Ukrainian).

Lappo-Danilevsky, A. 1894. In *Drevnosti Iuzhnoi Rossii. Kurgan Karagodeuashkh (Antiquities of South Russia. Karagodeuashkh barrow)*. Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia) 13. P. I (in Russian).

Liberov, P. D. 1965. *Pamiatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu (Scythian-time sites in Middle Don region)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—31. Moscow: Nauka (in Russian).

Malmberg, V. K. 1894. In *Drevnosti Iuzhnoi Rossii. Kurgan Karagodeuashkh (Antiquities of South Russia. Karagodeuashkh barrow)*. Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia) 13. P. II (in Russian).

Mantsevich, A. P. 1987. *Kurgan Solokha. Publikatsiia odnoi kollektsii (The Solokha barrow. Publication of a collection).* Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Makhortykh, S. V., Ievlev, S. M. 2001. In *Drevnosti Severskogo Dontsa (Antiquities of the Seversky Donets)* 5. Lugansk: Shliakh, 100—107 (in Russian).

Makhortykh, S. V. 2011. In *Istoriia oruzhiia (History of armament)* 2—3. Zaporozhye, 10—15 (in Russian).

Makhortykh, S. V. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 145—160 (in Russian).

Medvedev, A. P. 1999. *Rannii zheleznyi vek lesostepnogo Podon'ia. Arkheologiia i etnokul'turnaia istoriia I tysiacheletiia do n. e. (Early Iron Age of the forest-steppe Don region. Archaeology and ethnocultural history of the 1st millennium BC).* Moscow: Nauka (in Russian).

Medvedev, A. P., Efimov, K. Yu. 2001. In *Arkheologiia Srednego Dona v skifskuiu epokhu (Archaeology of Middle Don in the Scythian epoch).* Moscow, 202—210 (in Russian).

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Scythian armament)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—4. Moscow: Nauka (in Russian).

Melyukova, A. I. 1989. In *Stepi Evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European part of USSR in the Scythian-Sarmatian time).* Arkheologiia SSSR (Archaeology of USSR). Moscow: Nauka, 92—100 (in Russian).

Mozolevskiy, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla (Tovsta Mohyla).* Kyïv: Naukova dumka (in Ukrainian).

Mozolevskiy, B. N. 1980. In *Skifiia i Kavkaz (Scythia and Caucasus)*. Kiev: Naukova dumka, 70—154 (in Russian).

Mozolevskiy, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina, Vodiana i Soboleva mogily) (Barrows of the Scythian Gerros from the IV century BC (Babina, Vodiana and Soboleva mogila))*. Kiev: Stilos (in Russian).

Monachov, S. Ju. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary VII—II vekov do n. e. (Greek amphorae in the Pontic region. Complexes of ceramic ware from the 7th—2nd centuries BC).* Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Monakhov, S. Ju. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. (Greek amphorae in the Pontic region. Typology of amphorae of the main ceramic ware exporting centers).* Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Morzherin, K. Yu. 2004. In *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ia (Problems of archaeology of Lower Volga region)*. Volgograd: VolGU, 182—186 (in Russian).

Murzin, V. Yu., Fialko, O. E. 1998. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 103—112 (in Ukrainian).

Nefedkin, A. K. 1998. In *Bosporskoe tsarstvo kak istoriko-kul'turnyi fenomen (Bosporan kingdom as historical-cultural phenomenon).* Saint Petersburg: IIMK RAN, 71—76 (in Russian).

Onaiko, N. A. 1970. *Antichnyi import v Priazov'e i Pobuzh'e v IV—II vv. do n. e. (Ancient import in Dnieper and Bug regions in 7th—5th centuries BC).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—27. Moscow: Nauka (in Russian).

Palamarchuk, S. V., Sinika V. S. 2014. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 291—302 (in Russian).

Parusimov, I. N. 2013. In *Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Kavkaza (Problems of ancient and medieval archaeology of Caucasus).* Sukhum: AbIGI, 220—226 (in Russian).

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ia v V-III vv. do n. e. (The right bank of the middle Dnieper basin in the 5th—3rd centuries BC).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—4. Moscow: Nauka (in Russian).

Pleshivenko, A. G. 1991. In *Kurgany stepnoi Skifii (Barrows of steppe Scythia)*. Kiev: Naukova dumka, 53—72 (in Russian).

Puzikova, A. I. 1969. In *Naselenie Srednego Dona v skifskoe vremia (Population of Middle Don region in Scythian time).* Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 151, 82—95 (in Russian).

Puzikova, A. I. 1984. In *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia.* Moscow: Nauka, 210—213 (in Russian).

Puzikova, A. I. 2001. *Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ia. (Publikatsiia kompleksov) (Scythian barrow necropolises of the Middle Don region (Publication of complexes))*. Moscow: Indrik (in Russian).

Redina, E. F. 1999. In *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (k 100-letiiu B. N. Grakova) (Problems of Scythian and Sarmatian archeology of the Northern Pontic region (to the anniversary of 100 years from the birth of B.N. Grakov))*. Zaporozhye: ZGU, 222—227 (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 1914. *Voronezhskii serebrianyi sosud (Voronezh silver vessel)*. Petrograd: Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 1914a. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia)* 34, 79—93 (in Russian).

Rudinsky, M. Ya. 1928. In *Zbirnyk prysvyachenyj 35-richchyu muzeyu (Compilation to the anniversary of 35 years from the foundation of the museum)*. Vol. I. Poltava: PDM, 29—62 (in Ukrainian).

Savchenko, E. I. 2004. In *Arkheologiia Srednego Dona v skifskuiu epokhu (Archaeology of Middle Don region in the Scythian epoch).* Moscow: RAN, 151—277 (in Russian).

Savchenko, E. I. 2006. In *Drevnosti skifskoi epokhi (Antiquities of the Scythian epoch)*. Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia) 7. Moscow: IA RAN, 317—335 (in Russian).

Sinika, V. S., Telnov, N. P. 2014. In *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire (War and warfare in the Scythian-Sarmatian world).* Rostov-on-Don: IuNTs RAN, 345—366 (in Russian).

Skory, S. A. 1998. In *MSROA* XIX, 119—138 (in Russian).

Skory, S., Chochorowski, Ja. 2004. In *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Problems of history and archaeology of Ukraine).* Kharkov: NMTs «MD», 36—37 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (The armament of Sauromatians).* Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 101 (in Russian).

Sokolsky, N. I. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia v antichnuiu epokhu (Materials and researches on the archaeology of the Northern Pontic region in Antiquity)* II. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 33, 123—196 (in Russian).

Sunichuk, E. F. 1985. In *Pamiatniki drevnei istorii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Monuments of ancient history of North-western Pontic region).* Kiev: Naukova dumka,

38—45 (in Russian).
Sunichuk, E. F., Fokeev, M. M. 1984. In *Rannii zheleznyi vek v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Early Iron Age in the North-Western Pontic region).* Kiev: Naukova dumka, 103—120 (in Russian).
Terenozhkin, A. I., Ilyinskaya, V. A., Chernenko, E. V., Mozolevskiy, B. N. 1973. In *Skifskie drevnosti (Scythian antiquities).* Kiev: Naukova dumka, 113—186 (in Russian).
Topal, D. A. 2014. In *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire (War and warfare in the Scythian-Sarmatian world).* Rostov-on-Don: IuNTs RAN, 380—406 (in Russian).
Topal, D. A. 2014. In *Rannie kochevniki Uralo-Povolzh'ia v I tys. do n. e. (Early nomads of the Ural-Volga region in the I millennium BC).* Volgograd, in print (in Russian).
Treister, M. Yu. 2005. In Mozolevskiy, B. N., Polin, S. V. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. Babina, Vodiana i Soboleva mogily (Barrows of the Scythian Gerros from the IV century BC (Babina, Vodiana and Soboleva mogila).* Kiev: Stilos, 513—527 (in Russian).
Fialko, E. E. 1994. *Pamiatniki skifskoi epokhi Pridneprovskoi terrasovoi lesostepi (Scythian sites of the Dnieper terrace forest-steppe region).* Kiev: IA NANU. Preprint (in Russian).
Fialko, E. E. 1997. In *Chobruchskii arkheologicheskii kompleks i voprosy vzaimovliianiia antichnoi i varvarskikh kul'tur (IV v. do n. e. — IV v. do n. e.) (Ciobruci archaeological complex and the problem of interaction between the ancient and barbarian cultures (4th century BC — 4th century AD)).* Tiraspol: NIL «Arkheologiia», 56—57 (in Russian).
Filatov, O. P., Chernenko, E. V. 1972. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraïni v 1969 r. (Archaeological researches in Ukraine in 1969),* 122—125 (in Ukrainian).
Fridman, M. I. 1987. In *Drevneishie skotovody stepei iuga Ukrainy (The most ancient cattle-breeders of the steppes of Southern Ukraine).* Kiev: Naukova dumka, 159—170 (in Russian).
Chernenko, E. V. 1977. In *Skify i sarmaty (Scythians and Sarmatians).* Kiev: Naukova dumka, 120—127 (in Russian).
Chernenko, E. V. 1980. In *Problemy antichnoi istorii i klassicheskoi filologii (Problems of ancient history and classical philology).* Kharkov: KhGU, 67—69 (in Russian).
Chernenko, E. V. 1981. *Skifskie luchniki (Scythian archers).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).
Chernenko, E. V., Bunyatyan, E. P. 1977. In *Kurgany Iuzhnoi Khersonshchiny (Barrows of Southern Kherson region).* Kiev: Naukova dumka, 45—93 (in Russian).
Chubur, A. A. 2000. *Kurskii krai. Epokha rannego metalla (Kursk land. Epoch of early metals).* Vol. 2. Kursk: KGPU (in Russian).
Shakhrov, G. I. 1990. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* I, 71—85 (in Russian).
Shelekhan, O. V. 2013. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 41—54 (in Ukrainian).
Shilov, V. P. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 150—168 (in Russian).
Shilov, V. P., Ochir-Goryaeva, M. A. 1997. In *Pamiatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy (Pre-Scythian and Scythian sites in the South of Eastern Europe).* Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and researces on the archaeology of Russia) 1. Moscow, 127—152 (in Russian).
Shkurko, A. I. 1982. In *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy (Archaeological investigations in the South of Eastern Europe). Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 54. P. 2. Moscow, 3—8 (in Russian).
Yakovenko, E. V. 1965. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XVIII, 150—159 (in Ukrainian).
Yakovenko, E. V. 1974. *Skify Skhidnoho Krymu v V—III st. do n. e. (Scythians of Eastern Crimea in the 5th—3rd centuries BC).* Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
Yangulov, S. Yu. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 63—72 (in Russian).
Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854). 1892. Reinach S. (ed.). Paris: Librairie de Firman-Didot.
Chochorowski, J., Skoryj, S. 1995. Wielki Kurhan Ryżanowski w świetle aktualnej oceny badań Godfryda Ossowskiego. *MSROA* XVI, 119—128.
Chochorowski, J., Skoryj, S., Grigor'ev, V., Rydzewski, J. 1997. Centralny pochówek Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego. *MSROA* XVIII, 77—92.
Chochorowski, J., Kovaliuch, N., Skripkin, V. 1998. Subkalibrowane datowanie radiowęglowe grobowca "księcia" skytyjskiego z Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego. *MSROA* XIX, 99—118.
Chochorowski, J., Skoryj, S. 2000. Die Zentralbestattung des Groß-Grabhügels von Ryžanovka im rechtsseitigen Teil des ukrainischen Waldsteppengebietes. In: Lungu V. (ed.). *Pratiques funéraires dans l'Europe des XIIIe — IVe s. av. J.-C.: actes du IIIe Colloque international d'archéologie funéraire organisé à Tulcea, 15—20 septembre 1997*. Tulcea: Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, 105—122.
Ginters, W. 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.
Kovaliukh, N., Skripkin, V., Khokhorovsky, Ja., Skory, S. 2003. On the age of the Great Ryzhanovsky burial-mound. In: *Impact of the environment on human migration in Eurasia.* Proceedings of the NATO Advanced Research Workshop, Held in St. Petersburg, 15—18 November 2003. Book of abstracts and programme. St. Petersburg, 37.
Ossowski, G. 1888. *Wielki kurhan ryżanowski według badań dokonanych w latach 1884—1887.* Kraków: Fr. Kluczycki i Spółka.
Recueil d'antiquités de la Scythie. 1866. Atlas publié par la Commission Impériale Archéologique. Vol. 2. St.-Pétersbourg: Académie Impériale des sciences.
Redina, E. F. 2005. Scytho-Thracian cultural contacts in northwestern Black Sea littoral. In: Bouzek J., Domaradzka L. (eds.). *The culture of Thracians and their neighbours.* Proceedings of the International Symposium in Memory of Prof. Mieczyslaw Domaradzki, with a round table "Archaeological map of Bulgaria". BAR International Series 1350.
Richter, G. 1932. A Greek sword sheath from South Russia. *Metropolitan Museum studies* IV, 109—130.
Simion, G. 1971. Despre cultura geto-dacă din nordul Dobrogei, în lumina descoperirilor de la Enisala. *Peuce* II, 63—129.
Simion, G. 2006. Prezenţe scitice în teritoriul Orgamei. În: *Orgame/Argamum.* Suppl. 1. *A la recherché d'une colonie*, 263—281.
Shcheglov, A. N., Katz V. I. 1991. A fourth-century B. C. Royal Kurgan in the Crimea. *Metropolitan Museum Journal* 26, 97—122.
Sparkes, B. A., Talcott, L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C.* The Athenian Agora XII. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens.
Talmaţchi, G. 2010. *Semne monetare din aria de vest şi nord-vest a Pontului Euxin. De la symbol la comerţ (secolele VI—V a. Chr.).* Cluj-Napoca: Mega Publishing House.
Topal, D. 2014. Akinakai of Kelermes type: New discoveries in Central Bessarabia. *Marisia* XXXIII, in print.
The Treasures of the Nomadic Tribes in South Russia. 1991. Exhibition catalogue. April 13th — May 26th, 1991. Tokyo: The Ancient Orient Museum.
Treister, M. 1999. The workshop of the gorytos and scabbard overlays. In: Reeder E. D. (ed.). *Scythian gold. Treasures of ancient Ukraine.* New York: Abrams, 71—81.

Статья поступила в номер 20 января 2014 г.

Denis Topal (Kishinev, Moldova). High Anthropological School University[1].
Denis Topal (Chişinău, Moldova). Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară".
Топал Денис Афанасьевич (Кишинев, Молдова). Университет «Высшая антропологическая школа».
E-mail: denis.topal@gmail.com

Address: [1] Zimbrului St., 10a, Kishinev, MD-2024, Moldova

А. В. Денисов, А. М. Мамедов

О времени и истоках появления клинкового оружия с прямым перекрестием на территории Южного Приуралья

Keywords: Southern Ural, 4th—3rd cc. BC, sword, dagger, Prokhorovka type.

Cuvinte cheie: Uralul de Sud, secolele IV—III î. Hr., spadă, pumnal, tipul Prohorovka.

Ключевые слова: Южное Приуралье, IV—III вв. до н. э., меч, кинжал, прохоровский тип.

A. V. Denisov, A. M. Mamedov

About the Time and the Origins of Bladed Weapons with Rectangular Hilt in the Southern Urals

In 400—350 BC the nomads of the South Urals developed a tradition of making swords and daggers with rectangular hilt. The origins of this tradition comes from Eastern regions of Eurasia, where they go back to the period of the Late Bronze Age. The point of reference could be North and Northwest of China, Western Mongolia, Minusinsk Hollow or Altai. Blacksmiths who manufactured weapons for nomads of Southern Urals did not simply copy eastern samples of bladed weapons, but combined the new form of rectangular hilt with the usual pommels (straight and bent). This series of swords and daggers could serve as a prototype for the formation of handles of Prokhorovka type bladed weapons, which got spread in 3rd—1st c. BC.

A. V. Denisov, A. M. Mamedov

Despre timpul și izvoarele apariției armamentului cu tăiș cu garda dreaptă în Uralul de Sud

În prima jumătate a sec. IV î. Hr., în mediul nomazilor Uralului de Sud apare tradiția de executare a spadelor și pumnalelor cu garda dreaptă. Această tradiție își găsește originea în regiunile de est ale Eurasiei, fiind cunoscută acolo încă în bronzul târziu. Teritoriul respectiv includea China de nord și nord-vest, Mongolia de vest, Depresiunea Minusinsk sau Altai. Meșterii, care produceau armament pentru nomazii Uralului de Sud nu s-au limitat la copierea specimenelor estice a armelor cu tăiș, dar au mers pe calea combinării noii forme a gărzii (drepte) cu vârful tradițional (bara dreaptă sau îndoită). Anume această serie de spade și pumnale ulterior putea să servească prototip pentru formarea tradiției de executare a mânerelor armamentului cu tăiș de tip „prohorovka", răspândit în sec. III—I î. Hr.

А. В. Денисов, А. М. Мамедов

О времени и истоках появления клинкового оружия с прямым перекрестием на территории Южного Приуралья

В первой половине IV в. до н. э. в среде кочевников Южного Приуралья появляется традиция изготовления мечей и кинжалов с прямым перекрестием. Истоки этой традиции лежат в восточных областях Евразии, где они восходят к периоду позднего бронзового века. Это могли быть Северный, Северо-Западный Китай и Западная Монголия, район Минусинской котловины или Алтай. При этом кузнецы, изготавливавшие оружие для кочевников Южного Приуралья, не стали просто копировать восточные образцы клинкового оружия, а пошли по пути совмещения новой формы (прямого) перекрестия с привычными навершиями (прямой и изогнутый брус). Именно эта серия мечей и кинжалов в дальнейшем могла послужить прообразом для формирования традиции оформления рукоятей клинкового оружия прохоровского типа, получившего распространение в III—I вв. до н. э.

Branch of the Archaeology Institute named after A. H. Margulan, Committee of Science of the Ministry of Education and Science of Republic of Kazakhstan, Programme "Riders of the Great Steppe: traditions and innovations", project nr. 0330/ГФ-ОТ13 ■ Filiala Întreprinderii republicane de stat „Institutul de arheologie A. H. Margulan" din cadrul Comisiunii pentru știință a Ministerului Educației și Științei al Republicii Kazahstan, programul „Călăreții din Marea Stepă: tradiții și inovații", proiect nr. 0330/ГФ-ОТ13. ■ Филиал Республиканского государственного казенного предприятия «Институт археологии им А. Х. Маргулана» Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, программа «Всадники Великой Степи: традиции и новации», проект №0330/ГФ-ОТ13.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© А. В. Денисов, А. М. Мамедов, 2014.

На рубеже XX—XXI вв. в среде специалистов по вооружению раннего железного века вновь вспыхнула дискуссия о времени появления мечей и кинжалов т. н. прохоровского типа на территории Южного Приуралья. В рамках данной дискуссии В. Н. Васильев и В. К. Федоров придерживаются традиционных представлений о происхождении клинкового оружия прохоровского типа путем эволюции мечей и кинжалов «переходных» типов. Временем появления клинкового оружия прохоровского типа они считают IV — рубеж IV—III вв. до н. э. Для подтверждения своих идей авторы приводят серию находок кинжалов с прямым перекрестием и навершием в виде изогнутого бруска, встречающихся в комплексах с выразительными наборами бронзовых наконечников стрел (Васильев 2001а; Федоров 2001; 2010). Иную точку зрения отстаивают В. Ю. Зуев и А. В. Симоненко. Они утверждают, что подобные находки не связаны с оружием скифского времени и появились не ранее II в. до н. э. (Зуев 1998; 2004; Симоненко 2003: 299—301; 2007: 110—113; 2010: 19—24). При этом основные споры ведутся не о хронологии комплексов, а о том, насколько тот или иной экземпляр соответствует представлению авторов о классическом прохоровском кинжале (т. е. речь идет о степени изогнутости навершия, толщине перекрестия и т. п.). На наш взгляд, подобная полемика непродуктивна, т. к. за ней теряется суть перемен, произошедших в оформлении рукоятей клинкового оружия в IV в. до н. э. В своей статье мы рассмотрим все мечи и кинжалы с прямым перекрестием, дата которых может определяться в пределах IV в. до н. э.

Находки с прямым перекрестием и навершием в виде изогнутого бруска

Кинжал длиной 23 см был найден в погребении 2 кургана 3 могильника Имангазы-Карасу. У него прямое перекрестие, а навершие кинжала представляет собой массивный брусок с небольшим прогибом в центре. Клинок с параллельными краями, линзовидный в сечении (рис. 1: 1). Наблюдения за последовательностью захоронений и анализ колчанного набора, где были представлены бронзовые наконечники стрел I, VI, IX, XII и XII (трехлопастные) и II, V, XIV, XVIII (трехгранные) типов, позволили датировать погребение временем не позже середины IV в. до н. э. (Родионов, Гуцалов 2000: 130, 132, рис. 6: 2).

В погребении 1 кургана 2 могильника Рычковский обнаружен кинжал общей длиной около 45—48 см. Навершие кинжала в виде слегка изогнутого бруска сочетается с перекрестием в виде прямой узкой планки. Клинок длиной 34 см имеет форму вытянутого треугольника, его сечение неизвестно[1] (рис. 1: 3а, 3б). Бронзовые наконечники стрел, представленные в основном типами VIA и VIБ по К. Ф. Смирнову, и плоскодонный сосуд позволили датировать погребение IV в. до н. э. (Васильев 1984: 33—35, рис. 2: 8; Федоров 2010: 377—378, рис. 3).

Короткий меч (59 см) из погребения 1 кургана 3 могильника Яковлевка имеет брусковидное, согнутое под тупым углом, навершие и перекрестие в виде прямой узкой планки. Форма клинка и сечение достоверно неизвестны (рис. 1: 2а, 2б). Авторы публикации датировали это погребение второй половиной IV в. до н. э. на основании сопровождающего инвентаря, включающего, кроме меча, глиняный сосуд, идентичный сосуду из погр. 2, кург. 21 могильника Новый Кумак, а также бронзовые втульчатые наконечники стрел (Федоров, Васильев 1998: 67, 74, рис. 13: 3; Федоров 2010: 375—376, рис. 2).

Короткий меч (длиной 60 см) был обнаружен в погребении 102 могильника Бестамак (рис. 1: 4). Его навершие в виде изогнутого бруска (в публикации названо серповидным) сочетается с перекрестием в виде узкой прямой планки. Клинок длиной 46,5 см имеет форму вытянутого треугольника и линзовидное сечение (Логвин и др. 2008: 155, рис. 1: 2). Сочетание в колчане трехлопастных и трехгранных стрел с треугольными и сводчатыми головками наконечников вместе с трехлопастными лавролистными и узкими ланцетовидными головками позволило датировать погребение концом V — IV вв. до н. э. Этой датировке не противоречат погребальный обряд и остальные сопровождавшие находки (бронзовые ворворки, колчанный крючок) (Сеитов 2011: 134—135, рис. 1: 3, 6, 7—10, 15—21, 23).

В кургане 5 могильника Сапибулак был обнаружен обломок кинжала (?) (сохранившаяся часть имеет длину 40 см) с серповидным навершием и перекрестием в виде широкого прямого бруска (рис. 1: 5). Клинок (длина сохранившегося фрагмента 28 см) в виде вытянутого треугольника, сечение линзовидное

[1] Информация в публикациях отсутствует, сам меч не сохранился.

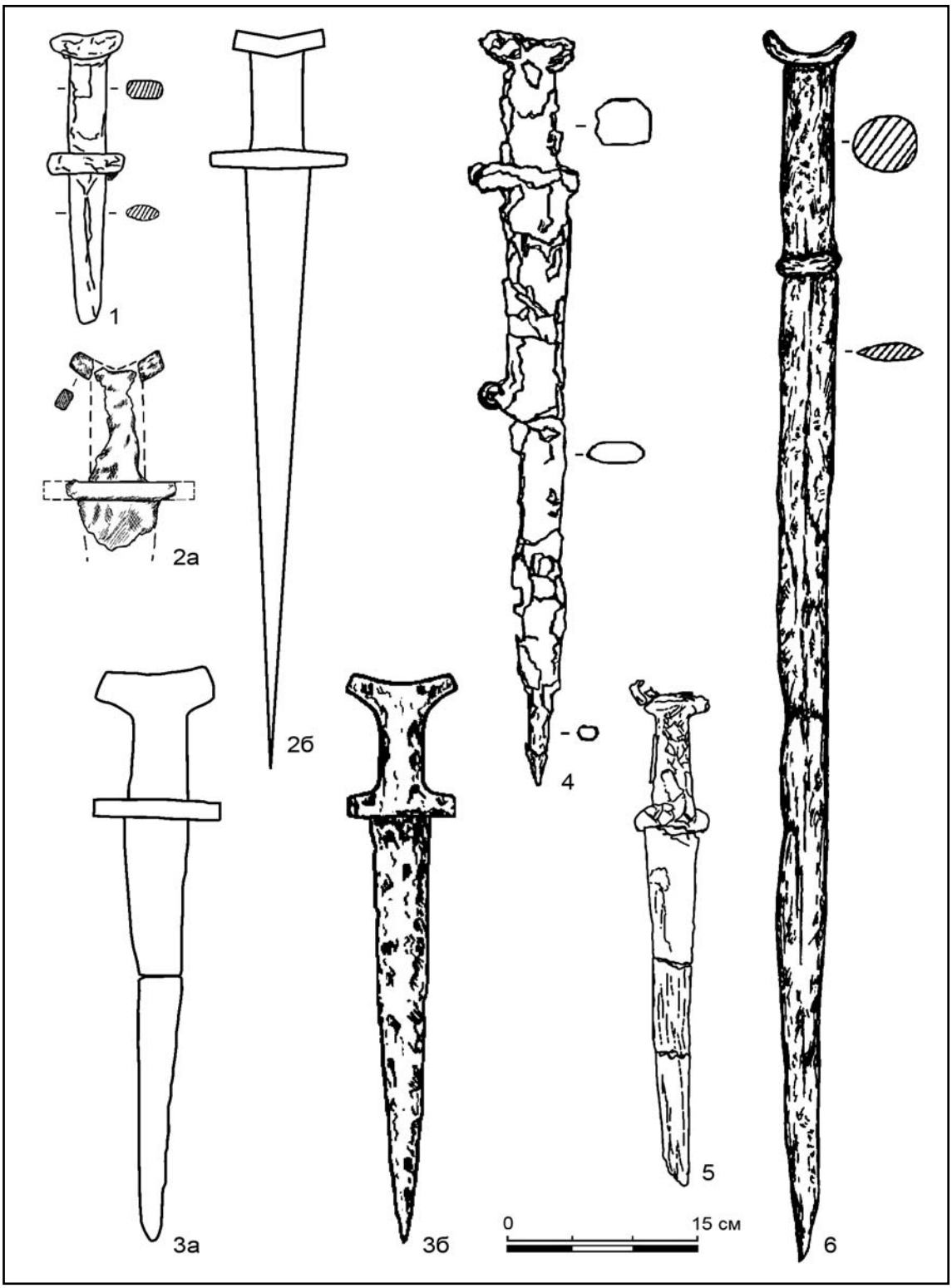

Рис. 1. Мечи и кинжалы с прямым перекрестием и навершием в виде изогнутого бруска, датируемые IV в. до н.э.: 1 — мог. Имангазы-Карасу, к. 3, п. 2 (по Родионов, Гуцалов 2000: рис. 6: 2); 2а, 2б — мог. Яковлевка, к. 3, п. 1 (по Федоров 2011: рис. 2: 2, 3); 3а, 3б — мог. Рычковский, к. 2, п. 1 (по Федоров 2011: рис. 3: 2а, 3а); 4 — мог. Бестамак, п. 102 (по Логвин и др. 2008: 1: 2); 5 — мог. Сапибулак, к. 5 (по Мамедов 2013); 6 — могильник Лебедевка, к. 9, п. 2 (по Железчиков и др. 2006: рис 16: 2).

Fig. 1. Swords and daggers with rectangular hilts and bent pommel of 4th c. BC. 1 — Imangazy-Karasu, t. 3, gr. 2 (after Родионов, Гуцалов 2000: рис. 6: 2); 2, 2b — Yakovlevka, t. 3, gr. 1 (after Федоров 2011: рис. 2: 2, 3); 3a, 3b — Rychkovskiy t. 2, gr. 1 (after Федоров 2011: рис. 3: 2a, 3a); 4 — Bestamak, gr. 102 (after Логвин et. al. 2008: 1: 2); 5 — Sapibulak, t. 5 (after Мамедов 2013); 6 — Lebedevka t. 9, gr. 2 (after Железчиков и др. 2006: рис 16: 2).

(Мамедов 2013). Кроме кинжала, в погребении были найдены бронзовые наконечники стрел. В основном это трехлопастные наконечники с треугольными и сводчатыми боевыми головками с выступающими втулками. Среди них были встречены две разновидности с трехгранной непрофилированной боевой головкой и выступающей втулкой, бытовавшие до середины IV в. до н. э. (Смирнов 1964: 51, табл. 4).

Возможно, к этой серии относится и меч (длина 1 м), найденный в погребении 2 кургана 9 могильника Лебедевка V. Его рукоять сочетает классическое серповидное навершие с прямым перекрестием. Клинок с параллельными краями имеет линзовидное сечение (рис. 1: 6). В эту же могилу был помещен еще один меч, практически идентичный представленному. Его отличает лишь дуговидная форма перекрестия. Данное обстоятельство может указывать на то, что у представленного меча изначально перекрестие было также дуговидной формы, и лишь в результате коррозии металла оно приобрело форму прямого бруска. Также в погребении обнаружены три бронзовые ворворки, бронзовая круглая бляха с петлей с тыльной стороны, сосуд с примесью талька в тесте, наконечник дротика и два колчана, в которых находилось более 400 бронзовых наконечников стрел. Все эти находки позволяют датировать погребение IV в. до н. э. (Железчиков и др. 2006: 13, рис. 16: 1, 2).

Здесь же следует обратить внимание на замечание К. Ф. Смирнова о находке, к сожалению, не сохранившегося кинжала прохоровского типа в кургане 3 группы Алебастрова гора. В том же погребении были обнаружены короткий меч с почковидным перекрестием и антенным навершием, бронзовые наконечники стрел и бронзовые детали уздечного набора. Все эти вещи датируются V в. до н. э. Нахождение кинжала прохоровского типа позволило датировать погребение рубежом V—IV вв. до н. э. (Смирнов 1961: 18).

Итак, нам известно не менее 5 находок мечей и кинжалов с прямым перекрестием и навершием в виде изогнутого бруска из комплексов, датирующихся IV в. до н. э. Абсолютное большинство находок этой серии относится к коротким мечам и кинжалам, длина которых колеблется от 23 до 60 см. Исключением является меч из курганного могильника Лебедевка V длиной около 1 м. Навершия этих находок представляют собой достаточно массивные слегка изогнутые бруски, иногда приближающиеся по форме к рожковидным. Подобная форма навершия характерна для части мечей и кинжалов «переходных» типов. Перекрестия представляют собой прямоугольные бруски. У части находок (погребение 102 могильника Бестамак, погребение 1 кургана 3 могильника Яковлевский) это достаточно узкие планки, ничем не отличающиеся от перекрестий классических прохоровских клинков. Другие же (погребение 2 кургана 3 могильника Имангазы-Карасу и курган 5 могильника Сапибулак) имеют достаточно широкие перекрестия.

Находки с прямыми перекрестием и навершием

Короткий меч (52 см) был найден в погребении 1 кургана 10 могильника Переволочан. Клинок меча имеет треугольную форму (рис. 2: 1). В погребении также были обнаружены деревянная чаша с золотой обкладкой, 12 костяных панцирных накладок, массивный железный наконечник копья, колчан со 103 бронзовыми втульчатыми трехлопастными наконечниками стрел, бронзовая ворворка и т. д. А. Х. Пшеничнюк датировал весь курган концом V — IV вв. до н. э. (Пшеничнюк 1995: 83—85, 93, рис 12).

В погребении 2 кургана 6 могильника Челкар III найден кинжал (36 см), прямое перекрестие которого шире навершия. Клинок имеет практически параллельные края (рис. 2: 6). Кроме кинжала, в могилу были помещены бронзовое зеркало с длинной ручкой и концентрическими кругами на диске, две крупные бронзовые спиральные серьги-подвески, покрытые золотой фольгой, два колчана с 273 бронзовыми наконечниками стрел, две бронзовые ворворки, железная пряжка с подвижным язычком. Авторы публикации датировали погребение IV в. до н. э. (Мошкова, Кушаев 2004: 204—205, рис. 2: 9).

Короткий меч (67 см) был обнаружен в погребении 1 кургана 3 могильника Имангазы-Карасу. Его массивное брусковидное перекрестие шире навершия. Клинок меча имеет форму сильно вытянутого треугольника и линзовидное сечение (рис. 2: 2). Погребальный обряд и сопровождающий инвентарь, а именно, бронзовые наконечники стрел, среди которых большинство были представлены VI и IX типами отдела трехлопастных по К. Ф. Смирнову, позволили отнести погребение к первой половине IV в. до н. э. (Родионов, Гуцалов 2000: 130, 132, рис. 6: 2).

По оформлению рукояти и форме клинка ему близок меч (73 см), найденный в по-

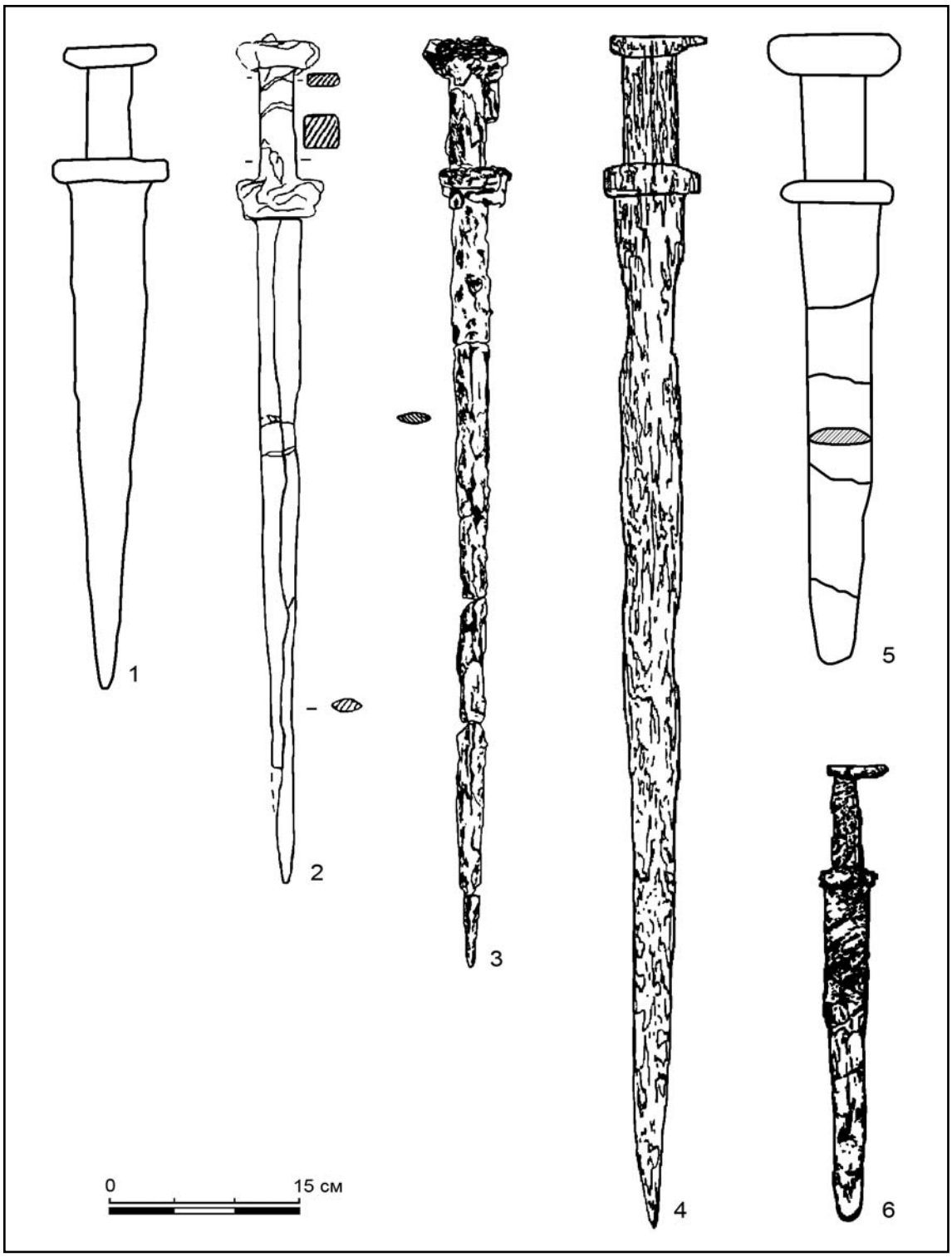

Рис. 2. Мечи и кинжалы с прямым перекрестием и прямым навершием, датируемые IV в. до н.э.: 1 — мог. Переволочан, к. 10, п. 1 (по Пшеничнюк 1995: рис. 12: 15); 2 — мог. Имангазы-Карасу, к. 3, п. 1 (по Родионов, Гуцалов 2000: рис. 6: 1); 3 — мог. Тамар-Уткуль VII, к. 8, п. 2 (по Мещеряков 1996: рис. 9: 2); 4 — мог. Покровка II, п. 6, к. 23 (по Яблонский и др. 1994: рис. 90: 15); 5 — мог. Кардаиловский I, к. 10 (по Моргунова 1996: рис. 10: II-1); 6 — мог. Челкар III, к. 6, п. 2 (по Мошкова, Кушаев 2004: рис. 2: 9).

Fig. 2. Swords and daggers with rectangular hilts and pommels of 4th c. BC. 1 — Perevolchan, t. 10, gr. 1 (after Пшеничнюк 1995: рис. 12: 15); 2 — Imangazy-Karasu, t. 3, gr. 1 (after Родионов, Гуцалов 2000: рис. 6: 1); 3 — Tamar-Utkul-VII, t. 8, gr. 2 (after Мещеряков 1996: рис. 9: 2); 4 — Pokrovka-II, t. 23, gr. 6 (after Яблонский и др. 1994: рис. 90: 15); 5 — Kardailovskiy-I, t. 10 (after Моргунова 1996: рис. 10: II-1); 6 — Chelkar-III, t. 6, gr. 2 (after Мошкова, Кушаев 2004: рис. 2: 9).

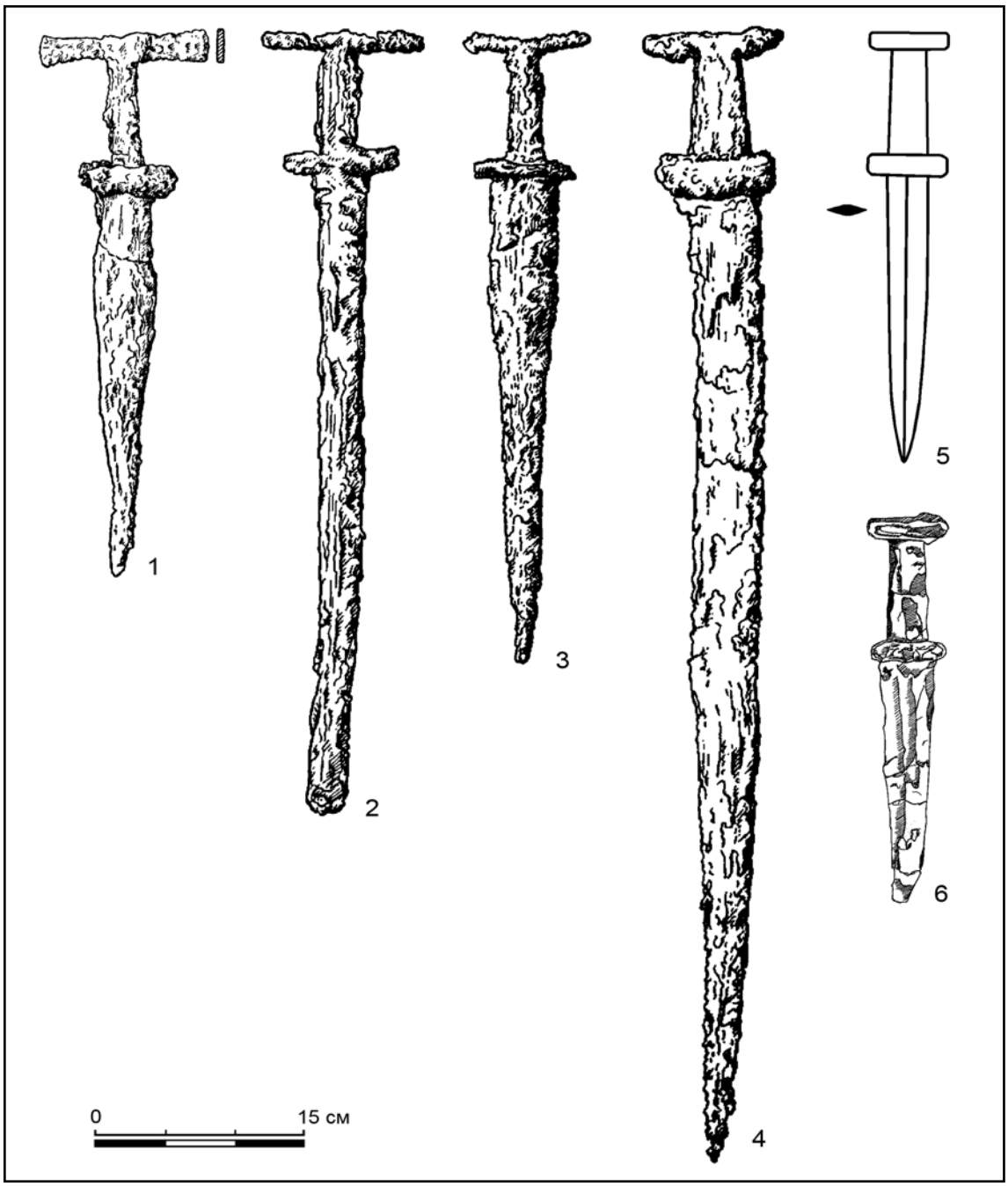

Рис. 3. Мечи и кинжалы с прямым перекрестием и прямым навершием, датируемые концом IV — III вв. до н.э.: 1 — мог. Мечетсай, к. 7, п. 4; 2—3 — мог. Мечетсай, к. 7, п. 6; 4 — мог. Мечетсай, к. 7, п. 7 (1—4 — по Смирнов 1975: рис. 41: 4, 7, 9; 42: 6); 5 — мог. Шумаевский II, к. 3, п. 8 (по Моргунова и др. 2003: рис. 46: 5); 6 — мог. Покровка VIII, к. 1, п. 6. (по Ведер и др. 1993: рис. 50: 4).

Fig. 3. Swords and daggers with rectangular hilts and pommels of the end of 4th — 3rd c. BC. 1 — Mechetsay, t. 7, gr. 4; 2—3 — Mechetsay, t. 7, gr. 6; 4 — Mechetsay, t. 7, gr. 7 (1—4 — after Смирнов 1975: рис. 41: 4, 7, 9; 42: 6); 5 — Shumaevskiy-II, t. 3, gr. 8 (after Моргунова и др. 2003: рис. 46: 5); 6 — Pokrovka-VIII, t. 1, gr. 6 (after Ведер et. al. 1993: рис. 50: 4).

гребении 2 кургана 8 могильника Тамар-Уткуль VII (рис. 2: 3). Погребение было разрушено. Помимо меча, в нем было обнаружено скопление бронзовых наконечников стрел различной формы (трехгранные и трехлопастные с выступающей и скрытой втулкой), а также найдены кости конечностей мелкого рогатого скота. Д.В. Мещеряков датирует погребение IV—III вв. до н.э. (Мещеряков 1996: 50—51, рис. 9: 2).

Длинный меч (95 см) с прямым перекрестием и брусковидным навершием обнару-

жен в погребении 6 кургана 23 могильника Покровка II (рис. 2: 4) Также в погребении находились колчан со 195 бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел разных типов, бронзовая ворворка и бронзовая лунница (Яблонский и др. 1994: 49, рис. 90: 15).

Еще один кинжал с брусковидным навершием и прямым перекрестием был найден на жертвенной площадке над погребением 4 кургана 10 курганного могильника Кардаиловский I. Клинок данного кинжала имеет треугольную форму и линзовидное сечение (рис. 2: 5). Кроме того, на жертвенной площадке были обнаружены 42 бронзовых наконечника стрел и челюсть лошади, рядом найдены еще 3 бронзовых наконечника стрел и бронзовая ворворка. В погребении 4 найдено еще 15 бронзовых наконечников стрел и ребра лошади (Моргунова 1996: 14—15, рис. 10: II-1).

В литературе существует мнение, что мечи и кинжалы с прямыми навершием и перекрестием существуют весьма короткий период (на рубеже IV—III вв. до н. э.) и быстро выходят из употребления (Васильев 2001б: 172). Имеющиеся у нас данные позволяют предположить, что они продолжали существовать и в III в. до н. э. Так, находки из погребений 4, 6, 7 кургана 7 могильника Мечетсай, по мнению К. Ф. Смирнова, датируются концом IV — III вв. до н. э. В погребении 4 был найден кинжал (39,5 см) с широким брусковидным перекрестием и навершием в виде широкой пластины, расширяющейся на концах. Его клинок имеет треугольную форму (рис. 3: 1). Кроме кинжала, в погребении обнаружены горшок с уплощенным дном, пять бронзовых наконечников стрел и железный крючок. В погребении 6 обнаружены обломок меча (57 см) и кинжал (46 см). Обе находки имеют относительно узкие прямые перекрестия и навершия, у кинжала навершие с легким прогибом в центре. У меча клинок с параллельными краями, а у кинжала — клинок треугольной формы (рис. 3: 2, 3). В эту же могилу были помещены пучок бронзовых (3 экз.) и железных (6 экз.) черешковых стрел, круглодонный горшок с прямым коротким горлом, ребро и кости ног лошади. Из погребения 7 происходит меч (81,5 см) с широким брусковидным навершием и таким же перекрестием (рис. 3: 4). Клинок меча имеет треугольную форму. Кроме того, в этом погребении были обнаружены следующие вещи: кости передней ноги и ребра барана, колчан с 10 бронзовыми наконечниками стрел, железный крючок, железное кольцо от пряжки, тесло (Смирнов 1975: 116—118, 130, рис. 41: 4, 7, 9; 42: 6).

Этим же временем, по мнению авторов публикации, датируется погребение 8 кургана 3 могильника Шумаевский II, где был обнаружен кинжал (31 см) плохой сохранности с прямым перекрестием и брусковидным навершием (рис. 3: 5). Сопровождающий материал — деревянное блюдо с ребрами и лопаткой овцы, железная кольцевая пряжка с язычком и колчан с 54 бронзовыми наконечниками стрел — в целом позволяет датировать погребение в пределах второй половины IV — начала III веков до н. э. Но тождество типов бронзовых наконечников стрел из погребений кургана 3 с обнаруженными в погребениях, датированных III, III—II вв. до н. э., кургана 9 того же могильника позволило авторам публикации датировать весь курган концом IV — III вв. до н. э. (Моргунова и др. 2003: 72, 255, рис. 46: 5).

Наиболее поздним из известных нам является кинжал (28 см) из погребения 6 кургана 1 могильника Покровка VIII. Он имеет навершие и перекрестие в виде узкого прямого бруска и клинок треугольной формы (рис. 3: 6). В этом же погребении было найдено 18 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, следовательно, оно не может датироваться ранее III в. до н. э. (Веддер и др. 1993: 31, рис. 50: 4).

Таким образом, клинковое оружие с прямыми навершием и перекрестием появляется в погребениях кочевников Южного Приуралья начиная с первой половины IV в. до н. э. и продолжает встречаться (хотя и в небольших количествах) в комплексах следующего столетия. Среди этих находок есть представители всех размерных групп (кинжалы, короткие и длинные мечи). При этом количество длинных мечей составляет около половины выборки. Перекрестия этих находок имеют как достаточно узкие, так и весьма массивные формы.

Находки IV в. до н. э. с прямым перекрестием и несохранившимся навершием

В погребении 2 кургана 10 могильника Покровка II был найден короткий меч (длина клинка 60 см). Также в погребении найдено несколько десятков бронзовых и железных втульчатых наконечников стрел, железная панцирная пластина, бронзовая ворворка и бочковидная пастовая бусина белого цвета с двумя желтыми кольцевы-

ми полосками в средней части (Яблонский и др. 1995: 47).

В погребении 2 кургана 23 могильника Покровка II обнаружены меч (84 см) и кинжал (40 см) плохой сохранности, перекрестия которых с определенной долей условности были определены как прямые. Кроме того, в могилу были помещены колчан с 26 бронзовыми наконечниками стрел и хумча из желтой глины, покрытая красным ангобом; на плечиках сосуда расположены три канелюры (Яблонский и др. 1994: 46, рис. 88: 14).

В погребении 1 кургана 8 могильника Тамар-Уткуль VII найдены обломки меча (?) с прямым перекрестием и несохранившимся навершием. Погребение было разрушено, сохранился только череп погребенного и несколько костей. На черепе и рядом с ним были найдены 2 бронзовых трехлопастных наконечника стрел с выступающей втулкой. Д. В. Мещеряков датирует погребение IV—III вв. до н. э. (Мещеряков 1996: 50—51, рис. 9: 1).

Всего с территории Южного Приуралья нам известно не менее 14 мечей и кинжалов с прямым перекрестием, обнаруженных в погребениях, которые датируются IV в. до н. э. В течение этого столетия они использовались параллельно с мечами и кинжалами «переходных» типов. В оформлении рукоятей этих находок прямое перекрестие сочетается с традиционными для этого региона формами навершия в виде прямого и изогнутого бруска. Напомним, что мечи и кинжалы с прямым навершием в Урало-Поволжье начали встречаться с VII—VI вв. до н. э. (Смирнов 1961: 9—16). Что касается клинкового оружия с навершием в виде изогнутого бруска, то наиболее ранние экземпляры встречаются в погребениях, датируемых концом VI — V вв. до н. э. (Денисов, Мамедов 2013).

Какова же степень распространения мечей и кинжалов с прямым перекрестием в рассматриваемом регионе? В распоряжении авторов имеется информация о 125 мечах и кинжалах с территории Южного Приуралья (включая Зауралье), датирующихся второй половиной-концом V — IV вв. до н. э. В этой выборке находки с прямым перекрестием составляют примерно 11—12 %, что позволяет нам говорить о наличии в IV в. до н. э. традиции изготовления клинкового оружия с прямым перекрестием в среде кочевников Южного Приуралья.

Возникает вопрос об истоках появления данной традиции в исследуемом регионе. В поисках ответа обратимся к другим регионам Евразии.

К западу от Южного Приуралья подобные находки, датируемые ранее III в. до н. э., практически отсутствуют.

На территории Нижнего Поволжья известны три находки с прямым перекрестием и брусковидным навершием, происходящие из погребений IV в. до н. э. Первая находка — короткий меч (длина 60,5 см) из погребения 2 кургана 1 курганного могильника у с. Лятошинка, которое датируется рубежом IV—III в. до н. э. (Железчиков, Фалалеев 1995: 25, 41, рис. 4: 1; Клепиков, Скрипкин 2002: 55). В погребении 3 кургана 3 могильника Новоникольский I был выявлен длинный железный меч с прямым навершием и прямым перекрестием, датированный IV в. до н. э. Его длина 104 см (Шилов 1975: 115—116, рис. 49: 1). По данным В. М. Клепикова, к этому типу относится еще один меч длиной 90,5 см из кенотафа 1 кургана 4 у с. Старица (Клепиков 2002: 28, рис. 2: 15).

Основная масса находок мечей и кинжалов с прямым перекрестием была обнаружена в районах, лежащих к востоку от Урала.

Кочевники Восточного Казахстана использовали клинковое оружие с антенным (рогатковидным) навершием и прямым перекрестием. Такое оружие характерно для буконьского периода (конец VI — IV вв. до н. э.). В качестве примера можно привести кинжал, найденный у Кызыл-Ту (Боковенко, Заднепровский 1992: 146, табл. 56: 31).

На территории Средней Азии известны два меча с прямым перекрестием и навершием в виде изогнутого бруска. Оба они происходят из основного погребения кургана 10 Агалыксайского могильника, датирующегося IV в. до н. э. (Обельченко 1978: 117, рис. 1: 2).

Кинжалы с брусковидным навершием и прямым перекрестием были найдены на Алтае в курганах 12, 13 могильника Кайнду. Время сооружения этих комплексов определяется V—IV вв. до н. э. (Кирюшин, Степанова 2004: 55, 106, рис. 17: 1; 18: 2). В парном погребении кургана 28 могильника Кастахта также был обнаружен бронзовый кинжал с прямыми навершием и перекрестием. Комплекс по сопровождающему инвентарю был датирован IV в. до н. э. (Степанова 1987: 173, 182, рис. 5: 5). В кургане 3 Елунинского I курганного могильника были найдены обломки еще одного железного кинжала с широким брусковидным навершием и брусковидным перекрестием. Погребение датируется IV — началом III вв. до н. э. (Кирюшин, Фролов 1998: 115,

121; рис. 6: 6). Серия уменьшенных кинжалов и миниатюрных копий с прямым перекрестием и навершием в виде прямого или изогнутого бруска происходит с территории Горного Алтая. Это находки из курганов 18, 26, 23 могильника Юстыд XII (V—IV вв. до н. э.), кургана 10 могильника Барбугазы I (IV—III вв. до н. э.), кургана 4 могильника Аргут I (IV в. до н. э.), кургана Ак-Кем (V—IV вв. до н. э.) и т. д. (Кубарев 1981: рис. 2: 13, 14; 3: 3, 4, 8, 9; 4: 1; 6: 2; 8: 4; Кирюшин и др. 2003: 16, 19, 31). Говоря о хронологии алтайских находок, необходимо учитывать мнение П. И. Шульги, который считает, что полноразмерные кинжалы с прямым перекрестием появляются на Алтае не ранее IV в. до н. э. (Шульга 2007: 155). В это же время (IV в. до н. э.) кинжалы с прямым перекрестием появляются и в прилегающих к Алтаю районах Обь-Иртышья. Среди них встречаются находки с серповидным и антенным навершиями (Иванов 1995: 15).

Кинжалы с прямым перекрестием были достаточно широко распространены на территории тагарской культуры, где они восходят к более ранним экземплярам с «шипами». Навершия этих кинжалов имеют множество вариантов, в том числе встречаются брусковидные и иногда серповидные. Н. Л. Членова относит эти находки к V—IV вв. до н. э. (Членова 1967, табл. 2; 4: 5, 6; 11: 2; Мартынов 1979: 48—49). Стоит отметить, что серповидные навершия в целом не характерны для тагарской культуры (Кан Ин Ук 2000: 292).

Находки кинжалов с прямым перекрестием и брусковидным навершием встречаются в Улангомском могильнике в Монголии, который датируется V—III вв. до н. э. (Новгородова 1989: 273, рис. на с. 262: 3, 8).

Кинжалы с прямыми перекрестиями были распространены на территории Северного и Северо-Западного Китая. В этом регионе, как и на территории тагарской культуры, прослеживается преемственность кинжалов с прямым перекрестием от кинжалов с «шипами». Подобные кинжалы были найдены в погребениях культур Чаодаогоу (XIII—XI вв. до н. э.), Наньшаньгэнь (VIII—VI вв. до н. э.), Маоцингоу (VII—III вв. до н. э.) и др. (Maoqinggou 1992: Abb. 15: 1; 17: 2; 22: 4; 28: A1, B4; 31: 4; 33: 2, 3; 45: A1, B1).

Подведем итоги. В первой половине IV в. до н. э. в среде кочевников Южного Приуралья появляется традиция изготовления мечей и кинжалов с прямым перекрестием. В настоящий момент мы не можем достоверно установить исходный регион этой традиции. Это могли быть Северный и Северо-Западный Китай и Западная Монголия (Таиров 2006: 71—72), район Минусинской котловины или Алтай. При этом кузнецы, изготавливавшие оружие для кочевников Южного Приуралья, не стали просто копировать восточные образцы клинкового оружия, а пошли по пути совмещения новой, прямой формы перекрестия с привычными навершиями в виде прямого и изогнутого бруса. Именно эта серия мечей и кинжалов в дальнейшем могла послужить прообразом для формирования традиции оформления рукоятей клинкового оружия прохоровского типа.

Литература

Боковенко Н. А., Заднепровский Ю. А. 1992. Ранние кочевники Восточного Казахстана. В: Рыбаков Б. А. (гл. ред.). *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* Археология СССР. Москва: Наука, 140—148.

Васильев В. Н. 1984. Новые данные о каменных курганах ранних кочевников Южного Урала. В: Иванов В. А. (отв. ред.). *Памятники кочевников Южного Урала.* Сборник научных трудов. Уфа: БФАН СССР, 31—36.

Васильев В. Н. 2001а. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н. э. *Материалы по археологии Волго-Донских степей* 1, 169—179.

Васильев В. Н. 2001б. *Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI—II вв. до н. э.* Уфа: Гилем.

Веддер и др. 1993: Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. 1993. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году. В: Яблонский Л. Т. (отв. ред.). *Курганы левобережного Илека* 1. Москва, 18—54.

Денисов А. В., Мамедов А. М. 2013. Ранние мечи и кинжалы Волго-Уральского региона с навершием в виде изогнутого бруска. В: *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии.* Караганды, в печати.

Железчиков Б. Ф., Фалалеев А. В. 1995. Раскопки у с. Лятошинка. В: Железчиков Б. Ф. (отв. ред.). *Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области.* Сборник научных статей. Волгоград: Перемена, 23—61.

Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В. 2006. *Древности Лебедевки (VI—II вв. до н. э.).* Москва: Восточная литература.

Зуев В. Ю. 1998. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа. В: Массон В. М. (отв. ред.). *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе.* Материалы международной конференции 2—5 сентября 1998 г. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 143—150.

Зуев В. Ю. 2004. О некоторых попытках модернизации сарматской периодизации. В: Раев Б. А. (отв.

ред.). *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии.* Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 205—220.

Иванов Г.Е. 1995. *Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы — раннем железном веке.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Кан Ин Ук. 2000. Сравнительный анализ кинжалов скифского периода между Южной Сибирью и северной частью Китая. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* VI, 292—296.

Клепиков В.М. 2002. *Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н.э.* Волгоград: Волгоградский государственный университет.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С. 2002. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья. *НАВ* 5, 47—81.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. 2003. *Скифская эпоха Горного Алтая.* Ч. II. *Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры*. Барнаул: Алтайский университет.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. 2004. *Скифская эпоха Горного Алтая.* Ч. III. *Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни.* Барнаул: Алтайский университет.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. 1998. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино. В: Кирюшин Ю.Ф., Кургуров А.Л. (отв. ред.). *Древние поселения Алтая.* Барнаул: Алтайский университет, 110—136.

Кубарев В.Д. 1981. Кинжалы из Горного Алтая. В: Худяков Ю.С. (отв. ред.). *Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии.* Новосибирск: Наука, 29—54.

Логвин А.В., Шеврина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В. 2008. Сарматские материалы на могильнике Бестамак. *НАВ* 9, 155—169.

Мамедов А.М. 2013. Погребальный обряд ранних кочевников верхнего Илека (по материалам могильника Сапибулак). В: *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии.* Караганды, в печати.

Мартынов А.И. 1979. *Лесостепная тагарская культура.* Новосибирск: Наука.

Мещеряков Д.В. 1996. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек. *АПО* 1, 44—67.

Моргунова и др. 2003: Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. 2003. *Щумаевские курганы.* Оренбург: ОГПУ.

Моргунова Н.Л. 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе. *АПО* 1, 8—43.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. 2004. Сарматские памятники Западного Казахстана. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* 3, 203—211.

Пшеничнюк А.Х. 1995. Переволочанский могильник. В: *Курганы ранних кочевников Южного Урала*. Сборник научных статей. Уфа: Гилем, 62—96.

Новгородова Э.А. 1989. *Древняя Монголия.* Москва: Наука.

Обельченко О.В. 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда. *СА* (4), 115—127.

Родионов В.В., Гуцалов С.Ю. 2000. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея. *УАВ* 2, 129—144.

Сеитов А.М. 2011. Сарматские памятники Торгайской степи. В: Байтанаев Б.А. (гл. ред.). *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы.* Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. II. Алматы: КН МОН РК, 134—144.

Симоненко А.В. 2003. «Проблема III века до нашей эры» — вариант решения? [Рецензия на книгу В.М. Клепикова «Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н.э.». Волгоград, 2002]. *НАВ* 6, 297—303.

Симоненко А.В. 2007. Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология.* Доклады к VI-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: ЮУрГУ, 99—113.

Симоненко А.В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья.* Санкт-Петербург: Нестор-История.

Смирнов К.Ф. 1961. *Вооружение савроматов.* МИА 101.

Смирнов К.Ф. 1975. *Сарматы на Илеке.* Москва: Наука.

Степанова Н.Ф. 1987. Могильник скифского времени Кастахта. В: Кирюшин Ю.Ф. (отв. ред.). *Археологические исследования на Алтае.* Межвузовский сборник научных статей. Барнаул: Алтайский университет, 168—183.

Таиров А.Д. 2006. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V—IV вв. до н.э. *РА* (1), 71—78.

Федоров В.К., Васильев В.Н. 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье. *УАВ* 1, 62—96.

Федоров В.К. 2001. Клинковое оружие и колчанные наборы IV—III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа). В: Сергацков И.В. (отв. ред.). *Материалы по археологии Волго-Донских степей* 1. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 180—197.

Федоров В.К. 2010. Ранние комплексы с мечами и кинжалами прохоровского типа на Южном Урале. *НАВ* 11, 374—391.

Членова Н.Л. 1967. *Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры.* Москва: Наука.

Шилов В.П. 1975. *Очерк по истории древних племен Нижнего Поволжья.* Ленинград: Наука.

Шульга П.И. 2007. Вооружение на Алтае в VI—III вв. до н.э. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Доклады к VI-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: ЮУрГУ, 142—156.

Яблонский и др. 1994: Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Ведер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году. В: Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Курганы левобережного Илека* 2. Москва: ИА РАН, 4—56.

Яблонский и др. 1995: Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. 1995. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покров-

ка 2 в 1994 году. В: Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Курганы левобережного Илека* 3. Москва: ИА РАН, 9—48.

Maoqinggou 1992: *Maoqinggou: ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei).* 1992. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Arcaologie 50. Mainz am Rhein: Ph. von Zabern.

References

Bokovenko, N. A., Zadneprovsky, Yu. A. 1992. In *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The steppe belt of the Asian part of USSR in the Scythian and Sarmatian time).* Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR). Moscow: Nauka, 140—148 (in Russian).

Vasiliev, V. N. 1984. In *Pamiatniki kochevnikov Iuzhnogo Urala (Sites of Southern Ural nomads).* Ufa: BFAN SSSR, 31—36 (in Russian).

Vasiliev, V. N. 2001. In *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Materials on the archaeology of the Volga-Don steppes)* 1, 169—179 (in Russian).

Vasiliev, V. N. 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Iuzhnogo Urala v VI—II vv. do n. e. (Armament and warfare of the nomads of Southern Ural in the 6th—2nd centuries BC).* Ufa: Gilem (in Russian).

Vedder, J., Egorov, V., Davis-Kimball, J., Morgunova, N., Trunaeva, T., Yablonsky, L. 1993. In *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Barrows of the left-Bank Ilek)* 1. Moscow: IA RAN, 18—54 (in Russian).

Denisov, A. V., Mamedov, A. M., in print. *Rannie mechi i kinzhaly Volgo-Ural'skogo regiona s navershiem v vide izognutogo bruska (Early spades and daggers of the Volga-Ural region with the knob in the shape of a bent bar)* (in Russian).

Zhelezchikov, B. F., Falaleev, A. V. 1995. In *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniia v Volgogradskoi oblasti (Archaeological and ethnographical researches in the Volgograd region).* Volgograd: Peremena, 23—61 (in Russian).

Zhelezchikov, B. F., Klepikov, V. M., Sergatskov, I. V. 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI—II vv. do n. e.) (Antiquities of Lebedevka (6th—2nd centuries BC)).* Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Zuev, V. Yu. 1998. In *Voennaia arkheologiia. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspektive (Military archaeology. Armament and warfare from historical and social perspective).* Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 143—150 (in Russian).

Zuev, V. Yu. 2004. In *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian cultures of Eurasia: problems of regional chronology).* Krasnodar, 205—220 (in Russian).

Ivanov, G. E. 1995. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniia lesostepnogo Ob'-Irtysh'ia v epokhu pozdnei bronzy — rannem zheleznom veke (Armament and warfare of the population of forest-steppe Ob'-Irtysh region in the Late Bronze and Early Iron ages).* PhD Diss. Barnaul (in Russian).

Kan In Uk. 2000. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories)* VI, 292—296 (in Russian).

Klepikov, V. M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ia v IV—III vv. do n. e. (Sarmatians of Lower Volga region in the 4th—3rd centuries BC).* Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Klepikov, V. M., Skripkin, A. S. 2002. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)* 5, 47—81 (in Russian).

Kiryushin, Yu. F., Stepanova, N. F., Tishkin, A. A. 2003. *Skifskaia epokha Gornogo Altaia (Scythian epoch of the Gorny Altai).* P. II. *Pogrebal'no-pominal'nye kompleksy pazyrykskoi kul'tury (The funerary and commemorative complexes of the Pazyryk culture).* Barnaul: Altaiskii universitet (in Russian).

Kiryushin, Yu. F., Stepanova, N. F. 2004. *Skifskaia epokha Gornogo Altaia (Scythian epoch of the Gorny Altai).* P. III. *Pogrebal'nye kompleksy skifskogo vremeni Srednei Katuni (Scythian funerary complexes from Middle Katun region).* Barnaul: Altaiskii universitet (in Russian).

Kiryushin, Yu. F., Frolov, Ya. V. 1998. In *Drevnie poseleniia Altaia (Ancient settlements of Altai).* Barnaul: Altaiskii universitet, 110—136 (in Russian).

Kubarev, V. D. 1981. In *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii (Warfare of ancient tribes of Siberia and Central Asia).* Novosibirsk: Nauka, 29—54 (in Russian).

Logvin, A. V., Shevrina, I. V., Kolbina, A. V., Neteta A. V. 2008. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)* 9, 155—169 (in Russian).

Mamedov, A. M., in print. Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov verkhnego Ileka (po materialam mogil'nika Sapibulak) *(Funerary rite of the early nomads from the Upper Ilek region (basing on the materials from Sapibulak necropolis))* (in Russian).

Martynov, A. I. 1979. *Lesostepnaia tagarskaia kul'tura (Forest-steppe Tagar culture).* Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Meshcheriakov, D. V. 1996. In *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological sites of Orenburg region)* 1, 44—67 (in Russian).

Morgunova, N. L., Golyeva, A. A., Kraeva, L. A., Meshcheryakov, D. V., Turetsky, M. A., Khalyapin, M. V., Khokhlova, O. S. 2003. *Shumaevskie kurgany (Shumaev barrows).* Orenburg: OGPU (in Russian).

Morgunova, N. L. 1996. In *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological sites of Orenburg region)*1, 8—43 (in Russian).

Moshkova, M. G., Kushaev, G. V. 2004. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Problems of history and archaeology of Western Kazakhstan)* 3, 203—211 (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 1995. In *Kurgany rannikh kochevnikov Iuzhnogo Urala (Barrows of early nomads from Southern Ural region).* Ufa: Gilem, 62—96 (in Russian).

Novgorodova, E. A. 1989. *Drevniaia Mongoliia (Ancient Mongolia).* Moscow: Nauka (in Russian).

Obelchenko, O. V. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 115—127 (in Russian).

Rodionov, V. V., Gutsalov, S. Yu. 2000. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa archaeological bulletin)* 2, 129—144 (in Russian).

Seitov, A. M. 2011. In *Arkheologiia Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the period of independence: results, perspectives).* Almaty: KN MON RK, 134—144 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2003. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)* 6, 297—303 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2007. In *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiia i khronologiia (Armament of Sarmatians: regional typology and chronology).* Chelyabinsk: IuUrGU, 99—113 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian riders of the Northern Pontic region).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (The armament of Sauromatians).* Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 101 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1975. *Sarmaty na Ileke (Sarmatians on Ilek).* Moscow: Nauka (in Russian).

Stepanova, N. F. 1987. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Altae (Archaeological researches in Altai).* Barnaul: Altaiskii universitet, 168—183 (in Russian).

Tairov, A. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 71—78 (in Russian).

Fedorov, V. K., Vasiliev, V. N. 1998. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa archaeological bulletin)* 1, 62—96 (in Russian).

Fedorov, V. K. 2001. In *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Materials on the archaeology of the Volga-Don*

steppes) 1. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 180—197 (in Russian).

Fedorov, V. K. 2010. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)* 11, 374—391 (in Russian).

Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i ranniaia istoriia plemen tagarskoi kul'tury (Provenance and early history of the tribes of Tagar culture)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Shilov, V. P. 1975. *Ocherk po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ia (Essay on the history of ancient tribes of Lower Volga region)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Shulga, P. I. 2007. In *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiia i khronologiia (Armament of Sarmatians: regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: IuUrGU, 142—156 (in Russian).

Yablonsky, L. T., Trunaeva, T. N., Veder, J., Davis-Kimball, J., Egorov, V. L. 1994. In *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Barrows of the left-Bank Ilek)* 2. Moscow: IA RAN, 4—56 (in Russian).

Yablonsky, L. T., Davis-Kimball, J., Demidenko, Yu. V. 1995. In *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Barrows of the left-Bank Ilek)* 3. Moscow: IA RAN, 9—48 (in Russian).

Maoqinggou: ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). 1992. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Arcaologie 50. Mainz am Rhein: Ph. von Zabern.

Статья поступила в номер 20 января 2014 г.

Aleksey Denisov (Samara, Russia). Volga Region State Social-Humanity Academy [1].

Aleksey Denisov (Samara, Rusia). Academia social-umanitară de stat din regiunea Volgăi.

Денисов Алексей Владимирович (Самара, Россия). Поволжская государственная социально-гуманитарная академия.

E-mail: sarmat_samara@mail.ru

Aslan Mamedov (Aktobe, Kazakhstan). Master of Archaeology and Ethnology. Aktobe Regional Protection Inspectorate of Historical and Cultural Heritage [2].

Aslan Mamedov (Aktobe, Kazahstan). Magistru în arheologie şi etnologie. Inspectoratul regional de stat pentru protecţia patrimoniului istorico-cultural din Aktobe.

Мамедов Аслан Маликович (Актобе, Казахстан). Магистр археологии и этнологии. Актюбинская областная государственная инспекция по охране историко-культурного наследия.

E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Addresses: [1] Maksim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russia; [2] Pobedy Pr., 31, Aktobe, 030007, Kazakhstan

№3. 2014

А. В. Дедюлькин

Защитное снаряжение местного производства населения Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху

Keywords: North-Western Caucasus, Hellenistic period, helmets, armour, horse harness.

Cuvinte cheie: Caucazul de nord-vest, elenism, coifuri, zale, garnitură pentru cai.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, эллинизм, шлемы, панцири, конский убор.

A. V. Dedjulkin

Locally Made Protective Equipment of the Population of North-Western Caucasus in the Hellenistic Period

The article covers the protective equipment items: helmets, armour, horse front straps and breast collars made in several handicraft centres. Those centres are localized at the sites of the ancient Maeotian settlements of the Trans-Kuban region, at the northern foothills of the Western Caucasus, and in the valleys of the Belaya and Kurdzhips rivers. The centres operated in the period from the second half of the 4th century till the 1st century BC. It may be worth mentioning that unlike the antique armour which had become widespread, the products of the local armourers were only distributed locally. This was due to the smaller scope of production, the relatively low quality of the items and their peculiar decoration meeting the tastes of the local people.

A. V. Dedjulkin

Armamentul defensiv de producție locală al populației Caucazului de nord-vest în perioada elenistică

În prezentul articol sunt analizate piesele de armament defensiv: coifuri, zale, piese pentru protecția capului și pieptului calului, executate în câteva centre meșteșugărești, localizate pe cetățuile meoților din Transkuban și spațiile premontane nordice ale Caucazului de nord-vest, în văile râurilor Belaia și Kurdjips. Aceste centre funcționau în a doua jumătate a sec. IV—I î.Hr. Se poate observa, că producția centrelor de armament local avea o răspândire limitată, spre deosebire de armamentul antic, care circula pe spații largi. În mare măsură, acest fapt era legat de calitatea relativ joasă a pieselor și de prezența unui decor specific. Doar unele elemente ale portului de paradă pentru cal pătrund pe teritorii destul de îndepărtate, însă aceste cazuri sunt singulare. Majoritatea descoperirilor sunt concentrare în Kubanul stepic și Transkuban.

А. В. Дедюлькин

Защитное снаряжение местного производства населения Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху

В статье рассматриваются предметы защитного снаряжения: шлемы панцири, конские налобники и нагрудники, изготовленные в нескольких ремесленных центрах, которые локализуются на меотских городищах Закубанья и в северных предгорьях Северо-Западного Кавказа, в долинах рек Белая и Курджипс. Эти центры функционировали во 2-й половине IV—I вв. до н. э. Можно отметить, что, в отличие от античных доспехов, получивших широкое распространение, продукция местных оружейных центров распространялась лишь локально. Во многом это было связано с относительно низким качеством изделий и их специфическим декором, отвечавшим местным вкусам. Лишь элементы парадного конского убора проникают на достаточно отдаленные территории, но это единичные случаи. Большинство находок концентрируется в степном Прикубанье и Закубанье.

Воинское снаряжение населения Северо-Западного Кавказа раннего железного века давно привлекает внимание исследователей. Материалы из этого региона есть в общих обзорных работах по вооружению скифов и сарматов (Мелюкова 1964; Черненко 1968; Хазанов 1971; Симоненко 2008, 2010), в публикациях, посвященных отдельным категориям защитного снаряжения (Рабинович 1941; Галанина 1965; Раев и др. 1990; Эрлих 1996; Zaicev 2009). В исследованиях В. Р. Эрлиха и С. П. Кожухова (Эрлих 1992; Кожухов 1994; 1999) собраны известные на тот момент материалы по вооружению населения Закубанья. Защитное снаряжение из могильников правобережья Кубани рассматривается в монографии И. И. Марченко (Марченко 1996). Очень краткий обзор защитного снаряжения

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© А. В. Дедюлькин, 2014.

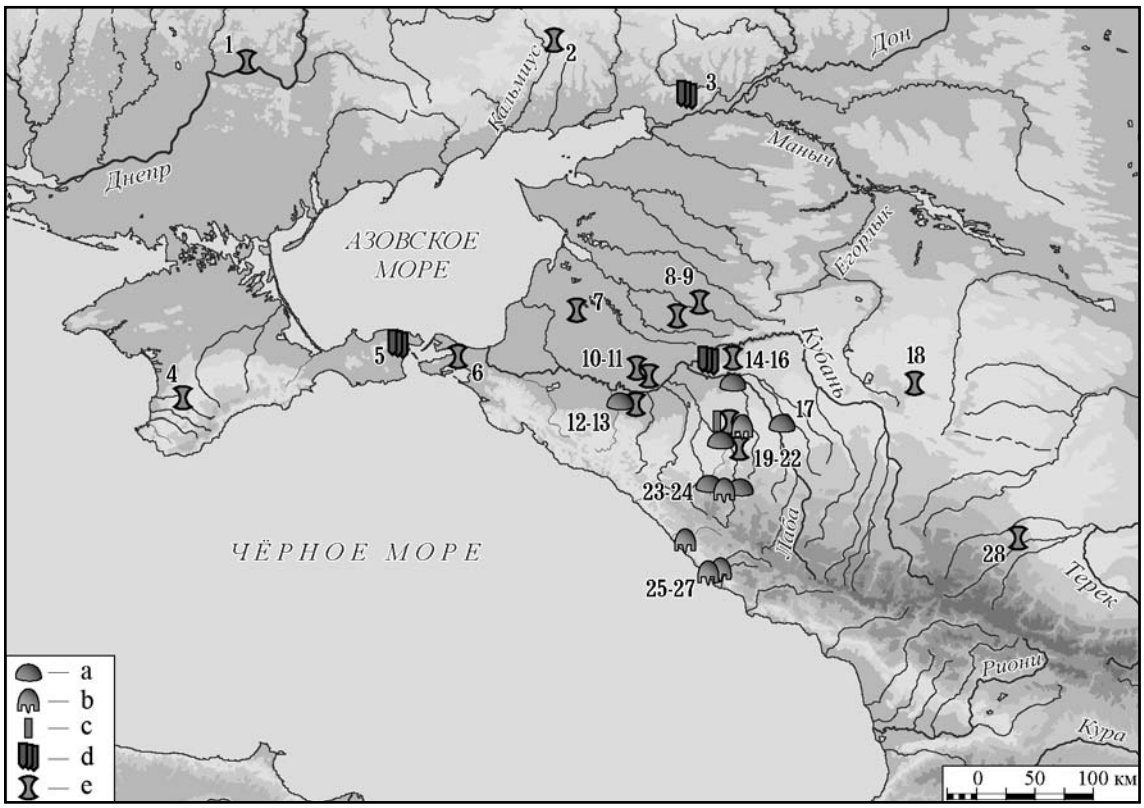

Рис. 1. Карта распространения находок предметов защитного снаряжения, изготовленных на Северо-Западном Кавказе: a — шлемы серии Даховская-Мезмай; b — шлемы серии Майкоп; c — пластины группы Курджипс; d — панцири серии Грушевская — Ак-Бурун; e — конский убор группы Никополь-Новолабинская. 1 — Никополь; 2 — Острый; 3 — Грушевский могильник; 4 — Чистенькое; 5 — Ак-Бурун; 6 — Васюринская гора; 7 — Новониколаевский I могильник; 8 — Пластуновская; 9 — Кореновск; 10 — могильник селища №5 у хут. Ленина; 11 — могильник Старокорсунского городища №2; 12 — Четук; 13 — Начерзий; 14 — могильник IV Новолабинского городища; 15 — Тенгинский могильник; 16 — Серегинский могильник; 17 — Курганинск; 18 — могильник Татарского городища; 19 — Говердовские курганы; 20 — Тульская; 21 — Псенафа; 22 — Курджипс; 23 — Мезмай; 24 — Даховская; 25 — Лазаревское; 26 — Богушевка; 27 — Казачий Брод; 28 — Вольный Аул.

Fig. 1. Distribution map of protective equipment items produced in centers of the North-Western Caucasus: a — helmets of Dahovskaya-Mezmai series; b — helmets of Maykop group; c — plates of Kurjips group; d — armors Grushevskaya-Ak-Burun series; e — horse front straps and breast collars of Nikopol-Novolabinskaya group. 1 — Nikopol; 2 — Ostry; 3 — Grushevskij cemetery; 4 — Tchisten'ke; 5 — Ak-Burun; 6 — Vasyurinskaya Gora; 7 — Novonikolaevskij I cemetery; 8 — Plastunovskaya; 9 — Korenovsk; 10 — cemetery of the settlement №5 near the Lenin farm; 11 — cemetery of the Starokorsunskoe hillfort №2; 12 — Chetuk; 13 — Nachersij; 14 — cemetery of the Novolabinskoe hillfort IV; 15 — Tenginskij cemetery; 16 — Sereginskij cemetery; 17 — Kurganinsk; 18 — cemetery of the Tatarskoye hillfort; 19 — Govedovskij cemetery; 20 — Tulskaya; 21 — Psenafa; 22 — Kurdzhips; 23 — Mezmai; 24 — Dahovskaya; 25 — Lazarevskoe; 26 — Bogushevka; 27 — Kasachij Brod; 28 — Volnij Aul.

эллинистической эпохи содержится в работе Р.Б. Схатума (Схатум 2001). Уделено внимание защитному снаряжению и в недавней работе Н.Е. Берлизова (Берлизов 2008). Соответствующий раздел есть и в монографии И.С. Каменецкого (Каменецкий 2011). За прошедшее время источниковая база значительно расширилась, а датировка и атрибуция многих уже известных предметов была пересмотрена.

Важной задачей является выделение изделий, изготовленных в рамках одной ремесленной традиции, примерное определение производственных центров и регионов, где они могли располагаться. Находки остатков ремесленных мастерских, производивших предметы вооружения, редки (Марченко 1971; Черненко 1968: 158), поэтому выделение производственных центров происходит по концентрации и распространению находок. В данной статье будут рассмотрены серии и группы[1] предметов защитного снаряжения, происхождение которых можно связать

[1] В серии предметов объединены элементы доспеха одинакового назначения — шлемы и панцири. В группы объединены различные по назначению предметы, изготовленные в рамках одной традиции,— конские налобники и нагрудники и т.д. Все названия группам и сериям даны автором, кроме шлемов серии Майкоп.

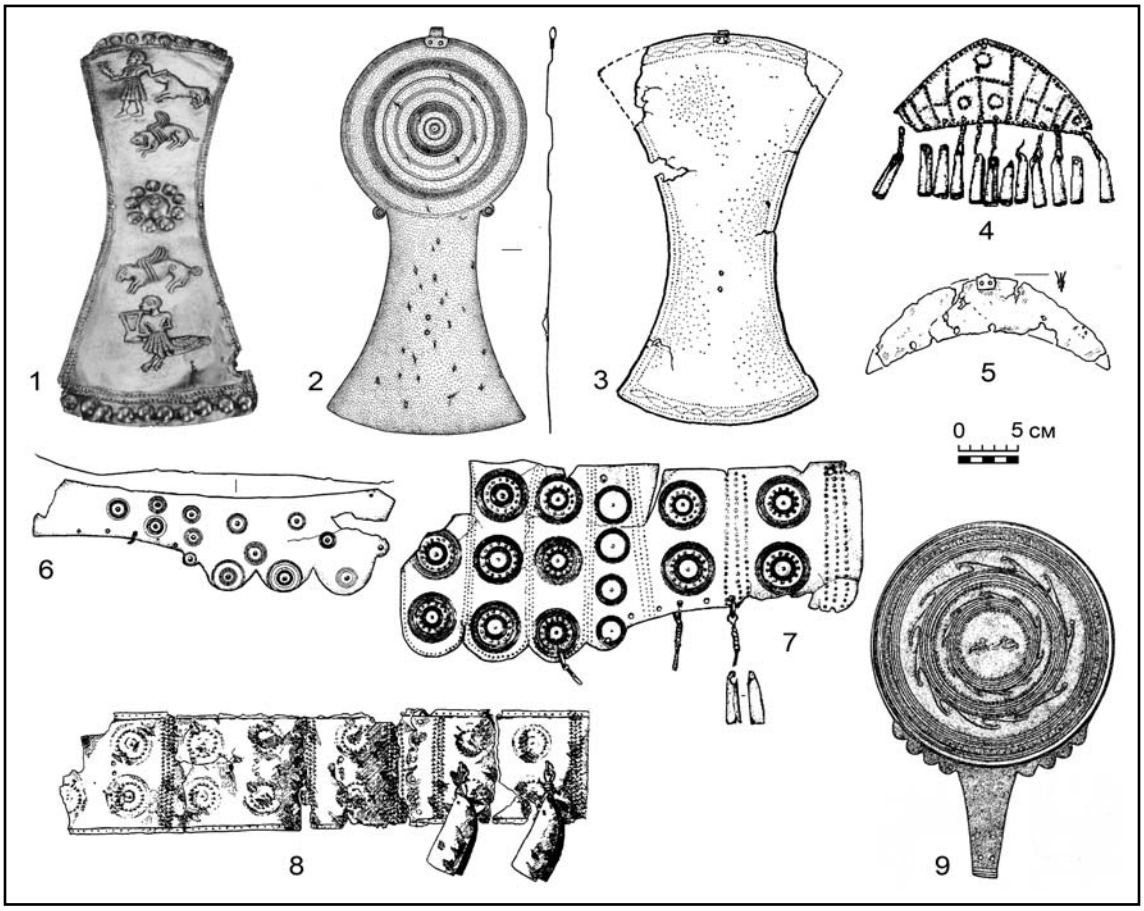

Рис. 2. Конские налобники и нагрудники группы Никополь-Новолабинская. 1 — Панагюриште (по Venedikov 1977: pl. 8); 2 — Кореновский курган (по Марченко, Лимберис 2009: 70, рис. 1: 2); 3 — Станица Новосвободная (бывш. Царская), раскопки Д.Г. Шульца (по Мурзин, Черненко 1980: 157, рис. 2: 3); 4 — Тенгинский могильник, погребение 140 (по Беглова 2002: 143, рис. 1: 1); 5 — курган Курджипс (по Галанина 1980: 103, кат. 86); 6—7 — могильник IV Новолабинского городища, погребение 10 и ситуация 3 (по Раев, Беспалый 2006: 59, 84, табл. 13: 1; табл. 38: 1); 8 — Васюринская гора, конская гробница первого склепа (по Беглова 2002: 167, рис. 5: 3); 9 — зеркало из погребения 177 Тенгинского грунтового могильника (по Беглова 2005: рис. 4: б).

Fig. 2. Horse front straps and breast collars of Nikopol'-Novolabinskaya group: 1 — Panagyurishte (after Venedikov 1977: pl. 8); 2 — Korenovsk barrow (after Марченко, Лимберис 2009: 70, рис. 1: 2); 3 — stanitsa Novosvobodnaya (former Tsarskaya), excavations of D.G. Schultz (after Мурзин, Черненко 1980: 157, рис. 2: 3); 4 — Tenginskij cemetery, grave 140 (after Беглова 2002: 143, рис. 1: 1); 5 — Kurdzhips barrow (after Галанина 1980: 103, кат. 86); 6, 7 — cemetery of the Novolabinskoe hillfort IV, grave 10 and situation 3 (after Раев, Беспалый 2006: 59, 84, табл. 38: 1); 8 — Vasyurinskaya Gora, horse grave of the first tomb (after Беглова 2002: 167, рис. 5: 3); 9 — mirror from grave 177, Tenginskij cemetery (after Беглова 2005: рис. 4b)

с местными ремесленными центрами Северо-Западного Кавказа (рис. 1).

Конский убор группы Никополь-Новолабинская

Группа предметов конского парадного убора, пластинчатых налобников и нагрудников, большинство находок которых концентрируется на территории Прикубанья и Закубанья (Беглова 2002; 2008; Марченко, Лимберис 2009). По месту первой находки, и могильнику, откуда происходит наиболее представительная подборка предметов парадного убора, предлагаю для всей серии название Никополь-Новолабинская.

Наиболее ранними являются налобники с круглой верхней частью и отходящей вниз лопастью трапециевидной формы, а также налобники с веерообразными симметрично расходящимися лопастями (типы 1 и 2 по классификации И.И. Марченко, рис. 2: 2, 3), которые появляются уже во второй половине IV в. до н.э. (Марченко, Лимберис 2009: 70—71). Эти предметы не имеют прототипов среди украшений сбруи предшествующего времени — литых, ажурных, украшенных сложным декором т.н. «елизаветинского» стиля. Налобники 2-го типа схожи по форме с парадными налобниками из Фракии (рис. 2: 1), но это сходство может объясняться одинаковым функциональным предназначением.

В III в. до н.э. появляются трапециевидные пластины-нагрудники, украшенные фестонами, и нагрудники, выполненные в виде ровной прямоугольной пластины (Беглова 2008: 43). Эти предметы украшены рельефными концентрическими кругами, розетками, полосами, сеткой (рис. 2: 6—8). Этот декор не имеет корней в более ранней меотской традиции (Беглова 2009: 506). Оформление врезными окружностями и фестонами находит аналогии в декоре синхронных и более поздних меотских зеркал (рис. 2: 9) типа IV классификации И.И. Марченко, которые датируются последней четвертью III—I вв. до н.э. (Марченко 1996: 17—19).

Наиболее поздние налобники имеют сегментовидную форму и украшены подвесками (рис. 2: 4). Они датируются концом III — началом II в. до н.э. Интересно, что в материалах основного погребения кургана Курджипс была найдена крупная лунница, на верхнем крае которой сохранился фрагмент петли, как на налобниках типов I и II, а вдоль нижнего края пробиты отверстия для крепления подвесок, как на налобниках типа III (рис. 2: 5). Возможно, это наиболее ранний налобник типа III.

Некоторые исследователи (Беглова 2002: 161; Кудрявцев и др. 2000: 44—46) полагают, что налобники и нагрудники не предназначены для боевого применения, т.к. они изготовлены из тонких листов металла и иногда украшены мелкими подвесками на проволочных крючках. Это высказывание справедливо для небольших налобников типа III. Крупные налобники типов I и II имеют толщину в 0,6—0,9 мм (Мурзин, Черненко 1980: 157), вполне сопоставимую с толщиной панцирных пластин и некоторых шлемов, они вполне функциональны (Мурзин, Черненко 1980: 161—162).

Е.А. Беглова предлагает для парадного убора группы Никополь-Новолабинская следующую хронологию: появление во второй половине IV в. до н.э., расцвет во второй половине III в. до н.э., а наиболее поздние предметы датирует первой четвертью II в. до н.э. (Беглова 2008: 43). Возможно, верхнюю границу можно сместить во вторую половину II — начало I в. до н.э. (Эрлих 2013: 478).

Местное происхождение этой группы предметов парадного убора не вызывает сомнений, их производство связывают с меотским населением Закубанья (Марченко, Лимберис 2009: 74).

Панцири серии Грушевская — Ак-Бурун

Автором данной статьи была выделена серия однотипных доспехов, отличающихся сочетанием общих конструктивных и морфологических особенностей (Дедюлькин 2010). По двум контекстным находкам серия получила название Грушевская — Ак-Бурун.

Комплекс из кургана Ак-Бурун (1875 г.) позволяет определить нижнюю хронологическую границу доспехов этой серии: конец IV — начало III в. до н.э. Подробному анализу хронологических позиций предметов из ритуального комплекса кургана 18 Грушевского могильника была посвящена отдельная публикация (Дедюлькин 2012). Мне представляется, что он датируется серединой — второй половиной III в. до н.э. Время бытования доспехов серии предварительно определяется концом IV — серединой — второй половиной III в. до н.э. Этому временному периоду соответствует и косвенная датировка аналогичных панцирей с аукциона Hermann Historica и из частной коллекции.

Основной набор комплектуется чешуями пятиугольной формы, с треугольным нижним краем, с прочеканенным рельефным ребром, соединёнными между собой и с основой с помощью проволочных скоб (рис. 3). Нижний край набран из удлинённых пластин без ребра жёсткости. Следует отметить грубость и небрежность исполнения этих доспехов: края пластин вырезаны неровно, с заусенцами, отверстия пробиты грубо, без разметки, а их края с внутренней стороны никак не обработаны.

Судя по двум археологически целым экземплярам, металлическими пластинами покрывалась лишь часть панциря. Оба блока пластин относительно короткие, высотой около 30 см (рис. 4: 1, 10). Этого достаточно, чтобы прикрыть торс человека среднего роста от талии до подмышек. Верхний край совершенно ровный, без каких-либо выемок для рук. Судя по мелким отверстиям для пришивания канта по краю блока пластин, панцирь имел боковой разрез для удобства надевания. Набор корпуса обладал достаточной прочностью, но из-за специфики соединения был довольно жёстким. Остальные участки, видимо, были защищены толстой кожей основы, чтобы не сковывать подвижность воина в поясе и плечевых суставах. Это не полностью покрытые металлической чешуей доспехи, а однотипные части набора торса для комбинированных панцирей.

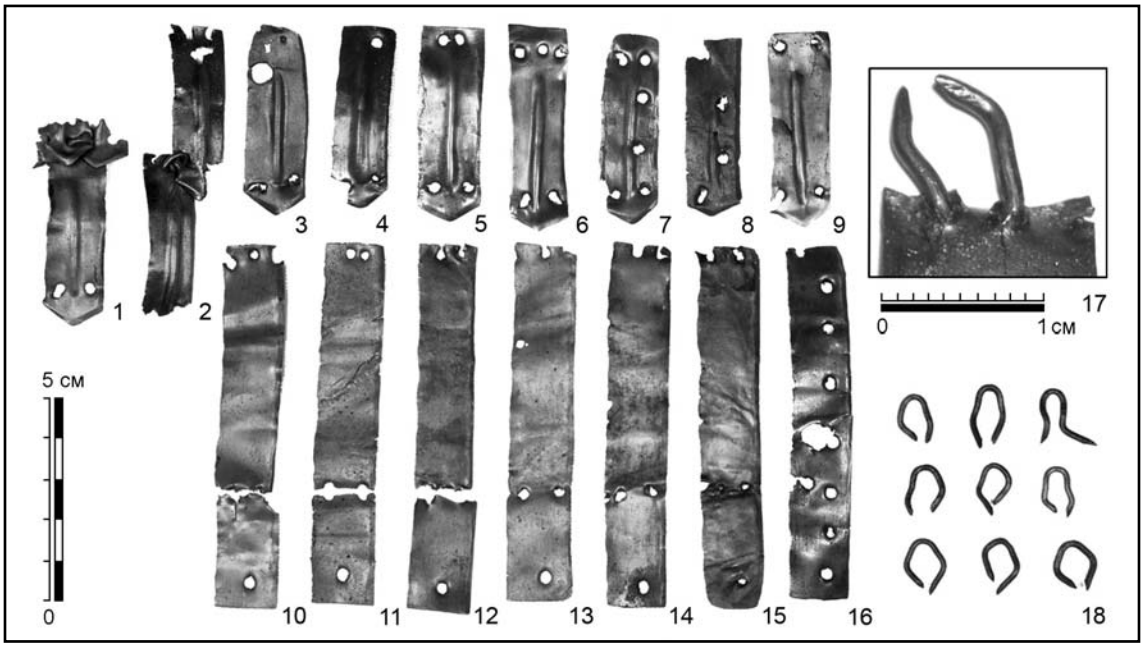

Рис. 3. Фрагменты панциря из кургана 18 Грушевского могильника. 1—9 — пластины основного набора; 10—16 — пластины набора нижнего края; 17 — система крепления пластины, вид с внутренней стороны; 18 — скобы крепления (фото: А. Чумак).

Fig. 3. Fragments of the armor from barrow 18, Grushevskij cemetery: 1—9 — plates of the main part; 10—16 — plates of the lower edge; 17 — fastening system, interior side; 18 — wire links (photo by A. Chumak).

Вопрос о генезисе доспехов серии Грушевская — Ак-Бурун остается открытым. Сама идея такого размещения металлического набора не нова. На изображениях греческих льняных панцирей классической и эллинистической эпох (рис. 5: 1, 2) можно видеть усиление торса металлической чешуей (Черненко 1968: 43—44, рис. 25: 2; Snodgrass 1999: 91, pl. 42, 45). Возможно, именно эллинистические панцири стали прототипами для доспехов серии.

Близкая доспехам серии Грушевская — Ак-Бурун жесткая конструкция панцирного набора прослежена на железном доспехе из кургана 28 могильника Филипповка-1 в Южном Приуралье (рис. 5: 5). Набор защиты торса также представляет собой блок жестко соединенных проволочными скобами пластин. Высота блока около 30 см, вырезы для рук отсутствуют. Но размеры и форма пластин сильно отличаются от пластин доспехов серии. Исследователи не нашли панцирю аналогий и отметили уникальность конструкции среди доспехов из могильника Филипповка-1, хотя и допускают возможность его производства или доработки местными ремесленниками (Рукавишников, Рукавишникова 2009: 46, 49).

Сходную с грушевскими пластинами форму и порядок размещения отверстий имеют костяные пластины из коллективного погребения 2 кургана 29 могильника Филипповка-1 в Южном Приуралье (рис. 5: 4). Оба филипповских погребения широко датируются концом V—IV в. до н. э. (Мещеряков 2011: 296—297). Говорить о какой-то связи между панцирями из Филипповки и доспехами серии Грушевская — Ак-Бурун пока преждевременно.

Открытым остается вопрос о локализации производственного центра этих панцирей. Все контекстные находки происходят с территории Северного Причерноморья (рис. 1): из Грушевского могильника, кургана Ак-Бурун (1875 г.), грунтового некрополя IV Новолабинского городища[2]. М. В. Горелик связал производство панциря, выставленного на аукционе Hermann Historica, с мастерскими Пантикапея или Фанагории (Hermann Historica 2007: 377). Мною было высказано предположение о меотском происхождении доспехов серии (Дедюлькин 2010: 50; 2012: 43).

Пластины группы Курджипс

Представлены наборами вытянутых подпрямоугольных и коротких трапециевидных пластин со скругленными углами, с мелки-

[2] Раскопки 2011 г. экспедиции ЮНЦ РАН под руководством Л. С. Ильюкова и Б. А. Раева.

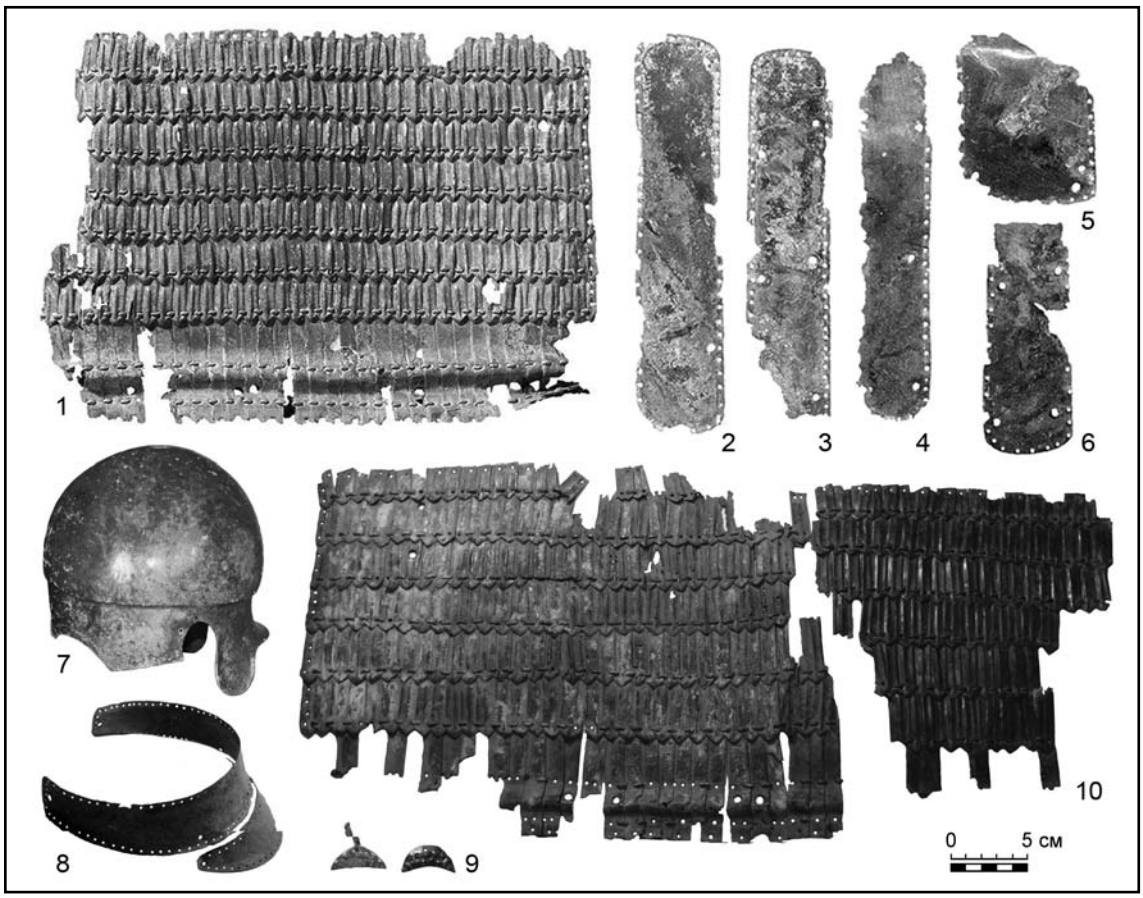

Рис. 4. Новые комплексы с панцирями серии Грушевская-Ак-Бурун. 1—6 — комплекс с аукциона Hermann Historica (по Hermann Historica 2007: 366, 367); 7—10 — комплекс из частной коллекции (фото: М. Чумак).

Fig. 4. New complexes with armors Grushevskaya-Ak-Burun series: 1—6 — complex from Hermann Historica auction (after Hermann Historica 2007: 366, 367); 7—10 — complex from a private collection (photo by M. Chumak).

ми небрежно пробитыми отверстиями по краям (рис. 6: 1—3). Один комплект происходит из основного погребения кургана Курджипс (Галанина 1980: 99—100), которое надежно датируется второй половиной IV в. до н. э. (Галанина 1980: 60).

Еще один набор пластин вместе с панцирем серии Грушевская — Ак-Бурун входил в состав комплекса, выставленного на аукционе Hermann Historica (рис. 4: 2—6).

Неясно, каким образом пластины размещались на доспехе. М.В. Горелик, вслед за Л.К. Галаниной, предположил, что эти пластины служили для покрытия птериг, которые размещались на подолах греческих и эллинистических панцирей, и нагрудных клапанов. Если интерпретация относительно накладок на клапаны вполне возможна, то версия относительно накладок на птериги представляется спорной. Сама Л.К. Галанина признавала, что аналогии этим пластинам ей не были известны, их интерпретация была высказана предположительно. Изобразительные источники не позволяют надежно подтвердить эту гипотезу. Роспись клазоменского саркофага, на которую ссылается исследовательница (Галанина 1980: 99; Блаватский 1953: 162), изображает воинов в льняных панцирях. Птериги обычно изготавливались из относительно мягких материалов — проклеенной ткани, кожи, чтобы не сковывать подвижность воина. Иногда птериги греческих панцирей покрывались мелкими металлическими пластинками. Подобные доспехи изображены на Ахилле и Патрокле с известного килика мастера Сосия (Блаватский 1953: 182; Boardman 2001: ill. 308). Это металлическое покрытие обеспечивало доспеху достаточную гибкость.

Сомнительно, чтобы в таком качестве были удобны довольно длинные (около 25 см), негнущиеся бронзовые пластины. До появления комплекса с набором подобных пластин, зафиксированных *in situ*, об их расположении можно лишь строить в той или иной степени правдоподобные предположения.

Вместе с пластинами следует рассмотреть щиток для защиты шеи (рис. 6: 5), происхо-

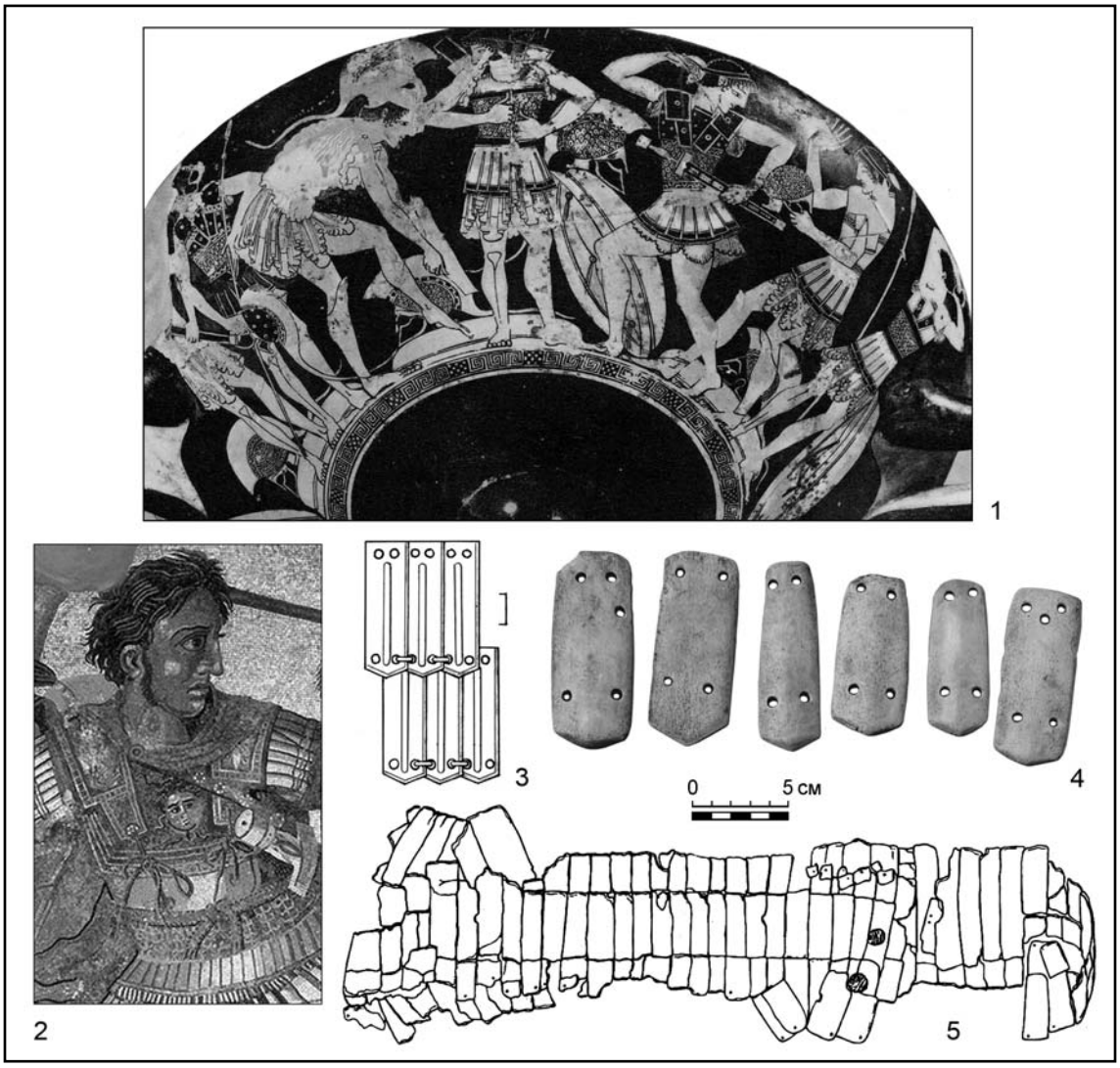

Рис. 5. Доспехи, имеющие черты формального сходства с панцирями серии Грушевская — Ак-Бурун: 1 — килик мастера Дуриса (по Eichler 1951: Taf. 10); 2 — мозаика из дома Фавна, Помпеи (http://images7.alphacoders.com/419/419706.jpg); 3 — пластины панцирей серии Грушевская — Ак-Бурун (фото: А. Чумак); 4 — панцирные пластины из погребения 2 кургана 29 могильника Филипповка-I (по Трейстер и др. 2012: 462, табл. 33: 1); 5 — панцирь из погребения кургана 28 могильника Филипповка-I (по Рукавишников, Рукавишникова 2009: 43, рис. 2).

Fig. 5. Armors with some features of formal similarity with the armors of Grushevskaya-Ak-Burun series: 1 — kylix by master Duris (after Eichler 1951: taf. 10); 2 — mosaic from the House of the Faun in Pompeii (http://images7.alphacoders.com/419/419706.jpg); 3 — plates of armors of Grushevskaya-Ak-Burun series (photo by A. Chumak); 4 — plates from grave 2 barrow 29, Filippovka-1 burial ground (after Трейстер и др.2012: 462, табл. 33: 1); 5 — armor from barrow 28, Filippovka-1 burial ground (after Рукавишников, Рукавишникова 2009: 43, рис. 2).

дящий из комплекса, находящегося в частной коллекции. Сходство небрежной манеры исполнения и технологических приемов позволяет предположить, что этот элемент доспеха был изготовлен в том же центре, что и курджипские пластины. Он состоит из двух пластин: прямоугольной с закругленными краями и сегментовидной для прикрытия нижней части шеи. Вдоль краев грубо пробиты отверстия для крепления подкладки. Точных аналогий этому предмету мне неизвестно.

Он имеет отдаленное сходство с фракийскими пекторалями (Галанина 1965: 8—9), наиболее близкие хронологически из которых датируются второй половиной IV в. до н.э. (Venedikov 1977: pl. 7). Но на этих предметах крупная пластина закрывает верхнюю часть груди, а ободок для защиты шеи нешироким. Данный щиток, напротив, прикрывает только шею. Не похож он и на бронзовую пекторали из впускного погребения в кургане 493 у с. Ильинцы (Галанина 1965: 8, рис. 1: 3).

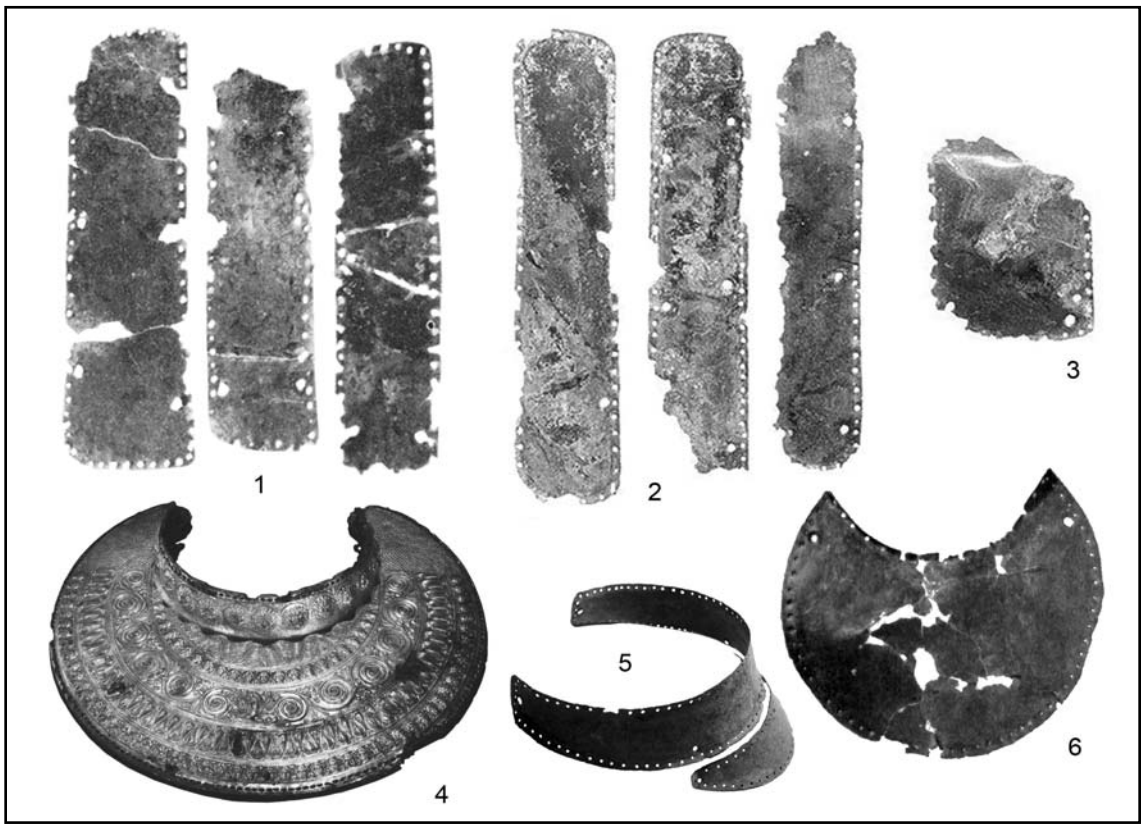

Рис. 6. Пластины группы Курджипс: 1 — пластины из кургана Курджипс (по Галанина 1980: 99, кат. 71); 2, 3 — пластины панциря с аукциона Hermann Historica (по Hermann Historica 2008: 366); 4 — шейное прикрытие из гробницы в Мезеке (по Venedikov 1977: pl. 7); 5 — шейное прикрытие из частной коллекции; 6 — нагрудник из впускного погребения кургана №493 у с. Ильинцы (по Галанина 1965: 9, рис. 1: 3).

Fig. 6. Plates of Kurdzhips group: 1 — plates from Kurdzhips barrow (after Galanina 1980: 99, cat. 71); 2, 3 — plates of armor from Hermann Historica auction (after Hermann Historica 2008: 366); 4 — pectoral from tomb near Mezek (after Venedikov 1977: pl. 7); 5 — neck-guard from a private collection; 6 — breastplate from additional grave barrow 493 near Ilintsy village (after Галанина 1965: 9, рис. 1: 3).

Верхняя хронологическая граница бытования наборов пластин группы Курджипс пока неясна. В двух случаях (панцири с аукциона Hermann Historica и из частной коллекции) пластины группы Курджипс сочетались с панцирями серии Грушевская-Ак-Бурун, время производства которых предварительно определяется в рамках III в. до н. э., преимущественно его первой половины. Это позволяет предположить производство пластин группы Курджипс в это же время.

Пластины группы Курджипс неизвестны за пределами Северо-Западного Кавказа. Их совместные находки с доспехами серии Грушевская — Ак-Бурун позволяют предположить происхождение из одного ремесленного центра.

Шлемы серии Майкоп

Д. П. Алексинским была выделена группа местных подражаний халкидским шлемам типа V по классификации Г. Пфлюга (Pflug 1988: 145, Abb. 2, Typ V), которая была названа исследователем «тип Майкоп»[3]. До настоящего времени эти шлемы-подражания всегда рассматривались исследователями как оригинальная продукция греческих оружейников.

Кратко резюмируя выводы Д. П. Алексинского, можно отметить, что подражания отличаются иными пропорциями, формой отдельных элементов, оформлением налобной части и наносника, самобытным декором. Технологические отличия заключаются в том, что подражания полностью выкованы из тонкого листа металла, включая наносник и надглазные вырезы (рис. 7). На оригинальных шлемах эти детали массивные, сплошные, рельефные, за счет использования литой за-

[3] Доклад Д. П. Алексинского на заседании ОАМ ГЭ 11 апреля 2012 г. «Северокавказские имитации греческих шлемов (К вопросу о месте производства шлема из Майкопа)». Выражаю искреннюю признательность Д. П. Алексинскому за возможность ознакомиться с рукописью доклада.

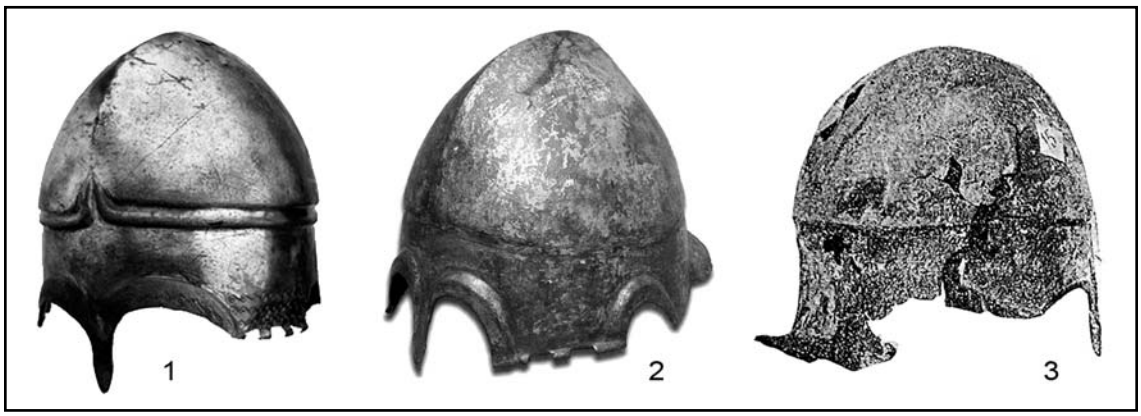

Рис. 7. Шлемы группы Майкоп: 1 — шлем из Майкопа (по АВПВ 2007: 110); 2 — шлем из коллекции Караковского (по Новые поступления 2006: 6, кат. 10); 3 — шлем из окрестностей ст. Тульской (по Лунин 1939: 215, рис. 4).

Fig. 7. Helmets of Maykop group: 1 — helmet from Maykop (after АВПВ 2007: 110); 2 — helmet from Karakovsky's collection (after Новые поступления 2006: 6, кат. 10); 3 — helmet from barrow near Tulskaya (after Лунин 1939: 215, рис. 4).

готовки. Отличается и металл, использованный для изготовления подражаний — это медь (Алексинский 2013: 59), а не оловянистая бронза.

Находки локализуются на территории северных предгорий Западного Кавказа и на черноморском побережье. Три шлема с территории Адыгеи были опубликованы Б.З. Рабиновичем: шлем из Майкопа, шлем из кургана близ п. Мезмай, шлем из кургана «Золотая горка» возле станицы Тульской (Рабинович 1941: 147—149). Три шлема происходят с территории современного г. Сочи: из Лазаревского (Чандрасекаран 2013), из с. Богушевка (Воронов 1979: 64, рис. 33: 1—8), из Казачьего брода (Овчинникова 2011: 130, табл. 3: 3).

К сожалению, ни одного шлема этого типа не было найдено в ходе археологических раскопок, это находки из разрушенных комплексов. Шлем из п. Мезмай был найден вместе с мечами с кольцевым навершием, помятым серебряным сосудом и двумя серебряными «уховертками» (вероятно, ручки канфара?), глиняным одноручным сосудом «сарматского типа» (Рабинович 1941: 147). Но эти предметы известны только по упоминанию, изображений их нет. Судя по мечам, комплекс не старше первой половины II в. до н.э.

Инвентарь разрушенного погребения из Богушевки невыразителен и не позволяет его узко датировать. Шлем из Казачьего брода происходит из разрушенного грабителями святилища, которое функционировало несколько столетий, с эпохи позднего эллинизма до первых веков нашей эры.

Датировка комплекса из Лазаревского в рамках IV в. до н.э. выводится С. Чандрасекаран из предложенной Б.В. Фармаковским датировки фрагментированного серебряного сосуда, построенной на анализе стилистики изображения. Исследователь датировал чашу первой третью IV в. до н.э. (Фармаковский 1921: 201). Однако изображение на сосуде может быть отнесено и к более позднему времени — второй половине IV в. до н.э. и к эллинистической эпохе, когда многофигурные композиции с батальными сценами активно изображались, продолжая классические традиции (Rostovtzeff 1943: 178).

Относительно шлемов из Мезмая и Казачьего брода А.В. Симоненко было высказано предположение, что их долго использовали и подвергли переделке, т.к. их тульи относятся к IV в. до н.э., а нащечники — позднеэллинистические (Симоненко 2008: 268). Эта версия не находит подтверждения, т.к. шлем из Мезмая, исходя из рисунка и описания Б.З. Рабиновича (Рабинович 1941: 147—148, рис. 17), — вполне обычный шлем-подражание, как и шлем из Казачьего Брода (Овчинникова 2011: 130, табл. 3: 3). Нащечники на обоих шлемах изготовлены одновременно с самими шлемами, в той же манере и по той же технологии.

Таким образом, датировка рассматриваемой группы шлемов дается в диапазоне от второй половины IV в. до н.э. до первой половины I в. до н.э. (курган у станицы Тульской). Если признать что шлемы серии Майкоп начали изготавливать еще в IV — начале III в. до н.э., придется считать, что их зачастую использовали по полтора-два века, или признать, что традиция их производства продолжалась более двух столетий. Оба варианта маловероятны.

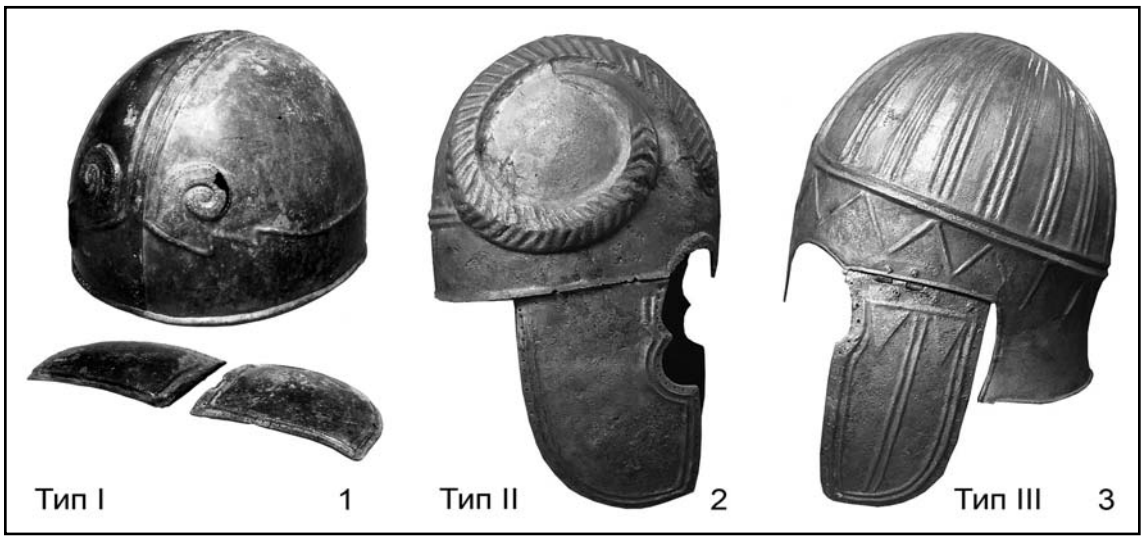

Рис. 8. Типология шлемов серии Даховская-Мезмай. 1 — тип I, шлем из коллекции Караковского (по Новые поступления 2006: 7, кат. 11); 2 — тип II, шлем из Мезмая (по Шевченко и др. 2011: 124, рис. 7: 3); 3 — тип III, шлем из Мезмая (по Шевченко и др. 2011: 124, рис. 7: 1).

Fig. 8. Typology of the helmets of Dahovskaya-Mezmai series. 1 — type I, helmet from Karakovsky's collection (after Новые поступления 2006: 7, кат. 11); 2 — type II, helmet from Mezmai (after Шевченко и др. 2011: 124, рис. 7: 3); 3 — type III, helmet from Mezmai (after Шевченко и др. 2011: 124, рис. 7: 1).

Датировка IV в. до н. э. определялась тем, что подражания принимали за оригинальные халкидские шлемы типа V, которые были широко распространены в Северном Причерноморье в IV в. до н. э. Однако наиболее поздняя контекстная находка такого шлема происходит из погребения 3 могильника Мезмай-1, которое может быть датировано 1-й половиной II в. до н. э. (Шевченко и др. 2011: 143). Мне представляется, что эта серия шлемов появляется не ранее середины III в. до н. э., возможно, и в конце столетия, и немногим древнее серии Даховская-Мезмай.

Шлемы серии Даховская-Мезмай

Эти шлемы были выделены в единую группу В. Р. Эрлихом (Эрлих 1996). Они составляют достаточно однородную по морфологическим и конструктивным признакам серию. Купола описываемых шлемов удлиненно-полусферические, образованы двумя боковинами, соединенными внахлест по линии сагиттального сечения. Нащечники, вероятно, изначально присутствовали на большинстве шлемов серии; в тех случаях, когда они утрачены, можно проследить петли или отверстия для их крепления.

Для создания типологии шлемов этой серии мною были использованы следующие критерии: наличие выступа-наносника и наличие назатыльника.

Шлемы без назатыльника, с ровным передним краем, объединены в тип I (рис. 8: 1). Шлемы без назатыльника, с фигурным передним краем, с мысовидным выступом относятся к типу II (рис. 8: 2).

К типу III относятся шлемы с развитым назатыльником, фигурным передним краем с выступом-наносником (рис. 8: 3), которые отдаленно воспроизводят форму халкидского шлема, тип V (рис. 9: 4).

Тип II является промежуточной формой между типом I и типом III.

По месту первой находки и могильнику, откуда происходит наиболее представительная подборка описываемых шлемов, мною было предложено для всей серии название Даховская-Мезмай. Анализу историографии и проблемам генезиса шлемов этой серии был посвящен доклад (Дедюлькин 2013), ниже приводятся основные его положения.

Единства мнений по поводу происхождения шлемов этой серии до сих пор нет. В историографии представлены следующие точки зрения:

Местное производство. Впервые для шлема из Даховской предположил Б. З. Рабинович. Объединил все известные к середине 90-х гг. XX в. находки и выделил их в единую серию В. Р. Эрлих. Эту точку зрения приняли С. П. Кожухов, Р. Б. Схатум, Н. Ф. Шевченко, Ю. П. Зайцев, А. Е. Негин, С. Чандрасекаран, И. С. Каменецкий. Существуют разные версии относительно исходного им-

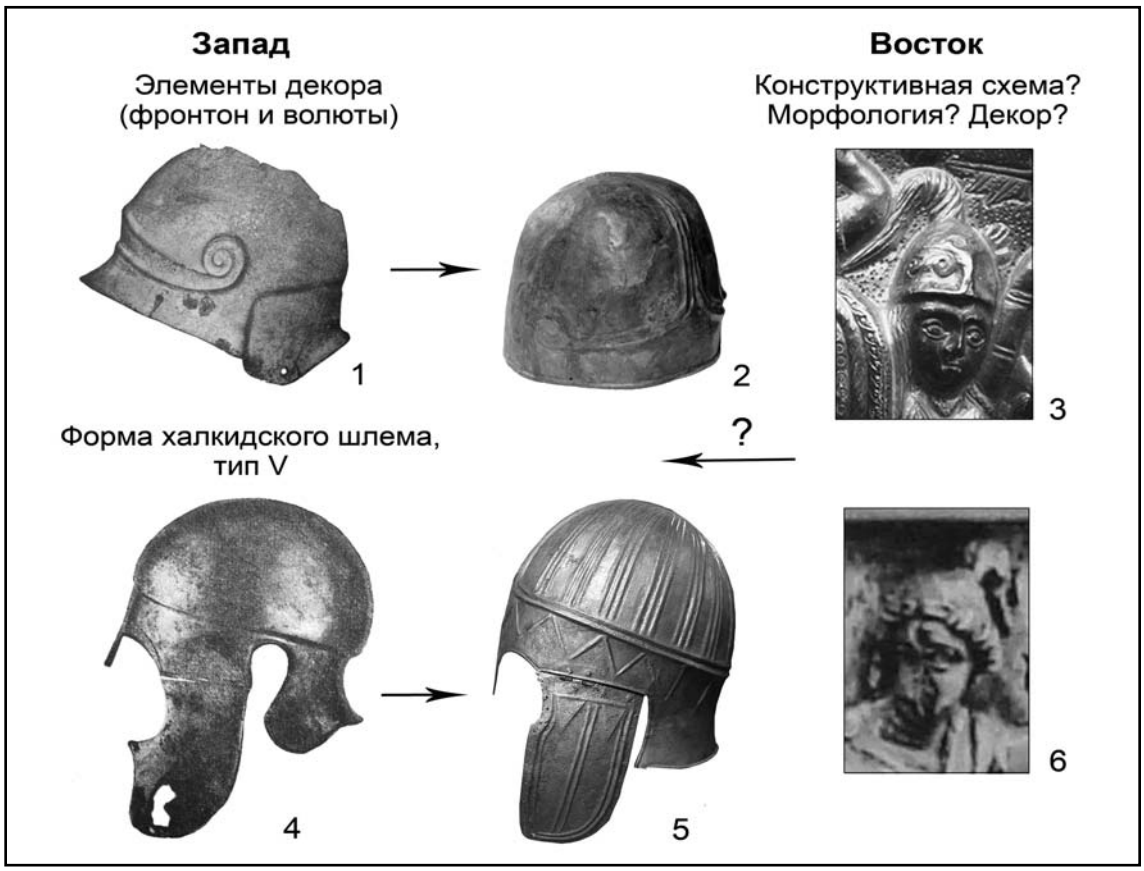

Рис. 9. Возможные прототипы шлемов серии Даховская-Мезмай: 1 — шлем из с. Каменка (по Рабинович 1941: табл. XXII); 2 — шлем из кургана у оз. Четук (по Беглова 2010: 413, рис. 5); 3 — шлем богини на фалере из Северского кургана; 4 — шлем из кургана на земле мирзы Кекуватского (по Рабинович 1941: табл. XIV); 5 — шлем из Мезмая (по Шевченко и др. 2011: 124, рис. 7: 1); 6 — шлем Афины на ритоне из Старой Нисы (по Массон, Пугаченкова 1956: табл. II).

Fig. 9. Possible prototypes of Dahovskaya-Mezmai helmets: 1 — helmet from Kamenka (after Рабинович 1941: табл. XXII); 2 — helmet from barrow near Chetuk lake (after Беглова 2010: 413, рис. 5); 3 — helmet of the Goddess on phalerae from Seversky barrow; 4 — helmet from a barrow in the Mirza Kekuvatsky's estate (after Рабинович 1941: табл. XIV); 5 — helmet from Mezmai (after Шевченко и др. 2011: 124, рис. 7: 1); 6 — helmet of Athena on the rhyton from Old Nisa (after Массон, Пугаченкова 1956: табл. II).

пульса — эллинистического (В.Р. Эрлих), восточного (С.П. Кожухов, А.Е. Негин), западного (иберийского) (Ю.П. Зайцев).

Западный импорт. Версии выдвигались избирательно для шлемов из Даховской (М.В. Горелик — из Этрурии; А.В. Козленко — из Греции) и Курганинска (Б.А. Раев, А.В. Симоненко, М.Ю. Трейстер — тессинский, с севера Аппенин). В свете новых данных эти точки зрения представляют преимущественно историографический интерес.

Восточный импорт. Эта версия не была озвучена напрямую, но косвенно следует из отрицания возможности производства этих шлемов местными ремесленниками (Б.А. Раев) и признания их «не античными» (А.В. Симоненко).

Возобладала точка зрения В.Р. Эрлиха, что эта группа шлемов является продукцией местных мастеров. Дискуссионным остается вопрос об исходном импульсе, для которого усматривают восточные или эллинистические прототипы.

По конструкции, декору и форме большинство шлемов рассматриваемой серии не связано с эллинистической традицией, влияние которой проявилось лишь в эпизодическом использовании отдельных элементов декора (фронтона и волют) и переосмысленном заимствовании общего силуэта одного из типов. Предположение В.Р. Эрлиха об исходном импульсе для появления клепаных шлемов под влиянием знакомства местного населения с античными шлемами в IV в. до н.э. (во время Боспорской войны 310/309 гг. до н.э.) не подтверждается. Шлемы рассматриваемой серии не старше конца III в. до н.э. (Беглова 2010: 413) и наибольшее распространение получили во II—I вв. до н.э.

Таблица 1

Хронология типов защитного снаряжения местного производства Северо-Западного Кавказа

	конский убор группы Никополь-Новолабинская	панцири серии Грушевская-Ак-Бурун	пластины группы Курджипс	шлемы серии Майкоп	шлемы серии Даховская-Мезмай
					
I в. до н.э.					
				?	
II в. до н.э.	?				
	?				
III в. до н.э.		?			
		?			
			?	?	
			?	?	
IV в. до н.э.		?		?	
	?			?	

Версию о восточном исходном импульсе пока полностью отвергать нельзя, но неясно, был ли он вообще, и в чем проявился: в конструкции, в форме или в декоре. С.П. Кожухов предположил, что исходный импульс был принесен сарматами (Кожухов 1999: 165). Версию о сарматском заимствовании с Востока шлемов данной серии, не упоминая С.П. Кожухова, поддержал А.Е. Негин (Негин 2007: 342; 2010: 351—353). Однако атрибуция закубанских комплексов со шлемами как сарматских в большинстве случаев некорректна (Дедюлькин 2013: 51). Если допустить, что шлемы рассматриваемой серии были принесены сарматами, странно их полное отсутствие на Правобережье Кубани, и более восточных территориях — в Поволжье и Приуралье. Таким образом, «сарматская» версия происхождения этих шлемов пока не находит подтверждения.

Местное происхождение рассматриваемой серии шлемов представляется наиболее вероятным. Истоки традиции их производства пока неясны. Если предполагать копирование неких импортных шлемов местными ремесленниками в Закубанье, с той же территории должны происходить и импортные образцы-прототипы. Между тем, такие прототипы пока неизвестны.

Картографирование находок шлемов (рис. 1) показывает, что они преобладают в северных предгорьях Западного Кавказа, долинах рек Белая и Курджипс (Мезмай, Даховская, Псенафа). Можно предположить, что ремесленный центр, где производились эти шлемы, находился на этой же территории. Лишь единичные находки встречены в степном Закубанье.

Выводы

Рассматриваемые в статье предметы защитного снаряжения, вероятно, являются продукцией нескольких ремесленных центров, которые локализуются на меотских городищах Закубанья и в северных предгорьях Северо-Западного Кавказа, в долинах рек Белая и Курджипс. Если верно предположение М.В. Горелика, то панцири серии Грушевская — Ак-Бурун и пластины группы Курджипс могли быть изготовлены и на Боспоре.

Генезис групп и серий предметов защитного снаряжения, рассмотренных в статье, неясен. Лишь у шлемов серии Майкоп есть

очевидные прямые прототипы — халкидские шлемы типа V по классификации Пфлюга.

Можно отметить, что продукция местных оружейных центров распространялась локально, в пределах Северо-Западного Кавказа, и практически не проникала на соседние территории[4], где использовались импортные античные доспехи. Естественно, масштабы оружейного производства античных эргастериев были несопоставимы с возможностями местных производственных центров Северо-Западного Кавказа. Например, из письменных источников известно, что в крупной афинской оружейной мастерской единовременно было 700 готовых щитов (Лисий. Речи. XII, 19). Кроме того, местные доспехи уступали импортным по качеству исполнения и своим защитным свойствам. Примечательно, что в могильнике Мезмай-1, откуда происходят несколько шлемов серии Даховская-Мезмай, в аристократическом захоронении 3 было найдено два простых эллинистических шлема (псевдоаттический и халкидский, тип V), а не продукция местных мастеров.

Рассмотренные в статье предметы защитного снаряжения демонстрируют яркие и самобытные традиции оружейного производства у различных групп населения Северо-Западного Кавказа в эпоху эллинизма.

Литература

АВПВ 2007: *Александр Великий. Путь на Восток*. 2007. Каталог выставки. Гурвиц И.Ф. (ред.). Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексинский Д.П. 2013. *Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа* (серия «Античность в Эрмитаже»). Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Блаватский В.Д. 1953. *История античной расписной керамики*. Москва: МГУ.

Беглова Е.А. 2002. Предметы конского убора из Тенгинского могильника. *Материальная культура Востока* 3, 157—168.

Беглова Е.А. 2005. Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника. В: Носкова Л.М. (отв. ред.). *Материальная культура Востока* 4. Москва: Государственный музей искусств народов Востока, 166—181.

Беглова Е.А. 2008. Парадный конский убор IV—II вв. до н.э. из памятников Предкавказья и Украины. В: Туаллагов А.А. (отв. ред.). *Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий*. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, 41—45.

Беглова Е.А. 2009. Парадный конский убор в искусстве меотов. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира*. Матер. межд. науч. конф. Санкт-Петербург: Нестор-История, 502—507.

Беглова Е.А. 2010. Позднеэллинистический и римский периоды. Государственный музей искусств народов Востока. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред. сост.). *Античное наследие Кубани* III. Москва: Наука, 410—422.

Берлизов Н.Е. 2008. Эволюция комплекса вооружения и военной организации кубан-ских сарматов. В: Скрипкин А.С. (отв. ред.) *Нижневолжский археологический вестник* 9. Волгоград: Волгоградский государственный ун-т, 36—47.

Воронов Ю.Н. 1979. *Древности Сочи и его окрестностей*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.

Галанина Л.К. 1965. Греческие поножи Северного Причерноморья. *АСГЭ* 7, 5—28.

Галанина Л.К. 1980. *Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племён IV века до н.э.* Ленинград: Искусство.

Дедюлькин А.В. 2010. О новом типе панцирей из Северного Причерноморья. В: Бойко А.Л. (отв. ред.). *Рубикон. Сборник научных работ молодых учёных* 55. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 48—51.

Дедюлькин А.В. 2012. Ритуальный комплекс из кургана 18 Грушевского могильника. Проблемы хронологии. В: Тельнов. Н.П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э.* Междунар. науч. конф., Тирасполь, 16—19 окт. 2012 г. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 34—45.

Дедюлькин А.В. 2013. Меотские шлемы эпохи эллинизма. Проблемы генезиса. В: Павленко Т.А., Схатум Р.Б., Улитин В.В. (ред.). *Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. К 1025-летию крещения Руси*. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27—29 мая 2013 г.). Краснодар: Вика-Принт, 48—55.

Каменецкий И.С. 2011. *История изучения меотов*. Москва: Таус.

Кожухов С.П. 1994. *Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н.э. — III в.н.э.)*. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Кожухов С.П. 1999. Закубанские катафрактарии. В: Носкова Л.М., Мкртычев Т.К. (ред.). *Материальная культура Востока*. Москва: Спутник+, 159—190.

Кудрявцев и др. 2000: Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Прокопенко Ю.А. 2000. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника №2 Татарского городища города Ставрополя. *Донская археология* (2), 40—47.

Лунин Б.В. 1939. *Археологические находки* 1935—1936 гг. в окрестностях станиц *Тульской* и *Даховской* близ Майкопа. *ВДИ* (3), 210—223.

Марченко И.Д. 1971. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее. *СА* (2), 148—156.

Марченко И.И. 1996. *Сираки Кубани*. Краснодар: Кубан-

[4] Лишь элементы парадного конского убора проникают на достаточно отдаленные территории, но это единичные случаи. Большинство находок концентрируется в степном Прикубанье и Закубанье.

ский государственный университет.
Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. 2009. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья. *Археология, этнография и антропология Евразии* (3), 69—74.
Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. 1956. *Парфянские ритоны Нисы.* Альбом иллюстраций. Москва: Издательство Академии наук СССР.
Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов.* САИ Д1—4.
Мещеряков Д.В. 2011. Воинские доспехи в погребальном обряде ранних сарматов. В: Матишов Г.Г., Лукьяшко С.И., Яблонский Л.Т. (ред.). *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии.* Материалы и исследования по археологии Юга России III. Сборник статей. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 294—301.
Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. 1980. О средствах защиты боевого *коня* в скифское время. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Скифия и Кавказ.* Киев: Наукова думка, 155—167.
Негин А.Е. 2007. Позднеримские шлемы: проблемы генезиса. В: Махлаюк А.В. (отв. ред.). *ANTIQUITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал* 2. *Война, армия и военное дело в античном мире.* Саратов: Саратовский государственный университет, 335—359.
Негин А.Е. 2010. Позднеримские шлемы с продольным гребнем. В: Щеглова О.А. и др. (ред.). *Germania — Sarmatia* II. Сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвящ. памяти М.Б. Щукина. Калининград: КОИХМ; Курск: КГОМА, 343—357.
Овчинникова Б.Б. 2011. Сокровища древнего города Сочи (случайные находки и поступления). *Археологические записки* (7), 124—138.
Рабинович Б.З. 1941. Шлемы скифского периода. *Труды ОИПК ГЭ* I, 99—171.
Раев Б.А. 2007. Вторичное использование элементов античного доспеха варварами Прикубанья. *ANTIQUITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал* 2. *Война, армия и военное дело в античном мире*. Саратов: Саратовский государственный университет, 375—389.
Раев и др. 1990: Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. 1990. Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе. В: Ждановский А.М., Марченко И.И. (ред.). *Древние памятники Кубани.* Краснодар: Управление культуры Краснодарского крайисполкома, 117—135.
Раев Б.А., Беспалый Г.Е. 2006. *Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.
Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В. 2009. Доспех из кургана №28 могильника Филипповка-1. Предварительные результаты исследования. *Историко-археологический альманах* 9. Армавир, 42—49.
Симоненко А.В. 2008. Тридцать пять лет спустя: послесловие-комментарий. В: Симоненко А.В. (ред.). *Очерки военного дела сарматов.* Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ: 238—286.
Симоненко А.В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья.* Санкт-Петербург: Нестор-История.
Смирнов К.Ф. 1953. Северский курган. *Тр. ГИМ* XI.
Схатум Р.Б. 2001. *Из истории военного дела предков адыгов.* Краснодар: Издательство Краснодарского государственного университета культуры и искусств.
Трейстер и др. 2012: Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. 2012. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.)* 2. Москва: Таус, 84—156.
Хазанов А.М. 1971. *Очерки военного дела сарматов.* Москва: Наука.
Фармаковский Б.В. 1921. Серебряная украшенная рельефами чашка из Новороссийского музея. *Известия РАИМК* 1, 193—202.
Чандрасекаран С. 2009. Шлемы эллинистического времени на территории Боспорского царства. В: Марченко И.И. (гл. ред.). *Пятая Кубанская археологическая конференция.* Материалы конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 406—409.
Чандрасекаран С. 2013. Античный шлем халкидского типа в коллекции Новороссийского исторического музея-заповедника. В: Марченко И.И. (гл. ред.). *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция.* Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест, 395—397.
Черненко Е.В. 1968. *Скифский доспех.* Киев: Наукова думка.
Шевченко и др. 2011: Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2011. Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ). *ВДИ* (1), 115—151.
Эрлих В.Р. 1992. *Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время*. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
Эрлих В.Р. 1996. Об одной серии шлемов из Закубанья. *РА* (3), 176—179.
Эрлих В.Р. 2013. Археологический комплекс Псенафа. Проблемы хронологии. В: Марченко И.И. (гл. ред.). *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция.* Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест, 476—479.
Boardman J. 2001. *The History of Greek Vases. Potters, Painters and Pictures.* London: Thames & Hudson.
Eichler F. 1951. *CVA Österreich. Wien, Kunsthistorisches Museum* I. Wien.
Hermann Historica 2007: *Hermann Historica*. 52 Auktion. Alte Waffen, Antiken Jagdliches, Varia. München.
Pflug H. 1988. Chalkidische Helme. In: Bottini A. (ed.). *Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin.* Monographien Römish-Germanischen 14. Mainz: Verlag des Romisch-Germanischen Zentralmuseums, 137—150.
Rostovtzeff M. 1943. The Parthian Shot. *AJA* 47 (2), 174—187.
Snodgrass A. 1999. *Arms and Armour of the Greeks.* Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.
Venedikov I. 1977. The Archaeological Wealth of Ancient Thrace. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*. New Series 35 (1).
Waurick G. 1988. Helme der Hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer. In: Bottini A. (ed.). *Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin.* Monographien Römish-Germanischen 14. Mainz: Verlag des Romisch-Germanischen Zentralmuseums, 151—180.
Zaicev J. 2009. «Importe» und «einheimische» Helme im Schwarzmeerraum vom 5. bis 1. Jahrhundert v. Chr. In: Apakidze J. (Hrsg.). *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000—500 v. Chr.). Kommunikationsebenen zwischen Kaukasus und Karpaten. PAS* 25, 217—227.

References

Aleksandr Velikii. Put' na Vostok (Alexander the Great. Path to the East). 2007. Katalog vystavki (Exhibition catalogue). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).

Blavatsky, V. D. 1953. *Istoriia antichnoi raspisnoi keramiki (History of ancient painted pottery).* Moscow: MGU (in Russian).

Beglova, E. A. 2002. In *Material'naia kul'tura Vostoka (Material culture of the East)* 3, 157—168 (in Russian).

Beglova, E. A. 2005. In *Material'naia kul'tura Vostoka (Material culture of the East)* 4, 166—181 (in Russian).

Beglova, E. A. 2008. In *Otrazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territorii (Reflections of the civilizational processes in the archaeological cultures of Northern Caucasus and adjacent territories).* Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovanii, 41—45 (in Russian).

Beglova, E. A. 2009. In *Bosporskii fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira (The Bosphoran phenomenon: art at the periphery of Ancient world).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. 502—507 (in Russian).

Beglova, E. A. 2010. In *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient heritage of Kuban)* III. Moscow: Nauka. 410—422 (in Russian).

Voronov, Yu. N. 1979. *Drevnosti Sochi i ego okrestnostei (Antiquities of Sochi and its surroundings).* Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).

Galanina, L. K. 1965. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 7, 5—28 (in Russian).

Galanina, L. K. 1980. *Kurdzhipskii kurgan. Pamiatnik kul'tury prikubanskikh plemen IV veka do n. e. (Kurdzhipskii barrow. A site of the culture of Kuban tribes in the 4th century BC).* Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Dedjulkin, A. V. 2010. In *Rubikon. Sbornik nauchnykh rabot molodykh uchenykh (Rubicon. A compilation of works of young scientists)* 55. Rostov-on-Don: Iuzhnyi federal'nyi universitet, 48—51 (in Russian).

Dedjulkin, A. V. 2012. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic area from the 3rd–2nd centuries BC).* Tiraspol: PGU, 34—45 (in Russian).

Dedjulkin, A. V. 2013. In *Pamiatniki rannego khristianstva na Zapadnom Kavkaze. III Anfimovskie chteniia po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. K 1025-letiiu kreshcheniia Rusi (Early Christian sites in Western Caucasus. III Anfimov readings on the archaeology of Western Caucasus. To the anniversary of 1025 years from the Christianization of Rus').* Krasnodar: Vika-Print, 48—55 (in Russian).

Kozhukhov, S. P. 1994. *Vooruzhenie i konskoe snariazhenie u plemen Zakuban'ia meoto-sarmatskogo vremeni (III v. do n. e. — III v. n. e.) (Armament and horse equipment of the Transkuban tribes in the Meot-Satmatian time (3rd century BC — 3rd century AD)).* PhD Diss. Moscow (in Russian).

Kozhukhov, S. P. 1999. In *Material'naia kul'tura Vostoka (Material culture of the East).* Moscow: Sputnik+, 159—190 (in Russian).

Kudryavtsev, A. A., Kudryavtsev, E. A., Prokopenko, Yu. A. 2000. In *Donskaia arkheologiia (Archaeology of Don)* (2), 40—47 (in Russian).

Lunin, B. V. 1939. *In Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 210—223 (in Russian).

Marchenko, I. D. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 148—156.

Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani (Siraki Kubani).* Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Marchenko, I. I., Limberis, N. Yu. 2009. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)* (3), 69—74 (in Russian).

Masson, M. E., Pugachenkova, G. A. 1956. *Parfianskie ritony Nisy (Parthian rhyta from Nisa).* Al'bom illiustratsii (Album of illustrations). Moscow: Akademiia nauk SSSR (in Russian).

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Scythian armament).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—4 (in Russian).

Meshcheryakov, D. V. 2011. In *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii (Burial rites of early Eurasian nomads).* Materialy i issledovaniia po arkheologii Iuga Rossii (Materials and researches on the archaeology of Russian South) III. Rostov-on-Don: IuNTs RAN, 294—301 (in Russian).

Murzin, V. Yu., Chernenko, E. V. 1980. In *Skifiia i Kavkaz (Scythia and Caucasus).* Kiev: Naukova dumka, 155—167.

Negin, A. E. 2007. In *Antiqitas aeterna. Povolzhskii antikovedcheskii zhurnal (Antiqitas aeterna. Upper Volga journal of ancient studies)* 2. *Voina, armiia i voennoe delo v antichnom mire (War, army and warfare in the Ancient world).* Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet, 335—359 (in Russian).

Negin, A. E. 2010. In *Germania - Sarmatia* II. Kaliningrad: Kaliningradskii oblastnoi istoriko-khudozhestvennyi muzei; Kursk: Kurskii gosudarstvennyi oblastnoi muzei arkheologii, 343—357 (in Russian).

Ovchinnikova, B. B. 2011. In *Arkheologicheskie zapiski* (7), 124—138 (in Russian).

Rabinovich, B. Z. 1941. In *Trudy Otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of Primitive Culture of the State Hermitage Museum)* I, 99—171 (in Russian).

Raev, B. A. 2007. In *Antiqitas aeterna. Povolzhskii antikovedcheskii zhurnal (Antiqitas aeterna. Upper Volga journal of ancient studies)* 2. *Voina, armiia i voennoe delo v antichnom mire mire (War, army and warfare in the Ancient world).* Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet, 375—389 (in Russian).

Raev, B. A., Simonenko, A. V., Treister, M. Yu. 1990. In *Drevnie pamiatniki Kubani (Old sites of Kuban).* Krasnodar: Upravlenie kul'tury Krasnodarskogo kraiispolkoma, 117—135 (in Russian).

Raev, B. A., Bespalyi, G. E. 2006. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha (A Scythian-time barrow on the ground necropolis of the IV Novolabinsk fortified settlement).* Rostov-on-Don: IuNTs RAN (in Russian).

Rukavishnikov, D. V., Rukavishnikova, I. V. 2009. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical-archaeological almanac)* 9. Armavir, 42—49 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2008. In *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian warfare).* Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian riders of the Northern Pontic region).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).

Smirnov, K. F. 1953. *Severskii kurgan (Severskii barrow).* Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XI (in Russian).

Skhatum, R. B. 2001. *Iz istorii voennogo dela predkov adygov (From the history of warfare of the ancestry of Circassians).* Krasnodar: Krasnodarskii gosudarstvennyi universitet kul'tury i iskusstv (in Russian).

Treister, M. Yu., Shemakhanskaya, M. S., Yablonsky, L. T. 2012. In *Vliianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V-III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid culture in the Southern Ural region (5th—3rd centuries BC))* 2. Moscow: Taus, 84—156 (in Russian).

Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian warfare).* Moscow: Nauka (in Russian).

Farmakovsky, B. V. 1921. In *Izvestiia Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the Russian Academy for the History of Material Culture)* 1, 193—202 (in Russian).

Chandrasekaran, S. 2009. In *Piataia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (5th Kuban archaeological conference).* Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 406—409 (in Russian).

Chandrasekaran, S. 2013. In *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (6th International Kuban archaeological conference).* Krasnodar: Ekoinvest, 395—397 (in Russian).

Chernenko, E. V. 1968. *Skifskii dospekh (Scythian armour).* Kiev:

Naukova dumka (in Russian).

Shevchenko, N. F., Zaitsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2011. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 115—151 (in Russian).

Erlich, V. R. 1992. *Vooruzhenie i konskoe snariazhenie v kul'ture naseleniia Zakuban'ia v skifskoe vremia (Armament and horse equipment in the culture of Transkuban population in Scythiam time)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).

Erlich, V. R. 1996. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 176—179 (in Russian).

Erlich, V. R. 2013. In *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (6th International Kuban archaeological conference)*. Krasnodar: Ekoinvest, 476—479 (in Russian).

Boardman, J. 2001. *The History of Greek Vases. Potters, Painters and Pictures*. London: Thames & Hudson.

Eichler, F. 1951. *CVA Österreich. Wien, Kunsthistorisches Museum* I. Wien.

Hermann Historica 2007: *Hermann Historica*. 52 Auktion. Alte Waffen, Antiken Jagdliches, Varia. München.

Pflug, H. 1988. Chalkidische Helme. In: Bottini A. (ed.). *Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin*. Monographien Römish-Germanischen 14. Mainz: Verlag des Romisch-Germanischen Zentralmuseums, 137—150.

Rostovtzeff, M. 1943. The Parthian Shot. *AJA* 47 (2), 174—187.

Snodgrass, A. 1999. *Arms and Armour of the Greeks*. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.

Venedikov, I. 1977. The Archaeological Wealth of Ancient Thrace. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*. New Series 35 (1).

Waurick, G. 1988. Helme der Hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer. In: Bottini A. (ed.). *Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin*. Monographien Römish-Germanischen 14. Mainz: Verlag des Romisch-Germanischen Zentralmuseums, 151—180.

Zaicev, J. 2009. «Importe» und «einheimische» Helme im Schwarzmeerraum vom 5. bis 1. Jahrhundert v. Chr. In: Apakidze J. (Hrsg.). *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000—500 v. Chr.). Kommunikationsebenen zwischen Kaukasus und Karpaten. PAS* 25, 217—227.

Статья поступила в номер 31 декабря 2013 г.

Anton Dedjulkin (Rostov-on-Don, Russia). Novocherkassk Museum of the History of Don Cossacks[1].

Anton Dedjulkin (Rostov-pe-Don, Rusia). Muzeul de istorie a cazacilor de pe Don din Novocercassk.

Дедюлькин Антон Владимирович (Ростов-на-Дону, Россия). Новочеркасский музей истории донского казачества.

E-mail: donrumata@inbox.ru.

Address: [1] Atamanskaya St., 38, Novocherkassk, 346410, Russia

«Письма с Понта»

“Epistulae ex Ponto”

Е. В. Кузнецова

Торговые связи Фанагории в IV—III вв. до н. э. по разным категориям амфорного материала: проблема соотношения*

Keywords: Asian Bosporus, Phanagoria, 4th—3rd cc. BC, commercial relations, amphorae containers, ceramic epigraphics, statistical methods.

Cuvinte cheie: Bosporul Asiatic, Phanagoria, sec. IV—III î. Hr., relații comerciale, amfore, epigrafie ceramică, metode statistice.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, Фанагория, IV—III вв. до н. э., торговые связи, амфорная тара, керамическая эпиграфика, статистические методы.

E. V. Kuznetsova

Phanagoria's Commercial Relations in the 4th—3rd Centuries BC by Different Categories of Amphora Material: Problem of Correlation

The author attempted to correlate the findings received in the course of a study of Phanagoria's commercial relations by two categories of archaeological sources: amphora profile fragments and amphora stamps. Calculation of average volumes of amphorae and absolute density function ("annual ratio") allowed establishing that the trends in commercial relations shown by stamps and amphora legs are almost identical. The existing dissimilarities can be explained by some technicalities of sampling: the difference in the number of fragments included in samples, the origin of sampling just from one segment of the site, etc.

E. V. Kuznetsova

Relațiile comerciale ale Phanagoriei în sec. IV—III î. Hr. în baza diferitelor categorii ale materialului amforistic: probleme de corelație

Articolul reprezintă o încercare de a sintetiza rezultatele studiului relațiilor comerciale ale Phanagoriei, obținute în cadrul analizei a două categorii de surse arheologice: fragmentele amforistice cu profil și ștampile. Evidența volumului mediu al amforelor și indiciului densității absolute a răspândirii („coeficientul anual") au permis să stabilim, că tendințele dinamicii relațiilor comerciale, identificate în baza ștampilelor și piciorușelor amforistice, sunt practic identice. Distincțiile existente pot fi explicate prin specificul de formare a eșantioanelor: diferența cantității fragmentelor din cadrul unui eșantion, proveniența eșantionului doar de pe un sector al sitului, etc.

Е. В. Кузнецова

Торговые связи Фанагории в IV—III вв. до н. э. по разным категориям амфорного материала: проблема соотношения

В статье предпринята попытка сопоставления результатов изучения торговых связей Фанагории, полученных в ходе анализа двух категорий археологических источников: амфорных профильных фрагментов и амфорных клейм. Учет средних объемов амфор и показателя абсолютной плотности распределения («годового коэффициента») позволили установить, что выявленные по клеймам и амфорным ножкам тенденции динамики торговых отношений практически идентичны. Имеющиеся отличия могут объясняться спецификой формирования выборок: разницей количества вошедших в выборки фрагментов, происхождением выборки только с одного участка памятника и т. д.

Попытки реконструкции торговых связей тех или иных античных поселений на основе изучения амфорного материала предпринимались неоднократно. Данная категория археологических источников, в силу своей массовости, позволяет не только понять, куда были направлены основные товаропотоки, но и дать их качественную и количественную оценку (Зеест 1960: 39). В этом плане наиболее значимым является изучение профильных амфорных фрагментов и амфорных клейм, дающее возможность, в конечном счете, реконструировать динамику экспорта-импорта товаров, поступивших в разные населенные пункты в разное время, причем по нескольким позициям. Во-первых, можно получить количествен-

* Выражаю искреннюю признательность руководителю Фанагорийской (Таманской) экспедиции ИА РАН, док. ист. наук, зав. отделом античной археологии ИА РАН В. Д. Кузнецову за возможность использовать материалы из раскопок Фанагории.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Е. В. Кузнецова, 2014.

ную характеристику амфорных выборок разных центров производства, что само по себе уже является важным; во-вторых, анализ этого материала позволяет сравнивать количественные характеристики керамической тары с различных античных памятников синхронного времени; наконец, в-третьих, появляется возможность выявить особенности распределения товаров отдельных центров-экспортеров на разных рынках. Для получения достоверных результатов требуется придерживаться определенного подхода к используемому материалу и применять единые методы его изучения.

И. Б. Брашинский первым четко сформулировал условия, которым должна соответствовать положенная в основу исследования источниковая база. Он отмечал, что сравниваемый материал должен носить массовый характер, т. е. присутствовать на всех интересующих нас памятниках. Этот материал должен быть сопоставимым, т. е. качественно однородным. Наконец, он должен быть синхронным (Брашинский 1984: 51—54)[1]. Всем этим требованиям, по мнению исследователя, отвечают, прежде всего, амфорные клейма, которые длительное время вызывали пристальный интерес, передавались в музейные фонды и в силу этого доступны для анализа. Они, как правило, зафиксированы в отчетах, нередко в сопровождении рисунка или фотографии, что в значительной степени облегчает работу с ними. Кроме того, статистические вычисления по этой выборке обладают одним несомненным преимуществом, а именно, дают возможность проследить динамику поступления товаров во времени и зафиксировать колебания в торговле в рамках довольно узких хронологических промежутков, вплоть до 10—15 лет (Кац 1992: 205—207; Федосеев 2004: 368).

Ни в коей мере не умаляя достоинств и преимуществ методики реконструкции торговых отношений на основе анализа керамических клейм, все же стоит признать, что она отражает существовавшую картину в несколько усеченном виде в силу ряда обстоятельств. Во-первых, практика систематического клеймения появляется только на рубеже V и IV вв.[2] В архаический и раннеклассический период оттиски на различных амфорах также встречаются, но их количество, в силу спорадичности клеймения, столь незначительно, что не может дать сколько-нибудь достоверного представления о торговых отношениях в это время. Во-вторых, в эпоху поздней классики и эллинизма в реальном торговом процессе участвовало гораздо большее количество производственных центров, чем можно проследить по клеймам (Монахов 1999: 9 сл.). Разумеется, исследователям известен список активных центров-экспортеров, которые реально участвовали в торговле вином и оливковым маслом, но не осуществляли систематическое клеймение тары. Однако при изучении только клейм эти центры выпадают из общего обзора. При этом в общем торговом балансе центры, выпускавшие неклейменую тару, занимали далеко не последнее место. На их долю (например, Хиос, Кос, Пепарет) приходится около половины торгового оборота, а в некоторых случаях и гораздо больше. В связи с этим керамические клейма могут охарактеризовать динамику экономических связей конкретного поселения только с усеченным кругом экспортеров. Кроме того, использование методики анализа керамических клейм практически невозможно для небольших сельских поселений или усадеб, в силу весьма незначительного количества встречающихся на них оттисков.

Для получения более полной картины торговых связей отдельного поселения или целого региона необходимо привлечение профильных амфорных фрагментов. В последние десятилетия предложено несколько типологических классификаций амфор основных центров — производителей товаров, перевозимых в керамической таре и, соответственно, определены хронологические рамки бытования того или иного типа/варианта. За последние десятилетия, благодаря открытию керамических мастерских (Амперер, Гарлан 1992: 8—32; Garlan, Tatlican 1998: 407—422; Garlan 2000: 33—63), амфорных грузов из кораблекрушений (Steffy 1985; Eiseman, Ridgway 1987; Gill David 1987; Carlson 2003) удалось локализовать серии амфор, которые еще совсем недавно считались продукцией неустановленных центров (Монахов 1990; Garlan 1993: 151 ff.; Monachov 2003; Carlson, Lawall 2005—2006). Данное обстоятельство позволяет привлекать идентифицированные профильные фрагменты сосудов для характеристики торговых связей в более полной мере.

В целом, методы изучения торговли по указанным категориям массового источника разработаны и апробированы достаточно успешно. Вкратце, они могут быть сформулированы следующим образом:

[1] О необходимости сопоставлять между собой клейма, датирующиеся только в рамках одних хронологических отрезков, писал и Ж.-И. Амперер (Empereur 1982: 222—225).

[2] Все даты даны до н. э.

1) обработка, атрибуция, датирование и разделение всего материала по отдельным хронологическим промежуткам (как правило, в четверть века);

2) проведение статистических подсчетов с обязательным учетом разницы в объемах амфор разных производственных центров. Кроме того, при анализе данных в рамках разных по протяженности хронологических промежутков, наряду с учетом объемов амфор, обязательно должен использоваться показатель абсолютной плотности распределения (т.н. «годовой коэффициент»)[3], дающий возможность проследить качественные изменения в торговом балансе. При сравнении разных по величине выборок необходимо применять показатель относительной плотности распределения[4], позволяющий нивелировать подобную разницу. Его использование особенно необходимо при характеристике экспорта отдельных производственных центров на протяжении длительного периода.

Кроме вышеперечисленных, в статистических подсчетах при работе с керамическими клеймами, как правило, используется так называемый коэффициент клеймения. На этом следует остановиться несколько подробнее. Еще И.Б. Брашинский, вслед за Д.Б. Шеловым, акцентировал внимание на том, что в разных центрах клеймению подвергалось разное количество амфор — в среднем, по его мнению, каждая пятая-шестая (Брашинский 1984: 53—56). Данное утверждение распространялось на практику клеймения на Фасосе, в Гераклее, Синопе и Херсонесе. На Родосе же, напротив, клеймилась каждая амфора, к тому же клейма присутствовали на обеих ручках. При проведении статистических подсчетов данные обстоятельства необходимо учитывать. Позднее В.И. Кац на основании новых материалов скорректировал коэффициенты клеймения, предложенные И.Б. Брашинским (Кац 2007: 358 сл.).

Несмотря на многолетние попытки разных исследователей определить коэффициенты клеймения для разных центров, этот вопрос до сих пор остается открытым. При обследовании свалок керамического брака из амфорных мастерских Фасоса и Синопы было замечено, что соотношение амфорных ножек и клейм для каждого из этих центров неодинаково (Garlan 1986: 230—231; 2004: 21) и коэффициент клеймения в разных мастерских колебался от 0,4 до 1 (Кац 2007: 357). На высокий процент клеймения синопской тары указывает и Н.Ф. Федосеев при характеристике керамического комплекса поселения Бакланья Скала, отмечая, что «вес» клейм мог изменяться со временем. В то же время, анализируя синопскую черепицу с данного памятника и отмечая наличие только двух оттисков на ней, он пишет, что данная партия черепицы клеймению не подвергалась. Здесь же он приводит и обратный пример (Федосеев 2004: 256). Вполне логичным было бы предположить наличие подобной ситуации и для амфор. К тому же исследователи неоднократно указывали на большую вероятность существования спорадических поставок тары на сельские поселения, а не на постоянный стабильный ввоз, какой имел место в крупных городских центрах (Ломтадзе 2003: 99). Кроме того, вполне возможно, что тара на сельских поселениях собиралась на протяжении какого-то периода времени, а затем находилась во вторичном использовании (Монахов 1997).

О возможном изменении коэффициента клеймения в зависимости от времени изготовления амфор говорит и В.И. Кац, анализируя данные о соотношении количества ножек и клейм отдельных центров с различных памятников (Кац 2007: 357). Вычисляя коэффициенты клеймения для основных производственных центров и обращая внимание на их достаточно близкие показатели, исследователь приходит к вполне обоснованному выводу о необязательности использования этого коэффициента при анализе выборок, в которых присутствуют оттиски лишь основных производителей. Наличие же в имеющемся материале родосских клейм делает необходимым, по мнению В.И. Каца, применение коэффициента в вычислениях (Кац 2007: 358). Еще раз стоит подчеркнуть, что все это относится в первую очередь к центрам, в которых существовала практика систематического клеймения — Фасосу, Гераклее, Синопе, Херсонесу и Родосу. Что касается прочих, порой не менее активных торговых контрагентов, тара которых также имела клейма (Книд, Кос, Амастрия, Аканф и др.), то установить процент клейменых амфор для них в настоящее время не представляется возможным.

---

[3] Данный показатель рассчитывается по формуле $F_V^a = V_n/h_i$, где F_V^a — абсолютная плотность распределения (выражается количеством поступивших литров продукции в год), V_n — совокупный объем сосудов одного центра производства на определенном интервале, h_i — величина соответствующего интервала (Кузнецова 2013: 13).

[4] Данный показатель рассчитывается по формуле $F_i^o = q_i/h_i$, где F_i^o — относительная плотность распределения, q_i — частота, h_i — величина соответствующего интервала (Кузнецова 2013: 13).

Не следует забывать при этом, что исследователи торговых связей античных поселений не ставят перед собой цель получить абсолютные цифры поступившего на них импорта, да подобное и невозможно (Брашинский 1984: 20). Основная задача таких изысканий — выявить существовавшие тенденции, определить динамику экспорта-импорта товаров. В связи с этим, как кажется, можно поставить вопрос о ненужности использования коэффициента клеймения в проводимых расчетах. Это в одинаковой степени касается клейм всех производственных центров, в том числе и родосских, для которых, как правило, за основу в вычислениях берется утверждение, что все амфоры Родоса имели клейма (в большинстве случаев два), в связи с чем используемый в расчетах коэффициент клеймения равняется 2. Между тем, Д. Лунд, со ссылкой на работы Я. Ван дер Верфа и Г. Финкельштейна, отмечает, что в начале III в. соотношение клейменых и неклейменых сосудов могло равняться 1:12, а в последующее время 1:2 или 1:2,5 (Lund 1999: 188). Данное несоответствие автор объясняет тем обстоятельством, что внимание исследователей, в том числе и при составлении каталогов, привлекали, прежде всего, клейменые фрагменты. В качестве иллюстрации можно привести данные из монографии С. Ю. Монахова, где из 48 учтенных целых родосских сосудов 12 не имеют клейм (Монахов 2003: 213—214). Таким образом, и применительно к родосским амфорам коэффициент клеймения в подсчетах, как кажется, можно не применять. Однако это предположение требует дополнительной проверки на обширном материале, содержащем значительное количество профильных фрагментов и клейм Родоса.

Таковы вкратце основные методические приемы анализа профильных амфорных фрагментов и керамических клейм. Вместе с тем, встает вопрос о возможностях сопоставления результатов изучения экономических связей, полученных по каждой категории в отдельности. В данной статье предпринимается попытка сравнить реконструкции торговых связей Фанагории, полученные по разным категориям массового материала: керамическим клеймам и профильным амфорным фрагментам.

Выборка амфорных ножек из раскопок участка «Верхний город» (900 м^2) в 2004—2006 гг. насчитывает 2184 экз. и охватывает период с последней трети VI по середину III в. (Кузнецова 2013: 4, 14). Изменения в составе импорта города в IV—III вв., прослеженные по клеймам, представлены в недавней работе Т. М. Кутиновой (Кутинова 2010: 17—34). Приведенные в статье подробные данные дают возможность сопоставить результаты подсчетов, проведенных автором по клеймам, с результатами, полученными при анализе амфорных ножек. Подобное сравнение обеспечивает не только обоюдную проверку достоверности полученных выводов, но и способствует отработке методики изучения торговых связей поселения с привлечением как клейменого, так и неклейменого керамического материала.

Анализируя выборку клейм, обнаруженных в ходе исследования территории памятника, Т. М. Кутинова приходит к следующим выводам:

1) в конце V — 60-х гг. IV в. на фанагорийском рынке преобладала продукция Фасоса, чуть меньшими были поставки из Гераклеи. Небольшая доля приходится на товары из Менды и Аканфа;

2) в 50-х — середине 30-х гг. IV в. фиксируется резкое увеличение объема поставок, что связано, в первую очередь, с появлением синопской продукции (25%); возрастают поставки с Фасоса, из Менды и Аканфа. Кроме того, наблюдается резкий спад гераклейского импорта и появление продукции Книда;

3) период с 335 г. по 306 г. ознаменовался значительным сокращением общего объема поступивших товаров — уменьшением количества продукции с Фасоса, из Гераклеи и Менды. Вместе с тем, заметен рост импорта из Синопы и с Книда, появляется продукция Херсонеса Таврического (Кутинова 2010: 29—31, табл. 7).

Прежде чем приступать к анализу полученных автором результатов, стоит оговорить несколько принципиальных моментов. Во-первых, серьезные возражения вызывают подсчеты по клеймам Менды. Дело в том, что практика клеймения здесь не носила столь системного и массового характера, как в других производственных центрах. Кроме того, мендейские штампы отличаются большим разнообразием наряду с малой информативностью, что не позволяет исследователям разработать их дробную и надежную хронологическую классификацию (Кац 2007: 170—172). В связи с этим, выводы о динамике экспорта мендейской продукции, к которым приходит Т. М. Кутинова, вызывают сомнения[5].

[5] Не ясно, к тому же, на основании каких материалов автором был получен коэффициент клеймения для Менды, равный 0,3 (Кутинова 2010: 29, табл. 7). Сомнения по поводу используемых коэффициентов клеймения высказывал и Н. Ф. Федосеев (Федосеев 2011: 344).

Во-вторых, возникают вопросы относительно средних объемов амфор различных центров, которые автор (ссылаясь на последнюю монографию В.И. Каца) использует в подсчетах. К примеру, для сосудов Синопы исследователи оперируют следующими показателями: 360—336 гг. — 20,5 *л*; 335—306 гг. — 16 *л*; 305—271 гг. — 18,5 *л* (у В.И. Каца — 20 *л*). Опираясь на данные, приведенные в работе С.Ю. Монахова, В.И. Кац утверждает, что «на протяжении всего периода клеймения в Синопе емкость большинства сосудов колебалась в пределах 19—21 *л*» (Кац 2007: 359—360, табл. 22). Между тем, в приложении к монографии С.Ю. Монахова присутствуют сосуды, в том числе и клейменые, гораздо меньшего объема — вплоть до 8,7 *л* (Монахов 2003: 225—229, прил. 1). Кроме того, автор в качестве коэффициента стандартизации приводит цифру в 17,52 *л* (Монахов 2003: 160), что также меньше используемых В.И. Кацем и Т.М. Кутиновой.

В-третьих, для удобства сравнения результатов подсчетов по амфорным клеймам и по ножкам, приведенные Т.М. Кутиновой данные были сгруппированы в рамках следующих этапов: первая половина IV в., третья четверть IV в., последняя четверть IV в. В сравнительную характеристику, к тому же, был включен еще один дополнительный этап — первая половина III в., так как имеющаяся выборка клейм дает возможность с высокой степенью надежности дать характеристику торговых связей Фанагории на данном этапе. Кроме того, чтобы минимизировать возможность ошибок и расхождений, был произведен пересчет абсолютных плотностей распределения продукции интересующих производственных центров с использованием показателей, вычисленных на основании данных о емкостях сосудов, собранных в приложениях к монографиям И.Б. Брашинского и С.Ю. Монахова (Брашинский 1984: 170—204; Монахов 1999: 594—627; 2003: 183—231) (табл. 1).

Еще одним очень важным обстоятельством является разница в количестве вошедших в выборки экземпляров. Если число клейм интересующих центров из Фанагории насчитывает 1115 единиц, то количество привлеченных амфорных профильных частей — всего 142 экземпляра. Кроме того, выборка амфорных клейм, анализируемая Т.М. Кутиновой, включает в себя находки за все годы исследования Фанагории и, соответственно, охватывает несколько разных участков города. Это принципиальное различие двух выборок материала, о котором не следует забывать.

Таблица 1.

Средние показатели объемов амфор разных производственных центров (л)

	Центр			
Период	**Фасос**	**Гераклея**	**Синопа**	**Книд**
Конец V в. до н. э.		13,5		
1-я пол. IV в. до н. э.	12,5	9,4	19,3	36,1
3-я четв. IV в. до н. э.	9	7,3	11,8	39,3
4-я четв. IV в. до н. э.	11,6	4,8	13,4	36
1-я пол. III в. до н. э.	16,4	4,5	16,4	31

Для сравнительного анализа были использованы данные по нескольким основным экспортерам: Фасосу, Гераклее, Синопе и Книду. В первую очередь, любопытно проверить полученный при изучении амфорных ножек вывод о значительной роли фасосских товаров. Приводимые Т.М. Кутиновой данные демонстрируют преобладание продукции этого центра с конца V в. до 335 г. с *увеличением* абсолютной плотности распределения в середине IV столетия. По результатам подсчетов ножек фиксируется лидирующее положение фасосских товаров лишь в третьей четверти IV в. при одновременном *сокращении* плотности распределения. Если первое место Фасоса (по клеймам) легко объясняется отсутствием в выборке хиосских материалов, то разные тенденции в изменении абсолютной плотности распределения вызывают некоторое удивление. С одной стороны, это можно объяснить незначительным количеством амфорных ножек второй половины IV в. (23 экз.). Однако при использовании в подсчетах одинаковых средних показателей объемов сосудов приводит к тому, что графики поступления фасосских товаров, построенные по клеймам и по ножкам, носят абсолютно одинаковый характер: наибольший показатель абсолютной плотности распределения приходится на первую половину столетия с постепенным сокращением к концу IV в. (рис. 1). Единственное отличие заключается в том, что по выборке клейм зафиксирована фасосская продукция первой половины III в., чего не удалось сделать по имеющимся ножкам сосудов.

Некоторые отличия в подсчетах по клеймам и ножкам наблюдаются и для импорта Гераклеи (рис. 2). В первую очередь, обращает на себя внимание разница в показателях абсолютной плотности распределения в конце V в.: полученные по клеймам данные слегка превышают показатели первой поло-

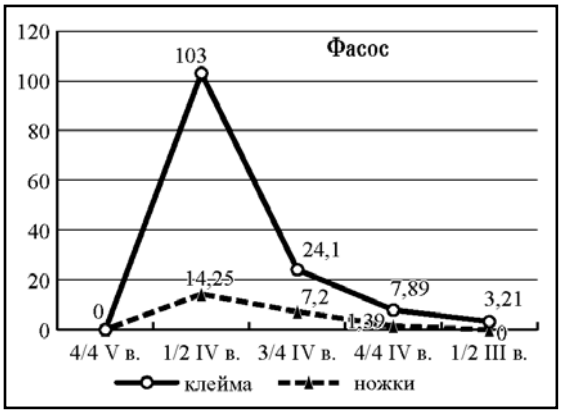

Рис. 1. Динамика поступления фасосского импорта в Фанагорию.

Fig. 1. Trends in Thassos imports to Phanagoria.

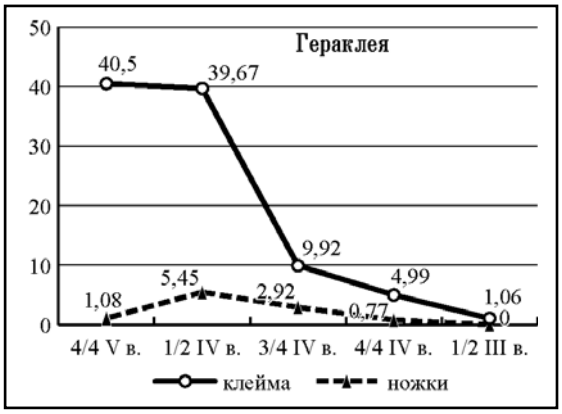

Рис. 2. Динамика поступления гераклейского импорта в Фанагорию.

Fig. 2. Trends in Heraclean imports to Phanagoria.

вины IV в. (40,5 л[6] против 39,67 л), в то время как подсчеты по ножкам демонстрируют резкое увеличение поставок с начала IV в. (1,08 против 5,45 л в начале столетия). Данное обстоятельство, как представляется, легко объясняется большей степенью надежности датирования керамических клейм в сравнении с профильными амфорными фрагментами. Кроме того, как и для предыдущего центра, в выборке присутствуют оттиски первой половины III в. В остальном же динамика поступлений гераклейской продукции на фанагорийский рынок и по клеймам, и по ножкам выглядит примерно одинаково.

Близкая картина, полученная по разным категориям амфорного материала, вырисовывается и для книдского импорта (рис. 3). Пик поступления продукции этого центра приходится на последнюю четверть IV в. с некоторым сокращением в первой половине III в. (40,32 л и 31 л соответственно). По ножкам, между тем, это падение представляется более значительным (в 4,9 раза), чем по клеймам (в 1,3 раза), что объясняется малой численностью выборки профильных частей (всего 4 экземпляра[7]). Кроме того, по амфорным ножкам, в отличие от клейм, не удалось зафиксировать сосуды третьей четверти IV в.

Некоторые отличия при сравнении результатов изучения двух категорий источника выявлены для импорта Синопы. В силу понятных причин, синопский ввоз на рынке Фанагории по клеймам фиксируется лишь с 60-х гг. IV в. Разумеется, данное обстоятельство ни в коей мере не означает его отсутствие в самом начале столетия. Профильные фрагменты этого времени в выборке присутствуют. Вместе с тем, невозможность разделить материал первой половины IV в. более дробно не позволяет проследить изменения в объемах поставок на протяжении пятидесяти лет, если таковые имели место. Вместе с тем, графики, построенные по обеим категориям материала, показывают спад импортной продукции в третьей четверти века. Для последней же четверти столетия ситуация реконструируется по двум выборкам по-разному (рис. 4). Анализ клейм показывает сокращение объема ввоза в 2,2 раза (с 28,32 л до 12,33 л, с дальнейшим увеличением в первой половине III в. до 38,4 л), в то время как по ножкам фиксируется аналогичный подъем (с 0,94 л до 2,14 л). Представляется, что сведения, полученные при анализе клейм, более достоверны. Возможно, это связано с разным принципом формирования выборок клейм и ножек. Естественно, выборка, полученная с одного исследованного участка памятника (в рассматриваемом случае это коллекция амфорных ножек), будет нести на себе отпечаток исторической судьбы именно этого городского района. Коллекция же, собранная в результате археологических исследований разных участков, отражает картину, наиболее приближенную к реальной. Впрочем, это никак не объясняет, почему в случае с материалами других центров графики поступления продукции демонстрируют очень близкие характеристики. Возможно, это связано с наличием подробной и надежной хронологии синопских клейм, в то время как амфорные ножки в силу консервативности морфологии достаточно сложно продатировать.

Таким образом, сравнение результатов исследований двух разных категорий материала показывает, что полученные данные сопоста-

[6] Абсолютная плотность распределения (см. выше).

[7] Говорить в данном случае о какой-либо надежности полученных по ножкам выводов не приходится.

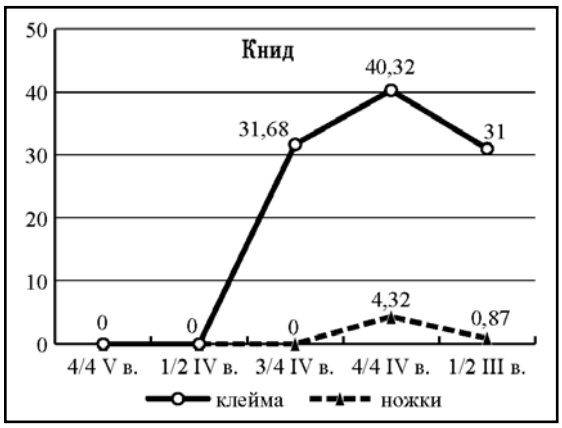

Рис. 3. Динамика поступления книдского импорта в Фанагорию.

Fig. 3. Trends in Knidian imports to Phanagoria.

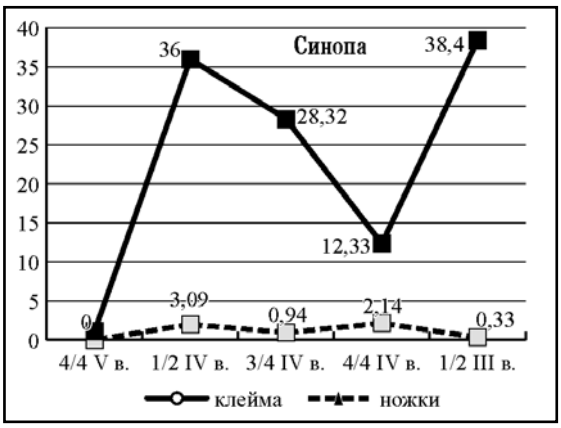

Рис. 4. Динамика поступления синопского импорта в Фанагорию.

Fig. 4. Trends in Sinopian imports to Phanagoria.

вимы и демонстрируют, за некоторым исключением, очень близкие тенденции развития торговых связей Фанагории. Имеющиеся разночтения могут быть объяснены количественными отличиями выборок и возможностью более надежных и узких датировок клейм в сравнении с профильными частями амфор. Кроме того, необходимо указать, что в материалах Фанагории присутствуют оттиски Аканфа (тара которого по ножкам не зафиксирована), однако объем его импорта весьма незначителен. Единичными экземплярами клейм представлена тара Диоскуриады (?) и Трапезунта (?) (Кутинова 2010: 27).

Проведенное сопоставление показало, что, несмотря на разницу в количестве привлеченных материалов, выявленные по клеймам и ножкам тенденции динамики импорта товаров практически идентичны. Это тем более важно, что коллекции керамических клейм почти со всех античных памятников более обширны и многочисленны, чего нельзя сказать об амфорных фрагментах, которые зачастую и вовсе не берутся на хранение. В связи с этим имеющиеся выборки клейм предоставляют широчайшие возможности для характеристики торговых связей памятников, сведения об амфорных фрагментах с которых отсутствуют. Разумеется, это справедливо лишь для периода IV—I вв., когда в основных производственных центрах существовала практика систематического клеймения. Несмотря на то, что при проведении подобных исследований из поля зрения выпадает информация об экономической деятельности части экспортеров (не клеймивших тару), результаты анализа клейм отражают основные колебания в торговле как по отдельным производителям, так и в совокупности. В то же время, они не могут привлекаться для характеристики общего состава импорта, поступившего в тот или иной пункт.

Литература

Амперер Ж.-И., Гарлан И. 1992. Греческие амфорные мастерские. В: Кац В.И., Монахов С.Ю. (ред.). *Греческие амфоры.* Саратов: Саратовский университет, 8—31.

Брашинский И.Б. 1984. *Методы исследования античной торговли.* Ленинград: Наука.

Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора*. МИА 83.

Кац В.И. 1992. Методика сравнительной оценки экспорта-импорта товаров в керамической таре из одного производственного центра. В: Кац В.И., Монахов С.Ю. (ред.). *Греческие амфоры.* Саратов: Саратовский университет.

Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения).* БИ XVIII.

Кузнецова Е.В. 2013. *Экономические связи античных поселений Азиатского Боспора в VI—III вв. до н.э. (по материалам керамической тары).* Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Воронеж.

Кутинова Т.М. 2010. Керамические клейма из Фанагории. *ПИФК* (4), 17—34.

Ломтадзе Г.А. 2000. Сравнительные объемы импорта по амфорному материалу усадьбы «Бакланья скала». *ДБ* 3, 97—103.

Монахов С.Ю. 1990. Заметки по локализации керамической тары: амфоры и амфорные клейма Колофона. *ВДИ* (4), 97—105.

Монахов С.Ю. 1997. Об амфорных комплексах: «чистых» и «нечистых», узких и широких. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса: Одесский археологический музей, 202—212.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель.* Москва: Киммерида; Саратов: Саратовский университет.

Федосеев Н.Ф. 2004. О керамических клеймах, «сравнительных объемах импорта» и поселении «Бакланья Скала». *ДБ* 7, 368.

Федосеев Н. Ф. 2011. Пантикапей — Фанагория — Танаис. *ДБ* 15, 344.

Carlson D. N. 2003. The Classical Greek Shipwreck at Tectaş Burnu, Turkey. *AJA* 107 (4), 581—600.

Carlson D., Lawall M. 2005—2006. Towards a Typology of Erythraian Amphoras. *Skyllis* 7, 32—39.

Eiseman C. J., Ridgway B. S. 1987. *The Porticello Shipwreck: A Mediterranean Merchant Vessel of 415 385 B.C.* Texas: Texas A&M University Press.

Empereur J. Y. 1982. Les anses d'amphores timbrées et les amphores: aspects quantitatifs. *BCH* CVI, 219—233.

Garlan Y. 1986. Quelques nouveaux ateliers amphoriques. *BCH.* Suppl. XIII, 201—276.

Garlan Y. 1993. Nouvelles remarques sur la chronologie des timbres amphoriques thasiens. *Journal des Savants* 2, 149—181.

Garlan Y. 2000. Amphores et timbres amphoriques grecs. Entre érudition et idéologie. *Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Nouvelle série*, 21.

Garlan Y. 2004. *Les timbres céramiques Sinopéens sur amphores et sur tuiles. Présentation et catalogue.* Varia Anatolica XVI.

Garlan Y., Tatlican I. 1998. Fouilles d'ateliers amphoriques à Nisikoy et à Zeytinlik (Sinop) en 1996 et 1997. *Anatolia Antiqua* VI, 407—422.

Gill David W. J. 1987. The Date of Porticello Shipwreck: some observations on the Attic bolsals. *International Journal of Nautical Archaeology* 16, 31—33.

Lund J. 1999. Rhodian amphorae in Rhodes and Alexandria as evidence of trade. In: Gabrielsen V., Archibald Z. H. and Davies J. K. (eds.). *Studies in Hellenistic Civilization* IX, 187—204.

Monachov S. Ju. 2003. Amphorae of the Unidentified Centres of the Northern Aegean (the so-called 'proto-Thasian' series according to I. B. Zeest). In: Bilde P. G., Højte J. M., Stolba V. F. (eds.). *The Cauldron of Ariantas.* Aarhus: Aarhus University Press, 247—259.

Steffy J. R. 1985. The Kyrenia Ship: An Interim Report on its Hull Construction. *AJA* 89 (1), 71—101.

References

Empereur, J.-Y., Garlan, Y. 1992. In *Grecheskie amfory (Greek amphorae).* Saratov: Saratovskii universitet, 8—31 (in Russian).

Brashinsky, I. B. 1984. *Metody issledovaniia antichnoi torgovli (Methods of research of ancient trade).* Leningrad: Nauka (in Russian).

Zeest, I. B. 1960. *Keramicheskaia tara Bospora (Bosporan ceramic ware).* Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 83 (in Russian).

Kac, V. I. 1992. In *Grecheskie amfory (Greek amphorae).* Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Kac, V. I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) (Greek ceramic Classic and Hellenistic stamps (a complex study).* Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies) XVIII (in Russian).

Kuznetsova, E. V. 2013. *Ekonomicheskie sviazi antichnykh poselenii Aziatskogo Bospora v VI—III vv. do n. e. (po materialam keramicheskoi tary) (Economical relations of the Ancient settlements of Asian Bosporus in the 6th—3rd centuries BC (according to ceramic ware)).* PhD Thesis. Voronezh (in Russian).

Kutinova, T. M. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* (4), 17—34 (in Russian).

Lomtadze, G. A. 2000. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosphorus)* 3, 97—103 (in Russian).

Monachov, S. Ju. 1990. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (4), 97—105 (in Russian).

Monachov, S. Ju. 1997. In *Nikonii i antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ia (Nikonium and the Ancient world of Northern Pontic region).* Odessa: Odesskii arkheologicheskii muzei, 202—212 (in Russian).

Monachov, S. Ju. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel' (Greek amphorae in the Pontic region. Typology of amphorae of the main ceramic ware exporting centers. Catalogue and guide).* Moskva: Kimmerida; Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Fedoseev, N. F. 2004. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosphorus)* 7, 368 (in Russian).

Fedoseev, N. F. 2011. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosphorus)* 15, 344 (in Russian).

Carlson, D. N. 2003. The Classical Greek Shipwreck at Tectaş Burnu, Turkey. *AJA* 107 (4), 581—600.

Carlson, D., Lawall, M. 2005—2006. Towards a Typology of Erythraian Amphoras. *Skyllis* 7, 32—39.

Eiseman, C. J., Ridgway, B. S. 1987. *The Porticello Shipwreck: A Mediterranean Merchant Vessel of 415 385 B.C.* Texas: Texas A&M University Press.

Empereur, J. Y. 1982. Les anses d'amphores timbrées et les amphores: aspects quantitatifs. *BCH* CVI, 219—233.

Garlan, Y. 1986. Quelques nouveaux ateliers amphoriques. *BCH.* Suppl. XIII, 201—276.

Garlan, Y. 1993. Nouvelles remarques sur la chronologie des timbres amphoriques thasiens. *Journal des Savants* 2, 149—181.

Garlan, Y. 2000. Amphores et timbres amphoriques grecs. Entre érudition et idéologie. *Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Nouvelle série*, 21.

Garlan, Y. 2004. *Les timbres céramiques Sinopéens sur amphores et sur tuiles. Présentation et catalogue.* Varia Anatolica XVI.

Garlan, Y., Tatlican, I. 1998. Fouilles d'ateliers amphoriques à Nisikoy et à Zeytinlik (Sinop) en 1996 et 1997. *Anatolia Antiqua* VI, 407—422.

Gill David, W. J. 1987. The Date of Porticello Shipwreck: some observations on the Attic bolsals. *International Journal of Nautical Archaeology* 16, 31—33.

Lund, J. 1999. Rhodian amphorae in Rhodes and Alexandria as evidence of trade. In: Gabrielsen V., Archibald Z. H. and Davies J. K. (eds.). *Studies in Hellenistic Civilization* IX, 187—204.

Monachov, S. Ju. 2003. Amphorae of the Unidentified Centres of the Northern Aegean (the so-called 'proto-Thasian' series according to I. B. Zeest). In: Bilde P. G., Højte J. M., Stolba V. F. (eds.). *The Cauldron of Ariantas.* Aarhus: Aarhus University Press, 247—259.

Steffy, J. R. 1985. The Kyrenia Ship: An Interim Report on its Hull Construction. *AJA* 89 (1), 71—101.

Статья поступила в номер 29 ноября 2013 г.

Elena Kuznetsova (Saratov, Russia). Institute of Archeology and Cultural Heritage of the N. G. Chernyshevsky Saratov State University [1].

Elena Kuznetsova (Saratov, Rusia). Institutul de arheologie şi patrimoniul cultural, Universitatea de Stat din Saratov „N. G. Cernîşevskii".

Кузнецова Елена Владимировна (Саратов, Россия). Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного унверситета им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: ev_kuznetsova@list.ru

Address: [1] Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russia

№3. 2014

С. Ю. Монахов

Косские и псевдокосские амфоры и клейма

Keywords: Kos, amphorae, stamps, chronology, complexes.

Cuvinte cheie: Cos, amfore, ștampile, cronologie, complexe.

Ключевые слова: Кос, амфоры, клейма, хронология, комплексы.

S. Ju. Monachov

Koan and Pseudo-Koan Amphorae and Stamps

Twenty years ago, Greek archaeologists studied some amphora producing workshops of Kos and succeeded to identify ceramic vessels of this center dated to 4th c. BC. In the past years, the author processed a collection of sixty Koan amphorae of 5th—1st cc. BC and built a typological scheme of the Koan amphorae production, having distinguished five types belonging to the indicated time span, which, in their turn, are distributed into a number of variants and series. Owing to a big number of complexes where Koan amphorae were found along with synchronous vessels produced in other centers, it is possible to provide a rather reliable dating to these variants and series. Also several types of "pseudo-Koan" amphorae of the late Hellenistic time were distinguished.

S. Ju. Monachov

Amforele și ștampilele de tip Cos și pseudo-Cos

Cu 20 de ani în urmă, arheologii greci au cercetat câteva ateliere amforistice pe insula Cos, fapt ce a permis identificarea ceramicii acestui centru de sec. IV î. Hr. Pe parcursul acestor două decenii, autorul a studiat o colecție din 60 amfore de tip Cos din sec. V—I î. Hr. A fost elaborată schema tipologică a producției de amfore de tip Cos, în cadrul căreia au putut fi evidențiate cinci tipuri de amfore, care, la rândul lor, se subdivizează în mai multe variante și serii. Datorită unui număr important de complexe, în care amforele de tip Cos au fost descoperite în asociere cu material amforistic din alte centre, aceste variante și serii pot fi datate destul de exact. Au fost evidențiate și câteva tipuri de amfore „pseudo-Cos" din perioada elenistică târzie.

С. Ю. Монахов

Косские и псевдокосские амфоры и клейма

20 лет назад греческие археологи исследовали несколько амфорных мастерских на о.Кос, благодаря чему удалось идентифицировать керамическую тару этого центра IV в. до н.э. За прошедшее время автором была обработана коллекция в шесть десятков косских амфор V—I вв. до н.э. Выстроена типологическая схема косского амфорного производства, в рамках которой выделяется пять типов указанного времени, которые, в свою очередь, распределяются на ряд вариантов и серий. Благодаря значительному числу комплексов, где косские амфоры встречены с синхронными образцами тары иных центров, удается достаточно надежно продатировать эти варианты и серии. Выделено также несколько видов «псевдокосских» амфор позднеэллинистического времени.

Кос был одним из известнейших древнегреческих винодельческих центров, причем косские вина были самого разного качества. По Афинею (1.32e), там производилось белое, а также сладкое вино, к которому морская вода добавлялась как консервант. Упоминаются также косские черные и сухие вина[1]. Общеизвестна судебная речь Демосфена против Лакрита (35.32, 34), в которой говорится о партии косских амфор, предназначенных для продажи где-то в бассейне Черного моря (Маринович 1998: 4 сл.).

Из отчетов магистратов по Делосскому храму мы знаем, что в 180 году[2] 35 амфор с косским вином были куплены за 105 драхм и 5 оболов, в 178 году такая же партия косских амфор стоила уже 100 драхм, в то время как 10 амфор книдского вина были куплены за 60 драхм (Jefremow 1995: 84, not. 747; Georgopoulos 2005: 181). С учетом того, что

[1] Сводку нарративной традиции см.: Georgopoulos 2004: 129; 2005: 179; Hein et al. 2008: 1049.

[2] Все даты даны до н.э., кроме особо оговоренных случаев.

© *Stratum plus.* Археология и культурная антропология.

© С. Ю. Монахов, 2014.

косские амфоры в это время имели объем более 40 литров (против 30 литров для книдских), косское вино было очень дешево и легко конкурировало с другими известными винами.

Проблема выделения керамической тары косского производства из бесконечного многообразия греческих амфор эпохи архаики, классики и эллинизма имеет почти столетнюю историю. Первым предложил идентифицировать амфоры с двуствольными ручками как косские А. Майури, который обработал большую коллекцию клейм на таких ручках, собранных на острове неким местным жителем. В своем предположении он опирался на два обстоятельства: особую концентрацию находок клейм на двуствольных ручках на острове Кос, а также на ономастический анализ имен в клеймах и сходство имен и эмблем в клеймах и на монетах Коса. А. Майури было известно также несколько экземпляров амфор с двуствольными ручками. Все они имели высокое, почти цилиндрическое, сужающееся книзу тулово на короткой ножке при невысоком горле, отделенном от плеч уступом. Размеры известных ему экземпляров колебались от 83 до 102 см. Глина всегда хорошего качества, похожа на родосскую и имеет цвет от бледно-розового до почти красного, по поверхности сосудов тонкий беловатый ангоб (Maiuri 1925: 245, 249). Как можно предположить, описанные А. Майури сосуды относятся к эпохе позднего эллинизма.

Позднее В. Грейс опубликовала клейменую ручку с этниконом Коса и предположила, что клеймение на Косе имело спорадический характер и продолжалось с III в. до императорской эпохи (Grace 1949: 181, note 28). Ею же были атрибутированы как косские некоторые амфоры из кораблекрушения у Антикиферы середины I в. (Grace 1965: 11 ff., fig. 1, 4). Ей удалось выделить также формы косских амфор несколько более раннего времени, чем у А. Майури, в частности, она приводит амфору с Афинской агоры, которая по стратиграфии находки должна датироваться около 200 г. (рис. 11: 51) (Grace 1949: 185—188, pl. 19: 8; 20: 10; 1970: 364—366, Inv. P 2980). В итоге ею была предложена типология косской тары с III по I вв., причем, по ее мнению, на протяжении всего обозначенного времени у косской тары стабильными являются такие легко узнаваемые элементы, как валикообразный венчик, двуствольные ручки, которые поднимаются выше венца, и небольшая кубаревидная ножка. Датированные типы сосудов показывают тенденцию к увеличению высоты и к суживанию тулова. Желобок у основания горла — ранняя характерная черта. Позже желобок появляется у основания плеч (рис. 1: 1) (Grace 1979: fig. 56)[3].

Нельзя не отметить очевидного вклада отечественных исследователей в изучение вопроса о косском амфорном производстве и клеймении. В конце 1940-х гг. Е.М. Штаерман обработала для готовящегося Свода IOSPE-III представительную коллекцию амфорных клейм из музея Белгород-Днестровского, где оказалось довольно много двуствольных клейменых ручек, которые к этому времени уверенно отождествлялись с косской продукцией (Штаерман 1951: 31—49). Эти материалы были включены Б.Н. Граковым в соответствующий раздел Свода IOSPE-III, куда он добавил и клейма из других коллекций (Граков 1956: №2175). В самом общем виде выводы Б.Н. Гракова на середину 50-х гг. сводятся к следующему.

1. Форма косских амфор имела во времени несколько вариантов, о чем можно судить хотя бы по тому, что двуствольные клейменые ручки косских амфор имеют то угловатый изгиб и поднимаются выше венца, то изгиб ручки плавно округлен, напоминая ранние родосские ручки первой половины III в. до н.э. В хорошо отмученной мелкозернистой косской глине почти всегда присутствует некоторое количество мельчайших блесток золотистой слюды, чем она немного напоминает глину Фасоса, в то время как беловатый ангоб косских амфор очень похож на родосский. Косские амфоры клеймились недолго и спорадически.

2. Клейма Коса ставились лишь на одной ручке и в подавляющем большинстве состоят из одного имени, вероятно, владельца мастерской. Им впервые были выделены клейма одного штампа (Ἑρμονος с эмблемой «два дельфина»), нанесенные в одном случае на обычную двуствольную ручку, а в другом — на одноствольную. Имена магистратов с предлогом ἐπί перед именем зафиксированы только в составе легенд пяти клейм. Все имена чисто греческого происхождения. В тех случаях, когда дается полное написание, имя ставилось почти всегда в родительном, в одиночных случаях — в именительном падежах: Αἰνέας, Ἀρίσταρχος, Ἀριστίων, Διαρίας, Δρόμων, Ἱρογένης, Δεῦνος, Μένανδρος, Νίκανδρος, Μιννίω(ν), Νίκων, Ὀροβίων, Σαραπίων, Τέχνων, Φιλήμων и др. Обычны сокращения

[3] На фото 56 в монографии В. Грейс представлены косские амфоры III—II вв. до н.э., из которых первые две клейменые (Grace 1979: fig. 56).

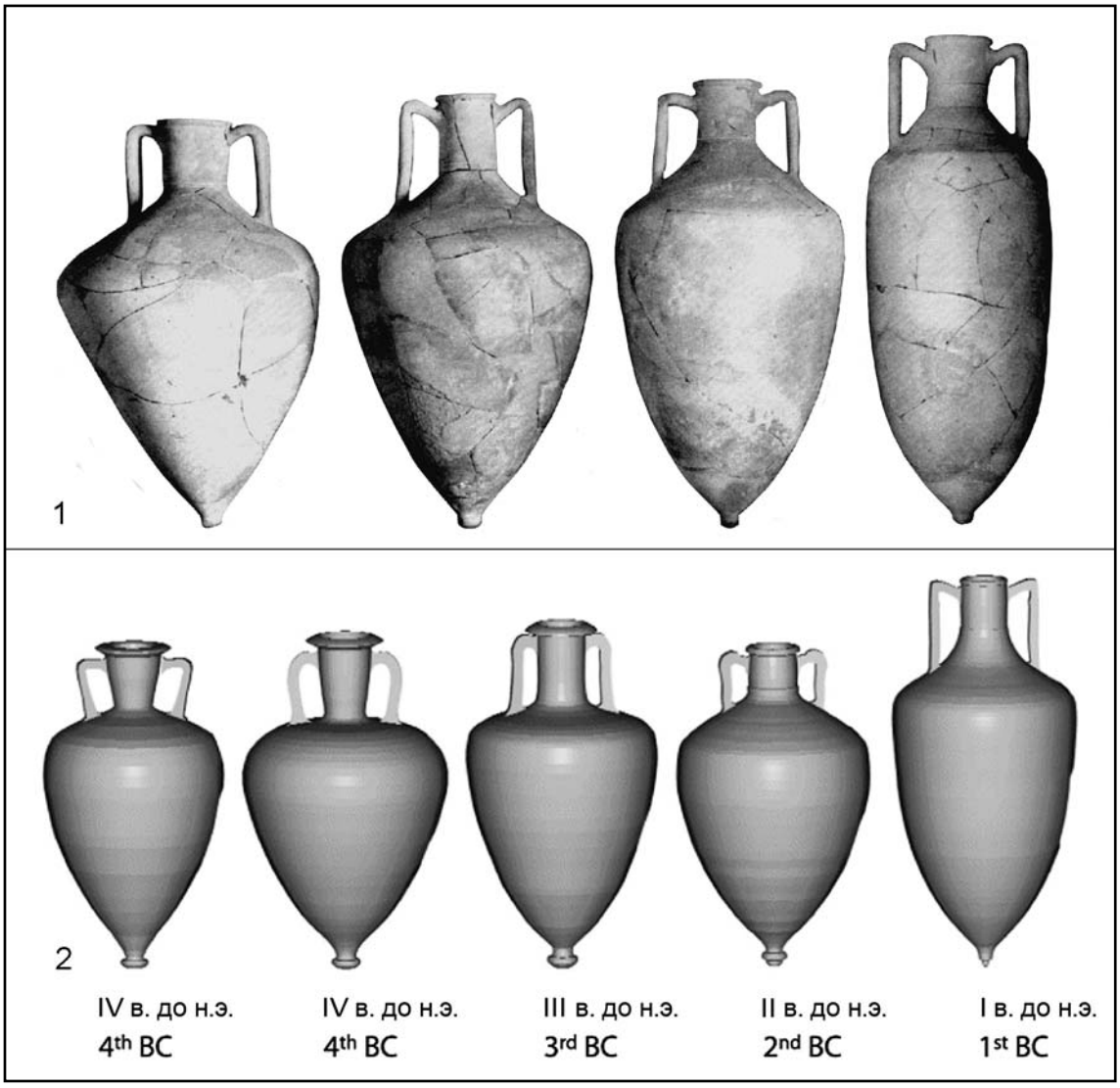

Рис. 1. Косские амфоры: 1 — ряд косских амфор (по Grace 1979: fig. 56); 2 — эволюционный ряд косских амфор (по Hein et al. 2008: 1058, fig. 5).

Fig. 1. Koan amphorae: 1 — lineage of Koan amphorae (after Grace 1979: fig. 56); 2 — evolutionary lineage of Koan amphorae (after Hein et al. 2008: 1058, fig. 5).

имен, иногда до двух букв: Ἀγαθα, Ἀδαιο(υ), Ἀπολλ, Ἀρι.Τεχν, Ἀσκλη, Δαμοφ, Δι, Διονυσίο, Τι, Ἑρμο, Ἥρα, Ὁράσεο(ς), Θρα, Κυδοκλ(εῦς), Μενελάο(υ), Μο, Μοσ, Μεν, Μιννίο(ν), Νικί(α), Νικομ, Ξενοκρι, Ξενο, Ὀνασι, Ὀνη, Παρ, Ποσειδω, Σαρα(πίων) и др. Монограммы редки, эмблемы немногочисленны и не очень разнообразны, чаще всего встречается «палица Геракла», зафиксированы «лабрис», «кадуцей», «родосский цветок», «гроздь», «два дельфина», «бальзамарий». С точки зрения Б.Н. Гракова, эпиграфически клейма довольно однообразны и вряд ли могут датироваться ранее середины III в., поскольку преобладают курсивные и лунарные формы, а в языке надписей нет никаких элементов, отличных от обычного койне.

3. Поскольку косское вино упоминается Демосфеном, по мнению Б.Н. Гракова, следует ожидать открытия косских амфор IV, а может быть, и V в.

Определенный вклад в разработку типологии косских амфор внесен И.Б. Зеест, которая выделила несколько образцов тары IV—III вв. (Зеест 1960: 93, 94, 104—107; табл. XXIV). Наиболее ранней она считала амфору с двуствольными ручками из кургана №11 у станицы Некрасовской, которая была опубликована Б.А. Куфтиным (Куфтин 1949: 21 сл.; табл. 3), а недавно ее фотография еще раз была переиздана (Эрлих 2009: 456; рис. 4). Горло у этого сосуда слегка припухлое, отделено от плеч уступом, венец массивный, отогнутый наружу, ножка на расширенном основании, остро-

реберная. По горлу сосуда красочная орнаментация в виде «бегущей волны». Более поздней, уже III века, И.Б. Зеест считала амфору с двуствольными ручками из с. Эшеры, также изданную в свое время Б.А. Куфтиным. Это сосуд уже иной, пифоидной, формы с небольшим валикообразным венчиком и низкой кубаревидной ножкой (илл. см.: Зеест 1960: 106, табл. XXIV: 51).

Ею же был выделен «усть-лабинский» тип тары, происхождение которого она затруднялась определить, но отмечала его сходство по морфологии и глине с косской тарой. Эпонимный образец был обнаружен в 1938 году в погребении №3 Усть-Лабинского могильника №2 и опубликован Н.В. Анфимовым (Анфимов 1951: 166, 168; рис. 4: 4) (рис. 4: 11). И.Б. Зеест датировала этот сосуд концом IV — началом III вв. (Зеест 1960: 106, табл. XXIV: 51)[4].

Наряду с этим И.Б. Зеест были выделены косские сигарообразные амфоры позднеэллинистического времени, а также близкие по форме к косским, но имеющие иную глину, амфоры «круга Коса» («яблоновский» тип).

В свою очередь, И.Б. Брашинский первоначально придерживался того взгляда, что в IV в. существовали некоторые группы амфор с двуствольными ручками и грибовидными венцами косского производства, которые можно считать «предшественниками» так называемых «сигарообразных амфор» этого центра эллинистического времени (Брашинский 1965: 96). В дальнейшем И.Б. Брашинский отмечал, что, судя по особенностям морфологии и различиям глин, амфоры с грибовидными венцами производились не в одном, а во многих центрах, среди которых, наряду с Косом, были Самос и Родос. В отношении «усть-лабинского» типа тары он предполагал, что, скорее всего, этот вид амфор выпускался на Косе (Брашинский 1980: 27, 31). Хронологию косских амфор он определял в пределах середины — второй половины IV в. Правда, в своей последней книге в качестве возможных центров производства амфор типа Солоха-I он рассматривает только Родос и Самос, не упоминая Кос (Брашинский 1984: 43—45). К Родосу относила амфоры с грибовидными венцами и Н.А. Лейпунская (1981: 31, 32, 67).

Знаковым событием в изучении косской керамической тары было открытие склада амфор (ямы-хранилища) в Пиетрою в Румынии в 1975 г. Помимо 2 косских, в складе найдено 3 родосских и 1 синопская амфоры (Museteanu et al. 1978: 181 ff.; fig. 3: 5)[5]. Косские амфоры из Пиетрою весьма редкой формы, ручки двуствольные, на одной амфоре клеймо из двух букв ΘΣ (?), на второй — клеймо с легендой ΑΡΑΤ(-) (рис. 10: 47, 48). Датируются эти амфоры по комплексу найденных там же родосских клейм серединой III века (Монахов 1999: 532—537, табл. 225).

Очень важным было появление статьи А. Эснар 1986 года, где она ставит вопрос об имитациях косской тары и приходит к выводу, что в Италии производство амфор в подражание косским начинается с середины I в., когда на Косе еще продолжается изготовление «классических» амфор (Hesnard 1986: 75 ff.; fig. 2a).

По результатам своих разведок на острове Кос Ж.-И. Амперер делает вывод, что в материалах обнаруженных им свалок гончарных мастерских фиксируется явное преобладание двуствольных амфорных ручек среди бракованной продукции (Empereur 1982: 226, note 28). А в конце 80-х годов он же, в соавторстве с А. Эснар, в обзорной работе о керамике эллинистического и римского времени подвел некоторые итоги имеющимся на тот момент представлениям о косской таре. Публикуя несколько целых форм косских амфор с Делоса и из музея Бодрума (рис. 11: 55; 12: 56), авторы отмечают, что для косских амфор III—I вв. стабильными остаются такие легко узнаваемые элементы, как венчик в виде маленького валика и двуствольные ручки, которые поднимаются выше венчика. Кроме того, амфоры Коса с двуствольными ручками ставят перед исследователями необходимость решения проблемы имитации форм, поскольку очевидно, что в эллинистическую эпоху косская тара служила образцом и копировалась разными центрами (Empereur, Hesnard 1987: 92, pl. 4: 19, 20, note 45).

Наряду с этим время от времени появлялись публикации косских амфор из раскопок на Балканах: в Македонии (Μακαρονας 1960: 72 ff.; Πιναζ 78-S), в некрополе Керамика IV века (Knigge 2005: Taf. 137: 933), на Крите конца III в. (Vogeikoff-Brogan, Apostolakou 2004: 426, fig. 6: a, b) и др.

[4] Схематичные чертежи этой амфоры у Н.В. Анфимова и И.Б. Зеест довольно сильно отличаются. На нашем рисунке (рис. 4: 11) приведен исправленный чертеж сосуда по рисунку Н.В. Анфимова и двум параметрам И.Б. Зеест.

[5] К сожалению, в публикации нет фотографий самих амфор, а точность чертежей вызывает некоторые сомнения.

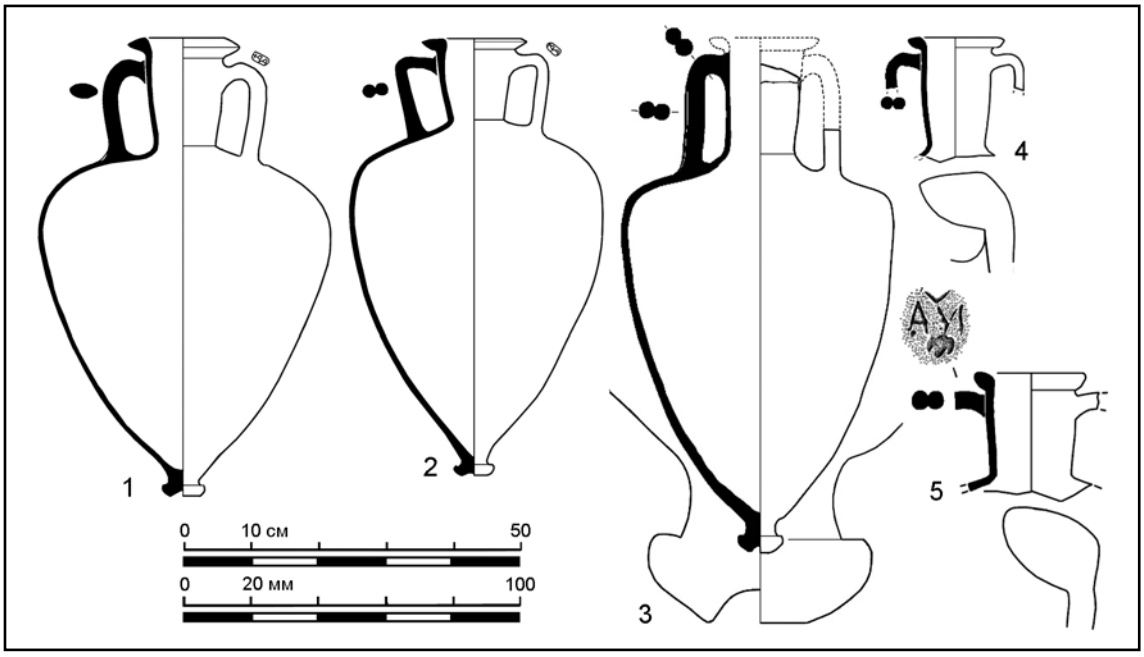

Рис. 2. Косские амфоры «раннего» варианта I-A: 1, 2 — из мастерской Кос-Меропис (по Καντζια 1994: 323—354, Πιν. 251—257; Papuci-Wladyka 1997: fig. 1); 3, 4 — из Галикарнаса (по Nørskou, Lund 2002: 61, 167, pl. 32); 5 — из кораблекрушения El-Sec (по Arribas et al. 1987: 424, fig. 102, №438).

Fig. 2. Koan amphorae ("early" I-A variant): 1, 2 — Kos-Meropis workshop (after Καντζια 1994: 323—354, Πιν. 251—257; Papuci-Wladyka 1997: fig. 1); 3, 4 — Halicarnassus (after Nørskou, Lund 2002: 61, 167, pl. 32); 5 — El-Sec shipwrecking (after Arribas et al. 1987: 424, fig. 102, No. 438).

Новое продвижение в нашем сюжете связано со статьей А. Аврама, в которой опубликован фрагмент горла с грибовидным венцом и одноствольной ручкой, на которой стояло клеймо с легендой ΚΕΡΔΩΝ, эмблема «стрела», из раскопок в Каллатисе (рис. 7: 29) (Avram 1989: 247—252). Такие клейма еще В. Грейс были определены как косские (так называемая группа «Никандра»), да и глина фрагмента соответствует общим признакам косской глины, точно так же, как и «грибовидная» или, скорее, «нависающая» профилировка венца (Grace, Savvatianou-Petropulakou 1970: 364—366, pl. 61). Датирует А. Аврам свой клейменый фрагмент временем около начала III в. Вместе с тем он справедливо замечает, что более ранние амфоры Коса IV в., скорее всего, не клеймились, но, вероятнее всего, также имели венец грибовидной формы.

Определенным прорывом в изучении амфорного производства Коса стали раскопки мастерской первой половины IV в. неподалеку от главного полиса на северо-востоке острова — Кос-Меропис (Καντζια 1994: 323—354; Πιν. 251—267). Хотя гончарных печей не было найдено, зато были обнаружены мощные свалки бракованной продукции, по материалам которых Х. Канциа выделила три типа амфор. Первые два типа — с грибовидными венцами, из них только первый тип с двуствольными ручками, а второй — с обычными эллипсовидными в сечении (рис. 2: 1, 2). Третий тип амфор морфологически похож на амфоры Менды «мелитопольского» варианта на рюмкообразной ножке (об этой группе тары см.: Монахов 2003: 92 сл.; табл. 63—65). Глина всех трех типов идентична — ярко-красная или оранжевая, содержит заметные включения золотистой или серебристой слюды, песок, белые частицы и другие отощители. У амфор имеется довольно плотный белесый или желтоватый ангоб.

В окрестностях мастерской было собрано 244 клейма. На 185 экз. из них имеется ретроградное сокращение АРХ, на 33 экз. — эмблема «краб» с этниконом ΚΩΙΟΝ в прямоугольной рамке. Та же городская эмблема «краб» в круглых клеймах сочетается с палицей и сокращением ΦΙ или с этниконом [ΚΩΙ]ΟΣ. Прочие редкие клейма имеют в качестве эмблемы «голову Геракла» и сокращение АΞ или ретроградное сокращение ΞΑΝ. Найдены также три глиняных диска диаметром 8 см, которые имеют клеймо в виде кратера или канфара. Судя по всему, эти диски были пробками для амфор первых двух типов.

Неподалеку от первой зафиксированы две другие мастерские IV века с фрагментами амфор I и II типа, а также позднеэллинистическая мастерская (Georgopoulos 2005: 179).

По материалам Х. Канциа вскоре появилась статья польской исследовательницы Е. Папучи-Владыки, где она попыталась реконструировать динамику амфорного производства на Косе по известным на тот момент материалам (Papuci-Wladyka 1997: 47—54). Собственно говоря, она не публикует никаких новых материалов, отмечая существование собственного производства на Косе в районе города Кос-Меропис с конца V века по 366 год, когда в результате синойкизма город был перенесен на новое место. Она повторяет выводы Х. Канциа о существовании в IV веке трех типов косской тары, из которых два первых (Кос-I и Кос-II) морфологически едины (пифоиды с грибовидными венцами) (рис. 2: 1, 2), а третий тип дублирует известный типостандарт мендейской тары «мелитопольского» варианта. Ей неизвестны косские амфоры второй половины IV века, а для III и II вв. она приводит в качестве примера образцы, опубликованные в свое время Ж.-И. Амперером и А. Эснар. Наконец, для позднеэллинистического и римского времени (с конца II в. до н. э. по II в. н. э.). Е. Папучи-Владыка выделяет псевдокосские типы амфор, которые выпускались во множестве центров Западного и Восточного Средиземноморья (так называемые типы Дрессель-2—4 по известной классификации).

Определенные коррективы в сложившиеся представления о косском клеймении, в частности, группы «Никандра», внесла статья В. Гасснер, в которой она опубликовала небольшую серию из 11 клейм из раскопок в Эфесе и без особой аргументации предложила относить клейма группы «Никандра» не к Косу, а к Эфесу (Gassner 1997: 105—113). Позднее эта гипотеза получит поддержку М. Лаваля и Г. Финкельштейна.

В дальнейшем исследования амфорных мастерских на Косе были продолжены экспедицией Афинского университета, результаты которой в серии статей были изложены Викторией Георгопулу (Georgopoulou 2004: 129—132; 2005: 181; Hein et al. 2008: 1049—1061). В первых двух статьях было дано описание открытия второго (после Кос-Меропис) керамика на южном побережье острова в окрестностях современной деревни Кардамена рядом с остатками городища античной Галасарны — одного из шести демов Коса. Зафиксированы остатки керамического производства в виде брака, где преобладают ножки косских амфор трех различных типов: первой половины IV, первой половины III и второй половины II вв. Дается описание морфологии найденных бракованных фрагментов (горл, ручек, ножек). Там же найдено 9 типов амфорных клейм. Отмечается, что косские амфоры IV в. имеют как двуствольные, так и одноствольные ручки, венцы могут быть как валикообразные, так и грибовидные. По ее мнению, количество клейменых амфор значительно меньше, чем неклейменых: так, в делосской коллекции только на 5% косских ручек II—I вв. зафиксированы клейма (Georgopoulou 2004: 129—132; 2005: 179 ff.). Она также отмечает, что амфоры II в. имели весьма значительную емкость — более 44 литров, в то время как синхронные родосские сосуды имели вдвое меньшую емкость (Georgopoulou 2005: 181 ff.).

В последней известной мне статье В. Георгопулу с соавторами был проанализирован химический и минералогический состав 45 образцов глины бракованных амфор из мастерских, которые также сравнивались с образцами глины шести известных целых сосудов из музеев Коса и Афин, локализованных как косские еще В. Грейс и Ж.-И. Амперером. В результате они пришли к заключению, что технология и состав глины, предназначенной для производства амфор в Галасарне, оставались неизменными в течение длительного периода — с V по I столетия — независимо от того, что морфология керамической тары за это время претерпела серьезные изменения. Ими отмечены характерные особенности косской глины — красновато-желтого цвета с заметными включениями слюды, типичной особенностью косских амфор было наличие белого ангоба на внешней поверхности. Вес пустых амфор все это время в основном оставался примерно одинаковым (10,5 ± 1,1 кг). Амфорное производство, с высокой вероятностью, было местным, тем более что рядом с археологически исследованным участком были обнаружены обширные залежи глин (Hein et al. 2008: 1049—1061). На основании множества фрагментов, найденных в ходе исследования свалок бракованной продукции, авторы дают графическую реконструкцию форм косских амфор с IV по I вв. (рис. 1: 2) (Hein et al. 2008: 1058, fig. 5).

Эти материалы из раскопок амфорных свалок на Косе послужили основой для пересмотра атрибуции некоторых ранее опубликованных амфорных комплексов. В частности, Н. Георгиева предположила, что в известном кораблекрушении у Портичелло (Eiseman 1987) та серия амфор на рюмкообразной ножке, которая традиционно считается мендейской «мелитопольского» варианта, на самом деле может оказаться косской (тип III по Х. Канциа) (Georgieva 2002: 253).

Таблица 1.

Имена фабрикантов «группы Никандра» по Г. Джанкардеш-Шенол*

Ἀκέρα (Ατε?)	Διοσκουρίδας	Καστορίδος (6)	Ξενόκριτος (4)
Ἀλκέμων	Ἑκαταῖος (3)	Καυστ(	Ξείνις
Ἀνα(	Ἐπιγέν(ης) (2)	Καυστρι((2)	Πειθοκράτης
Ἀπολ[	Ἑρμαΐσκος	Κλεοβουλ((2)	Πλάτων (3)
Ἀπολλ[	Ἑρμι[	Κω[(?)	Σωσυ [ ]((?)
Ἀπολλαδ(	Ἑρμογένης (4)	Μάνης	Σωτηρι(
Ἀπολλώνιος	Εὐπο (Εὔ)[	Μέλανος (7)	Τιμο(
Ἀρτε[	Ἐξακης((2)	Μενέστρατος (3)	Τιμόλαος (3)
Ἀρτεμίδωρος (4)	Ζήνων	Μενιπ(	Φ
Ἀρτέμων	Ζώπυρος	Μενίσκος	Φάνις
Βίων (3)	Ἡράκλειτος	Μίλων	Χάρης (3)
Δ	Ἡράκων (2)	Μιννίων	Χαρῖνος
Δι(	Θεόδοτος	Μηνόδωρος (4)	
Διόδοτος	Θράσων	Μηνόφιλος (6)	
Διοδω((2)	Ἰσοκράτης	Νίκανδρος (9)	

* Cankardeş-Şenol 2010: 125—139, fig. 2.

Определенное внимание косской таре уделил в серии статей М. Лаваль. Им дан подробный обзор по истории изучения эллинистических клейм группы «Никандра», а также сделано уточнение их хронологии по материалам значительной выборки клейм из раскопок в Эфесе. Он пришел к выводу, что самые ранние клейма группы «Никандра» должны датироваться в пределах начала III, а самые поздние — последней третью II столетия (Lawall 2004: 177 ff.; 2005: 32). Позднее, в статье, посвященной эллинистической хронологии амфорных клейм, он предположительно отнес штампы группы «Никандра» к производству «региона Эфеса», выделив, вместе с тем, и серию несомненно косских, по его мнению, клейм (Lawall 2007: 48—49, 54—55). Он отмечает, что если в IV веке Кос явно следовал некоей эгейской традиции в рамках «амфорного койне», выпуская тару с грибовидными венцами, то в III веке на Косе сложился свой собственный оригинальный типо-стандарт амфор, послуживший в дальнейшем образцом для подражания во многих центрах (Lawall 2010: 52, 60).

В упоминавшемся выше томе «The Hellenistic Polis of Kos» (2004), помимо статьи В. Георгопулу, имеются еще две работы, посвященные косским амфорам и амфорным клеймам. Г. Финкельштейн, опираясь на материалы из раскопок в Палестине, предлагает пересмотреть хронологию амфор, предложенную Х. Канциа и, с моей точки зрения, несколько преждевременно соглашается с М. Лавалем относительно того, что группу «Никандра» следует связывать не с Косом, а с «регионом Эфеса» (Finkielsztejn 2004: 153). В свою очередь, Х. Джонсон проводит ревизию чтения легенд 8 косских клейм, обнаруженных в Палестине, Египте и на Кипре, и почему-то утверждает, что клеймение на Косе появляется еще в V веке (Johnson 2004: 133 ff.).

Одной из последних работ, посвященных клеймам группы «Никандра», традиционно считающихся косскими, стала статья Г. Джанкардеш-Шенол. Она, как М. Лаваль и Г. Финкельштейн, также склоняется к мысли, что такими штампами клеймили амфоры в регионе Эфеса и считает, что хронология клейм этой группы укладывается в интервал от второй четверти до конца II в. Ею проиллюстрированы два горла амфор с клювовидными венцами из Александрии, на ручках которых стоят такие клейма. Кроме того, она опубликовала полный список имен фабрикантов группы, сформированный по итогам ревизии множества коллекций из Египта, Афин, Делоса, Пергама, Леванта и Причерноморья (Cankardeş-Şenol 2010: 125—139, fig. 2). Отмечается, что самая крупная выборка клейм этой группы обнаружена в Александрии. Имена в клеймах чаще всего в именительном или родительном падежах в прямоугольных штампах, засвидетельствованы сокращения, монограммы и лигатуры. На некоторых штампах сигма и эпсилон в лунарном варианте написания, присутствует открытая омега, встречаются ретроградные надписи.

Всего выделено 123 штампа клейм группы «Никандра» с 57 именами или монограммами (табл. 1).

Крайне редко встречаются эмблемы, в частности, «краб», что и послужило основанием для прежней локализации клейм этой группы как косских. В конечном счете, автор приходит к выводу, что система клеймения не была общепринятой в этом центре. Возможно, что эта практика была обусловлена стремлением к имитации тары другого центра. По ее мнению, отсутствие этникона в клеймах можно объяснить тем, что амфоры производились главным образом для местного потребления, но не для экспорта. Странная гипотеза, особенно на фоне того количества косской тары в Причерноморье, в том числе и с клеймами группы Никандра, что мы продемонстрируем ниже. Фотография археологически целой амфоры с клеймом группы Никандра на ручке была недавно издана (Ariel 1999: 28—29; №13).

Весьма интересные материалы опубликованы в сводном датском томе, посвященном итогам раскопок галикарнасского мавзолея (Nørskou, Lund 2002: 56—105). Авторы отмечают заметное присутствие в материалах IV века фрагментов косских амфор с грибовидными венцами. Ими издана почти целая косская амфора (отсутствует венец), а также амфорное горло с грибовидным венцом и двуствольными ручками (рис. 2: 3, 4) (Nørskou, Lund 2002: 61, 167, pl. 32: H42, H43), которые, по их мнению, несколько более поздние (середины — второй четверти IV века), чем опубликованные Х. Канциа амфоры из мастерской Кос-Меропис.

Одна амфора эллинистического времени, скорее всего, II в., была опубликована в обзоре груза кораблекрушения у острова Сирна в 45 км к юго-западу от Коса (Micha 2005/2006: 85—86, fig. 5).

Целый ряд керамических комплексов из Северного Причерноморья с косскими амфорами в свое время издал и автор этой статьи (Монахов 1999: 372, 445, 462, 459 сл., 491, 509 сл., 559): погребение №25 некрополя Горгиппии, колодец 1972 года из Горгиппии, помещение №52 Елизаветовского городища, усадьба №6 и поселок У7 поселения Панское-I, усадьба Большой Кастель и др. За последнее десятилетие появилось большое количество новых комплексов с косскими амфорами, прежде всего из Прикубанья, которые достаточно оперативно вводятся в научный оборот: из меотских некрополей Прикубанский и Старокорсунский (Лимберис, Марченко 2001: 153 сл.; 2005; 2007), из Пашковского и Усть-Лабинского некрополей (Улитин 2004: 153 сл., рис. 6, 7; 2005: 275 сл.). Встречаются косские амфоры и в греческих некрополях, в частности, в Горгиппии горло косской амфоры встречено в одном контексте с боспорской монетой конца III — первой половины II вв. (Шевченко 2004: 188—190, рис. 4: 10).

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем некоторые представления об амфорном производстве на о. Кос с конца V века до эпохи позднего эллинизма. Однако эти представления носят лакунарный характер, и мы до сих пор не знаем конкретные образцы керамической тары Коса второй половины IV — первой четверти III вв. Да и для более позднего времени мы располагаем лишь отдельными сосудами, как правило, не имеющими твердой хронологической привязки. В связи с этим возникает насущная необходимость провести ревизию обширных коллекций из Причерноморья, где имеется огромный массив керамической тары так называемых «неустановленных центров производства», и где можно предполагать наличие косских образцов. С учетом новых материалов можно попытаться разработать детальные типологические схемы с обоснованной хронологией.

Критериями для выделения могут служить следующие известные признаки: характер глины, морфологические характеристики (формы тулова, венца, ножки, профилировка горла и ручек), наличие клейм известных штампов и др.

Итак, среди известных на сегодняшний день косских амфор самый ранний **первый тип** представлен сосудами, имеющими следующие морфологические характеристики: массивный грибовидный венец, как правило, имеющий снизу горизонтальную подрезку, цилиндрическое или слегка расширяющееся вверх воронковидное горло, отделенное от плеча желобком или небольшим валиком, пифоидное тулово, кубаревидная ножка и двуствольные (или одноствольные) ручки. В рамках этого типа можно выделить, по меньшей мере, два варианта тары: «*ранний*» (I-A) и «*поздний*» (I-B).

К «*раннему*» *варианту I-A*, по моим представлениям, относятся амфоры с массивным грибовидным венцом на низкой «протокубаревидной» ножке. К нему следует отнести, прежде всего, две практически идентичные амфоры из мастерской Кос-Меропис, из которых одна с двуствольными, а вторая с одноствольными ручками (рис. 2: 1, 2), на ручках которых стоят идентичные прямоугольные клейма с легендой АРХ(–).

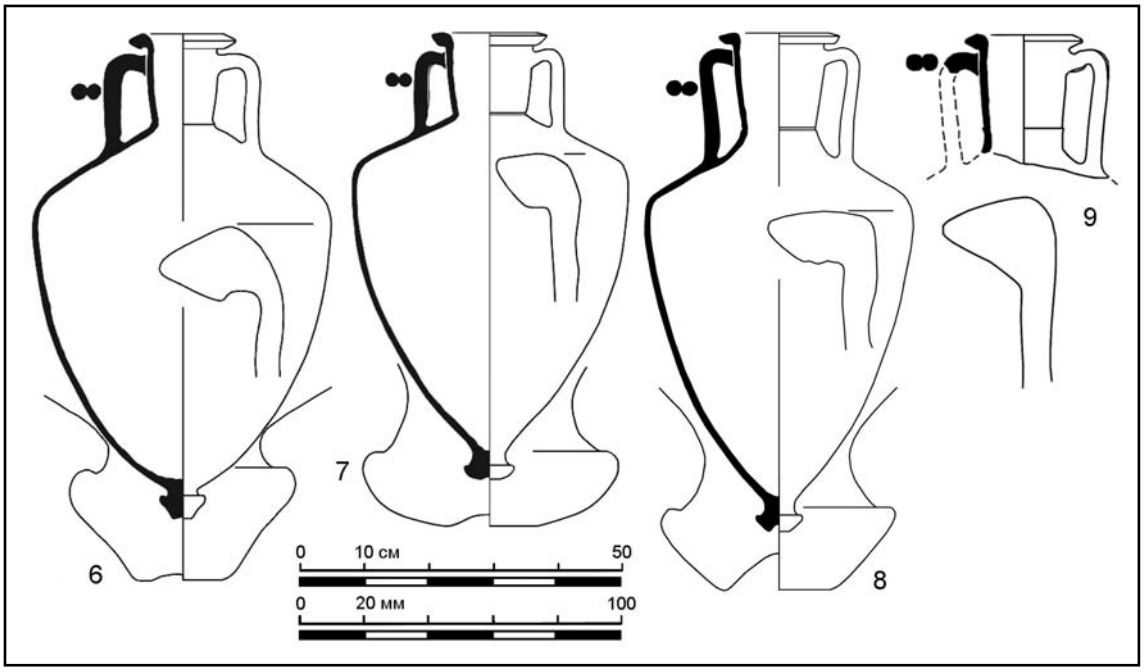

Рис. 3. Косские амфоры «раннего» варианта I-A: 6, 7 — Прикубанский могильник, погр. 103 и 402; 8 — Старокорсунский могильник, погр. 356з; 9 — из Горгиппии (1979 г.).

Fig. 3. Koan amphorae ("early" I-A variant: 6, 7 — Prikubansky burial ground, gr. 103, 402; 8 — Starokorsunsky burial ground, gr. 356z; 9 — Gorgippia (1979).

Исследователи датируют их примерно в пределах первой половины, может быть, первой трети IV века (Καντζια 1994: 325 ff.; Papuci-Wladyka 1997: 48 ff.; fig. 1: 1, 2). Примерно к тому же времени (середина — начало третьей четверти IV века) датские исследователи относят целую амфору и горло второго сосуда из Галикарнаса (Nørskou, Lund 2002: 61, 167. Pl. 32, H42, H43) (рис. 2: 3, 4). Еще одно горло такой амфоры происходит из кораблекрушения у Балеарских островов (рис. 2: 5), которое по комплексу в несколько сотен тарных сосудов надежно датируется 60-ми годами IV века (Монахов 1999: 372 сл., табл. 166).

Есть и целый ряд причерноморских комплексов с такими амфорами. Прежде всего, это два сосуда из погребений №103 и 402 меотского Прикубанского некрополя (рис. 3: 6, 7). С амфорой из погр. 402 другого твердо датируемого инвентаря найдено не было, а с сосудом из погр. 103 встречена крупная книдская амфора «ранней» серии «пифоидного» варианта. Основная масса таких книдских амфор была продатирована мною в пределах последней трети IV века (Монахов 2003: 106 сл., табл. 73), однако книдская амфора из погребения №103, в силу очевидных морфологических отличий, явно более ранняя и, скорее, должна датироваться в пределах второй четверти — середины этого столетия.

Еще одна косская амфора раннего варианта I-A происходит из погребения №356з Старокорсунского некрополя (рис. 3: 8), где вместе с ней найдена фрагментированная гераклейская амфора конического типа, которая датируется в пределах второй-третьей четвертей IV века. Авторы публикации склонились к верхней границе указанного периода (Лимберис, Марченко 2005: 221, 263—264, рис. 36: 9), я же предпочитаю датировать этот комплекс концом второй четверти указанного столетия. Еще одно амфорное горло происходит из ямы 1979 года в Горгиппии (рис. 3: 9), оно имеет в нижней части горла не уступ или желобок, а рельефный валик. Контекст находки неясен, но очевидна принадлежность его к данному варианту.

Вывод по характеристике амфор варианта I-A: они выпускались в разных мастерских, возможно, в разных районах острова на протяжении первых трех четвертей IV века. К этому типу отнесены сосуды как с двуствольными, так и с одноствольными ручками. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сначала ножки амфор были низкими и массивными, а в дальнейшем они приобретают кубаревидную форму. Кроме того, очевидно, что мы имеем дело с несколькими фракциями стандарта, отсюда и разные параметры сосудов (см. табл. 2 с метрическими характеристиками амфор).

«Поздний» вариант (I-B) косских амфор, при примерно тех же морфологических характеристиках, отличается несколько более облегченной профилировкой грибовидного венца — он не столь массивен и, скорее, имеет нависающую грибовидную форму. В этом варианте также присутствуют амфоры как с двуствольными, так и с одноствольными ручками. Исходя из имеющейся выборки и с учетом хронологии комплексов, в этом варианте можно выделить несколько серий тары.

Прежде всего, к *серии I-B-1* можно отнести амфору из случайных находок с могильника «Дачи» южнее Краснодара (рис. 4: 10)[6], которая имеет пифоидную профилировку тулова и низкую валикообразную ножку, как у амфор из мастерской Кос-Меропис, но вместе с тем уже не массивный грибовидный, а нависающий грибовидный венец. Ручки сосуда одноствольные. Как представляется, ее следует датировать в пределах середины — начала третьей четверти IV века.

У остальных амфор этой серии ножки кубаревидные. К ней следует отнести амфору из погребения №3 (1938 года) меотского некрополя у станицы Усть-Лабинской (рис. 4: 11) (Анфимов 1951: 166, 168, рис. 4: 4; Зеест 1960: 92, табл. XVI: 38а), которая послужила для И.Б. Зеест поводом для выделения «усть-лабинского» типа тары, близкого к косским образцам. Сразу нужно оговориться, что определение хронологии этой амфоры в пределах конца IV—III вв., сделанное полвека назад, выглядит сильно завышенным[7].

Следующие две амфоры этой *серии I-B-1* происходят из погребений №165 и 335 Прикубанского некрополя (рис. 4: 12, 13). К сожалению, надежных хроноиндикаторов в этих комплексах не обнаружено. Зато таковые есть в погребении №2 Старокорсунского некрополя, где вместе с косской амфорой (рис. 4: 14) найдены фрагментированная средиземноморская амфора и 3 боспорских унгвентария (Лимберис, Марченко 2007: 71, 75—77, рис. 8: 4; 11: 3; авторы относят комплекс к концу IV века). По моим представлениям, эта амфора неустановленного средиземноморского центра должна датироваться третьей — началом последней четвертей IV века, да и унгвентарии, судя по аналогам с Афинской агоры (Rotroff 1997: 175—178, 355, fig. 72, №1163—1169) широко датируются 325—300 годами этого столетия. Как мне кажется, комплекс этого погребения скорее следует относить к 20-м годам IV века.

Амфорное горло той же серии происходит из поселения «Госпиталь» в Керчи (рис. 4: 15), которое по хорошему комплексу керамической тары и клеймам датируется в пределах второй-третьей четвертей того же IV века (Федосеев 1991: 29—31; 1994: 249—250).

По две косских амфоры этой серии найдено в погребениях №1 и 3 Старокорсунского некрополя (рис. 5: 16—19), причем в погребении №1 присутствовал меотский сероглиняный двуручный кувшин, характерный для комплексов последней четверти IV в. (Лимберис, Марченко 2007: 71, 74—75, 82—87, рис. 5: 2, 3; 7: 3, 4; 16: 2, 4; 18: 3, 4). Амфора из погребения №1 имеет двуствольные ручки, точно такая же амфора из погребения №3 — одноствольные. На одной амфоре из погребения №3 на ручке стоит ретроградное прямоугольное клеймо ΒΛΑC(---) с лунарной сигмой. Среди клейм явно косских или группы Никандра этот штамп ранее не фиксировался. Недавно аналог этому клейму был опубликован в ревизии коллекции клейм из Севтополя, причем авторы считают, что вся коллекция керамических клейм из этого памятника стала накапливаться не ранее 315 года (Balkanska, Tzochev 2008: 190, 203, №50). Еще одна амфора серии I-B-1 происходит из погребения №29 у хут. Ленина (рис. 5: 21)[8].

Видимо, к этой же серии следует отнести фрагментированную фракционную амфору из погребения №206 Прикубанского некрополя (рис. 5: 20). К сожалению, у нее отсутствует ножка, и в целом она реконструируется только графически. У нее более короткое горло, в нижней части которого имеется уступ. Тем не менее, она важна для нас потому, что в комплексе с нею находилась синопская амфора с двумя клеймами: астинома Посидея, сына Гефестодора и керамевса Посидония, сына Теодора. Магистрат Посидей, по последней хронологии В.И. Каца, входит в третью магистратскую группу и датируется в пределах последнего десятилетия IV века (Кац 2007: 434), что и дает нам хорошую опорную дату.

[6] Кубанский музей, без инвентарного номера.

[7] Амфора известна мне только по чертежам в публикациях Н.В. Анфимова и И.Б. Зеест, точность которых вызывает сомнения.

[8] Хранится в Кубанском музее, без инв. номера. Некрополь городища №2, раскопки А.З. Аптекарева. Упоминается без иллюстрации: Лимберис, Марченко 2006: 155. К этому можно добавить несколько фрагментированных амфор из Пашковского могильника №6 (Улитин 2004: 153 сл.).

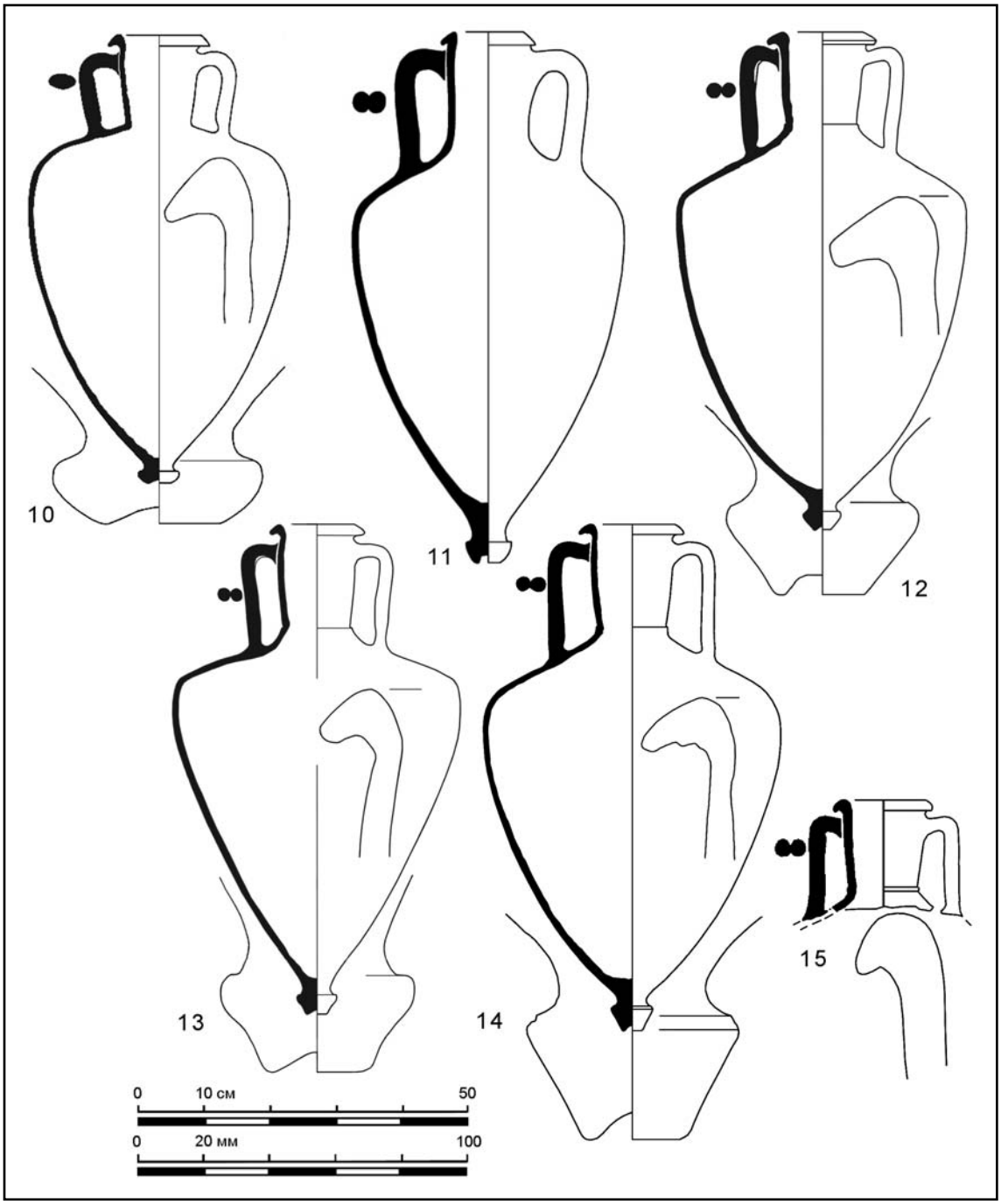

Рис. 4. Косские амфоры серии I-B-1 «позднего» варианта I-B: 10 — могильник «Дачи», случайная находка; 11 — Усть-Лабинский могильник, погр. 3 (1938) (Анфимов 1951; Зеест 1960); 12, 13 — Прикубанский могильник, погр.165 и 335; 14 — Старокорсунский могильник, погр. 2 (2006); 15 — поселение «Госпиталь» (Федосеев 1991: 29—31; 1994: 2; чертеж Н.Ф. Федосеева).

Fig. 4. Koan amphorae of I-B-1 series ("late" I-B variant): 10 — "Dachi" burial ground, strayfind; 11 — Ust-Labinsky burial ground, gr. 3 (1938) (Анфимов 1951; Зеест 1960); 12, 13 — Prikubansky burial ground, gr. 165, 335; 14 — Starokorsunsky burial ground, gr. 2 (2006); 15 — "Hospital" settlement (Федосеев 1991: 29—31; 1994: 2; drawing by N.F. Fedoseev).

Следующая *серия I-B-2*, при той же примерно профилировке пифоидного тулова характеризуется иной формой венца — он становится совсем маленьким, хотя сохраняет грибовидную профилировку. Ножка также становится меньше, подрезка на подошве, как правило, небольшая, а иногда и совсем отсутствует.

Открывают эту серию пять сосудов из погребений №14, 15, 45, 65, 140 и 331 Прикубанского некрополя (рис. 6), у части из них отсутствуют венцы, в одном случае —

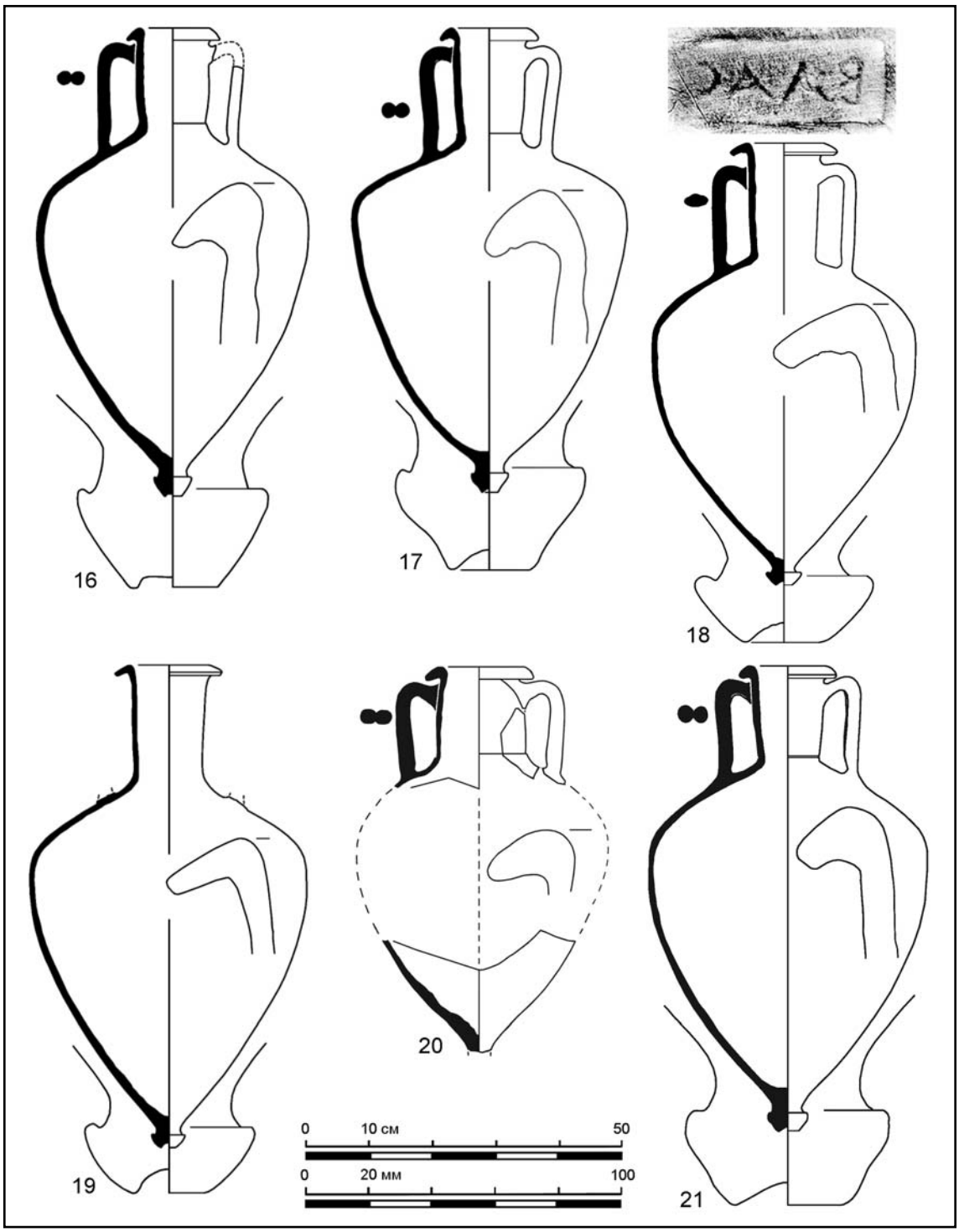

Рис. 5. Косские амфоры серии I-B-1 «позднего» варианта I-B: 16, 17 — Старокорсунский могильник, погр.1 (2006); 18, 19 — Старокорсунский могильник, погр. 3 (2006); 20 — Прикубанский могильник, погр. 206; 21 — могильник у хут. Ленина, погр. 29.

Fig. 5. Koan amphorae of I-B-1 series ("late" I-B variant): 16, 17 — Starokorsunsky burial ground, gr. 1 (2006); 18, 19 — Starokorsunsky burial ground, gr. 3 (2006); 20 — Prikubansky burial ground, gr. 206; 21 — Lenin khutor burial ground, gr. 29.

ножка. Они разных фракций, полностандартная — из погр. 45, остальные — фракционные. Для хронологизации важны комплексы погребений №45 и 331. В первом из них, вместе с косской, были найдены 2 фрагментированные синопские амфоры хорошо известной серии II-C, которые, несмотря на отсутствие клейм, надежно датируются в пределах конца IV — начала III вв. (Монахов 2003: 150). В погребении же №331 вместе с косской

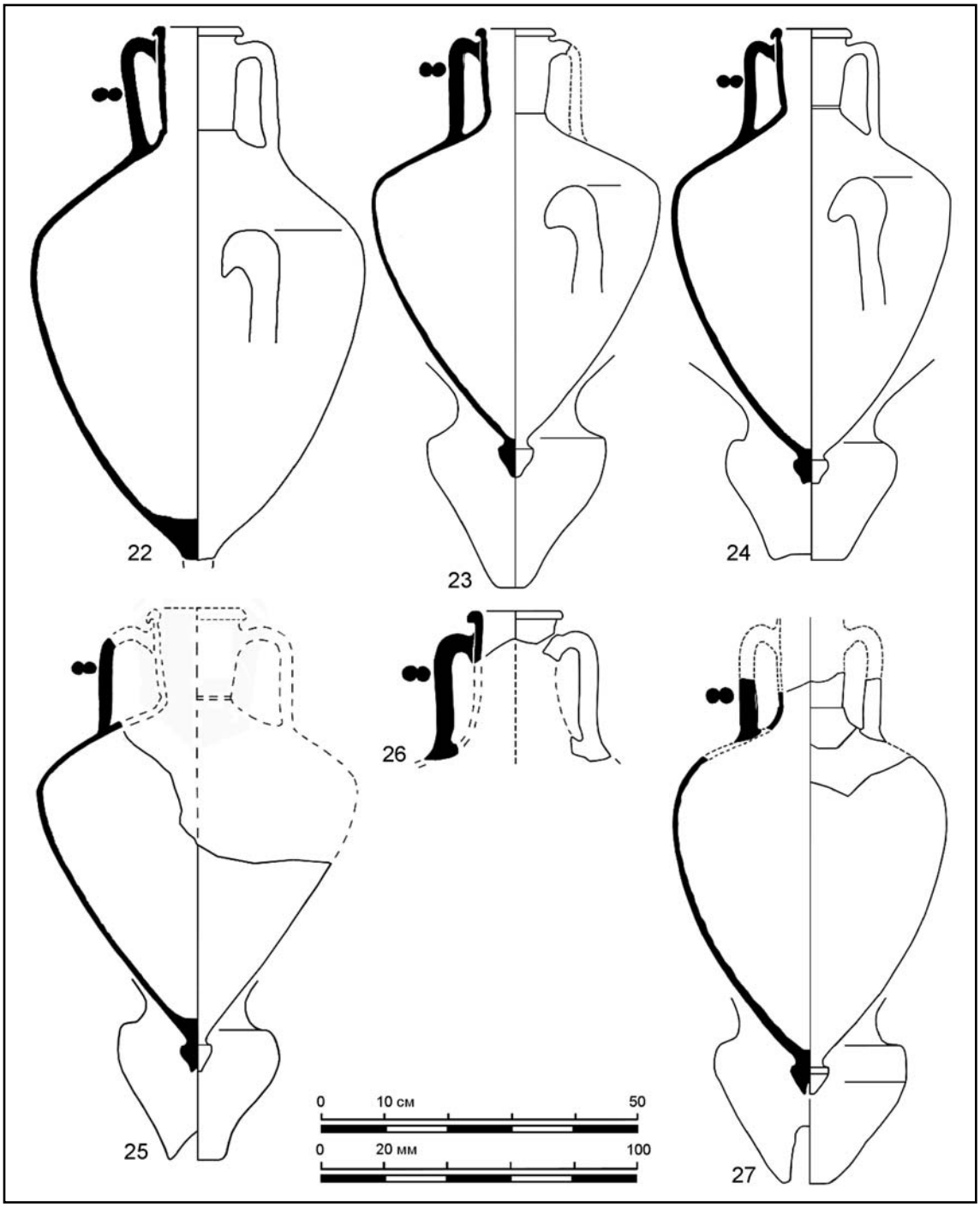

Рис. 6. Косские амфоры серии I-B-2 «позднего» варианта I-B из Прикубанского могильника: 22 — погр. 45; 23 — погр. 14; 24 — погр. 65; 25 — погр. 331; 26 — погр. 140; 27 — погр. 15.

Fig. 6. Koan amphorae of I-B-2 series ("late" I-B variant) from Prikubansky burial ground: 22 — gr. 45; 23 — gr. 14; 24 — gr. 65; 25 — gr. 331; 26 — gr. 140; 27 — gr. 15.

встречена книдская амфора «пифоидного» варианта, аналоги которой известны по массе разных комплексов, благодаря чему она надежно датируется последней четвертью IV — началом III вв. (Монахов 2003: 106).

Помимо упомянутых, к серии I-B-2 можно отнести горло амфоры из усадьбы № 26 на хоре Херсонеса (рис. 7: 28), найденное в первом строительном горизонте памятника, финал которого приходится, судя по набору синопских и херсонесских амфорных клейм, на конец первой трети III века (Кац 1972: 30 сл.; 1994: 72 сл.; Золотарев, Туровский 1990: 79 сл.).

К этой же серии относятся фрагмент с клеймом ΚΕΡΔΩΝ из Каллатиса (рис. 7: 29) (Avram 1989: 247—252), а также целые амфо-

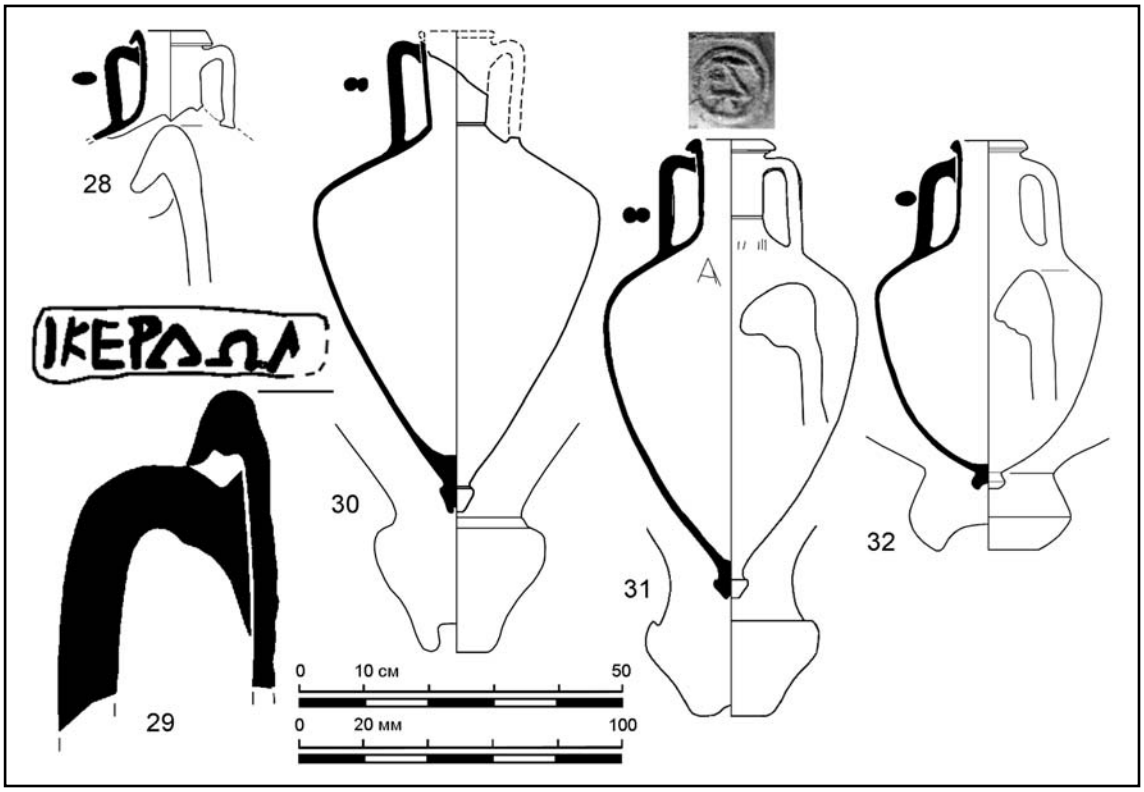

Рис. 7. Косские амфоры серии I-B-2 «позднего» варианта I-B: 28 — усадьба №26 на Гераклейском п-ве; 29 — Каллатис (по Avram 1989: 247—252); 30 — Горгиппия, погр. 25 (по Монахов 1999: 445, табл. 193: 1); 31 — могильник у хут. Ленина, погр. 24; 32 — некрополь Мирмекия, погр. 25 (1953).

Fig. 7. Koan amphorae of I-B-2 series ("late" I-B variant): 28 — Estate Nr. 26 on Heraklea peninsula; 29 — Callatis (after Avram 1989: 247—252); 30 — Gorgippia, gr. 25 (по Монахов 1999: 445, табл. 193: 1); 31 — Lenin khutor burial ground, gr. 24; 32 — Myrmekion burial ground, gr. 25 (1953).

ры из погребения №25 в Горгиппии (рис. 7: 30) и из погребения №24 некрополя городища №2 у хут. Ленина (рис. 7: 31). Каллатийская находка датируется А. Аврамом самым началом III в., горгиппийская амфора по комплексу найденных вместе с нею синопской, гераклейской, книдской и неизвестного центра амфор надежно синхронизируется в пределах рубежа IV—III вв. (Монахов 1999: 445 сл.). Особый интерес представляет амфора из погребения №24 у хут. Ленина. Во-первых, на ручке этого сосуда стоит круглое монограммное клеймо диаметром 10 мм, в аббревиатуре читаются буквы «Е», «П», «Λ», аналог этому штампу мне в IOSPE-III и других сводах найти не удалось. Во-вторых, в этом погребении найдена фрагментированная хиосская колпачковая амфора, что дает основание относить комплекс к последней четверти IV — рубежу IV—III вв[9].

Предположительно к этой серии косских амфор можно отнести еще один сосуд из некрополя в окрестностях Мирмекия (рис. 7: 32) (Капошина 1959: 120, рис. 17)[10]. Он значительно меньше остальных в этой серии, имеет иную профилировку ножки и раздутое в нижней части тулово, однако характер глины и профилировка венца, на мой взгляд, позволяют включить его в эту выборку.

Таким образом, вся серия I-B-2 датируется в пределах последней четверти IV — первой четверти III вв.

С моей точки зрения, параллельно с первым типом тары производился совершенно оригинальный **II тип косских амфор**, известный пока только по причерноморским материалам. У этих сосудов высокое, слегка припухлое горло, которое четко отделено от плеча небольшим уступом. Венец небольшой, валикообразный, иногда сверху несколько уплощен. Тулово близко к конической профилировке, завершается кубаревидной ножкой. Как и в случае с первым типом, ручки сосудов

[9] Комплекс раскопан в 1980 году А.З. Аптекаревым, не опубликован. Известен мне по рукописному отчету. Амфора хранится в Кубанском музее.

[10] Амфора хранится в Эрмитаже, инв. №ГЭ. МН.53.10.

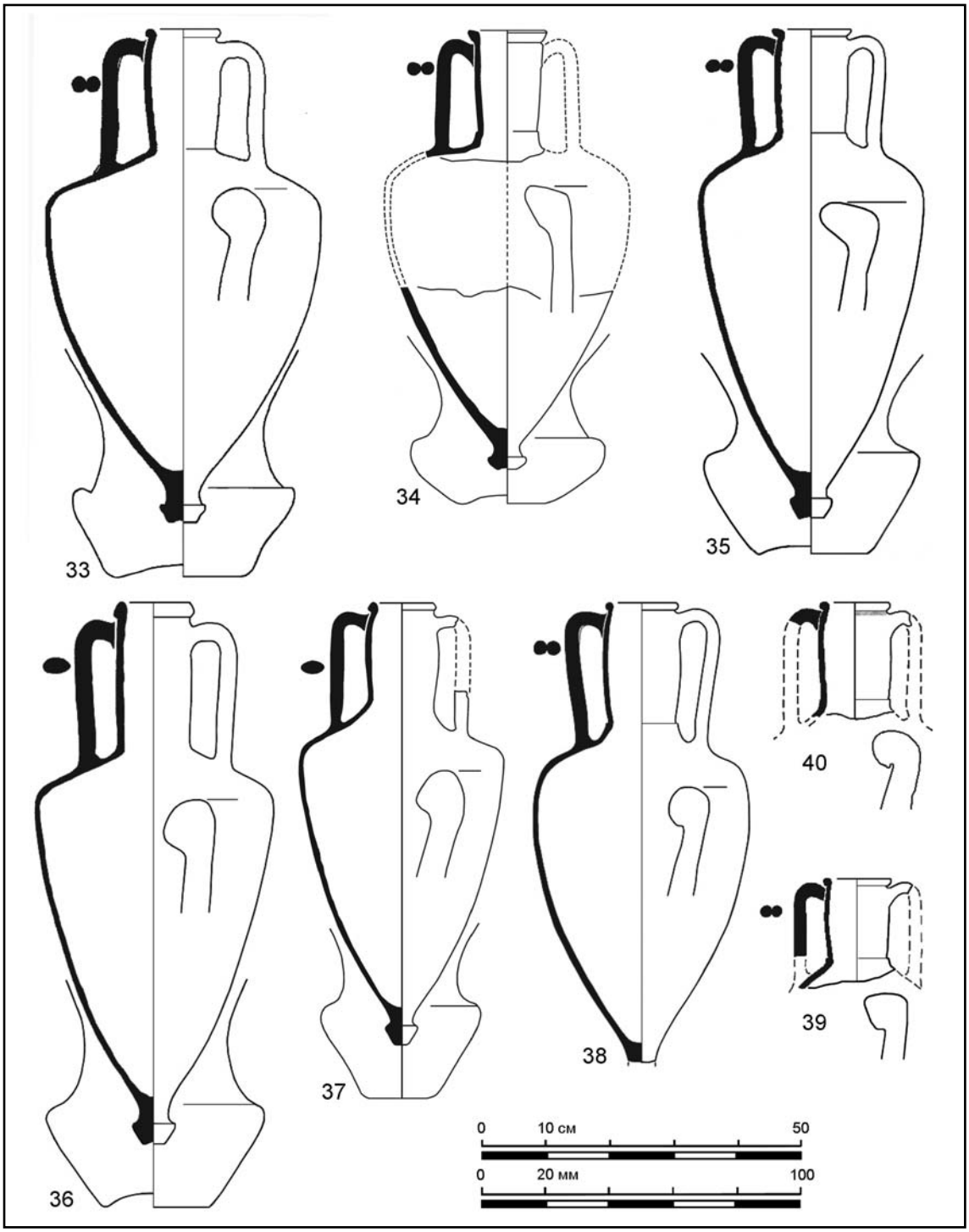

Рис. 8. Косские амфоры типа II: 33—38 — Прикубанский могильник, погр. №2 кургана 4, погр. 315, 37, 196, 174, 313; 39 — Горгиппия (1979); 40 — поселение Кошары.

Fig. 8. Koan amphorae of type II: 33—38 — Prikubansky burial ground, gr. 2 of t. 4, gr. 315, 37, 196, 174, 313; 39 — Gorgippia (1979); 40 — Koshary settlement.

имеют как двуствольную, так и одноствольную профилировку (рис. 8).

Выборка сосудов этого типа не очень велика — это 6 целых и археологически целых амфор и 2 горла. Все целые амфоры найдены в погребениях №37, 174, 196, 313, 315 и кургане 3 (погр. 2) Прикубанского меотского некрополя (рис. 8: 33—38). Они имеют примерно одни и те же морфологические характеристики, правда, в двух случаях ручки одноствольные, в четырех других — двуствольные. Параметры разные — мы имеем дело, по меньшей мере, с тремя фракциями стандарта. Четыре амфоры из шести проис-

ходят из погребений, где иных надежных хроноиндикаторов не обнаружено (погребения №37, 174, 313 и 315). Однако для двух сосудов есть хороший хронологический контекст. Так, в погребении №196 помимо косской (рис. 8: 36) встречена амфора Икоса (прежний «псевдохерсонес») второй группы, которая надежно датируется в пределах середины — начала третьей четверти IV века (Монахов, Кузнецова 2009: 158; Monachov, Kuznetsova 2011: 247; Монахов, Федосеев 2013).

В свою очередь, есть интересные наблюдения в отношении косской амфоры из погребения №2 «кургана» №3 Прикубанского некрополя (рис. 8: 33). Этот курган представлял собой естественный холмик, в который было впущено несколько грунтовых могил. В погребении №2 иного датирующего инвентаря не обнаружено. Однако другие погребения синхронизируются вполне надежно. В погребении №1 встречены амфора типа Солоха-I с массивным грибовидным венцом и мендейская амфора первой половины IV столетия, в погребении №3 — амфора Икоса («псевдохерсонесская») второй четверти того же века (Монахов, Кузнецова 2009: 159), в погребении №4 — фасосская биконическая ранней серии и синопская пифоидного типа (Монахов 2003: 332, табл. 102: 7), которые надежно датируют погребение той же второй четвертью IV в. В соседнем погребении №8 найдена гераклейская амфора с клеймом магистрата Аристона рубежа первой и второй четвертей того же IV в. И лишь одно погребение на этом участке (погр. №7) по синопской амфоре с клеймом астинома Эпидема относится к самому началу III столетия. Таким образом, получается, что основной массив могил на этом участке некрополя относится к первой половине IV в., что дает основание предполагать и для косской амфоры из погр. 2 наиболее вероятной датировку в пределах первой половины IV столетия.

Амфорные горла II типа найдены в Горгиппии и в Кошарах в культурных слоях IV в. (рис. 8: 39, 40) и добавить что-либо к приведенной выше информации не могут.

Таким образом, второй тип косской тары выпускался параллельно с первым типом пифоидных амфор, но более короткое время — в пределах второй-третьей четвертей IV в.

Тип III косской тары относится уже к III веку, и, по моим представлениям, производство этих амфор начинается с 80—70-х годов. Это также крупные пифоиды с широким туловом (как и более ранний тип I), но с точки зрения остальной морфологии это иные сосуды. Венцы уже валикообразные, ножка низкая, валикообразная, с глубокой подрезкой на подошве. Горло сосудов в одних случаях плавно расширяется к покатым плечам, в других — имеет более или менее четкую границу. Выделяется несколько вариантов тары этого типа.

Сосуды *варианта III-А* имеют коническое горло, которое плавно переходит в покатые плечи, ручки во всех известных случаях одноствольные. Первые два сосуда происходят из раскопок поселка У7 на поселении Панское-I в Северо-Западном Крыму[11]. Первая амфора изготовлена из типичной косской тонкой глины красно-кирпичного цвета со слюдой. На горле крупное дипинти IY, а ниже, более мелко, цифровое граффити ΔΔΔΔI (рис. 9: 41) (Монахов, Слонов 1992: табл. 10, №56). У второй амфоры утрачены нижняя часть тулова и венец. Глина коричневого цвета, слоистая, с массой мелкой слюды. На ручке имеется плохо читаемое ретроградное клеймо с именем Клеарха (?) в одну строку (рис. 9: 42)[12]. Поскольку верхняя граница комплекса У7, по материалам керамической эпиграфики, приходится на середину 70-х годов III века (Монахов 1999: 509 сл.), мне представляется, что описанные амфоры должны датироваться 80—70-ми гг. III в.

Близкая по всем своим характеристикам амфора происходит из погребения №38 меотского некрополя у городища Спорное в Прикубанье (рис. 9: 43). В отличие от амфоры №41, она имеет валикообразную ножку с очень глубокой подрезкой на подошве. На ручке прямоугольное клеймо в одну строку Ξενοκρί(του), которое обычно уверенно включают в группу Никандра[13]. Обращает на себя внимание лунарная форма написа-

[11] Материалы этого интереснейшего комплекса давно подготовлены к печати в рамках российско-датского проекта, однако до сих пор они в полной мере не изданы. Существует только предварительный тезисный обзор (Монахов 1999: 509 сл., табл. 221: 1, 3).

[12] Чтение и прорисовка клейма сделаны А.Н. Щегловым, мне не удалось познакомиться с этим штампом. Аналоги мне неизвестны.

[13] Известно несколько штампов этого имени, например, в IOSPE-III в разделе «косские клейма» приведено множество клейм от двух штампов с легендой Ξενοκρί(τος), в одном случае в прямом написании, в другом — ретроградно (№174—184 и №185—200). (См. также: Штаерман 1951: 38, табл. 5, №91; Burow 1998: 114, Taf. 35, №524; Jörens 1999: 253, №863; Cankardeş-Şenol 2010: 132. Близкое имя Ξείνις см.: Штаерман 1951: 38, табл. 5, №137; Canarace 1957: 715, №718).

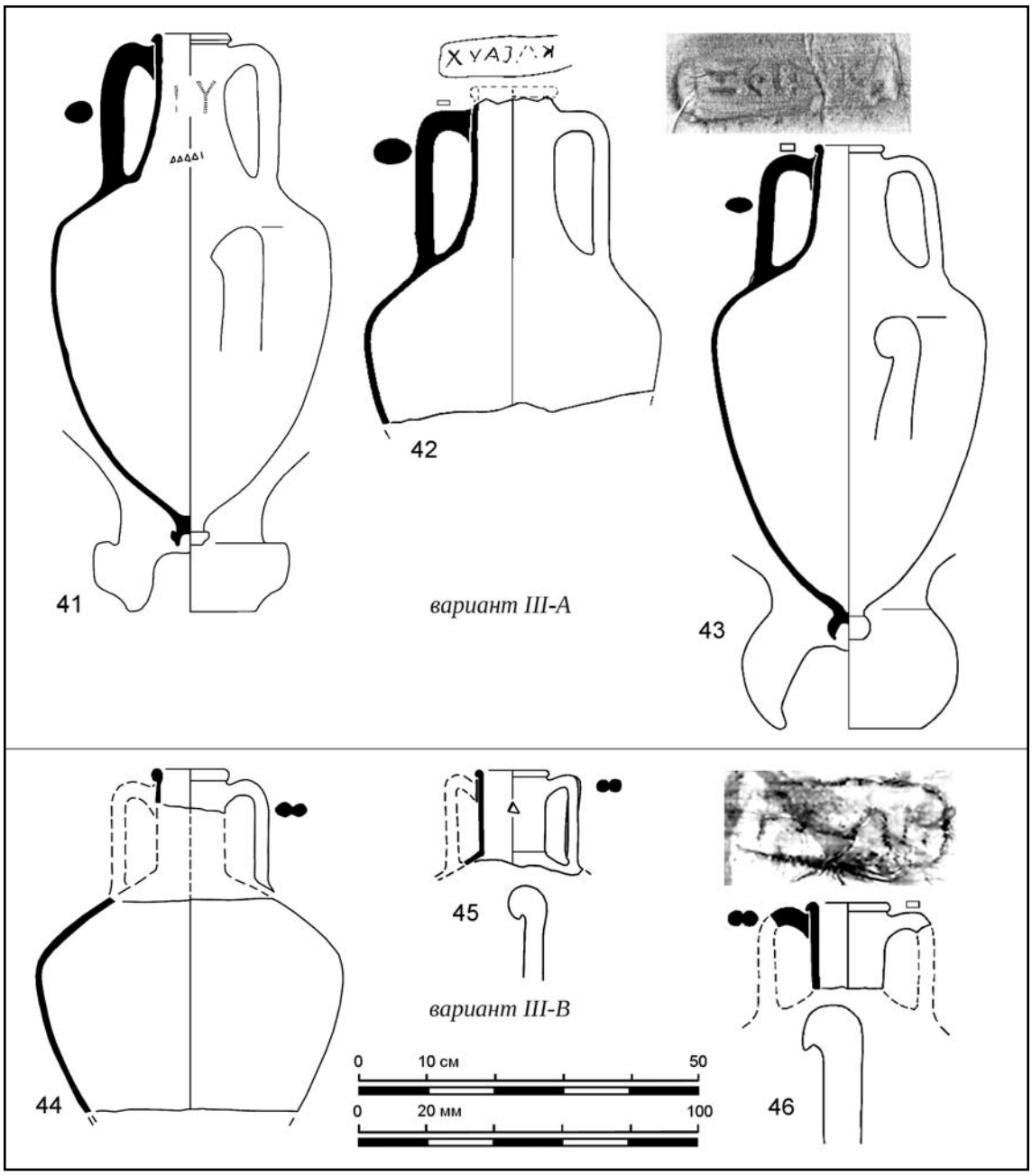

Рис. 9. Косские амфоры вариантов III-A и III-B: 41, 42 — поселок У7 поселения Панское-I (по Монахов, Слонов 1992: табл. 10, №56; Монахов 1999: 509 сл.); 43 — могильник Спорное, погр. 38 (по Бочковой и др. 2005: 173 сл., рис. 2: 7); 44, 45 — Елизаветовское городище, пом. 52 (по Монахов 1999: 491 сл., табл. 210: 4, 7; Федосеев 2010: 568, 575, рис. 2: 11; 3: 3); 46 — Новороссийский музей.

Fig. 9. Koan amphorae of III-A and III-B variants: 41, 42 — village U7 of Panskoe-I settlement (after Монахов, Слонов 1992: табл. 10, №56; Монахов 1999: 509 сл.); 43 — Spornoe burial ground, gr. 38 (after Бочковой и др. 2005: 173 сл., рис. 2: 7); 44, 45 — Elizavetovskaya hillfort, premise 52 (after Монахов 1999: 491 сл., табл. 210: 4, 7; Федосеев 2010: 568, 575, рис. 2: 11; 3: 3); 46 — Museum of Novorossiysk.

ния «эпсилона». Комплекс этого погребения довольно богатый, он включает массу сероглиняных меотских сосудов, зеркало, бусы и т. п., которые не дают оснований для точной синхронизации. Однако встреченные в этом погребении меотские бронзовые браслеты с зональным расширением, характерные для комплексов конца IV — первой трети III вв.[14], дают хотя бы какую-то привязку. Видимо, это погребение и, соответ-

[14] См., например, комплекс погребения 245в с такими браслетами: Лимберис, Марченко 2007: 97 сл., рис. 39. Благодарю И. И. Марченко за консультацию.

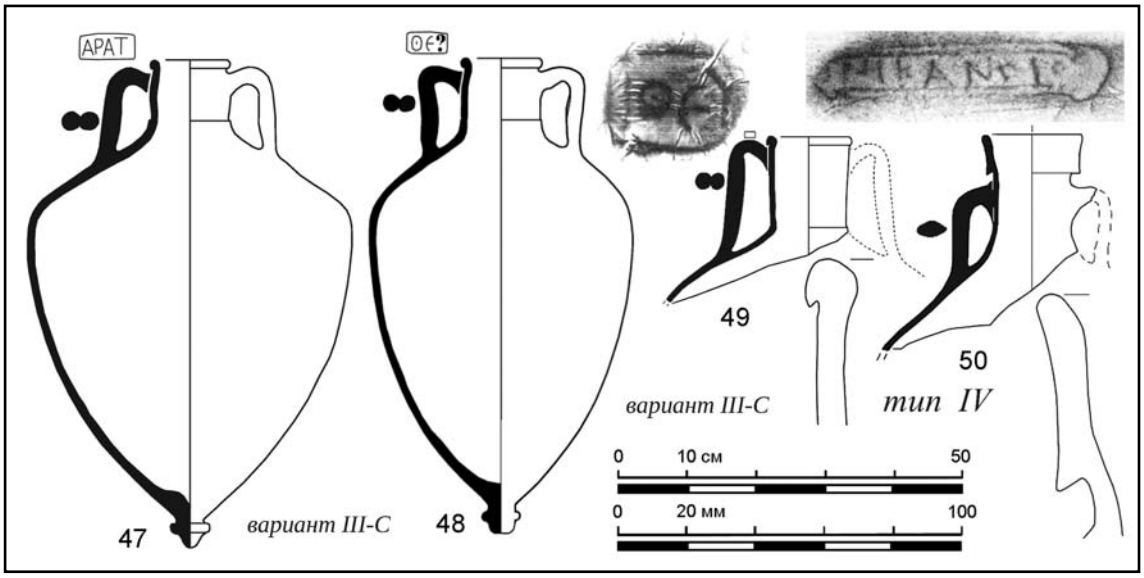

Рис. 10. Косские амфоры типа III-C и IV: 47, 48 — Пиетрою, яма (по Museteanu et al. 1978: 181 ff.; fig. 3: 5); 49 — могильник у хут. Ленина; 50 — Тира.

Fig. 10. Koan amphorae of III-C and IV types: 47, 48 — Petroiu, pit (after Museteanu et al. 1978: 181 ff.; fig. 3: 5); 49 — Lenin khutor burial ground; 50 — Tyras.

ственно, амфору, следует датировать в пределах первой трети III в. (Бочковой, Лимберис, Марченко 2005: 173 сл., рис. 2: 7)[15]. Как представляется, хронология всех сосудов этого варианта укладывается в обозначенных пределах.

Сосуды *варианта III-B* имеют цилиндрическое горло, четко отделенное от плеча, ручки двуствольные. К сожалению, этот вариант представлен фрагментированными амфорами. Две из них происходят из помещения 52 дома 13 второго греческого эмпория на Елизаветовском городище в устье Дона (рис. 9: 44, 45). Этот богатый керамический комплекс по массе синопских и херсонесских амфорных клейм абсолютно надежно датируется серединой 70-х годов III столетия (Монахов 1999: 491 сл., табл. 210: 4, 7; Федосеев 2010: 568, 575, рис. 2: 11; рис. 3: 3). Горло третьей беспаспортной амфоры из Новороссийского музея (рис. 9: 46) имеет на ручке клеймо с именем Ἕρμων, которое традиционно относят к группе Никандра[16], что дает нам основания атрибутировать эти клейма, вслед за В. Грейс, как косские.

Следующий *вариант III-C* с точки зрения морфологии характеризуется более низким горлом и представлен также тремя амфорами. Первые две амфоры происходят из ямы-хранилища в Пиетрою в Румынии (рис. 10: 47, 48) (Museteanu, Conovici, Anastasiu 1978: 181 ff., fig. 3, 5). Это крупные пифоиды с коротким горлом, в нижней части которого имеется небольшой уступ. Ножка небольшая, кубаревидная, с выраженным налепным валиком «книдского» типа. Ручки двуствольные, на одной амфоре на ручке клеймо из двух букв ΘΣ в прямоугольной рамке[17], на второй амфоре также на ручке прямоугольное клеймо с легендой ΑΡΑΤ (рис. 10: 47, 48). Специфика формы этих амфор заключается в том, что на стандартных кубаревидных ножках присутствует налепной валик, характерный не для косских, а для книдских сосудов эллинистического времени.

Еще один сосуд этого варианта представлен верхней частью амфоры той же морфоло-

[15] Авторы, ссылаясь на мое определение десятилетней давности, датируют амфору второй половиной IV в. Думаю, что ныне эту дату можно повысить до первой трети III века.

[16] Самая близкая аналогия с легендой Ἕρμονος, эмблема «кадуцей»: Штаерман 1951: рис. 5, №111. Это же клеймо: IOSPE-III. №101. Д. Ариэль опубликовал фотографии археологически целой амфоры с грибовидным венцом и клеймом иного штампа на ручке с легендой Ἑρμογ[-]. Он считает, что это клеймо датируется II в. до н.э. и должно быть атрибутировано как хиосское (Ariel 1999: 28—29, №13). Наше клеймо из Новороссийска, безусловно, иного штампа и иного времени.

[17] К сожалению, в статье румынских авторов о комплексе из Пиетрою фото клейма с легендой ΘΣ (или ΘΕ? — *С.М.*) столь плохого качества, что невозможно установить, идентично ли оно клейму на амфоре из хут. Ленина.

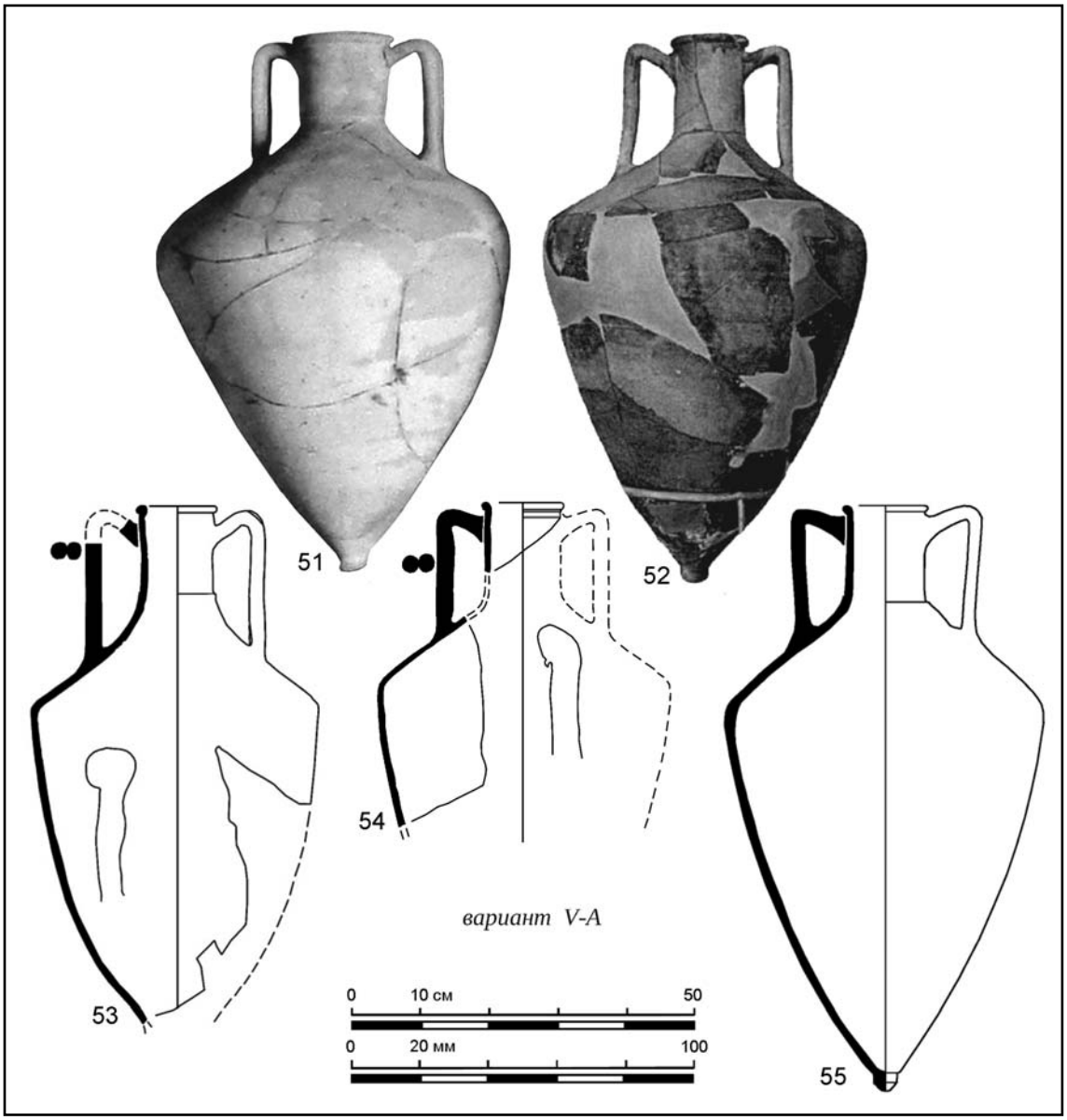

Рис. 11. Косские амфоры варианта V-A: 51, 52 — Афинская агора (по Grace: fig. 56); 53, 54 — усадьба Большой Кастель (по Монахов 1999: 565 сл.; табл. 237: 4, 5); 55 — музей Бодрума (по Empereur, Hesnard 1987: 22, 62; pl. 4: 19).

Fig. 11. Koan amphorae of V-A variant: 51, 52 — Athenian agora (after Grace: fig. 56); 53, 54 — Bolshoy Kastel estate (after Монахов 1999: 565 сл.; табл. 237: 4, 5); 55 — Museum of Bodrum (after Empereur, Hesnard 1987: 22, 62; pl. 4: 19).

гии из некрополя у хут. Ленина[18]. У этого сосуда горло несколько выше, чем у предыдущих, а на ручке стоит клеймо ΘΕΥ (рис. 10: 49)[19], возможно, того же штампа, что и на амфоре из Пиетрою.

Если хронология последней амфоры не устанавливается, то датировка комплекса Пиетрою определяется достаточно надежно по найденным там родосским клеймам магистрата Тимострата и фабриканта Гиеротела в пределах второй половины 60-х — начала 50-х годов III века (Монахов 1999: 532—537, табл. 225). Видимо, хронологические рамки варианта III-C можно ограничить второй-третьей четвертями III в. Возможно, что подобные сосуды выпускались и до конца этого столетия.

К **IV типу косской тары** сугубо предположительно можно отнести верхнюю

[18] Раскопки О. Куликовой 1970-х годов. Материал из этого некрополя депаспортизирован и в значительной степени утрачен, отчет отсутствует.

[19] Этот штамп присутствует в своде IOSPE-III в разделе «неопределенные центры» (№ 1718—1720). Есть он также в статьях Л. А. Ельницкого и Е. М. Штаерман (Ельницкий 1940: 32; Штаерман 1951: рис. 5, № 149).

часть амфоры из раскопок в Тире с клеймом Νικανόρο[ς] (рис. 10: 50)[20]. По своей морфологии эта амфора очень близка сосуду с Афинской агоры следующего типа V, отличается только профилировка венца. Последний не валикообразный, как у сосуда из Афин, а имеет скорее «воротничковую» профилировку и несколько отогнут наружу (высота венца 58 мм). Несмотря на все усилия, аналог клейму мне найти не удалось. По характерным признакам — имя в одну строку, ограниченное сверху и снизу чертами, —оно довольно типично для группы Никандра. Основания для независимой синхронизации этого сосуда отсутствуют, но мне представляется, что он должен датироваться серединой — второй половиной III в.

V тип косской тары хронологически укладывается в пределы второй половины III — I вв. Эти сосуды во многом копируют родосские амфоры этого времени: у них высокое цилиндрическое горло с валикообразным венцом, широкое овоидное тулово с пологими плечами. Ручки двуствольные с резким переломом, поднимаются до уровня венца или даже выше, ножка кнопкообразная.

К *варианту V-A* следует отнести, прежде всего, две клейменые амфоры с Афинской агоры, опубликованные в свое время В. Грейс. Первая из них имеет плавный изгиб двуствольных ручек, как у родосских амфор первой половины III в., на ручке стоит клеймо Никандра (рис. 11: 51) (Grace 1979: fig. 56, на фото первая слева). По моим представлениям, ее следует относить ко второй половине III столетия.

Вторая амфора морфологически близка первому сосуду, однако двуствольные ручки имеют уже резкий перелом (рис. 11: 52) (Grace 1979: fig. 56, на фото вторая слева). На одной из ручек плохо оттиснутое клеймо, от которого сохранилось лишь 3 буквы]ΕΚΑ[(альфа перевернута). В. Грейс восстанавливала там имя Гекатея и по стратиграфии датировала амфору временем около 200 г. (Grace 1949: 185—188; pl. 19: 8; 20: 10; Grace, Savvatianou-Petropulakou 1970: 364—366. Inv. P 2980), хотя позднее отнесла к первой половине II в.[21] Ж.-И. Амперер и Ф. Эснар в своей работе также отнесли этот сосуд ко второй четверти II в. (Empereur, Hesnard 1979: 62). Следует упомянуть такой же почти целый сосуд, найденный в доме с андроном в Керкинитиде (Кутайсов 1985: 182, рис. 5: 2)[22].

Еще две фрагментированные косские амфоры с двуствольными ручками варианта V-A происходят из усадьбы Большой Кастель в Северо-Западном Крыму (рис. 11: 53, 54). Они имеют такое же широкое тулово и относительно невысокое горло, плавно переходящее в пологие плечи. В нижней части горла имеется небольшой «воротничок». Ручки изгибаются достаточно плавно. Усадьба окончательно гибнет в пожаре на рубеже первой и второй четвертей II в., что подтверждается набором синопских, родосских и книдских клейм (Кац 1994: 58, 64; Монахов 1999: 565 сл., табл. 237: 4, 5).

Наконец, последняя амфора варианта V-A найдена в море у берегов Турции и хранится в музее Бодрума (рис. 11: 55). Авторы публикации датируют ее II веком (Empereur, Hesnard 1987: 22, 62, pl. 4: 19).

В свою очередь, *вариант V-B* отличается более вытянутыми пропорциями, у него высота увеличивается при одновременном уменьшении диаметра тулова, собственно, амфора приобретает веретенообразную (или сигаровидную) профилировку. Датируется этот вариант в пределах конца II — первой трети I вв. Сюда можно отнести амфору из раскопок на Делосе (рис. 12: 56), которую датируют временем до 69 года (Empereur, Hesnard 1987: 22, 62, pl. 4: 20), а также 3 сосуда из кораблекрушения у Антикиферы, относимых ко второй четверти I в. (рис. 12: 57) (Grace 1965: 10, 11 ff., fig. 1, 4; Hesnard 1986: 75 ff.; fig. 2: a).

Обозначенным временем в доступной мне выборке исчерпывается подборка несомненно косских амфор с характерной тонкой глиной с примесью слюды и плотным ангобом, хотя нет сомнений, что производство керамической тары на острове продолжалось и позднее. Зато есть относительно представительный ряд находок амфор «косской морфологии», произведенных в иных центрах.

«**Псевдокосские**» амфоры встречаются в Причерноморье достаточно часто. Все они имеют глину совершенно иной структуры, чем у стандартных косских сосудов. Судя

[20] Раскопки 1975 года, хранится в ОАМ, №85933. Глина плотная, красновато-коричневая, с большим количеством мелкой слюды. Ангоб плотный, коричнево-серый. Опубликована только фотография, о клейме на ручке не упоминается (Самойлова 1988: рис. 20: 5. Автор определяет эту амфору как коринфскую. Контекст находки неясен).

[21] Информация из личного письма автору в середине 80-х годов.

[22] Археологический контекст не дает оснований для узкой датировки.

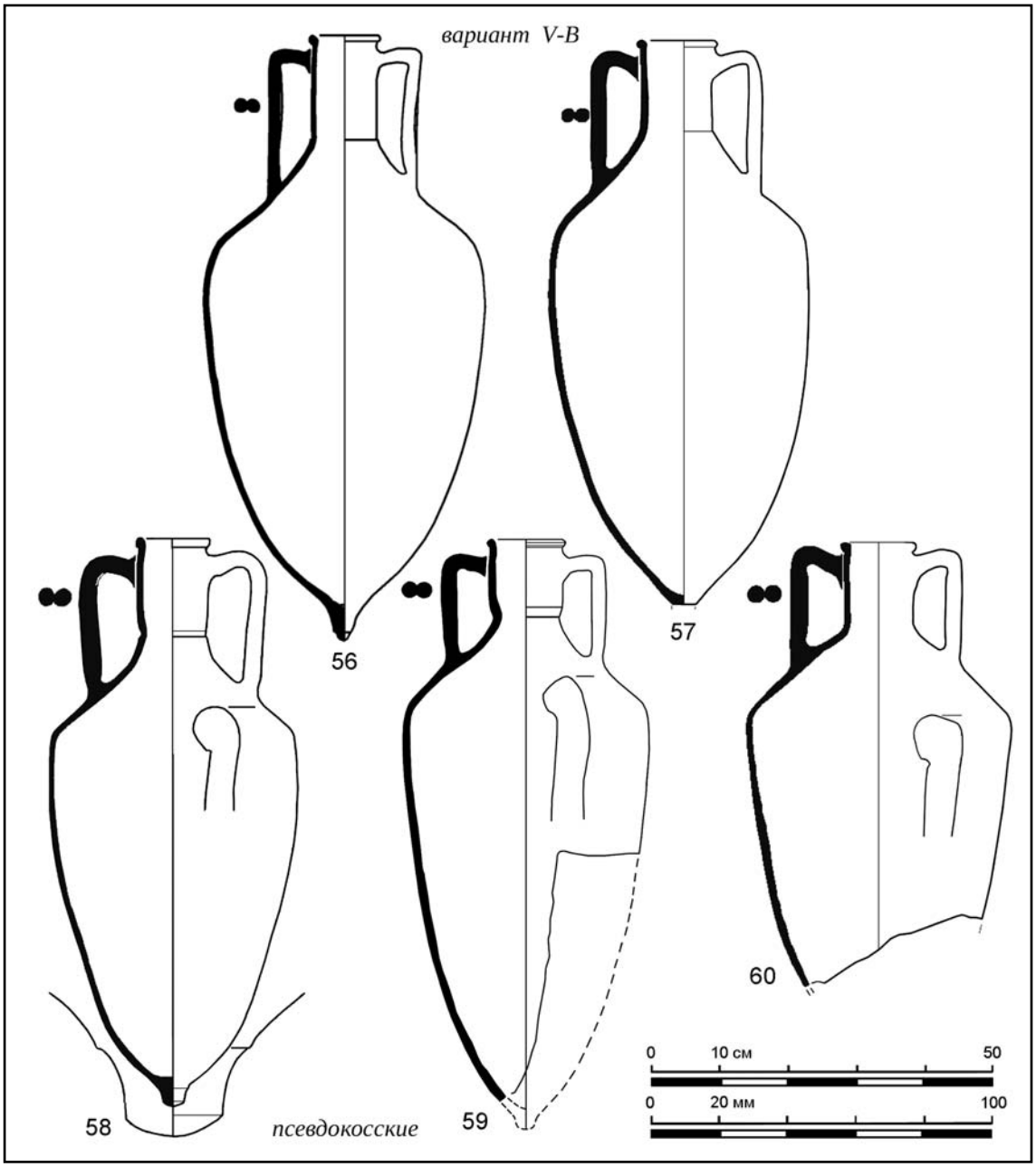

Рис. 12. Косские амфоры варианта V-B (56, 57) и псевдокосские амфоры (58—60): 56 — Делос (по Empereur, Hesnard 1987: 22, 62; pl. 4: 20); 57 — из кораблекрушения у о. Антикифера (по Hesnard 1986: 75 ff.; fig. 2: a); 58 — Старокорсунский могильник, погр. 393з (1997); 59 — Фанагорийский некрополь, погр. 20; 60 — Фанагорийский некрополь, погр. 42.

Fig. 12. Koan amphorae of V-B variant (56, 57) and pseudo-Koan amphorae (58—60): 56 — Delos (after Empereur, Hesnard 1987: 22, 62; pl. 4: 20); 57 — Antikythera shipwrecking (after Hesnard 1986: 75 ff.; fig. 2: a); 58 — Starokorsunsky burial ground, gr. 393z (1997); 59 — Phanagoria burial ground, gr. 20; 60 — Phanagoria burial ground, gr. 42.

по примесям, такие сосуды следует считать продукцией Гераклеи или Синопы (Внуков 2003). В доступных мне коллекциях известны следующие находки.

Амфора из погребения 393з (1997) могильника Старокорсунского городища №2 (рис. 12: 58). Глина типично гераклейская — красно-коричневая, яркая, с массой коричневых и черных включений. Морфологически она (Лимберис, Марченко 2005: 240)[23] ближе всего стоит к косским амфорам варианта V-B с Делоса и Антикиферы, имея «сигарообразную» форму тулова, высокое горло, достаточно плавный изгиб ручек, такую же

[23] Это погребение не опубликовано, упоминается только лепной горшок из него. Благодарю авторов за консультации.

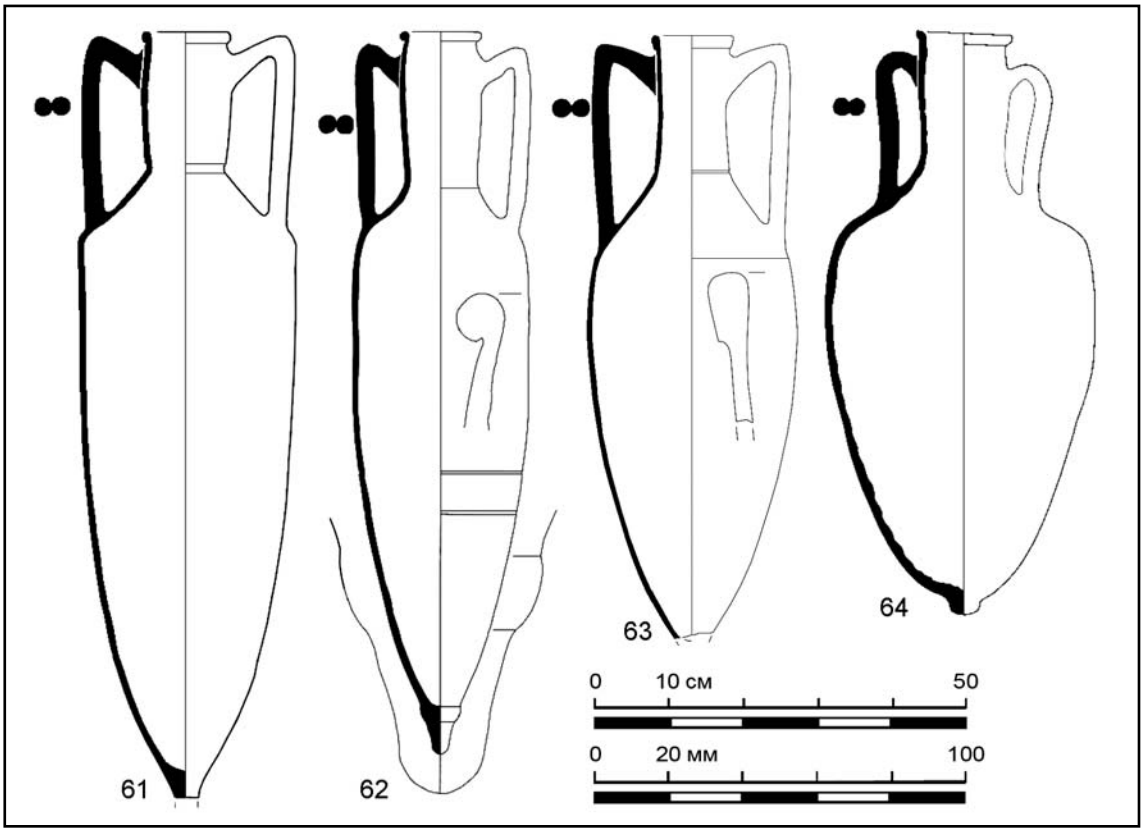

Рис. 13. Псевдокосские амфоры: 61 — Евпаторийский музей; 62 — Старокорсунский могильник, яма; 63 — Ольвия (1981); 64 — могильник Спорное, погр. 136 (по Бочковой, Лимберис, Марченко 2005: 173, 180; рис. 8: 3).

Fig. 13. Pseudo-Koan amphorae: 61— Museum of Eupatoria; 62 — Starokorsunsky burial ground, pit; 63 — Olbia (1981); 64 — Spornoe burial ground, gr. 136 (after Bochkovoi, Limberis, Marchenko 2005: 173, 180; рис. 8: 3).

профилировку ножки и двуствольные ручки. Представляется, что и датироваться она должна так же — в пределах конца II — первой трети I вв.

Амфоры из погребений №20 и 42 Фанагорийского Восточного некрополя (рис. 12: 59, 60) имеют уже достаточно резкий перелом ручек. По глине и морфологии они близки сосуду из погребения 393з.

Несколько иную морфологию имеет амфора из экспозиции Евпаторийского музея (рис. 13: 61). У нее достаточно высокое горло, слегка раздутое в средней части, на границе горла и плеча желобок. Тулово «сигарообразное», ручки двуствольные, с резким переломом. Еще одна близкая по морфологии амфора происходит из хозяйственной ямы «О» на некрополе Старокорсунского городища №2 (2004 года)[24]. Глина, как и у предыдущего сосуда, гераклейская по визуальным характеристикам. Амфора имеет высокое, слегка раздутое в средней части горло, вытянутое цилиндрическое сужающееся книзу тулово на желудеобразной ножке (рис. 13: 62). По современным представлениям, такие сосуды включаются в тип С-I и датируются постмитридатовским временем, т.е. серединой — второй половиной I в. до н.э., может быть, даже началом I в.н.э. (Внуков 2003: 43 сл., рис. 10; 2006: 167 сл.).

Еще одна псевдокосская амфора происходит из Ольвии (1981 год), где она обнаружена в неясном контексте (рис. 13: 63). Таких сосудов довольно много встречено в Калос Лимене, они имеют очень пологие плечи и плавно вытянутое овоидное тулово. С.Ю. Внуков относит их к одному из вариантов типа Син-3 и датирует от середины I в. до н.э. вплоть до середины I в.н.э. (Внуков 2003: 141 сл., 202, рис. 57).

Особняком среди псевдокосских стоит амфора из погребения 136 могильника у городища Спорное (рис. 13: 64). Глина у сосуда грубая, красно-коричневая, с массой коричневых и черных включений (Бочковой, Лимберис, Марченко 2005: 173, 180, рис. 8: 3). Морфологически она сильно отличается от предыдущих, поскольку имеет факти-

[24] Благодарю Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко за разрешение использовать данный артефакт.

Таблица 2.

Метрические характеристики амфор

№ п/п	Место находки	Линейные размеры, мм						Емкость, л*	Клеймо, граффито	Рис.
		H	Ho	H1	H3	D	d1			
косские «раннего» варианта I-A										
1	Мастерская Кос-Меропис	~685	~645			~435	~165		APX(-)	2: 1
2	Мастерская Кос-Меропис	~650	~625			~375	~160		APX(-)	2: 2
3	Колодец «А» в Галикарнасе	~770	~710			415				2: 3
4	Колодец «А» в Галикарнасе						~145			2: 4
5	Кораблекрушение у Балеарских о-в								AN(–) лист	2: 5
6	Мог-к Прикубанский, п. 103 (12), КГИАМЗ	754	692	300	~140	466	168			3: 6
7	Мог-к Прикубанский п. 402 (2), КГИАМЗ	690	645	240	~125	422	176			3: 7
8	Мог-к Старокорсунский, п. 356з, КГИАМЗ	774	720	300	150	416	188			3: 8
9	Горгиппия, 1979, яма, ААМ				175		184			3: 9
косские серии I-B-1 «позднего» варианта I-B										
10	Мог-к «Дачи», случ. находка, КГИАМЗ	678	640	260	132	394	154			4: 10
11	Мог-к Усть-Лабинский, п. 3 (1938)	~810	~710	~330		~420	~145			4: 11
12	Мог-к Прикубанский п. 165 (5), КГИАМЗ	752	690	285	~150	436	164			4: 12
13	Мог-к Прикубанский п. 335 (10), КГИАМЗ	740	686	280	160	436	144			4: 13
14	Мог-к Старокорсунский, п. 2 (№2), КГИАМЗ	758	680	310	~156	452	160	46,00		4: 14
15	Поселение «Госпиталь», компл. 3, КИКЗ				140		150			4: 15
16	Мог-к Старокорсунский, п. 1 (№1), КГИАМЗ.	733	672	325	~154	432	139			5: 16
17	Мог-к Старокорсунский, п. 1 (№2), КГИАМЗ	738	672	308	~170	427	156			5: 17
18	Мог-к Старокорсунский, п. 3 (№20), КГИАМЗ	692	653	320	~175	418	170		ΒΛΑC(-)	5: 18
19	Мог-к Старокорсунский, п. 3 (№10)	754	705	340	~178	440	170			5: 19
20	Мог-к Прикубанский, п. 206 (4), КГИАМЗ		~580		~155		~170			5: 20
21	Мог-к у хут. Ленина, п. 29, КГИАМЗ	733	666	314	145	446	154	42,88		5: 21
косские серии I-B-2 «позднего» варианта I-B										
22	Мог-к Прикубанский, п. 45 (1), КГИАМЗ		665	330	~140	454	122			6: 22
23	Мог-к Прикубанский, п. 14 (1), КГИАМЗ	708	648	280	~135	454	126			6: 23
24	Мог-к Прикубанский, п. 65 (68), КГИАМЗ	718	664	290	~124	444	128			6: 24
25	Мог-к Прикубанский, п. 331 (13), КГИАМЗ					508				6: 25
26	Мог-к Прикубанский, п. 140, КГИАМЗ				~158		124			6: 26
27	Мог-к Прикубанский, п. 15 (1), КГИАМЗ					~435				6: 27
28	Херсонес, У26, цистерна, НЗХТ				125		125			7: 28

* Емкость определена математически по обмерному чертежу.

Таблица 2 (продолжение).

№ п/п	Место находки	Линейные размеры, мм						Емкость, л*	Клеймо, граффито	Рис.
		H	Ho	H1	H3	D	d1			
29	Каллатис (по Avram 1989)									7: 29
30	Горгиппия, п. 25, ААМ	~747	~660	~185		446		37,97		7: 30
31	Мог-к у хут. Ленина, п. 24, КГИАМЗ	715	656	295	143	394	140	31,54	моно-грамма	7: 31
32	Мирмекий, 1953, ГЭ. МН.53.10	536	500	245	140	347	118			7: 32
косские типа II										
33	Мог-к Прикубанский, к. 3. п. 2, КГИАМЗ	770	690	290	~188	430	116			8: 33
34	Мог-к Прикубанский, п. 315 (3), КГИАМЗ				180	~390	124			8: 34
35	Мог-к Прикубанский, п. 37 (1), КГИАМЗ	772	700	280	~165	358	126			8: 35
36	Мог-к Прикубанский, п. 196 (4), КГИАМЗ	845	770	310	215	378	128			8: 36
37	Мог-к Прикубанский, п. 174 (4), КГИАМЗ.	692	634	250	168	320	~110			8: 37
38	Мог-к Прикубанский, п. 313 (3), КГИАМЗ		~687	330	202	335	112			8: 38
39	Горгиппия, 1979, яма, ААМ				175	114	184			8: 39
40	Кошары, ОАМ.						107			8: 40
косские варианта III-A										
41	Панское-1, У7-2/80, ИИМК	750	710	355	200	415	118			9: 41
42	Панское-1, У7/1, Оп. 20/36, ИИМК			360		432			Клеарх(?)	9: 42
43	Мог-к Спорное, п. 38 (3), КГИАМЗ	728	692	300	150	398	110		Ξενοκρί(του)	9: 43
косские варианта III-B										
44	Елизаветовка-1986, п. 52, РОМК					465	116			9: 44
45	Елизаветовка-1986, п. 52, РОМК				120		108			9: 45
46	НИМЗ				~125		122		῾Ερμων	9: 46
косские варианта III-C										
47	Пиетрою, яма	710	640	260	90	470	115	40,00	АРАТ	10: 47
48	Пиетрою, яма		655	260	90	380	120	40,00	ΘΣ	10: 48
49	Мог-к у хут. Ленина, КГИАМЗ				110		124			10: 49
косские типа IV										
50	Тира, ОАМ, №85933, БД-75				165		146			10: 50
косские варианта V-A										
51	Афины									11: 51
52	Афины, SS8214	785		~310	~160	450		44,17	?	11: 52
53	Бол. Кастель, 109-2, ИИМК			300	165	422	118			11: 53
54	Бол. Кастель, 117-6, ИИМК			~280		~420	118			11: 54
55	Музей Бодрума, Em-pereur, №19	830				457				11: 55
косские варианта V-B										
56	Делос, Empereur, №20	860				400				12: 56
57	Антикифера									12: 57
псевдокосские										
58	Мог-к Старокорсунский, 1997, п. 393з, КГИАМЗ	836	796	380	624	366	110			12: 58
59	Фанагория, некр., 2005, п. 20. ТАМ			305	~118	360	116			12: 59
60	Фанагория, некр., 2012, п.42. ТАМ			265	125	386	110			12: 60

Таблица 2 (окончание).

№ п/п	Место находки	Линейные размеры, мм						Емкость, л*	Клеймо, граффито	Рис.
		H	Ho	H1	H3	D	d1			
61	Евпаторийский музей, экспозиция			280	176	290	120			13: 61
62	Мог-к Старокорсунский, 2004, яма, КГИАМЗ	975	908	380	218	238	110			13: 62
63	Ольвия, 1981, ИИМК		820	300	190	282		21,50		13: 63
64	Мог-к Спорное, п. 136, КГИАМЗ	790	760			370				13: 64

чески пифоидное, а не «сигарообразное» тулово, несколько раздутое в нижней части. Ручки также двуствольные, слегка прогнутые в средней части. Амфора надежно датируется, по найденному в погребении литому стеклянному канфару, первой половиной I в. (Засецкая, Марченко 1995: 96).

Таким образом, можно констатировать, что Кос был одним из самых активных участников международной виноторговли и, как представляется, поставлял на средиземноморско-причерноморский рынок объемы товарного вина, сопоставимые с импортом Хиоса, Фасоса, Милета, Родоса и других прославленных винодельческих центров. На сегодняшний день мы можем выделить косскую тару с начала IV по I вв. Высокие вкусовые характеристики косского вина способствовали тому, что с эпохи эллинизма косская тара находила подражание во многих центрах, а с митридатовского времени она копировалась или ее формы брались за образец в южнопонтийских центрах — Гераклее Понтийской и Синопе.

Литература

Анфимов Н.В. 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. *МИА* 23, 155—207.

Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2005. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное. *МИАК* 5, 172—218.

Брашинский И.Б. 1965. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья. *Eirene: studia Graeca et Latina* IV, 89—110.

Брашинский И.Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону*. Ленинград: Наука.

Брашинский И.Б. 1984. *Методы исследования античной торговли*. Ленинград: Наука.

Внуков С.Ю. 2003. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II вв.н.э. (морфология)*. Москва: Институт археологии РАН.

Внуков С.Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в.н.э. (петрография, хронология, проблемы торговли)*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Граков Б.Н. 1956. *Косские клейма. Клейма на ручках косских амфор*. Архив ИА РАН. Ф. Р-2.

Ельницкий Л.А. 1940. О боспорских амфорных клеймах. *ВДИ* (3—4), 318—324.

Засецкая И.П., Марченко И.И. 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени. *АСГЭ* 32, 90—104.

Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора*. МИА 83.

Золотарев М.И., Туровский Е.Я. 1990. К истории античных сельских усадеб на Гераклейском полуострове. В: Виноградов Ю.Г. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье*. Одесса: Одесский охранный археологический центр, 71—89.

Кац В.И. 1972. О времени возникновения сельских усадеб на Гераклейском полуострове. *АМА* 1, 28—37.

Кац В.И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель*. Саратов: Саратовский университет.

Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. БИ XVIII. Симферополь; Керчь.

Капошина С.И. 1959. Некрополь в районе пос. им. Войкова. *МИА* 69, 108—153.

Кутайсов В.А. 1985. Дом с андроном из раскопок Керкинитиды. *СА* (3), 178—190.

Куфтин Б.А. 1949. *Материалы по археологии Колхиды*. Тбилиси: Мицниереба.

Лейпунская Н.А. 1981. *Керамическая тара из Ольвии (из опыта изучения амфор VI—IV вв. до н.э.)*. Киев: Наукова думка.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2006. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани. *МИАК* 6, 152—181.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2001. Импортная и местная керамика из погребений нового меотского могильника в Прикубанье. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 153—160.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани. *МИАК* 5, 219—324.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища №2 в 2006 г. *МИАК* 7, 70—150.

Маринович Л.П. 1998. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена»). *ПИФК* VI, 4—30.

Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э.* Саратов: Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре*. Москва: Киммерида; Саратов: Саратовский уни-

верситет.
Монахов С.Ю., Слонов В.Н. 1992. К реконструкции античной методики расчета и моделирования древнегреческих амфор. *ВДИ* (2), 97—110.
Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2009. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV в. до н.э. В: Копылов В.П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время*. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 148—161.
Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. 2013. Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса. *АМА* 16, 255—266.
Самойлова Т.Л. 1988. *Тира в VI—I вв. до н.э.* Киев: Наукова думка.
Шевченко Н.Ф. 2004. Материалы исследований некрополя Горгиппии в 2003 г. *МИАК* 4, 186—211.
Штаерман Е.М. 1951. Керамические клейма из Тиры (в связи с вопросом о клеймах неизвестных центров). *КСИИМК* XXXVI, 31—49.
Улитин В.В. 2004. Амфоры Пашковского могильника №6. *МИАК* 4, 146—185.
Улитин В.В. 2005. Амфорный импорт в Усть-Лабинской меотской группе памятников. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Четвертая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: Символика, 275—278.
Федосеев Н.Ф. 1991. Поселение «Госпиталь». В: Яковенко Э.В. (отв. ред.). *Проблемы археологии и истории Боспора*. Керчь: Таврия, 29—31.
Федосеев Н.Ф. 1994. Исследование поселения «Госпиталь». В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму*. Симферополь: Таврия, 249—250.
Эрлих В.Р. 2009. Курганы из окрестностей станицы Некрасовской: новое обращение к старым материалам. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: Кубанский государственный университет, 456—460.
Avram A. 1989. Wo sind die Amphoren vom Typ “Solocha I” hergestellt worden? *Dacia* XXXIII, 1—2, 247—252.
Ariel D.T. 1999. Stamped Amphora Handles from Giv’at Yasaf (Tell er-Ras). *Atiqot* XXXVII, 28—29.
Arribas et al. 1987: Arribas A., Trias G., Gerda D., Hoz J. 1987. *El Barco de el Sec (Costa de Calvia, Mallorca). Estudio de los materiales.* Mallorca.
Balkanska A., Tzochev C. 2008. Amphora Stamps from Seuthopolis — Revised. In: Gergova D. (ed.). *Phosphorion. Studia in honorem Mariae Čičikova.* Sofia: Ed. “Prof. Marin Drinov”, 188—205.
Burow J. 1998. Die übrigen Stempel aus Pergamon. In: *Die Hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon.* Berlin: Walter de Gruyter, 73—160.
Canarace V. 1957. *Importul amforelor ştampilate la Istria.* Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Române.
Cankardeş-Şenol G. 2010. Nikandros Group: Matrix Studies on the Amphora Stamps of the Group. *OLBA* XVIII. Mersin, 125—139.
Eiseman C.J. 1987. *The Porticello Shipwreck (A Mediterranean Merchant Vessel of 415—385 B.C.)*. Texas.
Empereur J.-Y. 1982. Les anses d’amphores timbrées et les amphores: aspects quantitatifs. *BCH* 106, 219—233.
Empereur J.-Y., Hesnard A. 1987. Les amphores hellénistiques. In: Levêque P., Morel J.-P. (ed.). *Céramiques hellénistiques et romaines* II. Besançon, 10—49.
Gassner V. 1997. Amphoren. Das Südtor der Tetragonos-Agora. Keramik und Kleinfunde. *Forschungen in Ephesos* XIII (1/1). Wien, 105—113.
Georgopoulos V. 2004. The Archaeological Evidence of Coan Amphorae from Kardamaina (Ancient Halasarna). In: Höghammar K. (ed.). *The Hellenistic Polis of Kos. State, Ekonomy and Culture.* Uppsala: Boreas, 129—132.
Georgopoulos V. 2005. The dissemination of transport amphorae from Cos. A Contribution to the study of the Coan trade in the Eastern Mediterranean during the Hellenistic Period. In: Briese M., Vaag L. (eds.). *Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence*. Southern: Press of Southern Denmark, 179—183.
Georgieva N. 2002. The Amphorae with Wineglass-Shaped Feet of “Porticello” and “Melitopol” Types: Mende or Kos? *AJA* 106 (2), 253.
Grace V. 1949. Standard pottery containers of the ancient Greek World. *Hesperia.* Suppl. VIII, 175—189.
Grace V. 1965. The Commercial Amphoras from the Antikythera Shipwreck. *Transaction of the American Philosophical Society* 55 (3), 5—17.
Grace V. 1979. *Amphoras and the Ancient Wine Trade*. Athens; New Jersey: American School of Classical Studies.
Grace V., Savvatianou-Petropulakou M. 1970. Les timbres amhoriques grecs. *Exploration archéologique de Delos* XXVII. Paris, 277—382.
Finkielsztejn G. 2004. Koan Amphorae Imported in the Southern Levant in the Hellenistic Period. In: Höghammar K. (ed.). *The Hellenistic Polis of Kos*. Uppsala: Boreas, 153—164.
Johnson H. 2004. The Export of Koan Wine to the Southeastern Mediterranean Area during the Hellenistic Period. In: Höghammar K. (ed.). *The Hellenistic Polis of Kos.* Uppsala: Boreas, 133—151.
Jörens G. 1999. *Amphorenstempel im Nationalmuseum von Athen*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
Jefremow N. 1995. *Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München: Fotodruck Frank GmbH.
Hein et al. 2008: Hein A., Georgopoulou V., Nodarou E., Kilikoglou V. 2008. Koan amphorae from Halasarna — investigations in a Hellenistic amphora production centre. *Journal of Archaeological Science* 35 (4), 1049—1061.
Hesnard A. 1986. Imitations et raisonnement archéologique: à propos des amphores de Rhodes et Cos. *BCH*. Suppl. XIII, 75—79.
Καντζια Χ. 1994. ’Ενα κεραμικὸ ἐργαστήριο ἀμφορέων τοῦ πρώτου μισοῦ τοῦ 4ου αι. π.Χ. στὴν Κῶ. In: *Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική*, Αθήναι, 323—354.
Knigge U., Tancke K. 2005. *Der Bau Z.* Kerameikos XVII. München.
Lawall M.L. 2004. Archaeological Context and Aegean Amphora Chronologies: A Case Study of Hellenistic Ephesos. In: Eiring J., Lund J. (eds.). *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean* 5. Athens: Monographs of Danish Institute at Athens, 170—188.
Lawall M.L. 2005. Negotiating Chronologies: Aegean Amphora Research, Thasian Chronology, and Pnyx III. Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400—100 BC. *Black Sea Studies* 3. Aarhus, 31—67.
Lawall M.L. 2007. Hellenistic stamped Amphora Handles. *Forschungen in Ephesos* IX (2/3). Wien, 28—60.

Lawall M. L. 2010. Imitative Amphoras in the Greek World. *Marburger Beiträge zur antiken Handels-, Wirtschaft- und Sozialgeschichte* 28, 45—88.

Maiuri A. 1925. *Nuova silloge epigrafica di Rodi e Cos*. Florence: Felice le Monnier.

Μακαρονας Χ. 1960. ’Ανασκαφαί Πέλλης 1957-1960. *’Αρχαιολογικόν δελτίον* 16. Αθήναι, 72—83.

Museteanu C., Conovici N., Anastasiu A. 1978. Contribution au problème de l’importation des amphores greques dans le sud-est de la Muntenie. *Dacia* XXII, 173—199.

Micha P. 2005-2006. Amphora Shipwrecks in the Aegean. A Database of the Eporate of Underwater Antiquities. *Skyllis* 7, 82—93.

Monachov S. Ju., Kuznetsova E. V. 2011. About One Series of Amphorae from Unknown Dorian Centre of the Fourth Century BC (former «Bosporan» or «Early-Chersonesean»). *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Patabs* II. Sofia, 245—278.

Nørskou V., Lund J. 2002. Transport amphorae. The Maussolleion at Halikarnassos. *Reports of the Danish Archaeological Expedition to Bodrum* 7. *The Pottery*. Aarhus, 56—68.

Papuci-Wladyka E. 1997. A Research Report on Hellenistic Pottery: Cos amphoras. *Studies in Ancient Art and Civilization* 8. Krakov, 47—54.

Rotroff S. 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and imported Wheelmade Table Ware and Related Material. *The Athenian Agora* XXIX, 1—574.

Vogeikoff-Brogan N., Apostolakou S. 2004. New Evidence of Wine Production in East Crete in the Hellenistic Period. In: Eiring J., Lund J. (eds.). *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean* 5. Aarhus, 417—427.

References

Anfimov, N. V. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 23, 155—207 (in Russian).

Bochkovoy, V. V., Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2005. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and researces on the archaeology of Kuban)* 5, 172—218 (in Russian).

Brashinsky, I. B. 1965. In *Eirene: studia Graeca et Latina* IV, 89—110 (in Russian).

Brashinsky, I. B. 1980. *Grecheskii keramicheskii import na Nizhnem Donu (Greek ceramic import in Lower Don region)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Brashinsky, I. B. 1984. *Metody issledovaniia antichnoi torgovli (Methods of research of ancient trade)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Vnukov, S. Yu. 2003. *Prichernomorskie amfory I v. do n. e. — II vv. n. e. (morfologiia) (Norhern Pontic amphorae from 1st century BC — 2nd century AD (morphology))*. Moscow: Institut arkheologii RAN (in Russian).

Vnukov, S. Yu. 2006. *Prichernomorskie amfory I v. do n. e. — II v. n. e. (petrografiia, khronologiia, problemy torgovli) (Norhern Pontic amphorae from 1st century BC — 2nd century AD (petrography, chronology, problems of trade))*. Saint Petersburg: Aleteiia (in Russian).

Grakov, B. N. 1956. *Kosskie kleima. Kleima na ruchkakh kosskikh amfor (Koan stamps. Stamps on the handles of Koan amphorae)*. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institut of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). F. R-2 (in Russian).

Elnitsky, L. A. 1940. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3—4), 318—324 (in Russian).

Zasetskaya, I. P., Marchenko, I. I. 1995. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 32, 90—104 (in Russian).

Zeest, I. B. 1960. *Keramicheskaia tara Bospora (Bosporan ceramic ware)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 83 (in Russian).

Zolotarev, M. I., Turovsky, E. Ya. 1990. In *Drevnee Prichernomor’e (Ancient Pontic region)*. Odessa: Odesskii okhrannyi arkheologicheskii tsentr, 71—89 (in Russian).

Kac, V. I. 1972. In *Antichnyi mir i arkheologiia (Anciet world and archaeology)* 1, 28—37 (in Russian).

Kac, V. I. 1994. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo. Katalog-opredelitel’ (Ceramic stamps of Tauric Chersonesos. Catalogue and guide)*. Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Kac, V. I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) (Greek ceramic Classic and Hellenistic stamps (a complex study))*. Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies) XVIII. Simferopol; Kerch (in Russian).

Kaposhina, S. I. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 69, 108—153 (in Russian).

Kutaisov, V. A. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 178—190 (in Russian).

Kuftin, B. A. 1949. *Materialy po arkheologii Kolkhidy (Materials on the archaeology of Colchis)*. Tbilisi: Mitsniereba (in Russian).

Leipunskaya, N. A. 1981. *Keramicheskaia tara iz Ol’vii (iz opyta izucheniia amfor VI—IV vv. do n. e.) (Ceramic ware from Olbia (from the research of amphorae of 6th—4th centuries BC))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2006. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and researces on the archaeology of Kuban)* 6, 152—181 (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2001. In *Bosporskii fenomen (The Bosphoran phenomenon)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 153—160 (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2005. In *Materialy i issledovania po arkheologii Kubani (Materials and researces on the archaeology of Kuban)* 5, 219—324 (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2007. In *Materialy i issledovania po arkheologii Kubani (Materials and researces on the archaeology of Kuban)* 7, 70—150 (in Russian).

Marinovich, L. P. 1998. In *Problemy istorii, filologii, kul’tury (Problems of history, philology, culture)* VI, 4—30 (in Russian).

Monachov, S. Ju. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor’e: kompleksy keramicheskoi tary VII—II vv. do n. e. (Greek amphorae in the Pontic region. Complexes of ceramic ware from the 7th—2nd centuries BC)*. Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Monachov, S. Ju. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor’e: tipologiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare (Greek amphorae in the Pontic region. Typology of amphorae of the main ceramic ware exporting centers)*. Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Monachov, S. Ju., Slonov, V. N. 1992. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 97—110 (in Russian).

Monachov, S. Ju., Kuznetsova, E. V. 2009. In *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia*. Rostov-on-Don: Media-Polis, 148—161 (in Russian).

Monachov, S. Ju., Fedoseev, N. F. 2013. In *Antichnyi mir i arkheologiia (Anciet world and archaeology)* 16, 255—266 (in Russian).

Samoilova, T. L. 1988. *Tira v VI—I vv. do n. e. (Tyras in 6th—1st centuries BC)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Shevchenko, N. F. 2004. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and researces on the archaeology of Kuban)* 4, 186—211 (in Russian).

Shtaerman, E. M. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material’noi kul’tury (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture)* XXXVI, 31—49 (in Russian).

Ulitin, V. V. 2004. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and researces on the archaeology of Kuban)* 4, 146—185 (in Russian).

Ulitin, V. V. 2005. In *Chetvertaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Fourth Kuban archaeological conference)*. Krasnodar: Simvolika, 275—278 (in Russian).

Fedoseev, N. F. 1991. In *Problemy arkheologii i istorii Bospora (Problems of archaeology and history of Bospor)*. Kerch: Tavriia, 29—31 (in Russian).

Fedoseev, N. F. 1994. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Archaeological investigations in Crimea)*. Simferopol: Tavriia, 249—250 (in Russian).

Erlich, V. R. 2009. In *Piataia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Fifth Kuban archaeological conference)*. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 456—460 (in Russian).

Avram, A. 1989. Wo sind die Amphoren vom Typ "Solocha I" hergestellt worden? *Dacia* XXXIII, 1—2, 247—252.

Ariel, D.T. 1999. Stamped Amphora Handles from Giv'at Yasaf (Tell er-Ras). *Atiqot* XXXVII, 28—29.

Arribas, A., Trias, G., Gerda, D., Hoz, J. 1987. *El Barco de el Sec (Costa de Calvia, Mallorca). Estudio de los materiales.* Mallorca.

Balkanska, A., Tzochev, C. 2008. Amphora Stamps from Seuthopolis — Revised. In: Gergova D. (ed.). *Phosphorion. Studia in honorem Mariae Čičikova*. Sofia: Ed. "Prof. Marin Drinov", 188—205.

Burow, J. 1998. Die übrigen Stempel aus Pergamon. In: *Die Hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon.* Berlin: Walter de Gruyter, 73—160.

Canarace, V. 1957. *Importul amforelor ştampilate la Istria*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Române.

Cankardeş-Şenol, G. 2010. Nikandros Group: Matrix Studies on the Amphora Stamps of the Group. *OLBA* XVIII. Mersin, 125—139.

Eiseman, C.J. 1987. *The Porticello Shipwreck (A Mediterranean Merchant Vessel of 415—385 B.C.)*. Texas.

Empereur, J.-Y. 1982. Les anses d'amphores timbrées et les amphores: aspects quantitatifs. *BCH* 106, 219—233.

Empereur, J.-Y., Hesnard, A. 1987. Les amphores hellénistiques. In: Levêque P., Morel J.-P. (ed.). *Céramiques hellénistiques et romaines* II. Besançon, 10—49.

Gassner, V. 1997. Amphoren. Das Südtor der Tetragonos-Agora. Keramik und Kleinfunde. *Forschungen in Ephesos* XIII (1/1). Wien, 105—113.

Georgopoulos, V. 2004. The Archaeological Evidence of Coan Amphorae from Kardamaina (Ancient Halasarna). In: Höghammar K. (ed.). *The Hellenistic Polis of Kos. State, Ekonomy and Culture.* Uppsala: Boreas, 129—132.

Georgopoulos, V. 2005. The dissemination of transport amphorae from Cos. A Contribution to the study of the Coan trade in the Eastern Mediterranean during the Hellenistic Period. In: Briese, M., Vaag, L. (eds.). *Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence*. Southern: Press of Southern Denmark, 179—183.

Georgieva, N. 2002. The Amphorae with Wineglass-Shaped Feet of "Porticello" and "Melitopol" Types: Mende or Kos? *AJA* 106 (2), 253.

Grace, V. 1949. Standard pottery containers of the ancient Greek World. *Hesperia.* Suppl. VIII, 175—189.

Grace, V. 1965. The Commercial Amphoras from the Antikythera Shipwreck. *Transaction of the American Philosophical Society* 55 (3), 5—17.

Grace, V. 1979. *Amphoras and the Ancient Wine Trade*. Athens; New Jersey: American School of Classical Studies.

Grace, V., Savvatianou-Petropulakou, M. 1970. Les timbres amhoriques grecs. *Exploration archéologique de Delos* XXVII. Paris, 277—382.

Finkielsztejn, G. 2004. Koan Amphorae Imported in the Southern Levant in the Hellenistic Period. In: Höghammar, K. (ed.). *The Hellenistic Polis of Kos*. Uppsala: Boreas, 153—164.

Johnson, H. 2004. The Export of Koan Wine to the South-eastern Mediterranean Area during the Hellenistic Period. In: Höghammar, K. (ed.). *The Hellenistic Polis of Kos.* Uppsala: Boreas, 133—151.

Jörens, G. 1999. *Amphorenstempel im Nationalmuseum von Athen.* Mainz: Verlag Philipp von Zabern.

Jefremow, N. 1995. *Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München: Fotodruck Frank GmbH.

Hein, A., Georgopoulou, V., Nodarou, E., Kilikoglou, V. 2008. Koan amphorae from Halasarna — investigations in a Hellenistic amphora production centre. *Journal of Archaeological Science* 35 (4), 1049—1061.

Hesnard, A. 1986. Imitations et raisonnement archéologique: à propos des amphores de Rhodes et Cos. *BCH*. Suppl. XIII, 75—79.

Καντζια Χ. 1994. Ἕνα κεραμικὸ ἐργαστήριο ἀμφορέων τοῦ πρώτου μισοῦ τοῦ 4ου αι. π.Χ. στεν Κῶ. In: *Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική*, Αθήναι, 323—354.

Knigge, U., Tancke, K. 2005. *Der Bau Z.* Kerameikos XVII. München.

Lawall, M.L. 2004. Archaeological Context and Aegean Amphora Chronologies: A Case Study of Hellenistic Ephesos. In: Eiring, J., Lund, J. (eds.). *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean* 5. Athens: Monographs of Danish Institute at Athens, 170—188.

Lawall, M.L. 2005. Negotiating Chronologies: Aegean Amphora Research, Thasian Chronology, and Pnyx III. Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400—100 BC. *Black Sea Studies* 3. Aarhus, 31—67.

Lawall, M.L. 2007. Hellenistic stamped Amphora Handles. *Forschungen in Ephesos* IX (2/3). Wien, 28—60.

Lawall, M.L. 2010. Imitative Amphoras in the Greek World. *Marburger Beiträge zur antiken Handels-, Wirtschaft- und Sozialgeschichte* 28, 45—88.

Maiuri, A. 1925. *Nuova silloge epigrafica di Rodi e Cos.* Florence: Felice le Monnier.

Μακαρονας, Χ. 1960. 'Ανασκαφαί Πέλλης 1957—1960. *'Αρχαιολογικόν δελτίον* 16. Αθήναι, 72—83.

Museteanu, C., Conovici, N., Anastasiu, A. 1978. Contribution au problème de l'importation des amphores greques dans le sud-est de la Muntenie. *Dacia* XXII, 173—199.

Micha, P. 2005—2006. Amphora Shipwrecks in the Aegean. A Database of the Eporate of Underwater Antiquities. *Skyllis* 7, 82—93.

Monachov, S.Ju., Kuznetsova, E.V. 2011. About One Series of Amphorae from Unknown Dorian Centre of the Fourth Century BC (former «Bosporan» or «Early-Chersonesean»). *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Patabs* II. Sofia, 245—278.

Nørskou, V., Lund, J. 2002. Transport amphorae. The Maussolleion at Halikarnassos. *Reports of the Danish Archaeological Expedition to Bodrum* 7. *The Pottery*. Aarhus, 56—68.

Papuci-Wladyka, E. 1997. A Research Report on Hellenistic Pottery: Cos amphoras. *Studies in Ancient Art and Civilization* 8. Krakov, 47—54.

Rotroff, S. 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and imported Wheelmade Table Ware and Related Material. *The Athenian Agora* XXIX, 1—574.

Vogeikoff-Brogan, N., Apostolakou, S. 2004. New Evidence of Wine Production in East Crete in the Hellenistic Period. In: Eiring, J., Lund, J. (eds.). *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean* 5. Aarhus, 417—427.

Статья поступила в номер 27 сентября 2013 г.

Sergey Monachov (Saratov, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archeology and Cultural Heritage of the N.G. Chernyshevsky Saratov State University [1].

Sergey Monachov (Saratov, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice. Institutul de arheologie şi patrimoniul cultural, Universitatea de Stat din Saratov „N. G. Cernîşevskii".

Монахов Сергей Юрьевич (Саратов, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: monachsj@mail.ru

Address: [1] Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russia

№3. 2014

О. В. Фатеев

Хронология амфорных клейм Херсонеса конца IV — начала III вв. до н. э.

(исследование комплексов и комплексные исследования)

Keywords: Lower Dnieper region, Chersonesos, Sinope, 4th—3rd BC, packages of stamps, magistrate, fabricant, astynome, amphora, stamps, settlement.

Cuvinte cheie: Niprul de Jos, Chersonesos, Sinope, secolele IV—III î. Hr., pachete de ștampile, magistrate, producător, astinom, amforă, ștampile, așezare.

Ключевые слова: Нижнеднепровский регион, Херсонес, Синопа, IV—III вв. до н. э., пакеты штампов, магистрат, фабрикант, астином, амфора, клейма, поселение.

O. V. Fateev

Chronology of Chersonesos Amphora Stamps of Late 4th — Early 3rd cc. BC (studies of complexes and complex studies)

The author studies Chersonesos amphora stamps found in different complexes in the North-Western Crimea, the Lower Dnieper area and the Bosporus, and offers a chronological sequence of 31 magistrates. The analysis of Sinope stamps from these complexes has shown that they refer to the astynomes from magistrate groups IIIB-C and IV. This allows synchronising the stamps of Sinope and Chersonesos types. The absolute chronology of Sinope stamps reveals that the activity of magistrate 31 is to be dated within the time span of 315—280 BC. The catalogue of Chersonesos amphora stamps from the Lower Dnieper area is annexed to the article.

O. V. Fateev

Cronologia ștampilelor amforistice din Chersonesos de la sfârșitul sec. IV — începutul sec. III î. Hr. (cercetarea complexelor și cercetări complexe)

În prezentul articol sunt studiate ștampilele amforistice de tip Chersonesos din diverse complexe de pe Niprul de Jos, Crimea de nord-vest și Bospor. În baza unei analize complexe se propune succesiunea cronologică a activității celor 31 magistrați. Analiza ștampilelor de tip Sinope din aceste complexe a arătat, că ele toate se referă la astinomele IIIB-C și IV din cadrul grupurilor de magistrați. Aceasta permite sincronizarea ștampilelor de tip Sinope cu cele de tip Chersonesos. Cronologia absolută a ștampilelor de tip Sinope indică, că activitatea magistratului 31 din Chersonesos se poate data cu anii 315—280 î.Hr. Articolul este suplinit de o anexă care include catalogul ștampilelor de tip Chersonesos din regiunea Niprului de Jos.

О. В. Фатеев

Хронология амфорных клейм Херсонеса конца IV — начала III вв. до н. э. (исследование комплексов и комплексные исследования).

В статье анализируются херсонесские амфорные клейма из различных комплексов Нижнеднепровского региона, Северо-Западного Крыма и Боспора. На основании комплексного анализа предлагается хронологическая последовательность деятельности 31 магистрата. Анализ синопских клейм из этих комплексов показал, что они принадлежит астиномам IIIB-C и IV магистратских групп. Этот факт позволяет синхронизировать клейма Синопы и Херсонеса. Абсолютная хронология синопских клейм показывает, что время деятельности 31 магистрата Херсонеса приходится на период 315—280 гг. до н. э. В приложении публикуется каталог херсонесских клейм Нижнеднепровского региона.

Современное состояние изучения амфорных клейм Херсонеса достигло достаточно высокого уровня. Благодаря обобщающим работам В. И. Каца (Кац 1985: 87—113; 1994) по керамической эпиграфике Херсонеса, в распоряжении исследователей оказался достаточно полный каталог-определитель клейм и хронологическая группировка херсонесских магистратов, в основу которой положен типологический метод датирования штампов. Использование этих «инструментов» значительно упрощает систематизацию материала и позволяет установить хронологию находок.

Многие специалисты довольно успешно используют эти возможности для определения и датирования херсонесских штампов. В настоящее время восстановление легенд херсо-

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© О. В. Фатеев, 2014.

несских клейм по каталогу-определителю (Кац 1994) стало уже традиционным. При этом необходимо отметить, что ряд исследователей имеет свою — особую точку зрения по вопросам развития клеймения в Херсонесе и хронологии магистратов (Федосеев 1997: 221—226; Мартыненко 2002: 50—69; Stolba 2005: 154—177; Мозолевский, Полин 2005: 380—390)[1]. В свою очередь, В.И. Кац (2007: 442—443) использовал вновь появившиеся данные и усовершенствовал хронологию подгрупп херсонесских клейм, сохранив при этом типологический метод как основу относительной хронологии.

Использование хронологии, предложенной В.И. Кацем для датирования материалов Капуловского поселения, позволило получить неплохие результаты (Фатеев 2004б: 262—265). Всего с 1957 по 2013 гг. на этом поселении найдено 204 клейменых фрагмента херсонесских амфор, в том числе 191 магистратское клеймо. Легенды удалось прочитать на 158 магистратских и 13 фабрикантских клеймах. В этих оттисках содержится 19 имен магистратов, выполненных 40 штампами. Эти штампы относятся ко всем подгруппам 1-й и 2А хронологических групп и охватывают 50-летний диапазон от начала херсонесского клеймения. Для сравнения: при использовании классификации Р.Б. Ахмерова (1949: 99—123), даже с учетом передатировок групп, подгрупп и отдельных херсонесских клейм, которые предложил Б.Ю. Михлин (1979: 139—159), хронологический диапазон для «капуловских» клейм превышал столетие.

Все известные хронологии для херсонесских клейм из Капуловки и Каменского городища показывают картину «пульсирующего» импорта, т.е. поставок амфор с вином единоразовыми крупными партиями (Фатеев 2004б: 263: прил. 1). Кроме того, был сделан вывод, что торговля на этих поселениях не происходила одновременно, а несколько раз переходила из Каменского городища на Капуловское поселение и наоборот (Фатеев 2004а: 257; 2009: 288).

За десятилетие, прошедшее со времени публикации обобщающей информации о поставках херсонесского вина на скифские поселения Нижнеднепровского региона[2], количество найденных клейм возросло на 30% — со 184 до 264 экземпляров. Безусловно, давно назрела необходимость опубликовать этот интереснейший материал в виде сводного каталога (прил. 1)[3]. Суммарная информация о клеймах, легенды которых поддаются прочтению, приведена с использованием хронологической группировки по В.И. Кацу (табл. 1).

Для анализа комплексов клейм был использован метод выделения **пакетов** штампов магистратов и фабрикантов. Пакеты суммарно содержат всю известную информацию о штампах комплекса. От полноты информации зависят результаты анализа комплексов.

Для исследуемого массива клейм выделено два пакета штампов магистратов и фабрикантов Херсонеса: «капуловский» и «каменский». К каждому из этих пакетов тяготеет абсолютное большинство клейм, происходящих с других памятников Нижнеднепровского региона. Основанием для выделения «каменских» и «капуловских» клейм в пакеты послужили два важных факта.

Во-первых, левобережное Каменское городище и правобережное Капуловское поселение разделены всего лишь водами Каховского водохранилища и находятся рядом — сейчас расстояние между ними не более 9 км. В древности расстояние между поселениями не превышало 3 км, т.к. сейчас «нижние» части этих поселенческих структур покрыты водами Каховского водохранилища. Население здесь, кроме всего прочего, было занято обслуживанием двух важных переправ через Днепр (Болтрик 1999; 2004). Одна переправа маркируется памятниками: Каменское городище — Никопольское курганное поле, другая: Капуловское поселение — могильник Мамай-Гора. В районе переправ существовали развитые сухопутные транспортные коммуникации, и один из маршрутов был кольцевым: Каменское городище — Никопольское курганное поле — Капуловское поселение — могильник Мамай-Гора — Каменское городище.

Во-вторых, на Капуловском поселении найдено большое количество херсонесских клейм выполненных одним штампом: 22 экз. (прил. 1: I: 57), 14 экз. (прил. 1: I: 54), 12 экз. (прил. 1: I: 110), в 2-х случаях по 11 экз. (прил. 1: I: 44, 68) и в 2-х по 10 экз. (прил. 1:

[1] Ход этой дискуссии подробно изложил В.И. Кац (2007: 143—148, 294—326).

[2] География данного исследования основана на изучении материалов двух крупнейших торговых центров степной Скифии — Каменского городища и Капуловского поселения, а также погребальных памятников и поселений, входящих в сферу влияния этих центров, с Анновским городищем на юге и островом Хортица на севере.

[3] Далее в тексте статьи приводятся ссылки на клейма из приложения 1, номера клейм соответствуют нумерации в каталоге-определителе (Кац 1994).

Таблица 1.

Клейма магистратов и фабрикантов Херсонеса из Нижнеднепровского региона

Группы и №№ по В.И. Кацу (2007)		Имена	Каменское городище		Капуловское поселение		Прочие пункты*	
			Количество					
			клейма	штампы	клейма	штампы	клейма	штампы
Магистраты								
1В	23	ΗΡΟΞΕΝΟΣ	5	2			2	2
	26	ΠΑΣΙΩΝ	6	3				
1Г	38	ΞΕΝΩΝ	5	1	1	1	1	1
2А	2	ΑΘΑΝΑΔΩΡΟΣ ΝΙΚΕΑ	5	2	1	1	2	1
	6	ΗΡΟΚΑΣ ΗΡΟΤΙΜΟΥ	1	1				
	8	ΘΕΟΓΕΝΙΟΣ ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ	2	2				
	9	ΚΟΤΥΤΙΩΝ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ	1	1				
1А	3	ΕΥΚΛΕΙΔΑΣ	1	1	18	3		
	4	ΗΡΟΝΙΚΟΣ			29	2		
	5	ΚΡΑΤΩΝ			19	3		
	6	ΣΩΠΟΛΙΣ			12	2	2	1
1Б	11	ΒΑΘΥΛΛΟΣ			4	2	4	2
	12	ΔΑΜΟΚΛΗΣ	1	1	2	1	1	1
	16	ΞΑΝΘΟΣ			15	3	1	1
1В	21	ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ			1	1	1	1
	22	ΗΡΑΚΛΕΙΟΣ II			19	5	1	1
	27	ΣΩΚΡΙΤΟΣ			23	5	1	1
	28	ΦΙΛΙΠΠΟΣ			6	2		
1Г	30	ΑΓΑΣΙΚΛΗΣ			1	1	1	1
	36	ΗΡΟΔΟΤΟΣ			31	4	2	2
2А	3	ΑΠΟΛΛΑΣ ΧΟΡΕΙΟΥ			1	1		
	4	ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΠΑΣΙΑΔΑ			3	2		
	7	ΗΡΟΚΡΑΤΗΣ ΝΕΥΜΗΝΙΟΥ			1	1		
	12	ΠΡΥΤΑΝΙΣ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ			1	1		
1Г	32	ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑΣ II					1	1
	34	ΔΙΟΣΚΟΡΥΔΑΣ					1	1
	39	ΠΟΛΥΣΤΡΑΤΟΣ					1	1
Фабриканты								
		ΑΠΟ(– – –)	1	1				
		ΔΑ(– – –), ΔΑΜΑ(– – –)	1	1	3	2		
		ΠΑ(– – –)	1	1				
		ΠΡ(– – –), ΠΡΟΜΑΘΙΩΝ			10	5	2	2
		розетка	3	1				

* Погребальные памятники и поселения степной Скифии, входящие в сферу влияния Каменского городища и Капуловского поселения (см. приложение 1).

Таблица 2.

Клейма Херсонеса и Синопы на поселениях Северо-Западного Крыма и Нижнеднепровского региона

Комплексы	Центры производства	Количество клейм			
		всего	Клейма магистратов		Клейма фабрикантов
			всего	прочтено	
Каменское городище	Херсонес	35	29	27	6
	Синопа	29	22	19	7
Капуловское поселение	Херсонес	204	191	158	13
	Синопа	151	149	136	2
Евпаторийский маяк	Херсонес	101	79	71	22
	Синопа	33	31	29	2
Поселение Панское 1	Херсонес	131	127	118	4
	Синопа	20	19	18	1
Всего		704	647	576	57

I: 57, 88). Клейма восьми магистратов, найденных на Капуловском поселении, представляют большие серии, свыше десяти оттисков в каждой: Ἡρόδοτος — 31 экз., Ἡρόνικος — 29 экз., Σώκριτος — 23 экз., по 19 экз. представлены Ἡράκλειος II и Κράτων, Εὐκλείδας — 18 экз., Ξάνθος — 15 экз., Σώπολις — 12 экз. При этом рядом, на Каменском городище, практически неизвестны находки клейм с именами магистратов из «капуловского» пакета[4], а на Капуловском поселении есть всего три совпадения имен магистратов, известных по находкам на Каменском: Ἀθανόδωρος Νικέα, Δαμοκλῆς и Ξένων. На Каменском городище оттиски клейм Ἀθανόδωρος Νικέα и Ξένων представлены 5 экз. каждый, также 5 экз. оттисков приходится на время деятельности магистрата Ἡρόξενος, ещё 6 экз. относится к Πασίον (табл. 1).

Таким образом, на двух соседних поселенческих структурах для выделенных пакетов херсонесских клейм совпадение имен магистратов составляет менее 1,5%, а хронологический анализ показывает полное совпадение, все клейма входят в состав 1 и 2А магистратских групп по В.И. Кацу. Зафиксирована своеобразная взаимная изолированность амфорного импорта на двух памятниках.

Неоднократно обсуждая с В.И. Кацем состояние хронологии херсонесских клейм и перспективы дальнейшего их изучения, мы пришли к выводу, что возможности комплексного использования различных методов исследований ещё не реализованы в полной мере. Именно благодаря этому общению[5] я решил заняться поиском ответов на проблемные вопросы.

Вопрос 1. ***Насколько справедлив тезис о «пульсирующем» характере импорта и поставках амфор с вином одноразовыми крупными партиями для Каменского городища и Капуловского поселения?***

Для разрешения этого вопроса необходимо привлечь материалы других центров-производителей товаров в клейменой амфорной таре, которые массово поставляли свою продукцию на Каменское городище и Капуловское поселение. Одним из таких центров была Синопа. Важным аргументом для привлечения материалов этого полиса послужил тот факт, что *«клейма Синопы к настоящему времени изучены лучше, чем оттиски любого другого центра, в котором производилось в эпоху классики и эллинизма массовое клеймение амфорной тары»* (Кац 2007: 249).

Суммарно количество синопских клейм на двух поселениях составляет 180 экз. (табл. 2), из них 162 магистратских и фабрикантских клейма могут быть достаточно надежно датированы.

Для датирования синопских клейм использована хронология, предложенная В.И. Кацем (Кац 2007: 434—436). Прежде всего, такой выбор обоснован тем, что есть возможность апробировать, сравнить и синхронизировать

[4] Восстановление мной легенды единственного клейма астинома Εὐκλείδας по рисунку, приведенному в статье А.Г. Плешивенко (1992: 167, табл. 3: 1) является наиболее вероятным (прил. 1: I: 44), однако такой штамп отсутствует в каталоге-определителе (Кац 1994).

[5] Здесь необходимо заметить, что В.И. Кац в этих беседах, говоря об оппонентах, не столько отстаивал свои подходы к созданию и модификации хронологической системы херсонесского клеймения, сколько обращал внимание на слабость их аргументации и всегда приводил контраргументы, на мой взгляд, весьма убедительные (большинство из них см.: Кац 2007: 143—148, 294—326). В то же время В.И. Кац сам отмечал проблемные моменты в изучении клейм Херсонеса, требующие решения.

Таблица 3.

Клейма магистратов и фабрикантов Синопы на Каменском городище

Группы и №№ по В.И. Кацу (2007)		Имена Магистраты	клейма	штампы	Публикации и примечания
1B	4	ΕΝΔΗΜΟΣ	1	1	IOSPE III: №257.
	5	ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΣ 1	1	1	Граков 1954: 90, кат. 21; IOSPE III: №109.
1D	18	ΦΙΛΟΝ 1	2	2	Граков 1954: 91, кат. 31; Плешивенко 1992: 164, табл. 1: 1.
2A	20	ΜΝΗΣΙΣ 1	4	4	Граков 1954: 91, кат. 24; Плешивенко 1992: 164, табл. 1: 9, 10; Гаврилюк 1999: 408, прил. 4: 6; Фатеев 2002: 181, кат. 39; 2004: 259, прил. 1: 3.
	21	ΧΑΒΡΙΑΣ	1	1	Плешивенко 1992: 164, табл. 1: 3.
	23	ΑΙΣΧΙΝΗΣ 2	1	1	Граков 1954: 90, кат. 19.
2B	30	ΘΕΟΓΕΙΤΟΣ	1	1	Плешивенко 1992: 164, табл. 1: 8.
	35	ΕΠΙΕΛΠΟΣ 2	3	2	Плешивенко 1992: 164, табл. 1: 5—7; Гаврилюк 1999: 408, прил. 4: 1, 2, 4.
3A	39	ΠΟΣΕΙΔΩΝΙΟΣ 2	2	1	Плешивенко 1992: 164, табл. 1: 12; Гаврилюк 1999: 408, прил. 4: 3; 1 экз., НГКМ — без номера, не опубликовано.
	45	ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΣ 2	2	2	Граков 1954: 90, кат. 20; Плешивенко 1992: 164, табл. 1: 4; Гаврилюк 1999: 408, прил. 4: 5.
3B	52	ΠΟΣΙΔΕΙΟΣ 1 ΗΦΑΙΣΤΟΔΩΡΟΥ	1	1	Плешивенко 1992: 164, табл. 1: 13.
		Керамевсы			
		ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ ΝΕΥΜΗΝΙΟΥ	1	1	Граков 1954: 91, кат. 29; Фатеев 2004: 261, прил. 1: 5.
		ΗΦΑΙΣΤΙΟΣ ΠΟΣΕΙΔΩΝΙΟΥ	1	1	Граков 1954: 91, кат. 23.
		ΙΚΕΣΙΟΣ ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ	1	1	Граков 1954: 90, кат. 22.
		ΝΙΚΟΣΤΡΑΤΣΟΣ ΘΕΟΠΡΟΠΟΥ	1	1	Плешивенко 1992: 164, табл. 1: 5; Гаврилюк 1999: 408, прил. 4: 7.
		ΠΟΣΕΙΔΩΝΙΟΣ ΝΕΥΜΗΝΙΟΥ	3	1	Граков 1954: 91, кат. 25, 26; 1 экз., ЗОКМ, Арх. 1180, не опубликовано.

относительную и абсолютную хронологии магистратов Синопы и Херсонеса, созданные одним автором.

Так же, как и в случае с оттисками Херсонеса, анализ синопских клейм позволяет выделить два пакета штампов магистратов и фабрикантов: «капуловский» и «каменский» (табл. 3; 4).

«Капуловский» пакет содержит клейма различных фабрикантов, которые по повторяющимся в них именам магистратов объединяются в большие серии. Не менее восьми оттисков в каждой имеют серии: Φόρβας 2 — 37 экз., Φίλων 2 — 17 экз., Ζωπυρίων Πόσιος — 15 экз., по 10 экз. представлены Βόρυς 1 и Ποσειδώνιος 5 Αἰσχίνου, а Μνησικλῆς 1 — 8 экз. На Каменском городище неизвестны находки клейм с именами магистратов из «капуловского» пакета[6], а на Капуловском поселении есть всего два случая совпадения имен магистратов, известных по находкам на Каменском[7]: Ἐπίελπος 2 — 1 экз. и Ποσίδειος 1 Ἡφαιστοδώρου — 3 экз. На Каменском городище клейма астинома конца II-й группы Ἐπίελπος 2 представлены 3 экз., а магистрат IIIB группы Ποσίδειος 1 Ἡφαιστοδώρου — 8 экз. магистратских и фабрикантских клейм, ещё 4 оттиска приходится на время деятельности астинома IIA группы Μνῆσις 1. У выделенных пакетов синопских клейм совпадение для Капуловского поселения со штампами из Каменского городища находится в пределах 2,7%.

[6] В клейме из сборов НГКМ 02.06.1931 г. №22 Инв. 103 было восстановлено имя астинома IVC группы Μνησικλῆς 1 (Граков 1954: 91: 24) — на самом деле это клеймо астинома IIA группы Μνῆσις 1 (Фатеев 2004: 259, прил. 1: 3).

[7] Клеймо астинома Μνῆσις 1 ошибочно опубликовано в числе клейм, найденных на Капуловском поселении (Фатеев 2002: 181, кат. 39), впоследствии удалось установить, что этот клейменый фрагмент найден в 1993 г. Е. Волошаненко на Каменском городище, участок «Пляж».

Таблица 4.

Клейма магистратов Синопы на Капуловском поселении

Группы и №№ по В.И. Кацу (2007)		Магистраты	клейма	штампы	Публикации и примечания
2B	35	ΕΠΙΕΛΠΟΣ 2	1	1	Фатеев 2002: 177, кат. 18.
3B	52	ΠΟΣΙΔΕΙΟΣ 1 ΗΦΑΙΣΤΟΔΩΡΟΥ	3	3	Фатеев 2002: 184, кат. 53; 186, кат. 55, 56.
	48	ΗΡΑΚΛΕΙΔΗΣ	1	1	Фатеев, не опубликовано*.
	50	ΙΦΙΣ 1	1	1	Плешивенко 2000: 233, табл. 6: 1; Фатеев 2002: 182, кат. 35.
3C	55	ΕΥΧΑΡΙΣΤΟΣ 1 ΓΥΡΙΤΤΟΥ	1	1	Фатеев 2002: 178, кат. 19.
	56	ΘΕΟΠΕΥΤΗΣ	1	1	Фатеев 2002: 180, кат. 28.
	58	ΙΚΕΣΙΟΣ 1	2	2	Фатеев 2002: 180, кат. 20; 1 экз.: Фатеев, не опубликовано.
4A	62	ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΣ	1	1	Фатеев, не опубликовано.
	63	ΔΙΟΣ ΗΡΑΚΛΕΙΔΟΥ	6	3	Фатеев 2002: 178, кат. 16, 17; 190, кат. 87, 88; 2 экз.: Фатеев, не опубликованы.
	64	ΦΙΛΩΝ 2	17	7	Плешивенко 2000: 233, табл. 6: 2; Фатеев 2002: 186, кат. 57—64; 190, кат. 89, 91; 6 экз.: Фатеев, не опубликованы.
	65	ΖΩΠΥΡΙΩΝ ΠΟΣΙΟΣ	15	8	Фатеев 2002: 178, табл. 6: 21—27; 8 экз.: Фатеев, не опубликованы.
	66	ΑΠΑΤΟΥΡΙΟΣ ΑΤΤΑ	7	3	Онайко 1970: 90, кат. 77, 86; Фатеев 2002: 176, кат. 1—6; 1 экз.: Фатеев, не опубликовано.
	67	ΕΠΙΔΗΜΟΣ ΕΠΙΕΛΠΟΥ	1	1	Фатеев, не опубликовано.
	68	ΠΟΣΕΙΔΩΝΙΟΣ 5 ΑΙΣΧΙΝΟΥ	10	6	Фатеев 2002: 184, кат. 46—52; 3 экз.: Фатеев, не опубликованы.
4B	69	ΘΕΥΔΩΡΙΔΗΣ	6	3	Плешивенко 1992: 165, табл. 1: 18; Фатеев 2002: 180, кат. 29—33; 182, кат. 34.
	70	ΦΟΡΒΑΣ 2	37	12	Онайко 1970: 90, кат. 63; Плешивенко 1992: 165, табл. 1: 17, 19; Фатеев 2002: 188, кат. 65—77; 190, кат. 78—86, 92; 13 экз.: Фатеев, 1 экз.: НГКМ-НД-5919, не опубликованы.
	72	ΠΑΣΙΧΑΡΗΣ 1a ΦΑΙΝΙΠΠΟΥ	4	3	Фатеев 2002: 184, кат. 44; 3 экз.: Фатеев, не опубликованы.
4C	73	ΝΑΥΠΟΝ 1	5	3	Фатеев 2002: 182, кат. 40, 41; 184, кат. 42, 43; 1 экз.: Фатеев, не опубликовано.
	75	ΒΟΡΥΣ 1	10	6	Онайко 1970: 90, кат. 78; Фатеев 2002: 178, кат. 7—15; 1 экз.: Фатеев, не опубликовано.
	76	ΠΥΘΟΚΛΗΣ	1	1	Фатеев 2002: 184, кат. 45.
	77	ΜΝΗΣΙΚΛΗΣ 1	8	7	Фатеев 2002: 182, кат. 36—38; 4 экз.: Фатеев, не опубликованы.

* Синопские клейма из сборов 2003—2013 гг. готовятся автором к публикации, после чего будут переданы в ЗОКМ.

Четко выделяются два периода поставок продукции Синопы в Нижнеднепровский регион: при астиномах I—II, IIIA и IIIB групп амфоры поступали на Каменское городище, а при астиномах IIIB-C и IV группы — на Капуловское поселение.

Аналогичные результаты дает анализ клейм Гераклеи Понтийской. Суммарно количество гераклейских клейменых фрагментов амфор на двух поселениях составляет 134 экз., и, как и в случае с херсонесскими и синопскими клеймами, распадается на два пакета штампов — «каменский» и «капуловский».

«Каменский» пакет относительно небольшой — всего лишь 44 оттиска, однако в его составе клейма всех хронологических групп по В.И. Кацу (2007: 429—430). 40 клейм этого пакета опубликованы (Граков 1954: 88—90: 7—18; Погребова 1958: 117: рис. 8: 3—7; Плешивенко 1992: 166: табл. 2: 6—8; 12—21; Андрух 1998: рис. 1: 1; Фатеев 2013: прил. 1). Клеймо фабриканта Ἀρχεστράτος

из Ранней фабрикантской группы (РФГ) — I Магистратской группы (I МГ) с Капуловского поселения — единственный случай совпадения штампов с «каменским» пакетом, кроме того, есть ещё по одному клейму из РФГ и IIВ МГ (Фатеев 2009: 295, прил. 1: 17, 19).

«Капуловский» пакет содержит 90 клейм, из них опубликованы 85 (Фатеев 2009: 290—296: прил. 1), в 81-м оттиске легенды поддаются прочтению, из них 78 экз. — это клейма Поздней фабрикантской группы (ПФГ).

Клейма Поздней фабрикантской группы Гераклеи из «капуловского» пакета, как и клейма «капуловских» пакетов синопских и херсонесских магистратов, объединяются в большие серии. Не менее пяти оттисков в каждой имеют серии: Φιλίσκος — 11 экз., Δαμάτριος II[8] — 10 экз., Ἐράτων — 9 экз., Διονύσιος II — 8 экз., по 5 экз. представлены Δοῦλος и Ἕτυμος. У выделенных пакетов гераклейских клейм совпадение для Капуловского поселения со штампами из Каменского городища находится в пределах 3,7%.

На Каменском городище есть всего два случая совпадения имен фабрикантов, известных по находкам на Капуловском поселении: Ἕτυμος — 3 экз. и Φιλίσκος — 1 экз., однако в процентном выражении получается весомая доля — 9, 1% совпадений.

Для Гераклеи выделяется два периода поставок продукции. От начала гераклейского клеймения (РФГ, IА и IIВ МГ) незначительное количество амфор проникает на Капуловское поселение, при этом торговля ведется на Каменском городище, где зафиксированы клейма всех групп (РФГ, I—V МГ и ПФГ). Затем очевиден переход виноторговли на Капуловское поселение, где отмечено беспрецедентное количество клейм фабрикантов ПФГ — 78 экз., или 96,3%.

Результаты анализа «каменских» и «капуловских» пакетов штампов Синопы и Гераклеи, основанные на апробации относительной хронологии клейм этих центров, позволяют сделать вывод, что *тезис о «пульсирующем» характере импорта и поставках амфор с вином одноразовыми крупными партиями для Каменского городища и Капуловского поселения не подтвердился.*

А это означает, что херсонесские клейма с Каменского городища из состава магистратских 1В, 1Г и 2А подгрупп предшествуют херсонесским же клеймам из Капуловского поселения 1А, 1Б, 1В, 1Г и 2А подгрупп (табл. 1) хронологической группировки херсонесских магистратов, в основу которой положен типологический метод датирования штампов (Кац 2007: 442—443).

Вопрос 2. ***Насколько эффективен типологический метод для определения хронологической последовательности магистратов Херсонеса?***

Для поиска ответа на этот вопрос необходимо разобраться, как именно мог воспользоваться этим методом В.И. Кац. Ведь, по его словам, «этот эффективный приём для создания хронологических классификаций различных серий клейм пока используется явно недостаточно, что в значительной степени объясняется слабой ещё разработанностью самой методики типологического анализа клейм» (Кац 2007: 139). Поэтому более логичным В.И. Кац (2007: 141) считает порядок проведения классификационной работы по этапам, предложенный Ю.Г. Виноградовым (1972: 16), поменяв местами второй и третий этапы:

1 этап — создание развитой типологической классификации;

3 этап — определение взаимного расположения групп во времени при помощи синхронистического метода;

2 этап — датирование отдельных типологических групп клейм с использованием археологического и нумизматического методов;

4 этап — окончательная проверка и уточнение хронологии приёмами палеографии и морфологии;

5 этап — осторожная попытка исторической трактовки смены одних групп другими.

Трудно назвать *развитой* типологию, если она изначально учитывает только магистратские клейма, да и то не все. Монограммное клеймо, расшифрованное как Εὐα(- - -), отнесено к числу магистратских (Kac et al. 2002: 114, tabl. 2; Кац 1994: 120), хотя для клейма этого магистрата нет места ни в типологии, ни в хронологии. К IV типу отнесены клейма, содержащие имя и отчество без указания должности магистрата, в то же время для штампов, содержащих одно имя без указания магистратуры, такая возможность не предусмотрена. Верной представляется позиция Н.Ф. Федосеева (1992: 152), что «типологическая классификация должна:

— быть *исчерпывающей*, т.е. охватывать все или почти все объекты;

— быть *гибкой, открытой*, т.е. предусматривать возможность появления новых членов, не меняя существенно саму схему».

Исходя из того, как выстроена типология, рискну предположить, что именно синхро-

[8] Имя Δαμάτριος II отсутствует в списке Поздней фабрикантской группы (Кац 2007: 430; о необходимости дополнения списка ПФГ см. Фатеев 2009: 287).

низм имен магистратов и фабрикантских меток оказал решающее влияние при создании типологической классификации (Кац 1985: 92—93, 96). Кроме того, при помощи синхронистического же метода определено взаимное расположение во времени 1Г и 2А групп (Кац 2007: 442). Создается впечатление, что работа *на всех пяти этапах* была подчинена одной идее. Суть идеи — выстроить в порядке эволюционного развития типов херсонесские клейма, чтобы получить хронологическую классификацию.

Именно за счет широкого применения синхронистического метода при создании типологической классификации В.И. Кацу удалось получить лучшую, по сравнению с предшественниками, хронологическую группировку клейм Херсонеса Таврического. Однако с течением времени стали появляться новые материалы:

1) новые штампы и разновидности уже известных херсонесских клейм;

2) новые хронологии клейм центров-производителей товаров в амфорной таре;

3) новая информация по археологическим комплексам с клеймами.

Всё это потребовало вновь вернуться к корректировке хронологической последовательности херсонесских магистратов.

Тезис о том, что с херсонесскими клеймами мы имеем случай, когда эволюционная типологическая классификация равняется, в своей основе, хронологической, не подтвердился.

Заканчивая рассмотрение типологии херсонесских клейм, замечу, что сам пользовался и пользуюсь именно этой версией. Создание новой типологической схемы — дело будущего. На мой взгляд, нужен совершенно иной подход. Необходимо изменить объект исследования и перейти от рассмотрения штампов к изучению клеймения, т.е. совокупности всех штампов на одной амфоре. Такой подход потребует большой кропотливой работы по созданию нового банка данных, с учетом разных коэффициентов клеймения для сосудов, магистратских и фабрикантских клейм.

«При выборе методов хронологического датирования говорить о каких-либо приоритетах бессмысленно. Для разных групп целесообразно привлечение разных методов, однако необходимо помнить, что наиболее эффективным является их комплексное применение» (Федосеев 2004: 268).

Вопрос 3. ***Каких результатов для определения хронологической последовательности магистратов и датирования штампов Херсонеса можно достигнуть, используя комплексный анализ?***

Итак, для проведения комплексного анализа массивов клейм был применен метод выделения пакетов[9] штампов магистратов и фабрикантов. По своей структуре пакет — это блоки данных, которые суммарно содержат всю известную информацию об объекте исследования; в данном случае таким объектом являются керамические клейма, найденные на одном памятнике. Задачей при работе с пакетом является обработка этой информации и распределение её по трем блокам:

1) блок *ключевой* информации;

2) блок *важной* информации;

3) блок *дополнительной* информации.

Анализ совпадений и отличий в блоках разных пакетов позволяет апробировать, скорректировать и синхронизировать относительную и абсолютную хронологии штампов античных центров-производителей товаров в клейменой амфорной таре.

Для проведения более качественного комплексного исследования пакетов клейм и определения хронологической последовательности магистратов Херсонеса, анализу подвергнуты также пакеты штампов усадеб Евпаторийского маяка, поселения Панское 1 и Зеленского и Александропольского курганов[10].

Анализ пакетов клейм Каменского городища и Капуловского поселения

Ключевая информация:

Комплексный анализ «каменских» и «капуловских» пакетов штампов Синопы и Гераклеи позволяет сделать вывод, что херсонесские клейма из Каменского городища предшествуют херсонесским клеймам из Капуловского поселения, кроме того, зафиксирован переход торговли на Капуловское поселение. В дальнейшем, для определения хронологической последовательности и датирования херсонесских штампов, правомерно рассматривать клейма с этих памятников суммарно, как «каменско-капуловский» пакет, включающий 25 имен магистратов.

Важная информация:

Дата перехода торговли маркируется клеймами херсонесских магистратов Ἀθανόδωρος Νικέα, Δαμοκλῆς, Ξένων и синопского астинома Ποσίδειος 1 Ἡφαιστοδώρου, в это

[9] Подобным образом сгруппировали в «пакеты» поздних эпонимов Фасоса И. Гарлан и Ж.И. Амперер (Амперер, Гарлан 1992: 24—25).

[10] Приведенная далее информация (ключевая, важная, дополнительная) сокращена без потери объективных данных.

время в Гераклее работают керамические мастерские фабрикантов Ἔτυμος и Φιλίσκος, клейма с этими именами присутствуют среди находок на обеих поселенческих структурах. Наличие здесь больших серий клейм херсонесских и синопских магистратов и гераклейских фабрикантов, при ограниченном количестве имен, позволяет сделать заключение о репрезентативности данной выборки.

Шесть херсонесских клейм выполнены двумя штампами, которые отсутствуют в каталоге В.И. Каца (1994). Плоские клейма астинома Δαμοκλῆς — 4 экз. — найдены на Каменском городище, Капуловском поселении и о. Хортица (рис. 1: 1, 3; прил. 1: 1: 34).

Неизвестным ранее штампом проставлены два фрагментированных монограммных клейма Πρ(- - -) из Капуловки (рис. 1: 2, 4; прил. 1: 2А: 38). По этим фрагментам выполнена реконструкция штампа (рис. 1: 6) и проведено сравнение с другим хорошо известным оттиском (рис. 1: 8).

Всего на Капуловском поселении найдено 13 фабрикантских оттисков, из них три ретроградных клейма Δα(- - -) принадлежат фабриканту Δαμα(- - -), который известен по находке на Каменском городище (прил. 1: IIА: 10). Десять оставшихся клейм Πρ(- - -) и Προμαθίων (прил. 1: IIА: 38, 39) также принадлежат одному фабриканту.

Очень важна находка на Каменском городище нового сочетания клейм астинома Ξένων с оттиснутым рядом дополнительным анэпиграфным клеймом (прил. 1: I: 90; IIБ: 1). Эмблема «восьмилучевая звезда» известна в сочетании с клеймом астинома Ἡροκᾶς Ἡροτίμου (Кац 1994: 97), что говорит о хронологической близости этих магистратов.

Дополнительная информация:

Свыше 95% клейм херсонесских магистратов из Капуловского поселения — желобчатые. При большой вариабельности глиняного теста херсонесских амфор, не встречается, пожалуй, только состав с большим содержанием частиц пироксена, кроме клейм астиномов Δαμοκλῆς — 2 экз. и Ξένων — 1 экз., которые хронологически тяготеют к клеймам Каменского городища.

Свыше 95% херсонесских клейм из Каменского городища — плоские, прямоугольной формы, в составе глиняного теста часто содержится большое количество примеси пироксена, что делает их почти неотличимыми от фрагментов синопских амфор. Можно заключить, что в Херсонесе, на раннем этапе производства тары, существовала керамическая мастерская (мастерские), которая придерживалась синопских традиций изготовления амфор. Ранее на это указывалось исследователями (см.: Кац 1994: 25; Федосеев 1997: 225, 226).

Поступление синопского импорта на Каменское городище совпадает с началом магистратского клеймения амфор[11] в этом полисе (табл. 3). На первое сорокалетие клеймения приходится всего лишь 26 клейм с 11 именами магистратов, причем 8 оттисков связаны с именем Ποσίδειος 1 Ἡφαιστοδώρου: 7 фабрикантских и 1 магистратское клеймо. Безусловно, такая выборка не может считаться репрезентативной. Затем фиксируется переход торговли из Каменского городища на Капуловское поселение. Это событие приходится на время деятельности астинома Ποσίδειος 1 Ἡφαιστοδώρου. «Капуловский» пакет отражает период бурного роста объемов синопского импорта в Нижнеднепровский регион и отвечает требованиям репрезентативной выборки.

Анализ пакета клейм усадеб Евпаторийского маяка

Ключевая информация:

Количество херсонесских клейм на маяцких усадьбах составляет 101 экз. (табл. 2), из них определено 71 магистратское клеймо, в них содержится 22 имени магистратов (Колесников 1985: 86—91). Имена 17 магистратов на большей части магистратских клейм (59 экз.) из «маяцкого» пакета совпадают с именами магистратов из «каменско-капуловского» пакета.

Совершенно очевидно, что на усадьбы Евпаторийского маяка вино в амфорах не завозилось специально, а поступало по пути следования торговых судов из Херсонеса в Ольвию и дальше в район каменско-капуловских переправ.

Важная информация:

Имена пяти магистратов Херсонеса из «маяцкого» пакета неизвестны по «каменско-капуловскому» пакету, тем не менее, очень органично вписываются в общую схему.

Клейма Ἀγάθων Γνάθων — 1 экз. и Φωρμίων Ἀπολλᾶ — 3 экз. выполнены одним гравером. Имена этих магистратов известны по уникальным находкам: клеймо на амфорной ручке магистрата Φορμίον Ἀπολλᾶ перекрыто клеймом Ἡροκράτης Νευμηνίου (Кац 1985: 102), а штамп Ἀγάθων

[11] Ещё одним свидетельством является находка 1988—1989 гг. на могильнике Мамай-Гора в ровике кургана 17 развала синопской амфоры с эпонимным клеймом Διονύσιος I (Андрух, Тощев 1999: 111, 112).

Рис. 1. Херсонесские клейма: магистратов 1, 3, 5, 7 — Δαμοκλέος; 9 — Ἴστρων; 10—12 — Ἀλέξανδρος; 2, 4, 6, 8 — фабриканта Πρ(ομαθίων). 1—2, 4, 8 — Капуловское поселение (прил. 1: I: 34, IIA: 38); 3 — о. Хортица (прил. 1: I: 34); 5, 11 — Херсонес (по Борисова 1974: табл. 4: 3, табл. 1: 10); 10, 12 — поселение Панское 1 (по Кас et al. 2002: pl. 58). Реконструкции клейм: 6 — (прил. 1: IIA: 38); 7, 9 — из каталога-определителя (по Кац 1994: табл. 34: 1—79; 28: 1—63).στρων

Fig. 1. Chersonesos stamps: magistrates 1, 3 , 5, 7 — Δαμοκλέος; 9 — Ἴστρων; 10—12 — Ἀλέξανδρος; 2, 4 , 6, 8 — fabricant Πρ(ομαθίων). 1—2, 4, 8 — Kapulovka settlement (ann. 1: I: 34, IIA: 38); 3 — Khortitsa (ann. 1: I: 34); 5, 11 — Chersonesos (after Borisova 1974: tab. 4: 3, tab. 1: 10); 10, 12 — settlement Panskoye 1 (after Kac et al. 2002: pl. 58). Reconstruction stamps: 6 — (ann. 1: IIA: 38); 7, 9 — from the identification guide (after Kac 1994: табл. 34: 1—79; 28: 1—63).

Γνάθων встречается совместно с клеймом Ἡρόδοτος на черепице (Михлин 1979: 144—145). С клеймами того же Ἡρόδοτος связаны штампы астинома Ἡρέας — 2 экз. — по наличию в них одинаковых монограмм Ἀθα(- - -), что свидетельствует о хронологической близости этих магистратов.

Оттиск на горле амфоры с именем агорано-ма Ἴστρων и фабриканта Μανικκός принадлежит керамической мастерской, которая придерживалась синопских традиций изготовления амфор (рис. 1: 9). Полная идентичность штампу Ἴστρων, вплоть до наличия кругового желобка на горле, отмечена для амфор астино-

ма Ξένων (Колесников 1985: 86—91)[12]. Точно такие же признаки есть у амфоры с двумя плоскими клеймами астинома Δαμοκλῆς (прил. 1: I: 34) из Нижнеднепровского региона (рис. 1: 3). Штампы астинома Δαμοκλῆς необходимо дополнить ещё одним клеймом, которое ранее считали принадлежащим магистрату Μῆνις Δαμοκλέος (Кац 1994: 104). На самом деле это крайне необычное желобчатое клеймо содержит имена астинома Δαμοκλῆς и фабриканта Μῆνις, сопровождается дополнительно сокращением Ασκ(- - -) и монограммой (рис. 1: 7). Палеографический и грамматический анализ показывает идентичность с другими клеймами этого магистрата (рис. 1: 5).

Клеймо астинома Διοσκουρίδας из «маяцкого» пакета известно также и по находке на поселении Мамай Сурка (прил. 1: I: 40), которое располагалось на середине пути между Каменским городищем и Капуловским поселением. Этот факт позволяет включить клеймо астинома Διοσκουρίδας в «каменско-капуловский» пакет (табл. 4). Ещё не менее 21 клейма этого астинома есть на поселении Панское 1.

Дополнительная информация:

Суммарно количество синопских клейм на маяцких усадьбах составляет 33 экз.[13] (табл. 2), из них определено 31 клеймо, в них содержится 14 имен магистратов (Колесников 1985: 82—84). Большая часть клейм — 26 экз., с именами 10 магистратов имеет аналогии в «каменско-капуловском» пакете, что позволяет говорить скорее не о репрезентативности данной выборки, а о значительной информативности. Особенно любопытна информация о находке штампа астинома самого конца II-й группы Ἐπίελπος 2, клейма этого астинома есть на Каменском городище и, что более неожиданно, на Капуловском поселении. Возможно, этого астинома нужно будет перенести в III-ю группу.

Анализ пакета клейм поселения Панское 1

Ключевая информация:

Информация о херсонесских клеймах с поселения Панское 1 несколько однобока. С одной стороны, имеется хорошо опубликованный комплекс усадьбы №6, где зафиксировано 100 оттисков, из них определено 89 магистратских клейм (Kac et al. 2002: 113—114: tabl. 2), с другой стороны, по поселку У7 имеется лишь общая информация о том, что значительная часть из 126 условно-целых амфор имеют астиномные клейма, ещё три с половиной десятка клейм найдены на обломках ручек. Однако весьма информативным является список всех магистратов, чьи клейма зафиксированы при раскопках поселка У7 (Монахов 1999: 515, 516). Поэтому для комплексного анализа было подсчитано минимально возможное количество находок клейм каждого магистрата (табл. 2; 5). Исходя из этих подсчётов, пакет херсонесских клейм поселения Панское 1 включает, как минимум 131 клеймо, из них определено 118 клейм с именами 21 магистрата. С магистратами «каменско-капуловского» пакета общими являются 17 имен, с «маяцкими» — 14.

Как и усадьбы Евпаторийского маяка, поселение Панское 1 являлось важным транзитным пунктом на пути следования торговых судов из Херсонеса в Нижнеднепровский регион.

Важная информация:

Имена четырех магистратов из поселения Панское 1 неизвестны ни по «маяцкому», ни по «каменско-капуловскому» пакету. В реальности список дополняется именами Ἀπολλωνίδας I и Ἀντβίων. Имя же астинома Ἀπολλώνιος известно в трех рассматриваемых пакетах по клеймам агоранома Ἀπολλώνιος Πασιάδα — 5 экз. — и принадлежит, по моему мнению, одному лицу. Также одному чиновнику принадлежат клейма Θεογένης и Θεογένης Ἀπολλωνίδα из «маяцкого» и «каменского» пакетов; по крайней мере, нет веских оснований разделять этих магистратов, впрочем, как и штампы астинома Ἡράκλειος.

Наибольший интерес вызывает серия — 15 экз. (рис. 1: 10, 12) монограммных клейм. Эти клейма вполне логично отнесены к магистратским оттискам. Имя магистрата, скрытое в монограмме, восстанавливали по-разному: Εὐ(αρχος) (Кац 1994: 37), Εὐκλείδας (Монахов 1999: 502—503), Εὐα(- - -) (Kac et al. 2002: 114: tabl. 2; 121; pl. 58). На самом деле в клейме уверенно читается имя Ἀλέ(ξανδρος) или даже Ἀλέξανδρ(ος), как и все другие клейма этого астинома, данная серия штампов имеет желобчатую форму и ретроградное написание монограммы (рис. 1: 11). В пользу такого прочтения говорит и центральное расположение буквы «А». Вероятно, все астиномные клейма Ἀλέξανδρος исполнены ретроградно, именно

[12] Многие наблюдения и выводы, сделанные А.Б. Колесниковым (1985: 71—78) по относительной хронологии, организации и развитию херсонесского клеймения, подтверждены в результате комплексного анализа пакетов херсонесских клейм.

[13] При анализе штампов 16 амфорных клейм и 17 клейм на черепицах рассматривались как один пакет.

потому, что являются простой расшифровкой монограммы.

Дополнительная информация:

Суммарно количество клейм Синопы из поселения Панское 1 составляет 20 экз. (табл. 2), 5 имен магистратов на 13 клеймах (Монахов 1999: 505, 516, 517) известны по находкам с Капуловского поселения. Список астиномов дополняется тремя именами: Μικρίας — его имя есть и в «маяцком» пакете, Πασιχάρης 1b, если только это не одно лицо с Πασιχάρης 1a Φαινίππου, а также наиболее «поздним» для всех синопских пакетов астиномом Ἑστιαῖος 1.

Анализ пакета клейм Зеленского и Александропольского курганов

Ключевая информация:

Компактный по объему пакет херсонесских клейм из Зеленского кургана является важным элементом для комплексного исследования по нескольким причинам. Первое, что привлекает внимание, — это синхронность Зеленского кургана и кургана Александрополь: из трех имен магистратов совпадают два (Монахов 1999: 483; Кац 2007: 305; Полин 2010: 278, 279). Второе — все четыре имени, которые зафиксированы в этих курганах, есть на усадьбах Евпаторийского маяка — 23 экз., в «каменско-капуловском» пакете — 13 экз., ещё два имени известны из раскопок поселения Панское 1. Учитывая синхронность двух курганов, логично рассматривать клейма отсюда суммарно, как один пакет.

По преобладанию оттисков Синопы — 14 экз. против 3 экз. херсонесских штампов, пакет клейм Зеленского кургана отличается от уже рассмотренных пакетов и маркирует маршрут поставок вина из Херсонеса на Боспор и дальше на Елизаветовское городище. Очевидно, в этом регионе ввоз вина из Синопы по своим объемам превышал херсонесский импорт.

Важная информация:

Поскольку курганы имеют довольно короткий период накопления материала, появилась возможность объединить херсонесских магистратов из пакета клейм Зеленского кургана и кургана Александрополь. С учетом даты перехода торговли с Каменского городища на Капуловское поселение последовательность исполнения астиномных должностей представляет следующую цепочку: Ἡρόξενος — Ἀθανόδωρος Νικέα — Πρύτανις Ἀρίστωνος — Ἀγασικλῆς, что хорошо согласовывается с массивами данных из пакетов поселенческих структур. На основании комплексного анализа всех пакетов херсонесских клейм построена наиболее вероятная хронологическая последовательность магистратов рассматриваемого периода (табл. 5). Для достижения этой цели были использованы все доступные для данного исследования методы датирования клейм.

Дополнительная информация:

Имена каждого из четырех магистратов Синопы Зеленского кургана: Ποσίδειος 1 Ἡφαιστοδώρου, Εὐχάριστος 1 Γυρίττου, Θεοπείθης, Ἱκέσιος 1 — уже встречались в двух из трех рассмотренных пакетов. Список дополняется именами пяти астиномов: Ἀριστοκλῆς, Θεαρίων Φίλωνος, Μῖκος 1 Πυρρίδου, Πολύκτωρ 1, Πολύχαρμος. Все девять астиномов относятся к IIIB-C группе, при этом пять из них восполняют пробел информации, которая отсутствует в других пакетах.

В Александропольском кургане есть два фрагмента клейм, штампы которых не определены: херсонесского (прил. 1: 1) и синопского (Полин 2010: 279, 283). Возможно, эти оттиски принадлежат херсонесскому астиному Θεογένης (Кац 1994: 99) и синопскому Ποσειδώνιος 3 из состава IIIB группы. Прочтение этих клейм даст новую информацию.

Комплексный анализ всех пакетов синопских клейм показал, что подавляющее большинство их принадлежит астиномам IIIB-C и IV магистратских групп, что позволяет синхронизировать время их деятельности с магистратами Херсонеса (табл. 6).

Предлагаемый вариант синхронизации — наиболее оптимальный на данном этапе исследований. Безусловно, предстоит ещё определить дату начала магистратского клеймения амфор в Херсонесе. Есть реальная возможность установить последовательность исполнения должностей астиномами, оставшимися за рамками исследования. Для этого в распоряжении исследователей находится достаточное количество комплексов амфорных клейм, таких, например, как с усадеб Гераклейского полуострова и некоторых других. Привлечение большего числа комплексов позволит проверить правильность предложенной относительной хронологии этих, а также других херсонесских магистратов первого этапа клеймения.

Исходя же из абсолютной хронологической классификации синопских клейм, предложенной В.И. Кацем (Кац 2007: 434—435), время деятельности магистратов Херсонеса из анализируемых комплексов приходится на середину 10-х гг. IV в. — конец 80-х гг. III в. до н.э. (табл. 6).

Таблица 5.

Относительная хронология клейм магистратов Херсонеса конца IV — начала III в. до н.э.

Предлагаемая последовательность	Магистраты	Комплексы					
		Каменское городище	Капуловское поселение	Евпаторийский маяк	Панское 1	Зеленской курган	курган Александрополь
1—9	ΠΑΣΙΩΝ	6					
1—9	ΘΕΟΓΕΝΙΟΣ ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ	–/2		–/1			
1—9	ΚΟΤΥΤΙΩΝ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ	1		4	1		
1—9	ΙΣΤΡΩΝ			1			
1—9	ΗΡΟΚΑΣ ΗΡΟΤΙΜΟΥ	1/–		2/–			
1—9	ΞΕΝΟΝ	5	1	1			
1—9	ΔΑΜΟΚΛΗΣ	1	2				
1—9	ΗΡΟΞΕΝΟΣ	5		2			1
1—9	ΑΘΑΝΑΔΩΡΟΣ ΝΙΚΕΑ	5	1	10	1	1	2
10—18	ΠΡΥΤΑΝΙΣ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ		1	1	2	1	
10—18	ΑΓΑΣΙΚΛΗΣ		1	10		1	1
10—18	ΗΡΕΑΣ			2	1		
10—18	ΗΡΟΔΟΤΟΣ		31	9	2		
10—18	ΑΓΑΘΩΝ ΓΝΑΘΩΝ			1			
10—18	ΦΟΡΜΙΩΝ ΑΠΟΛΛΑ			3			
10—18	ΗΡΟΚΡΑΤΗΣ ΝΕΥΜΗΝΙΟΥ		1	2	1		
10—18	ΑΠΟΛΛΑΣ ΧΟΡΕΙΟΥ		1	2	2		
10—18	ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΠΑΣΙΑΔΑ		–/3	–/1	18/1		
19—22	ΗΡΑΚΛΕΙΟΣ		19	8	2		
19—22	ΦΙΛΙΠΠΟΣ		6	3	1		
19—22	ΣΩΚΡΙΤΟΣ		23		4		
19—22	ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ, ΑΛΕΞΑΝΔΡ(ΟΣ)		1	1	1+15		
23—28	ΞΑΝΘΟΣ		15	1	8		
23—28	ΒΑΘΥΛΛΟΣ		4	1	15		
23—28	ΚΡΑΤΩΝ		19		4		
23—28	ΕΥΚΛΕΙΔΑΣ	1?	18		3		
23—28	ΣΩΠΟΛΙΣ		12		2		
23—28	ΗΡΟΝΙΚΟΣ		29				
29—31	ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΔΑΣ		1	1	21		
29—31	ΑΝΤΙΒΙΩΝΟΣ				1		
29—31	ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑΣ				1		

Таблица 6.

Синхронизация хронологии клейм магистратов Херсонеса с клеймами Синопы

предлагаемая хронология	Магистраты Херсонеса	Каменское городище + Капуловское поселение / Евпаторийский маяк / Панское 1 / Зеленской курган		Магистраты Синопы	№№ по В.И. Кацу (2007)
середина 10-х гг. IV в. до н.э. — начало III в. до н.э.	ΠΑΣΙΩΝ	6/–/–	–/2/–	ΓΥΡΙΤΤΟΣ	38
	ΘΕΟΓΕΝΙΟΣ ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ	2/1/–	2/1/–	ΠΟΣΕΙΔΩΝΙΟΣ 2	39
	ΚΟΤΥΤΙΩΝ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ	1/4/1	2/13/–	ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΣ 2	45
	ΙΣΤΡΩΝ	–/1/–	–/–/–/3	ΑΡΙΣΤΟΚΛΗΣ	47—54
	ΔΑΜΟΚΛΗΣ	3/–/–	–/–/–/1	ΠΟΛΥΚΤΩΡ1	47—54
	ΗΡΟΚΑΣ ΗΡΟΤΙΜΟΥ	1/2/–	–/–/–/1	ΘΕΑΡΙΩΝ ΦΙΛΩΝΟΣ	55—61
	ΞΕΝΟΝ	6/1/–	–/–/–/1	ΜΙΚΟΣ1 ΠΥΡΡΙΔΟΥ	55—61
	ΗΡΟΞΕΝΟΣ	5/2/–	–/–/–/1	ΠΟΛΥΧΑΡΜΟΣ	55—61
	ΑΘΑΝΑΔΩΡΟΣ ΝΙΚΕΑ	6/10/1/1	11/3/–/4	ΠΟΣΙΔΕΙΟΣ1 ΗΦΑΙΣΤΟΔΩΡΟΥ	47—54
	ΠΡΥΤΑΝΙΣ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ	1/1/2/1	1/1/–/1	ΕΥΧΑΡΙΣΤΟΣ1 ΓΥΡΙΤΤΟΥ	55—61
	ΑΓΑΣΙΚΛΗΣ	1/10/–/1	1/–/2/1	ΘΕΟΠΕΥΤΗΣ	55—61
	ΗΡΕΑΣ	–/2/1	2/1/–/1	ΙΚΕΣΙΟΣ 1	55—61
	ΗΡΟΔΟΤΟΣ	31/9/2	1/1/–	ΗΡΑΚΛΕΙΔΗΣ	47—54
	ΑΓΑΘΩΝ ΓΝΑΘΩΝ	–/1/–	2/1/–	ΙΦΙΣ1	47—54
90-е — конец 80-х гг. III в. до н.э.	ΦΟΡΜΙΩΝ ΑΠΟΛΛΑ	–/3/–	1/–/–	ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΣ	62
	ΗΡΟΚΡΑΤΗΣ ΝΕΥΜΗΝΙΟΥ	1/2/1	6/–/1	ΔΙΟΣ ΗΡΑΚΛΕΙΔΟΥ	63
	ΑΠΟΛΛΑΣ ΧΟΡΕΙΟΥ	1/2/2	17/–/–	ΦΙΛΩΝ 2	64
	ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΠΑΣΙΑΔΑ	3/19/1	15/–/–	ΖΩΠΥΡΙΩΝ ΠΟΣΙΟΣ	65
	ΗΡΑΚΛΕΙΟΣ	19/8/2	7/–/–	ΑΠΑΤΟΥΡΙΟΣ ΑΤΤΑ	66
	ΦΙΛΙΠΠΟΣ	6/3/1	1/–/–	ΕΠΙΔΗΜΟΣ ΕΠΙΕΛΠΟΥ	67
	ΣΩΚΡΙΤΟΣ	23/–/4	11/–/–	ΠΟΣΕΙΔΩΝΙΟΣ 5 ΑΙΣΧΙΝΟΥ	68
	ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ	1/1/16	6/–/1	ΘΕΥΔΩΡΙΔΗΣ	69
	ΞΑΝΘΟΣ	15/1/8	10/–/2	ΒΟΡΥΣ1	75
	ΒΑΘΥΛΛΟΣ	4/1/15	37/–/–	ΦΟΡΒΑΣ 2 ΦΙΛΩΝΟΥ	70
	ΚΡΑΤΩΝ	19/–/4	5/–/–	ΝΑΥΠΟΝ1	73
	ΕΥΚΛΕΙΔΑΣ	18/–/3	1/–/1	ΠΥΘΟΚΛΗΣ	76
	ΣΩΠΟΛΙΣ	12/–/2	8/1/8	ΜΝΗΣΙΚΛΗΣ1	77
	ΗΡΟΝΙΚΟΣ	29/–/–	4/–/–	ΠΑΣΙΧΑΡΗΣ ΦΑΙΝΙΠΠΟΥ 1a	71
	ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΔΑΣ	1/1/21	–/–/1	ΠΑΣΙΧΑΡΗΣ1b	72
	ΑΝΤΙΒΙΩΝΟΣ	–/–/1	–/1/1	ΜΙΚΡΙΑΣ	74
	ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑΣ 1	–/–/1	–/–/1	ΕΣΤΙΑΙΟΣ 1	78—83

Приложение 1.
Каталог амфорных клейм Херсонеса Таврического из Нижнего Приднепровья

В каталог включены как ранее не публиковавшиеся, так и уже опубликованные клейма. Стертые и не поддающиеся чтению клейма, а также незначительные фрагменты клейм даются в каталоге как статистический материал, хотя в будущем они могут быть идентифицированы по целым экземплярам. Клейма помещены в каталоге в алфавитном порядке имен. Нумерация приводится в соответствии с каталогом-определителем В. И. Каца (1994). Каждую серию клейм, выполненных одним штампом, сопровождают указания на количество экземпляров, форму и место наложения клейма: **П** — плоские, **Ж** — желобчатые, **АГ** — горло, **АР** — ручка, далее приводится шифр каждого клейма, например:

Капул. 1993, KFK-32,2/1, F3.

Капул. 1993 — Капуловское поселение, находка 1993 года;

K — Херсонес (центр производства);

F — код находчика;

K-32,2 — номер по каталогу-определителю (Кац 1994);

/1 — первое по счету клеймо этого штампа, найденное на Капуловском поселении;

F3 — участок Капуловского поселения — место находки (Фатеев 2009: 303, прил. 5).

Для описания клейм в каталоге использованы следующие условные знаки по каталогу-определителю (Кац 1994): ( ) — сокращения, пропуски букв; [ ] — несохранившиеся буквы; { } — монограмма; < > — ошибочно вырезанные буквы; ← — надпись ретроградная; * — редкий штамп.

I. Магистратские клейма

2. ’Αγασικλῆς (2 экз.)

’Αγασικλε[ος] {Αθα}(- - -)

ἀστυνό(μου)

Штамп 1. (2 экз., П-АР): **1.** Капул. 1961, А. Бодянский, D2, клеймо ошибочно отнесено к синопским (Гаврилюк, Оленковський 1992: 20, рис. 3: 10); **2.** Александропольский курган, 2004—2008, кл. №24 (Полин 2010: 303, рис. 9: 3).

6. ’Αθανόδωρος Νικέα (8 экз.)

’Αθανοδώρου

τοῦ Νικέα ἀσ-

τυνομοῦντος

Штамп 1. (2 экз., П-АР): **1.** Капул. 1988, KFK-6, 1/1, I5; **2.** Каменское городище, 2002, подъемный материал (Андрух, Тощев 2004: 77, рис. 10: 9).

Штамп 4*. (1 экз., П-АР): **1.** Каменское городище, 1986, KGK-6,4/1, участок «Порт».

’Αθανοδ<ό>ρου

τοῦ Νικέα ἀσ-

τυνομοῦντος

Штамп 5*. (2 экз., П-АР): **1.** Александропольский курган, 2004—2008, кл. №20 (Полин 2010: 303, рис. 9: 1); **2.** Александропольский курган, 2004—2008, кл. №22 (Полин 2010: 303, рис. 9: 5).

Штамп не определен. (3 экз., П-АР): **1.** Каменское городище, клеймо происходит из сборов НГКМ (Граков 1954: 91, кат. 34); **2.** Каменское городище, 1949, раскоп X, 5/6 №1504, ошибочное восстановление имени ’Απολλόδωρος (Граков 1954: 91, кат. 35; Фатеев 2004: 259, прил. 1: 6); **3.** Каменское городище, 2002, участок «Школа», сборы подъемного материала (Гаврилюк 2003: 80).

9. ’Αλέξανδρος (2 экз.)

’Αλεξά [νδρου] ←

ἀστυνό [μου] ←

Штамп 4. (1 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1960, А. Бодянский, G4, п. 8, ЗОКМ Арх. 5624, КП 61308 (Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 7).

Штамп 6. (1 экз., Ж-АР): **1.** с. Дмитровка, случайная находка клейменой амфоры варианта III-А, ножка отбита, ДИМ А-902.

Примечание: на второй ручке фабрикантское клеймо {ΠΡ} ← см. 2А-38,5/2 (Монахов 1989: 152, прил. 5: 97).

11. ’Απολλᾶς Χορείου (1 экз.)

’Απόλλα(τοῦ)

Χορείου

ἀστ[υν]όμο[υ]

Штамп 4. (1 экз., П-АР): **1.** Капул. 2007, KNK-11,4/1, D3.

16. ’Απολλωνίδας II (1 экз.)

I

’Απολ-

[λω]νί[δα]

ἀγορα-

[ν]όμο[υ]

Штамп 2*. (1 экз., П-АГ): **1.** курган «Каменская Близница», тризна (Андросов, Мухопад 1987: 60, рис. 3: 3).

Рамка клейма в виде листа плюща.

25. ’Απολλώνιος Πασιάδα (3 экз.)

’Απολλώνι[ος]

Πασιάδα ἀγορ(ανόμου)

Штамп 1. (2 экз. Ж-АР): **1.** Капул. 2010, KSK-25, 1/1, F3; **2.** Капул. 2007, KFK-25, 1/2, I5.

Штамп 3*. (1 экз. Ж-АР): **1.** Капул. 2013, KNK-25,3/1, H6.

32. Βάθυλλος (8 экз.)

Βαθύλλου

ἀστυνόμου

Штамп 1. (1 экз., Ж-АР): **1.** могильник «Мамай Гора» (Андрух 2001: 72).

Штамп 2. (1 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1993, KFK-32,2/1, F3.

Штамп 3. (6 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1994, KVK-32,3/1, I5; **2.** Капул. 1997, KGK-32,3/2, I5; **3.** Капул. 1998, KJK-32,3/3, F3; **4.** Поселение Ильинка, 2009, KMK-32,3/4; **5.** Анновское городище, ошибочное восстановление имени Ἀπολλᾶς (Гаврилюк, Абикулова 1991: 22, рис. 19: 11); **6.** с. Новоселовка, курган 9/1978, погребение №1 (Пиоро, Самойленко 1991: 41).

34. Δαμοκλῆς (4 экз.)

Δαμοκλέιος

ἀστυνόμου

Штамп новый. (2 экз., П-АГ): **1.** Капул. 1990, В. Алешин, E2, личная коллекция; **2.** о. Хортица, (подводные исследования), клейменая амфора варианта III-A (Монахов 1989: 63), экспозиция ЗОКМ. На горле амфоры два одинаковых клейма (рис. 1: 3), прорезаны круговым желобком (Нефедов 1992: 172, 173).

(2 экз., П-АР): **1.** Капул. 1988, KFK-34, N/1, F3 (рис. 1: 1); **2.** Каменское городище, Кучугуры, 02.06.1931, НГКМ, Ин. 260, №20, сборы музея (Граков 1954: 92, кат. 44; Фатеев 2004: 260, прил. 1: 7).

Примечание: в семи других известных штампах магистрата Δαμοκλῆς (рис. 1: 5) буква «сигма» лунарная (Кац 1994: 92, кат. 1: 34).

40. Διοσκουρίδας (1 экз.)

[Διοσκ]ουρίδ[α {Ἡρα}]

[ἀστυ]νόμ[ου]

Штамп 7. (1 экз., Ж-АР): **1**. поселение Мамай Сурка, 2001, случайная находка (Ельников 2001: 50—52, рис. 28: 1; 30: 2).

44. Ευκλείδας (19 экз.)

Ευκλείδα

ἀστυνόμου

Штамп 1. (11 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1991, KFK-44, 1/1, D3; **2.** Капул. 1992, KFK-44, 1/2, D6; **3.** Капул. 1993, KFK-44, 1/3, E2; **4.** Капул. 1994, KGK-44, 1/4, E2; **5.** Капул. 1995, KFK-44, 1/5, D3; **6.** Капул. 1997, KFK-44, 1/6, G4; **7.** Капул.2003, KFK-44, 1/7, E2; **8.** Капул.2010, KMK-44, 1/8, I5; **9.** Капул. 1967, А. Бодянский, E2, ЗОКМ, Арх. 5610, КП-61294 (Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 1); **10.** Капул. 1992, В. Алешин, E2, личная коллекция; **11.** Капул. 1994, В. Алешин, F3, личная коллекция.

Штамп 2*. (3 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1987, KGK-44,2/1, E2; **2.** Капул. 1990, KJK-44,2/2, E2. **3.** Капул. 1995, KJK-44,2/3, H5, горло амфоры.

Штамп 3*. (4 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1991, KFK-44,3/1, E2; **2.** Капул. 1993, KFK-44,3/2, F3; **3.** Капул. 1995, KGK-44,3/3, I5; **4.** Капул. 1998, KFK-44,3/4, E2.

Штамп не определен. (1 экз.): **1.** Каменское городище (Плешивенко 1992: 167, табл. 3: 1).

Примечание: возможно ошибочное восстановление имени магистрата Ευκλείδας по рисунку клейма.

47—48. Ἡράκλειος (20 экз.)

Ἡράκλειου

ἀστυνόμου

Штамп 2*. (5 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1994, KJK-47—48,2/2, F3, **2.** Капул. 1995, KFK-47—48,2/3, E2; **3.** Капул. 1998, KFK-47—48,2/4, F3; **4.** Капул. 2006, KFK-47—48,2/5, I5; **5.** Капул.2002, А. Салеев, D3, НГКМ, НД-5918.

(1 экз., Ж-АГ): **1.** Капул. 1987, KGK-47—48,2/1, J5.

Штамп 3. (2 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1989, KVK-47—48,3/1, D3; **2.** Капул.2000, KFK-47—48,3/2, I5.

Ἡρακλείου ←

ἀστυνόμου ←

Штамп 7*. (4 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1994, KFK-47—48,7/1, I5; **2.** Капул. 2003, KFK-47—48,7/2, D2; **3.** Капул. 2011, KNK-47—48,7/3, H6; **4.** Капул. 1998, В. Панкеев, D3, НГКМ, НД-5537.

Ἡρακλ[είου]

ἀστυ[νόμου]

Штамп 10*. (1 экз., П-АГ): **1.** Капул. 1992, KGK-47—48, 10/1, I5.

Ἡρακλε<ίο>υ

ἀστυνόμ[ου]

Штамп 14. (5 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1992, KFK-47—48, 14/1, E2; **2.** Капул. 1993, KFK-47—48, 14/2, F3; **3.** Капул. 1996, KFK-47—48, 14/3, D4; **4.** Капул. 1997, KFK-47—48, 14/4, G4; **5.** Капул. 1985, А. Бодянский, E2, ЗОКМ, Арх. 5583, КП-61267 (Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 8).

Примечание: в штампе буква «сигма» лунарная, на вторых ручках и на черепицах известны фабрикантские клейма ПР ←, см. 2А–38, 1/1—4.

[Ἡρακ]λείου

[ἀστυν]ό[μου]

Штамп не определен. (1 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1957, А. Бодянский, E2 (Гаврилюк, Оленковський 1992: 20, рис. 6: 3).

Ἡρακλείου

ἀστυνομοῦντ[ος]

Штамп 21. (1 экз., Ж-АР): **1.** г. Запорожье, площадь Ленина, 2002, Г. Тощев, случайная находка при проведении земляных работ.

Примечание: в штампе буква «сигма» лунарная.

54. Ἡροδότος (33 экз.)

Ἡροδότου

ἀστυνόμου

Штамп 8*. (15 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1988, KVK-54,8/1, F3; **2.** Капул. 1989, KJK-54,8/2, E2; **3.** Капул. 1990, KFK-54,8/3, J5; **4.** Капул. 1991, KVK-54,8/4, E2; **5.** Капул. 1993, KFK-54,8/5, E2; **6.** Капул. 1995, KFK-54,8/6, I5; **7.** Капул. 1996, KFK-54,8/7, I5; **8.** Капул. 2003, KFK-54,8/8, D3; **9.** Капул. 2006, KGK-54,8/9, I5; **10.** Капул. 2007, KDK-54,8/10, E2. **11;** Капул. 2008, KMK-54,8/11, E2; **12.** Капул.2007, KDK-54,8/12, E3; **13.** Капул. 1959, А. Бодянский, E2, ЗОКМ, Арх. 5587, КП-61271 (Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 11); **14.** Капул. 1980, А. Бодянский, E2, ЗОКМ, Арх. 5585, КП-61269 (Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 12); **15.** с. Михайловка, овчарня совхоза «Приднепровский» (Лагодовская, Сымановіч 1973: 240).

Штамп 9. (11 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1988,

KVK-54,9/1, I5; **2.** Капул. 1990, KFK-54,9/2, H5, горло амфоры; **3.** Капул. 1991, KFK-54,9/3, J5; **4.** Капул. 1991, KFK-54,9/4, D3; **5.** Капул. 1992, KFK-54,9/5, H5; **6.** Капул. 1994, KFK-54,9/6, J5; **7.** Капул. 1997, KFK-54,9/7, I5; **8.** Капул. 2013, KMK-54,9/8, G5; **9.** Капул. 1991, В. Алешин, E3, личная коллекция; **10.** Капул. 2010, НГКМ, А-1820, КП-31550; **11.** Курган Хомина могила, гробница №2 (Мозолевский 1973: 228, рис. 34: 8), клейменая амфора варианта III-Б (Монахов 1989: 63).

Штамп 10. (1 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 2007, KFK-54, 10/1, I5.

Штамп 11. (6 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1986, KFK-54, 11/1, I5; **2.** Капул. 1987, KFK-54, 11/2, D3; **3.** Капул. 1990, KGK-54, 11/3, I5; **4.** Капул. 1998, KGK-54, 11/4, E2. **5;** Капул. 1999, KGK-54, 11/5, E3; **6.** Капул. 1965, А. Бодянский, E2, ЗОКМ, Арх. 5064, КП-60194 (Плешивенко 1992: 167, табл. 3: 7).

55. Ἡροκᾶς Ἡροτίμου (1 экз.)

Ἡροκᾶ

ἀστ[υνόμου]

Штамп 2. (1 экз., П-АГ): **1.** Каменское городище, КДИАМ (Плешивенко 1992: 167, табл. 3: 4), ошибочное восстановление имени Ἡροκράτῆς (Гаврилюк 1999: 408, прил. 4: 20).

Примечание: известно проставленное рядом дополнительное анэпиграфное клеймо «восьмилучевая звезда», см. 2Б-1/1-2.

56. Ἡροκράτης Νευμηνίου (1 экз.)

Ἡ[ροκράτεος]

Ν[ευμηνίου]

[ἀστυνόμου]

Штамп 6. (1 экз., П-АР): **1.** Капул. 2008, KMK-56,6/1, D5.

57. Ἡρόνικος (29 экз.)

Ἡρονίκου

ἀστυνόμ(ου)

Штамп 3. (22 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1986, KFK-57,3/1, H4; **2.** Капул. 1989, KFK-57,3/2, J5; **3.** Капул. 1990, KFK-57,3/3, I5; **4.** Капул. 1992, KFK-57,3/4, D3; **5.** Капул. 1993, KFK-57,3/5, E2; **6.** Капул. 1994, KFK-57,3/6, D3; **7.** Капул. 1995, KJK-57,3/7, D3; **8.** Капул.2003, KFK-57,3/8, E2; **9.** Капул. 2004, KNK-57,3/9, E2; **10.** Капул. 2004, KFK-57,3/10, E3; **11.** Капул. 2006, KFK-57,3/11, F3; **12.** Капул. 2006, KGK-57,3/12, I5; **13.** Капул. 2006, KFK-57,3/13, G4; **14.** Капул. 2006, KFK-57,3/14, J5; **15.** Капул. 2007, KFK-57,3/15, E2; **16.** Капул. 2007, KNK-57,3/16, G4; **17.** Капул. 2007, KNK-57,3/17, F5; **18.** Капул. 2007, KNK-57,3/18, E2; **19.** Капул.2013, KNK-57,3/19, G5; **20.** Капул. 1983, А. Бодянский, E2, ЗОКМ, Арх. 5582, КП-61266 (Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 2); **21.** Капул. 1960, А. Бодянский, (G4), ЗОКМ, Арх. 5623, КП-61307 (Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 3); **22** Капул. 1999, А. Кулиш, (H5), частный музей в пгт. Партенит, археологически целая амфора варианта I-Б (Монахов 1989: 51).

Штамп 4*. (7 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1987, KGK-57,4/1, F3; **2.** Капул. 1996, KJK-57,4/2, G4; **3.** Капул. 2003, KFK-57,4/3, D2; **4.** Капул. 2006, KGK-57,4/4, I5; **5.** Капул. 2007, KFK-57,4/5, G4; **6.** Капул. 2008, KNK-57,4/6, G5; **7.** Капул. 1999, KNK-57,4/7, E2.

58. Ἡρόξενος (7 экз.)

Ἡροξένου

ἀστυνόμου

Штамп 1. (5 экз., П-АР): **1.** Каменское городище, Кучугуры, 29.05. 1931, НГКМ, Ин. 260 n 15, сборы музея (Граков 1954: 92, кат. 36); **2.** Каменское городище, 1949, раскоп IX, 8х/3 №265 (Граков 1954: 92, кат. 37); **3.** Каменское городище, НГКМ, Ин. 257, сборы музея (Граков 1954: 92, кат. 38); **4.** Каменское городище, НГКМ, Ин. 260, сборы музея (Граков 1954: 92, кат. 39); **5.** с. Федоровка, балка Байдужева, правый мыс, А. Бодянский, ЗОКМ, Арх. 5680 (2), КП-64120 (2) (Плешивенко 2009: 133, рис. 1: 5).

Штамп 2. (2 экз., П-АР): **1.** Каменское городище, НГКМ, Ин. 259, сборы музея (Граков 1954: 92, кат. 40); **2.** Александропольский курган, 2004—2008, кл. №23 (Полин 2010: 303, рис. 9: 2).

61. Θεογένης Ἀπολλωνίδα (2 экз.)

Θεογένεος Αϑα

(τοῦ) [Ἀ]πολλωνίδα

Штамп 1*. (1 экз., П-АР): **1.** Каменское городище, НГКМ, Ин. 261, сборы музея, ошибочное восстановление имени Θεοκλῆς (Граков 1954: 92, кат. 41; Фатеев 2004: 260, прил. 1: 8).

[Θεογένε]ος Δ [α]

(τοῦ) [Ἀπολλωνίδα]

Штамп 3*. (1 экз., П-АР): **1.** Каменское городище, участок «Порт», 1986, KGK-61,3/1.

68. Κοτυτίων Ἀρίστωνος (1 экз.)

Κοτυτίων

Ἀρίστωνο(ς)

Штамп не определен. (1 экз., П-АР): **1.** Знаменское городище, раскоп XIII (штык 4) (Погребова 1958: 144, рис. 20: 2).

68. Κράτων (19 экз.)

Κράτωνος

ἀστυνόμου

Штамп 1. (1 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 2006, KGK-68, 1/1, I5.

Штамп 3. (6 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1990, KFK-68,3/1, H4, верхняя часть амфоры, на горле дипинто ΘΡΑ | ΠΑΡ (Фатеев 2002: 45, 46); **2.** Капул. 1994, KGK-68,3/2, E2; **3.** Капул. 1996, KFK-68,3/3, D4; **4.** Капул.2007, KFK-68,3/4, J5; **5.** Капул. 1992, В. Алешин, E2, личная коллекция; **6.** Капул. 1983, А. Бодянский, E2, ЗОКМ, Арх. 6580, КП-63882, ошибочное восстановление имени Νάνων (Плешивенко 2009: 133, рис. 1: 6).

(1 экз., Ж-АГ): **1.** Капул. 1991, В. Алешин, F3, личная коллекция.

Штамп 4*. (11 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1994, KGK-68,4/1, F3; **2.** Капул. 1995, KJK-68,4/2, D3; **3.** Капул. 1996, KJK-68,4/3, E3; **4.** Капул. 1998, KFK-68,4/4, D3; **5.** Капул. 2007, KDK-68,4/5, E2; **6.** Капул. 2008, KMK-68,4/6, F3; **7.** Капул. 2009, KMK-68,4/7, G4; **8.** Капул. 2013, KMK-68,4/8, H6; **9.** Капул. 1959, А. Бодянский, G4, ЗОКМ, Арх. 5626, КП-61310

(Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 4); **10.** Капул. 1972, А. Бодянский, Е2, ЗОКМ, Арх. 5584, КП-61268 (Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 5); **11.** Капул. 1979, А. Бодянский, F3, ЗОКМ, Арх. 5617, КП-61301 (Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 6).

88. Ξάνθος (16 экз.)

Ξάνθου

ἀστυνόμου

Штамп 2. (10 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1986, KGK-88,2/1, J5; **2.** Капул. 1989, KGK-88,2/2, E2; **3.** Капул. 1990, KJK-88,2/3, I5; **4.** Капул. 1992, KFK-88,2/4, E2; **5.** Капул. 1996, KGK-88,2/5, E2; **6.** Капул. 1997, KVK-88,2/6, E2; **7.** Капул. 1998, KFK-88,2/7, H5; **8.** Капул. 1999, KJK-88,2/8, F3; **9.** Капул.2006, KFK-88,2/9, E2; **10.** Капул. 1980, А. Бодянский, Е2, ЗОКМ, Арх. 7237, КП-65494.

Штамп 3. (2 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 2000, KFK-88,3/1, F3; **2.** Капул. 1972, А. Бодянский, Е2, ЗОКМ, Арх. 5586, КП-61270 (Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 9).

Штамп 5. (3 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 2007, KFK-88,5/1, E2; **2.** Капул. 2013, KNK-88,5/2, H6. **3.** Капул. 2013, KNK-88,5/3, H6.

Штамп не определен. (1 экз., Ж-АР): **1.** крепида кургана «Чертомлык» (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: 147, рис. 1).

90. Ξένων (7 экз.)

Ξένωνος

ἀστυνό(μου)

Штамп 1. (7 экз., П-АР): **1.** Каменское городище, 1928, НГКМ, сборы музея (не сохранилось), ошибочное восстановление имени Μένων (Граков 1954: 92, кат. 42; Фатеев 2004: 260, прил. 1: 9); **2.** Каменское городище, 1937 НГКМ, сборы музея (не сохранилось), ошибочное восстановление имени Μένων (Граков 1954: 92, кат. 43; Фатеев 2004: 260, прил. 1: 10); **3.** Каменское городище, КДИАМ (Плешивенко 1992: 167, табл. 3: 2, Гаврилюк 1999: 408, прил. 4: 19); **4.** Каменское городище, 1990, траншея 1 (Гаврилюк 1999: 409, прил. 4: 41); **5.** Капул. 1989, KFK-90, 1/1, J5; **6.** г. Васильевка, поселение Лысая Гора (Гаврилюк, Оленковський 1992: 7, рис. 3: 20).

(1 экз., П-АГ): **7.** Каменское городище, 1991, участок «Школа», подъемный материал (Гаврилюк 1999: 409, прил. 4: 48).

Примечание: рядом оттиснуто дополнительное анэпиграфное клеймо «восьмилучевая звезда», новое сочетание клейм, см. 2Б-1/1/3.

93. Πασίων (6 экз.)

Πασίωνος

ἀστυνόμο

Штамп 1. (3 экз., П-АР): **1.** Каменское городище, НГКМ, сборы музея, клеймо ошибочно отнесено к синопским (Граков 1954: 91, кат. 30; Фатеев 2004: 260, прил. 1: 11); **2.** Каменское городище, 29.05. 1931, участок «Кучугуры», НГКМ, сборы музея; **3.** Каменское городище, КДИАМ.

Штамп 2. (1 экз. П-АР): **1.** Каменское городище, НГКМ, без номера, сборы музея.

(1 экз. П-АГ): **2.** Каменское городище, НГКМ, Ин. 262, сборы музея (Граков 1954: 91, кат. 45; Фатеев 2004: 260, прил. 1: 12).

Примечание: для этого штампа известны проставленные рядом фабрикантские клейма ΔI, 2А-11,7 (Кац 1994: 108).

Штамп 3. (1 экз., П-АГ): **1.** Каменское городище, участок «Консервный завод», подъемный материал (Гаврилюк 1999: 409, прил. 4: 42).

Примечание: рядом фабрикантское клеймо АПО, см. 2А-4,5/1.

95. Πολύστρατος (1 экз.)

[Πολυσ]τράτου

[{Στρ}ἀστυ]νόμου

[ἀστυ]

Штамп 2. (1 экз., Ж-АР): **1.** Никополь, 2010, поселение Новопавловка, KDK-95,2/1.

99. Πρύτανις Ἀρίστωνος (1 экз.)

[Πρ]υτάνιος

τοῦ Ἀρίστω[νος]

[ἀ]στυνόμο[υ]

Штамп 2. (1 экз., П-АГ): **1.** Капул. 2009, KNK-99,2/1, H4.

110. Σώκριτος (24 экз.)

Σωκρίτου

ἀστυνόμου

Штамп 1. (13 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1986, KVK-110, 1/1, F3; **2.** Капул. 1986, KFK-110, 1/2, E2; **3.** Капул. 1987, KGK-110, 1/3, E2; **4.** Капул. 1992, KFK-110, 1/4, I5; **5.** Капул. 1992, KFK-110, 1/5, J5; **6.** Капул. 2001, KFK-110, 1/6, I5; **7.** Капул. 2007, KFK-110, 1/7, J5; **8.** Капул. 2012, KUK-110, 1/8, G5; **9.** Капул. 2012, KNK-110, 1/9, H6; **10.** Капул. 2013, KNK-110, 1/10, I6; **11.** Капул. 2013, KMK-110, 1/11, E3; **12.** Капул. 1986, А. Бодянский, Е2, археологическая лаборатория ЗНУ; **13.** с. Михайловка, овчарня совхоза «Приднепровский» (Лагодовская, Сымановіч 1973: 240), целая амфора варианта I-Б (Монахов 1989: 148, прил. 5: 64).

Штамп 2. (1 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1979, А. Бодянский, G4, ЗОКМ, Арх. 5625, КП-61309 (Плешивенко 2000: 234, табл. 7: 10).

Штамп 3*. (3 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1990, KFK-110,3/1, D6; **2.** Капул. 2011, KNK-110,3/2, H6; **3.** Капул. 2010, KGK-110,3/3, I5.

Штамп 4. (3 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1994, KJK-110,4/1, D3; **2.** Капул. 1998, KFK-110,4/2, D2; **3.** Капул. 2008, KNK-110,4/3, H5.

Примечание: на вторых ручках амфор известны фабрикантские клейма {ΠΡ} ← см. 2А-38,5/1.

Штамп 5*. (4 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1990, KGK-110,5/1, H5; **2.** Капул. 1995, KFK-110,5/2, D2; **3.** Капул.2003, KFK-110,5/3, E2; **4.** Капул. 2011, KNK-110,5/4, D4, верхняя часть амфоры.

112. Σώπολις (14 экз.)

Σωπόλιος

ἀστυνόμου

Штамп 1. (3 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1994, KJK-112, 1/1, D3; **2.** Капул. 1996, KGK-112, 1/2, I5.

3. Капул. 2009, KNK-112, 1/3, D3.

Σωπόλιος
ἀστυνόμο<ς> (υ)

Штамп 3*. (11 экз., Ж-АР): **1.** Капул. 1986, KGK-112,3/1, I5; **2.** Капул. 1992, KGK-112,3/2, J5; **3.** Капул. 1993, KGK-112,3/3, E2; **4.** Капул. 1994, KFK-112,3/4, E2; **5.** Капул.2004, KFK-112,3/5, E3; **6.** Капул. 2006, KFK-112,3/6, F3; **7.** Капул. 2007, KUK-112,3/7, J5; **8.** Капул. 2012, KNK-112,3/8, G5; **9.** Капул. 2013, KNK-112,3/9, H6; **10.** с. Алексеевка, 1960, А. Бодянский, поселение «Устя», река Чертомлык, ЗОКМ (Плешивенко 2004: 101, рис. 1: 1); **11.** г. Васильевка, поселение Лысая Гора (Онайко 1970: 92, табл. 3: 136), целая амфора варианта III-Б (Онайко 1970: 92, табл. 2: 136; Монахов 1989: 152, прил. 5: 101).

121. Φίλιππος (6 экз.)
Φιλίππου
ἀστυνόμου

Штамп 2. (4 экз., П-АР): **1.** Капул. 1992, KFK-121,2/1, D3; **2.** Капул. 1993, KFK-121,2/2, E2; **3.** Капул. 2007, KFK-121,2/3, E2; **4.** Капул. 2013, KNK-121,2/4, I6.

Примечание: на черепице рядом с клеймом астинома известно фабрикантское клеймо см. 2А-38,4/1—2.

Штамп 3. (2 экз., П-АР): **1.** Капул. 1995, KGK-121,3/1, I5; **2.** Капул. 1993, В. Алешин, E3, частная коллекция.

Фрагменты магистратских клейм (36 экз.)

Штамп не определен. (30 экз., Ж-АР): **1—30.** Капул. 1986—2013.

Штамп не определен. (3 экз., Ж-АГ): **1—3.** Капул. 2005—2011.

Штамп не определен. (3 экз., П-АР): **1, 2.** Каменское городище, КДИАМ; **3.** Александропольский курган, 2004—2008, кл. №21 (Полин 2010: 303, рис. 9: 4).

II. Немагистратские клейма

Тип А. Отдельные имена, сокращения и монограммы

4. Απο(- - -) (1 экз.)
Απο(- - -)

Штамп 5*. (1 экз., П-АГ): **1.** Каменское городище, участок «Консервный завод», подъемный материал (Гаврилюк 1999: 409, прил. 4: 42).

Примечание: рядом магистратское клеймо Πασίων, см. 1—93,3/1.

10. Δα(- - -), Δαμα(- - -) (4 экз.)
Δα(- - -) ←

Штамп 1*. (2 экз., П-АР): **1.** Капул. 1994, KUK-2A-10, 1/1, I5; **2.** Капул. 1998, KFK-2A-10, 1/2, G4.

Штамп 2*. (1 экз., П-АР): **1.** Капул.2009, KGK-2A-10,2/1, H4.

Δα
μα(- - -)

Штамп 6*. (1 экз., П-АР): **1.** Каменское городище, 1988, участок «Порт», KVK-2A-10,6/1.

32. Πα(- - -) (1 экз.)
Πα(- - -) ←

Штамп не определен. (1 экз., П-АР): **1.** Каменское городище, НГКМ, без номера, сборы музея.

38. Πρ(- - -) (12 экз.)
Πρ(- - -) ←

Штамп 1. (4 экз., П-АР): **1.** Капул. 1990, KVK-2A-38, 1/1, F3; **2.** Капул. 1991, KGK-2A-38, 1/2, E2; **3.** Капул. 2001, KFK-2A-38, 1/3, J5; **4.** Капул. 2013, KNK-2A-38, 1/4, I6.

Примечание: на других ручках целых амфор и на черепицах известны клейма астинома Ἡράκλειος, см. 1—47—48, 14/1—5.

{Πρ}(- - -)

Штамп 4. (3 экз., П-АР): **1.** Капул. 1992, KFK-2A-38,4/1, I5 (рис. 1: 8); **2.** Капул. 1965, А. Бодянский, G4, ЗОКМ, Арх. 5063, КП-60193 (Плешивенко 1992: 167, табл. 3: 6); **3.** Никополь, 1957, поселение Новопавловка, КИА, инв. №Н-Павл. 2—57.30 (Онайко 1970: 92, кат. 142).

Примечание: известно на черепице рядом с клеймом астинома Φίλιππος, см. 1—121,2/1—3.

Штамп новый. (2 экз., П-АР): **1.** Капул. 2004, KFK-2A-38, N/1, H4 (рис. 1: 2); **2.** Капул. 2013, KNK-2A-38, N/2, G5 (рис. 1: 4).

{Πρ}(- - -) ←

Штамп 5. (2 экз., П-АР): **1.** Капул. 1987, KGK-2A-38,5/1, J5; **2.** с. Дмитровка, случайная находка клейменой амфоры варианта III-А, ножка отбита, ДИМ А-902 (Монахов 1989: 152, прил. 5: 97),

Примечание: на второй ручке клеймо астинома Ἀλέξανδρος, см. 1—9,6/1.

Примечание: на других ручках целых амфор известны клейма астиномов Ἀλέξανδρος, см. 1—9,6/1, и Σώκριτος, см. 1—110,4/1—3.

Штамп новый. (1 экз., П-АР): **1.** Капул. 2007, KNK-2A-38, N/3, F3.

39. Προμαθίων
Προ-
μαθ-
ίων

Штамп 1*. (1 экз., П-АР): **1.** Капул. 1997, KUK-2A-39, 1/1, I5.

Тип Б. Анэпиграфные клейма

1. Розетка (3 экз.)
восьмилучевая
розетка в круге

Штамп 1*. (1 экз., П-АР): **1.** Каменское городище, НГКМ, без номера, сборы музея.

(2 экз., П-АГ): **2.** Каменское городище, 1991, участок «Школа», подъемный материал (Гаврилюк 1999: 409, прил. 4: 49).

3. Каменское городище, 1991, участок «Школа», подъемный материал (Гаврилюк 1999: 409, прил. 4: 48).

Примечание: рядом магистратское клеймо Ξένων, новое сочетание клейм см. 1—90, 1/7, также известно проставленное рядом на горле клеймо астинома Ἡροκᾶς Ἡρότιμου (Кац 1994: 97, кат. 1: 55).

Литература

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. 1991. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э.* Киев: Наукова думка.

Амперер Ж.И., Гарлан И. 1992. Греческие амфорные мастерские. В: Кац В.И., Монахов С.Ю. (ред). *Греческие амфоры.* Саратов: Издательство Саратовского университета, 8—31.

Андросов А.В., Мухопад С.Е. 1987. Скифский аристократический курган «Каменская Близница». В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Памятники бронзового и раннего железного века Поднепровья*. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 59—63.

Андрух С.И. 1998. Случайные находки скифского времени у с. Великая Знаменка. В: *Наукові праці історичного факультету ЗДУ* 4. Запоріжжя: Просвіта, 124—134.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. 1999. *Могильник Мамай-Гора* 1. Запорожье: Запорожский государственный университет.

Андрух С.И. 2001. *Могильник Мамай-Гора* 2. Запорожье: Запорожский государственный университет.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. 2004. *Отчет об охранных раскопках на могильнике Мамай-Гора у с. Великая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области в 2004 г.* НА ИА НАНУ. №2004/183.

Ахмеров Р.Б. 1949. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. *ВДИ* (4), 99—123.

Болтрик Ю.В. 1999. Переправы Нижнего Днепра в скифское время. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова).* III Граковские чтения. Запорожье: Запорожский университет, 45—47.

Болтрик Ю.В. 2004. До питання про політичний центр Скіфії. *ССПіК* XI, 38—41.

Борисова В.В. 1974. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. *НЭ* 11, 99—124.

Виноградов Ю.Г. 1972. Керамические клейма острова Фасос. *НЭ* 10, 3—64.

Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. 1991. *Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья* I. *(Новые материалы)*. Киев: ИА АН УССР.

Гаврилюк Н.О., Оленковський М.П. 1992. Пам'ятки скіфів. *Археологічна карта Нижньодніпровського регіону* 5. Херсон: Препринт.

Гаврилюк Н.А. 1999. *История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н.э.* Харьков: ПТФ.

Гаврилюк Н.О. 2003. Нове поселення доби бронзи на Білозерському лімані. В: Гаврилюк Н.О. (гол. ред.). *Археологічні відкриття в Україні* 5, 77—78.

Граков Б.Н. 1954. *Каменское городище на Днепре.* МИА 36.

Ельников М.В. 2001. *Отчет об исследованиях могильника Мамай-Сурка в 2001 г.* НА ИА НАНУ. №2001/158.

Кац В.И. 1985. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм. *ВДИ* (1), 87—113.

Кац В.И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического.* Саратов: Саратовский университет.

Кац В.И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *БИ* XVIII.

Колесников А.Б. 1985. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка. *ВДИ* (2), 67—93.

Лагодовская Е.Ф., Сымонович Э.А. 1973. Скифский могильник у с. Михайловка на Нижнем Днепре. *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, 235—242.

Мартиненко А.І. 2002. Про проблему хронології херсонеських астиномних клейм «раннього» періоду. *Записки исторического факультета ОГУ* 12, 50—69.

Михлин Б.Ю. 1979. К изучению херсонесских керамических клейм. *ВДИ* (2), 139—159.

Мозолевский Б.Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: Тереножкин А.И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, 187—234.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э.* Киев: Стилос.

Монахов С.Ю. 1989. *Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н.э.* Саратов: Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э.* Саратов: Саратовский университет.

Пиоро В.И., Самойленко Л.Г. 2001. Находки древнегреческих амфор в скифских курганах Днепропетровщины. В: Гладких М.І. (гол. ред.) *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.* Київ: Видавництво Товариства Археології та Антропології, 26—42.

Плешивенко А.Г. 1992. Торговые связи Каменского городища. *ДСПК* 3, 162—172.

Плешивенко А.Г. 2000. Капуловский комплекс скифского времени. *ССПіК* 8, 222—236.

Плешивенко А.Г. 2009. Амфорные клейма Нижнего Поднепровья. *ССПіК* 15, 131—136.

Погребова Н.Н. 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. Городища Знаменское и Гавриловское. *МИА* 64, 103—248.

Полин С.В. 2010. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004—2009 гг.). *АМА* 14, 262—307.

Фатеев О.В. 2002. Синопский амфорный импорт на Капуловском поселении. *ССПіК* X, 173—195.

Фатеев О.В. 2004а. Находки амфорных клейм в Нижнем Приднепровье. *ССПіК* XI, 255—261.

Фатеев О.В. 2004б. Херсонесский амфорный импорт на скифских поселениях Нижнего Приднепровья. *ССПіК* XI, 262—265.

Фатеев О.В. 2009. Амфоры и клейма Гераклеи Понтийской из Капуловки. *ССПіК* XV, 284—303.

Фатеев О.В. 2013. Комплекс амфорной тары из Капуловки (находки 2011 года). *АМА* 16, 275—281.

Фатеев О.В., Клочко Р.В. 2013. Амфорные клейма Каменского городища из Мелитопольского краеведческого музея. *ССПіК* XVII, в печати.

Федосеев Н.Ф. 1992. Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм. *Греческие амфоры.* Саратов: Саратовский университет, 147—163.

Федосеев Н.Ф. 1997. Рец. на кн.: Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов,

1994. *ВДИ* (1), 221—226.

Федосеев Н.Ф. 2004. Методы датирования керамических клейм. *ССПiК* XI, 265—269.

Kac et al. 2002: Kac V.I., Monachov S.Ju., Stolba V.F., Šceglov A.N. 2002. Tiles and Ceramic Containers. In: Hannestad L., Stolba V.F., Šceglov A.N. (eds.). *The Monumental Building U6. Panskoye I* 1. Aarhus: Aarhus University Press, 101—126.

Stolba V.F. 2005. Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology. *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400—100 B.C.* Aarhus: Aarhus University Press, 154—177.

References

Alexeev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk. Skifskii tsarskii kurgan IV v. do n. e. (Chertomlyk. A Scythian royal barrow from 4th century BC).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Empereur, J.-Y., Garlan, Y. 1992. In *Grecheskie amfory (Greek amphorae).* Saratov: Saratovskii universitet, 8—31 (in Russian).

Androsov, A. V., Mukhopad, S. E. 1987. In *Pamiatniki bronzovogo i rannego zheleznogo veka Podneprov'ia (Bronze and Early Iron Age sites from the Dnieper region).* Dnepropetrovsk: DGU, 59—63 (in Russian).

Andrukh, S. I. 1998. In *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'koho derzhavn'oho universytetu (Scientific works of the Historical Department of the Zaporizhia State University)* 4. Zaporizhzhia: Prosvita, 124—134 (in Russian).

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 1999. *Mogil'nik Mamai-Gora (Necropolis of Mamai-Gora)* 1. Zaporozhye: ZDU (in Russian).

Andrukh, S. I. 2001. *Mogil'nik Mamai-Gora (Necropolis of Mamai-Gora)* 2. Zaporozhye: ZDU (in Russian).

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 2004. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh na mogil'nike Mamai-Gora u s. Velikaia Znamenka Kamensko-Dneprovskogo raiona Zaporozhskoi oblasti v 2004 g. (Report on the rescue excavations on the necropolis of Mamai-Gora near the village of Velikaia Znamenka from Kamensko-Dneprovskii district of Zaporozhskaia region in 2004).* Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). №2004/183 (in Russian).

Akhmerov, R. B. 1949. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (4), 99—123 (in Russian).

Boltrik, Yu. V. 1999. In *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (K 100-letiiu B. N. Grakova) (Problems of Scythian and Sarmatian archeology of the Northern Pontic region).* Zaporozhye: ZGU, 45—47 (in Russian).

Boltrik, Yu. V. 2004. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XI, 38—41 (in Ukrainian).

Borisova, V. V. 1974. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 11, 99—124 (in Russian).

Vinogradov, Yu. G. 1972. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 10, 3—64 (in Russian).

Gavriliuk, N. A., Abikulova, M. I. 1991. *Pozdneskifskie pamiatniki Nizhnego Podneprov'ia (Late Scythian sites of Lower Dnieper region)* I. *(Novye materialy) ((New materials)).* Kiev: IA AN USSR (in Russian).

Gavriliuk, N. O., Olenkovsky, M. P. 1992. In *Arkheolohichna karta Nyzhn'odniprovs'koho rehionu (Archaeological map of Lower Dnieper region)* 5. Kherson: Preprynt (in Ukrainian).

Gavriliuk, N. A. 1999. *Istoriia ekonomiki Stepnoi Skifii VI—III vv. do n. e. (History of economy of Steppe Scythia in 6th—3rd centuries BC).* Kharkov: PTF (in Russian).

Gavriliuk N. O. 2003. In *Arkheolohichni vidkryttya v Ukraïni (Archaeological investigations in Ukraine)* 5, 77—78 (in Ukrainian).

Grakov, B. N. 1954. *Kamenskoe gorodishche na Dnepre ((Kamenskoe fortified settlement on the Dnieper).* Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 36 (in Russian).

Elnikov, M. V. 2001. *Otchet ob issledovaniiakh mogil'nika Mamai-Surka v 2001 g. (Report on the investigations of Mamai-Surka necropolis in 2001).* Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). №2001/158 (in Russian).

Kac, V. I. 1985. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 87—113 (in Russian).

Kac, V. I. 1994. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo (Ceramic stamps of Tauric Chersonesos).* Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Kac, V. I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) (Greek ceramic Classic and Hellenistic stamps (a complex study)).* Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies) XVIII (in Russian).

Kolesnikov, A. B. 1985. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 67—93 (in Russian).

Lagodovskaya, E. F., Symonovich, E. A. 1973. In *Skifskie drevnosti (Scythian antiquities).* Kiev: Naukova dumka, 235—242 (in Russian).

Martinenko, A. I. 2002. In *Zapiski istoricheskogo fakul'teta Odesskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the department of history of the Odessa State University)* 12, 50—69 (in Ukrainian).

Mikhlin, B. Yu. 1979. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 139—159 (in Russian).

Mozolevskii, B. N. 1973. In *Skifskie drevnosti (Scythian antiquities).* Kiev: Naukova dumka, 187—234 (in Russian).

Mozolevskii, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Barrows of the Scythian Gerros from the 4th century BC)* Kiev: Stilos (in Russian).

Monachov, S. Ju. 1989. *Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV—II vv. do n. e. (Amphorae of Taurical Chersonesos from 4th—2nd centuries bC).* Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Monachov, S. Ju. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary VII—II vv. do n. e. (Greek amphorae in the Pontic region. Complexes of ceramic ware from the 7th–2nd centuries BC).* Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Pioro, V. Y., Samoilenko, L. H. 2001. In *Mors'ka torhivlya v Pivnichnomu Prychornomor'i (Sea trade in Northern Pontic region).* Kiev: Vydavnyts'tvo Tovarystva arkheolohiï ta antropolohiï, 26—42 (in Russian).

Pleshivenko, A. G. 1992. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* 3, 162—172 (in Russian).

Pleshivenko, A. G. 2000. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* 8, 222—236 (in Russian).

Pleshivenko, A. G. 2009. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* 15, 131—136 (in Russian).

Pogrebova, N. N. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 64, 103—248 (in Russian).

Polin, S. V. 2010. In *Antichnyi mir i arkheologiia (Ancient world and archaeology)* 14, 262—307 (in Russian).

Fateev, O. V. 2002. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* X, 173—195 (in Russian).

Fateev, O. V. 2004. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XI, 255—261 (in Russian).

Fateev, O. V. 2004. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i*

Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea) XI, 262—265 (in Russian).

Fateev, O. V. 2009. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XV, 284—303 (in Russian).

Fateev, O. V. 2013. In *Antichnyi mir i arkheologiia (Ancient world and archaeology)* 16, 275—281 (in Russian).

Fateev, O. V., Klochko, R. V. 2013. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XVII, in print (in Russian).

Fedoseev, N. F. 1992. In *Grecheskie amfory.* Saratov: Saratovskii universitet, 147—163 (in Russian).

Fedoseev, N. F. 1997. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 221—226 (in Russian).

Fedoseev, N. F. 2004. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XI, 265—269 (in Russian).

Kac, V.I., Monachov, S.Ju., Stolba, V.F., Šceglov, A.N. 2002. Tiles and Ceramic Containers. In: Hannestad L., Stolba V.F., Šceglov A.N. (eds.). *The Monumental Building U6. Panskoye I* 1. Aarhus: Aarhus University Press, 101—126.

Stolba, V.F. 2005. Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology. *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400—100 B.C.* Aarhus: Aarhus University Press, 154—177.

Статья поступила в номер 24 января 2014 г.

Oleg Fateev (Dnepropetrovsk, Ukraine). Raiffeisen Bank Aval[1].

Oleg Fateev (Dnepropetrovsk, Ucraina). Raiffeisen Bank Aval.

Фатеев Олег Викторович (Днепропетровск, Украина). Райффайзен Банк Аваль.

E-mail: fateev1963@gmail.com

Address: [1] Artema St., 4-d, Dnepropetrovsk, 49044, Ukraine

А. М. Новичихин

К династической истории Синдики: Горгипп и его потомки

Keywords: Bosporan Kingdom, Sindica, Chersonesos Tauric, Gorgippia, Spartocids, Gorgippos, dynastic history.

Cuvinte cheie: Regatul Bosporan, Sindica, Chersonesos Tauric, Gorgippia, Spartocizi, Gorgippos, istorie dinastică.

Ключевые слова: Боспорское царство, Синдика, Херсонес Таврический, Горгиппия, Спартокиды, Горгипп, династическая история.

A. M. Novichikhin

About the Dynastic History of Sindica: Gorgippos and His Descendants

The author studies dynastic history of Sindica after it became part of the Bosporan State and defines the role of Gorgippos, son of Satyros, in administration of this province, as a representative of Bosporan Spartocids and a possible hereditary Sindican dynast. The author uses written, first of all epigraphic, sources to study the fate of his descendants. He brings additional arguments to regard Gorgippos of Polyaenus's Stratagems and Gorgippos of Dinarchos's speech as the namesake grandfather and grandson. A link is found between the family of Sindica's ruler and a female representative of a famous Chersonesos family who bore Gorgippos's name.

A. M. Novichikhin

Contribuții la istoria dinastică a Sindicăi: Gorgippos și urmașii acestuia

Articolul este consacrat istoriei dinastice a Sindicăi după includerea în statul Bosporan. Este determinat rolul lui Gorgippos, fiul lui Satyros, reprezentant al Spartocizilor din Bospor și posibil dinast ereditar sind, în guvernarea regiunii. În baza izvoarelor scrise, înainte de toate, a celor epigrafice, este urmărită soarta urmașilor lui Gorgippos. Sunt aduse argumente, care permit identificarea lui Gorgippos din „Stratagemele" lui Polyaenus și a lui Gorgippos din discursul lui Dynarch, drept bunel și nepot, purtând același nume. Poate fi conturată legătura dintre familia lui Sindica și o altă familie nobilă din Chersonesos, una dintre reprezentantele căreia purta numele lui Gorgippos.

А. М. Новичихин

К династической истории Синдики: Горгипп и его потомки

Статья посвящена династической истории Синдики после ее включения в состав Боспорского государства. Определяется роль в управлении этой областью Горгиппа сына Сатира как представителя боспорских Спартокидов и возможного наследственного синдского династа. На материале письменных, в первую очередь эпиграфических, источников прослеживается судьба его потомков. Приводятся дополнительные аргументы, позволяющие рассматривать Горгиппа из «Стратегем» Полиена и Горгиппа из речи Динарха как одноименных деда и внука. Прослеживается связь семейства правителя Синдики со знатной херсонесской фамилией, одна из представительниц которой носила имя Горгиппа.

Тему изучения правящей в Синдике царской династии одним из первых поднял М. И. Ростовцев, отметивший, что «ряд указаний говорит нам, что у синдов, параллельно с боспорскими владыками, была своя полу-греческая династия» (Ростовцев 1918: 92). В своих работах исследователь неоднократно высказывал мнение, что упоминаемый в «Стратегемах» Полиена (VIII, 55) Горгипп, «богатыми дарами и просьбами» установивший мир с меотийской воительницей Тиргатао, не представитель семейства Спартокидов, а один из местных синдских династов (Ростовцев 1918: 123; 1925: 133). Наиболее отчетливо эта мысль прослеживается в опубликованной в 1915 г. статье «Амага и Тиргатао». Исследователь отмечал, что Горгиппа, как и Гекатея, следует считать «местным вассальным Боспору царем синдов, принявшим вместе с греческой цивилизацией и греческое имя. По имени одного из этих царей получила свое греческое название и Горгиппия... Только через брачный союз с дочерью одного из Горгиппов имя это вошло и в династию Спартокидов». М. И. Ростовцев не исключал, что в Горгиппе, упомянутом Динархом (Contra Dem., I, 43), следует видеть «вассального династа Горгиппии, находившегося в свойстве со Спартокидами». Исследователь выразил уверенность в том,

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© А. М. Новичихин, 2014.

что «Горгиппия имела во все время существования Спартокидов свою собственную синдскую династию, связанную брачными узами с пантикапейскими тиранами и вассальную Пантикапею» (Ростовцев 1915: 66, 67). Свои соображения по вопросу, был ли Горгипп «сыном Сатира, или сыном упомянутого Полиеном синдского династа Гекатея от брака с дочерью Сатира», М.И. Ростовцев намеревался изложить во второй части «Скифии и Боспора» (Ростовцев 1925: 133), которая, как известно, не была завершена. В сохранившихся главах второй части книги, опубликованных позднее, в том числе и в главе, посвященной Спартокидам (Ростовцев 1989: 183—197), эта тема не затронута.

Вопрос о династической истории Синдики затрагивался также М.И. Артамоновым в книге «Киммерийцы и скифы». По его мнению, Селевк, известный по сообщению Диодора Сицилийского (XII, 36), как преемник Спартока, основателя боспорской династии Спартокидов, был не боспорским царем, а владыкой Синдики. С ним М.И. Артамонов, вслед за А.И. Болтуновой, отождествлял Селевка сына Евмела, имя которого восстанавливается[1] в тексте найденного в Синдике (на территории Анапы) проксенического декрета КБН 4 Add и от имени которого был издан этот документ. Поскольку Диодор ничего не сообщает о характере родства первых двух Спартокидов, исследователь не исключает, что упоминаемый в анапской надписи Евмел был не только отцом Селевка, но и отцом Спартока, родоначальника боспорской династии. Таким образом, Евмел рассматривается М.И. Артамоновым в качестве родоначальника царских династий и Боспора, и Синдики. Развивая идею о единстве происхождения боспорской и синдской царских фамилий[2], исследователь пришел к выводу о том, что Спарток, «сделавшись архонтом нуждавшихся в поддержке синдов боспорских городов, оставался членом синдской царской династии и сохранял за собой соответствующие права». Унаследовавший эти права сын Спартока Сатир стремился поддержать своего «двоюродного брата» Гекатея, закрепив отношения с ним брачным союзом. Династическими правами Спартокидов на Синдику объясняется и назначение синдским царем сына Сатира Горгиппа, состоявшееся, по мнению М.И. Артамонова, после смерти Гекатея, в то время как брат Горгиппа Левкон наследовал боспорский престол после смерти Сатира. Тем самым исследователь, казалось бы, устранил противоречие между сообщениями Полиена (VIII, 55) и Диодора (XIV, 93), называющих нам преемниками Сатира разных лиц — Горгиппа и Левкона соответственно (Артамонов 1974: 122—124).

Следует отметить, что по вопросу о происхождении династии в реконструкции М.И. Артамонова имеется весьма уязвимая позиция. Датировка анапского декрета первой половиной IV в. до н.э. уже на момент издания КБН принималась не всеми исследователями, что нашло отражение в лемме к надписи. Позже ряд авторов привели аргументы в пользу отнесения надписи к концу IV — началу III в. до н.э. и возможности видеть в отце правителя, от имени которого издан декрет, известного из сочинения Диодора (XX, 22—26, 100) боспорского царя Евмела (подробнее см: Завойкин 2006: 229—230; Яйленко 2011: 69—76; Сапрыкин, Федосеев 2011: 98, примеч. 22). Если согласиться с датировкой анапской проксении, предложенной А.И. Болтуновой и поддержанной М.И. Артамоновым, то тогда ее либо следует относить к первым годам указанного столетия[3], либо рассматривать в качестве копии с более раннего документа. И то, и другое относится к разряду, пусть и правдоподобных, но гипотез.

Личность Горгиппа и его место в династической истории Боспора неоднократно привлекали внимание исследователей.

Свидетельства источников о Горгиппе немногочисленны. Прежде всего, это, конечно, «Стратегемы» Полиена, который, повествуя об окончании войны Боспора с меотской коалицией, возглавляемой язаматами (иксоматами), сообщает о том, что после смерти Сатира Горгипп, «наследовав престол, сам явился к Тиргатао с просьбами и богатейшими дарами и тем самым прекратил войну» (Polyaen, VIII, 55). Другое нарративное свидетельство о Горгиппе содержится в речи Динарха против Демосфена, обвиняющей последнего в том, что по его распоряжению в Афинах были установлены медные статуи «тиранов с Понта»: Перисада, Сатира и Горгиппа (Contra Dem., I, 43).

Известны также три боспорских эпиграфических памятника, упоминающих Гор-

[1] От имени сохранились четыре последних буквы: -ΥΚΟΣ

[2] В одной из более ранних работ М.И. Артамонов допускал синдское происхождение династии Спартокидов (Артамонов 1949: 37).

[3] И то только с учетом максимально допустимого на основании сообщения Диодора срока правления Селевка в 40 лет.

гиппа: посвящение «сильным богам Санергу и Астаре» от имени Комосарии, дочери Горгиппа и жены Перисада, из станицы Ахтанизовской (КБН 1015), еще одно посвящение дочери Горгиппа (вероятно, той же Комосарии) из Нимфея (Виноградов 1999: 20), надпись на золотом амулете, указывающем на его принадлежность Орхаму, сыну Горгиппа, из погребения близ курганного некрополя Пантикапея (Яйленко 1990: 289, рис. 2; 2005: 503, 504). Кроме того, из раскопок Горгиппии происходят несколько черепичных клейм в круглой рамке с плющевым венком и именем Горгиппа в родительном падеже в четыре строки ГОР/ГІП/ПО/Y (рис. 1) (Латышев 1895: 71; Алексеева 1986: 65, рис. 2; 1997: 39, рис. 27; Кац 2007: 335; Новичихин, Галут 2013: Рис. на с. 14). Наконец, сам факт существования боспорского города Горгиппия, зафиксированного как письменной традицией (Страбон XI, 2, 10, 120, Стефан Византийский), так и боспорской эпиграфикой (надписи КБН 1115, 1118, 1119, 1134 и др.), а также нумизматическими материалами (Анохин 1986: 72, 73, 145, табл. 7: 195 (Г-1), 197 (Г-2); 8, 209—211 (Г-3)), указывает на имя основателя полиса, его эпонима.

Прежде всего, исследователи попытались объяснить противоречие между сообщением Диодора Сицилийского о наследовании боспорского престола после смерти Сатира I его сыном Левконом (Diod., XIV, 93) и свидетельством Полиена о том, что преемником Сатира стал Горгипп (Polyaen, VIII, 55). Левкон I хорошо известен по боспорским надписям, где он фигурирует в качестве правителя Боспорского государства, сочетая в своем титуле термины «архонт» и «царь», в том числе «царь синдов» (КБН 6, 6а, 8, 1037, 1038, 1111, надписи с Семибратнего городища, из Гермонассы и из Нимфея). Горгипп, как указывалось выше, в памятниках боспорской эпиграфики представлен дважды, в надписях КБН 1015 и из Нимфея, составленных от имени Комосарии, дочери Горгиппа, жены боспорского царя Перисада I, сына Левкона. Кроме того, Горгипп в качестве члена семейства Спартокидов упомянут в речи Динарха против Демосфена (I, 43).

Удачная попытка разрешения указанного противоречия была предпринята И.Б. Брашинским. Он обосновал предположение, что в Боспорском царстве уже на ранней стадии его истории сложилась система соправительства, при котором власть над государством была разделена между двумя представителями правящего дома. В случае с Левконом и Горгиппом первый был официальным правителем Боспора, а второй — его соправителем, управлявшим боспорскими владениями на азиатской стороне. Именно этим объясняется отсутствие упоминания Горгиппа у Диодора, источник которого «называл лишь официальных носителей власти и верховного титула», «Горгипп самостоятельно никогда не правил, поэтому он и оказался за пределами внимания Диодора». Полиен же «пользовался источником, который специально интересовался азиатской стороной Боспора, где тогда правил Горгипп» (Брашинский 1965: 120, 121).

Рис. 1. Четырехстрочное клеймо с именем Горгиппа на фрагменте кровельной черепицы. Глина. IV в. до н.э. Городище Горгиппии. Находка автора, 1990 г. (фото Е.В. Харланова).

Fig. 1. The stamp with the name of Gorgippos on a fragment of roofing tile. Clay. 4th century BC. Gorgippia. The find of the author, 1990 (photo by E. Harlanov).

Мнение И.Б. Брашинского было поддержано Н.Л. Грач, посвятившей Горгиппу специальную работу. Исследовательница исходила из того, что все известные на тот момент письменные свидетельства о Горгиппе (Полиен, Динарх и надпись КБН 1015) сообщают об одном и том же человеке, представителе династии Спартокодов. Поскольку указанные источники охватывали период в 80—90 лет, Н.Л. Грач сделала заключение о том, что Горгипп пережил своего старшего брата и оставался соправителем при сыновьях Левкона — Спартоке и Перисаде. Исследовательница пришла к выводу, что роль Горгиппа в политической системе Боспора «была совершенно особой, так как он принадлежал к числу тех членов семьи боспорского правителя, которым поручалось управление какой-то важной областью государства».

Поскольку Горгипп имел прямое отношение к присоединению Синдики к Боспорскому государству, то «государственная деятельность Горгиппа в течение всей его долгой жизни была, очевидно, связана главным образом с областью Синдики» (Грач 1968: 108—114).

Обоснованное И.Б. Брашинским и Н.Л. Грач представление о системе правления в Боспорском государстве, при которой Горгиппу отводилась роль соправителя при старшем брате, а затем при племянниках, один из которых был его зятем, долгое время было господствующим среди историков (Шелов-Коведяев 1986: 154—157).

Правда, С.Ю. Сапрыкин высказал предположение, что старшим сыном Сатира был Горгипп, еще при жизни отца «сконцентрировавший активность на Азиатском Боспоре, где, по-видимому, находилась большая часть его владений», и именно он был преемником Сатира, чем объяснятся отсутствие у Левкона свойственных правителю титулов в некоторых боспорских надписях. Однако впоследствии, «после серии заговоров и измен, а скорее всего, после падения Феодосии и победы над гераклеотами Левкону I удалось постепенно отодвинуть старшего брата на второй план, оставив ему только Азиатский Боспор» (Сапрыкин 2003: 27).

Дополнительные аргументы в пользу того, что Боспор был поделен между соправителями по проливу, старший, Левкон, управлял европейской, а младший, Горгипп,— азиатской частью государства, были приведены В.П. Яйленко. Исследователь предположил, что при жизни отца, Сатира I, старший из братьев, Левкон, помогал ему в управлении государством, приобретая соответствующий опыт, а Горгипп уже тогда получил свой удел к востоку от Киммерийского Боспора: именно поэтому Полиен и назвал его наследником Сатира. Традиция подобного «улусного» правления, по мнению В.П. Яйленко, была заимствована боспорскими правителями у скифов царских (Яйленко 1990: 291).

А.А. Завойкин поддержал и развил мнение, высказанное еще в начале XX в. Э. Минзом, о том, что Полиен и Динарх сообщают о двух разных представителях спартокидской династии, носивших имя Горгипп: в первом случае речь идет о сыне Сатира, брате Левкона I, во втором — о сыне Перисада I, т. е об одноименных деде и внуке (Завойкин 2000: 189, примеч. 58). Кроме того, исследователь обратил внимание, что источники достоверно указывают лишь на институт соправительства в период, когда у власти находились сыновья Левкона I, но не на период царствования самого Левкона (Завойкин 2000: 186, примеч. 9).

В результате анализа несколько сократившегося (хотя и пополнившегося надписью из Нимфея) комплекса источников о Горгиппе О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко пришли к выводу, что нет оснований считать Горгиппа соправителем старшего брата «в буквальном смысле этого слова», а следует рассматривать его как наместника Левкона I «в городе, получившем тогда или впоследствии его (Горгиппа — *А.Н.*) имя» (Соколова, Павличенко 2002: 114—119).

Соглашаясь в целом с мнением петербургских исследовательниц о вероятном использовании боспорскими царями младших представителей правящего дома в качестве наместников в крупных городах[4], заметим, что это нисколько не отрицает возможности соправительства как такового, в том числе и в случае с Левконом I и Горгиппом. На правах младшего соправителя Горгипп мог управлять азиатской частью государства или же вошедшей в состав Боспора Синдикой. Не исключено, если допустить возможность родства или матримониальных контактов Горгиппа с династией синдских царей (Артамонов 1974: 123, 124; Тохтасьев 1994: 82; 2004: 176), что часть этой области могла принадлежать Горгиппу на правах собственности. Именно поэтому он, как сообщает Полиен, вынужден был вести переговоры с Тиргатао, усмиряя «просьбами и богатейшими дарами» жестокую меотийскую воительницу, дабы не подвергать «ужасам грабежа и резни», прежде всего, свои владения. Причем резиденцией Горгиппа становится не расположенная в глубинной Синдике старая столица синдских царей Лабрита (Семибратнее городище), а важный в политическом, стратегическом и экономическом отношениях, хотя и разоренный недавней войной с язаматами, греческий город на побережье — Синдская гавань. Вполне вероятно,

[4] Следует отметить, что некоторые из памятников боспорской эпиграфики могут рассматриваться в качестве дополнительного свидетельства в пользу существования в Боспорском царстве такого варианта института наместничества, при котором младшие представители династии Спартокидов получали в «удел» важные города и области государства. Таковым, прежде всего, является надпись из Нимфея, представляющая собой посвящение от имени дочери Горгиппа, имя которой уверенно восстанавливается как Комосария (Виноградов 1999: 20). Последняя, как известно из надписи КБН 1015, была женой Перисада сына Левкона, будущего боспорского царя. Весьма вероятно, что надпись относится к тому периоду, когда ее супруг на правах младшего представителя правящего дома владел Нимфеем.

это обстоятельство привело к последующему восприятию (или официальному статусу) Горгиппии как «царской столицы синдов», запечатленному Страбоном (Strab. XI, 2, 10).

Таким образом, на основании имеющегося на сегодняшний день комплекса источников есть основания полагать, что Горгипп сын Сатира, будучи соправителем своего старшего брата Левкона, не только выполнял наместнические функции в Синдике (Алексеева 1997: 39; Сапрыкин 2003: 27), но, весьма вероятно, владел частью синдских земель на правах наследственного династа, не имея при этом титула синдского царя, который на протяжении долгого времени прочно удерживался правителями Боспора — Левконом и его преемниками[5].

О семье и возможных наследниках Горгиппа известно очень мало. Среди памятников боспорской эпиграфики имеется два посвящения от имени его дочери Комосарии: надпись из ст. Ахтанизовской КБН 1015 и надпись из раскопок Нимфея 1991 г. (во втором случае имя Комосарии восстановлено с большой долей уверенности) (Виноградов 1999: 20). Посвящение «сильным богам Санергу и Астаре», представлявшим пантеон варварского, синдо-меотского, населения близких к Азиатскому Боспору регионов, может, по мнению С.Р. Тохтасьева, указывать на то, что Комосария — дочь Горгиппа от брака с синдской царевной (Тохтасьев 1994: 82).

Согласно надписи КБН 1015, Комосария была женой своего двоюродного брата, царя Перисада I сына Левкона, правившего в период с 349 по 310 гг. Данный кросскузенный брак, по словам А.А. Завойкина, «объединил старшую и младшую ветви правящего рода Спартокидов, цементируя единство государства и принцип единонаследия по старшей мужской линии» (Завойкин 2000: 182).

Надпись на постаменте из Нимфея является посвящением Комосарии богине (предположительно Артемиде) с эпитетом Илифия — «защитница рожениц», и, судя по всему, составлена по поводу появления на свет одного из наследников. Источники содержат несколько свидетельств о детях Перисада I, матерью которых (или некоторых из них, если допустить, что Перисад мог быть женат дважды) была Комосария. Судя по надписи КБН 1041, Перисад имел дочь Акию, ставшую, согласно надписи КБН 1037, еще в правление Левкона женой некоего Демофонта, сына Эргина. Диодор (XX, 22—26) называет трех сыновей Перисада I, ставших в 310—309 гг. до н.э. активными участниками разыгравшейся в Боспорском государстве усобицы — Сатира, Евмела и Притана. Для выяснения состава семьи Персада весьма важным источником является речь Динарха против Демосфена. Динарх обвиняет афинского политика в том, что тот распорядился установить на Агоре медные статуи «тиранов с Понта»: Перисада, Сатира и Горгиппа. Упомянутый афинским оратором Перисад — это, несомненно, боспорский царь 349—310 гг. до н.э., в Сатире и Горгиппе исследователи обычно видят его соправителей: Сатира — старшего сына, известного по Диодору боспорского царя 310—309 гг до н.э., и Горгиппа — дядю и одновременно тестя (Гайдукевич 1949: 518, примеч. 154; Грач 1968: 110, 111; Шелов-Коведяев 1986: 157; Алексеева 1997: 38, 39).

Однако еще в начале XX в. Э. Миннз высказал предположение, что упоминаемый Динархом Горгипп — вовсе не брат Левкона и дядя Перисада, а один из сыновей последнего (Minns 1913: 573). Это точка зрения получила дополнительную аргументацию А.А. Завойкина (2000: 189, примеч. 58) и в настоящее время поддерживается целым рядом исследователей (Соколова, Павличенко 2002: 116).

Действительно, при подтвержденной источниками для Боспора формы соправительства двух братьев или отца со старшим сыном (сыновьями), совместное правление деда с внуками (и одновременно внучатыми племянниками) выглядит весьма необычным и едва ли может объясняться тем, что «лицо, однажды ставшее причастным к управлению государством, сохраняет это право на всю жизнь» (Шелов-Коведяев 1986: 157). Кроме того, отождествление Горгиппа из «Стратегем» Полиена и Горгиппа из речи Динарха предусматривало бы признание факта его долгожительства — к 324 г. до н.э. его возраст достигал бы никак не менее 90 лет (Завойкин 2000: 189, примеч. 58). Едва ли такой феноменальный случай долгожительства остался бы незамеченным. Однако в основополагающем для античной эпохи трактате «Долговечные», приписываемом Лукиану, автор которого, судя по пассажам о скифском царе Атее и о боспорском правителе Асандре, прекрасно ориентировался в северопричерноморском материале (Ps.-Luc., 10, 17), о Горгиппе нет ни слова.

[5] Как отметил еще С.А. Жебелев, едва ли после подчинения Боспором Синдики там могла сохраняться правящая династия, находившаяся в вассальной зависимости от боспорских архонтов — тот факт, что начиная с Левкона правители Боспора именовали себя царями синдов, свидетельствует против этого (Жебелев 1953: 171, примеч. 8).

Имя Горгиппа весьма показательно. Мужские имена с основой на ἵππος (конь) были весьма популярны в среде афинской аристократии V—IV вв. до н.э. Как известно, Аристофан в комедии «Облака» (ок. 423 г. до н.э.) высмеивал стремление аттической знати давать новорожденным мальчикам «конно-ипподромные» имена (Карпюк 2003а: 6, 8, 31; 2003б: 179, 182). Появление в конце V в. до н.э. в семействе Спартокидов имени с аристократическим афинским «звучанием» можно объяснить ксеническими связями боспорской правящей фамилии со знатными родами Аттики. Такие связи, несомненно, должны были иметь место вследствие активной торговли боспорским хлебом, которую осуществляли Спартокиды в Афинах (Брашинский 1963: 118—139; Кузнецов 2000: 107—120; Малышев 2005: 69—73). Не исключены и другие формы установления ксенических контактов между боспорскими и афинскими аристократическими семействами (Суриков 2011: 415—418).

Помимо Боспора, где имя Горгипп носили два представителя правящего дома Спатокидов, этот антропоним в качестве мужского имени в Причерноморье неизвестен. Однако женский вариант имени засвидетельствован в Херсонесе в надписи на надгробной стеле IV в. до н.э.: «Горгиппа и Амфий, (дети) Матрия» (Даниленко 1966: 146, № 71).

Известняковая надгробная стела с карнизом и гладким акротерием найдена при раскопках башни Зенона, где, вместе с другими надгробными памятниками, была вторично использована в качестве строительного материала. Имя Горгиппа стоит в надписи в дорической форме, с окончанием на –α. Э.И. Соломоник, отметив отсутствие в словарях женского имени Горгиппа, справедливо сопоставила его с мужским именем Горгипп, принадлежавшем известному Спартокиду, сыну Сатира, основателю и эпониму боспорского города Горгиппия (Соломоник 1969: 70, 71, рис. 36; 1988: 83).

Редкость имени дает основания для предположения о том, что кто-то из членов семьи Горгиппа был связан браком с представителем одного из аристократических семейств Херсонеса. С учетом датировки надписи IV в. до н.э., речь, весьма возможно, может идти об еще одной дочери или же о внучке основателя Горгиппии, ставшей в замужестве за Матрием матерью и назвавшей одну из дочерей в честь именитого предка.

Имя Матрий в Херсонесе хорошо известно на амфорных клеймах — несколько его носителей на протяжении последней четверти IV—III в. до н.э. исполняли обязанности астиномов (Даниленко 1966: 157; Соломоник 1973: 172, 173; Кац 1994: 103, 104; 2007: 442, 443). На Боспоре имя Матрий зафиксировано дважды, причем оба раза в горгиппийском агонистическом каталоге КБН 1137 — Матрий сын Стратоника и Матрий сын Евмела.

Антропоним Матрий относится к числу имен, внесенных в агонистический каталог в дорийской форме. Традиционно считается, что носителями дорийских имен среди граждан Горгиппии были каллатийцы, переселенные на Азиатский Боспор («в Псою») Евмелом (Diod. XX, 25), и их потомки (Берзин 1961: 121—127; Анохин 1999: 210—224). Однако С.Р. Тохтасьевым было отмечено, что некоторые из имен дорийского происхождения, включенных в горгиппийский список, были распространены в Херсонесе. В их числе и имя Матрий. Исследователем был сделан вывод о возможном присутствии в составе населения Горгиппии группы выходцев из Херсонеса, переселившихся сюда в конце IV — начале III в. до н.э. в качестве политических изгнанников (Тохтасьев 1988: 115).

Политическая борьба между демократическим и олигархическим (или тиранническим) лагерями в Херсонесе, хорошо прослеживаемая по нумизматическим материалам второй половины IV — начала III в. до н.э. (Анохин 1977: 48—51), приводила к высылке из полиса семейств проигравших в этом противостоянии одиозных политиков и их сподвижников («отпавших» херсонесской присяги). Существование в Херсонесе в конце IV — начале III в. до н.э. практики политического изгнанничества засвидетельствовано надписью, в которой, согласно реконструкции текста, предложенной Е.И. Соломоник, идет речь о возвращении изгнанникам их имущества и гражданских прав (Соломоник 1984: 72—81). Убежищем опальных политиков могла служить не только херсонесская метрополия Гераклея Понтийская, как это предполагала Э.И. Соломоник, но и города Боспора.

То, что один из херсонеситов в это же время выбирает для своей дочери имя Горгиппа (в дорической форме), может служить дополнительным аргументом в пользу версии о присутствии в Горгиппии выходцев из Херсонеса, причем представлявших весьма влиятельные фамилии, что вполне очевидно, коль скоро речь идет о политических изгнанниках. Представляется, что брак женщины из младшей ветви Спартокидов с представителем влиятельного оппозиционного херсонесского семейства мог быть для боспорских царей весьма выгоден политически. Имя доче-

ри, как это нередко бывало, могло быть дано по названию города, где она родилась. Факт погребения ее вместе с братом на некрополе Херсонеса свидетельствует о возвращении семьи Матрия на родину.

Не исключены, впрочем, и другие мотивы имянаречения Горгиппы. Один из горгиппийский Матриев назван в каталоге сыном Евмела, а это имя, как известно, входило в ономастикон Спартокидов, пусть и не в качестве династического (Завойкин 2006: 214—361). Спартокид Селевк сын Евмела, как следует из надписи КБН 4 add, представлял в Горгиппии в конце IV — начале III в. до н. э. царскую власть. Анализ черепичных клейм с именем Евмела (ЕΥΜΗΛΟΥ) привел А. А. Завойкина к выводу о том, что «это имя, хотя и не вошло в царский именник, но сохранилось употребительным у младших представителей рода, связанного с Горгиппией» (Завойкин 2006: 245, 246). В боспорских надписях имя Евмел встречено лишь дважды[6], причем одно из них — патронимик одного из горгиппийских Матриев. Имя Матрия сына Евмела в агонистическом каталоге стоит в самом начале списка (сторона Б, столбец 2), т. е. он был жителем Горгиппии во второй половине IV в. до н. э. Если допустить, что Матрий сын Евмела находился в родстве с проживавшей в Горгиппии ветвью Спартокидов, тогда его выбор для дочери имени Горгиппа мог быть обусловлен его собственной принадлежностью к потомкам Горгиппа. В таком случае имя Горгиппы, рожденной в Горгиппии, становилось бы дважды символичным.

Еще об одном представителе семейства Горгиппа сообщает надпись «Орхам сын Горгиппа», начертанная на золотом амулете, сопровождавшем захоронение на курганном некрополе Пантикапея, в гробнице, при сооружении которой была использована черепица с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ. В. П. Яйленко датировал надпись «второй половиной IV в. [до н. э.], ближе к его середине». Во владельце амулета исследователь распознал неизвестного по другим источникам Орхама, сына Спартокида Горгиппа. (Яйленко 1990: 289, 290; 2005: 503, 504)[7]. Однако, согласно исследованиям А. В. Ковальчук, «царские» клейма на боспорской черепице появляются только в III в. до н. э.— «около 265 г. до н. э.» (Ковальчук 2007: 20) или даже «после 265 г. до н. э.» (Толстиков, Ковальчук 2005: 383, 384). Таким образом, выходит, что захоронение Орхама могло быть совершено не ранее середины III в. до н. э. На это обстоятельство уже обратил внимание А. А. Завойкин, выразивший обоснованные сомнения в возможности считать Охрама сыном Горгиппа старшего (брата Левкона I) (Завойкин 2006: 220, примеч. 7). С учетом того, что время совершения захоронения с подписанным амулетом на основании указанных черепичных клейм может быть определено как близкое к середине III в. до н. э., имеется гораздо больше оснований рассматривать Орхама в качестве сына Горгиппа младшего — сына Перисада I и брата последовательно правивших Сатира II и Евмела. Антропоним Орхам также дважды встречается в списках горгиппийского агонистического каталога (в качестве имени и в качестве отчества), что, по мнению А. А. Завойкина, указывает на то, что в Горгиппии «позиции потомков ктиста были особенно сильны» (Завойкин 2006: 220, примеч. 7).

Факт совершения погребения на некрополе Пантикапея может свидетельствовать в пользу того, что Орхам был представителем той ветви потомков Горгиппа старшего, судьбы которой были связаны скорее не с Синдикой, а со столицей Боспорского государства. В таком случае, Горгипп младший (сын Перисада) тоже, вероятнее всего, был жителем не Горгиппии, а Пантикапея. Судя по тому, что его статую, вместе со скульптурами отца и старшего брата, Демосфен счел нужным установить на афинской агоре, Горгипп должен был играть весьма важную роль в политике Спартокидов, а это, без сомнения, было бы затруднительно, живи он не в столице, а на окраине царства. В таком случае открытым остается вопрос о принадлежности клейм в виде четырехстрочной надписи ГОР/ГІП/ПО/Υ в венке из плю-

[6] А. А. Завойкин допускает возможность запрета на использование династических имен Спартокидов частными лицами (Завойкин 2006: 219). В. В. Латышев, напротив, считал, что содержащиеся в тексте горгиппийского каталога имена Евмел, Левкон, Сатир и Спартокион могли даваться «в честь кого-либо из уважаемых Спартокидов» (Латышев 1896: 75). Возможно, что право на ношение имени из ономастикона правящей династии могло даваться аристократическим боспорским семьям в качестве особой привилегии.

[7] В антропониме «Орхам» В. П. Яйленко усмотрел аллюзию к имени упоминаемого Овидием (Met., IV, 212) легендарного персидского царя, что, по его мнению, может указывать на существование каких-то связей между правящими домами ранних Спартокидов и поздних Ахеменидов. На связь антропонима «Орхам» с именем мифического предка Ахеменидов указывал и Ю. Г. Виноградов (Виноградов 2002: 15). Атрибуция имени Орхам как изначально персидского вызвала возражения С. Р. Тохтасьева, приведшего аргументы в пользу греческого происхождения антропонима (Тохтасьев 2007: 194, примеч. 186).

Рис. 2. Клеймо ГОР на фрагменте кровельной черепицы. Глина. IV в. до н.э. Городище Горгиппии. Раскопки Е.М. Алексеевой, 1978 г. (фото Е.В. Харланова).

Fig. 2. The stamp with inscription ГОР on a fragment of roofing tile. Clay. 4th century BC. Gorgippia. Excavations of E. Alekseeva, 1978 (photo by E. Harlanov).

ща (рис. 1). В.В. Латышев, Е.М. Алексеева и В.А. Анохин связывают их с Горгиппом сыном Сатира (Латышев 1895: 71; Алексеева 1997: 39, рис. 27; Анохин 1999: 201), А.А. Завойкин считает, что этими штампами клеймилась продукция мастерской, принадлежавшей Горгиппу, сыну Перисада (Завойкин 2006: 249). Палеографические особенности шрифта клейма позволяют датировать его в пределах IV в. до н.э. (Латышев 1895: 71). Таким образом штамп может принадлежать как Горгиппу сыну Сатира, так и его внуку — упоминание о них обоих в письменных источниках относятся к указанному столетию. Мало информации для отнесения клейма к одному из Горгиппов дает археологический контекст: по данным Е.М. Алексеевой, находки черепицы с именем Горгиппа связаны со строительным периодом IБ, имеющим довольно широкие хронологические рамки: IV — первая половина III в. до н.э. (Алексеева 1997: 115). Поскольку нет никаких данных о какой-либо деятельности в Горгиппии Горгиппа сына Перисада (Горгиппа младшего)[8], представляется более возможным относить указанное клеймо к тому периоду, когда Горгипп сын Сатира (Горгипп старший) начинал отстраивать город. Производство черепицы, качество которой подтверждалось клеймом с именем Спартокида, не только способствовало обогащению Горгиппа. Учреждение в строящемся городе керамического эргастерия, производившего необходимые строительные материалы, свидетельствует о той заботе, которую проявлял ктист Горгиппии о городе своего имени. Не исключено, что партия черепицы с именем Горгиппа предназначалась для покрытия кровли какой-то значимой постройки: храма или резиденции наместника.

Впрочем, нельзя исключать того, что и Горгипп сын Перисада на раннем этапе своей политической деятельности также какое-то время выполнял в Горгиппии наместнические функции (Завойкин 2006: 249). Следуя традиции Спартокидов, он также мог осуществлять выпуск клейменной черепицы. В этом случае с деятельностью эргастерия, принадлежавшего Горгиппу младшему, следовало бы связать многочисленные по находкам в Горгиппии и ее окрестностях клейма ГОР (рис. 2)[9]. Появление этих клейм, согласно исследованиям А.В. Ковальчук, относится ко времени «несколько ранее» конца IV — начала III в. до н.э. (Ковальчук 2007: 19, 20), что вполне соответствует упоминанию имени Горгиппа младшего в датируемой 324 г. до н.э. антидемосфеновской речи Динарха (I, 43). Сохранять в Горгиппии прибыльное производство Горгипп мог и в пантикапейский период своей деятельности. Показательно, что в Горгиппии неизвестны черепичные штампы с именем Орхама, тождественного, как считается (Яйленко 1990: 289; 2005: 503, 504; Завойкин 2006: 220, примеч. 7, 245), Спартокиду Орхаму сыну Горгиппа.

Отмеченное наличие в гогиппийском агонистическом каталоге имен из ономастикона Спартокидов позволяет предполагать, что какая-то ветвь семейства Горгиппа могла сохранять владения в Синдике и исполнять здесь наместнические функции и в более поздний период. Однако известные на сегодняшний день источники не дают достаточных оснований для столь далеко идущих выводов.

Литература

Алексеева Е.М. 1986. Анапская экспедиция в 1973—1984 гг. *КСИА* 188, 61—69.

Алексеева Е.М. 1997. *Античный город Горгиппия*. Москва: Эдиториал УРСС.

Анохин В.А. 1977. *Монетное дело Херсонеса*. Киев: Наукова думка.

Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.

[8] А.А. Завойкин допускает вероятность наместничества Горгиппа сына Перисада в Горгиппии (Завойкин 2006: 249).

[9] Помимо городища Горгиппии, где находки клейм с надписью ГОР исчисляются десятками (Алексеева 1997: 47, табл. 14; 59: 16, 17), они представлены в материалах поселений горгиппийской хоры (Салов 1979: 100; Новичихин 1994: 172, рис. 1: 1).

Анохин В.А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев: Одигитрия.

Артамонов М.И. 1949. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. *ВДИ* (1), 29—39.

Артамонов М.И. 1974. *Киммерийцы и скифы*. Ленинград: ЛГУ.

Берзин Э.О. 1961. Горгиппийский агонистический каталог. *СА* (1), 111—127.

Брашинский И.Б. 1963. *Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н.э.* Москва: Изд-во АН СССР.

Брашинский И.Б. 1965. О некоторых династических особенностях правления боспорских Спартокидов. *ВДИ* (1), 118—127.

Виноградов Ю.Г. 1999. Вотив Комосарии из Нимфея. В: Борисковская С.П. и др. (ред. колл.). *Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья*. Тез. докл. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 20.

Виноградов Ю.Г. 2002. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна (VIII, 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса). *ВДИ* (3), 3—22.

Гайдукевич В.Ф. 1949. *Боспорское царство*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.

Грач Н.Л. 1968.О Горгиппе и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград: Наука, 108—114.

Даниленко В.Н. 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н.э. (по эпиграфическим и нумизматическим данным Северного Причерноморья). *АДСВ* 4, 136—176.

Жебелев С.А. 1953. *Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Завойкин А.А. 2000. Спарток и Перисад, дети Левкона: некоторые проблемы боспорской хронологии. *ПИФК* VIII, 176—190.

Завойкин А.А. 2006. Об институте династических имен Спартокидов. *ДБ* 10, 214—252.

Карпюк С.Г. 2003а. Политическая ономастика классических Афин в надписях V—IV вв. до н.э. *ВДИ* (3), 4—35.

Карпюк С.Г. 2003б. *Общество, политика, идеология классических Афин*. Москва: ИВИ РАН.

Кац В.И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель*. Саратов: Саратовский госуниверситет.

Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. Симферополь; Керчь.

Ковальчук А.В. 2007. *Керамические строительные материалы Боспора (Типология и хронология боспорских черепичных клейм)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Кузнецов В.Д. 2000. Афины и Боспор: хлебная торговля. *РА* (1), 107—119.

Латышев В.В. 1895. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892—1894 годах. *МАР* 17, 1—86.

Малышев А. 2005. Золото Кубани. *Родина* (1), 69—73.

Новичихин А.М. 1994. Раскопки античного поселения в Андреевской щели близ Анапы. *БС* 4. Москва, 172—174.

Новичихин А., Галут О. 2013. *Золото Горгиппии*. Анапа; Краснодар: Платонов.

Ростовцев М.И. 1915. Амага и Тиргатао. *ЗООИД* XXXII, 58—77.

Ростовцев М.И. 1918. *Эллинство и иранство на Юге России*. Петроград: Огни.

Ростовцев М.И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград: Типография I Лениградской Трудовой Артели Печатников.

Ростовцев М.И. 1989. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов. *ВДИ* (2), 183—197.

Салов А.И. 1979. Материалы для археологической карты Анапского района. *КСИА* 159, 98—102.

Сапрыкин С.Ю. 2003. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии. *ВДИ* (1), 11—35.

Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. 2011. Особенности проксенической деятельности Боспора. *Аристей* IV, 89—114.

Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. 2002. Новая посвятительная надпись из Нимфея. *Hyperboreus* 8 (1), 99—121.

Соломоник Э.И. 1969. Памятники с надписями. *СХМ* IV (Башня Зенона. Исследования 1960—1961 гг.). Симферополь: Крым, 55—77.

Соломоник Э.И. 1973. *Новые эпиграфические памятники Херсонеса*. Киев: Наукова думка.

Соломоник Э.И. 1984. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках. *ВДИ* (3), 72—81.

Соломоник Э.И. 1988. *Древние надписи Крыма*. Киев: Наукова думка.

Суриков И.Е. 2011. Историческая география и ономастика: о пользе взаимодействия различных специальных исторических дисциплин (на материале из античного Причерноморья). В: Румянцева М.Ф. (отв. ред.). *Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве*. Материалы XXIII междунар. научн. конф. Москва: РГГУ, 415—418.

Толстиков В.П., Ковальчук А.В. 2005. Черепичные клейма из раскопок Пантикапея 1990—1991 гг. *ДБ* 8, 377—392.

Тохтасьев С.Р. 1988. О дорийском компоненте в составе населения Горгиппии первой половины III в. до н.э. *Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл.* Севастополь, 113—116.

Тохтасьев С.Р. 1994. Вотив царицы Комосарии. *ПАВ* 8, 80—84.

Тохтасьев С.Р. 2004. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций). *ВДИ* (3), 144—180.

Тохтасьев С.Р. 2007. Из ономастики Северного Причерноморья: XIX: Малоазийские имена на Боспоре (V—IV вв. до н.э.). *ВДИ* (1), 170—208.

Шелов-Коведяев Ф.В. 1986. История Боспора в VI—IV вв. до н.э. *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984 г.*, 5—187.

Яйленко В.П. 1990. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху. В: Голубцова Е.С. (отв. ред.). *Эллинизм: экономика, политика, культура*. Москва: Наука, 249—309.

Яйленко В.П. 2005. Магические надписи Боспора. *ДБ* 8, 465—514.

Яйленко В.П. 2011. *Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э.—V в.н. э.* Тула: Гриф и К.

Minns E.H. 1913. *Scythians and Greeks*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

Alekseeva, E. M. 1986. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 188, 61—69 (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1997. *Antichnyi gorod Gorgippiia (Ancient town of Gorgippiia).* Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Anokhin, V. A. 1977. *Monetnoe delo Khersonesa (Chersonesos coinage).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Anokhin, V. A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Bosporan coinage).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Anokhin, V. A. 1999. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo (History of Cimmerian Bosporus).* Kiev: Odigitriia (in Russian).

Artamonov, M. I. 1949. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 29—39 (in Russian).

Artamonov, M. I. 1974. *Kimmeriitsy i skify (Cimmerians and Scythians)*.. Leningrad: LGU (in Russian).

Berzin, E. O. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 111—127 (in Russian).

Brashinsky, I. B. 1963. *Afiny i Severnoe Prichernomor'e v VI—II vv. do n. e. (Athens and Norhtern Pontic region in 6th—2-nd centuries BC).* Moscow: AN SSSR (in Russian).

Brashinsky, I. B. 1965. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 118—127 (in Russian).

Vinogradov, Yu. G. 1999. In *Bosporskii gorod Nimfei: novye issledovaniia i materialy i voprosy izucheniia antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia (Bosporan town of Nimfei: new researches and materials and questions to the study of ancient towns in Northern Pontic region).* Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 20 (in Russian).

Vinogradov, Yu. G. 2002. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 3—22 (in Russian).

Gaidukevich, V. F. 1949. *Bosporskoe tsarstvo (Bosporan Kingdom).* Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Grach, N. L. 1968. In *Antichnaia istoriia i kul'tura Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia (Ancient history and culture of the Mediterranean and Northern Pontic regions).* Leningrad: Nauka, 108—114 (in Russian).

Danilenko, V. N. 1966. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 4, 136—176 (in Russian).

Zhebelev, S. A. 1953. *Severnoe Prichernomor'e. Issledovaniia i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ia antichnoi epokhi (Northern Pontic region. Researches and articles on the history of Northern Pontic region in Antiquity).* Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Zavojkin, A. A. 2000. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* VIII, 176—190 (in Russian).

Zavojkin, A. A. 2006. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosphorus)* 10, 214—252 (in Russian).

Karpyuk, S. G. 2003. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 4—35 (in Russian).

Karpyuk, S. G. 2003. *Obshchestvo, politika, ideologiia klassicheskikh Afin (Society, politics, ideology of Classical Athens).* Moscow: IVI RAN (in Russian).

Kac, V. I. 1994. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo. Katalog-opredelitel' (Ceramic stamps of Tauric Chersonesos. Catalogue and guide).* Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Kac, V. I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) (Greek ceramic Classic and Hellenistic stamps (a complex study)).* Simferopol; Kerch (in Russian).

Kovalchuk, A. V. 2007. *Keramicheskie stroitel'nye materialy Bospora (Tipologiia i khronologiia bosporskikh cherepichnykh kleim) (Ceramic construction materials of Bosporus (Typology and chronology of Bosporan tile stamps)).* PhD Thesis. Moscow (in Russian).

Kuznetsov, V. D. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 107—119 (in Russian).

Latyshev, V. V. 1895. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia)* 17, 1—86 (in Russian).

Malyshev, A. 2005. In *Rodina (Motherland)* (1), 69—73 (in Russian).

Novichikhin, A. M. 1994. In *Bosporskii sbornik (Bosporan compilation)* (4). Moscow, 172—174 (in Russian).

Novichikhin, A., Galut, O. 2013. *Zoloto Gorgippii (Gold of Gorgippia).* Anapa; Krasnodar: Platonov (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 1915. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* XXXII, 58—77 (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 1918. *Ellinstvo i iranstvo na Iuge Rossii (Iranians and Greeks in South Russia).* Petrograd: Ogni (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifiia i Bospor (Scythia and Bosphorus).* Leningrad: Tipografiia I Lenigradskoi Trudovoi arteli pechatnikov (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 1989. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 183—197 (in Russian).

Salov, A. I. 1979. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 159, 98—102 (in Russian).

Saprykin, S. Yu. 2003. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 11—35 (in Russian).

Saprykin, S. Yu., Fedoseev, N. F. 2011. In *Aristei (Aristaeus)* IV, 89—114 (in Russian).

Sokolova, O. Yu., Pavlichenko, N. A. 2002. In *Hyperboreus (Hyperboreus)* 8 (1), 99—121 (in Russian).

Solomonik, E. I. 1969. In *Soobshcheniia Khersonesskogo muzeiia (Reports of the Chersonessos museum)* IV. Simferopol: Krym, 55—77 (in Russian).

Solomonik, E. I. 1973. *Novye epigraficheskie pamiatniki Khersonesa (New epigraphical findings from Chersonesos).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Solomonik, E. I. 1984. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 72—81 (in Russian).

Solomonik, E. I. 1988. *Drevnie nadpisi Kryma (Ancient inscriptions of Crimea).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Surikov, I. E. 2011. In *Istoricheskaia geografiia: prostranstvo cheloveka vs chelovek v prostranstve (Historical geography: space of man vs man in space).* Moscow: RGGU, 415—418 (in Russian).

Tolstikov, V. P., Kovalchuk, A. V. 2005. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosphorus)* 8, 377—392 (in Russian).

Tokhtas'ev, S. R. 1988. In *Problemy issledovaniia antichnogo i srednevekovogo Khersonesa (problems of research of Ancient and Medieval Chersonesos).* Sevastopol, 113—116 (in Russian).

Tokhtas'ev, S. R. 1994. In *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (St.-Petersburg archaeological bulletin)* 8, 80—84 (in Russian).

Tokhtas'ev, S. R. 2004. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 144—180 (in Russian).

Tokhtas'ev, S. R. 2007. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 170—208 (in Russian).

Shelov-Kovedyaev, F. V. 1986. In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia 1984 g. (The most ancient states on the territory of USSR. Materials and researches in 1984),* 5—187 (in Russian).

Yailenko, V. P. 1990. In *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura (Hellinistic period: economy, politics, culture).* Moscow: Nauka, 249—309 (in Russian).

Yailenko, V. P. 2005. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosphorus)* 8, 465—514 (in Russian).

Yailenko, V. P. 2011. *Tysiacheletnii bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n. e. — V v. n. e. (Millenar Bosporan state. History and epigraphycs of Bosporus in 6th century BC — 5th century AD).* Tula: Grif i K (in Russian).

Minns, E. H. 1913. *Scythians and Greeks.* Cambridge: Cambridge University Press.

Статья поступила в номер 9 ноября 2013 г.

Andrey Novichikhin (Anapa, Russia). Candidate of Historical Sciences. Anapa Archaeological Museum [1].

Andrey Novichikhin (Anapa, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Muzeul de Arheologie din Anapa.

Новичихин Андрей Михайлович (Анапа, Россия). Кандидат исторических наук. Анапский археологический музей.

E-mail: yazamat03@mail.ru

Address: [1] Naberezhnaya St., 4, Anapa, 353440, Russia

Е. Я. Туровский, Е. А. Колесниченко

Хронология монет независимой (автономной) Тиры

Keywords: Tyras, monetary stamping, chronology, typology of coins.

Cuvinte cheie: Tyras, emisiune monetară, cronologie, tipologia monedelor.

Ключевые слова: Тира, монетная чеканка, хронология, типология монет.

E. Ya. Turovsky, E. A. Kolesnichenko

Chronology of Coins of Independent (Autonomous) Tyras

The article studies coinage of the ancient Greek town of Tyras, which was situated on the Bank of the Dniester estuary, particularly the urban issues of 4th — first half of the 1st century BC. The authors believe that the beginning of coinage in the city falls on the 70s of 4th century BC. The beginning of minting silver and copper coins was carried out independently from each another, and took place around the same time. The early stage of minting ends in late 60s of the 3rd century BC and approximately coincides with the devastation of the Greek rural settlements from the Dniester estuary and around Tyras. Late stage of coinage in Tyras begins a few decades later and is characterized by the emission of exceptionally small copper coin denominations. The repertoire of images on the coins is diverse. Most often depicted are Demeter, Athene and Hermes. Small copper coins had been minted sporadically until about 60s of 1st c. BC. The last cooper issue with a typical image for Mithridates's time — an eagle on bolts of lightning — date to app. 63 BC.

E. Ya. Turovsky, E. A. Kolesnichenko

Cronologia monedelor din Tyras independent (autonom)

Articolul este consacrat emisiunii monetare din orașul grecesc antic Tyras, aflat pe malul limanului Nistrului. Sunt analizate emisiunile din sec. IV — prima jumătate a sec. I î. Hr. Autorii consideră, că primele monede ale orașului au fost emise în anii 70 ai sec. IV î. Hr, iar începutul emisiunii monedei din argint și cupru a avut loc separat, aproximativ în același timp. Etapa timpurie de emisiune a monedelor se încheie în jurul anilor 60 ai sec. III î. Hr. și este în linii generale sincronă cu devastarea așezărilor rurale grecești de pe limanul Nistrului și din jurul Tyras-ului. Etapa târzie de emisiune monetară începe în Tyras cu câteva decenii mai târziu și este caracterizată prin emisiunea exclusivă a monedei din cupru cu nominal mic. Repertoriul motivelor grafice de pe monede este foarte diversificat. Cel mai des sunt reprezentate Demetra, Atena și Hermes. Emisiunile monedelor mici din cupru au loc sporadic până la anii 60 ai sec. I î. Hr. Ultima dintre ele, purtând un motiv tipic pentru epoca lui Mitridate — vultur pe fulgere — poate fi datată, probabil, cu anul 63 î. Hr.

Е. Я. Туровский, Е. А. Колесниченко

Хронология монет независимой (автономной) Тиры

Статья посвящена монетной чеканке древнегреческого города Тиры, располагавшегося на берегу Днестровского лимана. Рассматриваются городские выпуски IV — первой половины I вв. до н. э. Авторы полагают, что начало чеканки в городе приходится на семидесятые годы IV в. до н. э. Начало чеканки серебряной и медной монеты осуществлялось независимо одна от другой, и происходит примерно в одно время. Ранний этап чеканки заканчивается около 60-х гг. III в. до н. э. и примерно совпадает с разгромом греческих сельских поселений Днестровского лимана и округи Тиры. Поздний этап монетной чеканки в Тире начинается несколько десятилетий спустя и характеризуется выпуском исключительно медной монеты небольших номиналов. Репертуар сюжетов монет очень разнообразен. Наиболее часто изображается Деметра, Афина и Гермес. Выпуски мелкой меди осуществляется спорадически, примерно до 60 гг. I в. до н. э. Последний выпуск меди, с типичным для времени Митридата сюжетом — орёл на молниях, приходится предположительно на 63 г. до н. э.

Термин «автономный» относительно греческих полисов Северного Причерноморья в доримский период их истории возник в отечественной историографии ещё в XIX в. На наш взгляд, он не вполне адекватен. Греческие полисы, включая колонии, были совершенно независимыми от всех иных субъектов, включая собственную метрополию; термин же «автономия» предусматривает широкие права и свободы под рукой верховно-

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Е. Я. Туровский, Е. А. Колесниченко, 2014.

го патрона. По определению, автономия есть широкое самоуправление какого-либо региона (опять же в рамках какой-то общей структуры). В нашем случае речь идёт именно о независимом государстве (полисе).

Первые попытки научного изучения монет античной Тиры относятся к началу второй половины XIX в., когда А. Гримм опубликовал статью о монетах Тиры, в которой был представлен каталог монет этого центра по материалам коллекции Эрмитажа, дополненный данными из предшествующих публикаций (Grimm 1868). Специальный раздел, посвященный монетам Тиры, содержится в «Общем каталоге монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России» П.О. Бурачкова, который привёл в своём каталоге несколько ранее неизвестных тирасских монет, дал свою интерпретацию сюжетов и персонажей на тирасских монетах. В частности, в божестве на лицевой стороне монет с изображением стоящего быка и головы коня на оборотных сторонах монет он усматривал Аполлона (Бурачков 1884: 83—94). Описание монет Тиры из собрания Одесского общества истории и древностей представил в 1889 г. В.Н. Юргевич. Он сделал несколько справедливых замечаний относительно атрибуции некоторых экземпляров монет, опубликованных в каталоге П.О. Бурачкова. Например, в божестве на медных монетах со спокойно стоящим быком на оборотной стороне он усматривал Деметру (Юргевич 1889: 1—14). Серебряным драхмам Тиры уделил много внимания другой видный деятель Одесского общества А.Л. Бертье-Делагард, который привёл в одной из работ известные на то время веса десяти тирасских драхм (Бертье-Делагард 1912: 16). Не обошёл вниманием тирасские монеты английский исследователь Э. Миннс в общей работе, посвященной античным памятникам Северного Причерноморья (Minns 1913: 448). Оба исследователя отнесли начало серебряной чеканки Тиры к началу второй половины IV в. до н.э.

Первым работу по созданию корпуса монет античной Тиры, еще в дореволюционный период, начал видный русский нумизмат, сотрудник Эрмитажа А.К. Марков, работа которого осталась незавершённой. В 1923 г. по поручению Комиссии по нумизматике ГАИМК эту работу продолжил А.Н. Зограф. В результате многолетних исследований был представлен цельный очерк и хронологическая классификация монет Тиры (Зограф 1951: 112—114; 1957: 19—43). Книга А.Н. Зографа, изданная посмертно, даёт первый в отечественной историографии опыт всестороннего исследования монетного дела отдельно взятого античного государства, а также создание корпуса тирасских монет. Отдельно характеристика монетного дела Тиры дана в обобщающей монографии исследователя, посвященной античным монетам. Однако, оценивая эти работы с современных позиций, следует отметить следующие моменты. А.Н. Зограф работал над монетами Тиры в основном в 20-е — 30-е гг. прошлого столетия. Раскопки собственно Тиры в те времена имели крайне ограниченный характер, а античные аграрные поселения Днестровского лимана не исследовались вовсе, количество известных монетных типов было меньше, чем сейчас. Исходя из сказанного, можно легко объяснить пессимизм исследователя, который отмечал, что часто полностью отсутствуют какие-либо опорные пункты для хронологической классификации тирасских монет (Зограф 1957: 24). В настоящее время эти заключения справедливы лишь отчасти.

В кратком виде взгляды А.Н. Зографа на хронологию тирасских монет доримской эпохи выглядят так. В начале чеканки Тиры лежал выпуск серии серебра одного номинала и монетного типа. Выпуски отличаются незначительными подробностями (поворотом головы богини в ¾ влево или вправо; наличием или отсутствием дополнительных дифферентов). Чеканка серебра в Тире была кратковременна и лежала в пределах второй половины IV в. до н.э., заканчиваясь в начале III в. или на рубеже III—IV вв. до н.э. А.Н. Зограф полагал, что наиболее ранние и совершенные драхмы Тиры исполнены, вероятно, штемпелями, заказанными какому-нибудь вызванному из собственно Греции резчику, и представляют несомненную копию с кизикинов (Зограф 1951: 112).

Медная чеканка в городе начинается с чеканки монет двух номиналов, на лицевой стороне которых голова речного божества Тираса с рожками на лбу, влево; а на оборотной — голова коня с упряжью. Только вслед за ними А.Н. Зограф располагал монеты с головой влево на лицевой стороне и спокойно стоящим быком на оборотной. Начало медной чеканки исследователь относил всё к той же второй половине IV в. до н.э.

А.Н. Зограф предполагал, что крупный номинал тирасской меди с конём на оборотной стороне претерпел с течением времени редукцию веса с 10—11 г до 4—5 г, при этом он не исключал и возможности существования нескольких номиналов, т.е. серии (Зограф 1951: 112). К Тире он относил и три варианта

золотых статеров лисимаховского типа, на которых под троном сидящей Афины читаются буквы TY (Зограф 1951: 114). Исследователь дал остальные выпуски автономной эпохи суммарно, не настаивая на конкретных датировках отдельных типов. Специально он выделял выпуски митридатовского времени, к которым относил монеты двух типов: Аполлон — орёл и Афина — бык (Зограф 1957: 67—76).

В основных моментах с выводами А. Н. Зографа относительно серебряных выпусков Тиры согласны и другие исследователи. П. О. Карышковский сетовал, что редкость серебряных монет Тиры всегда затрудняла изучение их эмиссий (Карышковский, Клейман 1985: 59). Однако, на наш взгляд, это утверждение было справедливо только до находки клада из с. Дороцкое на Днестре, который включал 128 тирасских драхм (Загинайло, Нудельман 1971: 122—137). П. О. Карышковский провел штемпельный анализ известных ему тирасских серебряных монет (158 экз.). Он разделил их на две группы — раннюю и позднюю. Ранняя группа, по П. О. Карышковскому, имела более высокий вес (средний вес ок. 5,75 г, очевидно, что это драхма эгинской системы). В состав группы, наряду с анэпиграфными монетами, входят монеты, имеющие дифференты — А, В, Г, Δ, Е и сокращения ФІ и NE. Позднюю группу, по мнению исследователя, отличает огрубление стиля в изображении Деметры, а также значительное снижение веса (Карышковский 1987: 11).

Определённый этап в изучении монет Тиры обозначила монография В. А. Анохина, в которой тирасским монетам посвящён специальный раздел (Анохин 1989: 86—101). На наш взгляд, некоторые выводы исследователя, особенно касающиеся относительной хронологии монет, продолжают сохранять актуальность. К сожалению, этого нельзя сказать об абсолютной хронологии монет. Как и в других своих работах, этот исследователь использует странный метод создания абсолютной хронологии монет, который основан на утверждении, что каждый новый тип монеты в античных государствах Северного Причерноморья появлялся приблизительно раз в десять лет.

С. А. Булатович, исследовавшая находки тирасских монет в археологических комплексах, подчеркнула, что отмеченное еще А. Н. Зографом отсутствие «каких-либо опорных пунктов» для классификации этих монет остается в силе и сейчас (Булатович 1997: 223). Тем не менее, её работы позволяют внести определенные коррективы в классификацию монет Тиры. Данные С. А. Булатович и других исследователей Тиры и Поднестровья в полной мере использовала Н. А. Фролова, которая представила наиболее полный на сегодняшний день свод тирасских монет (Фролова 2003: 27—57; Фролова 2006). Нам представляется, что Н. А. Фролова не ставила задачу глобального пересмотра хронологии тирасских монет, зато она привела в своём каталоге максимально возможное количество данных по известным ей экземплярам, в основном из музейных собраний, продолжив в полной мере дело по созданию корпуса тирасских монет, начатое А. К. Марковым и А. Н. Зографом. Она вслед за П. О. Карышковским разделила монеты автономной Тиры на две группы — раннюю и позднюю, значительно чётче обозначив их состав. Важное значение для хронологии поздней группы монет доримской Тиры имеет специальная статья Н. А. Фроловой, в которой наряду с перечнем и географией находок приводятся и соображения о датировках монет (Фролова 2003: 27—57). Мы в основном разделяем взгляды на хронологию тирасских монет известного исследователя монет Северного Причерноморья, за единственным исключением — речь идёт о монетах типа: л. с. голова Афины в коринфском шлеме вправо; о. с. бодающий бык влево (Фролова 2003: табл. I: №12—14). Нам представляется, что для хронологии выпуска решающим является то обстоятельство, что две монеты этого типа найдены на Роксолановском городище (Никонии) и на греческом Надлиманском поселении на Днестровском лимане. Оба поселения прекращают существование не позднее 60-х гг. III в. до н. э. Датировка достаточно объективная, поскольку амфорные клейма второй половины III в. до н. э. на этих поселениях отсутствуют полностью. В данном случае представляется важным и форма написания легенды монет Афина — бык, когда буквы имени города даны в одну строку. На всех без исключения монетах ранней группы легенда дана именно в такой форме, тогда как почти на всех монетах поздней группы буквы легенды по отдельности размещены вокруг эмблемы в две строки в форме квадрата.

Можно отметить и несколько работ, посвященных публикации новых типов и разновидностей тирасских монет, семантике изображений на монетах, составу монетных сплавов (Алексеев 1990: 64—72; Алексеев 1997; Дюков, Смекалова 1997: 232—233; Фролова 1999: 38—53).

Сделав небольшую преамбулу, относящуюся к истории изучения монетного дела Тиры, перейдём к изложению картины мо-

Рис. 1. 1 — статер Кизика (по von Fritze 1912: 32, no. 186). Л.с.: голова Деметры в ¾ влево. О.с.: quadratum incusum. 24×22 мм; 2 — драхма Тиры. Л.с.: голова Деметры в ¾ влево. О.с.: бодающий бык влево. 19 мм (фото Е.А. Колесниченко).

Fig. 1. 1 — stater of Cyzicus (von Fritze 1912: 32, no. 186). Obv.: Demetra's head in ¾ to the left. Rev.: quadratum incusum. 24×22 mm; 2 — drachma of Tyras. Obv.: Demetra's head in ¾ to the left. Rev.: bull butting to the left. 19 mm (photo by E.A. Kolesnichenko).

нетного дела автономной (независимой) Тиры на основе современных данных.

Перед тем как перейти к хронологии конкретных выпусков, хотим высказать несколько общих соображений относительно абсолютных дат тирасской чеканки. Прежде всего, обозначим те моменты, которые могут дать основания к определению хронологии монет. Это определенные стилистические параллели с монетами других греческих государств; факты находок тирасских монет на сельских памятниках, которые имели четко обозначенные рамки существования; факты перечеканок монет Тиры на более ранних тирасских монетах или на монетах других центров. Здесь хочется сказать и о таком моменте: вряд ли следует стремиться к построению общей схемы относительной хронологии серебряных и медных выпусков. Скорее всего, некоторые эмиссии серебра и меди осуществлялись параллельно в одно и то же время. Например, для Херсонеса, в котором за выпусками серебра и меди надзирали магистраты, имена которых обозначались в легенде монет; имена магистратов на серебре и меди никогда не совпадают, за единственным исключением (Туровский, Горбатов 2013: 12). Этот факт подтверждает предположение, что серебро и медь в других античных государствах Северного Причерноморья также выпускались параллельно и независимо друг от друга, по мере необходимости в монетах того или иного сорта.

Обратимся к серебряной чеканке Тиры. Начало чеканки серебряных монет с фасовым изображением Деметры и изображением бодающего быка, на наш взгляд, следует датировать временем не позднее начала второй четверти IV в. до н.э. В пользу такой точки зрения свидетельствует факт появления в это время монет с фасовым изображением в других государствах Причерноморья (в Херсонесе, в Гераклее Понтийской, Истрии) (Коваленко 1999: 123—127). Пожалуй, главенствующим в данном случае обстоятельством является то, что монетный тип лицевой стороны тирасских монет явно заимствован с кизикина IV хронологического периода по фон Фритце (рис. 1: 1), причем монета эта принадлежит явно к начальным выпускам этого периода (von Fritze 1912: no. 186). На кизикском статере изображение Деметры в ¾ влево, поэтому вполне резонно предполагать, что началась серебряная чеканка в Тире с монет с Деметрой с тем же поворотом головы. Что хочется подчеркнуть относительно хронологии серебряных драхм Тиры. Все исследователи, начиная с А.Н. Зографа, подчеркивали сходство изображения Деметры на тирасских драхмах с изображением богини на кизикине, а изображения бодающего быка с изображениями на гераклейских монетах (Зограф 1951: 111—112). В этой связи возникает вопрос: почему же тогда вторая половина IV в. до н.э.? Если взять монеты Гераклеи Понтийской, то этот сюжет присутствует на серебре первой четверти IV в., может быть, начала второй четверти, но во второй половине столетия таких монет Гераклея не выпускает. Теперь о кизикине: он принадлежит к последней IV группе кизикинов, по классификации фон Фритце, причем, подчеркнем особо, — к началу этой группы. Поясним эту мысль: номера кизикинов IV группы от 182 по 233; номер кизикина с головой Деметры в ¾ влево — 186. При некотором отличии хронологических схем, связанных с датировкой отдельных групп кизикинов, все их авторы сходятся в том, что начало чеканки кизикинов последнего периода приходится на время не позднее первой четверти IV в. до н.э. Таким образом, датировка кизикина лежит где-то в первой четверти IV в., скорее даже в её начале. Не настаивая на окончательности вывода (тут тот случай, где тяжело на чем-либо настаивать), все-таки полагаем, что более обосновано относить начало тирасской серебряной чеканки ко времени около рубежа первой-второй четвертей IV в. до н.э. В пользу такого заключения, на наш взгляд,

Рис. 2. Драхма Гераклеи Понтийской первой половины IV в. до н.э. Л.с.: голова бородатого Геракла влево. О.с.: бодающий бык влево. 18 мм (фото Е.А. Колесниченко).

Fig. 2. Drachma of Heraklea Pontica, first half of the 4th century BC. Obv.: bearded Heracles's head to the left. Rev.: bull butting to the left. 18 mm (photo by E.A. Kolesnichenko).

Рис. 3: 1 — мелкая медная монета Тиры IV в. до н.э. Л.с.: голова безбородого Геракла в львиной шкуре вправо. О.с.: стоящий бык на черте вправо. 15 мм (фото Е.А. Колесниченко); 2 — диобол Гераклеи Понтийской начала IV в. до н.э. 14 мм (по SNG IX: 1569).

Fig. 3. 1 — small copper coin of Tyras of the 4th century BC. Obv.: beardless Heracles's head in a lion's skin to the right. Rev.: a standing bull on the line to the right. 15 mm. (photo by E.A. Kolesnichenko); 2 — diobol of Heraklea Pontica, early 4th century BC. 14 mm (SNG IX: 1569).

свидетельствует и тип оборотной стороны. Изображение бодающего быка, несомненно, заимствовано с монет Гераклеи Понтийской первой половины IV в. до н.э. (рис. 2).

Драхмы с таким типом выпускались с конца V в. до н.э. приблизительно до времени тирании Клеарха (364 г. до н.э.) (Избаш 2008: 158—160). Нужно отметить, что выводы А.Н. Зографа относительно начала тирасской чеканки основаны на представлениях его предшественников А.Л. Бертье-Делагарда и Э. Минза (Бертье-Делагард 1912; Minns 1913), которые совершенно справедливо выводили датировку большинства греческих выпусков с фасовыми изображениями временем от начала второй половины IV в. до н.э., согласно существовавшим в то время в историографии представлениям о датах монет этого сорта. В настоящее время в современной историографии определенно доказано, что эта дата должна быть более ранней.

Параллельно с серебром уже в первой половине IV в. до н.э. осуществляются медные выпуски. Возможно, первый среди них — выпуск небольшой монеты с изображением безбородого Геракла и стоящего быка (рис. 3: 1). Изображение героя совершенно не характерно для эллинистического времени. В этом ключе представляются справедливыми аргументы, приведенные В.А. Анохиным, который полагает, что тирасская чеканка, возможно, начинается с этой небольшой монеты. Тип головы Геракла находит некоторые аналоги в значительно более ранних выпусках, в частности, Гераклеи Понтийской (рис. 3: 2) и Синдской Гавани, датируемых концом V — началом IV в. до н.э., и появление такого типа на тирасской монете в конце IV в. до н.э. или ещё позже, когда во всём античном мире распространяется образ Геракла александровского типа, выглядело бы явным анахронизмом (Анохин 1989: 88). Соображения справедливые, однако следует подчеркнуть, что заимствования не прямые: на гераклейских монетах Геракл всегда с бородой, а на тирасской монете безбородый герой; бык на тирасской монете не в бодающей позе, а спокойно стоящий. Исследователь склонен датировать этот выпуск 370—360 гг. до н.э. Мы полагаем, что дата может быть и несколько более ранней.

Вслед за монетой с головой Геракла в хронологической цепочке тирасских монет мы склонны расположить выпуски с головой Тираса (Деметры, Аполлона?) и стоящим быком (рис. 4: 2). Стилистически эти монеты, на наш взгляд, ближе всего к ольвийским дихалкам первой половины IV в. до н.э. (рис. 4: 2).

Практически все исследователи видели в персонаже на лицевой стороне монет этого сорта речного бога Тираса. Однако, на наш взгляд, не следует однозначно видеть в этом персонаже Тираса, поскольку отсутствует такой видовой признак божеств этой категории, как рога. Грубость изображения большинства штемпелей монет этого сорта, а также отсутствие бороды не позволяет однозначно говорить даже о половой принадлежности персонажа лицевой стороны. На наш взгляд,

Рис. 4: 1 — дихалк Ольвии первой половины IV в. до н.э. Л.с.: голова Деметры вправо. О.с.: орёл на дельфине. 17 мм; 2 — тирасская медь второй четверти IV в. до н.э. Л.с.: голова божества вправо. О.с.: стоящий бык вправо. 18 мм (фото Е.А. Колесниченко).

Fig. 4. 1 — dichalk of Olbia, first half of the 4th century BC. Obv.: Demetra's head to the right. Rev.: an eagle on a dolphin. 17 mm. 2 — a copper coin of Tyras, 2nd quarter of the 4th century BC. Obv.: a divinity's head to the right. Rev.: a standing bull to the right. 18 mm (photos by E.A. Kolesnichenko).

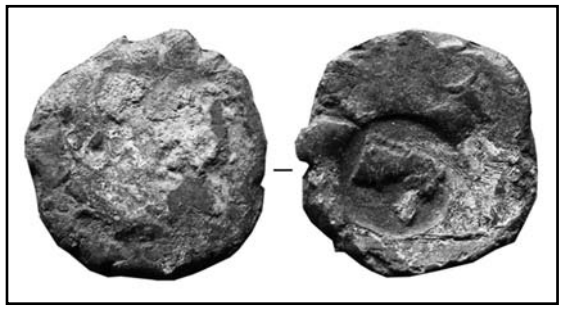

Рис. 5. Тирасская медь IV в. до н.э. Л.с.: голова божества вправо. О.с.: стоящий бык вправо, надчеканка «голова коня». 17 мм (фото Е.А. Колесниченко).

Fig. 5. Tyras copper of the 4th century BC. Obv.: a divinity's head to the right. Rev.: a standing bull to the right, a countermark «head of a horse». 17 mm (photo by E.A. Kolesnichenko).

Рис. 6. Три номинала тирасской меди второй половины IV в. до н.э.: 1 — обол (?). Л.с.: голова Тираса влево. О.с.: голова коня вправо, имя города слева. 23 мм; 2 — пол-обола (?). Л.с.: голова Тираса влево. О.с.: голова коня вправо, имя города под шеей коня. 19 мм; 3 — младший номинал. Л.с.: голова Тираса влево. О.с.: голова коня вправо, имя города слева. 16 мм (фото Е.А. Колесниченко).

Fig. 6. Three copper coins denominations of Tyras, second half of the 4th century BC: 1 — obol (?). Obv.: Tyras's head to the left. Rev.: head of a horse to the right, city name at the left. 23 mm; 2 — half-obol (?). Obv.: Tyras's head to the left. Rev.: horse's head to the right, a city name under the neck of the horse. 19 mm; 3 — smallest denomination of Tyras. Obv.: Tyras's head to the left. Rev.: horse's head to the right, city name at the left. 16 mm (photos by E.A. Kolesnichenko).

определять божество на монете как Тираса можно в последнюю очередь, скорее, это Деметра или Аполлон. Датируется выпуск, по-видимому, в рамках второй четверти IV в. до н.э. В том, что монеты эти предшествуют монетам с протомой коня, свидетельствует и факт присутствия на некоторых из них надчеканки с протомой коня (рис. 5).

Следующая серия тирасской меди представлена, по-видимому, тремя номиналами: дихалком (рис. 6: 3), полуоболом (рис. 6: 2) и оболом (рис. 6: 1) одного монетного типа: л.с. голова Тираса влево; о.с. голова коня вправо. В данном случае, очевидно, вполне резонно связывать персонажа с лицевой стороны монеты с Тирасом, поскольку на лбу персонажа хорошо просматриваются небольшие рожки. Серию, вероятней всего, следует датировать серединой — началом второй половины IV в. до н.э. Старший номинал примерно синхронен с ольвийскими борисфенами ранних групп, веса и размеры монет обоих центров практически совпадают. При этом можно предполагать, что выпуски осуществлялись не одновременно, а несколькими партиями, поскольку стилистические особенности отдельных монет сильно разнятся. А.Н. Зограф, как отмечалось выше, усматривал в резком отличии весовых данных монет этого типа редукцию их веса, происходящую с течением времени. Мы полагаем, что речь следует вести о серии из трёх номиналов, которые соотносятся как 4 к 2 к 1. Старший номинал, очевидно, обол имеет веса в диапазоне 9—11 г; средний номинал, по-видимому, половина обола имеет веса от 4 до 5 г; младший номи-

Рис. 7: 1 — обол (?). Л.с.: голова Деметры в венке вправо. О.с.: слева имя города. Протома скачущего коня вправо, перечеканена. 23 мм; 2 — обол (?). Л.с.: голова Деметры в венке вправо. О.с.: слева имя города. Протома скачущего коня вправо, перечеканена. 22 мм (фото Е.А. Колесниченко).

Fig. 7. 1 — obol (?). Obv.: Demetra's head in wreath to the right. Rev.: city name at the left. Pro-volumes of a skipping horse to the right, it is recoined. 23 mm. 2 — Obol (?). Obv.: Demetra's head in wreath to the right. Rev.: city name at the left. Pro-volumes of a skipping horse to the right, it is recoined. 22 mm. (photos by E.A. Kolesnichenko).

Рис. 8. Младший номинал тирасской меди начала III в. до н.э.: 1 — пол-обола. Л.с.: голова Тираса в венке вправо. О.с.: слева — TYPA. Голова коня вправо. 15 мм; 2 — пол-обола. Л.с.: голова Тираса в венке вправо. О.с.: слева — TYPA. Голова коня вправо. 15 мм (фото Е.А. Колесниченко).

Fig. 8. Smallest denomination of Tyras copper coins of early 3rd c. BC. 1 — half-obol. Obv.: Tyras's head in wreath to the right. Rev.: at the left — TYPA. Head of a horse to the right. 15 mm. 2 — half-obol. Obv.: Tyras's head in wreath to the right. Rev.: at the left — TYPA. Head of a horse to the right. 15 mm. (photos by E.A. Kolesnichenko).

нал, скорее всего, дихалк имеет веса в диапазоне 1,5—2,5 г.

Следующая эмиссия осуществляется, вероятно, не менее чем четверть столетия спустя. Монетный тип старшего номинала изменяется: на лицевой стороне монет вместо Тираса появляется Деметра, при этом меняется поворот головы божества с левого на правый; на оборотной стороне монетный тип также претерпевает изменения — вместо протомы коня мы наблюдаем половину взнузданного коня (рис. 7: 1, 2). Практически все монеты этого сорта представляют собою перечеканки. Известны перечеканки этих монет на тирасских монетах с левым поворотом головы божества и протомой коня, а также на ольвийских борисфенах первых групп. Таким образом, номинал монеты — всё тот же обол. Цели, которые преследовали эти перечеканки, до конца непонятны, скорее всего, раз в 25—40 лет возникала необходимость обновления находящихся в обращении истёртых монет путём придания им нового типа перечеканкой.

Скорее всего, монета типа: л.с. голова речного божества Тираса вправо; о.с. протома коня вправо (рис. 8: 1, 2), синхронна с названным оболом и является к нему младшим номиналом (половиной обола). Все названные выше монеты принадлежат к ранней группе тирасских монет доримского времени.

Важнейшим фактором, определяющим принадлежность монет к ранней или поздней группам монет независимой Тиры, являются факты находки тирасских монет на том или ином памятнике. Сельские античные памятники Нижнего Поднестровья разделяются на две группы — ранние и поздние. К ранней группе принадлежат памятники, возникшие в IV в. до н.э. и ранее и прекратившие свое существование не позднее первой половины III в. до н.э., а ещё точнее, середины — конца 60-х гг. этого столетия (Мартыненко 1997: 59—60). Это, прежде всего, Никоний, Пивденное, Надлиманское-8. Находки тирасских монет на этих памятниках дают для них твердый *terminus ante quem*. В основном на это обстоятельство опиралась Н.А. Фролова, выделяя монеты античной Тиры раннего периода.

Нужно отметить, что движение варварских племён в Северном Причерноморье во второй — третьей четвертях III в. до н.э. повсеместно привело к гибели или прекращению существования аграрных поселений всех античных городов и государственных образований региона (Рубан 1985: 26—46; Щеглов 1989: 56—58; Виноградов 2005:

Рис. 9. Тирасская медь около 60-х гг. III в. до н.э. 1 — Л.с.: голова Деметры в венке из колосьев влево. О.с.: TYPA в венке из колосьев. 19 мм; 2 — Л.с.: голова Афины в коринфском шлеме вправо. О.с.: бодающий бык влево. 16 мм (фото Е.А. Колесниченко).

Fig. 9. Copper of Tyras, app. 60s of 3rd c. BC. 1 — Obv.: Demetra's head in wreath of spikes to the left. Rev.: TYPA in wreath of spikes. 19 mm; 2 — Obv.: Athena's head in the Corinthian helmet to the right. Rev.: Butting bull to the left. 16 mm (photos by E.A. Kolesnichenko).

Рис. 10. Тирасская медь второй половины III—II в. до н.э. 1 — Л.с.: голова Деметры в венке из колосьев in face. О.с.: плетеная цилиндрическая киста с конической крышкой, вокруг которой буквы TY/PA, внизу под кистой монограмма. 18 мм; 2 — Л.с.: бородатая голова Тираса (?) прямо. О.с.: TY/PA, между букв колос, вправо. 15 мм; 3 — Л.с.: голова Деметры в покрывале вправо. О.с.: TY/PA в венке из колосьев. 16 мм; 4 — Л.с.: голова Деметры в венке из колосьев и покрывале, вправо. О.с.: между букв, расположенных в две строки TY/PA, стебель мака в колоколообразном сосуде на ножке, с двумя ручками; в поле — направо и налево по колосу, на черте. 16 мм; 5 — Л.с.: голова Афины в коринфском шлеме с гребнем, вправо. О.с.: надпись T-Y/P-A, между буквами — сова впрямь, сидит на колосе, лежащем влево. 18 мм; 6 — Л.с.: голова юной Коры в диадеме, вправо. О.с.: Буквы T-Y/P-A, между ними — рог изобилия. 14 мм (фото Е.А. Колесниченко).

Fig. 10. Copper of Tyras of the second half of the 3rd—2nd centuries BC. 1 — Obv.: Demetra's head in wreath of spikes, in face. Rev.: a cylindrical cyst with a conic lid, with letters TY/RA around and a monogram under the cyst. 18 mm; 2 — Obv.: Tyras's (?) bearded head, in face. Rev.: TY/PA; a spike between letters, to the right. 15 mm; 3 — Obv.: Demetra's head in a veil to the right. Rev.: TY/PA in wreath of spikes. 16 mm; 4 — Obv.: Demetra's head in wreath of spikes and a veil, to the right. Rev.: a stalk of poppy in a bell-shaped vessel on a leg, with two handles, located between letters TY/RA set in two lines; in the field — a spike to the right and to the left, on a line. 16 mm. 5 — Obv.: Athena's head in Corinthian helmet with a crest, to the right. Rev.: Inscription T-Y/P-A; between letters, there is an owl, in face, sitting on a spike, lying to the left. 18 mm. 6 — Obv.: Young Cora's head in a diadem, to the right. Rev.: the letters T-Y/P-A, between them — a horn of plenty. 14 mm (photos by E.A. Kolesnichenko).

289—290). Повсеместно названные негативные процессы подрывали экономики этих государств, вели к возникновению острых кризисных явлений в их монетном деле. Однако эти проявления в каждом из государств имели как свою специфику, так и общие черты. К числу общих черт можно отнести следующие: отказ от выпуска монет из благородных металлов; переход исключительно к медной монете; ухудшение состава монетного сплава, чаще всего за счёт свинцовой лигатуры; частое изменение монетного типа; снижение веса монет; надчеканки и перечеканки. В монетном деле Тиры присутствуют в той или иной степени все перечисленные черты, но выглядят они менее явно, чем в монетном деле более крупных соседей по региону: Боспора, Ольвии, Херсонеса. С.А. Булатович, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечает, что поворотным моментом в городской чеканке Тиры была середина III в. до н.э., ознаменовавшаяся началом экономического кризиса. Этот факт даёт возможность определить верхнюю границу первой группы медных тирасских монет именно этим временем, а не концом столетия (Булатович 2006: 31).

Ко второй группе относятся памятники, на которых представлены материалы последней четверти III в. до н.э. — первой половины II в. до н.э. Это такие памятники, как Затока-1, Надлиманское-6, Граденицы-5, Молога-4. Находки тирасских монет на этих памятниках однозначно свидетельствуют об их принадлежности к поздней группе. Для тирасских монет второй половины III—II вв. до н.э. характерен определенный набор образов и символов, характерных в это время и для других греческих государств региона: Гермес

в петасе (кат. №44), Аполлон в венке (кат. 33, 34, 41), лира и кифара (кат. 33, 41), рог изобилия (рис. 10: 6; кат. 43), треножник (кат. 34).

Исходя из сказанного выше, к монетам ранней группы принадлежит ещё два типа монет, встреченных на Никонии. Это монеты типов: л. с. Деметра в покрывале, о. с. венок, с именем города в одну строку (рис. 9: 1) и Афина в коринфском шлеме — бодающий бык (рис. 9: 2). Характерной особенностью всех серебряных и медных монет ранней группы является форма легенды — однострочное написание имени города в формах: TYPA, TYPANO, TYPANON.

Подавляющее большинство монет поздней группы имеют легенду, разнесённую на две строки, в виде T-Y/P-A. Разделение монет поздней группы по хронологическому признаку сопряжено со значительными трудностями. Тем не менее, попробуем выделить среди них более ранние и более поздние выпуски, не забывая, что это всего лишь предположения, не подкрепленные ни археологическим контекстом, ни другими объективными данными. Опираться приходится на такие достаточно шаткие понятия, как стиль и сюжет.

Вероятно, начинают новый этап тирасской чеканки две монеты с фасовыми изображениями божеств, которые, вероятно, составляли серию. Старший номинал имел тип: л. с. Голова Деметры в венке из колосьев in face. о. с. Плетеная цилиндрическая киста с конической крышкой, вокруг которой буквы TY/PA, внизу под кистой монограмма (рис. 10: 1; кат. 25). Младший имел тип: л. с. Бородатая голова кабира (?) прямо; о. с. TY/PA; между букв колос, вправо (рис. 10: 2; кат. 26). Трудно сказать, что побудило тирасских резчиков монетных штемпелей использовать тип фасовых изображений, когда в греческом мире они практически уже не употреблялись.

Другие типы монет конца III—II вв. до н. э. могут быть расположены один за другим достаточно условно, поскольку данных для этого недостаточно. Отдельный момент в нумизматике Тиры связан с возможным выпуском в городе золота лисимаховского типа. Здесь, следуя за А. Н. Зографом, мы полагаем, что, безусловно, к тирасским выпускам можно отнести только те разновидности золота, которые имеют слог TY под креслом богини (Зограф 1951: 114).

Особняком от прочих стоят монеты конца II в. до н. э. — первой половины I в. до н. э., имеющие типичные для митридатовского времени сюжеты и видовые признаки, в частности, изображение орла на молниях (кат. 53).

Приложение

Каталог монет Тиры доримского времени

Начало второй четверти IV в. до н. э.

1. Л. с. Голова безбородого Геракла в львиной шкуре вправо;

О. с. Вверху — TYPA. Пасущийся бык на палице вправо.

Медь. 2,75 г. 13 мм. ЧК[1]. (Подобная: Hill 1930: pl. XIX: 2; Зограф 1957: 40; Анохин 1989: 422; Фролова 2006: табл. VIII: 2).

2. Л. с. Голова Деметры (?) в венке вправо.

О. с. Вверху — TYPA. Стоящий бык на черте вправо.

Медь. 5,65 г. 19 × 18 мм. ЧК. (Подобные: Зограф 1957: табл. III: 1; Анохин 1989: 423; Фролова 2006: табл. III: 14).

2а. Л. с. Голова Деметры (?) в венке вправо (портрет уничтожен оксидами).

О. с. Вверху — TYPA. Бык на черте вправо, надчеканка — «голова коня».

Медь. 4,25 г. 18 мм. ЧК. (Подобная: Анохин 1989: 425).

2б. Л. с. Голова Деметры (?) в венке вправо. Надчеканка — «шлем вправо»

О. с. Вверху — TYPA. Бык на черте вправо, надчеканка — «звезда».

Медь. ОГАМ, №5602 (Анохин 1989: 424).

3. Л. с. Голова Деметры (?) в венке вправо.

О. с. Вверху — TYPA. Стоящий бык на черте влево.

Медь. 5,63 г. 20 мм. ЧК.

Начало второй четверти IV — первая треть III в. до н. э.

4. Л. с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из колосьев и в покрывале.

О. с. Вверху — TYPANON (высоко над спиной быка). Бодающий бык влево на черте, передняя левая согнутая нога почти лежит на черте.

Серебро. Драхма. 5,51 г. 18 мм. ЧК.

4а. Л. с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из двух колосьев и в покрывале.

О. с. Вверху — [T]YPANO[N]. Бодающий бык влево на черте, передняя согнутая нога высоко над чертой.

Серебро. Драхма. 5,38 г. 18 мм. ЧК.

[1] Частная коллекция.

5. Л.с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из колосьев и в покрывале.

О.с. Вверху — TYPANO (буквы без зазора над спиной быка). Бодающий бык влево на черте, передняя согнутая нога прямо на черте, между задними ногами буква — А.

Серебро. Драхма. 5,58 г. 19 мм (Зограф 1957: 1; Анохин 1989: 434; Фролова 2006: табл. I: 1)

6. Л.с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из колосьев и в покрывале, на шее ожерелье в виде точек, справа за головой богини буква — А.

О.с. Вверху — TYPANON (буквы без зазора над спиной быка). Бодающий бык на черте вправо.

Серебро. Драхма. 4,96 г. 16—17 мм (Булатович, Пушкарёв 1990: рис. 1:1).

7. Л.с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из колосьев и в покрывале, на шее ожерелье в виде точек.

О.с. Вверху — TYPANON. Бодающий бык влево на черте, между задними ногами — В.

Серебро. Драхма. 5,89 г (Загинайло, Нудельман 1971: 16).

8. Л.с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из колосьев и в покрывале, на шее ожерелье в виде точек.

О.с. Вверху — TYPAN (ON). Бодающий бык влево на черте, между задними ногами — Г.

Серебро. Драхма. 4,89 г. 17—18 мм (Булатович, Пушкарев 1990: 1: 5).

9. Л.с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из колосьев и в покрывале, на шее ожерелье в виде точек.

О.с. Вверху — TYPAN. Бодающий бык влево на черте, между задними ногами — Δ.

Серебро. Драхма. 5,14 г. 18—20 мм. ЧК.

10. Л.с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из колосьев и в покрывале, на шее ожерелье в виде точек.

О.с. Вверху — TYPANON. Бодающий бык вправо на черте, под чертой в обрезе буквы — ΔI.

Серебро. Драхма. 4,89 г. 17—18 мм. Из Никония. (Булатович, Пушкарёв 1990: 60).

11. Л.с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из колосьев и в покрывале, на шее ожерелье в виде точек.

О.с. Вверху — TYPANON. Бодающий бык влево на черте, под брюхом — Е.

Серебро. Драхма. 5,15 г. 19 мм. ЧК. (Алексеев, Лобода 2004: 124, 13).

12. Л.с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из колосьев и в покрывале, на шее ожерелье в виде точек.

О.с. Вверху — TYPAN. Бодающий бык влево (без черты), под согнутой передней ногой — Ф.

Серебро. Драхма. 5,26 г. 19 мм. ЧК.

13. Л.с. Голова Деметры в венке из колосьев в покрывале в ¾ влево, на шее ожерелье из бус.

О.с. Вверху — TYPAN. Бодающий бык влево на черте, под брюхом — ΦI.

Серебро. Драхма. 5,73 г. 19×20 мм. ЧК. (Подобная: Анохин 1989: 437; Фролова 2006: табл. II: 4)

14. Л.с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из колосьев и в покрывале, на шее ожерелье в виде точек.

О.с. Вверху — TYPAN. Бодающий бык влево на черте, над головой — N и E (в лигатуре).

Серебро. Драхма. 5,78 г. (Загинайло, Нудельман 1971: 124).

15. Л.с. Голова Деметры в ¾ влево в венке из колосьев и в покрывале, на шее ожерелье в виде точек.

О.с. Вверху — TYPAN. Бодающий бык влево на черте, под брюхом — NEY.

Серебро. Драхма. ЧК. (Анохин 2011: 16).

16. Л.с. Голова Деметры в венке из колосьев в покрывале in face, глаза слегка вправо.

О.с. Вверху — TYPA. Бодающий бык вправо на черте.

Серебро. Драхма. 4,83 г. 17 мм. ЧК. (Подобная: Фролова 2006: табл. II: 1).

17. Л.с. Голова Деметры в венке из колосьев в покрывале в ¾ вправо.

О.с. Вверху — TYPANON. Бодающий бык влево на черте.

Серебро. Драхма. 5,25 г. 19 мм. ЧК. (Подобная: Анохин 2011: 17).

Начало второй половины IV в. до н.э.

18. Л.с. Голова Тираса в венке влево.

О.с. Слева — TYPA. Голова коня вправо.

Медь. Обол. 10,83 г. 23 мм. ЧК. (Подобные: Анохин 1989: 429; Фролова 2006: табл. II: 7, 8).

18а. Л.с. Голова Тираса в венке влево.

О.с. Слева — TYPA. Голова коня вправо. (Голова коня меньше, чем на №18.)

Медь. Обол. 10,75 г. 22 мм. ЧК. (Подобные: Фролова 2006: табл. II: 12, 13).

19. Л.с. Голова Тираса в венке влево.

О.с. Голова коня вправо, под шеей коня — TYPA.

Медь. Пол-обола. 4,47 г. 19 мм. ЧК. (Подобные: Фролова 2006: табл. II: 16—18).

20. Л.с. Голова Тираса в венке влево.

О.с. Слева — TYPA. Голова коня вправо.

Медь. 2,06 г. 16 мм. ЧК.

Начало второй четверти III в. до н.э.

21. Л.с. Голова Деметры в венке вправо.

О.с. Слева — TYPA. Протома скачущего коня вправо.

Медь. Обол. 11, 15 г. 23 мм. ЧК. (перечеканка из №18).

21а. Л.с. Голова Деметры в венке влево.

О.с. Слева — TYPA. Протома скачущего коня вправо, справа — монограмма ПА.

Медь. Обол. 10,05 г. 22 мм. ЧК. (перечеканка из №18).

21б. Л. с. Голова Деметры в венке влево.

О. с. Слева — TYPA. Протома скачущего коня вправо, справа — монограмма ПА (А заключена в П).

Медь. Обол. Перечеканена из «борисфена» ранней группы. ЧК. (Алексеев 2001: табл. II: 1).

22. Л. с. Голова Тираса в венке вправо.

О. с. Слева — TYPA. Голова коня вправо.

Медь. Пол-обола. 5,15 г. 15 мм. ЧК. (Подобная: Фролова 2006: табл. III: 1—11).

23. Л. с. Голова Деметры в венке из колосьев влево.

О. с. TYPA в венке из колосьев.

Медь. 5,15 г. 19 мм. ГИМ, №12 (Зограф 1957: 17; Анохин 1989: 430; Price 1993: 342, 343).

24. Л. с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо.

О. с. Бодающий бык влево.

Медь. 3,95 г. 16 мм. ЧК (Подобная: Анохин 2011: 27).

Монеты второй половины III в. до н. э.

25. Л. с. Голова Деметры в венке из колосьев in face.

О. с. Плетеная цилиндрическая киста с конической крышкой, вокруг которой буквы TY/PA, внизу под кистой монограмма.

Медь. 3,95 г. 18 мм. ЧК (Подобные: Фролова 2006: табл. IV: 10—15; табл. V: 1, 2).

26. Л. с. Бородатая голова Тираса (?) прямо.

О. с. TY/PA; между букв колос, вправо.

Медь. 1,41 г. 15 мм. ЧК (Алексеев 1997: 9).

27. Л. с. Голова Деметры в покрывале вправо.

О. с. TY/PA в венке из колосьев.

Медь. 3,05 г. 16 мм. ЧК. (Подобная: Анохин 2011: 26).

28. Л. с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо.

О. с. TY/PA в лавровом венке.

Медь. 2,89 г. 16 мм. ОГАМ, №52995 (Зограф: 1957: 21; Анохин 1989: 445).

29. Л. с. Голова Деметры в венке из колосьев и покрывале, вправо.

О. с. Между расположенных в две строки букв TY/PA стебель мака в колоколообразном сосуде на ножке, с двумя ручками; в поле — направо и налево по колосу, на черте.

Медь. 3,48 г. 16 мм. ЧК (Подобная: Фролова 2006: табл. VI: 3).

29а. Л. с. Голова Деметры в венке из колосьев и покрывале, вправо.

О. с. Между расположенных в две строки букв TY/PA стебель мака в колоколообразном сосуде на ножке, с двумя ручками; в поле — направо и налево по колосу, на черте.

Медь. 3,12 г. 16,5 мм. ЧК.

30. Л. с. голова Тираса (?), вправо.

О. с. T-Y/P-A, между буквами голова коня вправо.

Медь. 2,96 г. 15 мм. ЧК.

31. Л. с. Голова влево (?).

О. с. TY-PA.

Медь. 2, 67 г. 15 мм. ЧК.

32. Л. с. Дельфин влево.

О. с. TY в венке.

Медь. 1,32 г. 13 мм. ЧК.

33. Л. с. Голова Аполлона в венке, вправо.

О. с. T-Y/P-A. Кифара.

Медь. 4,14 г. 17 мм. ГЭ (Анохин 1989: 452).

34. Л. с. Голова Аполлона в венке, вправо.

О. с. T-Y/P-A. Треножник.

Медь. 3,65 г. 16 мм. (Подобные: Карышковский 1952: табл. 1: 2; Фролова 2006: табл. V: 10).

35. Л. с. Изображение богини Деметры в облике Тюхе в башенной короне, вправо.

О. с. Лев, сидящий в ¾ оборота вправо, голова обращена влево.

Медь. 2,4 г. 13 мм. ЧК. (Алексеев 1997: 78; Фролова 2006: 38,39, табл. VII: 3).

36. Л. с. Голова Афины в коринфском шлеме с гребнем, вправо.

О. с. Надпись T-Y/P-A; между буквами — сова впрямь, сидит на колосе, лежащем влево.

Медь. 3,65 г. 18 мм. ЧК. (Подобные: Фролова 2006: табл. VI: 7, 7а).

37. Л. с. Голова обожествленного Александра с рогом бога Амона, вправо.

О. с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. Афина на троне влево, держит на руке Нике, у трона копьё и щит, под троном — TY, под Нике монограмма из букв: М, Р, А, внизу трезубец, украшенный дельфинами.

Золото. Статер. 8,41 г. 18 мм. ЧК.

38. Л. с. Голова обожествленного Александра с рогом бога Амона, вправо.

О. с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. Афина на троне влево, держит на руке Нике, у трона копьё и щит, под троном — TY, внизу трезубец, украшенный дельфинами.

Золото. Статер. 8,38 г. Британский музей.

39. Л. с. Голова обожествленного Александра с рогом бога Амона, вправо.

О. с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. Афина на троне влево, держит на руке Нике, у трона копьё и щит, под троном — TY, под Нике монограмма из букв: Т, Λ, П, Ω.

Золото. Статер. 8,45 г. (Nicorescu 1938: 96).

40. Л. с. Голова обожествленного Александра с рогом бога Амона, вправо.

О. с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. Афина на троне влево, держит на руке Нике, у трона копьё и щит, под троном — TY, под Нике монограмма из букв: Λ, Ф, А.

Золото. Статер. 8,39 г. Британский музей. (Анохин, 1989: 459).

41. Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо.

О.с. Трёхструнная лира, буквы по сторонам T-Y/P-A.

Медь. 2,56 г. 13 мм. ЧК. (Подобные: Анохин 1986: 460; Фролова 2006: табл. V: 13—15).

42. Л.с. Голова юной Коры в диадеме, вправо.

О.с. Буквы T-Y/P-A, между ними — рог изобилия.

Медь. 1,72 г. 13 мм. ЧК (Подобные: Анохин, 1986: 467—470; Фролова, 2006: табл. VI: 12—20).

43. Л.с. Голова бородатого божества Понта с клешнёй на виске, вправо.

О.с. Буквы T-Y/P-A, между ними — рог изобилия, украшенный лентой.

Медь. 2,15 г. 15 мм. ЧК (Подобные: Анохин 1989: 464; Фролова 2006: табл. VI: 11).

44. Л.с. Голова Гермеса в петасосе, вправо.

О.с. Буквы T-Y/P-A, между ними — вертикально стоящий кадуцей.

Медь. 1,7 г. 13 мм. ЧК (Подобные: Анохин 1969: 469; Фролова 2006: табл. VII: 6, 6а).

45. Л.с. Голова бородатого Асклепия в повязке, вправо.

О.с. Обвившаяся вокруг омфала змея с головой, обращенной вправо, по сторонам буквы T-Y/P-A.

Медь. 1,96 г. 14 мм. ЧК. (Подобные: Анохин 1989: 466; Фролова 2006: табл. VII: 12).

46. Л.с. Голова бородатого Асклепия в повязке, вправо.

О.с. Буквы T-Y/P-A по сторонам цилиндрического алтаря, над ним — свернувшаяся кольцом змея с головой, повёрнутой вправо.

Медь. 1,95 г. 14 мм. ОАМ (Зограф 1957: табл. III: 13; Анохин 1989: 465; Фролова 2006: табл. VII: 11).

47. Л.с. Голова Диониса в венке из плюща вправо.

О.с. Буквы T-Y/P-A, внутри букв — тирс.

Медь. 2,51 г. 16 мм. ЧК (Подобные: Анохин 1989: 462; Фролова 2006: табл. VI: 1, 1а).

48. Л.с. Голова Диониса, вправо.

О.с. Между буквами T-Y/P-A, расположенными в две строки, — виноградная гроздь.

Медь. 3,51 г. 15 мм. ГЭ №17/24912 (Анохин 1989: 461; Фролова 2006: табл. VI: 4).

49. Л.с. Голова божества Понта с бородой, густыми волосами и рачьими клешнями на висках, вправо.

О.с. Рыба вправо, над ней — TY, внизу — PA.

Медь. 3,0 г, 15 мм. ОАМ (Юргевич 1889: 28; Фролова 2006: табл. VI: 9).

50. Л.с. Голова Коры вправо.

О.с. Между буквами T-Y/P-A зажженный факел.

Медь. 1,61 г. 13 мм. ГЭ №21 (Анохин 1989: 468; Фролова 2006: табл. VII: 1).

Последние десятилетия II — первая половина I в. до н.э. (120—63 г. до н.э.)

51. Л.с. Голова Аполлона (?) вправо.

О.с. Вверху — TYPA, ниже бодающий бык на черте вправо.

Медь. 2,31 г. (Зограф 1957: 41).

52. Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме, вправо.

О.с. Вверху TYPA, ниже бодающий бык на черте, влево.

Медь. 5,53 г. ОГАМ, №24931 (Анохин 1989: 474).

53. Л.с. Голова Аполлона в венке вправо.

О.с. Внизу — TYPAN. Орел на молнии, голова повёрнута влево.

Медь. 5,67 г. 19 мм (Зограф 1957: 42; Анохин 1989: 475).

Литература

Алексеев В.П. 1990. О семантике реверсных изображений на монетах Тиры IV в. до н.э. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*. Кишинёв: Штиница, 64—72.

Алексеев В.П. 1997. *Редкие и неизданные монеты античных городов Северного Причерноморья*. Одесса: Фридман-пресс.

Анохин В.А. 1989. *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Анохин В.А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог*. Киев: Стилос.

Бертье-Делагард А.Л. 1913. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. *Нумизматический сборник* 2, 49—134.

Булатович С.А., Пушкарёв В.П. 1990. Новые находки серебряных монет Тиры. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*. Кишинёв: Штиница, 58—63.

Булатович С.А. 1997. Тира и Нижнее Поднестровье в IV—III вв. до н.э. по данным монетных находок. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса: Ветаком, 223—226.

Булатович С.А. 2006. Проблемы периодизации денежного обращения Тиры. В: Кушнир В.Г. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье*. Одесса: Гермес, 30—32.

Бурачков П.О. 1884. *Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней России*. Т. 1. Одесса: Типография А. Шульце.

Виноградов Ю.А. 2005. Боспор Киммерийский. В: Марченко К.К. (отв. ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху*. Санкт-Петербург: Алетейя, 211—296.

Дюков Ю.Л., Смекалова Т.Н. 1997. Исследования монет Тиры из собрания Государственного Эрмитажа. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса: Ветаком, 231—240.

Загинайло А.Г., Нудельман А.А. 1971. Дороцкий клад древнегреческих серебряных монет IV в. до н.э. *МАСП* 7, 122—137.

Зограф А.Н. 1951. *Античные монеты*. МИА 16.

Зограф А.Н. 1957. *Монеты Тиры*. Москва: АН СССР.

Избаш Т.А. 2008. Религиозно-политический аспект деятельности Клеарха Гераклейского. В: Немченко И.В. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье*. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 158—160.

Карышковский П.О. 1957. Несколько неизданных монет античного Причерноморья. *НС ГИМ* II, 27—31.

Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. *Древний город Тира*. Киев: Наукова думка.

Коваленко С.А. 1999. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху. *НЭ* XVI, 108—131.

Рубан В.В. 1985. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV—III вв. до н.э. *ВДИ* (1), 26—46.

Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. 2001. *Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия. Тира*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.

Туровский Е.Я., Горбатов В.М. 2013. *Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель*. Симферополь: ДИАЙПИ.

Туровский Е.Я., Демьянчук С.Г. 1998. К вопросу о хронологии серебряных и медных монет Тиры автономного периода. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье. IV чтения памяти профессора П.О. Карышковского*. Одесса, 145—148.

Фролова Н.А. 2003. Монетное дело Тиры конца III—I в. до н.э. В: Гайдуков П.Г. (отв. ред.). *Нумизматический сборник ГИМ* XVI, 27—57.

Фролова Н.А. 2006. *Каталог монет античной Тиры*. Москва: Росспэн.

Щеглов А.Н. 1989. Ещё раз о причинах денежного кризиса III в до н.э. в античных центрах Северного Причерноморья. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье. I чтения памяти профессора П.О. Карышковского*. Одесса, 56—58.

Юргевич В.Н. 1889. Монеты города Тиры, хранящиеся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей. *ЗООИД* XV, 1—14.

Grimm A. 1871—1873. Die Münzen von Tyras. *BBMSW VI* (LXV, 2). Berlin, 27—44.

Hill G.F. 1930. Greek Coins Acquired by the British Museum in 1929. *NC*, 1—15.

Minns E.H. 1913. *Scithians and Greeks*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nicorescu P. 1938. Two gold coins of Tyras. In: *Transaction of the International Numismatic Congress*. London, 96—98.

Pick B. 1898. *Die antiken Münzen von Dacien und Moesien* 1. Berlin.

SNG IX: Price M. 1993. *Sylloge Nummorum Graecorum* IX. The British Museum. Part 1. The Black Sea. London.

References

Alexeev, V. P. 1990. In *Numizmaticheskie issledovaniia po istorii Iugo-Vostochnoi Evropy (Numismatic researches into the history of South-Eastern Europe)*. Kishinev: Shtinitsa, 64—72 (in Russian).

Alexeev, V. P. 1997. *Redkie i neizdannye monety antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia (Rare and unpublished coins from the ancient towns of Northern Pontic region)*. Odessa: Fridman-press (in Russian).

Anokhin, V. A. 1989. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Coins from ancient towns of North-Western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Anokhin, V. A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia. Katalog (Ancient coins of the Northern Pontic region. Catalogue)*. Kiev: Stilos (in Russian).

Bertier de la Garde, A. L. 1913. In *Numizmaticheskii sbornik (Numismatical compilation)* 2, 49—134 (in Russian).

Bulatovich, S. A., Pushkarev, V. P. 1990. In *Numizmaticheskie issledovaniia po istorii Iugo-Vostochnoi Evropy (Numismatic researches into the history of South-Eastern Europe)*. Kishinev: Shtinitsa, 58—63 (in Russian).

Bulatovich, S. A. 1997. In *Nikonii i antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ia (Nikonium and the Ancient world of Northern Pontic region)*. Odessa: Vetakom, 223—226 (in Russian).

Bulatovich, S. A. 2006. In *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Pontic region)*. Odessa: Germes, 30—32 (in Russian).

Burachkov, P. O. 1884. *Obshchii katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniiam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo moria v predelakh nyneshnei Rossii (The general catalogue of the coins of Greek colonies from the northern shore of the Black Sea in the limits of modern Southern Russia)*. Vol. 1. Odessa: Tipografiia A.Schultze (in Russian).

Vinogradov, Yu. A. 2005. In *Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ia v skifskuiu epokhu (Greeks and Barbarians from the Northern Pontic region in the Scythian time)*. Saint Peterburg: Aleteiia, 211—296 (in Russian).

Dyukov, Yu. L., Smekalova, T. N. 1997. In *Nikonii i antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ia (Nikonium and the Ancient world of Northern Pontic region)*. Odessa: Vetakom, 231—240 (in Russian).

Zaginailo, A. G., Nudelman, A. A. 1971. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 7, 122—137 (in Russian).

Zograf, A. N. 1951. *Antichnye monety (Ancient coins)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 16 (in Russian).

Zograf, A. N. 1957. *Monety Tiry (Coins of Tyras)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).

Izbash, T. A. 2008. In *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Pontic region)*. Odessa: FLP «Fridman A. S.», 158—160 (in Russian).

Karyshkovsky, P. O. 1957. In *Numizmaticheskii sbornik Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Numismatical compilation of the State Historical Museum)* II, 27—31 (in Russian).

Karyshkovsky, P. O., Klejman, I. B. 1985. *Drevnii gorod Tira (Ancient town of Tyras)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Kovalenko, S. A. 1999. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* XVI, 108—131 (in Russian).

Ruban, V. V. 1985. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 26—46 (in Russian).

Smekalova, T. N., Dyukov, Yu. L. 2001. *Monetnye splavy gosudarstv Prichernomor'ia: Bospor, Ol'viia. Tira (Coin alloys from the Northern Pontic states: Bosporus, Olbia, Tyras)*. Saint Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet.

Turovsky, E. Ya., Gorbatov, V. M. 2013. *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. Katalog-opredelitel' (Coins of Ancient and Medieval Chersonesos. Catalogue and guide)*. Simferopol: DIAIPI (in Russian).

Turovsky, E. Ya., Demyanchuk, S. G. 1998. In *Drevnee Prichernomor'e. IV chteniia pamiati professora*

P. O. Karyshkovskogo (Ancient Pontic region. 4th readings to the memory of professor P. O. Karyshkovski). Odessa, 145—148 (in Russian).

Frolov, N. A. 2003. In *Numizmaticheskii sbornik Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Numismatical compilation of the State Historical Museum)* XVI, 27—57 (in Russian).

Frolova, N. A. 2006. *Katalog monet antichnoi Tiry (Catalogue of coins of ancient Tyras)*. Moscow: Rosspen (in Russian).

Shcheglov, A. N. 1989. In *Drevnee Prichernomor'e. I chteniia pamiati professora P. O. Karyshkovskogo (Ancient Pontic region. 1st readings to the memory of professor P. O. Karyshkovski)*. Odessa, 56—58 (in Russian).

Yurgevich, V. N. 1889. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* XV, 1—14 (in Russian).

Grimm, A. 1871—1873. Die Münzen von Tyras. *BBMSW VI* (LXV, 2). Berlin, 27—44.

Hill, G. F. 1930. Greek Coins Acquired by the British Museum in 1929. *NC*, 1—15.

Minns, E. H. 1913. *Scithians and Greeks*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nicorescu, P. 1938. Two gold coins of Tyras. In: *Transaction of the International Numismatic Congress*. London, 96—98.

Pick, B. 1898. *Die antiken Münzen von Dacien und Moesien* 1. Berlin.

Price, M. 1993. *Sylloge Nummorum Graecorum* IX. The British Museum. Part 1. The Black Sea. London.

Статья поступила в номер 12 января 2014 г.

Evgenij Turovsky (Sevastopol, Russia). Candidate of Historical Sciences. Reservation Chersonesos Tauric[1].

Evgenij Turovsky (Sevastopol, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Rezervaţia „Chersonesos Tauric".

Туровский Евгений Яковлевич (Севастополь, Россия). Кандидат исторических наук. Заповедник «Херсонес Таврический».

E-mail: turovs_1@mail.ru

Evgenij Kolesnichenko (Odessa, Ukraine). Crimean University for the Humanities[2].

Evgenij Kolesnichenko (Odesa, Ucraina). Universitatea umanitară din Crimea.

Колесниченко Евгений Александрович (Одесса, Украина). Крымский гуманитарный университет.

E-mail: nikonion@rambler.ru

Addresses: [1] Drevnyaya St. 1, Sevastopol, 299045, Russia; [2] Sevastopolskaya St., 2, Yalta, 98635, Russia

Археология представлений

Archaeology of Representations
Arheologia reprezentărilor

№3. 2014

А. В. Вертиенко

Образ вепря в иранской традиции — нарратив и визуализация*

Keywords: Sassanian Iran, Scythia, boar, Avesta, Verethragna, art, kingship, hvarn.

Cuvinte cheie: Iranul Sasanid, Sciția, mistreț, Avesta, Verethragna, artă, roialitate, hvarn.

Ключевые слова: Сасанидский Иран, Скифия, вепрь, Авеста, Веретрагна, искусство, царственность, хварн.

H. V. Vertiienko

The Image of Boar in the Iranian Tradition — Narrative and Visuality

The image of a wild boar is a widespread motive in written and pictorial tradition of the Iranian people of Antiquity. In the Young Avestan texts the boar is the steady embodiment of Verethragna (Yasht 14, 15 (2—8). The same refrain repeats in Yasht 10, 70 (3—9) and 127 (2—8). In Yasht 10, 70 parts of the animal's body correspond to metal, which can be the image of the blade weapon (dagger/karəta-). Connection of a boar with the military sphere is traced during the Sassanian period in the "Memorials of Zarer's son" (45). In the Iranian art of that period, the royal boar hunting motive gets a special spreading, that points to communication of this animal with all-Iranian royal representation of hvarn (xvarənah-). In the art of the Iranophone nomads, the motive of a boar gained diffusion on a weapon decor (a sheath of short swords and gorytos), bowls, and also on the topic scenes of hunting and fight. Images of boar on such objects were a marker of the highest social status of their owners in military hierarchy of the nomadic aristocracy.

H. V. Vertiienko

Motivul mistrețului în tradiția iraniană — narativ și vizualizare

Figura mistrețului reprezintă un motiv destul de larg răspândit în tradiția scrisă și vizuală a popoarelor iraniene din antichitate. În textele Avestei mici, mistrețul este întruchiparea lui Verethragna (Iașt 14, 15 (2—8)). Același refren se repetă în Yasht 10, 70 (3—9) și 127 (2—8). În Yasht 10, 70 părțile corpului ale acestui animal apar în legătură cu metalul, ce poate sugera motivul armei cu tăiș (pumnal/karəta-). În perioada sasanidă, legătura dintre motivul mistrețului și sfera militară este prezentă în „Povestea despre fiul lui Zarer" (45). În arta iraniană din acea perioadă, motivul vânătorii regale asupra mistrețului se bucură de o popularitate deosebită, indicând asupra legăturii dintre acest animal și concepția hvarnului regal general-iranian (xvarnah-). În arta nomazilor iranieni, motivul mistrețului este răspândit în ornamentarea armamentului (teaca spadelor scurte și gorite), cupelor, precum și în scenele de vânătoare și luptă. Prezența motivului mistrețului pe aceste obiecte reflectă statutul social înalt al posesorilor acestora în ierarhia militară din cadrul aristocrației nomade.

А. В. Вертиенко

Образ вепря в иранской традиции — нарратив и визуализация

Образ вепря является распространенным мотивом в письменной и изобразительной традиции иранских народов древности. В младоавестийских текстах вепрь является устойчивым воплощением Веретрагны (Яшт 14, 15 (2—8). Этот же рефрен повторяется в Яште 10, 70 (3—9) и 127 (2—8). В Яште 10, 70 части тела животного соотносятся с металлом, что можно связать с образом клинкового оружия (кинжал/karəta-). Связь вепря с военной сферой прослеживается в сасанидский период в «Предании о сыне Зарера» (45). В иранском искусстве этого периода особую популярность приобретает мотив царской охоты на вепря, что указывает на связь этого животного с представлением об общеиранском царском хварне (xvarənah-). В искусстве ираноязычных номадов мотив вепря получил распространение на декоре оружия (ножнах коротких мечей и горитах), чашах, а также в сюжетных сценах охоты и противоборства. Наличие изображений вепря на таких предметах является маркером высшего социального статуса их обладателей в воинской иерархии кочевой аристократии.

Проблема взаимодействия письменной и изобразительной традиций в духовной культуре обществ древности — одна из наиболее разрабатываемых и сложных тем в исторической науке. В иранистике эта проблема стоит особенно остро, поскольку не все ираноязычные народы Евразии I тыс. до н. э. обладали письменностью, которая сохранила бы нарративный жанр.

Для реконструкции мифо-эпической или фольклорной содержательности визуальных текстов ираноязычных номадов, таким обра-

* Статья подготовлена по материалам докладов, прочитанных на конференциях «XVIII Сергеевские чтения» (Москва, 4—6 февраля 2013 г.) и «Ладога и проблемы древней и средневековой истории Северной Евразии. XVIII чтения памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских» (Старая Ладога, 21—22 декабря 2013 г.).

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© А. В. Вертиенко, 2014.

зом, привлекаются данные иранских религиозных текстов, что целесообразно в связи с общностью базовых мировоззренческих категорий всех иранских народов. Как отмечает И. М. Дьяконов: «Авеста является первоклассным источником для изучения древних верований и представлений ираноязычных народов вообще» (Дьяконов 2008: 88). Также важно подчеркнуть, что «целый ряд фактов... связывает авестийский язык со скифо-среднеазиатской подгруппой» иранских языков (Дьяконов 2008: 100). Таким образом, отмеченный подход будет методологически верным, поскольку изучение категорий картины мира иранских народов, выраженных в изобразительном искусстве, происходит (там, где это возможно) на основе иранской же терминологии (т. е. исторически аутентичной языковой картины мира). Данные античной письменной традиции, сохранившей определенные сведения о традициях и культуре различных кочевых и оседлых ираноязычных народов, также могут быть привлечены для расшифровки изобразительного языка.

Следует подчеркнуть, что в основу картины мира древних и архаических обществ, по наблюдению Е. М. Мелетинского, была положена мифологическая модель мира, которая выступала «тотальной моделирующей системой» (Мелетинский 2000: 216), безусловно, проявившейся в изобразительном искусстве.

Из числа иранских религиозных текстов только Младшая Авеста в двух своих гимнах (Яшты 10 и 14) обращается к образу вепря. В одном из них, в Яште 14, посвященном божеству победы Веретрагне, приведено десять его «инкарнаций», пятой из которых выступает вепрь. Воплощение Веретрагны как вепря, наряду с первой и последней его «инкарнациями» — ветром и воином с клинковым оружием, — присуще исключительно этому божеству. При этом именно вепрь является наиболее распространенным воплощением Веретрагны, поскольку рефрен Яшта 14, 15 (2—8) еще дважды повторяется в Яште 10, 70 (3—9) и 127 (2—8). Наиболее расширенная версия дана в Яште 10, 70:

«Митру обширно-пастбищного [...] бодрствующего (= Яшт 10, 7),
Перед ним движется
Веретрагна, Ахурой сотворенный,
В облике Вепря,
Противоборствующего, острозубого,
Самца остроклыкого,
Мгновенно убивающего вепря,
Неприступного, лютого,
Пестромордого, отважного,
[Ловкого, юркого][1],
Железноногого (сзади), железноногого (спереди),
Железносухожильного, железнохвостатого,
железночелюстного» (перевод по изданию текста: Geldner 1889: 140).

При этом в последних строках Яшта 10, *70* части тела вепря ассоциируются с железом, что можно связать с образом клинкового оружия, а именно кинжалом (*karəta-*). В бою этим оружием колющие удары наносятся снизу, что хорошо соотносится и с тем, как вепрь использует свои клыки для поражения противника. Описание этой особенности нападения кабана, как верно заметил И. Гершевич, возможно дано в Яште 10, *71* (Gershevitch 1959: 107, 221).

Отметим, что в авестийском языке зафиксировано два термина для определения этого вида животных: 1. *hū* — «свинья» (как вид) (Bartholomae 1904: 1817); 2. *varāza-* — «кабан, вепрь» (м. р.) (Bartholomae 1904: 1366), а также имя собственное (божества) (Яшт 13, 96.6) (Bartholomae 1904: 1366).

В строке «в образе Вепря»/*hū kəhrpa varāzahe* рассмотренного текста употреблены оба этих слова, где первое является видовым определителем, а второе — родовым уточнением. Отметим, что при переводе этой строки в Яште 14, 15.3 у исследователей имеются разногласия. Так, Е. Е. Бертельс, И. С. Брагинский и В. С. Соколова переводят эту строку как «в прекрасном облике кабана/в прекрасном образе вепря/в образе кабана прекрасного» (Авеста 1997: 358, 359; Соколова 2005: 368—369). Очевидно, они базируются на разночтениях в рукописях и понимают первые два слова строки как созвучное составное прилагательное *hu-kəhrp-* — «прекрасный, хорошо сложенный» («wohlgestaltet» — Bartholomae 1904: 1818). Но при таком понимании неизбежно должно исчезнуть существительное ж. р. *kəhrpa-* — «образ», которое, тем не менее, по непонятным причинам в указанных переводах сохраняется. Таким образом, наличие прилагательного «прекрасный» в данной строке подвергается исключению, но при условии, что слово *kəhrpa-*/«образ» является смыслообразующим, что вполне вероятно, так как этот термин используется при перечислении всех «инкранаций» Веретрагны в Яште 14 (см.: Вертієнко 2013). К тому же эта же строка еще дважды повторяется в Яште 10, 70 (3—9) и 127 (2—8), где проблем с гра-

[1] В Яште 10, 70 эта строка отсутствует; добавлено из Яштов 10, 127 (8) и 14, 15 (8).

Рис. 1. Серебряное блюдо с изображением охоты Варахрана V, Эрмитаж (Кинжалов, Луконин 1960: ил. 2).

Fig. 1. Silver dish with the image of Bahram V hunting (Hermitage) (Кинжалов, Луконин 1960: ил. 2).

Рис. 2. Рельеф в Так-е Бостане (Иран) (Berghe 1985: pl. 39).

Fig. 2. Relief at Tak-e Bostan (Iran) (Berghe 1985: pl. 39).

фикой в рукописях и переводами не наблюдается. Таким образом, можно констатировать, что в части рукописей с текстом строки Яшта 14, 15.3, в отличие от ее рефренов в Яште 10, оказались ошибки в двух элементах: 1) в написании *hū* вместо гласной *ū* дана *u*; 2) между этим и следующим словом *kəhrpa* отсутствует разделительная точка. По всей видимости, мы имеем здесь дело с ошибкой переосмысления, вызванной созвучием (Лихачев 2006: 47—49). Но если переписчики все же не ошиблись, и эта строка действительно представляет собой исключение, то следует признать, что они хотели указать, что Веретрагна и есть сам вепрь.

Важно подчеркнуть, что, как отмечает В. И. Абаев и Д. И. Эдельман, рефлексы слова **waraza*/«кабан» зафиксированы в скифском и в осетинских собственных именах, включая отмеченные в нартовском эпосе: *Wæraz, Wæræzmæg* (Абаев 1979: 307; Эдельман 2009: 144).

Образ вепря имел широкое распространение в искусстве иранских народов, его изображения известны на ахеминидских цилиндрических печатях, сасанидских геммах, рельефах, серебряной посуде, тканях и т. д. Сводку по вепрю в иранском искусстве собрал К. Эрдманн (Erdmann 1942: 345—383). Особое значение приобретает при Сасанидах мотив сакрализованной царской охоты на вепря, в частности, с участием Варахрана V (421—439 гг. н. э.) (Кинжалов, Луконин 1960: илл. 2; Berghe 1985: pl. 39) (рис. 1; 2**)**. Интересно, что этот царь, носил теофорное имя, восходящее к Бахраму (Веретрагне). Из числа правителей-Сасанидов подобное имя имели шесть царей[2], что показывает важное место культа Веретрагны и его связь с царской идеологией.

В искусстве кочевников раннего железного века Евразии образ вепря также получил определенное распространение. Его обобщающее исследование для восточноевропейской зоны скифского звериного стиля предпринял А. Р. Канторович (Канторович 2011: 34—41). Им было выявлено 34 таких оригинальных изображения, в их числе как полнофигурных, так и частичных (голова, копыта). Была разработана их сюжетная и стилистическая типология.

Хронологически они появляются с середины VI в. до н. э. и встречаются вплоть до конца IV в. до н. э. В восточном, сако-сибирском ареале звериного стиля, изображения вепрей появляются уже в VII в. до н. э.

В искусстве ираноязычных номадов Евразии образ вепря встречается на декоре оружия и военной амуниции (ср.: Ghirshman 1977: 27—38), в частности, мечей (Толочко, Мурзін 1991: 358—359, кат. №88, 89; Алексеев 2012: 138) и горитов (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010: Taf. 44) (рис. 3—6).

Помимо прочего, были распространены и различные типы сцен противостояния вепря и других животных, а также вепря и человека.

[2] Варахран I (273—276 гг. н. э.) засвидетельствован в надписи Шапура I (240—272? гг. н. э.) на «Ка'бе Зороастра» (ŠKZ); Варахран II (276—293 гг. н. э.); Варахран III (293 г. н. э.); Варахран IV (388—399 гг. н. э.); Варахран V (421—439 гг. н. э.); Варахран Чубин (590—591 гг. н. э.).

Рис. 3. Золотая обивка ножен меча, курган у с. Александровка (Киев, МИДУ) (Золото 1991: 358, кат. №88).

Fig. 3. Gold upholstery of a sword' sheath, Aleksandrovka barrow (Kyiv, MHTU) (Золото 1991: 358, кат. №88).

Рис. 4. Фрагмент декора ножен меча, курган у с. Большая Белозерка (Киев, МИДУ) (Золото 1991: 358, 359, кат. №89).

Fig. 4. Fragment of decoration of a sheath, Velyka Belozirka barrow (Kyiv, MHTU) (Золото 1991: 358, 359, кат. №89).

Рис. 5. Стилизованное изображение головы вепря на ножнах меча у одной из фигур скифов на гребне из кургана Солоха (Эрмитаж) (Алексеев 2012: 138).

Fig. 5. The stylized image of a boar head on the sheath of one of the Scythians on the comb from Solokha barrow (Hermitage) (Алексеев 2012: 138).

Это, в частности, изображения охоты на кабана лучника (поясные пластины из Сибирской коллекции Петра I) (Артамонов 1973: 136, рис. 184) (рис. 7) или всадника-копьеносца с собаками (роспись склепа №9 Неаполя Скифского) (Зайцев 2003: 206, рис. 136). Борьба дикого кабана и человека представлена на навершии железного кинжала из долины р. Ачик (Алтай, III—I в. до н. э.) (Суразаков 1979: 268) (рис. 8) и на золотой пластине из Тувы (Грач, Грач 1980: 11, 12).

Семантика подобных композиций может быть истолкована через ряд индоевропейских нарративных параллелей. По реконструированному Шарпантье мифу в Ригведе юный Индра убивает кабана Эмуша, стреляя в него связкой травы *дарбха*, связкой тростника или связкой стрел (РВ VIII, 77, 7). В одном из осетинских нартовских сказаний, привлеченных в этом контексте А. В. Дарчиевым, герой Батраз вступает в борьбу с кабаном, используя железную палку и меч, которые, однако, оказываются бесполезными. При этом перед сражением Батраз проявляет себя метким лучником, поразив цель вязанкой дров (Дарчиев 2008: 176—178).

В этой связи уместно вспомнить скифский ритуал в честь бога войны, при котором кровью жертв обливают железный *акинак*, воткнутый в хворост. Т. е. хворост здесь может быть истолкован как тело могучего вепря, которого символически убивают (ср.: Болтрик 1998: 80—82). В этом отношении любопытно указать, что в осетинском языке существует устойчивая семантическая связь между *хи-* «свинья, кабан» и *хи-* «копна» (Абаев 1989: 255; Растаргуева, Эдельман 2007: 444, 445), что находит также отображение в некоторых диалектах русского языка: «боров, боровок, свинка» как обозначения видов копны (ср.: Дарчиев 2008: 183). Возможно, эта семантическая связь может восходить к ритуальной сфере далеких предков осетин.

Подчеркнем, что и в греческой традиции вепрь считался животным Ареса (именно в этом облике он убивает Адониса во время охоты) (Грейвс 1992: 49). В надписях Антиоха Коммагенского (I в. до н. э.) Веретрагна син-

Рис. 6. Нашивные бляшки декора горита, курган Аржан–2, погребение 5 (Эрмитаж) (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010: Taf. 44).

Fig. 6. Plaques of a gorytos decoration, Arzhan-2 barrow, burial 5 (Hermitage) (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010: Taf. 44).

кретизируется с Аресом и Гераклом, а на рельефах рядом с этим тройственным божеством изображается вепрь (Benveniste, Renou 1934: 70—71).

Возвращаясь к нартовскому сказанию, отметим, что победить вепря нарту Батразу удается, лишь оторвав ему ухо, что лишает зверя сил (Дарчиев 2008: 200—203). Заметим, что на декоре скифского меча из кургана Ушаковского близ станицы Елизаветовской (1901 г.), кабан показан с гипертрофированными ушами (рис. 9) (Artamonow 1970: Taf. 330). Возможно, обряд надрезания ушей при смерти скифского царя (Herod. Hist. IV, 71.4) и отрывание уха вепрю Батразом — символическая часть единого ритуального цикла. Схожие обычаи известны и у других иранских народов (Иванчик 2010: 141), а также племен, подвергшихся интенсивному культурному влиянию соседнего ираноязычного населения: согласно Николаю Дамасскому, у тавров царь отрезал себе ухо либо его часть при смерти «друга» (Иванчик 2010: 141). У осетин при похоронах делали надрез уху коня (Миллер 2008: 822).

В продолжение развития семантической линии *вепрь-герой-воин* отметим, что в пехлевийском сочинении «Предание о сыне Зарера» сражение воинов описывается как столкновение «отважных (вепрей)» (Аййадгар-и Зареран, 46): «Завтра, когда столкнется храбрый с храбрым, отважный (‘вепрь’) с отважным (‘вепрем’), многие матери, имеющие сыновей, останутся (без сыновей)...» (Чунакова 2001: 141). А. А. Амбарцумян при анализе этого источника выделяет терминологию для обозначения различных видов геройства, отваги и доблести, где термин *вараз* имеет значение «герой-вепрь» (нейтральное) (Амбарцумян 1998: 71).

Еще более устойчивой в иранской традиции была ассоциация вепря с понятием царственности, что может иметь индоевропейскую основу. Например, древнеисландское архаичное название кабана совпадает со значением «князь», а также «бог» (Гамкрелидзе,

Рис. 7. Поясная пластина из Сибирской коллекции Петра I с изображением сцены охоты на вепря (Эрмитаж) (Артамонов 1973: 136, рис. 184).

Fig. 7. Plate from Peter I Siberian collection with the image of boar hunting (Hermitage) (Артамонов 1973: 136, рис. 184).

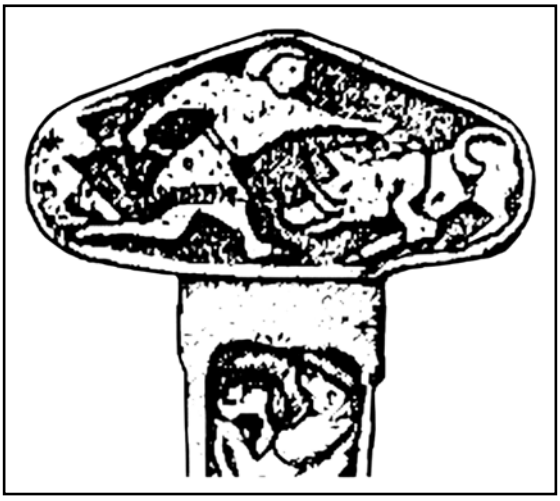

Рис. 8. Навершие железного кинжала из долины р. Ачик с изображением борьбы вепря и человека (Алтай, III—I в. до н. э.) (Суразаков 1979: 268).

Fig. 8. Head of an iron dagger from the valley of the river Achik with the image of fight between a wild boar and a man (Altai, III—I century BC) (Суразаков 1979: 268).

Рис. 9. Изображение вепря на ножнах меча из кургана Ушаковского близ станицы Елизаветовской (Artamonow 1970: Taf. 330).

Fig. 9. The image of a wild boar on a sheath from Ushakovsky barrow near village Elizavetovskaya (Artamonow 1970: Taf. 330).

Иванов 1984: 515—516; Королькова 2006: 116—117).

В сочинении Динона «О Персии», пересказанном Афинеем в «Пире мудрецов», излагается содержание пророческой песни, исполненной при дворе мидийского царя Астиага, в которой юный Кир именуется «выпущенным в свое болото могучим зверем, храбрее дикого вепря» (Athen., XIV, 633).

В вышеупомянутом нартовском сюжете юный Батраз отправляется за семь перевалов к дикому кабану, чтобы отомстить за убийство брата. Этот кабан занимал лучшую часть княжеских земель, и находит его Батраз лежащим в большом кровавом болоте. Извлечение из кабана золотого шара и передача его князю может быть интерпретирована как обретение или возвращение правителю его статуса владыки над данной территорией (Дарчиев 2008: 184—185). Батраз здесь выступает как воин-герой, но содержательная часть его победы над вепрем, возможно, метафорически передает то, что царский *хварн* (ав. *xᵛarənah-:* Bartholomae 1904: 1870—1873) достается правителю. Схожий мотив существует и в греческой мифологии: Геракл обязан победить Эриманфского вепря, но убить его он не имеет права, зверь должен быть доставлен живым ко двору царя (Diod., Hist. IV, 34).

Косвенно связь вепря с *хварном* может быть подтверждена семантикой зооморфных образов бронзового зеркала из сакского кургана 6/2002 могильника Лебедевка II (Западный Казахстан) V в. до н. э. (рис. 10) (Stöllner, Samasev 2013: 158, Abb. 414). Его рукоять украшена фигурным изображением вепря, стоящего на голове горного барана (архара), животного, непосредственно воплощавшего идею *хварна* (см.: Литвинский 1968). В этой связи можно указать и на миниатюрную золотою фигурку архара, которая была помещена на верхушке головного убора т. н. «золотого человека» из сакского кургана Иссык (V в. до н. э.) (Акишев 1978: 24).

Согласно Ксенофонту, понятия войны и охоты у персов были тождественны, и возглавлять их должен был царь: «Если персы считают охоту государственным делом, во главе которого, так же как и на войне, стоит сам царь... то это происходит потому, что охота представляется им занятием, более всего похожим на войну» (Xen. Cyrop. I, II, 10; Ксенофонт 1976: 8).

Этот же автор рассказывает историю об отроке Кире, принявшем участие в царской охоте Астиага в качестве исключения, где он убивает оленя, за что получает выговор от воинов, участников охоты. Как отмечает В. Ю. Михайлин, Кир с этого момента становится на равных с ними (Михайлин 2005: 99—108).

Последовавшее сразу после этого убийство вепря переводит его в разряд «предводителей» (воинов-вепрей), и право выговора уже имеет только его дядя Киаксар, который тоже грозит ему наказанием. Просьба Кира подарить добытых им на охоте оленя и кабана Астиагу выступает демонстрацией перехода Кира сначала в воинский, а затем и в царский статус, чему подтверждением могут быть слова дяди «...Похоже, что ныне и ты — наш царь» (Xen. Cyrop. I, IV, 9).

«(7) Когда Астиаг узнал о том, насколько велико желание Кира принять участие в охоте, он отпустил его с дядей и дал для охраны всадников из числа взрослых воинов, чтобы они оберегали Кира в опасных местах и защищали от диких зверей... Юноша подробно расспрашивал сопровождавших его воинов о том, к каким зверям опасно приближаться и каких можно смело преследовать...

(8) Кир слушал их с необыкновенным вниманием, но когда увидел выпрыгнувшего *оленя*, кинулся его преследовать, забыв обо всем, что ему говорили, и устремив взор лишь в ту сторону, куда помчался олень... Спустившись в долину, Кир поразил оленя дротиком... Но тут подъехавшие воины стали его укорять, говоря, что он подвергался большой опасности; воины грозили, что станут жаловаться на него царю [...] Увидев мчавшегося *кабана*, он поскакал ему навстречу... Кир точно поразил его в голову между глаз и убил.

(9) Тут уже дядя, увидевший, какому риску он себя подвергает, стал бранить его. Тогда Кир попросил дядю все же отдать ему животных, убитых им на охоте, чтобы он мог подарить свою добычу деду [...]. В конце концов Киаксар сказал:

— Поступай, как желаешь. Похоже, что ныне и *ты — наш царь*» (Xen. Cyrop. I, IV, 7—9; Ксенофонт 1976: 16—17; курсив наш — *А. В.*).

Изложенный Ксенофнотом сюжет рассказа о юности Кира Великого демонстрирует поразительное сходство со сценой охоты на мраморном саркофаге из Алтынкулача, который датируется первой четвертью IV в. до н. э. Этот памятник был открыт в 1998 г. возле деревни Алтынкулач в северо-западной части

Рис. 10. Бронзовое зеркало кургана 6/2002 могильника Лебедевка II (Западный Казахстан) (Stöllner, Samasev 2013: 158, Abb. 414).

Fig. 10. Bronze mirror from the Lebedevka II necropolis, barrow 6/2002 (Western Kazakhstan) (Stöllner, Samasev 2013: 158, Abb. 414).

Анатолии при доследовании разграбленного подкурганного склепа (Sevinç et al. 2001: 383—420). Сейчас он выставлен в экспозиции Археологического музея в Чанаккале. На продольной стенке этого саркофага, которая разделена на две части изображением дерева, показана сцена конной охоты двух всадников на оленя слева от дерева и еще одного охотника на вепря — справа. Охотники вооружены длинными копьями и, вероятней всего, имеют персидское одеяние: на голове охотника на вепря изображена царская тиара, а на бедре — короткий меч-*акинак* персидского типа (рис. 11) (Стоянов 2011: 46).

Широкое распространение мотив охоты на кабана также имел и в античном искусстве, в частности, при оформлении продольных стен мраморных саркофагов римского времени. Различные мифологические

Рис. 11. Сцена охоты на оленя и вепря на мраморном саркофаге из Алтынкулача. Археологический музей в Чаннаккале (Стоянов 2011: 46).

Fig. 11. Scene of deer and boar hunting on the wall of the Altinkulaç sarcophagus. Archaeological museum of Çanakkale (Стоянов 2011: 46).

сюжеты, связанные с охотой на вепря, представлены также на вазописи (Сорокина 1997: 25, рис. 13).

Таким образом, в представлениях иранских народов вепрь выступал одним из основных воплощений воинского божества Веретрагны и через эту связь сопоставлялся с его идеальным железным клинковым оружием *karəta-*. Кроме того, вепрь был связан с понятием царственности и *хварна*, а мотив охоты на вепря приобретает сакральный характер царской инициации. Наличие изображений вепря на различных предметах, но особенно на декоре оружия и в сценах охоты, должно было подчеркивать высший социальный статус их владельцев в воинской иерархии. В глазах соплеменников носители таких изображений могли восприниматься как обладатели *хварна*/счастья/счастливой судьбы (ср. ав. *x^{v}arənåhuuant-*).

Литература

Абаев В. И. 1989. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. IV. Ленинград: Наука.

Абаев В. И. 1979. Скифо-сарматские наречия. В: *Основы иранского языкознания*. Т. 1. *Древнеиранские языки*. Москва: Наука, 272—364.

Авеста 1997: *Авеста в русских переводах (1861—1996)*. 1997. Сост., общ. ред., прим., справ. разд. И. В. Рака. Санкт-Петербург: Журнал «Нева»; РХГИ.

Акишев К. А. 1978: *Курган Иссык. Искусство саков Казахстана*. Москва: Искусство.

Алексеев А. Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Изд. Государственного Эрмитажа.

Амбарцумян А. А. 1998. Некоторые военные реалии по данным древнейшего фрагмента иранского эпоса («Айадгар-и Зареран» — «Сказание о Зарере»). В: *Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. Материалы Международной конференции 2—5 сентября 1998 г. Санкт-Петербург: Наука, 69—75.

Артамонов М. И. 1973. *Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад, Алтайские курганы, Минусинские бронзы, Сибирское золото*. Москва: Искусство.

Болтрик Ю. В. 1998. Вепрь — один из символов скифского Ареса. В: *Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова*. Тезисы докладов. Санкт-Петербург: Изд. Государственного Эрмитажа, 80—82.

Вертієнко Г. В. 2013. Священні втілення Веретрагни в *Яшті* 14. В: *Polyphonia Orientis. До ювілею В. С. Рибалкіна*. Київ: Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України, 33—51.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984. *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Т. 2. Тбилиси: Тбилисский университет.

Грач Н. Л., Грач А. Д. 1980. Опыт расшифровки семантики золотой композиции скифского времени из Центральной Азии. В: *Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений*. Ноябрь 1980 г. Ленинград: Наука, 11—12.

Грейвс Р. 1992. *Мифы Древней Греции*. Пер. с англ. Москва: Прогресс.

Дарчиев А. В. 2008. *Скифский военный культ и его следы в осетинской Нартиаде*. Владикавказ: ИПО СОИГСИ.

Дьяконов И. М. 2008. *История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э.* Тохтасьев С. Р., Якобсон В. А. (ред.). Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

Зайцев Ю. П. 2003. *Неаполь Скифский (II в. до н. э.—III в. н. э.)*. Симферополь: Универсум.

Иванчик А. И. 2010. Похороны скифских царей: Геродот и археология. В: *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. Материалы и исследования по археологии России 13. Москва: Таус, 129—150.

Канторович А. Р. 2011. Кабан в восточноевропейском зверином стиле: типы изображений и истоки образа. В: *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы

V Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова, г. Астрахань, 2—6 октября 2011 г. Казань; Астрахань, 34—41.

Кинжалов Р. В., Луконин В. Г. 1960. *Памятники культуры Сасанидского Ирана*. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

Королькова Т. Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Ксенофонт. 1976. *Киропедия*. Пер. с древнегреч. В. Г. Боруховича, Э. Д. Фролова. Москва: Наука.

Литвинский Б. А. 1968. *Кангюйско-сарматский фарн. (К историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии)*. Душанбе: Дэнин.

Лихачев Д. С. 2006. *Текстология: краткий очерк*. 2-е изд. Москва: Археографическая комиссия РАН.

Мелетинский Е. М. 2000. *Поэтика мифа*. 3-е изд., репринтное. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Миллер В. Ф. 2008. *Фольклор народов Северного Кавказа: тексты; исследования*. Москва: Наука.

Михайлин В. Ю. 2005. *Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции*. Москва: Новое литературное обозрение.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2007. *Этимологический словарь иранских языков* III. Москва: Восточная литература.

Соколова В. С. 2005. *Авеста. Опыт морфологической транскрипции и перевод*. Подготовка материалов к изданию и редактирование И. А. Смирновой. Санкт-Петербург: Наука.

Сорокина Н. П. 1997. *Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ)*. Москва: Восточная литература.

Стоянов Р. В. 2011. Персы и греки в северо-западной Анатолии в VI—IV вв. до н. э.: Саркофаг из Алтынкалача. В: *Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций*. Тезисы докладов международной научной конференции (Казань, 14—16 сентября 2011 г.). Казань: Издательство Казанского университета, 46—47.

Суразаков А. С. 1979. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области. *СА* (3), 265—269.

Толочко П. П., Мурзін В. Ю. 1991. *Золото степу. Археологія України*. Київ: ІА АН України; Шлезвіг: Археологічний музей, Шлезвіг.

Чунакова О. М. 2001. *Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты*. Пер. с пехлеви О. М. Чунаковой. Москва: Восточная литература.

Эдельман Д. И. 2009. *Сравнительная грамматика восточноевропейских языков. Лексика*. Москва: Восточная литература.

Artamonow M. 1970. *Goldschatz der Skythen in der Ermitage*. Prag: Artia; Leningrad: «Sowetskij chudozhnik».

Bartholomae Ch. 1904. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.

Benveniste E., Renou L. 1934. *Vṛtra et Vṛθragna. Étude de anthologie Indo-Iranienne*. Paris: Imprimerie Nationale.

Berghe L. V. 1985. *Reliefs rupestres de l'Iran Ancien*. Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire.

Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A. 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva, *Archäologie in Eurasien* 26 (Steppenvölker Eurasiens 3). Mainz: Verlag Philipp von Zabern.

Geldner K. F. 1889. *Avesta. The Sacred books of the Parsis* II: *Vispered and Khorda Avesta*. Stuttgart: M. Kohlhammer.

Gershevitch I. 1959. *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge: University Press.

Ghirshman R. 1977. Le passe-bride en défense de sanglier chez les peuples iraniens. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* (25), 27—38.

Sevinç et al. 2001: Sevinç N., Körpe R., Tombul M., Rose C. B., Strahan D., Kiesewetter H., Wallrodt J. 2001. A new painted Graeco-Persian sarcophagus from Çan. *Studia Troica* (11), 383—420.

Stöllner T., Samasev Z. (Hrsg.). 2013. *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens; Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bd. II. Bochum: Dt. Bergbau-Museum.

References

Abaev, V. I. 1989. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka (Historical and etymological dictionary of the Ossetian langiage)*. Vol.IV. Leningrad: Nauka (in Russian).

Abaev, V. I. 1979. In *Osnovy iranskogo iazykoznaniia (Basics of Iranian language studies)*. Vol.1. *Drevneiranskie iazyki (Ancient Iranian languages)*. Moscow: Nauka, 272—364 (in Russian).

Avesta v russkikh perevodakh (1861—1996) (Avesta in Russian translations (1861—1996)). 1997. Saint Petersburg: Zhurnal «Neva»; RKhGI (in Russian).

Akishev, K. A. 1978: *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana (Issyk barrow. Art of the Saka from Kazakhstan)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Alexeev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarei v sobranii Ermitazha (Gold of Scythian kings in the Hermitage collection)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).

Ambartsumyan, A. A. 1998. In *Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspektive (Armament and warfare in historical and social perspective)*. Saint Petersburg, 69—75 (in Russian).

Artamonov, M. I. 1973. *Sokrovishcha sakov. Amu-Dar'inskii klad, Altaiskie kurgany, Minusinskie bronzy, Sibirskoe zoloto (Treasures of Saka. Amu Darya treasure, Altai barrows, Minusinsk bronzes, Siberian gold)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Boltrik, Yu. V. 1998. In *Skify. Khazary. Slaviane. Drevniaia Rus'. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia M. I. Artamonova (Scythians, Khazars, Slavs, Ancient Russia. To the anniversary of 100 years from the birth of M. I. Artamonov)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 80—82 (in Russian).

Vertiienko, A. V. 2013. In *Polyphonia Orientis. Do yuvileyu V. S. Rybalkina (Polyphonia Orientis. To the anniversary of V. S. Rybalkin)*. Kiev: Instytut skhodoznavstva NAN Ukraïny, 33—51 (in Ukrainian).

Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V. 1984. *Indoevropeiskii iazyk i indoevropeitsy. Rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul'tury (Indo-european language and Indo-europeans. Reconstruction, historical and typological analysis of protolanguage and protoculture)*. T. 1, 2. Tbilisi: Tbilisskii universitet (in Russian).

Grach, N. L., Grach, A. D. 1980. In *Kratkoe soderzhanie dokladov Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii (Brief summary of the reports from Central Asian – Caucasian readings)*. Lenin-

grad, 11—12 (in Russian).

Graves, R. 1992. *Mify Drevnei Gretsii (Myths of Ancient Greece).* Moscow: Progress (in Russian).

Darchiev, A. V. 2008. *Skifskii voennyi kul't i ego sledy v osetinskoi Nartiade (Scythian military cult and its traces in the Ossetian Nartiada).* Vladikavkaz: IPO SOIGSI (in Russian).

Diakonoff, I. M. 2008. *Istoriia Midii ot drevneishikh vremen do kontsa IV veka do n. e. (The history of Medes from the most ancient times to the end of 4th century BC).* Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta (in Russian).

Zaitsev, Yu. P. 2003. *Neapol' Skifskii (II v. do n. e. — III v. n. e.) (Scythian Neapolis (2nd century BC — 3rd century AD)).* Simferopol: Universum (in Russian).

Ivanchik, A. I. 2010. In *Arkheologiia i paleoantropologiia evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and paleoanthropology of Eurasian steppes and adjacent territories).* Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and researces on the archaeology of Russia) 13. Moscow: Taus, 129—150.

Kantorovich, A. R. 2011. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of the town and steppe cultures in Eurasian space).* Kazan; Astrakhan, 34—41 (in Russian).

Kinzhalov, R. V., Lukonin, V. G. 1960. *Pamiatniki kul'tury Sasanidskogo Irana (Monuments of culture of Sasanian Iran).* Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).

Korolkova, T. F. 2006. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (VII—IV vv. do n. e.). Problemy stilia i etnokul'turnoi prinadlezhnosti (Animal style of Eurasia. Art of the Scythian-time tribes from Lower Volga and Southern Ural regions (7th—4th centuries BC). Problems of style and ethnocultural appurtenance).* Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).

Xenophon. 1976. *Kiropediia (Cyropaedia).* Moscow: Nauka (in Russian).

Litvinsky, B. A. 1968. *Kangiuisko-sarmatskii farn. (K istoriko-kul'turnym sviaziam plemen iuzhnoi Rossii i Srednei Azii) (Kangiuisko-sarmatskii farn. (To the historical and cultural connections of the tribes of Southern Russia and Central Asia)).* Dushanbe: Denin (in Russian).

Likhachev, D. S. 2006. *Tekstologiia: kratkii ocherk (Textology: a brief essay).* 2nd ed. Moscow: Arkheograficheskaia komissiia RAN (in Russian).

Meletinsky, E. M. 2000. *Poetika mifa (The poetics of myth).* 3rd ed., reprint. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Miller, V. F. 2008. *Fol'klor narodov Severnogo Kavkaza: teksty; issledovaniia (Folclore of the people of Northern Caucasus: texts, studies).* Moscow: Nauka (in Russian).

Mikhailin, V. Yu. 2005. *Tropa zverinykh slov: Prostranstvenno orientirovannye kul'turnye kody v indoevropeiskoi traditsii (The path of animal words: Spatially orientated cultural codes in the Indo-European tradition).* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Rastorgueva, V. S., Edelman, D. I. 2007. *Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov (Etymological dictionary of Iranian languages)* III. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Sokolova, V. S. 2005. *Avesta. Opyt morfologicheskoi transkriptsii i perevod (Avesta. An attempt of morphological transcription and translation).* Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Sorokina, N. P. *Religiia i koroplastika v antichnosti (figurnye sosudy iz sobraniia GIM) (Religion and coroplastics in Antiquity (figural vessels from the collection of State Historical Museum)).* Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Stoyanov, R. V. 2011. In *Iran i antichnyi mir: politicheskoe, kul'turnoe i ekonomicheskoe vzaimodeistvie dvukh tsivilizatsii (Iran and the Ancient World: political, cultural and economical interaction of two civilizations).* Kazan: Kazanskii universit, 46—47 (in Russian).

Surazakov, A. S. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 265—269 (in Russian).

Tolochko, P. P., Murzin, V. Yu. 1991. *Zoloto stepu. Arkheolohiya Ukraïny (Gold of the steppe. Archaeology of Ukraine).* Kiev: IA AN Ukraïny; Schleswig: Arkheolohichnyj muzej, Shlezvih (in Ukrainian).

Chunakova, O. M. 2001. *Pekhleviiskaia Bozhestvennaia komediia. Kniga o pravednom Viraze (Arda Viraz namag) i drugie teksty (Pahlavi Divine Comedy. The Book of Arda Viraf (Arda Viraz namag) and other texts).* Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Edelman, D. I. 2009. *Sravnitel'naia grammatika vostochnoevropeiskikh iazykov. Leksika (Comparative grammar of East-European languages. Lexicon).* Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Artamonow, M. 1970. *Goldschatz der Skythen in der Ermitage*. Prag: Artia; Leningrad: «Sowetskij chudozhnik».

Bartholomae, Ch. 1904. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.

Benveniste, E., Renou, L. 1934. *Vṛtra et Vṛθragna. Étude de anthologie Indo-Iranienne*. Paris: Imprimerie Nationale.

Berghe, L. V. 1985. *Reliefs rupestres de l'Iran Ancien*. Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire.

Čugunov, K. V., Parzinger, H., Nagler, A. 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva, *Archäologie in Eurasien* 26 (Steppenvölker Eurasiens 3). Mainz: Verlag Philipp von Zabern.

Geldner, K. F. 1889. *Avesta. The Sacred books of the Parsis* II: *Vispered and Khorda Avesta*. Stuttgart: M. Kohlhammer.

Gershevitch, I. 1959. *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge: University Press.

Ghirshman, R. 1977. Le passe-bride en défense de sanglier chez les peuples iraniens. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* (25), 27—38.

Sevinç, N., Körpe, R., Tombul, M., Rose, C. B., Strahan, D., Kiesewetter, H., Wallrodt, J. 2001. A new painted Graeco-Persian sarcophagus from Çan. *Studia Troica* (11), 383—420.

Stöllner, T., Samasev, Z. (Hrsg.). 2013. *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens; Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013.* Bd. II. Bochum: Dt. Bergbau-Museum.

Статья поступила в номер 30 декабря 2013 г.

Hanna Vertiienko (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. A. Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine [1].

Hanna Vertiienko (Kiev, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de Studii Orientale al Academiei Naţionale de Ştiinţe a Ucrainei „A. Iu. Krîmskii".

Вертиенко Анна Владимировна (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной Академии наук Украины.

E-mail: vertana7@mail.ru

Address: [1] M. Grushevsky St., 4, Kiev, 01001, Ukraine

Исследования и публикации

Researches and Publications
Cercetări şi publicaţii

С. С. Иванов

Новые находки наконечников дротиков сакского времени из Кыргызстана

Keywords: Central Asia, Tian-Shan region, ancient nomads, Saka (Scythian) period, warfare, javelins.

Cuvinte cheie: Asia Centrală, regiunea Tian-Șan, nomazii timpurii, perioada Saka, artă militară, vârfuri de lance.

Ключевые слова: Средняя Азия, Притяньшанье, ранние кочевники, сакский период, военное дело, дротики.

S. S. Ivanov

Recent Finds of Javelinheads of Saka Period from Kyrgyzstan

The article explores use of javelins by ancient nomads in Tian-Shan region. A small set of bronze javelinheads was collected, related to 7th—5th cc. BC. The javelinheads have leafshaped form and length of 20 cm on average. In this region they continued the line of development preserved here from the Bronze Age. Preservation of such tradition among the ancient nomads might have been influenced by their intense contacts with Achaemenid Iran, where javelins were widely used by light cavalry. But, in general, use of javelins was untypical for ancient nomads of Central Asia in Saka (Scythian) period.

S. S. Ivanov

Noi descoperiri de vârfuri de lance din perioada Saka din Kîrgîzstan

Articolul este consacrat problemei utilizării lăncilor de către nomazii timpurii din regiunea Tian-Șan. La momentul actual, cunoaștem o serie nu foarte mare de vârfuri de lance din bronz, care se datează cu sec. VII—V î.Hr. De regulă, acestea sunt foliforme, cu o lungime ce nu depășește 20 cm. În această regiune, ele continuă linia de evoluție, care se trage din epoca bronzului. Probabil, o anumită influență asupra conservării tradiției respective în mediul nomad au avut-o contactele lor strânse cu Iranul Ahemenizilor, unde vârfuri similare de lance erau utilizate pe larg de către cavaleria ușoară. La general, însă, putem constata că vârfurile de lance nu se bucurau de o răspândire foarte largă în perioada Saka în mediul nomazilor Asiei Centrale.

С. С. Иванов

Новые находки наконечников дротиков сакского времени из Кыргызстана

Статья посвящена проблемам использования дротиков ранними кочевниками Притяньшанья. К настоящему времени собрана небольшая коллекция бронзовых наконечников дротиков, относящихся к VII—V вв. до н.э. Наконечники дротиков в основном имеют листовидную форму и длину не более 20 см. В данном регионе они продолжают линию развития, сохранившуюся с эпохи бронзы. По-видимому, определенное влияние на сохранение данной традиции в среде ранних кочевников Средней Азии оказали их тесные контакты с Ахеменидским Ираном, где дротики широко использовались легкой кавалерией. Но, в целом, использование дротиков было мало характерно для кочевников Средней Азии в сакское время.

К настоящему времени наконечники копий являются достаточно редкой находкой в погребениях сакской культуры Семиречья и Тянь-Шаня. По нашим подсчётам, их известно менее полутора десятков, при этом большая часть из них (11 экз.) найдена на территории Кыргызстана. В настоящее время их коллекция продолжает пополняться.

Среди новых находок обращает на себя внимание немногочисленная серия наконечников со сравнительно небольшой общей длиной и длиной пера менее 10 см. Даже при беглом знакомстве с этими находками возникают сомнения в возможности их применения в качестве обычных копий. Скорее всего, они представляют собой наконечники небольших метательных копий и дротиков.

Заметим, что четких критериев для разграничения собственно копий и метательных копий/дротиков до настоящего времени не разработано. В частности, Б. А. Литвинский, анализируя всю совокупность предметов колющего оружия, найденного на территории эллинистического храма Окса (Тахти-Сангин) в Южном Таджикистане, предложил отнести к дротикам все наконечники, длина которых менее 17 см, а остальные — к копьям. При этом исследователь отметил, что в выделенной им группе

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© С. С. Иванов, 2014.

копий практически нет наконечников длиной менее 20 см (Литвинский 2001: 152). На наш взгляд, есть все основания относить к группе метательных копий и дротиков наконечники с длиной менее 20 см. Косвенно подобную атрибуцию подтверждает диаметр втулки, поскольку дротики имели гораздо более легкое и короткое деревянное древко, нежели «настоящие» копья (Горелик 2003: 53—54).

С учётом изложенного, к дротикам из находок последних лет можно отнести три изделия. Все они происходят из северной части Кыргызстана, точнее, из Притяньшанья — из Чуйской и Иссык-Кульской долин.

Описание наконечников дротиков

Все они бронзовые и в целом сходны, но каждый из них имеет свои некоторые специфические черты.

Первый наконечник дротика был найден в предгорьях юго-восточной части Чуйской долины[1]. Он имеет остролистное перо с рельефным широким продольным валиком, представляющим собой продолжение короткой конической втулки. На конической втулке имеется сквозное отверстие для крепления наконечника к древку. С одной стороны вокруг отверстия хорошо видны вмятины от массивного металлического предмета. Размеры наконечника: общая длина 16,8 см, длина пера 11,6 см, максимальная ширина пера 3,2 см; втулка имеет овальное отверстие размерами 1,9 × 1,8 см и глубиной 9 см (рис. 1: 1).

Второй наконечник дротика был найден в районе г. Каракол в Восточном Прииссыккулье[2]. Он имеет широкое лавролистное перо, с продольным узким ребром жесткости, продолжающим коническую втулку и доходящим до острия наконечника. Размеры наконечника: общая длина наконечника 16,5 см, длина пера 9,6 см, максимальная ширина пера 2,7 см; диаметр отверстия втулки 2,7 см (рис. 1: 2).

Третий наконечник дротика происходит из Северного Кыргызстана — точнее установить место его находки не представляется возможным (вероятнее всего, Иссык-Кульская котловина?)[3]. Он имеет широкое лавролистное перо, шестигранное в сечение. Размеры наконечника: общая длина 22 см, длина пера 9,8 см, максимальная ширина пера 2,7 см; диаметр отверстия втулки 2,7 см (рис. 1: 3). Несмотря на то, что общая длина данного наконечника превышает 20 см, тем не менее, он может быть отнесен к наконечникам дротиков.

Хронология

Датировка рассматриваемых наконечников метательных копий/дротиков затруднена, поскольку все они представляют собой случайные находки. Определение времени их бытования возможно только на основании ближайших аналогий из Средней Азии и прилегающих к ней регионов. С учётом того, что дротики и обычные копья различаются только размерами, в качестве аналогий нами привлекаются и наконечники копий.

Более ранними наконечниками дротиков из публикуемых являются экземпляры с продольным ребром жесткости вдоль всего пера наконечника (рис. 1: 1, 2).

У скифов Северного Причерноморья подобные наконечники копий были распространены достаточно широко с VII в. до н. э. и существовали до V в. до н. э., после чего сменяются наконечниками с другой формой пера и другого сечения. Впрочем, А. И. Мелюкова считает, что наконечники копий с продольным валиком, продолжающим втулку вдоль всего пера, являются самым древним типом и известны в VII—VI вв. до н. э., в то время как наконечники копий с простым ребром жесткости, переходящим во втулку, но не являющимся ее прямым продолжением, как у нашего второго наконечника, более характерны для VI—V вв. до н. э. (Мелюкова 1964: 37—38, табл. 12).

У ранних кочевников Поволжья и Приуралья дротики с ребром жёсткости практически неизвестны. Обнаружено только несколько аналогичных наконечников копий, которые, как отмечает К. Ф. Смирнов, известны здесь в VI в. до н. э., а в следующем V в. до н. э. сменяются наконечниками с ромбическим и линзовидным сечением (Смирнов 1961: 71—73).

На территории Средней Азии обнаружено несколько подобных наконечников копий, происходящих из сравнительно хорошо датированных кладов. В частности, два бронзовых наконечника с рельефным ребром жесткости были обнаружены в составе Каменского (Кызласов 1972: 102—103, рис. 2: 3) и первого Иссыкского (Акишев, Кушаев 1963: 107—109, рис. 85) кладов. Предметы вооружения и конской упряжи из кладов позволя-

[1] В настоящее время находится в частной коллекции.

[2] До недавнего времени он экспонировался в краеведческом музее в г. Каракол, но летом 2011 г. был похищен из экспозиции музея при невыясненных обстоятельствах.

[3] В настоящее время экспонируется в небольшом музее при издательской фирме «Раритет».

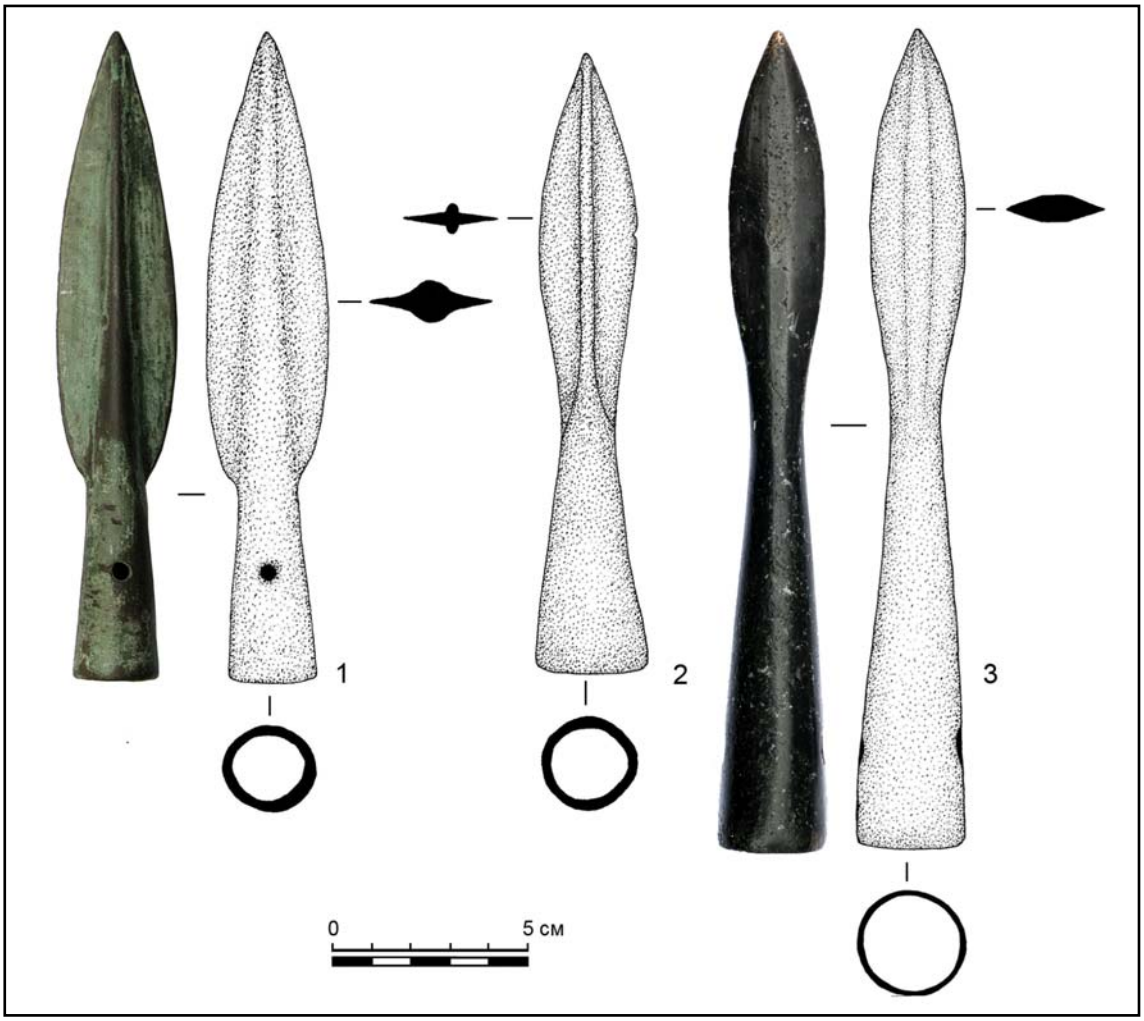

Рис. 1. Новые находки наконечников дротиков в Кыргызстане: 1 — северные предгорья Киргизского хребта, Чуйская долина; 2 — район г. Каракол, Прииссыккулье; 3 — Северный Кыргызстан (Прииссыккулье?).

Fig. 1. New finds of javelinheads from Kyrgyzstan: 1 — north flankets of Kyrgyz range, Chuy valley; 2 — area of Karakol-town, Issyk-Kul region; 3 — Northern Kyrgyzstan (Issyk-Kul region?).

ют датировать эти наконечники VI—V вв. до н.э. Аналогичный железный наконечник копья происходит из одного погребения Восточного Памира и был датирован Б.А. Литвинским V—IV вв. до н.э. (Литвинский 1972: 109).

С более восточных территорий скифо-сибирского мира ближайшими аналогиями наконечникам копий/дротиков первого типа являются несколько находок из лесостепного Алтая, два из которых совпадают по форме и размерам с недавно найденным наконечником из восточной части Чуйской долины. Они происходят с поселения Большая Речка VII—VI вв. до н.э. (Иванов 1987: 7, рис. 1: 1, 2; Могильников 1996: 52, рис. 43: 3, 4). Г.Е. Иванов четко идентифицирует их как наконечники дротиков, отмечая, что в пользу этого говорят их небольшие размеры (Иванов 1987: 7). К этому же времени относится практически идентичный по форме, но несколько больших размеров наконечник небольшого копья или дротика из другого памятника — с могильника Ближние Елбаны VII (Грязнов 1956: табл. XVIII: 1; Лихачева 2013: 178, рис. 1: 16). Еще один экземпляр, практически идентичный с нашим первым наконечником, происходит из Томского могильника в Лесостепном Алтае и датируется так же, как и первые два.

Анализ аналогий показывает, что наконечники с продольным ребром жесткости бытовали в степях Евразии преимущественно в период с VII в. до н.э. по V в. до н.э., при этом форма и выраженность данного элемента в некоторой степени отражают их хронологическую позицию. Более ранним дротиком в нашей коллекции может считаться первый из описанных — из Чуйской долины. Наконечники подобного облика — с широким валикообразным ребром, продолжающимся

от втулки до острия, — по мнению исследователей, являются наиболее ранними и продолжают во многом традиции эпохи поздней бронзы. В то время как наконечники дротиков и копий с узким ребром жесткости вдоль пера (второй из описанных нами) появляются немного позднее — в конце VII в. до н. э. — и генетически продолжают линию развития двулопастных листовидных наконечников колющего оружия более раннего времени.

Что касается третьего наконечника — с шестигранным сечением пера, — то он, очевидно, изначально имел линзовидную или ромбическую в разрезе боевую часть. Подобного рода наконечники появляются несколько позднее группы копий/дротиков с продольным ребром жесткости.

У скифов и меотов Северного Причерноморья подобные наконечники копий известны с VII в. до н. э., но наибольшее распространение получают в VI—V вв. до н. э. (Мелюкова 1964: 35—36, табл. 13: 1—6; 14: 5—13).

Аналогичные наконечники копий и дротиков с ромбическим и линзовидным в разрезе листовидным пером отмечены в савроматских памятниках Поволжья и Приуралья, где они чаще всего встречаются в V—IV вв. до н. э. (Смирнов 1961: 71—72, 74, рис. 41), хотя и появляются в более раннее время.

В Средней Азии копья и дротики с подобным сечением пера также немногочисленны. Несколько подобных бронзовых наконечников было найдено в Притяньшанье (Иванов 2007: 60, рис. 1: 2, 4; 2: 1), однако датировать их достаточно сложно, поскольку они являются внекомплексными находками. Достаточно точно датируются два железных экземпляра — из погребений могильников Косасар в Приаралье и Южбок (Джаушангоз VI) на Западном Памире. При этом первый наконечник имеет линзовидное сечение пера, а второй — ромбическое. Заметим, что памирская находка имеет не только сходные пропорции, но и удлинённую втулку[4], а также аналогичную длину (22 см), что и наша находка (рис. 1: 3). Комплекс из Приаралья датирован IV—III вв. до н. э. (Левина 1996: 197, рис. 286: 15), а памирский — V—III вв. до н. э. (Бубнова 2008: 177, рис. 123: 2)

В Южной Сибири известен только один близкий наконечник дротика, также происходящий из Лесостепного Алтая (окрестности г. Бийск). Он имеет ромбическое в сечении перо, и был отнесен Г. Е. Ивановым к VII—VI вв. до н. э. (Иванов 1987: 7, рис. 1: 3), однако, по нашему мнению, эта дата является заниженной, поскольку наконечники копий и дротиков с подобным сечением мало характерны для кочевого мира к востоку от Урала в столь ранее время. По всей видимости, наиболее вероятной датировкой для бийского наконечника является VI—V вв. до н. э.

Близкие аналогии дротику из Северного Кыргызстана обнаружены и в Восточном Туркестане. Бронзовый наконечник дротика или небольшого копья с удлиненной втулкой был найден в одном из погребений культуры чауху в Синьцзяне: он имеет листовидное перо, линзовидное в сечении (Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ 1995: рис. 15: 1). Датировать данный наконечник возможно в настоящее время очень широко, в рамках существования указанной культуры, т. е. VIII—VI вв. до н. э. (Худяков, Комиссаров 2002: 58). Однако, по нашему мнению, наиболее вероятно, что наконечник из Синьцзяна относится к концу указанного периода. Ещё один аналогичный бронзовый наконечник копья из Восточного Туркестана хранится в музее г. Корла: он также имеет удлиненную втулку, но перо у него ромбической формы, линзовидное в сечении. Китайские исследователи датировали этот наконечник 2800—2500 гг. до н. э., что не соответствует действительности в свете аналогий, указанных выше. Скорее всего, время бытования наконечника определяется в пределах VI—IV вв. до н. э. (Худяков 1995: 10—11, рис. III: 5).

Суммируя известные аналогии и даты тех комплексов, из которых они происходят, нам представляется, что наиболее вероятным временем бытования для наконечника дротика из Северного Кыргызстана (рис. 1: 3) являются VI—V вв. до н. э., при этом нельзя исключать и первую половину IV в. до н. э.

Культурно-историческая атрибуция

Оценить, насколько широко использовались метательные копья/дротики ранними кочевниками Средней Азии, достаточно сложно. Немногочисленность находок их наконечников свидетельствует о сравнительной редкости использования коротких метательных копий.

[4] Заметим, что удлиненная втулка встречается у некоторых копий в Ферганской долине (Кузьмина 1966: табл. VI: 58) и Ташкентском оазисе (Горелик 2003: табл. XXXVI: 46) в начале I тыс. до н. э., но они все имеют листовидное перо с продольным валиком. Однако их датировка их в обоих случаях предположительна.

При этом в античных источниках они ни разу не упоминаются как оружие, типичное для кочевников среднеазиатского региона. Наиболее характерным оружием среднеазиатских номадов названы лук и стрелы (Литвинский, Пьянков 1966: 41—42). В то же время небольшие метательные копья были более характерны для соседних с кочевниками оседлых народов Средней Азии, которые они использовали также и в конном строю на протяжении всего ахеменидского периода (Литвинский, Пьянков 1966: 40). Это подтверждается данными иконографии: например, на золотых пластинах ножен меча из Амударьинского клада изображены всадники, длина копий которых примерно равна человеческому росту, т. е. 1,7—1,8 м (Литвинский 2001: 193).

Традиция использования небольших метательных копий была характерна для Ахеменидского Ирана. Широко известны изображения, где персидские всадники вооружены двумя пальтонами (палтами), один из которых предназначался для метания, а второй — для непродолжительного рукопашного боя, после чего также мог быть использован как метательное оружие (Head 1992: 33—35, fig. 24; 25: a-c; 28). Длина таких копий сравнительно невелика и редко превышает 2 м, что было продиктовано особенностями применения данного вида оружия. Подтверждается это и сообщениями античных авторов, особенно Ксенофонта (конец V — первая половина IV в. до н. э.), который неоднократно в своих сочинениях упоминает и описывает персидские пальтоны/палты, а также дает ценные сведения о возможностях их применения в бою (Xen. An., I, 5.15; I, 8.3; Cyr. I, 2.9; IV, 3.9; De re eq. 12, 12—13; см. Ксенофонт 1880: 233, 234; 1951: 25, 31; 1976: 8, 92). В связи с этим представляется обоснованным, что традиция использования дротиков в кочевой среде Средней Азии могла поддерживаться контактами с Ахеменидской державой, тем более что сами кочевники региона служили в составе персидской армии.

Традиция использования дротиков и метательных копий всадниками сохраняется у оседлого населения Средней Азии и после вхождения ее сначала в состав империи Александра Македонского, а затем и эллинистических государств — царства Селевкидов и Греко-Бактрии. Новые греко-македонские властители быстро оценили и восприняли некоторые черты ахеменидского военного искусства. Известно, что еще Александр Македонский в 330 г. создает отряды гиппоконтистов — конных метателей дротиков, набранных из народов Восточного Ирана и частично Средней Азии (Bosworth 1980: 14). Позднее это нововведение было сохранено в армиях его преемников. Ярким доказательством существования конных метателей дротиков в Греко-Бактрии и затем в Кушанском царстве являются многочисленные находки наконечников метательных копий в эллинистическом храме Окса в Таджикистане (Литвинский 2001: 160—162, табл. 40).

Таким образом, традиция использования дротиков или метательных копий сохраняется в древней Средней Азии на протяжении многих столетий, по крайней мере, с VII в. до н. э. по первые века н. э.

Это обстоятельство не могло не повлиять на развитие военного дела ранних кочевников региона, формирование и эволюция которого всегда находилась в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии с оседлым населением Средней Азии. Есть достаточно оснований полагать, что традиция использования дротиков/небольших копий первоначально имела общие корни и для кочевого, и для оседлого населения Средней Азии и Казахстана. Эта традиция восходит ещё к эпохе поздней бронзы, когда небольшие копья метались с боевых колесниц (Кузьмина 1966: табл. VI: 55; VII: 7; Горелик 2003: 51, табл. XXXVI: 40—41, 43). Позднее — в начале раннего железного века — данная традиция, по-видимому, несколько затухает в среде первых кочевников, поскольку дротики не могли соперничать в бою с эффективным и мощных оружием дистанционного боя — луком «скифского» типа, способного успешно поражать противника на значительном расстоянии, особенно в условиях малого распространения защитного доспеха. Однако применение дротиков сохраняется у оседлого населения Средней Азии и в соседнем Иране, в том числе в первой половине I тыс. до н. э.

Активное возобновление использования метательных копий в Средней Азии происходит при ранних Ахеменидах (вторая половина VI—V в. до н. э.), кавалерия которых в античных источниках изображается преимущественно как метательная (Нечитайлов 2002: 28—29). Во многом это связано с тем, что значительная часть кавалерии имела защитное снаряжение, предохранявшее от серьезных ранений стрелами и позволявшее приблизиться к конным лучникам и метнуть

в них дротик. Немаловажным являлось и то, что различные группы среднеазиатских кочевников принимали участие в военных кампаниях Ахеменидов, в частности, в длительных греко-персидских войнах, что не могло не сказаться на общем развитии военного дело сакских племен Средней Азии. Возможно, именно поэтому все рассмотренные нами находки наконечников дротиков отмечены для ахеменидского времени.

С другой стороны, использование дротиков не получило широкого распространения у кочевников Евразии, в том числе и у скифов Причерноморья, у которых дротики начинают сравнительно широко использоваться лишь в IV—III вв. до н. э. Как уже отмечалось, копья достаточно редко использовались кочевниками к востоку от Урала, что объясняется несколько иными ритмами развития военного дела, главной особенностью которого было ограниченное использование защитного вооружения, вследствие чего здесь просто не возникало условий для широкого использования как дротиков, так и копий (Иванов 2010: 171—172).

В завершение необходимо отметить, что сакские воины Средней Азии имели на вооружении сравнительно небольшие копья, предназначенные как для ближнего боя, так и для метания, подобные персидским пальтонам/палтам. При этом только небольшие наконечники, длиной не более 20 см, могли принадлежать именно метательным копьям, что подтверждается меньшим диаметром их втулок. Однако дротики, как показывает количество известных находок, использовались в бою нечасто, что характерно для всей степной части Евразии.

Литература

Акишев К. А., Кушаев Г. А. 1963. *Древняя культура саков и усуней долины реки Или.* Алма-Ата: АН КазССР.

Бубнова М. А. 2008. *Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Западный Памир (памятники каменного века — XX в.).* Душанбе: Университет Центральной Азии.

Горелик М. В. 2003. *Оружие Древнего Востока. IV тыс. — IV в. до н. э.* Москва: Атлант.

Грязнов М. П. 1956. *История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка.* МИА 48.

Иванов Г. Е. 1987. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке. В: Медведев В. Е., Худяков Ю. С. (отв. ред.). *Военное дело древнего населения Северной Азии.* Новосибирск: Наука, 6—27.

Иванов С. С. 2007. Копья саков Центральной Азии. В: Худяков Ю. С., Скобелев С. Г. (отв. ред.). *Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: НГУ, 58—65.

Иванов С. С. 2010. Копья ранних кочевников Кыргызстана. В: Ерофеева И. В. (отв. ред.). *Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана.* Алматы: Print-S, 164—172.

Ксенофонт. 1880. О коннице. В: *Сочинения Ксенофонта в 5-ти выпусках.* Вып. 5. *Мелкие статьи.* Перев. Г. А. Янчевецкий. Митава, 214—236.

Ксенофонт. 1951. *Анабасис*. Перев. М. Максимовой. Москва; Ленинград: АН СССР.

Ксенофонт. 1976. *Киропедия*. Перев. В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов. Москва: Наука.

Кузьмина Е. Е. 1966. *Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.* САИ В4—9.

Кызласов Л. Р. 1972. Сакская коллекция с Иссык-Куля. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арциховского.* Москва: Изд-во МГУ, 102—107.

Левина Л. М. 1996. *Этнокультурная история Восточного Приаралья.* Москва: Восточная литература.

Литвинский Б. А. 1972. *Древние кочевники «крыши мира».* Москва: Наука.

Литвинский Б. А. 2001. *Храм Окса в Бактрии.* Т. 2. *Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контекстах.* Москва: Восточная литература.

Литвинский Б. А., Пьянков И. В. 1966. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. *ВДИ* (3), 36—52.

Лихачева О. С. 2013. Комплекс вооружения большереченской культуры. *Известия Алтайского государственного университета. Серия истории и политологии* 80 (4), Т. 1, 175—180.

Мелюкова А. И. 1964. *Вооружение скифов*. САИ Д1—4.

Могильников В. А. 1997. *Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тыс. до н. э.* Москва.

Нечитайлов М. В. 2002. Конница Ахеменидской державы во второй половине V в. до н. э. *Para Bellum* 14, 19—36.

Смирнов К. Ф. 1961. *Вооружение савроматов.* МИА 101.

Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ 1995. Могильник 1 в Чаухугоукоу, уезд Хэцзин, Синьцзян. В: Ван Бинхуа (отв. ред.). *Новые результаты по археологии и материальной культуре Синьцзяна (1979—1989).* Урумчи: Народное издательство Синьцзяна, 221—243 (на кит. яз.).

Худяков Ю. С. 1995. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках. В: Мартынов А. И. (отв. ред.). *Военное дело и средневековая археология Центральной Азии.* Кемерово, 5—25.

Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. 2002. *Кочевая цивилизация Восточного Туркестана.* Учебное пособие. Новосибирск: НГУ.

Bosworth A. B. 1980. Alexander and the Iranians. *The Journal of Hellenic Studies* 100, 1—21.

Head D. 1992. *The Achaemenid Persian Army*. Stockport: Montvert Publications.

Sekunda N. V. 1992. *The Persian Army.* London: Osprey Publishing.

References

Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevniaia kul'tura sakov i usunei doliny reki Ili (Ancient culture of the Saka and Usun tribes from the Ili valley).* Alma-Ata: AN KazSSR (in Russian).

Bubnova, M. A. 2008. *Arkheologicheskaia karta Gorno-Badakhshanskoi avtonomnoi oblasti. Zapadnyi Pamir (pamiatniki kamennogo veka — XX v.) (Archaeological map of the Gorno-Badakhshanskaia autonomous region. Western Pamir (Stone Age sites — 20th century)).* Dushanbe: Universitet Tsentral'noi Azii (in Russian).

Gorelik, M. V. 2003. *Oruzhie Drevnego Vostoka. IV tys. — IV v. do n. e. (Armament of the Ancient Near East. 4th miennium. — 4th century BC).* Moscow: Atlant (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriia drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaia Rechka (History of the ancient tribes of Upper Obi basing on the excavations near Bol'shaia Rechka village).* Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 48 (in Russian).

Ivanov, G. E. 1987. In *Voennoe delo drevnego naseleniia Severnoi Azii (Warfare of the ancient population of Northern Asia).* Novosibirsk: Nauka, 6—27 (in Russian).

Ivanov, S. S. 2007. In *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noi Azii (Armament and warfare of the nomads of Siberia and Central Asia).* Novosibirsk: NGU, 58—65 (in Russian).

Ivanov, S. S. 2010. In *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo naslediia Kazakhstana (The role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan).* Almaty: Print-S, 164—172 (in Russian).

Xenophon. 1880. In *Sochineniia Ksenofonta v 5-ti vypuskakh (Writings of Xenophon in 5 issues).* Issue 5. *Melkie stat'i (Small articles).* Mitava, 214—236 (in Russian).

Xenophon. 1951. *Anabasis (Anabasis).* Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Xenophon. 1976. *Kiropediia (Cyropaedia).* Moscow: Nauka (in Russian).

Kuzmina, E. E. 1966. *Metallicheskie izdeliia eneolita i bronzovogo veka v Srednei Azii (Metal objects from Eneolithic and Bronze Age in Central Asia).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V4—9 (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1972. In *Novoe v arkheologii. Sbornik statei, posviashchennyi 70-letiiu A. V. Artsikhovskogo (New archaeological discoveries. A compilation of papers to the anniversary of 70 years from the birth of A. V. Artsikhovskii).* Moscow: MGU, 102—107 (in Russian).

Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaia istoriia Vostochnogo Priaral'ia (Ethnocultural history of Eastern Aral region).* Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Litvinsky, B. A. 1972. *Drevnie kochevniki «kryshi mira» (Ancient nomads of the "roof of the world").* Moscow: Nauka (in Russian).

Litvinsky, B. A. 2001. *Khram Oksa v Baktrii (Temple of Oxus in Bactria).* Vol. 2. *Baktriiskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekstakh (Bactria armament in the Ancient Near East and Greek context).* Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Litvinsky, B. A., Pyiankov, I. V. 1966. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 36—52 (in Russian).

Likhacheva, O. S. 2013. In *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia istorii i politologii (Reports of the Altai State university. History and politology series)* 80 (4), Vol. 1, 175—180 (in Russian).

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Scythian armament).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—4 (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 1997. *Naselenie Verkhnego Priob'ia v seredine — vtoroi polovine I tys. do n. e. (Population of Upper Obi region in the middle – second half of the Ist millennium BC).* Moscow (in Russian).

Nechitailov, M. V. 2002. In *Para Bellum* 14, 19—36 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (The armament of Sauromatians).* Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 101 (in Russian).

Sun Binggen, Chen Ge 1995. In *Novye rezul'taty po arkheologii i material'noi kul'ture Sin'tsziana (1979—1989) (New results on the study of archaeology and material culture of Xinjiang (1979—1989)).* Urumchi: Narodnoe izdatel'stvo Sin'tsziana, 221—243 (in Chinese).

Khudyakov, Yu. S. 1995. In *Voennoe delo i srednevekovaia arkheologiia Tsentral'noi Azii (Warfare and medieval archaeology of Central Asia).* Kemerovo, 5—25 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S., Komissarov, S. A. 2002. *Kochevaia tsivilizatsiia Vostochnogo Turkestana (Nomadic civilization of Eastern Turkestan).* Novosibirsk: NGU (in Russian).

Bosworth, A. B. 1980. Alexander and the Iranians. *The Journal of Hellenic Studies* 100, 1—21.

Head, D. 1992. *The Achaemenid Persian Army*. Stockport: Montvert Publications.

Sekunda, N. V. 1992. *The Persian Army.* London: Osprey Publishing.

Статья поступила в номер 19 декабря 2013 г.

Sergey Ivanov (Bishkek, Kyrgyzstan). Candidate of Historical Sciences. Kyrgyz National University named after J. Balasagyn [1].

Sergey Ivanov (Bişkek, Kîrgîzstan). Candidat în ştiinţe istorice. Universitatea Kirgiză Naţională „J. Balasagyn".

Иванов Сергей Сергеевич (Бишкек, Кыргызстан). Кандидат исторических наук. Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына.

E-mail: sak@yandex.ru

Address: [1] Frunze St., 547, Bishkek, 720033, Kyrgyzstan

С. В. Паламарчук, В. С. Синика

Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка

Keywords: Danube basin, 4th century BC, Scythians, burials, arrowheads, double-edged sword, amphorae.

Cuvinte cheie: Dunărea de Jos, sec. IV î. Hr., sciți, morminte, vârfuri de săgeți, spadă cu două tăișuri, amfore.

Ключевые слова: Подунавье, IV в. до н. э., скифы, погребения, наконечники стрел, двулезвийный меч, амфоры.

S. V. Palamarchiuk, V. S. Sinika

Scythian Burials from the Barrows in Izmail City and near Kamyshovka Village

The article publishes and analyzes materials from three Scythian burials from the Lower Danube basin. The first burial was found within the city of Izmail and contained a representative inventory of two quiver sets with bronze arrowheads, three iron spearheads, iron double-edged sword, two bronze finials, two iron knives with bone handles, a stone slab and a Heraclean amphora. This complex dates to the beginning of 60s of the 4th century BC. Two more destroyed Scythian burials were found near Kamyshovka village. From one of them only two amphorae were preserved — of Heraclea and Sinope, which also date the complex to the beginning of 60s of the 4th century BC. From the second burial near Kamyshovka village were preserved three amphorae: Chios, Sinope and unidentified production centre. Three amphorae were preserved from the second burial near Kamyshovka village: of Chios, Sinopa and of an unidentified production center. The burial dates to the 30s of the 4th century BC.

S. V. Palamarchiuk, V. S. Sinika

Mormintele scitice din tumulii de lângă or. Izmail și s. Kamîșovka

Articolul introduce în circuitul științific materialele din trei morminte scitice de la Dunărea de Jos. Primul mormânt a fost descoeprit în raza or. Izmail și conținea inventar destul de reprezentativ: două garnituri de tolbă cu vârfuri de săgeți din bronz, o spadă din fier cu două tăișuri, trei vârfuri de lance din fier, două pandantive conice din bronz, două cuțite din fier cu mânere din os, o stelă din piatră și o amforă de tip Heraclea. Complexul poate fi datat cu începutul anilor 60 ai sec. IV î. Hr. Încă două morminte scitice distruse au fost descoperite lângă s. Kamîșovka. Din inventarul primului mormânt au fost recuperate doar două amfore, Heraclea și Sinope, care, de asemenea, datează complexul cu începutul anilor 60 ai sec. IV î. Hr. Din al doilea mormânt de la Kamîșovka s-au păstrat trei amfore: Chios, Sinope și din centru necunoscut, care datează complexul cu anii 30 ai sec. IV î. Hr.

С. В. Паламарчук, В. С. Синика

Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка

В работе публикуются и анализируются материалы трёх скифских погребений из Нижнего Подунавья. Первое захоронение было обнаружено в черте г. Измаил и содержало представительный инвентарь: два колчанных набора с бронзовыми наконечниками стрел, три железных наконечника копья, железный двулезвийный меч, две бронзовых ворворки, два железных ножа с костяными рукоятями, каменную плиту и гераклейскую амфору. Комплекс датируется началом 60-х гг. IV в. до н. э. Ещё два разрушенных скифских захоронения были обнаружены у с. Камышовка. От одного из них сохранились только две амфоры — гераклейская и синопская, которые датируют комплекс также началом 60-х гг. IV в. до н. э. От второго погребения у с. Камышовка сохранились три амфоры: хиосская, синопская и неустановленного центра производства. Погребение датируется 30-ми гг. IV в. до н. э.

Скифские погребальные комплексы, исследованные в бассейне нижнего течения р. Дунай и придунайских озёр вплоть до р. Днестр и Днестровского лимана на востоке, представляют собой весьма значимый пласт древностей, изучение которых, наряду с другими синхронными памятниками, позволяет реконструировать историю Дунай-Днестровского междуречья, по крайней мере, с конца VII в. до н. э. и до III в. до н. э.

К настоящему времени целый ряд скифских погребальных комплексов Подунавья опубликован: Борисовка (Шмаглий, Черняков 1970: 65—67, рис. 51: 1; 63: 2; 65: 1—6, 19); Огородное II (Субботин и др. 1970: 151—152, 155, рис. 17: 1—8, 13, 14); Червоный Яр II (Гудкова 1978: 186—193, рис. 4, 5); Жовтневое (Субботин 1984: 145—146, рис. 1: 4, 7), Плавни I (Суничук, Фокеев 1984); Нагорное (Андрух и др. 1985: 18—19, 61, 65—67, 70,

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© С. В. Паламарчук, В. С. Синика, 2014.

рис. 5: 7; 17: 1; 22: 17; 26; 27: 1, 3; 28; Андрух, Суничук 1987; Тощев 1992: 5, рис. 26: 1, 2); Чауш (Суничук 1985); Томай (Левицкий 1988: 39, 43, рис. 4: 8; 5: 5), Балабаны (Чеботаренко и др. 1989: 29—37, рис. 10—14); Курчи и некоторые материалы из разрушенного могильник в урочище Кавказ у г. Измаил (Андрух, Чернов 1990); Фрикацей (Тощев, Сапожников 1990: 25—26, рис. 5: 1, 9, 10); Помазаны (Тощев, Редина 1991: 98—99, 101, 104, рис. 3: 5—7; 4: 3, 8—18; 5: 1, 2); Алкалия, Белолесье, Васильевка, Градешка[1], Дивизия, Дивизия II, Кубей, Табаки, Траповка, Хаджидер I (Субботин и др. 1992); Кочковатое (Ванчугов и др. 1992: 39—40, 48, 50—51, 53—54, 79, рис. 12: 7—18; 14: 9, 10; 15: 1—14; 16: 1—21); Цыганка (Ольховский, Шилов 1995); Арциз (Алексеева и др. 1997); Лиман (Субботин, Тощев 2002: 62—63, рис. 15: 1).

В то же время необходимо констатировать, что значительное количество скифских курганов и погребений не введено в научный оборот и поныне. Большая часть из них была исследована в юго-западной части Одесской области Украины: Березино, Богатое, Владычень, Воловарска (Воларская) Могила Градешка, Дзинилор, Дервент, Заря, Каланчак, Каменка, Котловина I, Котловина II, Кугурлуй, Михайловка, Мреснота Могила, Новокаменка, Островное, Плавни II, Струмок, Шевченково[2]. Некоторые из неопубликованных скифских погребальных памятников Подунавья были исследованы на территории Молдавской ССР (ныне Республика Молдова): Гаваноса, Дойна, Казаклия, Тараклия[3].

Число скифских погребальных памятников в Подунавье, которые не только не получили соответствующей интерпретации, но и просто не введены в научный оборот, столь велико, что корректная характеристика этого региона в скифское время не толко затруднена, но и, как нам представляется, невозможна.

Настоящая работа, в которой публикуются совсем не известные или практически не известные специалистам скифские захоронения на Нижнем Дунае, является вкладом в изменение сложившейся ситуации.

I. **Пойдовка (Измаил)**. В 1998 г. в микрорайоне г. Измаил Пойдовка, напротив дома №32 по ул. Тургенева, экскаватором была снесена курганная насыпь высотой около 1 м. Факт уничтожения этого кургана остался без внимания со стороны органов исполнительной власти, в ведении которых находилась охрана памятников. В то же время местный краевед А. Колобышко в течение марта — апреля 1998 г. раскопал и зафиксировал четыре погребения, сохранившиеся в материке под уничтоженной насыпью: одно ямной культурно-исторической общности (костяк, окрашенный охрой, в скорченном положении на спине с западной ориентировкой), два позднекочевнических (одно безынвентарное, а второе — с парой железных стремян, железным кресалом и кресальным кремнем) и одно скифское. Из всех материалов сохранились только записи и зарисовки, выполненные А. Колобышко, и две фотографии, переданные им в архив Измаильского историко-краеведческого музея Придунавья.

Судя по сохранившимся данным, скифское погребение было впущено в южную полу кургана. Контуры погребального сооружения проследить не удалось, поскольку, во-первых, захоронение было зафиксировано на глубине 0,35—0,4 м от современной дневной поверхности, а во-вторых, было перерезано двумя позднекочевническими погребениями в восточной части. Тем не менее, практически нет оснований сомневаться в том, что погребение было совершено в прямоугольной яме.

Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад-северо-запад. Руки вытянуты вдоль тела, ноги, по-видимому, были прямыми (уничтожены позднекочевническим захоронением от середины бедренных костей). Под костяком прослежены остатки настила из коры длиной до 3,6 м, шириной до 2 м и толщиной до 0,04 м, ориентированного по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Очевидно, что так же была ориентирована и погребальная яма, размеры которой, по-видимому, ненамного превышали размеры настила (рис. 1: 1).

---

[1] Опубликованы только два скифских погребения, исследованные Дунай-Днестровской новостроечной экспедицией под руководством Л.В. Субботина в 1983 г.

[2] Каменка — раскопки Н.М. Шмаглия 1970 г.; Новокаменка — раскопки Н.М. Шмаглия 1971 г.; Шевченково — раскопки И.Л. Алексеевой 1974 г.; Островное — раскопки И.Л. Алексеевой 1976 г.; Богатое — раскопки А.В. Гудковой 1978 г.; Дзинилор, Струмок — раскопки А.В. Гудковой 1979 г.; Заря, Михайловка — раскопки И.Т. Чернякова 1982 г.; Каланчак — раскопки А.В. Гудковой 1982 г.; Градешка, Дервент, Кугурлуй, Мреснота Могила — раскопки А.В. Гудковой 1984 г.; Березино — раскопки А.Г. Загинайло 1986 г.; Владычень — раскопки М.М. Фокеева 1989 г.; Котловина I, Котловина II, Плавни II — раскопки М.М. Фокеева 1990 г.; Волавarска (Воларская) Могила — раскопки М.М. Фокеева (начальник экспедиции А.В. Гудкова) 1998 г.

[3] Тараклия — раскопки В.И. Гросу 1983 г.; Казаклия — раскопки В.С. Бейлекчи 1985 г.; Гаваноса — раскопки С.М. Агульникова 1991 г.; Дойна — раскопки В.Г. Бубулича 1992 г.

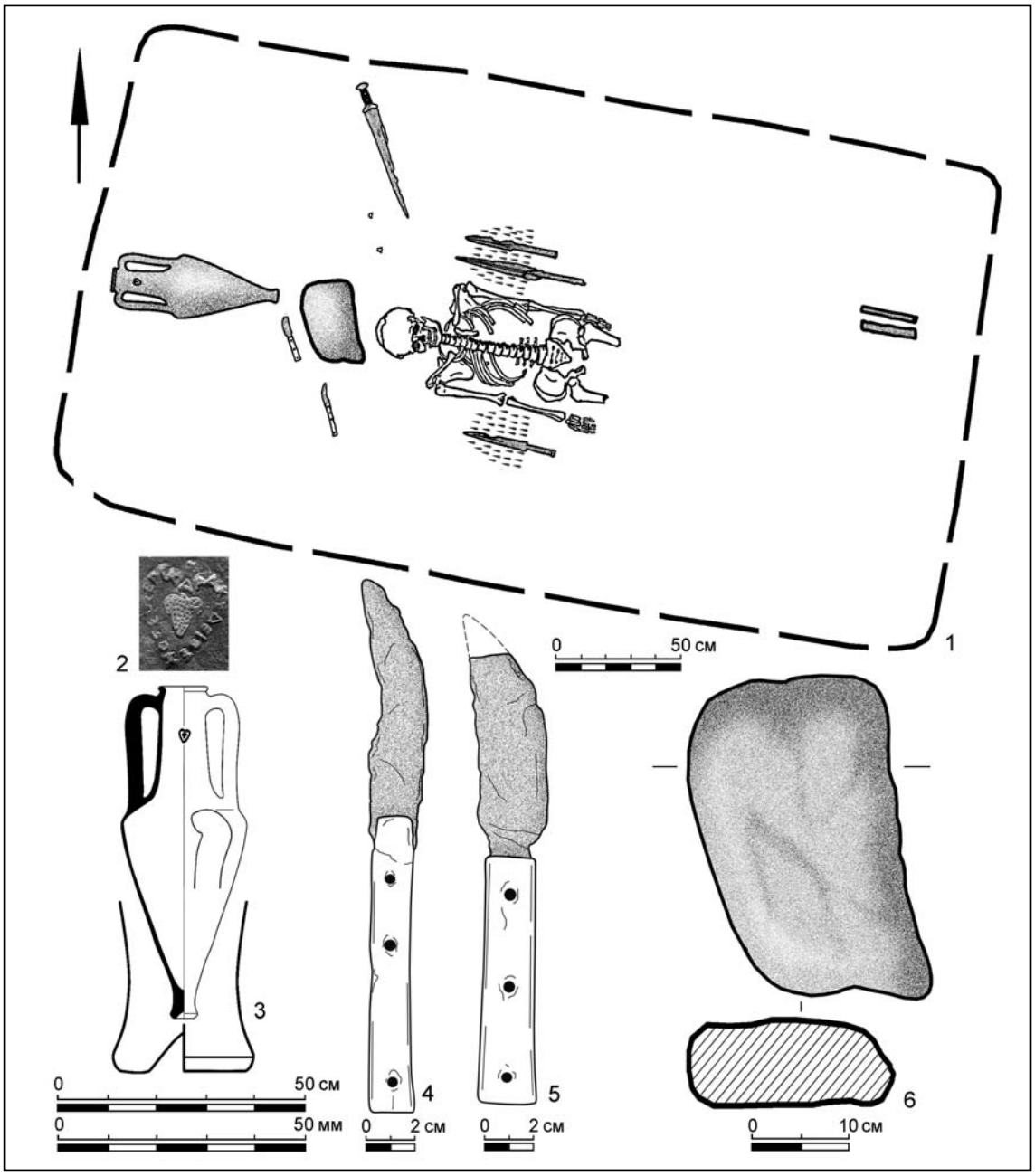

Рис. 1. План погребения из г. Измаил и инвентарь из него: 1 — план погребения; 2 — фотография клейма на горле гераклейской амфоры; 3 — гераклейская амфора; 4, 5 — железные ножи с костяными рукоятями; 6 — каменная плита.

Fig. 1. Plan of the burial from Izmail city and its inventory: 1 — plan of the burial; 2 — photo of the stamp on the neck of the Heraclean amphora; 3 — Heraclean amphora; 4, 5 — iron knives with bone handles; 6 — stone slab.

В погребении обнаружены два колчанных набора. Первый из них находился у правого локтя погребённого и состоял из 55 бронзовых наконечников стрел (4); поверх колчана был положен железный наконечник копья (5). Второй колчанный набор зафиксирован у левого плеча и включал 65 бронзовых наконечников стрел (4). Сверху этого колчана находились два копья (6, 7). Справа в изголовье, рукоятью у северной границы настила и остриём в направлении шеи погребённого, лежал железный меч (8) в деревянных ножнах, от которых зафиксирован тлен. Вероятно, к воинскому снаряжению следует относить и две бронзовые ворворки — конической формы (2) и в виде трубки с трёхлепестковым низом (3), обнаруженные также слева в изголовье погребённого, ниже острия меча и практически на линиях наконечников копий.

За головой погребённого находилась каменная плита (11), в непосредственной близости от которой лежали два железных ножа

с костяными рукоятями: к югу от плиты — целый (9), а к западу — с обломанным остриём (10). Между каменной плитой и западной границей настила обнаружена гераклейская клеймёная амфора (1).

Описание находок:

1. Гераклейская красноглиняная амфора с высоким прямым горлом и коническим туловом на длинной цилиндрической ножке с расширенной нижней частью; в центре пятки — небольшое углубление. Высота амфоры 67 см, глубина — 61,3 см, высота верхней части 27,5 см, высота горла 20 см, наибольший диаметр тулова 25,4 см, диаметр венчика 10,1 см, диаметр устья 7 см (рис. 1: 3). Под венчиком треугольное клеймо с изображением виноградной (?) грозди фабриканта Носса и магистрата Каракюда (рис. 1: 2).

2. Бронзовая коническая ворворка. Диаметр основания 2,4 см, высота 1,25 см, диаметр отверстия 0,65 см (рис. 2: 6).

3. Бронзовая ворворка, полая, с трёхлепесковым низом. Диаметр основания 2,3 см, высота 1,95 см, толщина стенки до 0,1 см (рис. 2: 7);

4. Сто двадцать бронзовых наконечников стрел. Трёхлопастные, с выступающей втулкой и срезанными под острым углом к втулке концами лопастей. Длина наконечников от 2,7 см до 4,5 см. На трёх наконечниках над втулкой нанесено рельефное изображение косого креста на трёх лопастях; ещё на двух наконечниках — то же изображение, но на одной лопасти (рис. 2: 8).

5. Железный наконечник копья (у правого локтя). Ромбовидное в сечении перо переходит во втулку под прямым углом. Втулка цилиндрическая, с уплотнительным кольцом в основании. Длина наконечника 37,6 см, длина пера 26 см, максимальная ширина пера 3,85 см, диаметр втулки 2 см, диаметр уплотнительного кольца 2,7 см (рис. 2: 5).

6. Копьё (слева от погребённого, ближнее) состояло из двух железных частей — наконечника и втока — и несохранившегося древка. Поскольку у восточной границы настила, ближе к его северо-восточному углу, сохранился вток, установлена длина копья — 1,88 м. Железный наконечник копья с лавролистным пером (ромбовидным в сечении), на котором заметно выделенное ребро посередине. Втулка коническая, без уплотнительного кольца в основании. Длина наконечника 53,35 см, длина пера 35,5 см, максимальная ширина пера ок. 6,3 см, диаметр втулки 1,95—2,3 см (рис. 2: 1). Железный вток цилиндрической формы длиной 11,35 см и диаметром 2,2 см был свёрнут из пластины толщиной 0,3 см (рис. 2: 2).

7. Копьё (слева от погребённого, дальнее) состояло из двух железных частей — наконечника и втока — и несохранившегося древка. Поскольку у восточной границы настила, ближе к его северо-восточному углу, сохранился вток, установлена длина копья — 1,84 м. Железный наконечник копья с лавролистным пером (ромбовидным в сечении), на котором заметно выделенное ребро посередине. Втулка цилиндрическая, с уплотнительным кольцом в основании. Длина наконечника 37,65 см, длина пера 20,12 см, максимальная ширина пера ок. 4,3 см, диаметр втулки 2,1 см, диаметр уплотнительного кольца 2,7 см (рис. 2: 3). Железный вток цилиндрической формы длиной 11,55 см и диаметром 1,4 см был свёрнут из пластины толщиной 0,3 см (рис. 2: 4).

8. Железный обоюдоострый меч с овальным навершием и бабочковидным перекрестием, на которые нанесены изображения[4]. Рукоять прямая, с тремя прямоугольными вырезами, по бокам рукояти находятся насечки, имитирующие проволочную обмотку. На клинке с обеих сторон сделаны пять неглубоких желобков длиной 27,85 см, которые сходятся в одной точке ниже середины клинка. Длина меча 57,6 см. Размеры навершия: 5×2,15 см. Длина рукояти 6,7 см, ширина — 3,8 см, толщина — до 1,2 см, размеры вырезов: 1,5×0,4 см, 1,8×0,3 см и 1,15×0,4 см. Размеры перекрестия: 6,55×3 см. Длина линзовидного в сечении клинка 46,7 см, ширина у основания — 5,7 см, толщина — 1,1 см (рис. 2: 9).

9. Железный нож с костяной рукоятью. Спинка ножа дуговидная, лезвие слегка изогнуто, черенок служит продолжением клинка. Четырёхгранная в сечении рукоять сделана из двух пластин и соединена с черенком при помощи трёх железных заклёпок. Длина ножа с рукоятью 21,65 см, длина клинка с лезвием 11 см, длина рукояти 12 см, ширина рукояти до 1,9 см (рис. 1: 4).

10. Железный нож с костяной рукоятью. Спинка ножа дуговидная, лезвие прямое, остриё обломано, черенок служит продолжением клинка. Восьмигранная в сечении рукоять сделана из двух пластин и соединена с черенком при помощи трёх железных заклёпок. Сохранившаяся длина ножа с рукоятью 18,2 см, сохранившаяся длина клинка с лезви-

[4] К сожалению, по сохранившейся зарисовке и некачественной фотографии установить, какие именно изображения находились на навершии и перекрестии, не представляется возможным.

ем 9,2 см, длина рукояти 10,1 см, ширина рукояти до 2,4 см (рис. 1: 5).

11. Песчаниковая плита неправильной прямоугольной формы размерами 35×30×3 см (рис. 1: 6).

При анализе сопровождающего инвентаря погребения из г. Измаил необходимо подчеркнуть, что в его составе присутствуют такие категории, как посуда (амфора), орудия труда (два ножа), аксессуары костюма (две ворворки), предмет культа (каменная плита) и вооружение (три копья, меч и два колчанных набора). При этом количество предметов вооружения и находки двух ворворок, которые, по-видимому, входили в состав воинского снаряжения, а также отсутствие инвентаря, который обычно является женским (украшения, зеркала и т.д.), не оставляет сомнений в том, что в 1998 г. в г. Измаил было исследовано захоронение мужчины-воина.

В этом смысле представляет интерес находка каменной плиты, лежавшей за головой погребённого. Плиты традиционно считаются женским инвентарём (Кетрару, Серова 1990: 127; 1992: 137; Синика 2002: 87). Не отрицая того факта, что в большинстве скифских погребальных комплексов именно женские погребения сопровождались каменными плитами, заметим, что в настоящее время существует целый ряд мужских захоронений с плитами. Например, в Поднепровье плита была обнаружена в кургане 2 у с. Новокиевка. В погребении знатного воина, помимо плиты и кусочка красной охры возле неё, были обнаружены меч и 37 наконечников стрел, а также оселок и нож (Евдокимов, Мурзин 1984: 78, 80, рис. 1; 3). В погребении богатого воина у с. Чистенькое в предгорном Крыму были найдены, помимо двух наконечников дротиков и наконечника копья, меча, наконечников стрел, предметов конского снаряжения, посуды и украшений, две каменные плиты (Зайцев, Колтухов 2004). Ещё четыре плиты происходят из одиночных мужских захоронений (51/1, 54/3, 95/1, 100/1) скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра[5]. Все эти находки, наряду с каменными плитами, могут указывать на особый статус погребённых, которые являлись, безусловно, знатными воинами.

Помимо каменной плиты, статус знатного воина в погребении из г. Измаил подчёркивается также находкой двух колчанных наборов и трёх копий.

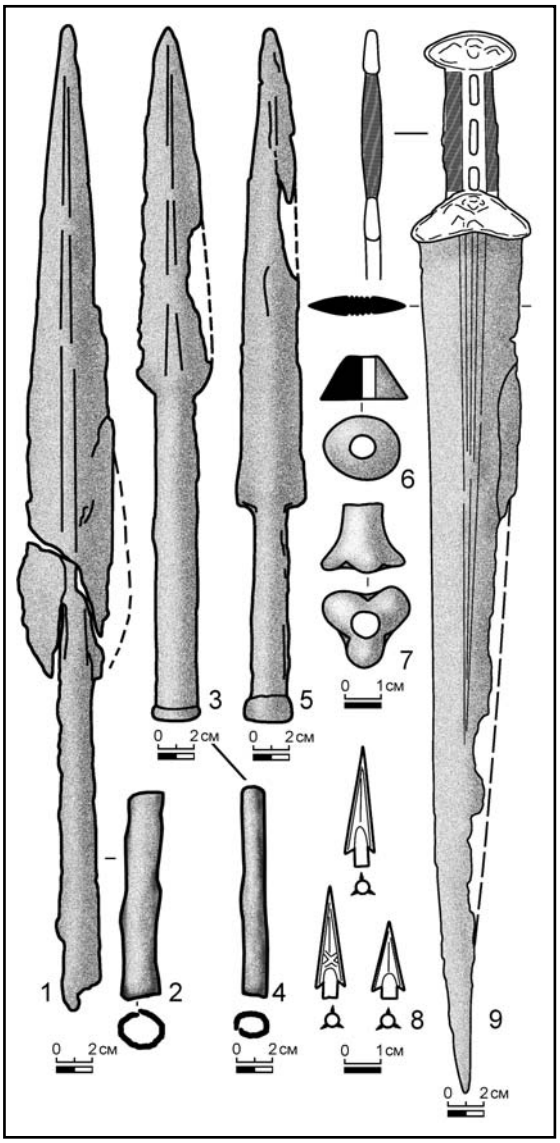

Рис. 2. Предметы вооружения и воинского снаряжения из погребения у г. Измаил: 1, 3, 5 — железные наконечники копий; 2, 4 — железные втоки копий; 6, 7 — бронзовые ворворки; 8 — бронзовые наконечники стрел; 9 — железный меч.

Fig. 2. Weapons and accoutrement from the burial in Izmail: 1, 3, 5 — iron spearheads; 2, 4 — iron spearbutts; 6, 7 — bronze finials; 8 — bronze arrowheads; 9 — iron sword.

Колчаны, состоявшие из 55 и 65 бронзовых наконечников стрел, были положены «в обратном порядке» (верхом вниз), о чём свидетельствуют наконечники стрел, обращённые остриями вверх — в сторону головы погребённого. Заметим, что в настоящее время это единственная находка двух колчанов в одном скифском погребении на всей территории степей Северо-Западного Причерноморья.

Помещение в захоронение трёх копий представляет большую редкость для этого региона. В Подунавье это погребение 27/1 у с. Нагорное (Андрух и др. 1985: 67, рис. 26: 5—7), в пра-

[5] Материал не опубликован.

вобережном Поднестровье — погребение 7/4 у пгт. Суворово (Синика 2007: 176, рис. 4: 5—7). Из трёх наконечников копий, обнаруженных в погребении из г. Измаил, один, лежавший у правого локтя, принадлежит III отделу по классификации А. И. Мелюковой (1964: 42, табл. 13: 7—9). Подобные наконечники, перо которых переходит во втулку под прямым углом, встречаются крайне редко. Помимо четырёх находок из кургана 40 Петуховского могильника, кургана 20 у ст. Елизаветовской, кургана 2 группы Рядовых могил и кургана XV у с. Новосёлки, указанных А. И. Мелюковой (1964: 42, примечание 25), аналогичные наконечники были обнаружены в погребении 8/1 курганной группы Волчанск-1 в Поднепровье (Полин, Кубышев 1997: 8, 40, рис. 6: 6) и в захоронении 81/1 могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра[6].

Представляет значительный интерес двулезвийный меч в захоронении из г. Измаил, который является только четвёртой подобной находкой в Подунавье. До этого двулезвийные мечи были известны в погребениях у г. Арциз (Алексеева и др. 1997: 50, рис. 4: 21), 20/6 могильника Дивизия (Субботин и др. 1992: 20, рис. 17: 1) и 15/1 могильника Плавни I (Суничук, Фокеев 1984: 109, рис. 2: 26).

Имитация проволочной обмотки на рукояти и продольные насечки на клинке меча из г. Измаил характерны для серии мечей типа Солоха второй половины V — рубежа V—IV вв. до н. э., один из которых в 2011 г. был обнаружен в погребении 7/3 у с. Пуркары на правобережье Нижнего Днестра (Агульников и др. 2013: 274, рис. 6: 7).

Прорези, аналогичные тем, что присутствуют на рукояти измаильского меча, есть на мечах из Бердянского кургана (Мурзін, Фіалко 1998) и из кургана 4 у с. Новоселка (Бессонова 1994, рис. 5: 20) в Поднепровье, а также на мечах из целого ряда других скифских погребений Северного Причерноморья. Эти мечи (с прорезями в рукоятях, с овальным навершием и бабочковидным перекрестием) относятся к типу Чертомлык (Ростовцев 1914: 89—90; Ginters 1928: 33—36; Граков 1947: 112; Мелюкова 1964: 51—52; Черненко 1981: 103; Гуляев 2009: 147—148), основное время бытования которого относится ко второй половине IV в. до н. э.[7]

Однако наиболее важной для определения даты скифского погребения из г. Измаил является гераклейская клеймёная амфора. Клеймо представляет собой оттиск «сердцевидной» формы с именами магистрата и фабриканта Ἐπι Καρακύδεος Μολόλσσος, расположенными по часовой стрелке по периметру эмблемы «гроздь». Аналогии этому клейму известны в IOSPE III — №235 и 236[8]. На Нижнем Дунае гераклейская амфора с именем магистрата Каракюда известна только во рву кургана 18 могильника Чауш, располагавшегося в 2 км к северо-западу от с. Новосельское Ренийского района Одесской области, между озёрами Кагул и Ялпуг. К сожалению, имя фабриканта в указанном оттиске не восстанавливается (Суничук 1985: 44; Самойлова, Редина 1997: 58, табл. 1: 3; Монахов 1999: 326). Деятельность магистрата Каракюда в настоящее время относится к началу 60-х гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 429, прил. V: 4). Этим временем и датируется скифское погребение из г. Измаил.

II. **Камышовка** (Измаильский район Одесской области). Скифское погребение было обнаружено в 1989 г. при обрушении обрыва берега оз. Китай в южной части села, на приусадебном участке местного жителя. По его рассказам, в обрыве были видны человеческие кости и фрагменты «черепков». Последние оказались двумя греческими амфорами[9], одна из которых (гераклейская) в настоящее время утрачена, а вторая (синопская) — хранится в школьном музее с. Камышовка.

Описание находок:

1. Гераклейская красноглиняная амфора, с высоким прямым горлом и коническим туловом на длинной цилиндрической ножке, которая отбита в нижней части. Сохранившаяся высота амфоры 66 см, глубина — 62,7 см, высота верхней части 28 см, высота горла 19 см, наибольший диаметр тулова 26,5 см, диаметр венчика 10,2—10,5 см, диаметр устья 8,6 см (рис. 3: 6). Амфора по метрическим характеристикам близка той, что происходит из скифского погребения в г. Измаил, и клейма идентичным штампом — с изображением виноградной (?) грозди фабриканта Носса и магистрата Каракюда (рис. 3: 5).

2. Синопская красноглиняная амфора с высоким, практически прямым горлом

[6] Не опубликован.

[7] Благодарим Д. А. Топала за консультации относительно типологической характеристики и об аналогиях мечу из г. Измаил.

[8] Благодарим М. В. Иващенко за определение клейма и указание аналогии.

[9] Благодарим Д. А. Топала за чертежи амфор из этого комплекса. Чертежи выполнены по фото с учётом обмеров, произведённых С. В. Паламарчук.

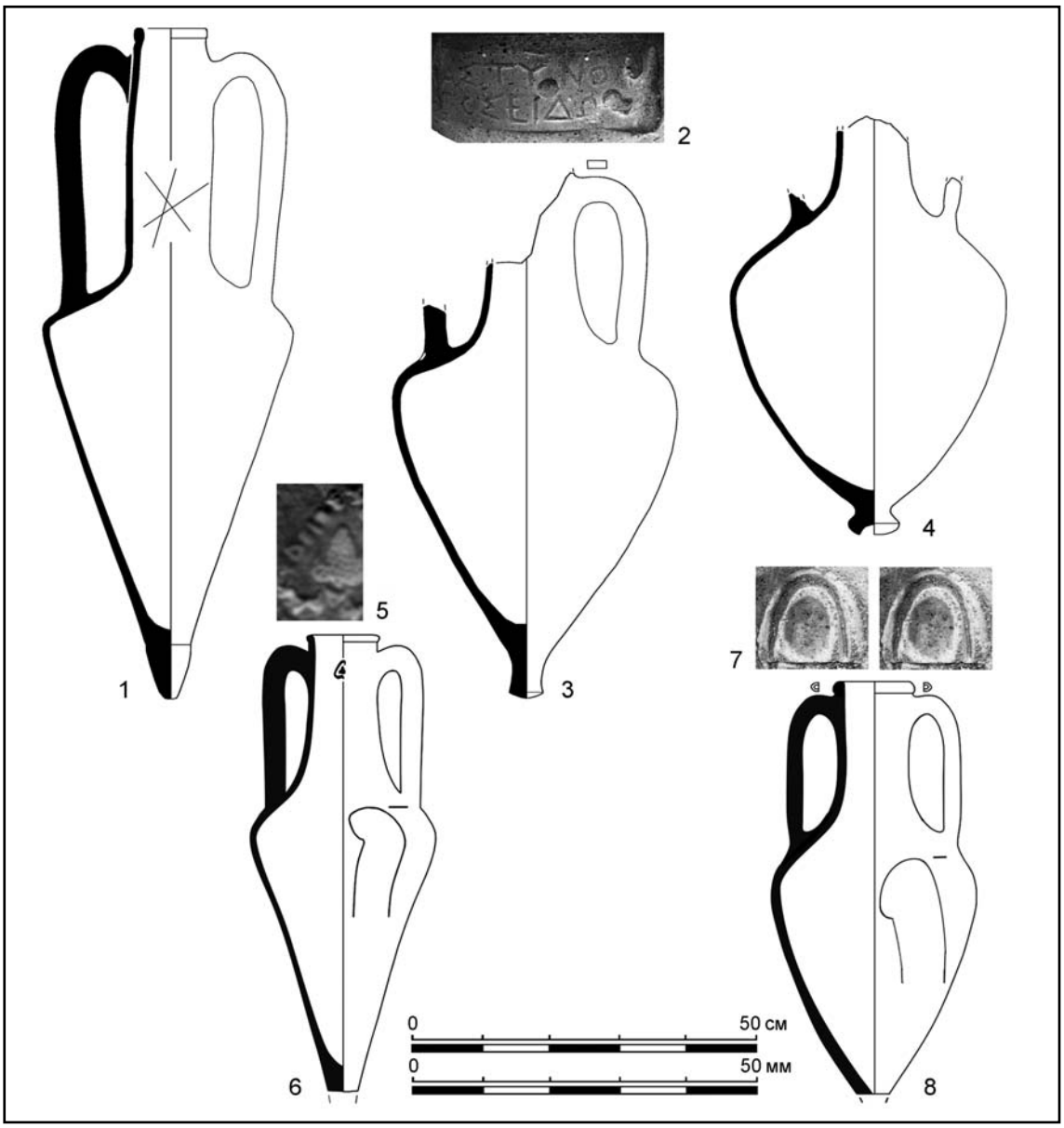

Рис. 3. Амфоры из разрушенных погребений у с. Камышовка: 1—4 — погребение 1981 г.; 5—8 — погребение 1989 г.

Fig. 3. Amphorae from destroyed burials near Kamyshovka village: 1—4 — burial of 1981; 5—8 — burial of 1989.

и пифоидным туловом; ножка отбита. Сохранившаяся высота амфоры 60 см, глубина — ок. 58 см, высота верхней части 26 см, высота горла 16 см, наибольший диаметр тулова 27 см, диаметр венчика 9,5—10 см, диаметр устья 7,2 см (рис. 3: 8). На обеих ручках амфоры присутствуют энглифические оттиски в виде буквы «Δ» (рис. 3: 7). Аналогичный оттиск (фабриканта? гончара?) известен на Елизаветовском городище (Брашинский 1980: табл. XXXIV: №803)[10] и относится к периоду домагистратского клеймения в Синопе (Монахов 2003: 151, табл. 102: 8), который, по современным представлениям, начинается с конца 60-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2010: 251—252, прил. VII: 1).[11]

Находка гераклейской амфоры с клеймом магистрата Каракюда в одном комплек-

[10] Благодарим М.В. Иващенко за определение клейм и указание аналогий.

[11] Недавно эта амфора была опубликована Н. Матеевич и С. Матвеевым. В работе приводятся неточные метрические характеристики сосуда, не предложено никакой его датировки (Mateevich, Matveev 2013: 301—304, fig. 2). Очевидно, что последнее стало результатом незнания о находке гераклейской амфоры в этом же комплексе.

се с синопской амфорой, на которой присутствуют оттиски в виде буквы «Δ», во-первых, является дополнительным свидетельством существования практики домагистратского (или раннефабрикантского) клеймения в Синопе, а во-вторых, довольно точно указывает на дату совершения скифского погребения у с. Камышовка — начало 60-х гг. IV в. до н.э.

III. **Камышовка** (Измаильский район Одесской области). Разрушенное скифское погребение было обнаружено в 1981 г. при строительстве оросительной системы. Более подробные сведения об обстоятельствах находки отсутствуют. Из погребения в Измаильский исторический музей А.В. Суворова поступили только три амфоры[12], о чём в Книге поступлений №II была сделана запись 18 ноября 1981 г.

Описание находок:

1. Хиосская красноглиняная амфора (инв. №А–1211) с высоким прямым горлом и коническим туловом на колпачковой ножке. Высота амфоры 98 см, глубина — 85 см, высота верхней части 41 см, высота горла 35 см, наибольший диаметр тулова 36 см, диаметр венчика 10—11 см, диаметр устья 7,2—7,6 см. В нижней половине горла нанесено граффити высотой 11,7 см и шириной 9,6 см в виде трёх пересекающихся линий, образующих в центре неправильный треугольник (рис. 3: 1);

2. Красноглиняная амфора неустановленного центра (инв. №А–1212) с отбитыми ручками и верхней частью горла. Тулово раздутое, на невысокой рюмкообразной ножке. Сохранившаяся высота амфоры 61 см, сохранившаяся глубина — 54 см, сохранившаяся высота верхней части 25 см, сохранившаяся высота горла 12 см, наибольший диаметр тулова 40 см, диаметр ножки 7,5 см (рис. 3: 4). Подобные амфоры с грибовидным венцом датируются второй — третьей четвертями IV в. до н.э. (Монахов 1999: 373—374, 413—414, табл. 164: 4, 5; 185: 1);

3. Синопская амфора (инв. №А–1213), красноглиняная, с отбитым в верхней части горлом и пифоидным туловом на невысокой конической ножке. Сохранившаяся высота амфоры 76,5 см, сохранившаяся глубина — 61 см, сохранившаяся высота верхней части 31 см, сохранившаяся высота горла 21 см, наибольший диаметр тулова 35 см (рис. 3: 3). На сохранившейся ручке оттиснуто рельефное клеймо [Ἡφαιστίο] ἀστυνό(μο) Ποσειδω(νίο) вместе с двумя эмблемами: «лист» возле названия должности чиновника и «венок» возле его отчества (рис. 3: 2). Аналогичные клейма известны в IOSPE III (№3848—3850) и из раскопок Ольвии 1960 г. (оп. 2356)[13]. Деятельность магистрата Гефестия в настоящее время относится к 30-м гг. IV в. до н.э. (Кац 2007: 434, прил. VII: 3). Этим временем и датируется скифское погребение из с. Камышовка, обнаруженное в 1981 г.

О конструкции погребальных сооружений из с. Камышовка ничего не известно. Только с очень большой долей осторожности можно предполагать, что эти погребения были совершены в катакомбах, в которых существовал амфорный заклад входа в дромос или камеру сооружения. Эта осторожность основывается на том, что находки двух или более амфор в одном скифском погребении крайне редки в степях Северо-Западного Причерноморья. Например, две амфоры были обнаружены в заполнении грабительского хода кургана у с. Дойна Кантемирского района Республики Молдова (расположено к западу от истока р. Большая Салча, впадающей с севера в оз. Ялпуг) и, несомненно, являлись частью сопровождающего инвентаря основного погребения кургана, которое принадлежало представителю высшей аристократии (Бубулич 1992: 29, рис. 24: 1, 2). По три амфоры происходят из двух богатых погребений, одно из которых было исследовано на могильнике Мреснота Могила, располагавшемся на правом берегу оз. Ялпуг, между с. Виноградовка и Владычень Болградского района Одесской области (Монахов 1999: 139—140, прим. 39, табл. 47), а второе — у с. Островное Арцизского района Одесской области, на правом берегу р. Киргиж-Китай (Алексеева 1977: 46, табл. LIII: 1—4; Монахов 1999: 205—206, табл. 82)[14]. На левобережье Днестра по три амфоры были обнаружены в богатых погребениях 13/4 могильника Буторы I (Серова, Яровой 1987: 109, рис. 55: 1, 11) и кургана

[12] Благодарим канд. ист. наук Е.В. Кузнецову за чертежи амфоры из этого комплекса. Чертежи выполнены по фото с учётом обмеров, произведённых С.В. Паламарчук.

[13] Благодарим М.В. Иващенко за восстановление легенды клейма и указание аналогий.

[14] В работе С.Ю. Монахова анализируются только две амфоры из погребения и упоминается фасосское клеймо (Монахов 1999: 205—206, прим. 69, табл. 82) со ссылкой на работу С.И. Андрух (1995: 48). Однако С.И. Андрух упоминала «гераклейские и фасосские клейма» при датировке могильников «Чауш, Плавни I, Измаил, кургана Цыганча ... и погребения у с. Островное» (Андрух 1995: 48).

45 у г. Дубоссары (Chetraru, Mateevici 1997: 113—114, fig. 4: 2, 3).

Большее количество амфор было обнаружено только в двух погребениях — и оба они исследованы на днестровском левобережье. Пять амфор происходит из погребения 2 у с. Надлиманское Овидиопольского района Одесской области: четыре из них составляли заклад входа в камеру катакомбы, а фрагменты пятой находились в заполнении входной ямы. В погребении, помимо амфор, обнаружены только два наконечника стрел и лепная чашка (Субботин, Охотников 1984: 106, рис. 1: 1—3, 5, 7, 10). В погребении 33 грунтового могильника у с. Николаевка Овидиопольского района Одесской области были обнаружены семь амфор. Захоронение, так же, как и у с. Надлиманское, было совершено в катакомбе, однако пять из семи амфор, очевидно, никакого отношения к закладу входа в камеру катакомбы не имели: они были установлены одна на другой во входной яме — две придонные части одна в другой были накрыты тремя верхними частями. Только два сосуда могли составлять амфорный заклад входа в катакомбу: верхняя часть амфоры и единственный целый сосуд были обнаружены на переходе из входной ямы в камеру. Однако под целой амфорой был найден бронзовый черпак, чашка которого находилась в чернолаковом канфаре, что указывает на помещение сосуда в захоронение как сопровождающего инвентаря, а не как части заклада входа в камеру катакомбы. Кроме этих находок, были обнаружены глиняное пряслице, железный нож, а также чернолаковая одноручная чаша (Мелюкова 1975: 86—87, рис. 31: 6; 38: 1—4; 41: 10; 45: 7; 52: 7).

Анализ скифских погребальных комплексов степей Подунавья и Поднестровья, где были обнаружены две или более амфоры, показывает, что оба комплекса с амфорами из с. Камышовка могли принадлежать представителям скифской знати. Однако отсутствие сведений о других находках делает эту версию непроверяемой. Также нельзя исключать, что амфоры являлись частью заклада входа в катакомбу, что, впрочем, ещё менее вероятно, поскольку до настоящего времени заклады из амфор известны только на античном некрополе Ольвии и в погребениях, расположенных в непосредственной близости от этого греческого города — $_{1}$N Аджигольского, а также $_{4}$S и $_{3}$X Петуховского могильников. Близостью к античному городу Никоний, а значит, и греческим влиянием на скифский погребальный обряд, можно объяснить появление амфорного заклада в катакомбе у с. Надлиманское (Синика 2012: 265—266). Относительно захоронений у с. Камышовка необходимо констатировать, что ближайшие источники подобного влияния (греческие города) находятся на значительном удалении от оз. Китай.

В полной мере это относится и к скифскому погребению, обнаруженному у с. Утконосовка Измаильского района Одесской области, на правом берегу оз. Катлабух, в котором якобы существовал амфорный заклад. Упоминание этого комплекса, наряду с комплексом из с. Надлиманское, можно найти в работе Е. Ф. Рединой (1989: 27) со ссылкой на дипломную работу В. К. Чигирина[15]. В ней содержится информация, что «на территории колхоза “Путь коммунизма” в 18 км севернее г. Измаила вблизи с. Утконосовка в 1964 г. было обнаружено захоронение с амфорой греческой работы (которая служила, вероятно, погребальной урной), вместе с амфорой были обнаружены обломки глиняных сосудов местного производства (материалы хранятся в школьном музее с. Утконосовка)» (Чигирин 1965: 27). Проверка С. В. Паламарчук показала, что эти находки в настоящее время не сохранились в школьном музее с. Утконосовка. Очевидно только то, что они являлись погребальным инвентарём разрушенного скифского захоронения; при этом нет никаких оснований считать, что в нём был амфорный заклад входа в дромос/камеру катакомбы.

Таким образом, настоящей публикацией в научный оборот вводятся три скифских погребальных комплекса. Очень важно, что все три захоронения имеют точные даты. Во второй четверти IV в. до н. э., а точнее, в начале 60-х гг. указанного столетия были совершены два погребения: Пойдовка (Измаил) и из с. Камышовка (1989 г.). К третьей четверти IV в. до н. э., и у́же, к 30-х гг. IV в. до н. э., относится ещё одно захоронение у с. Камышовка (1981 г.).

[15] Инициалы В. К. Чигирина указаны неверно, также приводится неверное название его дипломной работы, в которой содержатся сведения о разрушенном погребении у с. Утконосовка (Редина 1989: 34, прим. 27). Также неверно указаны инициалы В. К. Чигирина в работе С. И. Андрух и С. И. Чернова, в которой рассматриваются материалы из разрушенного грунтового могильника в урочище Кавказ в окрестностях г. Измаил (Андрух, Чернов 1990: 157, прим. 3).

Литература

Агульников и др. 2013: Агульников С. М., Попович С. С., Церна С. В., Топал Д. А. 2013. Скифский курган №7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре. *Stratum plus* (3), 257—284.

Алексеева И. Л. 1977. *Отчёт о раскопках курганов Нижне-Днестровской (новостроечной) экспедицией Института археологии Академии наук УССР в зоне строительства I очереди Нижне-Днестровской оросительной системы (с. Ясски, Беляевский район).* Науковий архів ІА НАНУ, №1976/87.

Алексеева и др. 1997: Алексеева И. Л., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. 1997. Скифское погребение у г. Арциз. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э.—IV в. н. э.).* Материалы полевого семинара, г. Тирасполь — с. Глиное. 28—30 августа 1997 г. Тирасполь: РИО ПГУ, 48—55.

Андрух С. И. 1995. *Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н. э. (Этно-политический аспект).* Запорожье: Днепровский металлург.

Андрух и др. 1985: Андрух С. И., Добролюбский А. О., Тощев Г. Н. 1985. *Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная*. Одесса: Монография депонирована в ИНИОН АН СССР 13.06.1985 г., №21110.

Андрух С. И., Суничук Е. Ф. 1987. Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная. В: Самойлова Т. Л. (отв. ред.). *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 38—46.

Андрух С. И., Чернов С. И. 1990. Новые памятники Дунай-Днестровского междуречья. *СА* (2), 149—163.

Бубулич В. Г. 1992. *Отчёт о полевых исследованиях Прутской новостроечной экспедиции у сс. Румянцево и Дойна Кантемирского района в 1991 г.* Архив Музея археологии и истории Молдовы. №334.

Ванчугов и др. 1992: Ванчугов В. П., Субботин Л. В., Дзиговский А. Н. 1992. *Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья*. Киев: Наукова думка.

Граков Б. Н. 1947. Γυναικοκρατουμενοι (пережитки матриархата у сарматов). *ВДИ* (3), 100—121.

Гудкова А. В. 1978. Раскопки курганов у с. Червоный Яр в Нижнем Подунавье. В: Карышковский П. О. (отв. ред.). *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 182—193.

Гуляев В. И. 2009. «Парадные» мечи V—IV вв. до н. э. из курганов Скифии. В: Килейников В. В. (отв. ред.). *Археологические памятники Восточной Европы* 13. Воронеж: ВГПУ, 147—151.

Зайцев Ю. П., Колтухов С. Г. 2004. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в предгорном Крыму. *БИ* VII, 242—259.

Евдокимов Г. Л., Мурзин В. Ю. 1984. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области. В: Черненко Е. В. (отв. ред.). *Вооружение скифов и сарматов.* Киев: Наукова думка, 75—82.

Кац В. И. 2010. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *БИ* XVIII.

Кетрару Н. А., Серова Н. Л. 1990. Исследование скифского кургана 21 у г. Дубоссары. *АИМ в 1985 г.*, 120—132.

Кетрару Н. А., Серова Н. Л. 1992. Погребение знатной скифянки у г. Дубэсарь. В: Гросу В. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы.* Кишинёв: Штиинца, 130—141.

Левицкий О. Г. 1988. Курганы эпохи бронзы у с. Томай. *АИМ в 1983 г.*, 35—44.

Мелюкова А. И. 1964. Вооружение скифов. *САИ* Д1—4.

Мелюкова А. И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка.* Москва: Наука.

Монахов С. Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н. э.* Саратов: Саратовский государственный университет.

Монахов С. Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре: Каталог-определитель.* Москва: Киммерида; Саратов: Саратовский государственный университет.

Мурзін В. Ю., Фіалко О. Е. 1998. Зброя з Бердянського кургану. *Археологія* (3), 103—112.

Ольховский В. С., Шилов Ю. А. 1995. Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка. *РА* (4), 103—113.

Полин С. В., Кубышев А. И. 1987. *Скифские курганы Утлюкского междуречья (в северо-западном Приазовье).* Киев: Препринт.

Редина Е. Ф. 1989. Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей. В: Самойлова Т. Л. (отв. ред.). *Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья*. Киев: Наукова думка, 25—34.

Ростовцев М. И. 1914. *Воронежский серебряный сосуд.* Петроград: Типография Главного управления уделов.

Самойлова Т. Л., Редина Е. Ф. 1997. Клейма из скифских курганов Дунай-Днестровского междуречья. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э.—IV в. н. э.).* Материалы полевого семинара, г. Тирасполь — с. Глиное. 28—30 августа 1997 г. Тирасполь: РИО ПГУ, 57—63.

Серова Н. Л., Яровой Е. В. 1987. *Григориопольские курганы.* Кишинёв: Штиинца.

Синика В. С. 2002. Ритуальная плита как элемент скифской погребальной обрядности (по материалам курганных памятников Северо-Западного Причерноморья). В: Копылов В. П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века.* Материалы X международной научной конференции (29 мая — 3 июня 2001 г.). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского педагогического университета, 85—87.

Синика В. С. 2007. Скифский курганный могильник у пгт. Суворово на правобережье Нижнего Днестра. *РА* (4), 170—179.

Синика В. С. 2012. О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В: Пригарин А. А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре* 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Влади-

мира Никифоровича Станко. Одесса: СМИЛ, 264—272.

Субботин Л. В. 1984. Курган у с. Жовтневое. В: Артёменко И. И. (отв. ред.). *Курганы в зонах новостроек Молдавии*. Кишинёв: Штиинца, 143—152.

Субботин и др. 1970: Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М. 1970. Курганы с. Огородное. *МАСП* 6, 130—155.

Субботин и др. 1992: Субботин Л. В., Островерхов А. С., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. 1992. *Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья*. Киев: Препринт.

Субботин Л. В., Охотников С. Б. 1981. Скифские погребения Нижнего Поднестровья. В: Мезенцева Г. Г. (отв. ред.). *Древности Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 102—116.

Субботин Л. В., Тощев Г. Н. 2002. *Археологические древности Буджака. Курганная группа у с. Лиман*. Запорожье: Запорожский государственный университет.

Суничук Е. Ф. 1985. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная. В: Дзис-Райко Г. А. (отв. ред.). *Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 38—45.

Суничук Е. Ф., Фокеев М. М. 1984. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная. В: Черняков И. Т. (отв. ред.). *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 103—120.

Тощев Г. Н. 1992. *Курганы эпохи бронзы межозёрья Ялпуга и Кагула*. Запорожье: Коммунар.

Тощев Г. Н., Сапожников И. В. 1990. Курганная группа у станции Фрикацей. *ДСПК* I, 13—30.

Тощев Г. Н., Редина Е. Ф. 1991. Курганная группа у с. Помазаны Одесской области. *ДСПК* II, 95—104.

Шмаглий Н. М., Черняков И. Т. 1970. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1965 гг.). *МАСП* 6, 5—115.

Чеботаренко и др. 1989: Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П. 1989. *Курганы Буджакской степи*. Кишинёв: Штиинца.

Черненко Е. В. 1981. *Скифские лучники*. Киев: Наукова думка.

Чигирин В. К. 1965. *Материалы к археологической карте левобережья Нижнего Придунавья (Килийский и Измаильский районы Одесской области)*. Дипломная работа студента VI курса заочного отделения. Архив Измаильского исторического музея А. В. Суворова. №2566.

Chetraru N., Mateevici N. 1997. Cercetările tumulului nr. 45 din raionul Dubăsari. *Tyragetia*. IV—V, 109—115.

Ginters W. 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.

Mateevich N., Matveev S. 2013. A fortunate discovery in Southern Bessarabia. *Danubis* XXXI, Supliment. Studii şi cercetări privind arheologia spaţiului Nord-Vest Pontic, 301—304.

References

Agulnikov, S. M., Popovici, S. S., Ţerna, S. V., Topal, D. A. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 257—284 (in Russian).

Alekseeva, I. L. 1977. *Otchet o raskopkakh kurganov Nizhne-Dnestrovskoi (novostroechnoi) ekspeditsiei Instituta arkheologii Akademii nauk USSR v zone stroitel'stva I ocheredi Nizhne-Dnestrovskoi orositel'noi sistemy (s. Iasski, Beliaevskii raion) (Report on the excavation of barrows by the Lower-Dniester (rescue) expedition of the Institute of Archaeology of Academy of Sciences of USSR in the area of construction of Lower Dniester irrigation system (village Iasski, Beliaevskii district))*. Naukovii arkhiv Instituta Arkheolohii Natsional'noi Academii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine), №1976/87 (in Russian).

Alekseeva, I. L., Okhotnikov, S. B., Redina, E. F. 1997. In *Chobruchskii arkheologicheskii kompleks i voprosy vzaimovliianiia antichnoi i varvarskoi kul'tur (IV v. do n. e. — IV v. n. e.) (Ciobruci archaeological complex and the problem of interaction between the ancient and barbarian cultures (4th century BC — 4tn century AD))*. Tiraspol: RIO PGU, 48—55 (in Russian).

Andrukh, S. I. 1995. *Nizhnedunaiskaia Skifiia v VI — nachale I v. do n. e. (Etno-politicheskii aspekt) ((The Lower Danube Scythia in 6th — beginning of 1st century BC (ethno-political aspect))*. Zaporozhye: Dneprovskii metallurg (in Russian).

Andrukh, S. I., Dobrolyubskii, A. O., Toshchev, G. N. 1985. *Kurgany u s. Plavni v nizov'iakh Dunaia (Kurgany u s. Plavni v nizov'iakh Dunaia) (Barrows near village Plavni in Lower Danube)*. Arkhiv *Instituta nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam* Akademii nauk SSSR (Archive of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Academy of Sciences of USSR). №21110 (in Russian).

Andrukh, S. I., Sunichuk, E. F. 1987. In *Novye issledovaniia po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (New investigations into the archaeology of Northern Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 38—46 (in Russian).

Andrukh, S. I., Chernov, S. I. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 149—163 (in Russian).

Bubulich, V. G. 1992. *Otchet o polevykh issledovaniiakh Prutskoi novostroechnoi ekspeditsii u ss. Rumiantsevo i Doina Kantemirskogo raiona v 1991 g. (Report on the field investigations of the Prut rescue expedition near the villages of Rumiantsevo and Doina of the Kantemir district in 1991)*. Arkhiv Muzeia arkheologii i istorii Moldovy (Archive of the Museum of Archaeology and History of Moldova). №334 (in Russian).

Vanchugov, V. P., Subbotin, L. V., Dzigovsky, A. N. 1992. *Kurgany primorskoi chasti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'ia (Barrows of the coastal part of Dniester-Danube interfluve)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Grakov, B. N. 1947. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 100—121 (in Russian).

Gudkova, A. V. 1978. In *Arkheologicheskie issledovaniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Archaeological investigations in the North-Western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 182—193 (in Russian).

Gulyaev, V. I. 2009. In *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological sites of the Eastern Europe)* 13. Voronezh: VGPU, 147—151 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P., Koltukhov S. G. 2004. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies)* VII, 242—259 (in Russian).

Evdokimov, G. L., Murzin, V. Yu. 1984. In *Vooruzhenie skifov i sarmatov (The armament of Scythians and Sarmatians)*. Kiev: Naukova dumka, 75—82 (in Russian).

Kac, V. I. 2010. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies)* XVIII (in Russian).

Chetraru, N. A., Serova, N. L. 1990. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1985 g. (Archaeological researches in Moldavia in 1985)*, 120—132 (in Russian).

Chetraru, N. A., Serova, N. L. 1992. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii i etnografii Moldovy (Materials and researces on the archaeology and ethnography of Moldova)*. Kishinev: Shtiintsa, 130—141 (in Russian).

Leviţki, O. G. 1988. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1983 g. (Archaeological researches in Moldavia in 1983)*, 35—44 (in Russian).

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Scythian armament)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—4 (in Russian).

Melyukova, A. I. 1975. *Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni*

u s. Nikolaevka (Scythian-time settlement and necropolis near the village of Nikolaevka). Moscow: Nauka (in Russian).

Monachov, S. Ju. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary VII—II vekov do n. e. (Greek amphorae in the Pontic region. Complexes of ceramic ware from the VII-II centuries BC).* Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Monachov, S. Ju. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare: Katalog-opredelitel' (Greek amphorae in the Pontic region. Typology of amphorae of the main ceramic ware exporting centers).* Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Murzin, V. Yu., Fialko, E. E. 1998. *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 103—112 (in Ukrainian).

Olkhovskii, V. S., Shilov, Yu. A. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 103—113 (in Russian).

Polin, S. V., Kubyshev, A. I. 1987. *Skifskie kurgany Utliukskogo mezhdurech'ia (v severo-zapadnom Priazov'e) (Scythian barrows of the Utliuk interfluve (in north-western Azov region)).* Kiev: Preprint (in Russian).

Redina, E. F. 1989. In *Arkheologicheskie pamiatniki stepei Podnestrov'ia i Podunav'ia (Archaeological sites of the steppes from Dniester and Danube regions).* Kiev: Naukova dumka, 25—34 (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 1914. *Voronezhskii serebrianyi sosud (Voronezh silver vessel).* Petrograd: Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov (in Russian).

Samoilova, T. L., Redina, E. F. 1997. In *Chobruchskii arkheologicheskii kompleks i voprosy vzaimovliianiia antichnoi i varvarskoi kul'tur (IV v. do n. e. — IV v. n. e.) (Ciobruci archaeological complex and the problem of interaction between the ancient and barbarian cultures (4th century BC — 4tn century AD)).* Tiraspol: RIO PGU, 57—63 (in Russian).

Serova, N. L., Yarovoi, E. V. 1987. *Grigoriopol'skie kurgany (Grigoriopol barrows).* Kishinev: Shtiintsa (in Russian).

Sinika, V. S. 2002. In *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka (International relations in the Black Sea basin in Antiquity and Middle Ages).* Rostov-on-Don: Rostovskii pedagogicheskii universitet, 85—87 (in Russian).

Sinika, V. S. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 170—179 (in Russian).

Sinika, V. S. 2012. In *Chelovek v istorii i kul'ture (Man in history and culture)* 2. *Memorial'nyi sbornik materialov i issledovanii v pamiat' laureata Gosudarstvennoi premii Ukrainy, akademika RAEN, professora Vladimira Nikiforovicha Stanko (Compilation of materials and researches to the memory of the laureate of State Prize of Ukraine, academician of RAEN, professor Vladimir Nikiforovich Stanko).* Odessa: SMIL, 264—272 (in Russian).

Subbotin, L. V. 1984. In *Kurgany v zonakh novostroek Moldavii (Barrows in the zones of recent construction activities in Moldavia).* Kishinev: Shtiintsa, 143—152 (in Russian).

Subbotin, L. V., Zaginailo, A. G., Shmagliy, N. M. 1970. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 6, 130—155 (in Russian).

Subbotin, L. V., Ostroverkhov, A. S., Okhotnikov, S. B., Redina E. F. 1992. *Skifskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'ia (Scythian antiquities of the Dniester-Danube interfluve).* Kiev: Preprint (in Russian).

Subbotin, L. V., Okhotnikov, S. B. 1981. In *Drevnosti Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Antiquities of North-Western Pontic region).* Kiev: Naukova dumka, 102—116 (in Russian).

Subbotin, L. V., Toshchev, G. N. 2002. *Arkheologicheskie drevnosti Budzhaka. Kurgannaia gruppa u s. Liman (Archaeological antiquities of Budjak. Group of barrows near the village of Liman).* Zaporozhye: Zaporozhskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Sunichuk, E. F. 1985. In *Pamiatniki drevnei istorii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Monuments of ancient history of North-western Pontic region).* Kiev: Naukova dumka, 38—45 (in Russian).

Sunichuk, E. F., Fokeev, M. M. 1984. In *Rannii zheleznyi vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Early Iron age of North-Western Pontic region).* Kiev: Naukova dumka, 103—120 (in Russian).

Toshchev, G. N. 1992. *Kurgany epokhi bronzy mezhozer'ia Ialpuga i Kagula (Bronze Age barrows in the Ialpug and Kagul interfluve).* Zaporozhye: Kommunar (in Russian).

Toshchev, G. N., Sapozhnikov, I. V. 1990. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* I, 13—30 (in Russian).

Toshchev, G. N., Redina, E. F. 1991. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* II, 95—104 (in Russian).

Shmaglii, N. M., Cherniakov, I. T. 1970. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 6, 5—115 (in Russian).

Chebotarenko, G. F., Yarovoi, E. V., Telnov, N. P. 1989. *Kurgany Budzhakskoi stepi (Barrows of the Budjak steppe).* Kishinev: Shtiintsa (in Russian).

Chernenko, E. V. 1981. *Skifskie luchniki (Scythian archers).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Chigirin, V. K. 1965. *Materialy k arkheologicheskoi karte levoberezh'ia Nizhnego Pridunav'ia (Kiliiskii i Izmail'skii raiony Odesskoi oblasti) (Materials to the archaeological map of the left bank of Lower Danube region (Kiliiskii and Izmail'skii districts of Odesa region)).* Arkhiv Izmail'skogo istoricheskogo muzeia A. V. Suvorova (Archive of the "A.V. Suvorov" Izmail historical museum). №2566.

Chetraru, N., Mateevici, N. 1997. Cercetarile tumulului nr. 45 din raionul Dubasari. *Tyragetia.* IV—V, 109—115.

Ginters, W. 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin: W. de Gruyter.

Mateevich, N., Matveev, S. 2013. A fortunate discovery in Southern Bessarabia. *Danubis* XXXI, Supliment. Studii şi cercetări privind arheologia spaţiului Nord-Vest Pontic, 301—304.

Статья поступила в номер 6 января 2014 г.

Svetlana Palamarchiuk (Izmail, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Ismail Regional History Museum of the Danube Region [1].

Svetlana Palamarchiuk (Izmail, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Muzeul istorico-regional al regiunii Dunărene din Izmail.

Паламарчук Светлана Васильевна (Измаил, Украина). Кандидат исторических наук. Измаильский историко-краеведческий музей Придунавья.

E-mail: klarapalamar@rambler.ru

Vitalij Sinika (Tiraspol, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Transnistria State University.

Vitalij Sinika (Tiraspol, Moldova). Candidat în ştiinţe istorice. Universitatea de Stat din Transnistria.

Синика Виталий Степанович (Тирасполь, Молдова). Кандидат исторических наук. Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

E-mail: sinica80@mail.ru

Addresses: [1] Kotovsky St., 51, Izmail, 68600, Ukraine; [2] 25 October St., 128, Tiraspol, 3300, Moldova

Т. В. Егорова

Новая раннеэллинистическая усадьба на городище «Чайка» и ее место в структуре поселения

Keywords: North-Western Crimea, far Chora of Chersonesos, Hellinism, layout, chronology.

Cuvinte cheie: Crimea de nord-vest, chora îndepărtată a Chersonesos-ului, elinism, planificare, cronologie.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, дальняя хора Херсонеса, эллинизм, планировка, хронология.

T. V. Egorova

The New Early Hellenistic Farmstead on "Chaika" Settlement and Its Place in Its Structure

Until recently, there were three known private farmhouses, belonging to the second Greek period on the settlement "Chaika". As a result of the excavation works of 2009—2010 in the south-eastern part of the settlement, another (fourth) Greek farmhouse was opened, built after the destruction of the original fortress at the end of the 4th BC. The two periods in existence of this farmhouse are marked by significant rearrangements, which are clearly traced. Its chronology is suggested by numerous amphorae labels and black-glazed pottery of late 4th — first third of the 3rd century BC. So far, the farmhouse owners' craft can hardly be identified, unlike in the case of the other three farmhouse complexes on the "Chaika" settlement. Apparently, they were connected with the winery, which was still functional.

T. V. Egorova

O nouă gospodărie elenistică timpurie de pe cetățuia „Ceaika" și locul acesteia în structura așezării

Până nu demult, pe cetățuia „Ceaika" erau cunoscute trei gospodării private, datate cu cea de-a doua perioadă de ocupație grecească a așezării. În rezultatul lucrărilor din 2009—2010, în partea de sud-est a cetățuii a mai fost dezvelită o gospodărie greacă, a patra la număr, construită după distrugerea cetățuii incipiente la sfârșitul sec. IV î. Hr. În activitatea gospodăriei, pot fi clar evidențiate două perioade, marcate de lucrări considerabile de reconstrucție. Cronologia complexului este argumentată de multiplele descoperiri de material amforistic și ceramică cu firnis negru de la sf. sec. IV — prima treime a sec. III î. Hr. Deocamdată nu putem vorbi despre o oarecare specializare meșteșugărească a locuitorilor acestei gospodării, spre deosebire de alte trei gospodării ale cetățuii „Ceaika". Cel mai probabil, gospodăria era legată de producerea vinului.

Т. В. Егорова

Новая раннеэллинистическая усадьба на городище «Чайка» и ее место в структуре поселения

До недавнего времени были известны три частновладельческие усадьбы, относящиеся ко второму греческому периоду на городище «Чайка». В результате работ 2009—2010 гг. в юго-восточной части городища была открыта еще одна (четвертая) греческая усадьба, построенная после разрушения первоначальной крепости в конце IV в. до н. э. Отчетливо прослеживаются два периода бытования усадьбы, отмеченные существенными перестройками. О ее хронологии можно судить по многочисленным находкам клейменой амфорной тары и чернолаковой керамики конца IV — первая трети III в. до н. э. Пока сложно говорить о какой-либо определенной ремесленной специализации владельцев этой усадьбы, как это было выявлено для трех других усадебных комплексов Чайкинского городища. Очевидно, она была связана с продолжавшей функционировать винодельней.

Античное городище «Чайка» — многослойный памятник, расположенный в окрестностях города Евпатории, в Северо-Западном Крыму. Стационарные раскопки этого поселения проводятся более 50 лет. За это время выявлено три периода пребывания греческого населения на его территории. Первый период — это время существования херсонесской крепости (60-е гг. — конец IV в. до н. э.). Второй связан с возведением частных усадеб

Russian Humanitarian Scientific Fund: "Archaeological research of the antique sites in Evpatoria", №09-01-18028e, 2009 г.; "Investigations of antique monuments in vicinities of Evpatoria", №10-01-18051e, 2010; "Archaeological research of the antique sites around Evpatoria", №13-01-18043. 2013 ■ Fundația umanitară științifică rusă: „Cercetări arheologice ale siturilor antice din Evpatoria", nr. 09-01-18028e, 2009; „Investigarea siturilor din perioada antică în vecinătatea Evpatoriei" nr. 10-01-18051e, 2010; „Studierea arheologică a siturilor antice din împrejurimile Evpatoriei" nr. 13-01-18043. 2013 ■ Российский гуманитарный научный фонд: «Археологические исследования античных памятников в Евпатории», №09-01-18028e, 2009 г.; «Изучение памятников античного времени в окрестностях г. Евпатории», №10-01-18051e, 2010 г. «Археологическое изучение античных памятников окрестностей Евпатории», №13-01-18043. 2013 г.

© *Stratum plus.* Археология и культурная антропология.

© Т. В. Егорова, 2014.

(рубеж IV—III вв. до н.э. — 70—60-е гг. III в. до н.э.). Третий, так называемый поздний греческий период (около середины III в. до н.э. — середина II в. до н.э.) — время упадка городища. Он ознаменован строительством небольших домов и усадеб малой площади (Попова, Коваленко 2005: 98—100; Попова 2007: 28; Егорова 2012: 53).

В данной работе подробнее остановимся на втором греческом периоде. Еще недавно было известно о трех частновладельческих усадьбах этого времени, сконцентрированных в северной половине первоначального поселения. Усадьбы подробно опубликованы (Яценко, Турина 1991: 82—154; Popova, Kovalenko 2001: 205—229; Попова, Коваленко 2005: 31—82). В результате раскопок 2009—2010 гг. в юго-восточной части городища была открыта еще одна (четвертая) греческая усадьба, построенная после разрушения крепости конца IV в. до н.э. (рис. 1). К сожалению, вся ее восточная часть и значительный участок на севере были повреждены раскопками А.Н. Карасева начала 60-х гг. прошлого века, отчеты о которых уже недоступны. Тем не менее, та территория, которая была исследована в последние годы, позволяет делать выводы относительно ее планировки в разные периоды существования и хронологии.

Усадьба имела прямоугольную в плане форму, была ориентирована сторонами по линии север-юг, так же, как и все прочие строительные объекты городища. Реконструируемая площадь ее составляла около 470 м². Абсолютно аналогичные размеры (27,6×17 м) имела усадьба №1 на севере городища (в литературе за ней закрепилось название «Здание III в. до н.э.» (Яценко, Турина 1991: 82—154; Popova, Kovalenko 2001: 206). Отличие состояло в том, что она была вытянута с севера на юг, а не с запада на восток, как последняя, а также, отчасти, в архитектурном заполнении внутреннего пространства (рис. 2; 3: 1).

Весь комплекс был встроен в уже существовавший, но частично разрушенный архитектурный ансамбль. В отличие от северной части городища, здесь, с южной стороны, разрушения крепости не носили такой катастрофический характер. Нет мощных слоев пожаров. Некоторые помещения внутренней застройки раннего периода были просто разобраны, а территория снивелирована перед новым строительством. Например, комплекс помещений Д, перекрытый южной оконечностью усадьбы, и часть помещения 40, ставшая площадью перед въездом в нее. Стены других построек были использованы при ее возведении. В частности, продолжала функционировать винодельня, построенная еще во втором крепостном периоде (Егорова 2011: 74). Усадьба примкнула к ее восточной стене. Сохранилась и северная стена помещений южной оборонительной линии, которая стала южной стеной усадьбы. С осторожностью можно предположить, что в качестве восточной стены была использована западная стена помещений восточной оборонительной линии. Таким образом, усадьба оказалась зажатой в промежуток между винодельней и ранними помещениями южной и восточной оборонительных линий крепости.

Западная стена открыта практически полностью. Основную ее длину, протяженностью около 20 м, составила восточная стена винодельни и помещений 40 и 41 внутренней застройки крепости. Нижние ряды сложены из подтесанных по лицу камней средних размеров в технике двуслойной кладки с элементами регулярности: камни первого ряда поставлены орфостатно, остальные уложены постельно (рис. 4: 1). Ширина кладки — 0,55 м. Южный отрезок западной стены, длиной около 2 м, возведен позже, уже в процессе сооружения усадьбы, продлевая ее до стыка с южной стеной (рис. 1). Об этом свидетельствует тот факт, что его подошва существенно выше подошв других стен. Южная, еще более ранняя стена была не похожа на другие по характеру кладки, поскольку изначально являлась составной частью южной оборонительной линии (рис. 4: 2). Ее цокольная часть была сложена из крупных, хорошо обработанных квадров, уложенных на постель в один ряд, шириной 0,65 м. От северной стены усадьбы открыт лишь небольшой фрагмент фундамента, позволяющий говорить о том, что она строилась одновременно с западной стеной и в той же манере.

Все стены усадьбы, включая внешние, были каменно-сырцовыми, что подтверждается мощными сырцовыми завалами, а также остатками сырцовых кладок в помещении Г1 (рис. 5). Это отличало ее от усадеб 1 и 2, внешние стены которых на всю высоту были сложены из камня (Яценко, Турина 1991: 85; Попова, Коваленко 2005: 35). Прослеживается заметная разница в глубине залегания подошв внешних и внутренних кладок, обусловленная разновременностью их строительства.

Основной вход в усадьбу располагался, видимо, в южной оконечности западной стены и вел не прямо во двор, а огибал западный торец помещений южной линии (рис. 2), в точности так же, как в усадьбе №2 в северо-

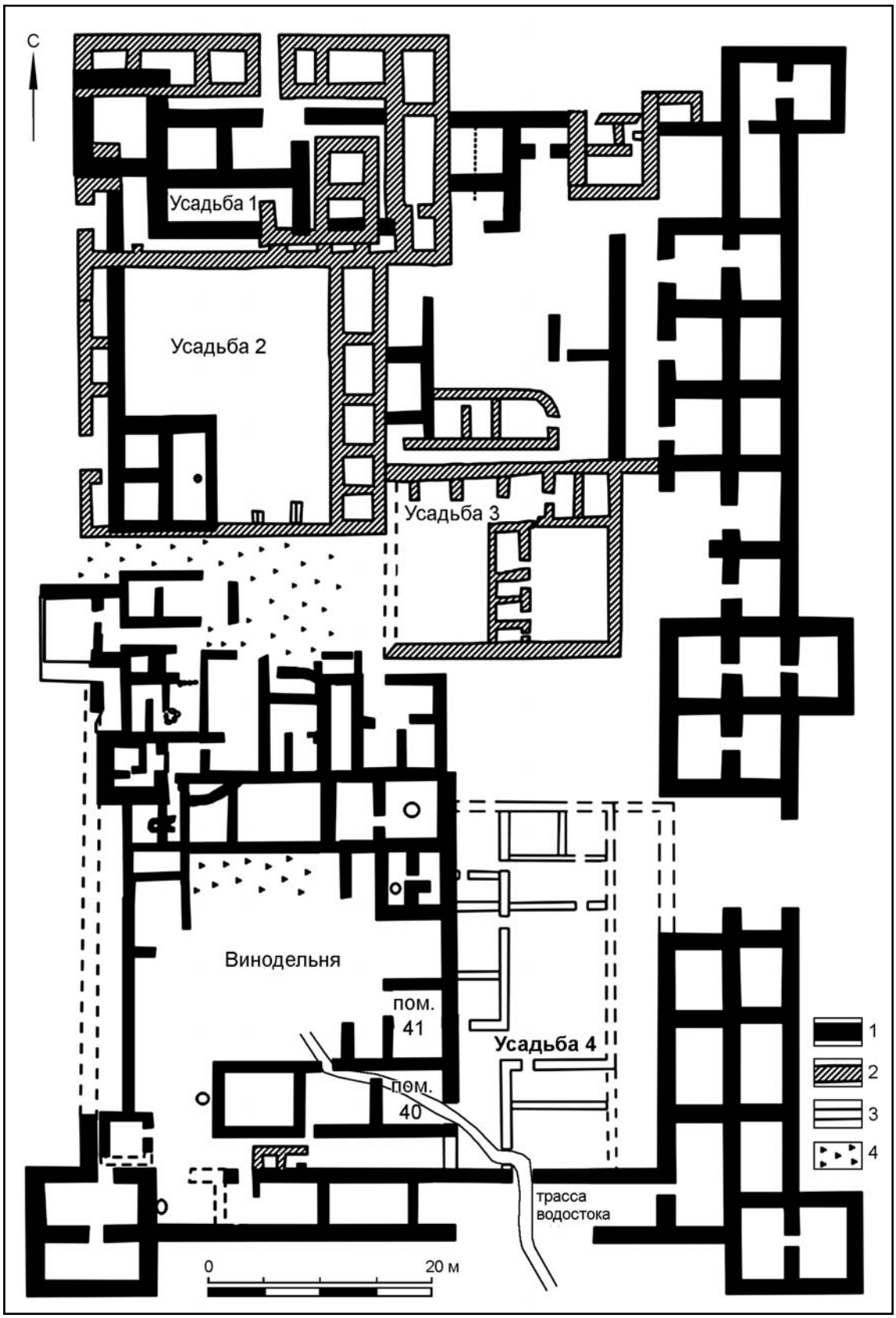

Рис. 1. Общий план греческого поселения «Чайка». 1 — первый строительный период; 2 — второй строительный период; 3 — вновь открытая усадьба 4; 4 — вымостки.

Fig. 1. The general plan of the Greek settlement of "Chaika". 1 — the first construction period; 2 — the second construction period; 3 — the new farmhouse 4; 4 — a square paved with pebble gravel.

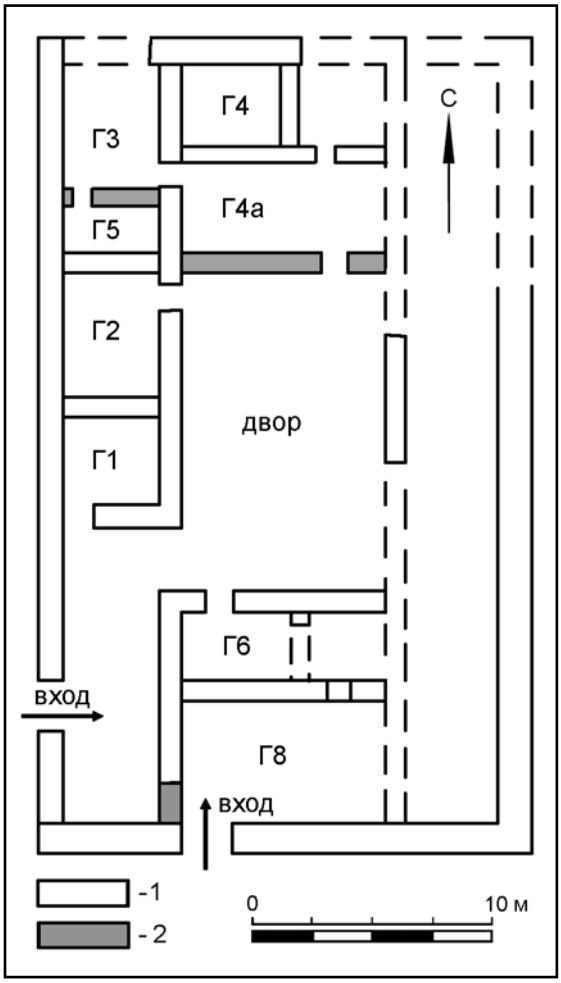

Рис. 2. Схематичный план усадьбы 4. 1 — стены 1-го периода; 2 — стены 2-го периода.

Fig. 2. Schematic plan of farmhouse 4. 1 — walls of the first period; 2 — walls of the second period.

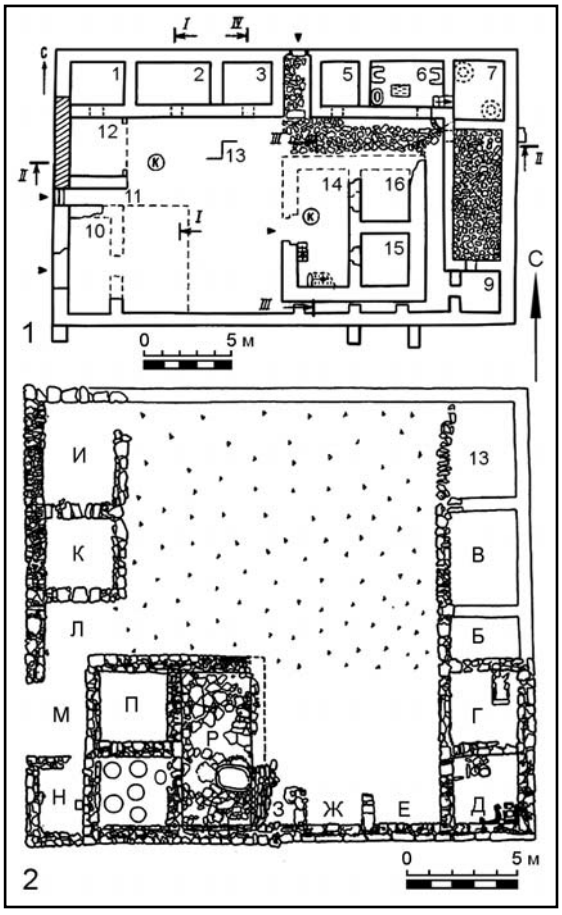

Рис. 3. Планировка усадеб 1 и 2. 1 — схематичный план усадьбы 1 (по Яценко, Турина 1991: 99, рис. 8: 2); 2 — план усадьбы 2 (по Попова, Коваленко 2005: рис. 72).

Fig. 3. Layouts of farmhouses 1 and 2. 1 — schematic plan of farmhouse 1 (after Яценко, Турина 1991: 99, рис. 8: 2); 2 — schematic plan of farmhouse 2 (after Попова, Коваленко 2005: рис. 72).

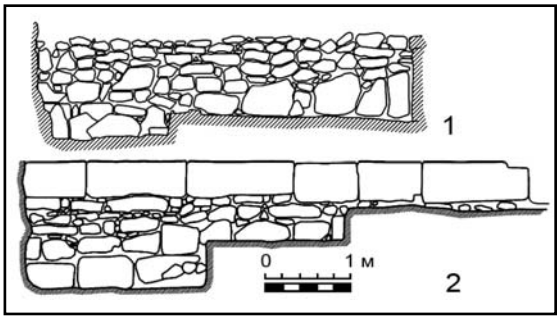

Рис. 4. Профили стен усадьбы 4: 1 — фрагмент западной стены (северная часть); 2 — фрагмент южной стены (восточная часть).

Fig. 4. Profiles of the walls of farmhouse 4: 1 — fragment of the western wall (northern part); 2 — fragment of the southern wall (eastern part).

западной части городища (рис. 3: 2), где он огибал западный торец включенной в нее ранней башни (Попова, Коваленко 2005: 34—35, рис. 72). Отметим, что на южном участке западной стены были устроены и ворота в «Здании III в. до н.э.» (Яценко, Тункина 1991: 99, рис. 8: 2). Четко оформленного проема не прослеживается, так как стена в этом месте сохранилась плохо. Скорее всего, часть стены здесь была намеренно разобрана в тот момент, когда прекратило существование раннее помещение 40, к которому она непосредственно относилась. На месте помещения была организована вымощенная каменной крошкой площадь перед усадебными воротами (Яценко 1978: 145, 148).

Еще один вход зафиксирован в южной стене усадьбы. Ранее это был южный въезд в городище. Теперь проем вел в помещение Г8, вымощенное плоскими плитами средних размеров (рис. 2; 6). Ширина его существенно уменьшилась (до 1,5 м), но, тем не менее, позволяет предположить здесь наличие ворот. Аналогичные ворота были зафиксирова-

Рис. 5. Помещение Г1. Вид с юга (фото автора).

Fig. 5. Room Г1. View from the south (photo by the author).

Рис. 6. Помещение Г6. Вид с запада (фото автора).

Fig. 6. Room Г6. View from the west (photo by the author).

ны в «Здании III в. до н. э.». Они располагались недалеко от западного входа в усадьбу и вели напрямую в вымощенное камнем хозяйственное помещение, предположительно хлев или конюшню (Яценко, Тункина 1991: 99, рис. 8: 2). Отдельный выход в наружной стене имело также одно из помещений усадьбы на наделе 10 Гераклейского полуострова,

Рис. 7. Двор усадьбы 4. Вид с юга (фото автора).

Fig. 7. Courtyard of farmhouse 4. View from the south (photo by the author).

Рис. 8. Желоб водостока. Фрагмент с перекрытием. Вид с востока (фото автора).

Fig. 8. Gutter. Fragment with cover. View from the east (photo by the author).

Рис. 9. Желоб водостока к югу от усадьбы 4. Вид с северо-запада (фото автора).

Fig. 9. Gutter to the south of farmhouse 4. View from the northwest (photo by the author).

которое И.Т. Кругликова рассматривала как хлев (Кругликова 1983: 44—46, рис. 2: 1).

Отчетливо прослеживаются два периода бытования усадьбы (рис. 2). К первому относятся 8 исследованных помещений. Во втором периоде их количество увеличилось за счет перепланировки уже существующих и строительства новых, что повлекло за собой уменьшение площади двора. Кроме того, во втором периоде подавляющее число помещений подверглось капитальному ремонту: были подняты уровни полов, изменились функциональное назначение и размеры комнат, одна из которых была разделена на две поперечной стеной. К сожалению, комплекс датирующих находок не позволяет нам уточнить абсолютную хронологию этих перестроек.

Планировочным центром усадьбы был двор, целиком вымощенный каменной крошкой и мелкими необработанными камнями (рис. 7). В первый период его площадь составляла около 94 м², но была уменьшена после перестроек до 75 м². Сохранились значительные фрагменты вымостки, которая, судя по всему, неоднократно ремонтировалась и подновлялась. К югу ее уровень заметно поднимался. Вероятно, это было связано с тем, что в раннее время здесь существовал большой водосток, перекрытие которого было частично в нее включено. В результате исследования, проведенного в 2013 году, было выяснено, что построенный в конце крепостного периода водосток функционировал на протяжении всего времени существования усадьбы, то есть до конца первой трети III в. до н.э. Это связано с продолжением работы винодель-

Рис. 10. Помещение Г2, 1 период. Вид с севера (фото автора).

Fig. 10. Room Г2, period 1. View from the north (photo by the author).

ни, из двора которой отводилась лишняя влага (зафиксирован общий уклон стока к юго-востоку). На рубеже IV и III веков до н. э., одновременно со строительством усадьбы, он был вычищен и отремонтирован. Однако его конструкция не претерпела существенных изменений. В той части, которая проходила под усадьбой, он представлял собой квадратный в разрезе желоб (ширина и высота стока — 0,4 м), обложенный по краям вертикально установленными плоскими подтесанными камнями (рис. 8). Желоб перекрыт большими (0,6×1 м) хорошо обработанными и подогнанными друг к другу плитами, уложенными в два ряда. Водосток проходил под юго-западным углом усадьбы и вел через южные ворота за ее пределы, где зафиксировано его продолжение (рис. 9). Это был треугольный в сечении желоб той же глубины (0,4 м), выложенный плоскими камнями небольших размеров. Длина сохранившегося фрагмента составляет 3,5 м. Сориентирован он был по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток и отводил воду в сторону от входа. В усадебное время эта часть водостока была также подновлена. В частности, стенки обкладки были надстроены мелкими камнями, на которые легли плоские плиты перекрытия. Тем самым, была увеличена глубина желоба и поднят его верхний край до дневной поверхности следующего периода.

Со всех сторон двор был окружен помещениями. Причем южная линия состояла из двух рядов помещений (рис. 2). Такая планировка не является необычной. Аналогии можно найти как в Северо-Западном Крыму, так и в других районах Северного Причерноморья. Это усадьба у бухты Ветреной, одна из усадеб (У-7) Панского, некоторые жилые комплексы Ольвии, Херсонеса и Керкинитиды (Крыжицкий 1993: 162, 163, 166; Hennestad, Stolba, Sceglov 2002: pl. 7; Буйских 2008: 74, рис. 71).

Восточный ряд помещений не исследован, но о его существовании свидетельствует стена в восточном борту раскопа с четко оформленным дверным проемом стандартного размера (рис. 7).

Западная линия состояла из помещений, на раннем этапе своего существования заглубленных относительно уровня двора на 0,3—0,4 м. Два из них (помещения Г2 и Г3/Г5) выходили непосредственно во двор.

Рис. 11. Помещение Г3/Г5, северная часть, 1 период. Вид с севера (фото автора).

Fig. 11. Room Г3/Г5, the northern part, period 1. View from the north (photo by the author).

Помещение Г1, площадью 7,5 м², было южным в западной линии. Дверной проем зафиксирован в западной части южной стены. Стены изнутри покрыты толстым слоем глиняной обмазки, выкрашенной в белый цвет (рис. 5). Пол глинобитный. В северо-восточном углу устроена печь. Каких-либо перестроек за время его использования не зафиксировано.

В помещении Г2, площадью около 12 м², выявлено два уровня бытования. На раннем этапе оно выполняло функции хозяйственного, о чем свидетельствуют наличие печи у восточной стены и каменной загородки в юго-западном углу (рис. 10). Перед топочной камерой печи, размером 0,5×0,9 м, располагалось углубление в полу, заполненное золой и углем. Обмазка углубления была прокалена. В слое разрушения печи, к югу от нее, зачищен развал лепного горшка. Каменная хозяйственная загородка в юго-западном углу очень хорошо сохранилась. Ее размеры: длина — 1,4 м, ширина — 0,8 м, высота — 0,3 м. Стенка сложена из мелких плоских необработанных камней в один ряд в ширину и сохранилась на пять рядов в высоту. О том, что изначально она была выше как минимум на шесть рядов, свидетельствуют камни, упавшие со стенки и так и оставшиеся лежать около нее. Пол вокруг загородки отличался от пола на остальной площади помещения. Это была прямоугольная площадка утоптанной глинисто-золистой массы, тогда как остальной пол представлял собой намазку из плотного суглинка.

После перестройки хозяйственная загородка и печь перестали функционировать, полы были существенно подняты. Новый уровень отмечен развалами и скоплениями керамики. В северной части восточной стены помещения зафиксирован дверной проем, шириной 0,90 м, выходивший во двор. С юга проем был оформлен хорошо отесанным торцовым камнем правильной формы.

Далее к северу располагалось помещение Г3/Г5, первоначальной площадью около 17 м². В центре восточной стены находился дверной проем шириной 0,9 м. Порог сложен из нескольких плоских камней. Два камня перед ним, внутри помещения, служили ступенями, поскольку уровень порога был на 0,4 м выше уровня пола. Пол отмечен скоплением керамики перед ступенями. Учитывая наличие печи у восточной стены и остатков глиняного стола перед ней, можно предположить его хозяйственное назначение (рис. 11). Впоследствии помещение перестраивается, разделяясь на две неравных

Рис. 12. Строительные остатки северной линии помещений. Вид с востока (фото автора).

Fig. 12. Construction remains of the northern line of the premises. View from the east (photo by the author).

по площади комнаты — Г5 (4,62 м²) и Г3 (12 м²). Разграничившая их стена отличается от остальных стен комплекса. Она сложена из мелких, слегка подтесанных «по лицу» камней, плоских или неправильной формы, в технике двуслойной иррегулярной кладки (рис. 11). В западном окончании стены располагался дверной проем, шириной 0,7 м, который вел в помещение Г5, не имевшее отдельного выхода во двор. Жилой уровень в обоих помещениях существенно поднялся (до уровня вымостки двора). По планировке и размерам, а также по находкам, сделанным на полах, в частности, обнаруженному очажному пятну в одном помещении и пряслицу в другом, можно предположить, что после перестройки они стали функционировать как комплекс из жилой комнаты и связанной с ней кухни.

Северная линия строений сохранилась гораздо хуже. Одна часть ее была прорезана шурфом А. Н. Карасева. От этих помещений остались лишь отдельные фрагменты стен и нижние уровни полов. Другая часть перекрыта не снятыми пока поздними строительными остатками (рис. 12). В помещении Г4 выявлен ранний уровень пола усадебного периода, свидетельствующий о его заглубленности. Он был отмечен столиком, располагавшимся у южной стены, сложенным из сырцовых кирпичей и перекрытым целой, частично растрескавшейся, черепицей херсонесского производства (рис. 13: 1). Позже, в северо-восточном углу из мелких и средних камней выкладывается небольшая прямоугольная каменная загородка. Слои второго периода (подходящие к загородке) сняты А. Н. Карасевым. Дверной проем, выводивший во двор, по-видимому, располагался в восточной оконечности южной стены и не сохранился.

По результатам последних исследований можно утверждать, что в начальный период существования усадьбы помещение Г4 выходило непосредственно во двор, который, таким образом, ограничивался с севера одним рядом помещений. Позже, в продолжение линии северной стены помещения Г2, непосредственно на ранней вымостке двора была возведена стена, отгородившая его часть, образовавшую еще один ряд строений (помещение Г4а). Они были вымощены каменной крошкой и мелкими камнями, соединялись с двором дверным проемом в восточном отрезке стены и несли, по-видимому, определенную хозяйственную функцию. Это подтверждают находки — в первую очередь, каменные детали (рис. 13: 2—9). В помещении Г4а, у входа в помещение Г3, лежали фрагмент каменной ступы и хорошо отесанный камень с углублением для установки деревянного упора (рис. 13: 4, 7). Рядом зачищен фрагмент каменного корыта, размерами 0,28 × 0,24 м, с надписью на ручке: ΣΥ (рис. 13: 9). В юго-восточной части располагался столик, сделанный из перевернутого каменного тарапана, размером

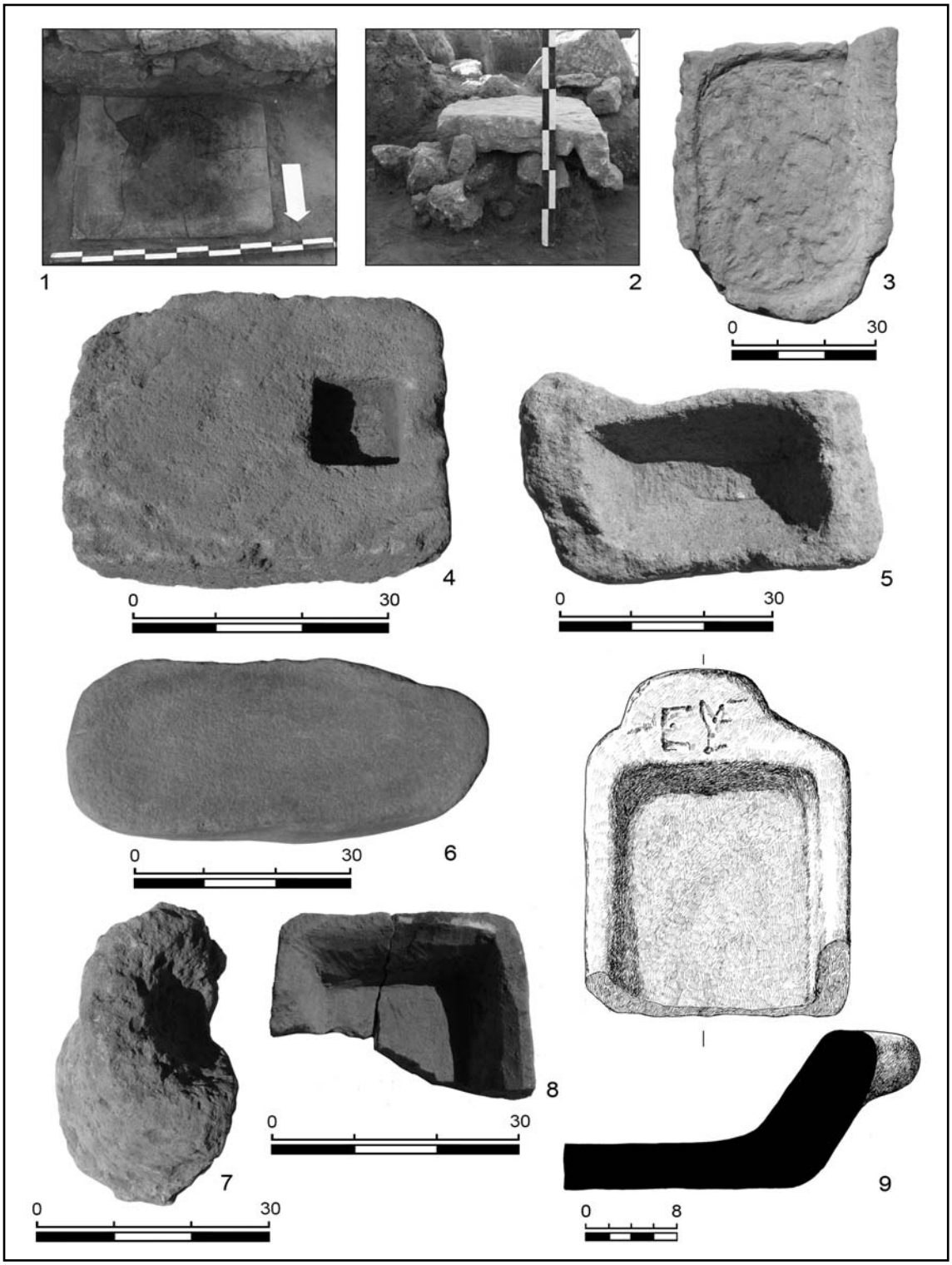

Рис. 13. Находки из усадьбы 4: 1 — столик, перекрытый черепицей; 2 — столик из каменного тарапана; 3 — каменный тарапан; 4 — камень с углублением для деревянного упора; 5, 8, 9 — фрагменты каменных сосудов; 6 — зернотерка; 7 — ступа.

Fig. 13. Finds from farmhouse 4: 1 — table, covered with a tile; 2 — table from stone wine press; 3 — stone wine press; 4 — stone with a recess for the wooden stop; 5, 8, 9 — fragments of stone vessels; 6 — graters; 7 — mortar.

0,60×0,40 м, с невысоким бортиком (рис. 13: 2, 3). Рядом в скоплении камней найдена нижняя часть зернотерки и фрагменты каменных сосудов (рис. 13: 5, 6, 8).

На юге усадьбы располагались два ряда строений. Непосредственно во двор выходило помещение Г6 (рис. 14). Оно состояло из двух комнат, стена между которыми почти не сохра-

Рис. 14. Помещения Г6 и Г8. Вид с юга (фото автора).

Fig. 14. Rooms Г6 and Г8. View from the south (photo by the author).

нилась. Площадь западной комнаты составляла 6,6 м². Скорее всего, она была жилой. В северо-западном углу стояла прямоугольная печь, со стенками из обгоревших сырцовых кирпичей, слегка заглубленных ниже уровня пола, и таким же кирпичом на дне. Восточная комната, разрушенная гораздо сильнее, исследована не полностью. Можно уверенно говорить о том, что эти помещения не перестраивались до момента разрушения усадьбы, в отличие от соседнего с ними помещения Г8. Оно примыкало к южной стене усадьбы и имело отдельный выход непосредственно за ее пределы (рис. 6). В раннее время в его западной стене располагался еще один дверной проем шириной 1,40 м. Впоследствии он был заложен некрупными камнями, подошва которых на 0,10—0,15 м выше подошвы стены. Пол здесь был вымощен плоскими плитами. Выявлено два уровня вымостки. Второй сохранился гораздо лучше. Одновременно с его сооружением был заложен широкий западный вход. Можно предположить, что это помещение предназначалось для содержания скота, так же, как уже упомянутые аналогичные строения в усадьбе 1 Чайкинского городища и надела 10 на Гераклейском полуострове. Об этом свидетельствует отдельный выход, упрощающий выгон скота на пастбище, большая площадь помещения и каменная вымостка.

Значительная часть исследованных помещений выполняла, очевидно, хозяйственные функции, т. е. предназначалась для приготовления пищи или обработки разного рода продуктов, о чем свидетельствуют сделанные в них находки: фрагменты каменных сосудов, костяные проколки, глиняные пряслица, бронзовый пинцет с изогнутыми, разведенными концами, красноглиняная фляга (рис. 15; 19: 1). В помещениях западной линии среди всего археологического материала большой процент составляет лепная керамика и фрагменты гончарных кастрюль. Жилые комнаты, кроме тех, о которых уже упоминалось, могли располагаться либо по неоткрытой восточной линии, либо на вторых этажах. Возможность существования последних, при наличии сырцовых стен шириной 0,40—0,50 м, давно не подвергается сомнению (Попова, Коваленко 2005: 56—57; Буйских 2008: 95—96; Егорова 2012: 53 и др.).

О хронологии усадьбы 4 можно достаточно уверенно судить по многочисленным находкам амфорных клейм и чернолаковой керамики. Наиболее информативными являются керамические клейма. Подавляющее большинство — это клейма на херсонесских амфорах (19 из 26). Они же наиболее информативны в плане датировок (табл. 1). Из них всего два клейма относятся к группе 1А по классификации В. И. Каца и датируются 325—315 гг.

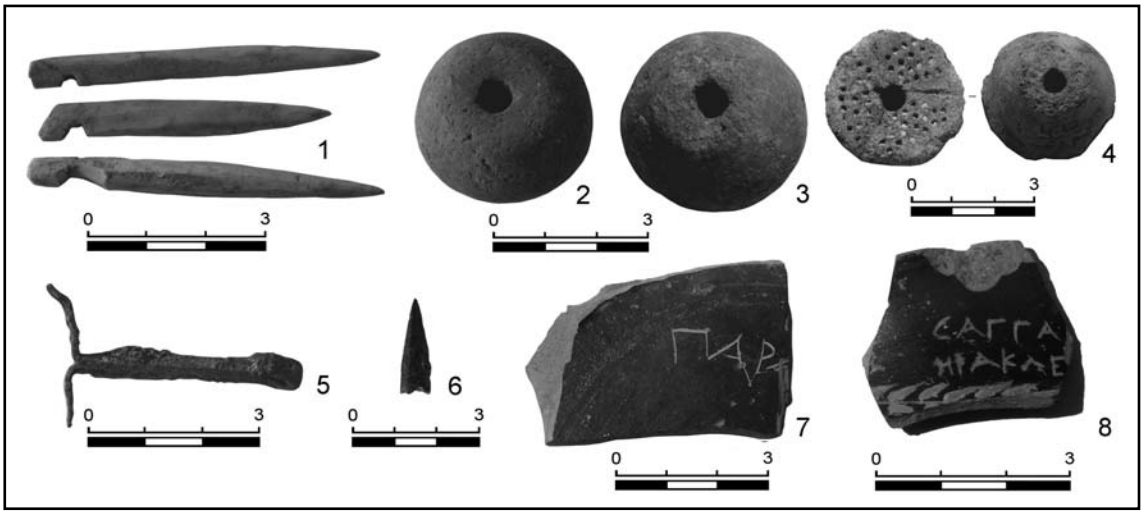

Рис. 15. Находки из усадьбы 4: 1 — костяные проколки; 2—4 — глиняные пряслица; 5 — пинцет бронзовый; 6 — наконечник стрелы бронзовый; 7—8 — фрагменты чернолаковой керамики с граффити.

Fig. 15. Finds from farmhouse 4: 1 — bone awls; 2—4 — clay whorls; 5 — bronze pincette, 6 — bronze arrowhead; 7—8 — fragments of black-glazed pottery with graffiti.

до н.э. (Кац 1994: 76). Оба эти клейма найдены в нижнем слое усадьбы и могли попасть туда в результате ее строительства из более ранних слоев. Одно клеймо относится к группе 1Б и датируется 315—300 гг. до н.э. (Кац 1994: 76). Остальные — это группы 1В и 2А, соотносящиеся с периодом от 300 до 272 гг. до н.э. (Кац 1994: 76). Клейма на синопской черепице дают более раннюю дату. Однако мы не можем положиться на них в полной мере как на датирующий материал из-за длительности их использования, в том числе и вторичного, что подтверждается неоднократными находками ранних синопских черепичных клейм в поздних слоях городища (Попова, Коваленко 2005: 107). Остальные клейма не читаются. В том числе, два энглифических клейма на горлах гераклейских амфор, одно из которых ретроградное.

Таким образом, набор керамических клейм определенно указывает на последнее десятилетие IV — первую треть III вв. до н.э. как на время бытования усадьбы 4. В эти же хронологические рамки укладывается и комплекс столовой чернолаковой посуды. Из первого уровня бытования помещения Г8 происходит полный профиль миски с загнутым внутрь краем со штампованным орнаментом на дне конца IV в. до н.э. (рис. 20: 12) (Rotroff 1997: 339, fig. 62, pl. 146: 966; Егорова 2009: 115, рис. 20: 277). В слое разрушения усадьбы найдены аттический каннелированный канфар (рис. 20: 1), датирующийся по пропорциям концом первой четверти III в. до н.э. (Rotroff 1984: 349—350; 1997: 244, fig. 5: 28; 2005: 12; Егорова 2009: 25—26) и фрагментированное рыбное блюдо (рис. 20: 17) рубежа IV—III вв. до н.э. (типа Rotroff 1997: 316, fig. 50: 714). К тому же времени относятся почти полный профиль аттической миски с отогнутым наружу краем (рис. 20: 10) (Rotroff 1997: 328, fig. 59: 872) и миски с загнутым внутрь краем (рис. 20: 11) (типа Rotroff 1997: 339, fig. 62, pl. 146: 970, 972). Эти датировки абсолютно соотносятся с хронологией усадеб городища, исследованных ранее (Попова, Коваленко 2005: 52—54, 71—72).

Прочие категории находок не противоречат полученной дате. Статистический анализ показывает, что, как обычно, превалируют фрагменты красноглиняных амфор из Херсонеса, Синопы, Гераклеи, Фасоса, Амастрии и различных средиземноморских центров (рис. 16; 17). Их около 50%. Профильные фрагменты херсонесских амфор относятся к типам I-А-3, I-А-4, I-Б и II-А по классификации С.Ю. Монахова, хронология которых укладывается в пределы от последней четверти IV в. до н.э. до середины III в. до н.э. (Монахов 1989: 72, табл. III—XIII). Амфоры Синопы представлены одним из самых распространенных типов — II-С, бытовавшим с конца IV до последней четверти III вв. до н.э. (Монахов 2003: 150, табл. 102). Наиболее интересной находкой является верхняя часть херсонесской амфоры с клеймами на обеих ручках (рис. 16: 2). На одной поставлено монограммное клеймо АΔ, на другой — клеймо агораномa Аполлония, сына Пасиада. Первое причисляется В.И. Кацем к хронологической группе 1В и датируется 300—285 гг. до н.э. (Кац 1994: 119, табл. CI: 2А-10-2). Второе — к сле-

Таблица 1.

Каталог клейм из усадьбы 4 городища «Чайка»

ХЕРСОНЕС			
Магистратские клейма			
№ п/п	**Легенда**	**Место находки**	**Датировка**
1	[ΗΡΟ]ΝΙΚΟ[Υ] [ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ]	№680/2009, помещение Г3/Г5, 1 период усадьбы	325—315 гг. до н.э. Группа 1А (Кац 1994: 98, №57)
2	ΚΡΑΤΩ[ΝΟΣ] ΑΣΤΥΝ[ΟΜΟΥ]	№662/2010, помещение Г8, 1 период усадьбы	325—315 гг. до н.э. Группа 1А (Кац 1994: 101, №68)
3	ΑΙΣΧΙΝΑ ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ	№315/2009, двор усадьбы	315—300 гг. до н.э. Группа 1Б (Кац 1994: 85, №7)
4	ΗΕΡΟΔΟΘ ΑΣΤΥΝΟ	№356/2010, помещение Г6, 1 период усадьбы	300—285 гг. до н.э. Группа 1В (Кац 1994: 96—97, №54)
5	[ΗΡ]ΔΟΤΟΥ [ΑΣΤ]ΥΝΟ(ΜΟΥ){ΤΥΦ}	№223/2009, двор усадьбы	300—285 гг. до н.э. Группа 1В (Кац 1994: 96—97, №54)
6	ΗΡΟΔΟ(ΤΟΥ){ΑΘΑ} ΑΣΤΥΝΟ(ΜΟΥ)	№214/2010, двор усадьбы	300—285 гг. до н.э. Группа 1В (Кац 1994: 96—97, №54)
7	ΗΡΕΑΑ[ΣΤΥΝΟ] ΜΟΥΝΤ[ΟΣΔΑΜ]	№212/2010, двор усадьбы	300—285 гг. до н.э. Группа 1В (Кац 1994: 96—97, №51)
8	ΠΟΛΙΣ[ΤΡΑΤΟΣ] {ΣΤΡ}ΑΣΤΥ[ΝΟΜΟΥ]	№253/2009, двор усадьбы	300—285 гг. до н.э. Группа 1В (Кац 1994: 108, №95)
9	[ΠΟΛΙ]ΣΤΡΑ[ΤΟΣ] [{ΣΤΡ}ΑΣ] ΤΥΝ[ΟΜΟΥ]	№267/2009, двор усадьбы	300—285 гг. до н.э. Группа 1В (Кац 1994: 108, №95)
10	[Φ]ΙΛΙΠ[ΠΟΥ] ΑΣΤ[ΥΝΟΜΟΥ]	№201/2010, двор усадьбы	300—285 гг. до н.э. Группа 1В (Кац 1994: 114, №121)
11	ΑΓΑ[ΘΟΝ] ΓΝΑ[ΤΟΝΟΣ] ΑΣΤ[ΥΝΟΜΟΝ]	№331/2010, помещениеГ6, 1 период усадьбы	285—272гг. до н.э. Группа 2А (Кац 1994: 83, №1)
12	[ΑΓΑ]ΘΟΝ [ΓΝΑΘ]ΟΝΟΣ [ΑΣΤΥΝΟΜ]ΟΝ	№658/2009, помещение Г3, 2 период усадьбы	285—272 гг. до н.э. Группа 2А (Кац 1994: 83, №1)
13	[ΑΓΑ]ΘΟΝ [ΓΝΑΘ]ΟΝΟΣ [ΑΣΤΥΝΟΜ]ΟΝ	№172/2009, двор усадьбы	285—272 гг. до н.э. Группа 2А (Кац 1994: 83, №1)
14	ΑΠΟΛΛΑ ΧΟΡΕΙΟΥ ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ	№213/2010, двор усадьбы	285—272 гг. до н.э. Группа 2А (Кац 1994: 86, №11)
15	ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΠΑΣΙΑΔΑΑΓΟΡ	№94/2010, двор усадьбы	285—272 гг. до н.э. Группа 2А (Кац 1994: 90, №25)
16	ΝΕ[ΥΜΗΝΙΟ] ΦΙΛΙ[ΣΤΙΟΥ] [ΑΣ]Τ[ΥΝΟΜ]	№478/2010, помещение Г6, 1 период усадьбы	285—272 гг. до н.э. Группа 2А (Кац 1994: 105, №81)
17	ΠΡΥΤΑΝΙΟΣ ΤΟΥΑΡΙΣΤΩΝΟΣ ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ	Солен, №653/2010, двор усадьбы	285—272 гг. до н.э. Группа 2А (Кац 1994: 109, №99)
Немагистратские клейма			
18	{ΠΑ} ΣΙΑ←	№729/2010, помещение Г8, 1 период усадьбы	315—272 гг. до н.э. Группа 1Б, В; 2А. (Кац 1994: 125, №33)
19	{ΔΑ}	№671/2010, двор усадьбы	300—285 гг. до н.э. Группа 1В (Кац 1994: 119, №10)
20	ΔΑ ←	№94/2010, двор усадьбы	300—285 гг. до н.э. Группа 1В (Кац 1994: 119, №10)
СИНОПА			
21	ΗΦΑ[ΙΣΤΙΟ] ΑΣ[ΤΥΝΟ] ΜΑΝΕΩ эмблема не видна, солен	№ 363/2009, помещение Г4а, 2 период усадьбы	370—362 гг. до н.э. (Fedoseev 1999: 32, №68)
22	[ΗΦΑΙΣΤΙΟ] ΑΣΤΥΝΟ ΜΑΝΕ[Ω] орел на дельфине, солен	№56/2010, двор усадьбы	370—362 гг. до н.э. (Fedoseev 1999: 32, №68)
23	ΗΦΑΙ[ΣΤΙΟ] ΑΣΤ[ΥΝΟ] ΜΑΝ[ΕΩ] эмблема не видна, солен	№57/2010, двор усадьбы	370—362 гг. до н.э. (Fedoseev 1999: 32, №68)
24	Не восстановлена	№630/2010, помещение Г8, 2 период усадьбы	

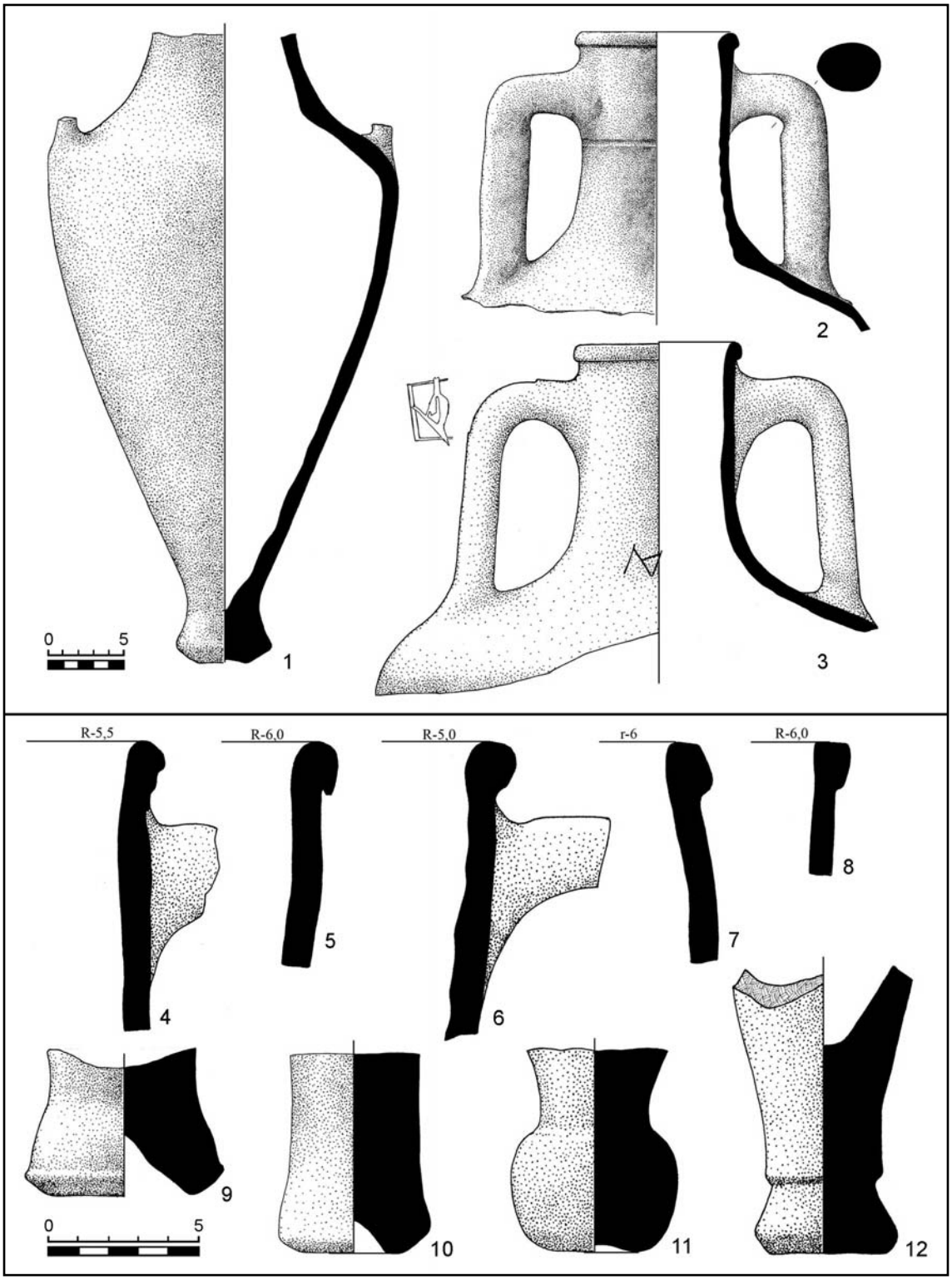

Рис. 16. Фрагменты амфорной тары: 1—3, 5, 6 — Херсонес; 4 — Амастрия; 7, 9, 10 — Гераклея; 8 — Фасос; 11, 12 — средиземноморский центр.

Fig. 16. Fragments of amphorae: 1—3, 5, 6 — Chersonesos; 4 — Amastris; 7, 9, 10 — Heraclea; 8 — Thasos; 11, 12 — Mediterranean centre.

дующей хронологической группе 2А, датирующейся 285—272 гг. до н.э. (Кац 1994: 90, табл. XI: 1-25-1). Правда, В.И. Кац отмечает, что второе следует относить к началу подгруппы, то есть ближе к 285 г. до н.э. (Кац 1994: 57).

Примерно четверть от всего керамического комплекса составляют фрагменты красногли-

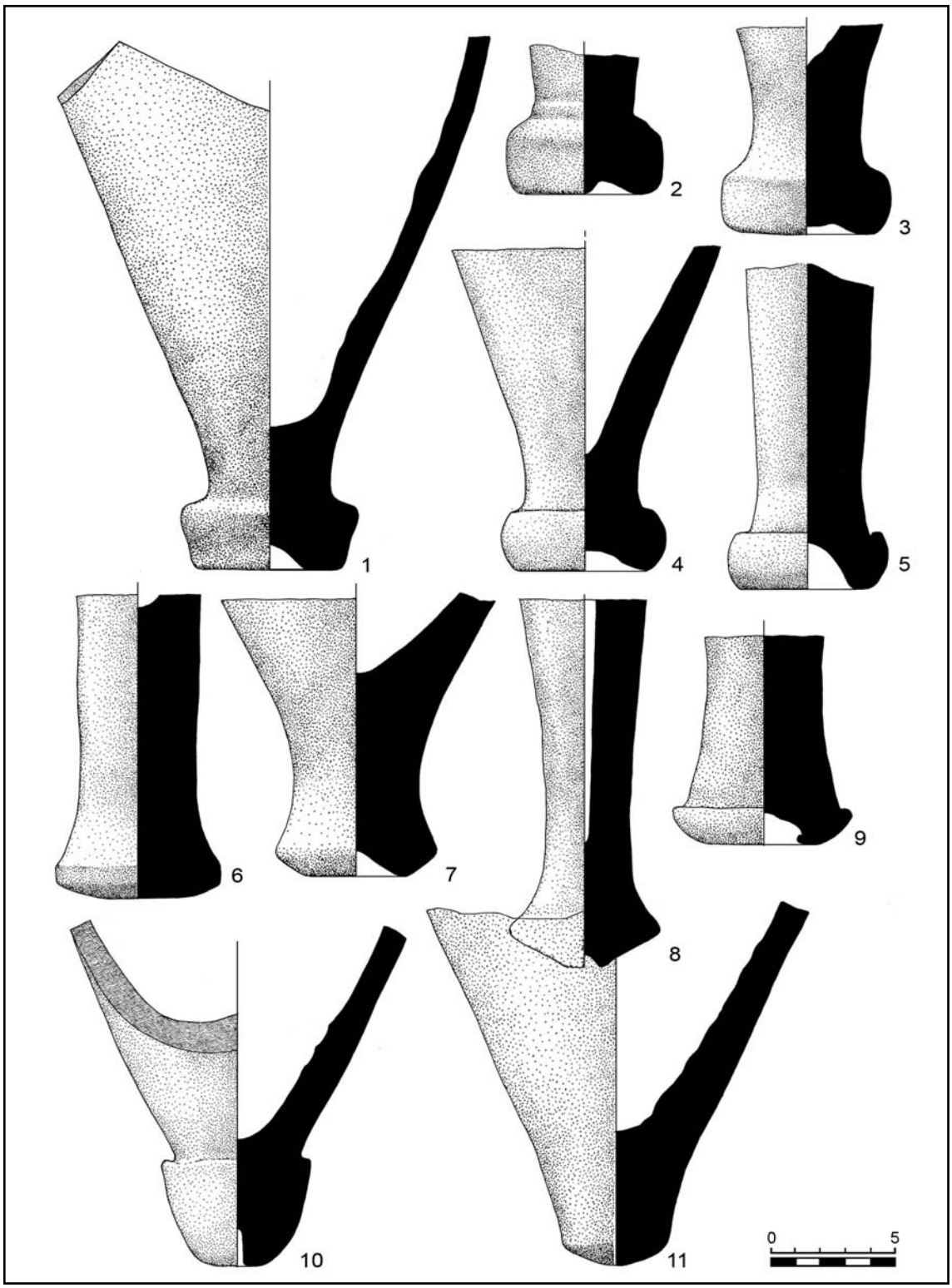

Рис. 17. Фрагменты амфорной тары: 1—9 — ножки херсонесских амфор; 10 — ножка амфоры круга Коса; 11 — ножка синопской амфоры.

Fig. 17. Fragments of amphorae: 1—9 — feet of Chersonesos amphorae; 10 — foot of a Kos circle amphora; 11 — foot of a Sinopa amphora.

няной столовой посуды (рис. 18; 19). Главным образом, это миски и кувшины херсонесского производства, иногда с линейным орнаментом или росписью красной краской, среди которой отметим несколько основных мотивов: растительный, включающий «елочку» и плющевую гирлянду; точки, которые могут являться составной частью растительного ор-

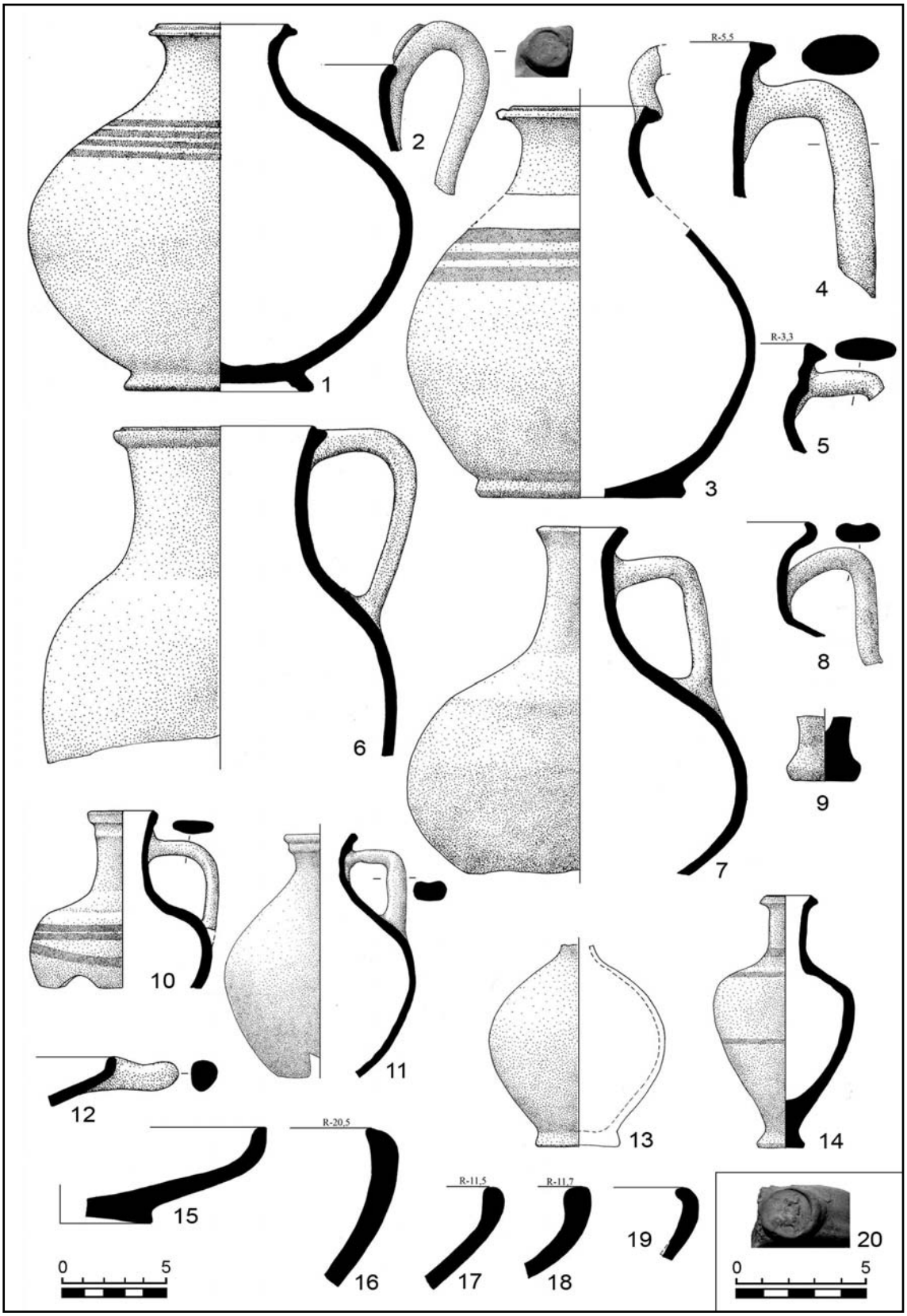

Рис. 18. Красноглиняная керамика: 1, 3—6, 11 — фрагменты херсонесских кувшинов; 2, 20 — фрагменты средиземноморских кувшинов; 7, 8, 10 — фрагменты херсонесских лекифов; 9 — ножка амфориска; 12, 15—19 — фрагменты херсонесских мисок; 13, 14 — флаконы.

Fig. 18. Red clay pottery: 1, 3—6, 11 — fragments of Chersonesos jugs; 2, 20 — fragments of Mediterranean jugs; 7, 8, 10 — fragments of Chersonesos lekythos; 9 — stem of amphoriskos; 12, 15—19 — fragments of Chersonesos bowls; 13, 14 — unguentariumes.

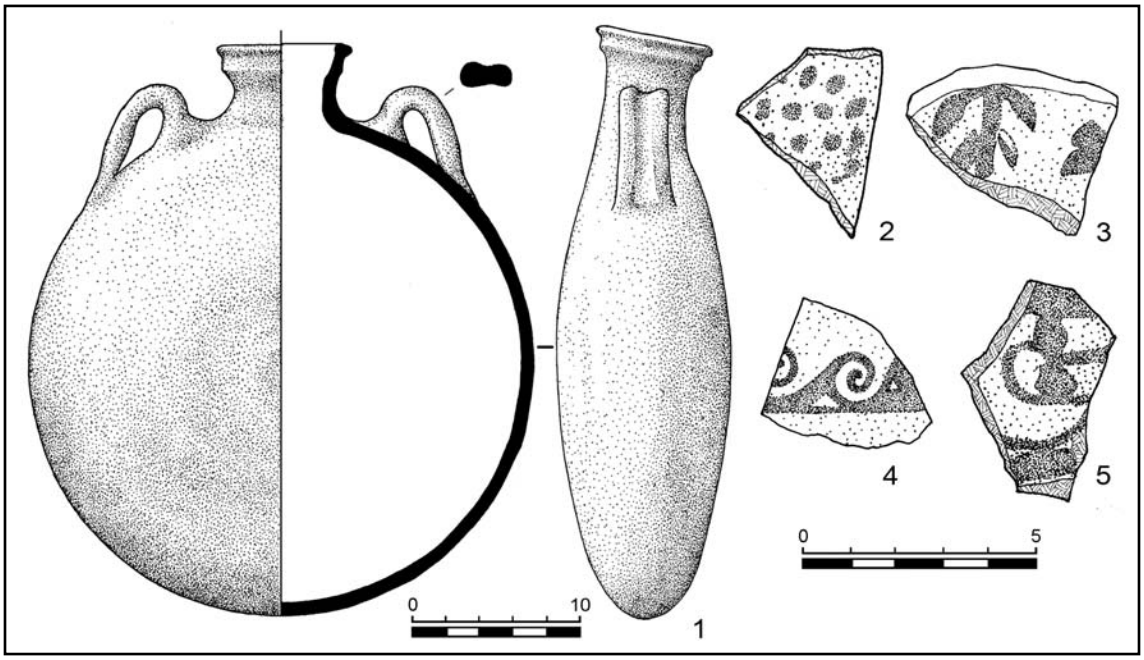

Рис. 19. Красноглиняная керамика: 1 — фляга; 2—5 — фрагменты стенок кувшинов с росписью красной краской.

Fig. 19. Red clay pottery: 1 — flask; 2—5 — fragments of walls of red painted jags.

намента, а также «волну» (рис. 19: 2, 3, 4, 5). Отметим два оттиска одного перстня на ручках средиземноморских кувшинов (рис. 18: 2, 20). На них просматривается изображение всадника. На стенке одного херсонесского кувшина сохранился фрагмент дипинто: NIKO, Δ. Кроме упомянутых красноглиняных форм, встречаются фрагментированные лекифы, флаконы и амфориски.

Чернолаковой столовой керамики найдено немного, только 3%. Но это, как отмечено выше, одна из наиболее информативных в плане датирования категорий вещей. Она представлена самыми распространенными в эллинистических слоях формами аттического производства (рис. 20). Это канфары классические и эллинистические, миски разных типов, солонки, тарелки и рыбные блюда. Интересна находка полного профиля сероглиняного блюда с черным покрытием предположительно херсонесского производства (рис. 20: 18). Аналогичное блюдо происходит из помещения конца IV — первой половины III в. до н. э. одной из усадеб у Евпаторийского маяка (Егорова 2009: 176, рис. 50: 759). На нескольких фрагментах сохранились граффити (рис. 15: 7, 8). В частности, на стенке чернолаковой тарелки с насечками читается часть слова: ΠΑΡΑ, что чаще всего интерпретируется как начало имени. Фрагмент надписи из четырех букв: […]ΡΟΔΟ[…] на венчике классического канфара, также можно реконструировать как часть имени Геродот, иногда встречающегося на херсонесских клеймах. Но отдельного упоминания заслуживает надпись, сделанная также на венчике канфара (рис. 15: 8):

ΣΑΓΓΑ[…]
ΗΡΑΚΛΕΟ[…]

По определению С. А. Коваленко имя дедиканта на этом граффито может с уверенностью восстанавливаться как ΣΑΝΓΑΡΙΟΣ = ΣΑΓΑΡΙΣ. В последней форме оно известно в Ольвии, Истрии и Пантикапее исключительно в материалах IV в. до н. э. В Херсонесе и на его хоре это имя до сих пор не встречалось. ΣΑΓΑΡΙΣ по-гречески еще значит «скиф» или «скифская секира» (обоюдоострая), так что вероятна скифская этимология имени и скифское происхождение дедиканта. Парадная столовая посуда, к которой относился чернолаковый канфар с надписью, по всей видимости, могла принадлежать только хозяину дома. Это поднимает многие вопросы, связанные с этнической принадлежностью населения дальней хоры Херсонесского государства в конце IV — начале III в. до н. э., требующие отдельного исследования за рамками данной статьи [1].

[1] Выражаю глубокую признательность канд. ист. наук С. А. Коваленко (ГМИИ им. А. С. Пушкина) за консультацию по данному вопросу.

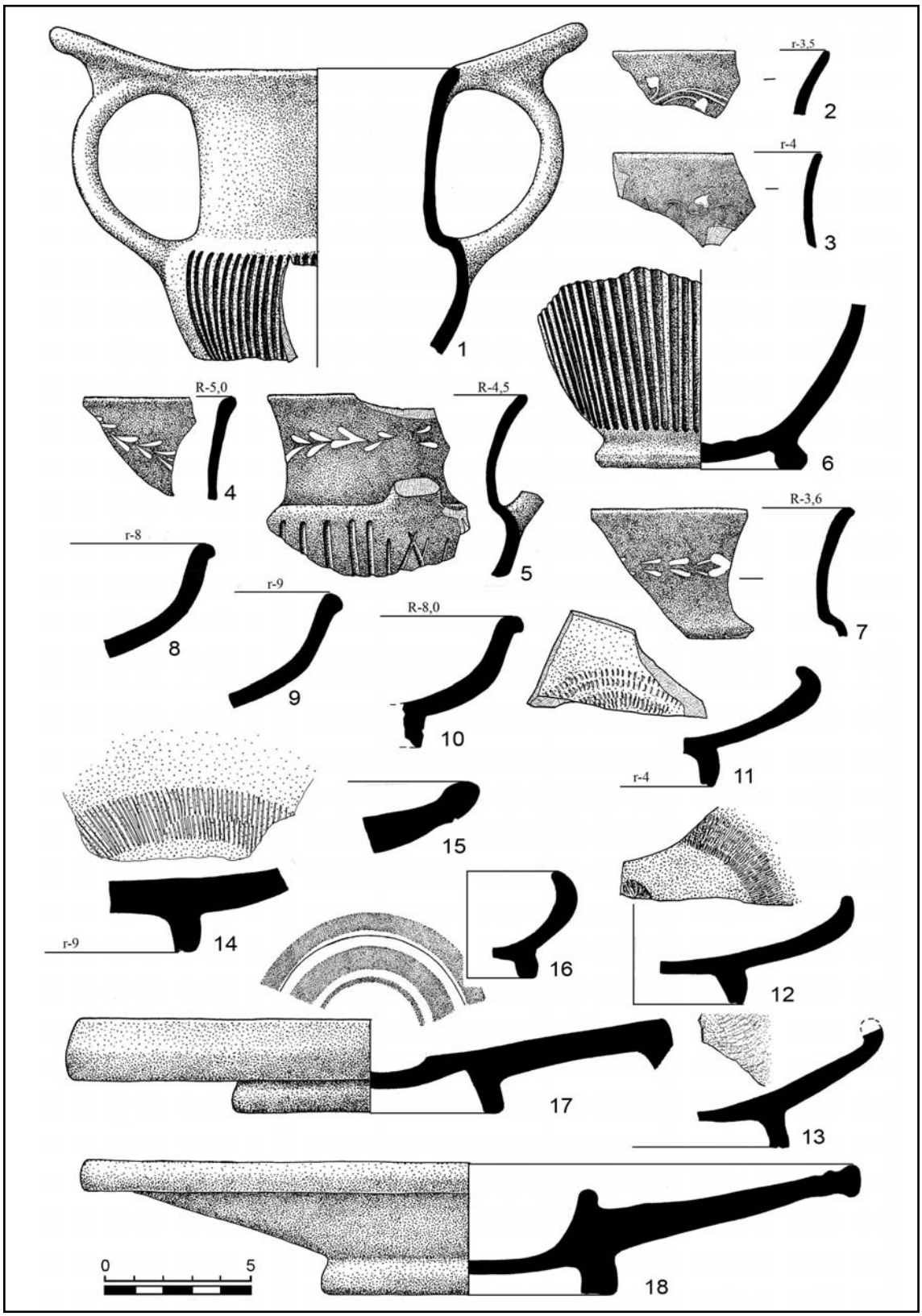

Рис. 20. Чернолаковая керамика: 1—5, 7 — фрагменты классических канфаров; 6 — фрагмент эллинистического канфара; 8—10 — фрагменты мисок с отогнутым наружу краем; 11—13 — фрагменты мисок с загнутым внутрь краем; 14—15 — фрагменты тарелок с валикообразным краем; 16 — фрагмент солонки; 17 — рыбное блюдо; 18 — сероглиняное рыбное блюдо с чёрным покрытием.

Fig. 20. Black-glazed pottery: 1—5, 7 — fragments of classical kantharos; 6 — fragment of a Hellenistic kantharos; 8—10 — fragments of bowls with out-turned rim; 11—13 — fragments of echinus bowls; 14—15 — fragments of plates with rolled rim; 16 — fragment of a saltcellar; 17 — fishplate; 18 — grey clay fishplate with black coating.

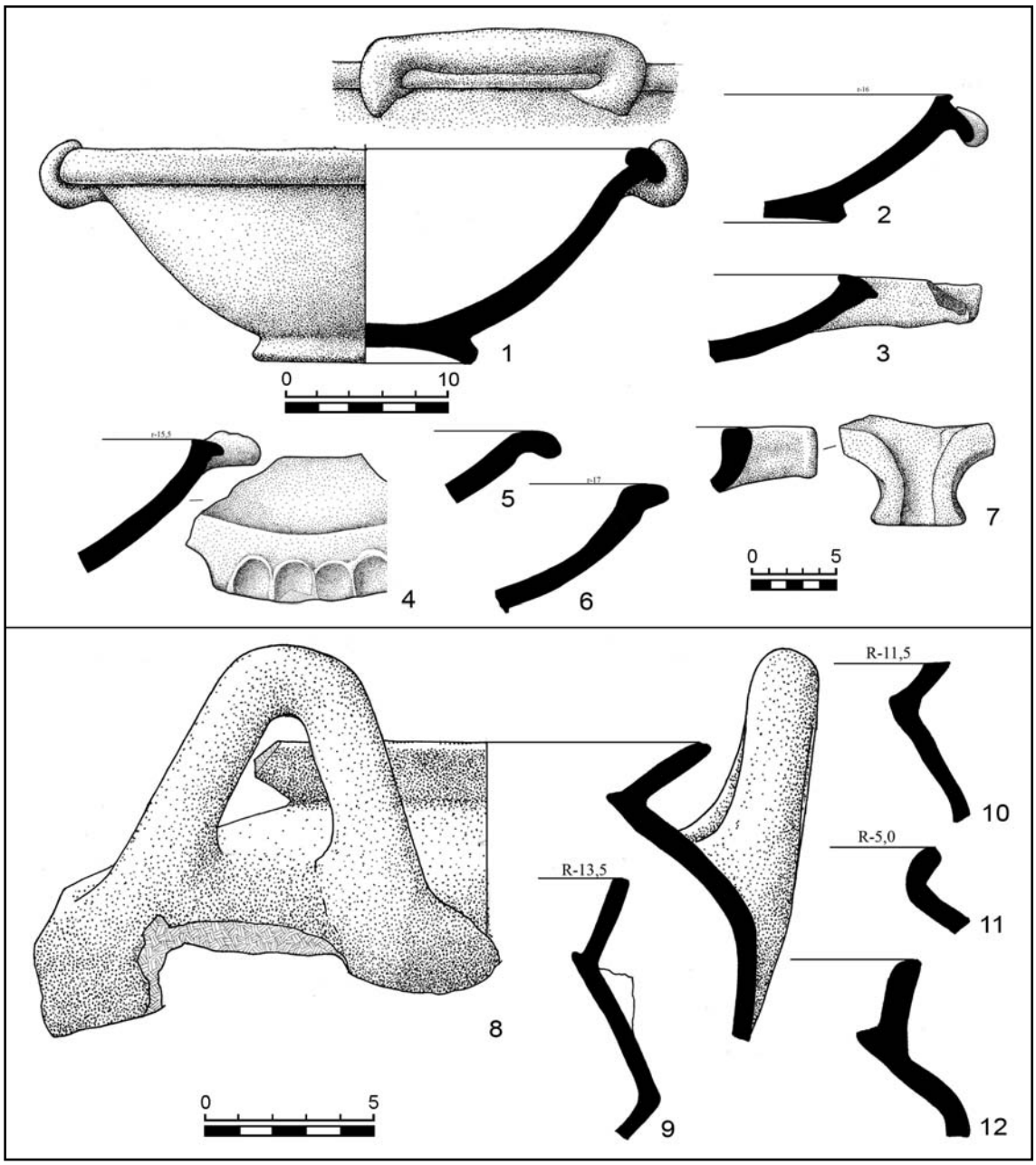

Рис. 21. Лутерии красноглиняные: 1—4, 7 — херсонесские; 5, 6 — гераклейские; 8—12 — фрагменты гончарных кухонных кастрюль.

Fig. 21. Red clay luteria: 1—4, 7 — Chersonesos; 5, 6 — Heraclea; 8—12 — fragments of wheel-made kitchen pans.

Процент встречаемости гончарных кухонных кастрюль аналогичен чернолаковому комплексу (3%) (рис. 21: 8—12). Около 2% лутериев (рис. 21: 1—7). Преимущественно это херсонесские лутерии и только два фрагмента из Гераклеи. Интересно, что довольно значительный процент (17%) составляют фрагменты тонкостенных лепных горшков (рис. 22). Чаще всего их находят в хозяйственных помещениях, в непосредственной близости от печей.

В целом, состав материала аналогичен керамическому комплексу из слоев Херсонеса Таврического соответствующего времени (Ушаков 2010: 7—26).

Кроме того, в слоях разрушения усадьбы найдено значительное количество (более 1000 фрагментов) черепицы, преимущественно синопского и херсонесского производства.

Гибель усадьбы 4, так же, как и всех остальных зданий этого времени на городище, видимо, связана с военным конфликтом. Хотя существенных пожаров на ее площади не прослеживается, в заполнении одного из помещений обнаружен бронзовый наконечник стрелы с утопленной втулкой

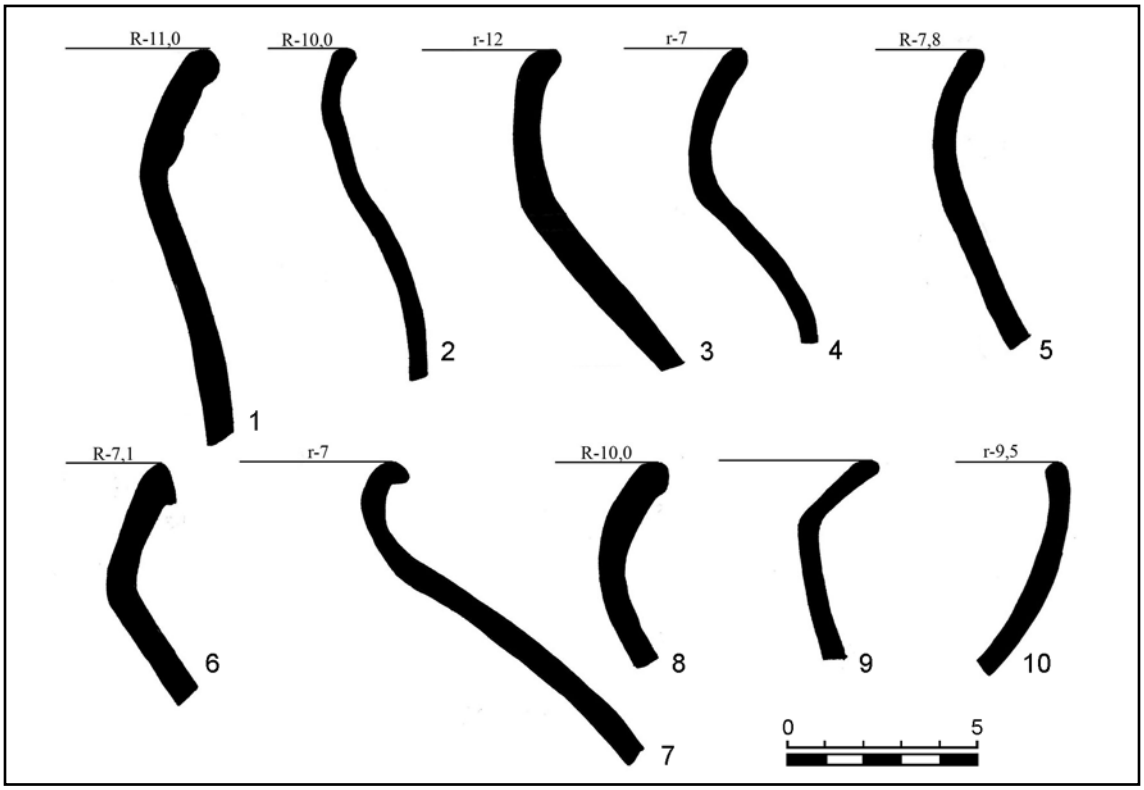

Рис. 22. Фрагменты лепной керамики.

Fig. 22. Fragments of hand-made pottery.

(рис. 15: 6). Кроме того, мощный слой пожара синхронного времени выявлен к югу от нее, непосредственно за южной стеной. Помещения самой усадьбы какое-то время стояли полуразрушенными, забрасывались мусором и заносились песком, о чем свидетельствует характер их заполнения, включавшего огромное количество костей животных и битой керамики.

Пока сложно говорить о какой-либо определенной ремесленной специализации жителей этой усадьбы, как это было выявлено для трех первых усадеб Чайкинского городища (Попова, Коваленко 2005: 81). Очевидно, что они занимались скотоводством, ткачеством и другими домашними промыслами. Учитывая ее расположение в непосредственной близости от продолжавшей функционировать винодельни, а также то, что основной выход из нее вел на вымощенную площадь перед винодельческим комплексом, жилая часть которого к тому времени уже была разобрана, можно предположить, что хозяева данной усадьбы занимались виноделием.

Литература

Буйских А.В. 2008. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. МАИЭТ* 5, Supplementum.

Егорова Т.В. 2009. *Чернолаковая керамика IV—II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма.* Москва: Московский государственный университет.

Егорова Т.В. 2012. Комплекс помещений позднего греческого периода (второй половины III — первой половины II в. до н.э.) в юго-восточной части городища «Чайка». В: Тельнов Н.П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э.* Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 46—54.

Кац В.И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического.* Саратов: Саратовский государственный университет.

Кругликова И.Т. 1983. Херсонесская усадьба на наделе 10. *КСИА* 174, 43—50.

Крыжицкий С.Д. 1993. *Архитектура античных государств Северного Причерноморья.* Киев: Наукова думка.

Монахов С.Ю. 1989. *Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н.э.* Саратов: Саратовский государственный университет.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель.* Москва: Киммерида; Саратов: Саратовский государственный университет.

Попова Е.А. 2007. Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III—II в. до н.э. В: Янин В.Л., Щапова Ю.Л. (отв. ред.). *Материа-*

лы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. Москва: Московский государственный университет, 4—130.

Попова Е. А., Коваленко С. А. 2005. *Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища).* Москва: Московский государственный университет.

Яценко И. В. 1978. *Отчет о работе Крымской археологической экспедиции Исторического факультета МГУ в 1977 г.* Архив кафедры археологии Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Яценко И. В., Турина Т. Н. 1991. Здание III в. до н. э. на городище Чайка в Евпатории. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Памятники железного века в окрестностях Евпатории.* Москва: Московский государственный университет, 82—154.

Fedoseev N. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: Garlan Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire.* Aix-en-Provence-Cedex: Université de Provence, 27—40.

Hannestad L., Stolba V. F., Sceglov A. N. 2002. *Panskoye I.* Vol. 1. *The Monumental Building U6.* Aarhus: Aarhus University Press.

Popova E. A., Kovalenko S. A. 2001. Notes on the New Farmhouse Complexes and the Entrance to the Chaika Settlement. In: Tsetskhladze G. R. (ed.). *Colloquia Pontica* 6. *North Pontic Archaeology.* Leiden; Boston; Köln: Brill, 205—230.

Rotroff S. I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material.* The Athenian Agora XXIX.

References

Buiskikh, A. V. 2008. *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuiu epokhu (Spatial development of Tauric Chersonesos in Antiquity).* Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria) 5, Supplementum (in Russian).

Egorova, T. V. 2009. *Chernolakovaia keramika IV—II vv. do n. e. s pamiatnikov Severo-Zapadnogo Kryma (Black-glazed ware of 4th—2nd centuries BC from the sites of North-Western Crimea).* Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Egorova, T. V. 2012. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic area from the 3rd—2nd centuries BC).* Tiraspol: Pridnestrovskii gosudarstvennyi universitet, 46—54 (in Russian).

Kac, V. I. 1994. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo (Ceramic stamps of Tauric Chersonesos. Catalogue and guide).* Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Kruglikova, I. T. 1983. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 174, 43—50 (in Russian).

Kryzhitskii, S. D. 1993. *Arkhitektura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ia (Architecture of ancient states from Northern Pontic region).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Monachov, S. Ju. 1989. *Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV—II vv. do n. e. (Amphorae of Tauric Chersonesos from 4th—2nd centuries BC).* Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Monachov, S. Ju. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare: Katalog-opredelitel' (Greek amphorae in the Pontic region. Typology of amphorae of the main ceramic ware exporting centers).* Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Popova, E. A. 2007. In *Materialy issledovanii gorodishcha «Chaika» v Severo-Zapadnom Krymu (Materials from the research of "Chaika" fortified settlement in North-Western Crimea).* Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 4—130 (in Russian).

Popova, E. A., Kovalenko, S. A. 2005. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki grecheskoi i pozdneskifskoi kul'tur v Severo-Zapadnom Krymu (po materialam Chaikinskogo gorodishcha) (Historical and archaeological essays on the Greek and Late Scythian cultures in North-Western Crimea (basing on the materials from Chaika fortified settlement)).* Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Yatsenko, I. V. 1978. *Otchet o rabote Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Istoricheskogo fakul'teta MGU v 1977 g. (Report on the work of the Crimean archaeological expedition of the Historical Faculty of Moscow State University in 1977).* Arkhiv kafedry arkheologii Istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Archive of the department of archaeology of the Historical faculty of Moscow State University) (in Russian).

Yatsenko, I. V., Turina, T. N. 1991. In *Pamiatniki zheleznogo veka v okrestnostiakh Evpatorii (Iron Age sites in the outskirts of Yevpatoria).* Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 82—154 (in Russian).

Fedoseev, N. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: Garlan Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire.* Aix-en-Provence-Cedex: Université de Provence, 27—40.

Hannestad, L., Stolba, V. F., Sceglov, A. N. 2002. *Panskoye I. The Monumental Building U6.* Vol. 1. Aarhus: Aarhus University press.

Popova, E. A., Kovalenko, S. A. 2001. Notes on the New Farmhouse Complexes and the Entrance to the Chaika Settlement. In: Gocha R. Tsetskhladze (ed.). *Colloquia Pontica*. Vol. 6. *North Pontic Archaeology.* Leiden; Boston; Köln: Brill, 205—230.

Rotroff, S. I. 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. *The Athenian Agora* XXIX.

Статья поступила в номер 12 декабря 2013 г.

Tatyana Egorova (Moscow, Russia). Candidate of Historical Sciences. Moscow Lomonosov State University [1].

Tatyana Egorova (Moscova, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Universitatea de Stat din Moscova „M. Lomonosov".

Егорова Татьяна Валерьевна (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

E-mail: tvegorova@yandex.ru

Address: [1] Lomonosovsky Pr., 27-4, Moscow, 119992, Russia

В. В. Котенко

Поселение Маслины в Северо-Западной Таврике (общая характеристика)

Keywords: Chersonesos Tauric, Masliny, ancient Greek period, chora.

Cuvinte cheie: Chersonesos Tauric, Maslinî, epoca antică, chora.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Маслины, античная эпоха, хора.

V. V. Kotenko

Masliny Settlement in Northwest Taurica (general characteristics)

Masliny settlement refers to the chora of Chersonesos in Northwest Taurica. In ancient times, the region had favorable climatic conditions for the development of agriculture. The site was excavated by the squad of Kharkov University in 1972—1986 under the leadership of V. Latysheva. There is a fortification and an open settlement with typical structures on the site. Ceramic complex from Masliny settlement is represented by a wide range of forms of Chersonesos and imported pottery. Study of the site raises several important issues about the organization of chora of Tauric Chersonesos in the region.

V. V. Kotenko

Așezarea de la Maslinî din Taurica de nord-vest (caracteristică generală)

Articolul reprezintă o sistematizare a materialelor de pe așezarea de la Maslinî din Taurica de nord-vest, care face parte din chora Chersonesului. În antichitate, regiunea dispunea de condiții climaterice favorabile pentru dezvoltarea agriculturii. Săpăturile arheologice pe sit au fost efectuate între 1972—1986 de către un detașament al Universității din Harkiv, condus de V.A. Latîșeva. Complexul arheologic include o fortificație și o așezare deschisă cu construcții tipice. Complexul ceramic din Maslinî este reprezentat printr-un spectru larg de forme locale și de import. Cercetările de pe sit sunt importante pentru rezolvarea mai multor probleme privind organizarea chorei Chersonesului Tauric în regiunea dată.

В. В. Котенко

Поселение Маслины в Северо-Западной Таврике (общая характеристика)

Статья посвящена систематизации материалов поселения Маслины в Северо-Западной Таврике, которое относится к хоре Херсонеса. В древности в этом регионе были благоприятные климатические условия для развития сельского хозяйства. Раскопки памятника проводились в 1972—1986 гг. отрядом Харьковского университета под руководством В.А. Латышевой. Застройка территории включает укрепление и открытое селище с характерными сооружениями. Керамический комплекс из Маслин представлен широким спектром форм херсонесской и привозной посуды. Исследование памятника затрагивает ряд важных вопросов, касающихся организации хоры Херсонеса Таврического в данном регионе.

Северо-Западная Таврика представляет собой культурно-историческую область в составе Западного Крыма, географическими рубежами которой с юга выступает Сакско-Евпаторийский район, а с севера — Перекопский перешеек (Ланцов 1991: 1). Поселение Маслины расположено на Тарханкутском полуострове у с. Северное Черноморского района Автономной Республики Крым, на морском побережье Каркинитского залива (рис. 1). Северо-Западный Крым, как исторический регион, в современных географических границах охватывает область Евпаторийского плато. Его поверхность представляет собой возвышенную равнину с увалообразными поднятиями и большим количеством балок и русел древних рек (Щеглов 1978: 14; Кутайсов 2010: 291). Климатические условия данного региона в античную эпоху отличались от современных. В период с конца IV в. до н. э. отмечается формирование оптимальных климатических условий, которые способствовали развитию сельского хозяйства (Подгородецкий 1994: 17; Кутайсов 2010: 309). Территория в районе расположения Маслин входила в западный степной регион карбонатных темно-

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© В. В. Котенко, 2014.

Рис. 1. Расположение поселения Маслины.

Fig. 1. Location of the Masliny settlement.

каштановых почв, глинистых и карбонатных щебенчатых черноземов (Щеглов 1978: 23). Такие условия, в частности, были благоприятны для выращивания зерновых культур и винограда. Этим временем датируется начало существования большинства поселений хоры Херсонеса Таврического, которые, вероятно, были «житницей» полиса. Ближе к рубежу эр наблюдается понижение температуры, в результате чего условия для ведения сельского хозяйства стали менее благоприятными, что отразилось и на падении экспорта зерна из Причерноморья в страны Средиземноморья (Подгородецкий 1994: 17). Согласно палеогеографическим реконструкциям, уровень моря у береговой линии Северо-Западного Крыма в древности был ниже современного минимум на 2 м (Подгородецкий 1994: 23). В результате изменения береговой линии региона абразия стала причиной разрушения античных памятников (Кутайсов 2010: 301). Эта ситуация затронула и северо-восточную часть поселения Маслины.

Плотное заселение Северо-Западной Таврики, а в контексте этого и возникновение поселения Маслины, имело свои экономические причины и исторические предпосылки. Вследствие бурного развития Херсонеса Таврического и возможного нового притока колонистов, в середине IV в. до н. э. (Ланцов 2008: 101) земли Западной Таврики попали в сферу интересов экономической политики полиса. В краткие сроки здесь была создана хора, внутренняя сельскохозяйственная территория государства со взаимосвязанной системой поселений и развитой инфраструктурой.

Археологические исследования поселения Маслины в Северо-Западной Таврике проводились во второй половине XX в. в течение пятнадцати лет — в 1972—1986 гг. (подробно об истории исследования памятника см.: Котенко 2012: 264—274). На основании того, что до сих пор не существует согласованных данных о наличии в Западном Крыму античных поселений севернее Маслин, этот памятник считается крайним укреплением дальней хоры Херсонеса Таврического (Щеглов 1978: 32; Пальцева 1988: 13; Латышева 1999: 79). Но наряду с этим существует точка зрения, сложившаяся в результате многочисленных разведок и сборов археологических материалов в этом регионе, что в состав Херсонесского государства входила территория от Балаклавской долины до Перекопа (Ланцов 1991: 11).

Заинтересованность археологическими памятниками Северо-Западного Крыма впервые в отечественной науке проявил П. Н. Шульц. В 1948 г. он осуществил разведку территории на участке от с. Оленевка на Тарханкуте до Перекопа (Смекалова 2010: 6). Между оз. Ярылгач и Бакальским озером им было выявлено только одно городище у с. Владимировка (Чогол-Тай, Чеголтай) с мощной фортификацией. Оно было атрибутировано исследователем, согласно представлениям о культурно-хронологической принадлежности памятников данного региона, принятым в его время, как поселение скифской культуры (Шульц 2010: 30). В 1965—1966 гг. отрядом Тарханкутской экспедиции на поселении Маслины (Владимировка)[1] были проведены разведки с зачистками культурного слоя, по результатам которых памятник был датирован серединой III — II вв. до н. э. (Щеглов 1978: 40). Исследования продолжились в 1970 г., когда в процессе охранных раскопок Тарханкутским отрядом Северо-Крымской экспедиции вдоль среза абразивного берега были обнаружены части каменных сооружений древнего укрепления, зафиксированы контуры ям и землянок. По итогам этих работ было сделано заключение, что скифское поселение возникло здесь на месте ранее существовавшего херсонесского укрепления IV в.

[1] Название «Маслины» закрепилось за поселением у с. Владимировка с 1970 г., после обследований памятника А. А. Щепинским и Е. Н. Черепановой.

до н. э. (Щепинский 1972: 326; Щепинський, Черепанова 1974: 62—64).

С 1972 по 1986 гг. на Маслинах проводились систематические раскопки отрядом Харьковского университета в составе Северо-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством В. А. Латышевой. За 15 лет исследований на поселении были открыты строительные остатки укрепления, а также накоплен значительный керамический материал. Результаты исследований 1972—1986 гг. позволили отнести этот памятник к хоре Херсонеса Таврического и датировать начало его существования серединой IV в. до н. э., а также определить структуру внутренней планировки поселения и сделать выводы об этнической принадлежности его жителей. Главной частью древнегреческого поселения в Маслинах оказалось четырехбашенное укрепление, к которому со всех сторон суши подходило открытое селище. По своей материальной культуре поселение тяготело к Херсонесскому полису, хотя среди керамического материала выделяется группа скифской лепной посуды. В период раскопок была предпринята попытка выявить некрополь поселения, но она не увенчалась успехом — следов древнего могильника в радиусе ста метров от поселения не обнаружено (Латышева 1985: 24). Об исторической судьбе Маслин можно говорить уверенно — археологически прослеживается гибель поселения в результате нападения со стороны кочевников степи в середине II в. до н. э. В. А. Латышева не успела в полной мере обработать и ввести в научный оборот результаты раскопок памятника (подробно о вкладе В. А. Латышевой в его исследования см.: Котенко 2012: 270—272), но ее кабинетные наработки, а также ряд обобщающих выводов, посвященных поселению, по-прежнему остаются актуальными (Латышева 2010). В данной работе впервые подробно рассматриваются особенности застройки памятника, его керамического комплекса, вопросы хронологии и культурной атрибуции материала.

Для создания наиболее детальной характеристики материальной культуры древнегреческого поселения особое внимание традиционно принято обращать на строительные остатки и керамический комплекс. Хора Херсонеса Таврического, как выяснено на современном этапе исследований, значительно отличалась от сельскохозяйственных округ других северопричерноморских полисов. Специфика херсонесских поселений заключается в организации застройки, где усадьбы представляют собой укрепленные полифункциональные комплексы с одной или несколькими башнями (Буйских 2008: 153). Такие особенности планировки дали повод для продолжительной дискуссии о назначении этих объектов (Кругликова 1986: 169). Она получила развитие в 1990-е гг. наряду с идеями о военной колонизации Херсонесом Северо-Западной Таврики и оборонительных функциях усадеб. Строительный комплекс поселения Маслины также включает башни, поэтому его рассмотрение является важным для выяснения столь актуального на сегодняшний день вопроса о характере памятников херсонесской хоры.

С точки зрения организации внутреннего пространства, поселение делится на укрепленную западную и неукрепленную восточную части. Укрепление прямоугольной формы размерами 50×80 м (рис. 2), ориентировано по линии СЗ—ЮВ, располагалось на естественном возвышении. Основной планировочной единицей на Маслинах выступала отдельная усадьба. Строительство укрепления, вероятно, происходило в несколько этапов: в начале существования поселения появилась однобашенная усадьба, в непосредственной близости к которой в дальнейшем выстраивались другие комплексы (Латышева 1999: 80). За время раскопок на поселении в западной, южной и восточной части укрепления было открыто три башенных комплекса. Четвертая, северная башня с частью прилегающих помещений уже во время проведения археологических работ уже была уничтожена морем. Ее руины неоднократно фиксировались в затопленной части памятника (Назаров 2003: 75—76).

Комплекс южной башни, расположенный в юго-западной части поселения, вероятно, был возведен на самом раннем этапе его существования. С юго-западной и юго-восточной стороны он увязывался с внешними стенами укрепления. Имея вытянутую форму, комплекс занимал площадь около 750 м^2 (25×30 м). Башня располагалась в юго-восточном углу комплекса, имела выход во двор с юго-западной стороны (рис. 2). Общая характеристика этого сооружения как фортификационного элемента была дана автором раскопок (Латышева 1978: 54—56; 1999: 80—83; см. также: Котенко 2013а: 80—82).

Башня была построена из блоков местного понтийского известняка размерами около 2,0×0,8×0,45 м^2 и имела площадь 64 м^2 (рис. 3: 1). В древности сооружение, вероятно, имело в высоту несколько ярусов, о чем свидетельствует мощный фундамент (ширина стен — 1,0 м) и остатки каменного основания лестницы. Блоки были тщательно отесаны и положены насухо в регулярной клад-

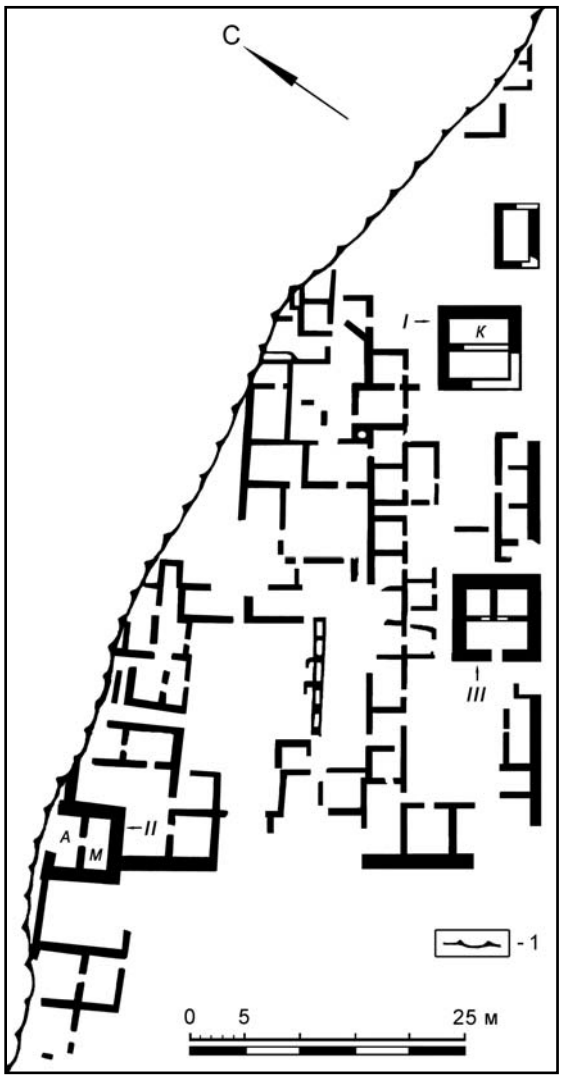

Рис. 2. План укрепленной части поселения Маслины (по Латышева 1985: 100, рис. 1; Буйских 2008: 355, рис. 68). Легенда: 1 — береговая линия; I — южная башня; II — западная башня; III — восточная башня.

Fig. 2. Plan of the fortified part of Masliny settlement (after Латышева 1985: 100, рис. 1; Буйских 2008: 355, рис. 68). Legend: 1 — sea coast; I — southern tower; II — western tower; III — eastern tower.

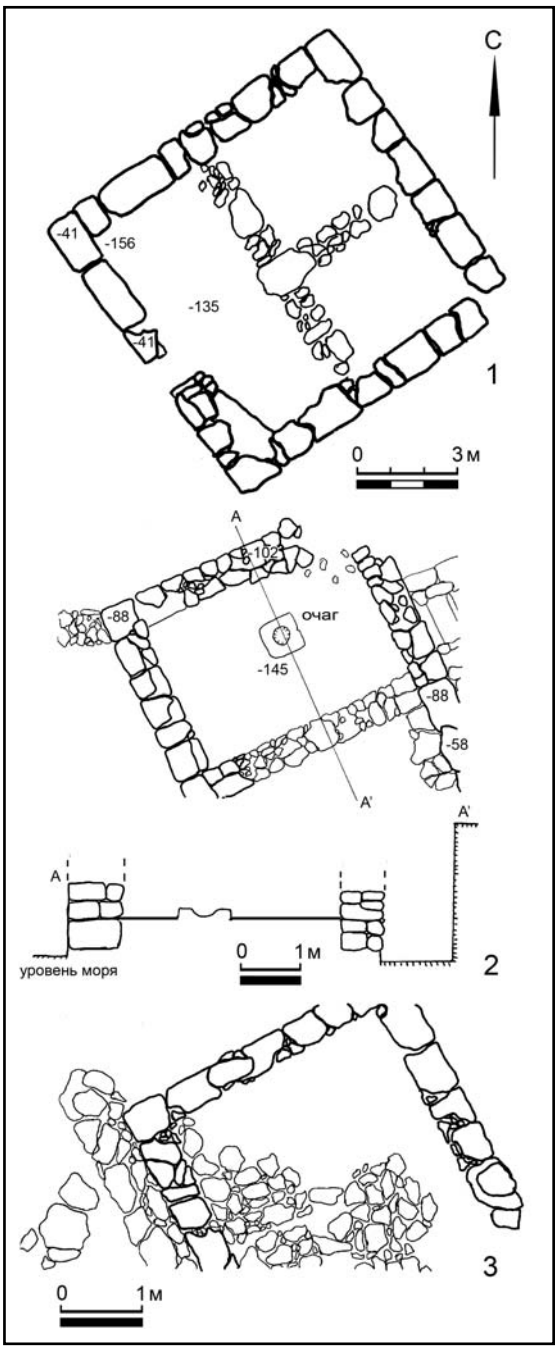

Рис. 3. Строительные остатки укреплений: 1 — план южной башни; 2 — план помещения А западной башни; 3 — план помещения К восточной башни (по Латышева 1972: табл. I, рис. 7; 1973: табл. V, рис. 16; 1974: табл. I, рис. 2).

Fig. 3. Building remains of towers: 1 — plan of the south tower; 2 — plan of room A of the western tower; 3 — plan of room K of the eastern tower (after Латышева 1972: табл. I, рис. 7; 1973: табл. V, рис. 16; 1974: табл. I, рис. 2).

ке так, что вертикальные швы нижнего ряда перекрывались плитами верхнего. По внешнему фасаду блоки были обработаны в руст. С внутренней стороны они имели неправильную форму, иногда смежные камни с неровным краем смыкались в замок, что обеспечивало их прочную связь.

Внутреннее пространство башни было разделено на три смежных помещения. Кладки между ними были тоньше наружных стен (ширина 0,6 м), сложены из камней меньших размеров со следами обработки и положены на фундамент из рваного камня (Латышева 1973: 10). Два смежных помещения с общей стеной имели площадь по 3×3 м. Третье помещение вдоль их общей стены, соответственно, было вдвое больше.

Центральную часть комплекса занимал двор площадью около 150 м^2 (15×10 м), вымощенный известняковыми плитами разного размера. Вымостка примыкала непосред-

ственно к башне, перекрывая ее цоколь. Через двор проходил водосток, который был проложен под вымосткой и выходил за пределы внешней стены комплекса. На территории двора находился колодец, появление которого В. А. Латышева относила к концу IV в. до н. э. Его горловина накрывалась массивной плитой с отверстием диаметром 0,5 м, а яма имела глубину 3,5 м, с верхним диаметром 1 м и нижним — 1,6 м (Латышева 1999: 84).

Площадь двора по внутреннему периметру была застроена шестнадцатью небольшими помещениями. Они были сооружены из камней разных размеров на глиняном растворе и в большинстве своем имели хозяйственное назначение, исходя из общей характеристики обнаруженной внутри керамики и бытовых вещей. И только некоторые из них, вероятно, были жилыми, так как в них находились очаги и специфические бытовые предметы в заполнении: светильники, терракоты, украшения (Латышева 1974: 21). Эти помещения по периметру объединяла общая стена, которая с юго-запада и с юго-востока отличалась массивностью и, вероятно, уже в период возведения комплекса имела оборонительные функции. Исключение составляла северо-западная группа помещений, которая формировала внутреннее пространство всей усадьбы. Сложная система выходов ориентировала большинство помещений на внутренний двор, другие были просто связаны между собой. Стены некоторых из них были построены вплотную, а не в перевязь, что дает возможность проследить развитие всего строительного комплекса.

Западная башня не связана с подобной регулярной застройкой. Стены сооружения возведены на мощном фундаменте, который был углублен в материковый грунт на 0,6—0,8 м. Он состоял из массивных блоков известняка, ракушечника, песчаника размерами до 0,9 × 1,2 м. В плане плиты фундамента приближались к прямоугольнику, их поверхность была грубо обработана, а в кладке швы между крупными камнями были заложены мелким бутом. Ширина стен по периметру здания составляла 0,8 м, фундамент выступал за красную линию фасада на 0,2 м (Латышева 1972: 5—6). Кладка была сложена по двухслойной системе, более крупные камни выкладывались по фасаду и дополнялись до нужной ширины мелким бутом с внутренней стороны. Блоки внешнего ряда имели правильную форму и заглаженную поверхность, но без руста. Общая площадь здания автором раскопок не приведена, но о ней можно судить по площади двух смежных помещений, из которых она состояла: помещение «А» имело площадь 5×6,6 м, а помещение «М» — 6,05×4,05 м (Латышева 1972: 5; 1973: 2). Их разделяла внутренняя перегородка, менее капитальная по технике кладки, нежели внешние стены.

Башня была ориентирована выходом на север, куда и развивалось строительство комплекса. Восточный угол сооружения выходил на вымощенный двор, по периметру которого располагались хозяйственные и жилые помещения. На его территории находились углубленные в землю конструкции хозяйственного назначения (Латышева 1972: 13). Через главный двор комплекса западной башни также проходил водосток, направленный в сторону моря. Его борта были облицованы каменными плитами. Сверху он также перекрывался плоскими плитами. Застройка рассматриваемого комплекса, вероятно, происходила со стороны соседнего комплекса южной башни, о чем свидетельствует сооружение некоторых помещений на земляном полу, ниже уровня кладки двора, а также их связь с внешней оборонительной стеной. И наоборот, более поздние помещения захватывали кладку двора и имели стены, пристроенные вплотную к уже существовавшим конструкциям. Северная часть комплекса уже на время раскопок была затоплена морем, что ограничивает информацию об оборонительной линии северо-западной части всей усадьбы.

Необычным представляется обустройство помещения «А» (рис. 3: 2). Пол его был глинобитным, сохранились остатки обмазки белого и розового цвета. В центре находился открытый глиняный очаг квадратной формы (0,80×0,80 м) со специфическим углублением и следами обожженной глины, сажи, угля. Он был покрыт обмазкой того же цвета, что и пол. Рядом с очагом находилась чаша, углубленная в пол (Латышева 1972: 7). Очевидно, помещение было парадным, предназначенным для отправления культов. Возможно, оно могло иметь и функции андрона, подобного тому, который известен из раскопок эллинистического дома Керкинитиды (Кутайсов 1985: 183—184). Галечный пол, как характерная черта благоустройства таких помещений, здесь не был обнаружен, но расположение помещения внутри комплекса, крашеные стены и очаг-алтарь свидетельствуют о том, что здесь могли проводиться застольные трапезы.

Восточная башня обеспечивала жизнедеятельность группы помещений юго-восточной части поселения Маслины. Фундамент ее стен уже не был таким мощным, как в южной и западной башнях. Он представлял собой траншею шириной 0,6 м и глубиной

0,3—0,4 м, которая была заполнена необработанным камнем разных размеров. Стены восточной башни, как и других монументальных сооружений, имели ширину 0,8 м и состояли из крупных обработанных каменных блоков, размеры которых достигали 1,75×0,5×0,8 м; 1,4×0,6×0,8 м; 1,0×0,4×0,8 м (Латышева 1973: 6). С внутренней стороны края блоков были оборваны и дополнены до нужной ширины мелким бутом на глиняном растворе.

Восточная башня, вероятно, состояла из двух смежных помещений. Одно из них — помещение «К» имело площадь 7×3,95 м (рис. 3: 3). Площадь другого помещения точно вычислить не удалось в связи со значительными утратами плана. Выход из башни был ориентирован на внутренний двор, который, в отличие от других комплексов, был вымощен лишь частично. По периметру он был застроен помещениями хозяйственного и жилого назначения. Северо-западная линия помещений продолжала ряд зданий комплекса южной башни, что говорит о безусловном существовании единого плана строительства всего укрепления. Для благоустройства комплекса было предусмотрено устройство водостока и колодца. Водосток был образован двумя рядами плоских плит, поставленных на ребро, и выведен за пределы двора (Латышева 1977: 18). Горло колодца было перекрыто плитой-монолитом неправильной формы с отверстием, а его заполнение было исследовано до глубины 2,15 м.

Учитывая, что комплекс южной башни был соединен с соседним комплексом западной башни общими помещениями, а ряд зданий комплексов южной и восточной башни имели общую стену, В.А. Латышева предлагала рассматривать все строительные комплексы как взаимосвязанные, входившие в единую систему укрепления. В этом плане с наблюдениями автора раскопок нельзя не согласиться.

Комплекс северной башни на время раскопок уже был частично разрушен морем. Судя по его остаткам, северная часть укрепления Маслин имела достаточно плотную застройку. Характерные помещения из небольших камней на глинистом растворе также были, вероятно, сгруппированы вокруг двора. Учитывая плохую сохранность комплекса, сложно говорить о взаиморасположении отдельных его зданий.

Оборонительные сооружения поселения Маслины находят ближайшие аналогии практически на всех соседних памятниках хоры Херсонеса. В частности, похожая техника кладки башен и оборонительных стен известна из раскопок Калос Лимена, где она датируется концом IV в. до н.э.— первой половиной II в. до н.э. (Уженцев 2006: 42—44; Кутайсов 2012: 21—22). Этим же временем датируется аналогичное фортификационное строительство поселения Чайка, где в подобной технике возводились наружные оборонительные стены (Попова, Коваленко 2005: 12). Подобные башни зафиксированы также на других памятниках региона, в частности, на городищах Беляус (Дашевская 1969: 85—86) и Кульчук (Ланцов 2012: 75—76). Таким образом, на периферии Херсонесского государства население строго придерживалось единых, уже ставших традиционными, приемов монументального строительства.

За пределами укрепления, в восточной части поселения, раскопками было исследовано открытое селище с жилыми и хозяйственными объектами. На этом участке отсутствует плотная застройка из камня, а строительные остатки представлены, главным образом, полуземлянками. Систематические археологические исследования неукрепленной части Маслин начались в 1980 г. с целью выяснить характер этой территории, ее хронологическое и функциональное соотношение с западным укреплением в древности. В ходе раскопок этой части поселения удалось зафиксировать несколько типов жилых и хозяйственных построек. Полуземлянка овальной формы с полной площадью 3,4×4,0 м была исследована в 1983—1984 гг. (рис. 4). Ее котлован был углублен в материковую глину на 1 м, для входа был предусмотрен спуск в виде четырех глиняных ступеней, врезанных в западный борт (Латышева 1983: 8—10). Ее функциональное назначение определяется как хозяйственное, исходя из специфики внутреннего обустройства и керамического материала (Котенко 2013: 7—21).

Раскопками 1980 г. было исследовано помещение, углубленное в материковый грунт на 0,7 см, которое, вероятно, имело наземную часть в виде деревянных конструкций — над углублением объекта было темное гумусированное пятно, возможно, образовавшееся вследствие развала деревянной надстройки (Латышева 1980: 29). Прямоугольная в плане полуземлянка повторяла ориентацию строительных остатков, расположенных в укрепленной части. Часть помещения была уничтожена морем, поэтому полную ее площадь выяснить не удалось (размеры сохранившейся части 3,8×2,5 м).

Подобные сооружения характеризовались также наличием очагов и хозяйственных ям. В их заполнении преобладают фрагменты лепной посуды и амфорной тары. Такой облик

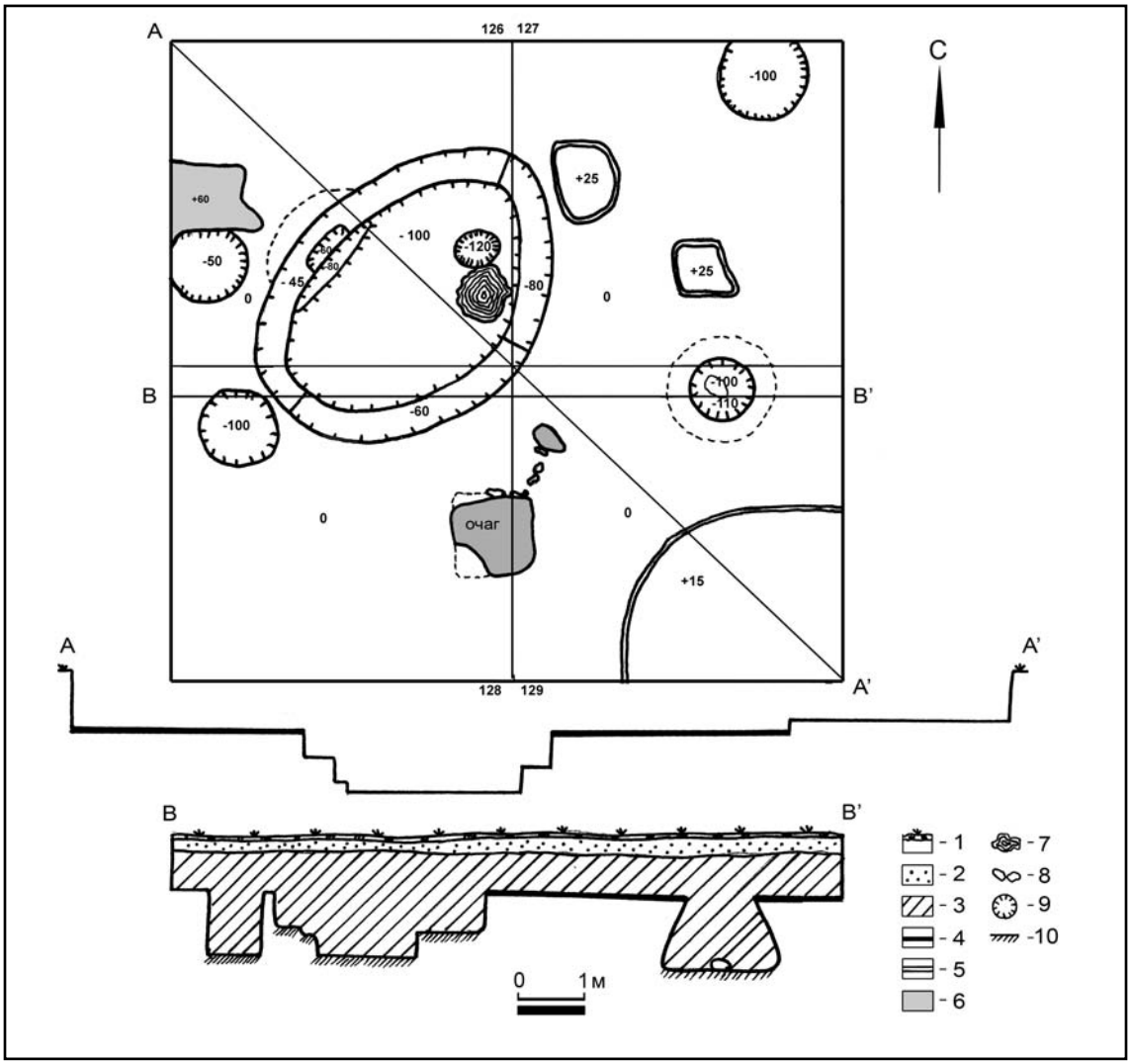

Рис. 4. План полуземлянки с прилегающими объектами (по Латышева 1984: табл. II): 1 — дерн; 2 — современный слой песка; 3 — культурный слой; 4 — уровень глинобитного пола; 5 — глинобитные возвышения; 6 — развалы очага; 7 — скопления глиняной гончарной массы; 8 — камни; 9 — ямы, полуземлянка; 10 — материк.

Fig. 4. Plan of semi-dugout with surrounding objects (after Латышева 1984: табл. II): 1 — turf; 2 — modern sand layer; 3 — cultural layer; 4 — layer of clay floor; 5 — clay elevations; 6 — remains of hearth; 7 — accumulations of clay pottery mass; 8 — stones; 9 — pits, semi-dugout; 10 — natural ground.

этой части поселения ставит вопрос о сосуществовании здесь греческого и варварского населения, который активно дискутируется уже длительное время (Марченко 2005: 14—26). В частности, присутствие объектов и материалов скифского происхождения на античных памятниках Северо-Западной Таврики уже считается закономерным явлением. Подобные углубленные постройки известны, в частности, из раскопок Керкинитиды (Кутайсов 1990: 112—122) и Калос Лимена (Уженцев 2006: 99—103), где они относятся к скифскому строительному горизонту. С уверенностью можно говорить лишь о том, что открытое селище на Маслинах с восточной стороны от укрепления представляло собой место компактного проживания населения, занимавшегося ремеслами. О его этническом составе однозначно говорить сложно ввиду того, что несомненные признаки варварского присутствия (в частности, курганные захоронения) не обнаружены.

Выяснение характера материальной культуры поселения возможно, прежде всего, благодаря детальному анализу массового керамического материала. По способу производства весь керамический комплекс следует разделить на гончарные и лепные изделия. Гончарную посуду по сфере применения традиционно разделяют на тару, кухонную, столовую и посуду специального назначения. Лепная посуда представлена на поселении преимущественно кухонными сосудами и, в отдельных случаях, встречаются предме-

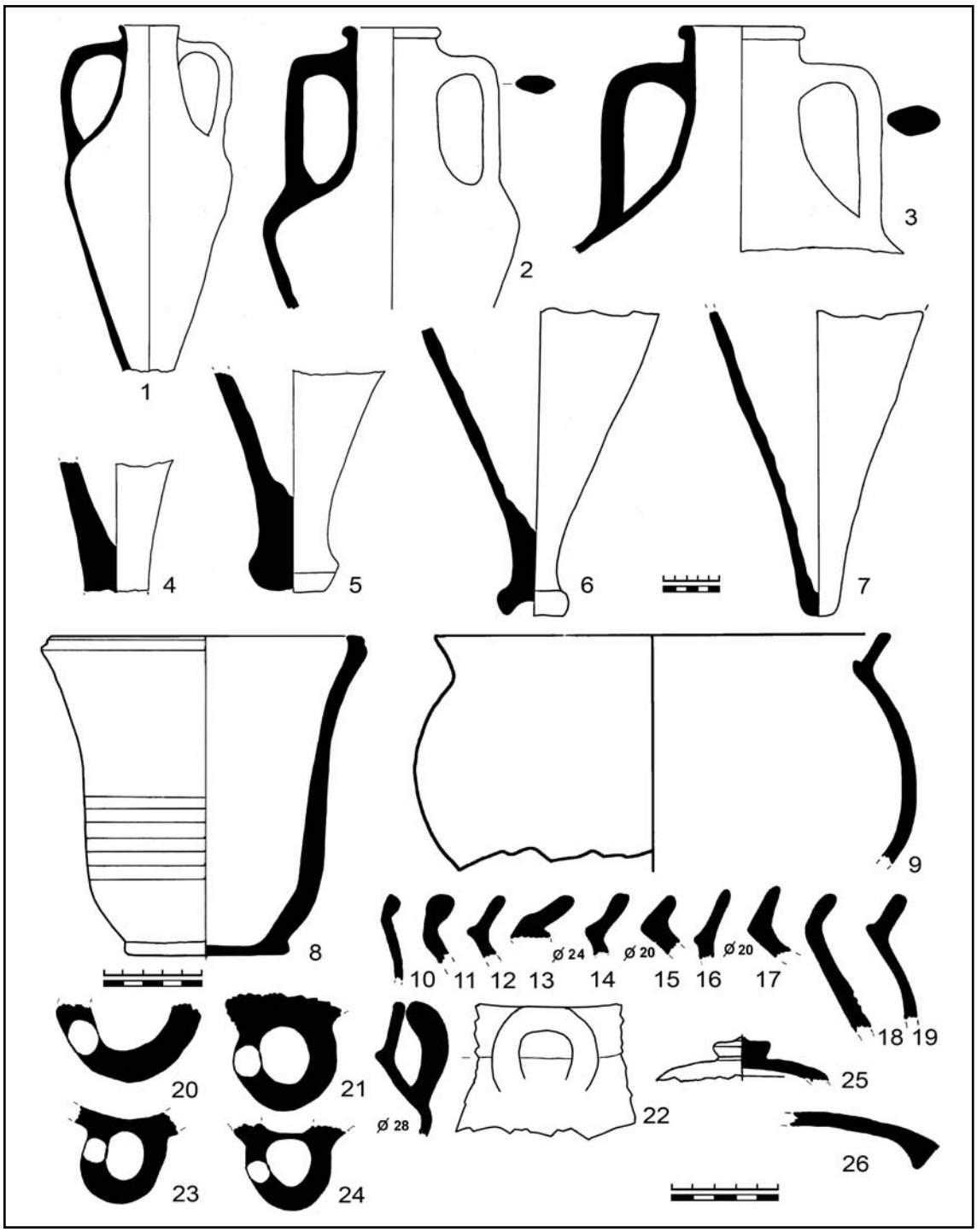

Рис. 5. Тарная и кухонная керамика поселения Маслины: 1—7 — фрагменты амфор херсонесского и синопского производства; 8 — горшок; 9—24 — фрагменты кастрюль; 25—26 — фрагменты крышек.

Fig. 5. Containers and cooking pottery from Masliny settlement: 1—7 — fragments of amphorae of Chersonessos and Sinope production; 8 — pot; 9—24 — fragments of pans; 25—26 — fragments of covers.

ты специального назначения. Каждая группа представлена, в свою очередь, конкретными формами, которые применялись в различных областях ведения хозяйства.

Керамическая тара из Маслин представлена пифосами и амфорами. Пифосы не являются массовым материалом на поселении. В частности, сохранившаяся форма известна только из раскопок комплекса южной башни, где пифос был вкопан в землю на территории центрального двора. Отдельные его фрагменты были найдены во время расчистки хозяйственных помещений комплекса западной башни.

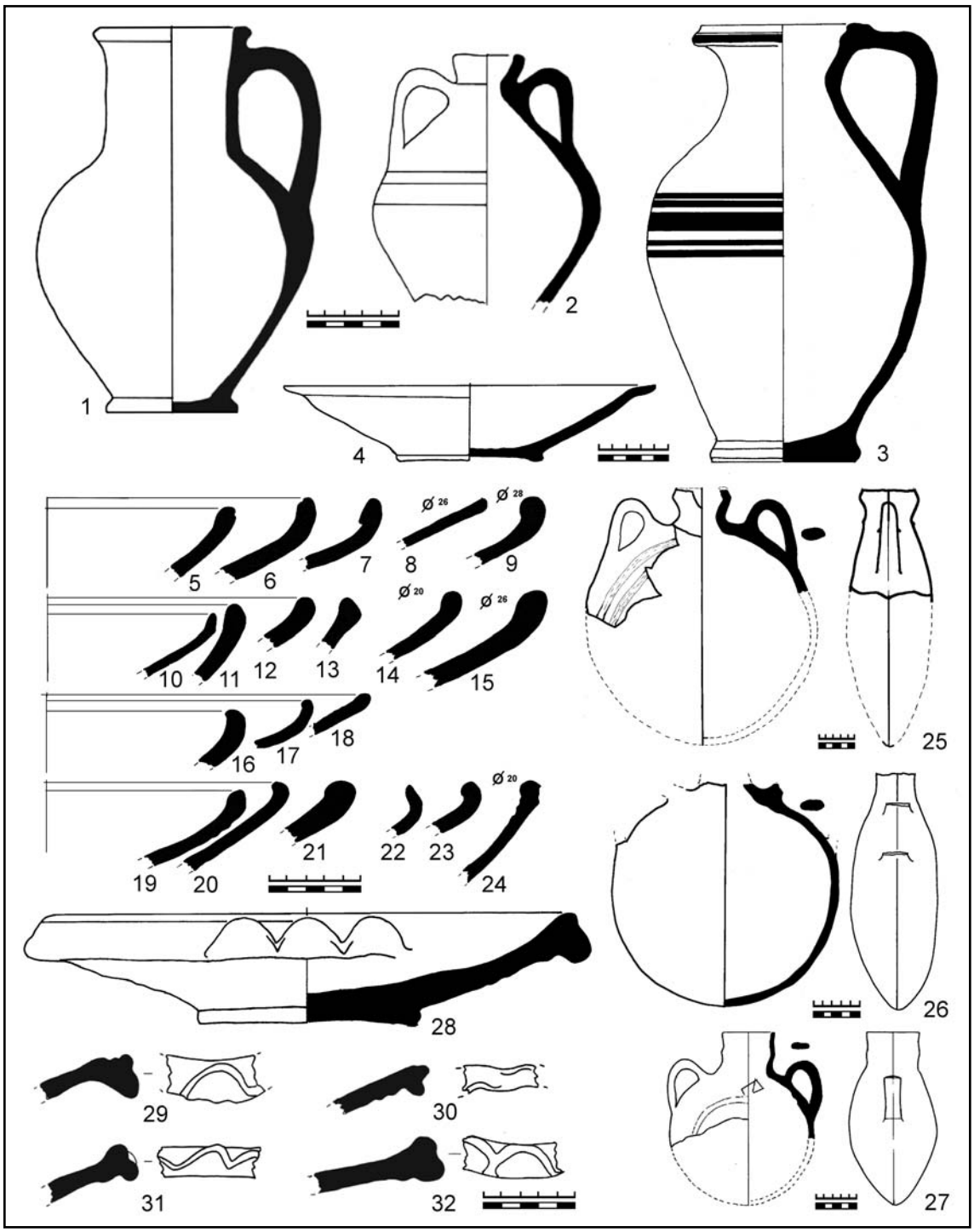

Рис. 6. Поселение Маслины. Столовая посуда и изделия специального назначения: 1—3 — кувшины; 4—24 — миски; 25—27 — фрагменты фляг; 28—32 — лутерии.

Fig. 6. Masliny settlement. Tableware and products for special purposes: 1—3 — jugs; 4—24 — bowls; 25—27 — fragments of flasks; 28—32 — louteria.

Массово на поселении, как и на других памятниках хоры, представлен амфорный материал (рис. 5: 1—7). Подавляющее большинство амфор поступало в Маслины из Херсонеса Таврического. Широко представлен также импорт из средиземноморских центров.

Амфоры херсонесского производства поступали на Маслины на протяжении всего времени существования поселения. Этот факт объясняет многообразие форм и их равномерное скопление в большинстве помещений как укрепления, так и селища. Морфология этих амфор широко известна

из раскопок Херсонеса и поселений его хоры (Монахов 1989: 40—42). Учитывая тот факт, что клейма на них традиционно выступают главным датирующим материалом, следует обратить особое внимание на наиболее раннее поступление амфорной тары в Маслины. Так, к примеру, в комплексе поселения присутствуют херсонесские амфоры с магистратскими клеймами астиномов Аполлония и Гераклеона, которые датируются двумя последними десятилетиями IV в. до н. э. (Кац 1994: 19—20). Импорт из Фасоса и Синопы также представлен амфорами начала и середины 10-х гг. IV в. до н. э. с клеймами магистрата Клеофона и астинома Ифиса соответственно (Кац 2007: 416, 434)[2].

На Маслинах в количественном соотношении преимущество принадлежит простой гончарной посуде. Этот тип керамики представлен на поселении всеми формами, которые были характерны для эллинистического времени. Многочисленные горшки, кувшины, кастрюли с крышками, миски имели широкое применение в быту поселенцев. По форме, цвету (от светло-серого и розового до красного) и составу глины они ничем не отличались от аналогичных изделий из Херсонеса и других поселений хоры.

Кухонные горшки на поселении представлены фрагментарно. Целыми дошли сосуды колоколовидной формы, изготовленные из красной глины, в которой заметны примеси известняка и шамота (рис. 5: 8). В отдельных случаях они имеют покрытие из ангоба и декорированы горизонтальными углубленными линиями.

Достаточно широко в керамическом комплексе Маслин представлены кастрюли (рис. 5: 9—24). Это сосуды округлой формы диаметром 20—24 см с отогнутым бортиком, закраиной под крышку, ниже которой были парные горизонтальные ручки. Подобные сосуды известны и из раскопок соседних поселений. На материалах из усадьбы У-6 поселения Панское I разработана их локальная классификация (Kašaev 2002: 156—157), в которой представлены аналогичные формы из Маслин. Кастрюли в основном изготовлены из оранжевой глины с примесями известняка, что указывает на их херсонесское производство. На поверхности некоторых изделий сохранились характерные следы использования — обугленные участки. Часто в комплексе находят также крышки от кастрюль (рис. 5: 25—26), которые плотно прилегали к бортику и тоже имели разнообразную форму и профилировку.

Кувшины представлены сосудами также преимущественно херсонесского производства (рис. 6: 1—3). Они изготовлены из оранжевой хорошо вымешанной глины, имеют широкое цилиндрическое горло со скошенным краем, уплощенную ручку, которая крепится одним концом к горлу, другим — к плечу сосуда, вытянутое туловище, плоское дно с выступающим рантом. Кувшины из Херсонеса часто декорировались в средней части росписью в виде полос или растительного орнамента. Другой тип кувшинов из Маслин отличается утолщенным венчиком, узким коротким горлом и двумя уплощенными ручками, которые крепились к ребру и к плечу сосуда. Аналогии таким формам широко известны как в самом Херсонесе, так на поселениях его хоры (Kašaev 2002: 150—152) и в Керкинитиде (Кутайсов 2004: 249).

Широко представлены в керамическом комплексе Маслин миски (рис. 6: 4—24). Как и на соседних поселениях хоры, выделяется шесть их типов: 1) с загнутыми венчиками, 2) с утолщенными и загнутыми венчиками, 3) с фигурными венчиками, 4) с закругленным венчиками, 5) со слегка изогнутыми стенками и закругленным венчиками, 6) с отогнутыми венчиками (Kašaev 2002: 154). В большинстве случаев они изготовлены из розовой или оранжевой глины, в тесте заметные примеси известняка и шамота, что также указывает на изготовление этого типа посуды в Херсонесе Таврическом. Характерной чертой многих мисок из Маслин являются следы ремонта, что говорит о высоком спросе на них среди населения.

К редкой группе мелкогабаритной керамической тары из Маслин принадлежат так называемые фляги (рис. 6: 25—27). Это небольшие закрытые сосуды, обычно характеризующиеся наличием широкого округлого или уплощенного тулова круглой или вытянутой формы без обозначенного дна; две ручки чаще всего крепятся от плечей к горлу (иногда скошенному относительно туловища) или к самим плечам. Фляги из Маслин, полученные при раскопках западной укрепленной части поселения, принадлежат к херсонесскому производству и по аналогиям из других поселений хоры датируются концом IV — первой третью III вв. до н. э. (Кутайсов, Уженцев 1994: 58; Kašaev 2002: 166; Попова, Коваленко 2005: 23).

В отдельную группу толстостенной керамики следует отнести лутерии (рис. 6: 28—32). Изделия из Маслин представлены экспортом

[2] Благодарю В. И. Каца за помощь в предварительном определении клейм.

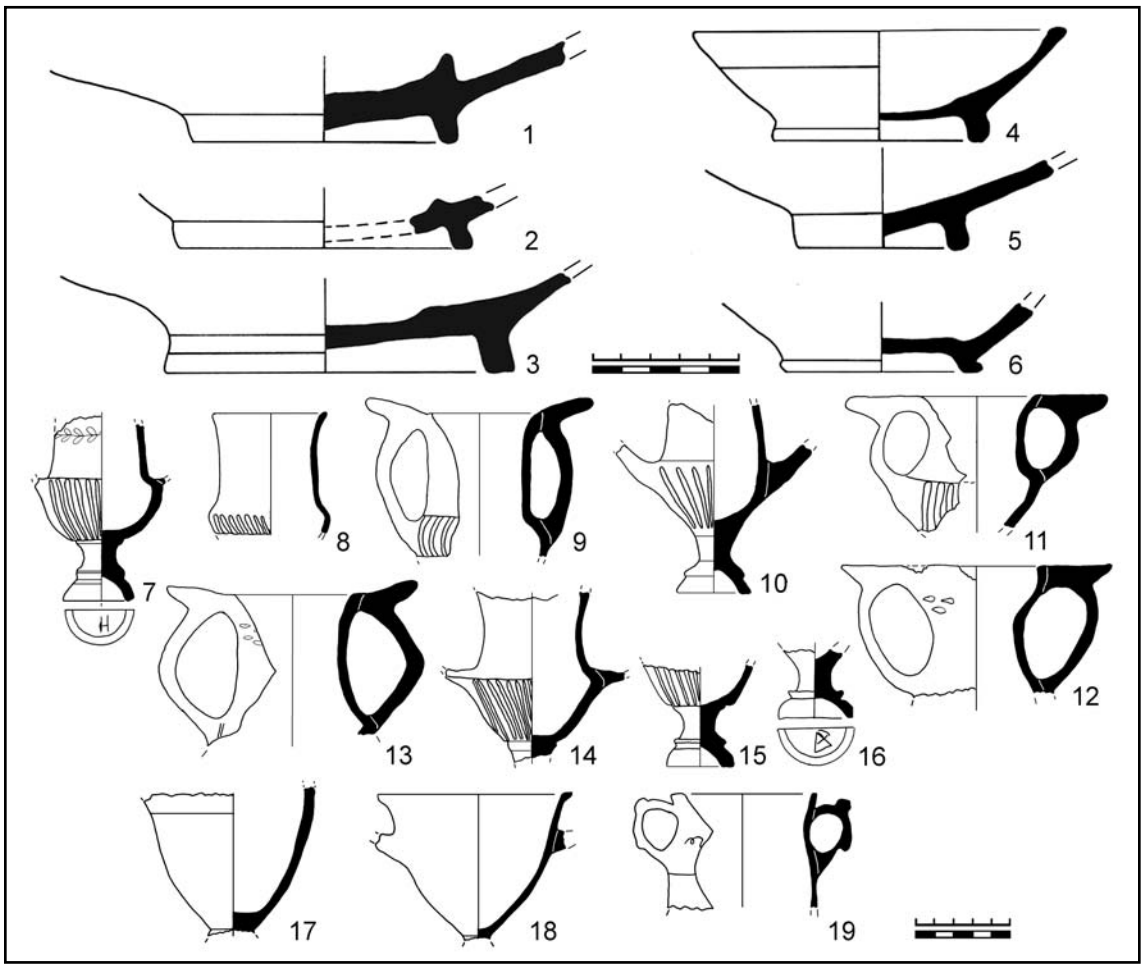

Рис. 7. Поселение Маслины. Чернолаковая керамика: 1—3 — фрагменты рыбных блюд; 4—6 — фрагменты мисок; 7—19 — канфары.

Fig. 7. Masliny settlement. Black-glazed pottery: 1—3 — fragments of fish plates; 4—6 — fragments of plates; 7—19 — kantharos.

из Синопы и изготовлены из красной или коричневой глины с незначительными включениями. Согласно существующей классификации лутериев из Ольвии, аналогичные формы из Маслин относятся ко II группе (с отогнутыми бортами) типа 10 (Лейпунська 1980: 39). Ближайшие аналоги лутерии с Маслин находят на усадьбе У-6 поселения Панское I (Kašaev 2002: 174), в частности, общим является декор по краю в виде групп полуовальных углублений.

Парадная столовая посуда на поселении представлена чернолаковой керамикой. В античных центрах Северного Причерноморья она традиционно считается импортом из Аттики, лишь в отдельных случаях отмечается поступление из малоазийских центров и Македонии во второй половине III в. до н. э. (Егорова 2009: 46—64). Удельный вес чернолаковых сосудов на поселении Маслины среди других категорий археологического материала незначительный — менее 1% (Латышева 2001: 67). Основная их масса локализуется в западной части поселения и связана с башнями. Из восточной части поселения, где основным типом жилища были углубленные конструкции, происходят единичные фрагменты.

Основными формами чернолаковой посуды, представленными на поселении, являются рыбные блюда, миски и канфары. Датировка форм чернолаковой посуды на сегодня возможна благодаря уточненной хронологии материалов Афинской агоры (Rotroff 1997). Так, рыбные блюда из Маслин, имеющие диаметр по венчику 20—25 см (8—10 см по донышку), отогнутый почти под прямым углом на 1—1,5 см край, углубленную в донышко на 1,5—2 см солонку, бытовали с конца IV до начала II в. до н. э. (рис. 7: 1—3). Ближайшие аналогии рыбные блюда из Маслин находят на поселении Панское I (Hannestad et al. 2002: pl. 69) и на городище Чайка (Попова, Коваленко 2005: 52—53). Чернолаковые

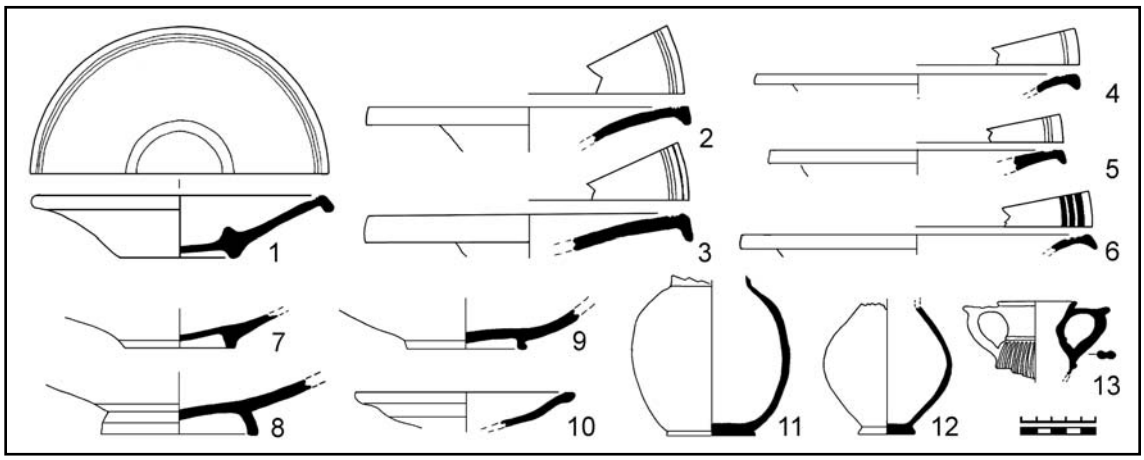

Рис. 8. Поселение Маслины. Серолощеная керамика: 1—6 — фрагменты рыбных блюд; 7—10 — фрагменты мисок; 11—12 — кувшины; 13 — канфар.

Fig. 8. Masliny settlement. Grey ware pottery: 1—6 — fragments of fish plates; 7—10 — fragments of plates; 11—12 — jugs; 13 — kantharoi.

миски отличаются тонкими стенками — 0,5—07 мм, прямым или несколько загнутым венчиком, поднятым непрофилированным поддоном (рис 7: 4—6). По известным аналогиям из малоазийских центров, такие формы распространялись с первой половины III в. до н. э. (Егорова 2009: 156—157). В отдельную группу чернолаковой посуды следует выделить канфары. Среди представленного на поселении материала встречаются классические канфары (рис. 7: 7—16) с четким профилированием — высокое горло и каннелированные или гладкие плечики. Ручки вертикальные, прикрепленные к плечикам и к венчику. Типы канфаров из Маслин находят параллели во многих античных центрах, начиная с соседних поселений хоры Херсонеса (Уженцев 2006: 211; Hannestad et al. 2002: pl. 62—63; Попова, Коваленко 2005: рис. 40: 6), Ольвии (Handberg, Petersen 2010: 185—261), Истрии (Alexandrescu 1978: 82—93) и заканчивая материковой Грецией (Rotroff 1997). Время бытования канфаров этого типа приходится на две первые четверти III в. до н. э. В материале из поселения Маслины присутствуют также чашевидные канфары классического и эллинистического типов (рис. 7: 17—19), которые известны также из раскопок Керкинитиды и Западно-Донузлавского городища и были распространены в регионе в течение первой четверти III в. до н. э. (Егорова 2009: 96—97).

В керамическом комплексе из Маслин представлена также компактная группа серолощеной посуды (Котенко 2011: 68—76). По назначению, подобно чернолаковым формам, она распределяется на рыбные блюда, миски, столовые кувшины небольших размеров. Рыбные блюда из Маслин имеют диаметр 20—25 см, отогнутые бортики и выделенную придонную часть (рис. 8: 1—6). Серолощеные миски повторяют формы чернолаковых сосудов, имея диаметр от 15 см и приподнятую придонную часть (рис. 8: 7—10). Столовые кувшины отличаются тонкими стенками, плоским дном и небольшими размерами — высотой 10—12 см (рис. 8: 11—12). К уникальным формам можно отнести серолощеный канфар, дублирующий форму и декор чернолаковых изделий (рис. 8: 13). Чернолаковые и серолощеные изделия из Маслин синхронны, но если первые традиционно ассоциируются с аттическим производством, то вторые являются продукцией северопричерноморских центров. На поселениях Северо-Западного Крыма такой тип посуды датируется первой половиной IV — первой половиной III вв. до н. э. (Ушаков, Ушакова 2012: 176).

На сегодня вопрос происхождения этой керамики остается дискуссионным. В. А. Латышева предполагала, что эта посуда поступала в Маслины из Херсонеса. Но дальнейшие исследования поселений хоры Херсонеса и Ольвии дали основания для целого ряда других соображений по этому поводу. С. Б. Буйских и В. В. Крапивина, касаясь темы производства серолощеной посуды в Ольвии (Буйских 2007: 39; Крапівіна 2007: 98—99), отметили, что здесь она является массовым керамическим материалом и, вероятно, местной продукцией еще с конца VI в. до н. э. В Маслины такая посуда могла попадать как непосредственно из Ольвии, так и через Херсонес. Однако говорить о поступлении серолощеной столовой посуды в Маслины именно из Ольвии сейчас следует только в предположительной форме, хотя степень этого

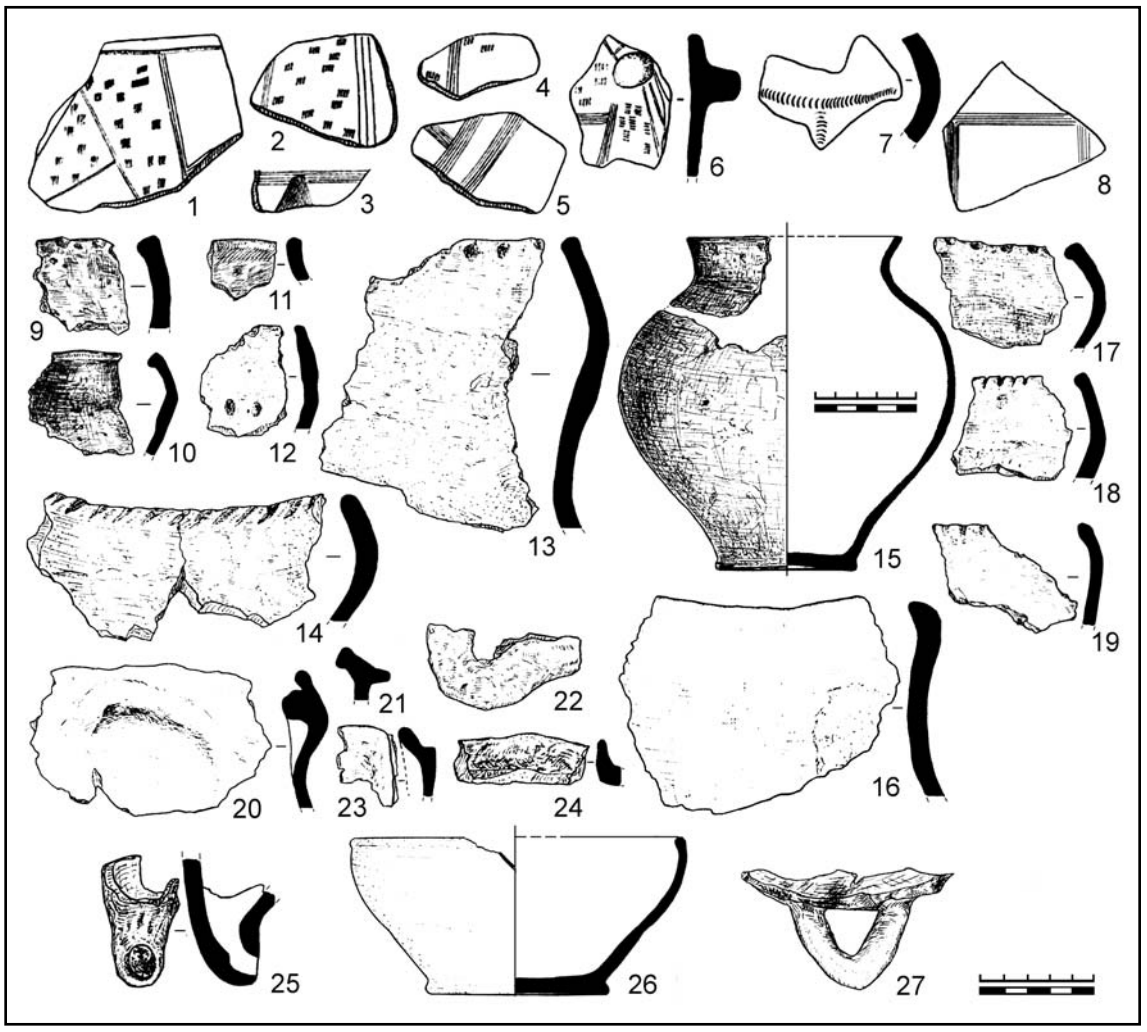

Рис. 9. Поселение Маслины. Лепная керамика: 1—8 — фрагменты керамики кизил-кобинского типа; 9—27 — керамика скифского типа (по Латышева 1980).

Fig. 9. Masliny settlement. Handmade pottery: 1—8 — pottery fragments of Kizil-Koba type; 9—27 — ceramics of Scythian type (after Латышева 1980).

предположения кажется достаточно высокой. Окончательные выводы можно будет сделать, только опираясь на данные специальных анализов керамического теста.

В керамическом комплексе Маслин обращает на себя внимание значительное количество лепной посуды. Она представлена традиционными формами — горшками, кастрюлями, сковородками, мисками, кружками. По подсчетам автора раскопок, около 40% всех лепных горшков орнаментированные. По внешнему виду и технологии лепная посуда из Маслин указывает на присутствие, кроме греков, носителей кизил-кобинской культуры и скифов. Впервые на таврскую посуду в Маслинах (рис. 9: 1—8) обратила внимание В. А. Латышева, предполагая, что тавры не представляли на поселениях хоры самостоятельного этноса, а в Маслинах, в частности, они могли обслуживать быт греков (Латышева 1997: 59). Присутствие кизил-кобинской посуды в помещениях башенных комплексов не подтверждает там физического присутствия тавров, а может лишь свидетельствовать об экономических связях между этносами. В. А. Латышева датировала посуду кизил-кобинской культуры временем с конца IV до II вв. до н. э. (Латышева 1993: 75). Согласно последним разработкам, эта категория посуды из Маслин относится к таврскому периоду развития кизил-кобинской культуры и может датироваться 373—350 гг. до н. э. (Кравченко 2011: 234).

Значительный массив лепной керамики на поселении представлен типичными скифскими горшками, кастрюлями, мисками, курильницами (рис. 9: 9—27). Это толстостенные грубо сделанные сосуды с характерным декором венчиков в виде ямочно-пальцевых вдавлений, иногда с отпечатком ногтя, косой

или прямой нарезки по краю, выполненной палочкой или ножом. Аналогичная посуда известна из раскопок позднескифских слоев Калос Лимена и датируется концом третьей четверти I — первой половиной II в. н. э. (Уженцев 2006: 33). Таким образом, керамический комплекс Маслин представлен всей полнотой типов и форм изделий, характерных для большинства античных памятников Северо-Западной Таврики.

Рассматривая вопрос о месте поселения Маслины в системе поселений хоры Херсонеса Таврического, следует отметить следующие дискуссионные моменты. Маслины являются крайним северным пунктом Херсонесского государства (среди известных к настоящему времени) с типичными для других поселений строительными остатками и керамическим комплексом. Укрепление было сооружено в традициях херсонесского монументального строительства. В планировочном отношении оно, скорее всего, подчинено городскому квартальному принципу строительства, что, в свою очередь, не исключало полифункционального назначения башенных сооружений. Такие и близкие строительные комплексы уже неоднократно зафиксированы на территории херсонесской хоры (Буйских 2008: 152—153), однако этот вопрос все еще ждет своего окончательного решения.

Одним из проблемных моментов в изучении поселений херсонесской хоры и ее населения является их полиэтничный облик. Наличие селища, располагающегося со всех сторон суши от укрепления Маслин, ставит вопрос о греко-варварских отношениях в пределах памятника. В этом отношении уместным является замечание В. А. Кутайсова, что в Северо-Западном Крыму не было такого четко выраженного оседания скифов с последующим их включением в состав государства, как это прослеживается на Боспоре. Хотя именно на примере Маслин он предполагает существование, наряду с греческими укреплениями, открытых поселков варварского характера (Кутайсов 2004: 117). На наш взгляд, сейчас уместно предполагать смешивание населения, что соответствует материальному облику поселения и фиксируется на соседних памятниках Северо-Западной Таврики.

Что касается географического расположения поселения Маслины и протяженности хоры Херсонесского государства, то анализ отдельных групп керамики прямо указывает на прочные экономические связи между Ольвией и Херсонесом в раннеэллинистическое время. Этот вопрос уже неоднократно поднимался в связи с попытками выяснить пограничные рубежи этих соседних севернопричерноморских государств (Ланцов 1991: 11; Билкова 1994: 19—31), определить масштабы их влияния на окрестные территории. На наш взгляд, общие черты материальной культуры поселений херсонесской и ольвийской хоры, которые сосредоточены в непосредственной близости друг к другу, дают возможность предполагать некую рубежную (контактную) территорию между государствами. Однако окончательные выводы о характере поселений восточной части ольвийской хоры и северных границ Херсонесского полиса можно будет сделать, археологически исследуя памятники региона и изучая массовый керамический материал. Эти и другие вопросы еще ждут своего дальнейшего исследования. Тем не менее, уже сейчас понятно, что поселение Маслины в Северо-Западной Таврике является чрезвычайно важным памятником для выяснения вопросов, поднятых в этой статье, и еще многих других спорных моментов, связанных с изучением организации хоры Херсонеса Таврического.

Литература

Билкова В. П. 1994. До питання про східну межу сільської округи Ольвії в пізньокласичний — ранньоелліністичний час. *Археологія* (3), 19—31.

Буйских А. В. 2008. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. *МАИЭТ*. Supplementum 5.

Буйских С. Б. 2007. Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI—I вв. до н. э. (историографический аспект). В: Тункина И. В. (отв. ред.). ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: *Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928—2004)*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 28—44.

Дашевская О. Д. 1969. Античная башня на городище Беляус. *КСИА* 116, 85—92.

Егорова Т. В. 2009. *Чернолаковая керамика IV — II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма*. Москва: МГУ.

Кац В. И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического*. Саратов: Изд-во Саратовского университета.

Кац В. И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. БИ XVIII.

Котенко В. В. 2011. Сіролощена кераміка з поселення Маслини. *Археологія* (1), 68—76.

Котенко В. В. 2012. До історії дослідження поселення Маслини у Північно-Західній Тавриці. *Древности 2012*, 264—274.

Котенко В. В. 2013. Господарський комплекс з поселення Маслини у Північно-Західній Тавриці. *ВХУ* 47, 7—21.

Котенко В. В. 2013а. Зразки кладок баштових будівель поселення Маслини. *Археологія* (4), 79—85.

Кравченко Е. А. 2011. *Кизил-кобинська культура у Західному Криму*. Київ; Луцьк: Вид-во ІА НАН України.

Крапівіна В. В. 2007. Сіроглиняна кераміка Ольвії VI—V ст. до н. е. *Археологія* (1), 98—106.

Кругликова И. Т. 1986. Башни на сельскохозяйственных усадьбах Гераклейского полуострова. В: Кошеленко Г. А. (отв. ред.). *Проблемы античной культуры*. Москва: Наука, 168—175.

Кутайсов В. А. 1985. Дом с андроном из раскопок Керкинитиды. *СА* (3), 178—190.

Кутайсов В. А. 1990. *Античный город Керкинитида*. Киев: Наукова думка.

Кутайсов В. А., Уженцев В. Б. 1994. Восточные ворота Калос Лимена. В: Кутайсов В. А. (отв. ред.). *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 44—70.

Кутайсов В. А. 2004. *Керкинитида в античную эпоху*. Киев: Корвин Пресс.

Кутайсов В. А. 2010. Природа Северо-Западного Крыма в античную эпоху. *БИ* XXIV, 291—320.

Кутайсов В. А. 2012. Один из ключевых элементов фортификации Калос Лимена (башня № 6). *АА* 28, 19—34.

Ланцов С. Б. 1991. *Западный Крым в составе Херсонесского государства*. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Киев.

Ланцов С. Б. 2008. О скифо-херсонесских отношениях в последней трети IV — первой трети III вв. до н. э. В: Петрова Э. Б. (отв. ред.). *Херсонесский колокол*. Симферополь: Сонат, 101—110.

Ланцов С. Б. 2012. Кульчукское городище. Краткий обзор исследований Донузлавской экспедиции КФ ИА НАНУ. В: Пысач З. И. (сост.). *Калос Лимен: музей и заповедник*. Симферополь: Н. Оріанда, 73—89.

Латышева В. А. 1972. *Отчет о раскопках Харьковского отряда Северо-Крымской археологической экспедиции Института археологии АН УССР в 1972 г.* НА ІА НАНУ. 1972/122.

Латышева В. А. 1973. *Звіт з ілюстративним матеріалом про розкопки Харківського загону Північно-Кримської експедиції Інституту археології АН УРСР у Північно-Західному Криму в 1973 р. (рос. мовою)*. Архив МАЭСУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 3.

Латышева В. А. 1974. *Отчет о раскопках экспедиции Харьковского университета в 1974 году*. НА ІА НАНУ. 1974/126.

Латышева В. А. 1977. *Отчет о раскопках Северо-Крымской экспедиции в 1977 году*. НА ІА НАНУ. 1977/43.

Латышева В. А. 1978. Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму. *КСИА* 156, 53—61.

Латышева В. А. 1980. *Отчет о раскопках Северо-Крымской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1980 году*. НА ІА НАНУ. 1980/104.

Латышева В. А. 1983. *Отчеты об археологических исследованиях за 1983 год*. Архив МАЭСУ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 14.

Латышева В. А. 1984. *Отчет о работе Северо-Крымской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1984 году*. НА ИА НАНУ. 1984/81.

Латышева В. А. 1985. *Отчет о раскопках Северо-Крымской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1985 году*. НА ІА НАНУ. 1985/167.

Латышева В. А. 1993. Греки, скифы, тавры в IV—II вв. до н. э. В: *Греція: історія та сучасність*. Тези міжнар. наук. конф. Київ, 74—75.

Латышева В. А. 1997. О населении херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (по материалам поселения Маслины). *Древности 1996*, 56—61.

Латышева В. А. 1999. О благоустройстве сельских поселений на территории херсонесской хоры (по материалам поселения Маслины). *Древности 1997—1998*, 79—89.

Латышева В. А. 2001. Чернолаковая керамика из раскопок поселения херсонесской хоры Маслины. В: Мещеряков В Ф. (отв. ред.). *Проблемы истории и археологии Украины*. Материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию независимости Украины. Харьков, 16—18 мая 2001 г. Харьков, 67.

Латышева В. А. 2010. *Маслины — античное поселение в Северо-Западном Крыму*. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина.

Лейпунська Н. О. 1980. Лутерії з Ольвії. *Археология* 33, 32—46.

Марченко К. К. 2005. Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи. В: Марченко К. К. (отв. ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху*. Санкт-Петербург: Алетейя, 12—26.

Монахов С. Ю. 1989. *Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н. э. Опыт системного анализа*. Саратов: Изд-во Саратовского университета.

Назаров В. В. 2003. *Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины (памятники античной и средневековой эпох)*. Киев: Стилос.

Пальцева Л. А. 1988. *Херсонес Таврический в V—I вв. до н. э.* Ленинград: ЛГУ.

Подгородецкий П. Д. 1994. Природа Западного Крыма в античную эпоху. В: Кутайсов В. А. (отв. ред.). *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 11—29.

Попова Е. А., Коваленко С. А. 2005. *Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища)*. Москва: МГУ.

Смекалова Т. Н. 2010. П. Н. Шульц — первооткрыватель археологических памятников Тарханкутского полуострова. *МАКК* III, 4—6.

Уженцев В. Б. 2006. *Эллины и варвары Прекрасной Гавани. (Калос Лимен в IV в. до н. э.— II в. н. э.): Материалы по археологии Крыма*. Симферополь: Сонат.

Ушаков С. В., Ушакова К. С. 2012. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок на хоре Херсонеса. В: Кемалова А. Р. (сост.). *Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности*. Симферополь: Н. Оріанда, 166—177.

Шульц П. Н. 2010. Отчет о работе отряда по исследованию памятников от устья р. Альма до д. Красноярское, от д. Оленевка на Тарханкутском п-ве до Перекопа. *МАКК* III, 25—31.

Щеглов А. Н. 1978. *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Ленинград: Наука.

Щепинский А. А. 1972. Исследования в Степном Крыму. *АО 1971 года*, 326—327.

Щепинський А. О., Черепанова О. М. 1974. Пам'ятки античного часу на березі Каркінітської затоки. *Археологія* 13, 62—64.

Alexandrescu P. 1978. *Céramique attique à vernis noir. La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe — IVe s.)*. Histria IV. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Handberg S., Petersen J.H. 2010. Glossed Pottery, Black glossed pottery, West Slope pottery, Brown-glossed pottery, Wheelmade bowls with horizontal fluting. In: *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD*. Aarhus: Aarhus University Press, 185—261.

Hannestad L., Stolba V.F., Blinkenberg Hustrup H. 2002. Black-Glazed, Red-Figure and Grey Ware Pottery. In: Hannestad L., Stolba V.F., Blinkenberg Hustrup H. (eds.). *Panskoye I. The Monumental Building U6*. Vol. 1. Aarhus: Aarhus University Press, 127—149.

Kašaev S.V. 2002. Commonware. In: Hannestad L., Stolba V.F., Blinkenberg Hustrup H. (eds.). *Panskoye I. The Monumental Building U6*. Vol. 1. Aarhus: Aarhus University Press, 150—179.

Rotroff S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. The Athenian Agora XXIX. Princeton: American School of Classical Studies at Athens.

References

Bylkova, V. P. 1994. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 19—31 (in Ukrainian).

Bujskikh, A. V. 2008. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria)*. Supplementum 5 (in Russian).

Bujskikh, S. B. 2007. In ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: *Antikovedchesko-istoriograficheskii sbornik pamiati Iaroslava Vital'evicha Domanskogo (1928—2004) (*ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: *Compilation of historiographical and antiquity studies to the memory of Iaroslav Vital'evich Domanski (1928—2004))*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 28—44 (in Russian).

Dashevskaya, O. D. 1969. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 116, 85—92 (in Russian).

Egorova, T. V. 2009. *Chernolakovaia keramika IV—II vv. do n. e. s pamiatnikov Severo-Zapadnogo Kryma (Black-glazed ware from 4th—2nd centuries BC from the sites of North-Western Crimea)*. Moscow: MGU (in Russian).

Kac, V. I. 1994. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo (Ceramic stamps of Tauric Chersonesos)*. Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Kac, V. I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) (Greek ceramic Classic and Hellenistic stamps (a complex study))*. Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies) XVIII (in Russian).

Kotenko, V. V. 2011. In. *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 68—76 (in Ukrainian).

Kotenko, V. V. 2012. In *Drevnosty 2012 (Antiquities 2012)*, 264—274 (in Ukrainian).

Kotenko, V. V. 2013. In *Visnyk Kharkivs'koho natsional'noho universytetu (Bulletin of Kharkiv national university)* 47, 7—21 (in Ukrainian).

Kotenko, V. V. 2013. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 79—85 (in Ukrainian).

Kravchenko, E. A. 2011. *Kyzyl-kobyns'ka kul'tura u Zakhidnomu Krymu (Kyzyl-kobyns'ka culture in Western Crimea)*. Kiev; Lutsk: IA NANU (in Ukrainian).

Krapivina, V. V. 2007. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 98—106 (in Ukrainian).

Kruglikova, I. T. 1986. In *Problemy antichnoi kul'tury (Problems of ancient culture)*. Moscow: Nauka, 168—175 (in Russian).

Kutaysov, V. A. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 178—190 (in Russian).

Kutaysov, V. A. 1990. *Antichnyi gorod Kerkinitida (Ancient town of Kerkinitida)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Kutaysov ,V. A., Uzhentsev, V. B. 1994. In *Severo-Zapadnyi Krym v antichnuiu epokhu (North-Western Crimea in Antiquity)*. Kiev: Kievskaia Akademiia Evrobiznesa, 44—70 (in Russian).

Kutaysov, V. A. 2004. *Kerkinitida v antichnuiu epokhu (Kerkinitida in Antiquity)*. Kiev: Korvin Press (in Russian).

Kutaysov, V. A. 2010. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies)* XXIV, 291—320 (in Russian).

Kutaysov, V. A. 2012. In *Arheologicheskii al'manah (Archaeological almanac)* 28, 19—34 (in Russian).

Lantsov, S. B. 1991. *Zapadnyi Krym v sostave Khersonesskogo gosudarstva (Western Crimea in the Chersonesos state)*. PhD Thesis. Kiev (in Russian).

Lantsov, S. B. 2008. In *Khersonesskii kolokol (Chersonesos bell)*. Simferopol: Sonat, 101—110 (in Russian).

Lantsov, S. B. 2012. In *Kalos Limen: muzei i zapovednik (Kalos Limen: museum and reservation)*. Simferopol: N. Orianda, 73—89 (in Russian).

Latysheva, V. A. 1972. *Otchet o raskopkakh Khar'kovskogo otriada Severo-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1972 g. (Report on the excavations of the Khar'kov detachment of the Northern-Crimean archaeological expedition of the Institute of Archaeology of AN USSR in 1972)* Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1972/122 (in Russian).

Latysheva, V. A. 1973. *Zvit z ilyustratyvnym materialom pro rozkopky Kharkivs'koho zahonu Pivnichno-Kryms'koï ekspedytsiï Instytutu arkheolohiï AN URSR u Pivnichno-Zakhidnomu Krymu v 1973 r. (ros. movoyu) (Illustrated report on the excavations of the Kharkiv detachment of the Northern-Crimean expedition of the Institute of Archaeology of AN URSR in North-Western Crimea in 1973)*. Arkhiv Muzeia arkheologii i etnografii Slobodskoi Ukrainy Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta (Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Slobodskaia Ukraine of Kharkiv National University). F. 1. Op. 1. D. 3 (in Russian).

Latysheva, V. A. 1974. *Otchet o raskopkakh ekspeditsii Khar'kovskogo universiteta v 1974 godu (Report of the excavations of the expedition of Kharkiv university in 1974)*. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1974/126 (in Russian).

Latysheva, V. A. 1977. *Otchet o raskopkakh Severo-Krymskoi ekspeditsii v 1977 godu (Report on the excavations of Northern-Crimean expedition in 1977)*. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1977/43 (in Russian).

Latysheva, V. A. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 156, 53—61 (in Russian).

Latysheva, V. A. 1980. *Otchet o raskopkakh Severo-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo gosuniversiteta v 1980 godu (Report of the excavations of Northern-Crimean archaeological expedition of Kharkiv State University in 1980)*. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1980/104 (in Russian).

Latysheva, V. A. 1983. *Otchety ob arkheologicheskikh issledovaniiakh za 1983 god*. Arkhiv Muzeia arkheologii i etnografii Slobodskoi Ukrainy Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta (Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Slobodskaia Ukraine of Kharkiv National University). F. 1. Op. 4. D. 14 (in Russian).

Latysheva, V.A. 1984. *Otchet o rabote Severo-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo gosuniversiteta v 1984 godu (Report of the work of Northern-Crimean*

archaeological expedition of Kharkiv State University in 1984). Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1984/81 (in Russian).

Latysheva, V. A. 1985. *Otchet o raskopkakh Severo-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo gosuniversiteta v 1985 godu (Report of the excavations of Northern-Crimean archaeological expedition of Kharkiv State University in 1985).* Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1985/167 (in Russian).

Latysheva, V. A. 1993. In *Hretsiya: istoriya ta suchasnist' (Greece: history and modernity).* Kiev, 74—75 (in Russian).

Latysheva, V. A. 1997. In *Drevnosti 1996 (Antiquities 1996)*, 56—61 (in Russian).

Latysheva, V. A. 1999. In *Drevnosti 1997—1998 (Antiquities 1997—1998)*, 79—89 (in Russian).

Latysheva, V. A. 2001. In *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Problems of history and archaeology of Ukraine).* Kharkov, 67 (in Russian).

Latysheva, V. A. 2010. *Masliny — antichnoe poselenie v Severo-Zapadnom Krymu (Masliny — ancient settlement in the North-Western Crimea).* Kharkov: KhNU (in Russian).

Lejpunskaya, N. O. 1980. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 33, 32—46 (in Ukrainian).

Marchenko, K. K. 2005. In *Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ia v antichnuiu epokhu (The Greeks and Barbarians of the Northern Pontic region in the Scythian epoch).* Saint Petersburg: Aleteiia, 12—26 (in Russian).

Monachov, S. Ju. 1989. *Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV—II vv. do n. e. Opyt sistemnogo analiza (Amphorae of Tauric Chersonesos from 4th—2nd centuries BC. A systemic analysis).* Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).

Nazarov, V. V. 2003. *Gidroarkheologicheskaia karta chernomorskoi akvatorii Ukrainy (pamiatniki antichnoi i srednevekovoi epokh) (Gidroarchaeological map of Black Sea aquatorium of Ukraie (sites from Antiquity and Middle Ages)).* Kiev: Stilos (in Russian).

Paltseva, L. A. 1988. *Khersones Tavricheskii v V—I vv. do n. e. (Tauric Chersonesos in the 6th—1st centuries BC).* Leningrad: LGU (in Russian).

Podgorodetskij, P. D. 1994. In *Severo-Zapadnyi Krym v antichnuiu epokhu (North-Western Crimea in Antiquity).* Kiev: Kievskaia Akademiia Evrobiznesa, 11—29 (in Russian).

Popova, E. A., Kovalenko, S. A. 2005. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki grecheskoi i pozdneskifskoi kul'tur v Severo-Zapadnom Krymu (po materialam Chaikinskogo gorodishcha) (Historical and achaeological essays on the Greek and late Scythian cultures in the North-Western Crimea (basing on the materials from Chaika hillfort)).* Moscow: MGU (in Russian).

Smekalova, T. N. 2010. In *Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma (Materials for the archaeological map of Crimea)* III, 4—6 (in Russian).

Uzhentsev, V. B. 2006. *Elliny i varvary Prekrasnoi Gavani. (Kalos Limen v IV v. do n. e. — II v. n. e.): Materialy po arkheologii Kryma (Greeks and barbarians of Prekrasnaia Gavani. (Kalos Limen in 4th century BC — 2nd century AD): Materials on the archaeology of Crimea).* Simferopol: Sonat (in Russian).

Ushakov, S. V., Ushakova, K. S. 2012. In *Istoriko-kul'turnoe nasledie Tarkhankuta: novye tendentsii razvitiia, novye vozmozhnosti (Historical and cultural heritage of Tarkhankut: new tendentions of development, new opportunities).* Simferopol: N. Orianda, 166—177 (in Russian).

Schultz, P. N. 2010. In *Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma (Materials for the archaeological map of Crimea)* III, 25—31 (in Russian).

Shcheglov, A. N. 1978. *Severo-Zapadnyi Krym v antichnuiu epokhu (North-Western Crimea in Antiquity).* Leningrad: Nauka (in Russian).

Shchepinskij, A. A. 1972. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 goda (Archaeological researches in 1971)*, 326—327 (in Russian).

Shchepynskij, A. F., Cherepanova, O. M. 1974. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 13, 62—64 (in Ukrainian).

Alexandrescu, P. 1978. *Céramique attique à vernis noir. La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe — IVe s.).* Histria IV. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Handberg, S., Petersen, J. H. 2010. Glossed Pottery, Black glossed pottery, West Slope pottery, Brown-glossed pottery, Wheelmade bowls with horizontal fluting. In: *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD.* Aarhus: Aarhus University Press, 185—261.

Hannestad, L., Stolba, V. F., Blinkenberg Hustrup H. 2002. Black-Glazed, Red-Figure and Grey Ware Pottery. In: Hannestad L., Stolba V. F., Blinkenberg Hustrup H. (eds.). *Panskoye I. The Monumental Building U6.* Vol. 1. Aarhus: Aarhus University Press, 127—149.

Kašaev, S. V. 2002. Commonware. In: Hannestad L., Stolba V. F., Blinkenberg Hustrup H. (eds.). *Panskoye I. The Monumental Building U6.* Vol. 1. Aarhus: Aarhus University Press, 150—179.

Rotroff, S. I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material.* The Athenian Agora XXIX. Princeton: American School of Classical Studies at Athens.

Статья поступила в номер 23 декабря 2013 г.

Victoria Kotenko (Kiev, Ukraine). "Kyiv-Mohyla Academy" National University [1].

Victoria Kotenko (Kiev, Ucraina). Universitatea Națională „Academia Kievo-Movileană".

Котенко Виктория Владимировна (Киев, Украина). Национальный университет «Киево-Могилянская академия».

E-mail: Kotenko_viktoria@mail.ru

Address: [1] Skovoroda St., 2, Kiev, 04655, Ukraine

А. Н. Колесниченко

Позднеэллинистический стеклянный кубок из собрания Одесского археологического музея

Keywords: Northern Black Sea Region, Olbia, Hellenism, casting, Eastern Mediterranean area, Syrian-Palestinian area, graffito.

Cuvinte cheie: spațiul nord-pontic, Olbia, elenism, turnare, estul spațiului Mediteranean, regiunea Siro-Palestiniană, graffito.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Ольвия, эллинизм, литье, Восточное Средиземноморье, сиро-палестинский регион, граффито.

A. N. Kolesnychenko

Late-Hellenistic Glass Beaker from the Collection of Odessa Archaeological Museum

The author publishes a cast conic beaker. It was possibly found in the ancient Olbia. Similar vessels were excavated on a temple near the mountain pass of Gurzuf Saddle in the Crimea. Glass beakers of this type were manufactured in workshops in the Syrian-Palestinian area and, perhaps, other centers in the Mediterranean. The chronological horizon of vessels of this type spans between late 2nd — early 1st centuries BC. The beaker has an engraved graffito, a sign that can be regarded as a Greek letter or a "Sarmatian tamga". This beaker could be introduced into the North Black Sea Region as a result of activities and military campaigns of Mithridates VI Eupator.

A. N. Kolesnychenko

O cupă elenistică târzie din sticlă din colecția Muzeului Arheologic din Odesa

În acest articol este publicat un vas conic turnat din sticlă, probabil, descoperit în Olbia. Cupe similare au fost descoperite în sanctuarul de la pasul montan Gurzufskoe Sedlo din Crimea. Producția cupelor de acest tip era realizată în atelierele din regiunea Siro-Palestiniană și, posibil, alte centre din spațiul Mediteranean. Vasele respective pot fi datate cu sfârșitul sec. II — începutul sec. I î. Hr. Pe suprafața piesei a fost aplicat un graffito, care poate fi o reprezentare a unei litere grecești sau a unui semn de tip „tamga sarmatică". Apariția acestei cupe în spațiul nord-pontic poate fi legată de activitatea și campaniile militare ale lui Mitridates al VI-lea Eupator.

А. Н. Колесниченко

Позднеэллинистический стеклянный кубок из собрания Одесского археологического музея

В статье публикуется литой сосуд конической формы, предположительно найденный в Ольвии. Аналогичные кубки обнаружены на святилище у перевала Гурзуфское Седло в Крыму. Производство подобных чаш относится к мастерским сиро-палестинского региона и, вероятно, другим центрам Средиземноморья. Сосуды такого типа датируются концом II — началом I вв. до н. э. На изделие нанесено граффито, знак можно рассматривать как греческую букву или «сарматскую тамгу». Поступление кубка в Северное Причерноморье, возможно, связано с деятельностью и военными кампаниями Митридата VI Евпатора.

Эллинистические литые сосуды Северного Причерноморья относятся к редкой и, к сожалению, слабо изученной категории археологических находок. В связи с этим, наша работа посвящена публикации кубка из коллекции Одесского археологического музея НАНУ. В музее хранится крупное собрание стекла с очень интересными и даже уникальными предметами. Почти вся подборка была сформирована в период деятельности Одесского Общества истории и древностей на основе вещей, происходящих из Северного Причерноморья. При изучении коллекции наше внимание привлек литой конический сосуд (инв. №51232). Согласно современной инвентарной книге числится как беспаспортный, но по данным старой документации артефакт, возможно, найден в Ольвии[1].

[1] На кубке сохранился фрагмент бумажной этикетки со старым номером, удалось прочитать только последнюю цифру «2». Маленькие бумажные наклейки стандартного формата и оформления характерны для работы музея во время деятельности ООИД. При изучении инвентарной книги общества выяснилось, что сходный по описанию сосуд числится под номером VI/742 — «желтая миска, клееная, толстая, выс. — 10 см, шир. — 16 см». В 1905 г. она была приобретена А. Л. Бертье-Делагардом у известного торговца древностями Л. Гохмана, как найденная в Ольвии.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© А. Н. Колесниченко, 2014.

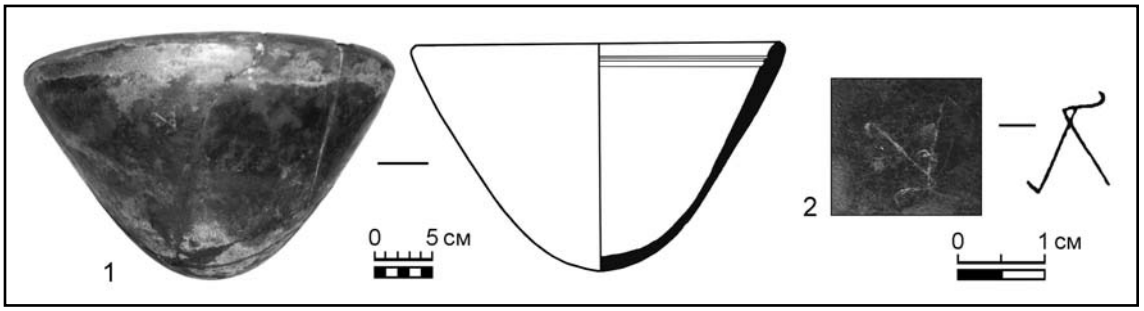

Рис. 1. Стеклянный кубок из коллекции Одесского археологического музея (фото и рисунки автора).

Fig. 1. Glass beaker from the collection of Odessa Archaeological Museum (photo and drawings by the author).

Кубок конусовидной формы с округлым дном (рис. 1: 1). Под венчиком с внутренней стороны два шлифованных пояска. Стекло полупрозрачное, коричнево-желтого цвета. Изнутри поверхность матовая, снаружи местами сохранился блеск. На внутренней стороне стенок прослеживаются мелкие концентрические царапины. С внешней стороны под венчиком нанесено граффито в виде буквы «Л» с горизонтальным хвостиком в верхней части (рис. 1: 2). Сосуд склеен из восьми фрагментов, два небольших кусочка на дне отсутствуют. Частично покрыт серебристо-радужной и белой пленкой иризации. Размеры: высота — 9,2 см, диаметр венчика — 16 см, толщина венчика — 0,6 см, толщина стенок — от 0,25 до 0,6 см.

Техника изготовления подобных чаш была экспериментально воспроизведена следующим образом. Стекло разогревали до температуры 700°С, затем формировали стеклянный диск толщиной 7—8 мм. Готовая заготовка клалась на две подпорки, между которыми помещалась выпуклая форма; такая конструкция отправлялась в печь. Под собственным весом стеклянный диск накрывает форму и формирует пустотелую вазу; во время этого процесса внешняя сторона сосуда полируется огнем. Такой метод был весьма производительным и нетрудоемким (Grose 1989: 94, fig. 9; Stern, Schlick-Nolte 1994: 66—71; Nenna 1999: 69).

Химический анализ рассматриваемого сосуда не производился. Однако нам известны исследования аналогичных чаш сиро-палестинского региона (конца II—I в. до н. э.). Результаты исследования показали, что в состав стекла входила чистая сода. Содержание K_2O от 0,4 до 1%, MgO от 0,3 до 0,8%. Такой состав свидетельствует о происхождении стекла из сиро-палестинского региона (Dussart, Velde 1990: 689—690, 693). Спектральный анализ иной категории находок, литых канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени, по мнению Л. Ю. Щаповой, также указывает на их происхождение из прибрежных районов Сирии (Засецкая, Марченко 1995: 100).

Форма стеклянного кубка является подражанием металлическим и керамическим сосудам, широко распространенным в эпоху позднего эллинизма (Милчев 1973: 1—3, обр. 2; Маразов 1979: 7, рис. 3—4, 6; Кунина 1997: 257; Симоненко 2011: 34, рис. 16: 1—4; Weinberg 1961: 390; Lloris 1990: 282, 284, fig. 131; Dussart 1998: 190). Известны также экземпляры, изготовленные из дерева (Weinberg, Stern 2009: 25). В литературе сосуд такой формы называется мастос (μαστός) (Ignatiadou, Antonaras 2008: 58; Weinberg, Stern 2009: 25).

Согласно широко используемой типологии Дэвида Гроуза, литые конические сосуды со шлифованными поясками «grooved bowls» относятся к группе А и датируются в рамках конца II — начала I в. до н. э. (Grose 1979: 55—59).

Аналогичные стеклянные кубки хранятся в собраниях многих музеев мира (Auth 1976: 45, no. 33; Hayes 1975: 18, no. 39; Matheson 1980: no. 37; Oliver 1980: 43, no. 17; Grose 1989: 204—205, no. 212—214; Arveiller-Dulong, Nenna 2000: 180, no. 210—211). В Государственном Эрмитаже числится подобная чаша из полупрозрачного зеленоватого стекла, имеющая внутри под краем три шлифованных пояска. В музей она поступила из коллекции П. А. Сабурова в 1884 году, место находки неизвестно. Вряд ли она происходит из Северного Причерноморья, так как П. А. Сабуров с 1870 г. по 1879 г. занимал пост русского посла в Греции, где собирал различные памятники античного искусства (Кунина 1997: 10, 257, кат. 50).

В Северном Причерноморье фрагменты похожих сосудов обнаружены только при раскопках святилища у перевала Гурзуфское Седло на юге Крыма. Всего найдено 23 экземпляра гладкостенных чаш с внутренней

гравировкой поясков, отполированных горячим и холодным способом. Наиболее близкими кубку из коллекции ОАМ является группа из 5 экземпляров (Новиченкова 2002: 18—19, рис. 4).

Такая продукция имела широкое распространение в районе Восточного Средиземноморья. Более шести тысяч фрагментов литых сосудов, в том числе и конической формы, найдено на небольшом поселении Тель Анафа (Израиль), в слое, датированном 125—95 гг. до н. э. (Weinberg 1970: 20). В настоящее время они известны на многих памятниках Сирии, Ливана, Иордании, Израиля, Египта, Судана и Турции (Barag 1971: 203, №4, 5, fig. 105: 6—7, pl. XCVIII: 2,4; Avigad 1972: 198—200, fig. 4; Dussart 1990: 252, Abb. 38: 1, var. a.; Yağci 1993: 95, 96, lev. 19b; Dussart 1998: 54, map 11: 22—23; Jennings 2002: 127—132; O'Hea 2005: 45—46; Jackson-Tal 2005: 51, fig. 1: 4; Segal, Młynarczyk, Burdajewicz 2009: 168—169, fig. 1: 10—13).

Долгое время считалось, что подобные кубки не имели широкого распространения в центральном и западном Средиземноморье. Они были обнаружены в Афинах и возле города Реджо-ди-Калабрия в Италии (Weinberg 1961: 389—390, 392, №11—12, fig. 3, pl. 95). Археологические исследования второй половины XX в. намного расширили ареал распространения литых конических сосудов. Теперь они известны на многочисленных памятниках материковой и островной Греции, Италии, Испании и Франции, самой северной точкой является находка в Нормандии. Наиболее полные списки памятников, где были обнаружены подобные сосуды, указаны в работах западноевропейских исследователей (Stern, Schlick-Nolte 1994: 284—285; Dussart 1998: 54; Nenna 1999: 68—69, pl. 41; Fontaine 2003: 250—251, fig. 2; Weinberg, Stern 2009: 25; Burdajewicz 2010: 365—366). В Западном Средиземноморье такие кубки доживают до конца I в. до н. э. Несколько экземпляров литых чаш этого периода найдено в Дакии (Румыния), они датируются с конца II по начало I в. до н. э. (Plantos 2006: 146, pl. 1). На сегодняшний день целые сосуды и фрагменты исчисляются тысячами.

На основе многочисленных находок, производство литых конических кубков исследователи относят к Восточному Средиземноморью, а именно, сиро-палестинскому региону (Hayes 1975: 16—17; Grose 1979: 55—59; Saldern 2004: 152—154). Основным и наиболее вероятным центром изготовления таких сосудов в эллинистическое время была Тель-Анафа (Grose 1989: 194). Но все же не исключается производство и в других мастерских Средиземноморья (Weinberg, Stern 2009: 25).

Некоторые параллели относительно происхождения литых конических сосудов со шлифованными поясками можно провести с близкими по форме кубками более раннего времени. Они выполнены в технике «Goldbandglas» (т. е. чаши с межстеклянным золочением) и датируются второй половиной III — началом II в. до н. э. Фрагмент подобной чаши также найден в Ольвии (Кунина 1997: 257, кат. 49). Мнения ученых по вопросу изготовления таких сосудов разделились. Их относят к продукции мастерских Средней Азии (Тревер 1940: 160—162), другие исследователи склоняются к гипотезе об александрийском происхождении (Parlaska 1955: 145: Abb. 9; Harden 1968: 39, 41; Луконин 1977: 119; Щапова 1983: 110; Кунина 1997: 256). Возможно, место производства следует искать в регионах, где производились геммы «слоистого стекла» и бусы с металлической прокладкой. А. С. Островерхов придерживался мнения Т. Е. Хеверник о том, что таким регионом может быть греко-анатолийская область (Haevernick 1969: 182; Островерхов 2006: 151—152). Такая гипотеза подтверждается открытием стекольной мастерской на о. Родос, где были обнаружены разнообразные бусы с металлической прокладкой и бракованные стенки кубков с межстеклянным золочением (Weinberg 1971: 146—148). На Родосе также известно изготовление полусферических литых сосудов, имитирующих сиро-палестинские чаши со шлифованными поясками (Weinberg, Stern 2009: 25). Таким образом, нельзя исключать, что в эллинистическую эпоху существовали разные центры производства литых сосудов. Возможно, что стекломасса, сваренная в одном регионе (Восточное Средиземноморье), в слитках доставлялась в другие центры Средиземноморья. Такая практика известна в древности и средневековье (Щапова 1989: 219; Дзиговский, Островерхов 2000: 76). Свидетельством торговли стекломассой в эллинистический период являются находки на затонувших кораблях на восточном побережье Корсики и на побережье Бар (на юге Франции), а предварительный анализ стекла указывает на сиро-палестинское происхождение (Fontaine, Foy 2007: 241). По мнению исследователей, на рубеже эр и в первые века н. э., в результате расширения Римской империи на Востоке, мастерские по производству стекла переносились на запад Средиземноморья (Щапова 1983: 119—138; Fontaine 2003: 253).

На публикуемый сосуд нанесено граффито в виде буквы Л (рис. 1: 2). Знак можно рассматривать как греческую букву «Λ» или лигатуру «ЛГ». Это очень интересная находка, в связи с тем, что гравировка на стекле хорошо известна только с более позднего времени. Начиная с I в. н. э. в центрах восточных провинций Римской империи с помощью гравировки сосуды разных форм украшались геометрическими, растительными и сюжетными рисунками (Caron 1997: 19). Рассматриваемое граффито, скорее всего, нанесено не для орнаментации кубка. В Северном Причерноморье известна еще одна резная надпись тонкими линиями, где на фрагменте стеклянного блюда читаются буквы «ТОП». Артефакт найден при раскопках античной Горгиппии в доме I—III вв. (Алексеева, Сорокина 2007: 15, табл. 9: 4—5). Мы не предполагаем, что знак на коническом сосуде является отметкой производителя, так как подобная практика не имеет подтверждения другими находками. Кроме того, со времени начала использования техники выдувания мастера изготавливали специальные формы для подписных экземпляров или клейм (Harden 1935: 163—164).

Граффито также напоминает тамгу. По аналогиям мастос датируется концом II — началом I в. до н. э., но самые ранние тамги получают распространение с рубежа эр. (Яценко 2001: 29, 85). Несмотря на то, что стекло — довольно хрупкий материал, кубок был ценной вещью и мог храниться достаточно долго. В таком случае данный знак относится к начальному периоду распространения тамг в Северном Причерноморье. К сожалению, полной аналогии граффито мы не обнаружили, но тамга в виде греческой буквы Λ встречается на памятниках середины I — середины II в. н. э. (Яценко 2001: рис. 5). В связи с тем, что датировка сосуда не совпадает со временем распространения подобной тамги и что неизвестны обстоятельства находки, характеризующие комплекс, однозначно толковать гравировку нельзя. «К тому же некоторые знаки, которые ранее относили к сарматским тамгам, часто напоминают буквы греческого алфавита» (Сапрыкин, Масленников 2007: 14). Несомненно, нанесение граффито на сосуд подчеркивало ценность предмета, его можно рассматривать как отметку собственности, посвящения богам, знак в честь заключения разных договоров. В Северном Причерноморье среди греческого и варварского населения практика нанесения граффити была широко распространена (Соломоник 1959: 42; Драчук 1975: 56; Яйленко 1980: 94—95; 1980а: 99—107; Яценко 2001: 22—23; Сапрыкин, Масленников 2007: 227—228; Русяева 2010: 78—82, 205;).

Каким же образом рассматриваемый кубок попал в Северное Причерноморье и, возможно, Ольвию? Можно предположить, что артефакт поступил в результате торговых связей, как многие другие импортные вещи (Брашинский 1984: 182). Интересно отметить, что из Ольвии происходит уникальная стеклянная амфора, хранящаяся в настоящее время в Берлинском музее. Ее производство датируют временем между второй половиной II в. до н. э. — 80 г. до н. э. и относят к мастерским Восточного Средиземноморья или Александрии (Platz-Horster 1995: 48—49, Abb. 1, rechts). Однако находки литой позднеэллинистической посуды в Северном Причерноморье весьма редки как в античных городах, так и в среде кочевников. В этот период сосуды открытых форм формировали с помощью литья и прессования из одноцветного или мозаичного стекла, также существовала техника с межстеклянным золочением «Goldbandglas». Если не учитывать стеклянные чаши из Гурзуфского Седла, по публикациям вряд ли наберется и два десятка паспортных экземпляров III — нач. I вв. до н. э., некоторые сосуды исследователями датируются I в. до н. э. — I в. н. э. (Weinberg 1965: 33, fig. 10; Островерхов, Охотников 1991: 45, рис. 1; Platz-Horster 1995: 35; Кунина 1997: кат. 49, 91 (9), 93, 94; Skarby... 2006: №1; Масленников 2007: 117, рис. 57: 4). Малочисленность находок не является доказательством слабых торгово-экономических связей городов Северного Причерноморья с восточносредиземноморским регионом. Наиболее вероятным является предположение, что такая продукция не пользовалась спросом, так как сосуды из стекла до использования техники выдувания были дорогостоящим товаром (Островерхов 2006а: 456—458). Согласно Плинию Старшему, небольшой сосуд в технике миллефиори стоил 70 талантов (Plin., NH, XXXVII, 7).

Несколько другая ситуация сложилась на территории Прикубанья и Нижнего Дона. Литые чаши, канфары и другие импортные вещи были обнаружены в сарматских погребениях (Засецкая, Марченко 1995: 99—101; Капошина 1968: 165—166, рис. 1). Как нами было указано выше, несколько фрагментов аналогичных кубков найдено на святилище Гурзуфское Седло. Состав обнаруженных на памятнике вещей, а также стеклянные канфары имеют сходства с находками из погребений зубовско-воздвиженской группы в Прикубанье (Новиченкова 2002а: 152, 153). Существует гипотеза о сарматском, а точ-

нее, сиракском происхождении захоронений зубовско-воздвиженского типа (Гущина, Засецкая 1989: 72). Поступление литых сосудов в Прикубанье[2], Нижний Дон и Крым в конце II — начале I в до н. э. исследователи связывают с деятельностью и военными кампаниями Митридата VI Евпатора (Капошина 1968: 165—166; Засецкая, Марченко 1995: 100—101; Новиченкова 2002а: 175, 176). Дорогие предметы могли быть дипломатическими дарами или военными трофеями, привезенными с запада Малой Азии и Греции после первой Митридатовой войны 88—85 гг. до н. э., так как стеклянные литые одноцветные сосуды второй половины II — начала I в. до н. э. имели наибольшее распространение в Восточном Средиземноморье и Греции, на территории же Понта находки единичны (Nenna 1999: pl. 41). Возможно, стеклянный кубок с граффито из Ольвии являлся собственностью военачальника из подразделений армии Митридата[3] или принадлежал вождю из числа варварских союзников понтийского царя[4].

Таким образом, кубок из коллекции ОАМ датируется в пределах конца II — начала I в. до н. э. Несмотря на то, что происхождение рассматриваемого артефакта точно не установлено, все же он дополняет список находок подобных чаш в Северном Причерноморье. Несомненно, сосуд является ценным источником для изучения истории данного региона.

Литература

Алексеева Е. М., Сорокина Н. П. 2007. *Коллекция стекла античной Горгиппии (I—III вв.)*. Москва: Интербук-бизнес.

Брашинский И. Б. 1984. Торговля. В: Рыбаков Б. А. (гл. ред.). *Античные государства Северного Причерноморья*. Археология СССР. Москва: Наука, 174—176.

Виноградов Ю. А. 2000. Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны. В: Соловьев С. Л., Цецхладзе Г. Р. (науч. ред.). *Таманская старина* 3. Тезисы докладов международной конференции. Тамань, Россия, 9—16 октября 2000 г. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 90—93.

Виноградов Ю. Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование*. Москва: Наука.

Гущина И. И., Засецкая И. П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.). *Труды ГИМ* 70, 71—141.

Дзиговский А. Н. 2003. *Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель*. Одесса: Гермес.

Дзиговский А. Н., Островерхов А. С. 2000. *Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени*. Одесса: Гермес.

Драчук В. С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Засецкая И. П., Марченко И. И. 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени. *АСГЭ* 32, 90—104.

Капошина С. И. 1968. Сарматы на Нижнем Дону. В: Гайдукевич В. Ф. (отв. ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград: Наука, 163—171.

Кунина Н. З. 1997. *Античное стекло в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: АРС.

Луконин В. Г. 1977. *Искусство древнего Ирана*. Москва: Искусство.

Маразов И. 1979. *Съкровището от Якимово*. София: Български художник.

Масленников А. А. 2007. *Сельские святилища Европейского Боспора*. Тула: Гриф и К.

Милчев А. 1973. Новооткрито сребърно тракийско съкровище от с. Якимово III, Михайловградско. *Археология* (1), 1—13.

Новиченкова К. В. 2002. Стеклянные гладкостенные чаши из святилища античного времени у перевала Гурзуфское Седло. *МАИЭТ* IX, 15—21.

Новиченкова Н. Г. 2002а. *Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское седло*. Ялта: РИО КГГИ.

Островерхов А. С. 2006. Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VI—II вв. до н. э.). *ВДИ* (2), 131—154.

Островерхов А. С. 2006а. Парадигмы древнего стекла (Очерк дискурсивной семиотики). В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии* 3. Донецк: ДонНУ.

Островерхов А. С., Охотников С. Б. 1991. О происхождении стеклянных фиал из курганов Северного и Восточного Причерноморья. В: Ванчугов В. П. (отв. ред.). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур*. Киев: Наукова думка, 44—52.

Русяева А. С. 2010. *Граффити Ольвии Понтийской*. МАИЭТ 8, Supplementum.

Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. *БИ*, Supplementum 1.

Симоненко А. В. 2011. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург:

[2] Митридат VI Евпатор с конца II в. до н. э. проводил активную политику по отношению к сарматским племенам Прикубанья. Поступления литых канфаров в конце II в до н. э. авторы связывают с мирным договором 180—179 гг. до н. э. между понтийским царем Фарнаком I, Херсонесом и царем европейских сарматов Гаталом (Смирнов 1953: 22; Засецкая, Марченко 1995: 101).

[3] В Ольвии располагались подразделения армии Митридата, состоявшие из арменийцев — выходцев из Малой Азии (Шелов 1983: 41; Виноградов 1989: 252—255).

[4] Союзниками Митридата VI Евпатора в военных действиях являлись варвары Северного Причерноморья, в число которых входили бастарны, скифы и сарматы (Виноградов 2000: 90—93; Дзиговский 2003: 65, 69—73).

Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История.
Смирнов К.Ф. 1953. *Северский курган.* Труды ГИМ 11.
Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья.* Киев: АН УССР.
Тревер К.В. 1940. *Памятники греко-бактрийского искусства*. Москва: АН СССР.
Шелов Д.Б. 1983. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор. *ВДИ* (2), 40—58.
Щапова Ю.Л. 1989. Западноазиатское стекло в Британском музее. *ВДИ* (2), 216—219.
Щапова Ю.Л. 1983. *Очерки истории древнего стеклоделия*. Москва: МГУ.
Яйленко В.П. 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* (2), 72—99.
Яйленко В.П. 1980а. Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* (3), 75—116.
Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья.* Москва: Восточная литература.
Arveiller-Dulong V., Nenna M.-D. 2000. *Les Verres Antiques. I. Contenants à parfum en verre moulé sur noyau et vaisselle moulée VII siècle avant J.-C.— Ier siècle après J.-C.* Département des antiquités grecques, étrusques et romaines du Musée du Louvre. Paris: Réunion des Musées Nationaux.
Auth S.H. 1976. *Ancient Glass at the Newark Museum.* Newark: The Newark Museum.
Avigad N. 1972. Excavations in the Jewish Quarter of the Old City of Jerusalem, 1971. *IEJ* 22, 193—200.
Barag D. 1971. The Glass Vessels. In: Dothan M., Freedman D.N. (eds.). *Ashdod II—III. The Second and Third Seasons of Excavations 1963, 1965, Soundings in 1967. Atiqot 9—10.* Jerusalem: Department of Antiquities and Museums, 202—205.
Burdajewicz M. 2010. Glass finds from Geronisos Island. In: Report of the Department of Antiquities, Cyprus 2009. Nicosia, 365—388.
Caron B. 1997. Roman Figure-Engraved Glass in the Metropolitan Museum of Art. *Metropolitan Museum Journal* 32, 19—50.
Dussart O. 1990. Die Gläser. *Archäologischer Anzeiger* (2), 252—256.
Dussart O. 1998. Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud. In: Dentzer J.-M. (dir.). *Bibliotheque archéologique et historique* CLII. Beyrouth: Institut Français d'Archéologie du Proche-Orient.
Dussart O., Velde B. 1990. La composition du verre hellénistique en Jordanie et Syrie du Sud. *Syria* 67, fascicule 3—4, 687—693.
Fontaine S.D. 2003. Importations tardo-hellénistiques et augustéennes de verre moulé monochrome à Olbia de Provence (Hyères, Var). *Revue archéologique de Narbonnaise* 36, 249—257.
Fontaine S.D., Foy D. 2007. L'épave Ouest-Embiez 1: le commerce maritime du verre brut et manufacturé en Méditerranée occidentale dans l'Antiquité. *Revue archéologique Narbonnaise* 40, 235—265.
Grose D.F. 1979. The Syro-Palestinian Glass in the Later Hellenistic Period. *MUSE* 13, 54—67.
Grose D.F. 1989. *Early Ancient Glass. Core-formed, rod-formed and cast vessels and objects from the Late Bronze Age to the Early Roman Empire, 1600 B.C. to A.D. 50.* New York: The Toledo Museum of Art.
Haevernick Th.E. 1969. Hellenistische Glasfingerringe. *Jahrbuch RGZM* 16, 175—182.
Harden D.V. 1935. Roman-Syrian glasses with mould-blown inscriptions. *JRS* 25, part 2, 163—186.
Harden D.V. 1968. The Canosa group of Hellenistic Glasses in the British Museum. *JGS* 10, 21—47.
Hayes J.W. 1975. *Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum.* Toronto: The Royal Ontario Museum.
Ignatiadou D., Antonaras A. 2008. *Glassworking Ancient and Medieval. Terminology, technology, and typology.* Thessaloniki: Centre for the Greek language division of lexicography.
Jackson-Tal R.E. 2005. A preliminary survey of the Late Hellenistic glass from Maresha (Marisa), Israel. *AnnAIHV* 16 (London 2003). Nottingham: Nottingam AIHV and authors, 49—53.
Jennings S. 2002. Late Hellenistic and Early Roman Glass from the Souks Excavations, Beyrouth, Lebanon. In: Kordas G. (ed.). *Hyalos, Vitrum, Glass.* 1st International Conference. Athenes: Glasnet Publications, 127—132.
Lloris M.B. 1990. *Guía de la cerámica romana.* Zaragoza: Libros Pórtico.
Matheson S.B. 1980. *Ancient Glass in the Yale University Art Gallery*. New Haven: Yale University Art Gallery.
Nenna M.-D. 1999. Les verres. *Exploration archéologique de Délos* XXXVII. Paris; Athènes: École française d'Athènes, de Boccard.
Oliver A. Jr. 1980. *Ancient Glass in the Carnegie Museum of Natural History*. Pittsburgh: The Board of Trustees, Carnegie Institute.
O'Hea M. 2005. Late Hellenistic glass from some military and civilian sites in the Levant: Jebel Khalid, Pella and Jerusalem. *Ann AIHV* 16. (London 2003). Nottingham: Nottingam AIHV and authors, 44—48.
Parlaska K. 1955. Das Verhältnis der megarischen Becher zum alexandrinische Kunsthandwerk. *JDI* 70, 129—154.
Plantos C. 2006. Two Greek-Roman Glass Vessels in the Dacian Fortress and Settlement from Piatra Craivii (Alba County). *Apulum* 43, 145—150.
Platz-Horster G. 1995. Die Berliner Glasamphora aus Olbia. *JGS* 37, 35—49.
Saldern A. 2004. *Antike Glas.* München: Verlag C.H. Beck oHG.
Segal A., Młynarczyk J., Burdajewicz M. 2009. The Glass. In: *Excavations of the Hellenistic site in Kibbutz Sha'ar-Ha'Amakim (Gaba) 1984—1998. Final Report.* Haifa: Zinman Institute of Archaeology University of Haifa, 167—180.
Skarby... 2006: *Skarby znad Morza Czarnego. Katalog wystawy w Muzeum Narodowym w Krakowie*. 2006. Stefaniak K. (leading ed.). Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie.
Stern M.E., Schlick-Nolte B. 1994. *Frühes Glas der alten Welt. 1600 v. Chr. — 50 n. Chr.* Sammlung Ernesto Wolf. Stuttgart: Ernesto Wolf.
Weinberg Gl.D. 1961. Hellenistic Glass Vessels from the Athenian Agora. *Hesperia* 30, 380—392.
Weinberg Gl.D. 1965. The Glass Vessels from the Antikythera Wreck. *TAPhS* 55, part 3, 30—39.
Weinberg Gl.D. 1970. Hellenistic Glass from Tel-Anafa in Upper Galilee. *JGS* 12, 17—27.
Weinberg Gl.D. 1971. Glass manufacture in Hellenistic Rhodes. *ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΟΝ ΔΕΛΤΙΟΝ* 24 (1969). Αθήναι.
Weinberg Gl.D., Stern M.E. 2009. *Vessel Glass.* The Athenian Agora 34.
Yağcı E.E. 1993. Başlangıcından Ceç Antik Dönemin Sonuna Kadar Anadolu'da Cam. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yayınlanmamış Doktora Tezi, Ankara.

References

Alekseeva, E. M., Sorokina, N. P. 2007. *Kollektsiia stekla antichnoi Gorgippii (I—III vv.) (Collection of glass from Ancient Gorgippis (1st—3rd centuries AD))*. Moscow: Interbukbiznes (in Russian).

Brashinsky, I. B. 1984. In *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia (Ancient states of the Northern Pontic region)*. Arkheologiia SSSR (Archaeology of USSR). Moscow: Nauka, 174—176 (in Russian).

Vinogradov, Yu. A. 2000. In *Tamanskaia starina (Taman antiquity)* 3. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 90—93 (in Russian).

Vinogradov, Yu. G. 1989. *Politicheskaia istoriia Ol'viiskogo polisa VII—I vv. do n. e. Istoriko-epigraficheskoe issledovanie (Political history of Olbian polis in 7th—1st centuries BC. Historical and epigraphical investigation)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Gushchina, I. I., Zasetskaya, I. P. 1989. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 70, 71—141 (in Russian).

Dzigovsky, A. N. 2003. *Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskikh zemel' (Essays on the history of Sarmatian tribes in the Carpathian-Dniester region)*. Odessa: Germes (in Russian).

Dzigovsky, A. N., Ostroverkhov, A. S. 2000. *Stekliannaia posuda kak istoricheskoe iavlenie v pamiatnikakh skifo-sarmatskogo vremeni (Glass ware as a historical phenomenon in the Scythian and Sarmatian sites)*. Odessa: Germes (in Russian).

Drachuk, V. S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ia (Sign systems in Northern Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Zasetskaya, I. P., Marchenko, I. I. 1995. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 32, 90—104 (in Russian).

Kaposhina, S. I. 1968. In *Antichnaia istoriia i kul'tura Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia (Ancient history and culture of the Mediterranean and Northern Pontic regions)*. Leningrad: Nauka, 163—171 (in Russian).

Kunina, N. Z. 1997. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha (Ancient glass in the Hermitage collection)*. Saint Petersburg: ARS (in Russian).

Lukonin, V. G. 1977. *Iskusstvo drevnego Irana (Art of Ancient Iran)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Marazov, I. 1979. *Săkrovistheto ot Yakimovo (Yakimovo treasure)*. Sofia: Bălgarski khudozhnik (in Bulgarian).

Maslennikov, A. A. 2007. *Sel'skie sviatilishcha Evropeiskogo Bospora (Rural sanctuaries of the European Bosporus)*. Tula: Grif i K (in Russian).

Milchev, A. 1973. In *Arkheologiya (Archaeology)* (1), 1—13 (in Bulgarian).

Novichenkova, K. V. 2002. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria)* IX, 15—21 (in Russian).

Novichenkova, N. G. 2002a. *Ustroistvo i obriadnost' sviatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo (Structure and ritualism of the sanctuary near the Gurzufskoe Sedlo mountain pass)*. Yalta: RIO KGGI (in Russian).

Ostroverkhov, A. S. 2006. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 131—154 (in Russian).

Ostroverkhov, A. S. 2006a. In *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and semiotic research in archaeology)* 3. Donetsk: DonNU (in Russian).

Ostroverkhov, A. S., Okhotnikov, S. B. 1991. In *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e — kontaktnaia zona drevnikh kul'tur (North-Western Pontic region — contact zone of ancient cultures)*. Kiev: Naukova dumka, 44—52 (in Russian).

Rusyaeva, A. S. 2010. *Graffiti Ol'vii Pontiiskoi (Graffiti of Pontic Olbia)*. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria) 8, Supplementum (in Russian).

Saprykin, S. Yu., Maslennikov, A. A. 2007. *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora (Graffiti and dipinti of the Chora of ancient Bosporus)*. Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies), Supplementum 1 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2011. *Rimskii import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ia (Roman import in the Sarmatian milieu of Northern Pontic region)*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriia (in Russian).

Smirnov, K. F. 1953. *Severskii kurgan (Severskii barrow)*. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 11 (in Russian).

Solomonik, E. I. 1959. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian signs of Northern Pontic region)*. Kiev: AN USSR (in Russian).

Trever, K. V. 1940. *Pamiatniki greko-baktriiskogo iskusstva (Monuments of Greek-Bactrian art)*. Moscow: AN SSSR.

Shelov, D. B. 1983. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 40—58 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1989. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 216—219 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1983. *Ocherki istorii drevnego steklodeliia (Essays on the history of ancient glass-making)*. Moscow: MGU (in Russian).

Yailenko, V. P. 1980. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 72—99 (in Russian).

Yailenko, V. P. 1980a. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 75—116 (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoiazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ia (Tamga-signs of Iranian populations in Antiquity and the Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Arveiller-Dulong, V., Nenna, M.-D. 2000. *Les Verres Antiques*. I. *Contenants à parfum en verre moulé sur noyau et vaisselle moulée VII siècle avant J.-C. — Ier siècle après J.-C.* Département des antiquités grecques, étrusques et romaines du Musée du Louvre. Paris: Réunion des Musées Nationaux.

Auth, S. H. 1976. *Ancient Glass at the Newark Museum*. Newark: The Newark Museum.

Avigad, N. 1972. Excavations in the Jewish Quarter of the Old City of Jerusalem, 1971. *IEJ* 22, 193—200.

Barag, D. 1971. The Glass Vessels. In: Dothan M., Freedman D. N. (eds.). *Ashdod II—III. The Second and Third Seasons of Excavations 1963, 1965, Soundings in 1967. Atiqot 9—10*. Jerusalem: Department of Antiquities and Museums, 202—205.

Burdajewicz, M. 2010. Glass finds from Geronisos Island. In: Report of the Department of Antiquities, Cyprus 2009. Nicosia, 365—388.

Caron, B. 1997. Roman Figure-Engraved Glass in the Metropolitan Museum of Art. *Metropolitan Museum Journal* 32, 19—50.

Dussart, O. 1990. Die Gläser. *Archäologischer Anzeiger* (2), 252—256.

Dussart, O. 1998. Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud. In: Dentzer, J.-M. (dir.). *Bibliotheque archéologique et historique* CLII. Beyrouth: Institut Français d'Archéologie du Proche-Orient.

Dussart, O., Velde, B. 1990. La composition du verre hellénistique en Jordanie et Syrie du Sud. *Syria* 67, fascicule 3—4, 687—693.

Fontaine, S. D. 2003. Importations tardo-hellénistiques et augustéennes de verre moulé monochrome à Olbia de Provence (Hyères, Var). *Revue archéologique de Narbonnaise* 36, 249—257.

Fontaine, S. D., Foy, D. 2007. L'épave Ouest-Embiez 1: le commerce maritime du verre brut et manufacturé en Méditerranée occidentale dans l'Antiquité. *Revue archéologique Narbonnaise* 40, 235—265.

Grose, D. F. 1979. The Syro-Palestinian Glass in the Later Hellenistic Period. *MUSE* 13, 54—67.

Grose, D. F. 1989. *Early Ancient Glass. Core-formed, rod-formed and cast vessels and objects from the Late Bronze Age to the Early Roman Empire, 1600 B. C. to A. D. 50*. New York: The Toledo Museum of Art.

Haevernick, Th. E. 1969. Hellenistische Glasfingerringe. *Jahrbuch RGZM* 16, 175—182.

Harden, D. V. 1935. Roman-Syrian glasses with mould-blown inscriptions. *JRS* 25, part 2, 163—186.

Harden, D. V. 1968. The Canosa group of Hellenistic Glasses in the British Museum. *JGS* 10, 21—47.

Hayes, J. W. 1975. *Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum*. Toronto: The Royal Ontario Museum.

Ignatiadou, D., Antonaras, A. 2008. *Glassworking Ancient and Medieval. Terminology, technology, and typology.* Thessaloniki: Centre for the Greek language division of lexicography.

Jackson-Tal, R. E. 2005. A preliminary survey of the Late Hellenistic glass from Maresha (Marisa), Israel. *Ann AIHV* 16 (London 2003). Nottingham: Nottingam AIHV and authors, 49—53.

Jennings, S. 2002. Late Hellenistic and Early Roman Glass from the Souks Excavations, Beyrouth, Lebanon. In: Kordas G. (ed.). *Hyalos, Vitrum, Glass.* 1st International Conference. Athenes: Glasnet Publications, 127—132.

Lloris, M. B. 1990. *Guía de la cerámica romana.* Zaragoza: Libros Pórtico.

Matheson, S. B. 1980. *Ancient Glass in the Yale University Art Gallery*. New Haven: Yale University Art Gallery.

Nenna, M.-D. 1999. Les verres. *Exploration archéologique de Délos* XXXVII. Paris; Athènes: École française d'Athènes, de Boccard.

Oliver, A. Jr. 1980. *Ancient Glass in the Carnegie Museum of Natural History*. Pittsburgh: The Board of Trustees, Carnegie Institute.

O'Hea, M. 2005. Late Hellenistic glass from some military and civilian sites in the Levant: Jebel Khalid, Pella and Jerusalem. *Ann AIHV* 16. (London 2003). Nottingham: Nottingam AIHV and authors, 44—48.

Parlaska, K. 1955. Das Verhältnis der megarischen Becher zum alexandrinische Kunsthandwerk. *JDI* 70, 129—154.

Plantos, C. 2006. Two Greek-Roman Glass Vessels in the Dacian Fortress and Settlement from Piatra Craivii (Alba County). *Apulum* 43, 145—150.

Platz-Horster, G. 1995. Die Berliner Glasamphora aus Olbia. *JGS* 37, 35—49.

Saldern, A. 2004. *Antike Glas.* München: Verlag C. H. Beck oHG.

Segal, A., Młynarczyk, J., Burdajewicz, M. 2009. The Glass. In: *Excavations of the Hellenistic site in Kibbutz Sha'ar-Ha'Amakim (Gaba) 1984—1998. Final Report.* Haifa: Zinman Institute of Archaeology University of Haifa, 167—180.

Skarby znad Morza Czarnego. Katalog wystawy w Muzeum Narodowym w Krakowie. 2006. Stefaniak, K. (leading ed.). Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie.

Stern, M. E., Schlick-Nolte, B. 1994. *Frühes Glas der alten Welt. 1600 v. Chr. — 50 n. Chr.* Sammlung Ernesto Wolf. Stuttgart: Ernesto Wolf.

Weinberg, Gl. D. 1961. Hellenistic Glass Vessels from the Athenian Agora. *Hesperia* 30, 380—392.

Weinberg, Gl. D. 1965. The Glass Vessels from the Antikythera Wreck. *TAPhS* 55, part 3, 30—39.

Weinberg, Gl. D. 1970. Hellenistic Glass from Tel-Anafa in Upper Galilee. *JGS* 12, 17—27.

Weinberg, Gl. D. 1971. Glass manufacture in Hellenistic Rhodes. *ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΟΝ ΔΕΛΤΙΟΝ* 24 (1969). Αθήναι.

Weinberg, Gl. D., Stern, M. E. 2009. *Vessel Glass.* The Athenian Agora 34.

Yağcı, E. E. 1993. Başlangıcından Ceç Antik Dönemin Sonuna Kadar Anadolu'da Cam. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yayınlanmamış Doktora Tezi, Ankara.

Статья поступила в номер 9 января 2014 г.

Anzhelika Kolesnychenko (Odessa, Ukraine). Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine[1].

Anzhelika Kolesnychenko (Odesa, Ucraina). Muzeul de arheologie din Odesa, Academia Naţională de Ştiinţe a Ucrainei.

Колесниченко Анжелика Николаевна (Одесса, Украина). Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины.

E-mail: mangul.ua.84@mail.ru

Address: [1] Lanzheronovskaya St., 4, Odessa, 065026, Ukraine

История науки

History of Science
Din istoria ştiinţei

В. И. Кац

Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом

Keywords: Chersonesos Tauric, Moscow Archaeological Society, Imperial Archaeological Commission, P.S. Uvarova, A.A. Bobrinsky, K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich.

Cuvinte cheie: Chersonesos Tauric, Societatea de Arheologie de la Moscova, Comisiunea Arheologică Imperială, P.S. Uvarova, A.A. Bobrinski, K.K. Kosțiușko-Valiujinici.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Московское Археологическое общество, Императорская Археологическая комиссия, П.С. Уварова, А.А. Бобринский, К.К. Косцюшко-Валюжинич.

V.I. Kac

The Beginning of the Excavation in Chersonesos Tauric by Imperial Archaeological Commission

The Imperial Archaeological Commission began excavations in Chersonesos on May 16, 1888. To some extent, these works were initiated by the memorandum of the chairman of the Moscow Archaeological Society, countess P.S. Uvarova, to Alexander III, sent a year before, in which the disastrous state of the ancient monuments of Chersonesos was colourfully described. Undoubtedly, countess hoped that the Moscow Society would be entrusted to improve the situation. However, the initiative was intercepted by the chairman of the Imperial Archaeological Commission A.A. Bobrinsky. He managed not only to get an exclusive right for the Commission to carry out excavations in Chersonesos, but also to find a dignified candidacy of the leader of this research — a resident of Sebastopol K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich. Already the first field season was so successful that in the future, until the beginning of World War I, the Archaeological Commission annually conducted research in Chersonesos.

V.I. Kac

Începutul săpăturilor în Chersonesos Tauric de către Comisiunea Arheologică Imperială

Pe 16 mai 1888, în Chersonesos Tauric au demarat săpăturile, organizate de către Comisiunea Arheologică Imperială. Într-un mod oarecare, drept imbold pentru aceste lucrări a servit scrisoarea-raport, expediată de către președintele Societății de Arheologie din Moscova, contesa P.S. Uvarova pe numele lui Alexandru al III-lea, în care se descria amănunțit starea proastă a siturilor antice din Chersonesos. Evident, contesa spera, ca anume Societății de Arheologie din Moscova să-i fie ordonată ameliorarea situației. Însă, inițiativa a fost preluată de către președintele Comisiunii Imperiale, A.A. Bobrinski. El a reușit nu doar să obțină dreptul exclusiv asupra realizării săpăturilor în Chersonesos, ci și să identifice o candidatură demnă de a conduce aceste lucrări. Acesta a devenit locuitorul orașului Sevastopol, K.K. Kosțiușko-Valiujinici. Deja prima campanie de săpături s-a dovedit a fi atât de reușită, încât ulterior, până la începutul Primului război mondial, Comisiunea Arheologică a efectuat cercetări anuale în Chersonesos.

В.И. Кац

Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом

16 мая 1888 года в Херсонесе Таврическом начала раскопки Императорская археологическая комиссия. В какой-то степени толчком к проведению этих работ послужила посланная за год перед этим докладная записка председателя Московского археологического общества графини П.С. Уваровой на имя Александра III, в которой красочно описывалось бедственное состояние античных памятников Херсонеса. Несомненно, графиня надеялась, что именно Московскому археологическому обществу будет поручено исправить сложившуюся ситуацию. Однако инициативу перехватил председатель Императорской комиссии А.А. Бобринский. Ему удалось не только добиться того, что Комиссия получила исключительное право на проведение в Херсонесе раскопок, но и подобрать достойную кандидатуру руководителя проводимых исследований. Им стал житель Севастополя К.К. Косцюшко-Валюжинич. Уже первый полевой сезон оказался настолько успешным, что в дальнейшем, вплоть до начала первой мировой войны, Археологическая комиссия ежегодно проводила исследования в Херсонесе.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© В.И. Кац, 2014.

Где-то в начале июня 1887 года на столе кабинета Александра III в Гатчине оказалась докладная записка председателя Московского Археологического общества (МАО) графини П.С. Уваровой (рис. 1) (Документы... 1887: Л. 16—24). Записка была прочитана императором крайне внимательно, о чём свидетельствуют многочисленные пометки, оставленные им на полях.

Графиня была известна императору лично. Последний раз он с ней встречался в Москве в марте 1883 года в период коронационных торжеств, когда её муж (председатель МАО гр. А.С. Уваров) знакомил императора с экспозицией только что открытого Российского Исторического музея, одним из создателей и фактическим директором которого он был. Знал Александр III и о кончине графа и о казусной истории, случившейся при выборе нового председателя МАО. Собралось правление, на заседании которого наиболее приемлемой кандидатурой была названа Прасковья Сергеевна, на протяжении двадцати лет активно помогавшая мужу в организации работы Общества. Но, к удивлению многих присутствующих, оказалось, что графиня не являлась членом Общества. Несмотря на свои новаторские начинания в организации археологического изучения России, Алексей Сергеевич в отдельных вопросах оставался типичным консерватором. Так, в частности, он был решительным противником присутствия в Обществе «дамского элемента» и в этом вопросе не сделал исключения даже для ближайшего сподвижника и сотрудника — своей супруги. Из создавшейся патовой ситуации правление вышло с честью. На том же заседании Прасковья Сергеевна была избрана почётным членом Общества, а через три месяца его председателем. Следует отметить, что она отнеслась к этой чести с определённой долей юмора, заметив, что при выборе учитывался и тот факт, что, «если я окажусь неспособной, то всегда легче и для них покойнее... свалить вину на слабую неспособную женщину» (Уварова 2005: 159). Таким образом, представленная на Высочайшее Имя докладная записка была одним из дебютных шагов графини на новом поприще.

Начинается она чрезвычайно пафосно.

«Древнейшая святыня земли Русской — город Корсунь или Херсонес... Здесь на берегу Чёрного моря равноапостольный князь Владимир венчался и принял святое крещение. Отсюда свет христианского учения распространился по всей России. Святыня эта должна быть дорога всякому русскому сердцу, должна быть известна всей грамотной России, должна служить основанием при изучении русской архитектуры и русского искусства, но не то мы видим на самом деле.

Рис. 1. П.С. Уварова (Уварова 2005: 2).

Fig. 1. P.S. Uvarova (Уварова 2005: 2).

Вашему Императорскому Величеству угодно было прошлым летом посетить древний Херсонес и нам нет надобности распространяться ныне на счёт того запустения, в котором Херсонес предстал перед Августейшими глазами Вашими».

На поле напротив последнего абзаца рукой императора начертано: «верно, действительно был поражён этим безобразием».

Да и как было не возмущаться, если посещение императором Херсонеса закончилось «скверным анекдотом», как назвали произошедшее некоторые газетные фельетонисты. После завершения традиционного при визите в Херсонес ритуала — торжественной службы в храме святого Владимира — император пожелал ознакомиться с вновь открытыми на городище памятниками. Сопровождал его и давал объяснение иеромонах, руководивший в последние годы раскопками. Александр III уже был наслышан о том, что недавно были обнаружены развалины небольшого храма с хорошо сохранившимся мраморным мозаичным полом. Когда подошли к храму, то оказалось, что вокруг его остатков в целях сохранности была сооружена стена из тёсаного камня, сделана деревянная дверь с висячим большим замком. Однако попасть в храм

не удалось, у сопровождавшего императора чичероне не оказалось ключа. Побежали искать отца-ключаря, но так и не нашли. Покрутились император со свитой у закрытой двери и удалились ни с чем. Дошлые репортёры выяснили, что если бы даже справились с замком, то с искомой мозаикой познакомиться бы не удалось. Стену то построили, но забыли соорудить крышу и поставить сторожа. В результате однажды ночью какие-то злоумышленники перелезли через стену, выломали и унесли мозаику.

Но вернёмся к докладной записке. Далее Уварова подробно описывает раскопки, проведённые по распоряжению «Комиссии для исследования древностей» в 1853 году в Херсонесе её покойным мужем. Было исследовано несколько отдельно расположенных могил и склепов на некрополе, а на городище вскрыт полностью самый крупный в Херсонесе храм, который с того времени получил название «Уваровская базилика». «Крымская война помешала графу продолжить раскопки. Мозаика и колонны храма были засыпаны землёй»[1].

Заинтересовал Александра III и следующий пассаж в докладной записке:

«Французские войска заняли Херсонес и устроили в нём свою Главную Квартиру, при ней находились французские учёные, приехавшие, как после сами сознавались, с целью вскрыть несколько древних могил, с типом и вещами которых они познакомились по трудам графа Уварова. Но могилы эти остались немы и не открыли своих сокровищ».

Однако в этом вопросе графиня ошибалась. Во-первых, о результатах раскопок Уварова французские учёные ничего не могли знать, так как информация появилась в печати уже после Крымской войны. Во-вторых, судя по документам, французы никаких научных раскопок не проводили, был откровенный грабёж, осуществлявшийся рядовыми солдатами и офицерами. Были растащены древности, находившиеся в незадолго до того созданном в Херсонесе монастыре. Разобраны на сувениры находки, обнаруженные при строительстве на городище траншей и батареи. Наконец, широкомасштабное ограбление городища проводилось под руководством полковника 39 полка Манро. По рассказам очевидцев, был открыт храм с мозаичным полом, который целиком был разобран и отправлен за границу (Тункина 2002: 529)[2].

Вся отмеченная выше информация составляла своеобразную вводную частью докладной записки. Основой же её стала безрадостная характеристика современного состояния памятников Херсонеса

«Но, что судьба спасла от иностранцев, то должно было погибнуть от рук тех, которые более других должны были дорожить первыми христианскими древностями народа русского.

Всем известно, как архимандрит здешнего монастыря Евгений расхищал Херсонес и, нагружая ночью полные барки, сбывал свою добычу на фабрику шипучих вод в Севастополь. С тех пор прошло много десятков лет, а положение Херсонеса всё более и более ухудшается, ... храмы и могилы расхищены, город и могильники стоят не ограждёнными, раскопки проводятся полуграмотными монахами без всякого контроля и научного плана, древние стены выламываются и употребляются на нужды монастырские.

Легко предвидится время, когда от древней Корсуни останется одна груда камней, никому не нужных, ничего не говорящих, никого более не привлекающих. Не того следовало бы ожидать от столь громадного и могущественного государства».

На полях против этого абзаца пометка — «Да!!!»

«Повели Государь и древний Херсонес станет русской Помпеей, заинтересует всю благомыслящую Россию, привлечёт к изучению своих древностей не только русских учёных, но и путешественников из Западной Европы.

Труден и тернист путь, по которому пойдут первые работники и исследователи испорченного хищениями Херсонеса, но вера и надежда на лучшее будущее, на поддержку Вашего Императорского Величества направит, под-

[1] Здесь графиня не совсем точна. В связи с начавшейся войной с Турцией министр внутренних дел граф Л. А. Перовский, обеспокоенный сохранностью херсонесских памятников, доложил Николаю I об открытии базилики с мозаичным полом. Император повелел немедленно перевезти его в Эрмитаж. В начале мая 1854 года доставка мозаики была поручена А. С. Уварову. Она была разобрана, отреставрирована на Петергофской гранильной фабрике и уложена в одном из залов Эрмитажа (ныне II зал античного отдела).

[2] Два десятка лет тому назад мне было передано с десяток протирок с амфорных клейм, находящихся в фондах Лувра. Большинство из них содержат имена херсонесских астиномов, контролировавших керамическое производство в городе. В Средиземноморье, где французские археологи проводили исследование античных памятников, херсонесские клейма практически не известны. Вероятнее всего, луврские оттиски являются частью «боевых трофеев», захваченных в Севастополе. Не исключено, что в запасниках музея хранятся и другие херсонесские древности.

держит их силы и даст возможность довести дело до счастливого результата».

На полях против абзаца — «с радостью поддержу их».

«Эту трудную и на первых порах неблагодарную задачу возможно возложить на одно из археологических Обществ (на полях рукой императора начертано — кому именно?), требуя от него устройства на месте отдельной археологической станции со своим хозяйством, инспектором и консерватором, со своими стражами и работниками. Устроив подобную станцию, следовало бы, сократив монастырь, обязать новых хозяев содержать священнослужителей для постоянного служения в местной церкви. На содержание же археологической станции следовало бы отдать ей те земли, которыми пользуется теперь монастырь, а именно 400 десятин каменистой степи вокруг Херсонеса и земли в Мелитопольском и Бердянском уездах. Таким образом, не расходуя ничего нового, Правительство могло бы требовать и ожидать от учёного общества того, что следовало бы дать Херсонесу уже много лет тому назад».

Мы не знаем, какое впечатление на Александра III произвело предложение закрыть монастырь, но мне оно врезалось в память уже тогда, когда я впервые в студенческие годы познакомился с этим документом. И значительно позже в том же архиве ИИМКа мне чисто случайно попала в руки рукопись обширной работы (видимо, не опубликованной) некоего К.Г. Болтенко «А.С. и П.С. Уваровы» (РА ИИМК. Ф. 2. Д. №165). Статья написана в соответствии со сложившейся в советской историографии разоблачительной оценкой деятельности этой супружеской четы. Они, якобы, подчинили археологию задаче обслуживания интересов самодержавия. Все их силы были направлены на защиту и пропаганду православия, самодержавия и народности. А графиня, ко всему прочему, была «религиозной фанатичкой». Интересно, если бы автор был знаком с докладной запиской П.С. Уваровой, смог ли бы он интерпретировать её предложение закрыть монастырь как факт «оголтелого религиозного фанатизма»?

Александр III завершил знакомство с докладной запиской и вверху титульного листа начертал распоряжение статс-секретарю;

«Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров. Поговорите об этом деле, с кем следует и представьте мне заключение и как можно скорее, чтобы спасти всё, что можно спасти».

Итак, громоздкая и неповоротливая бюрократическая имперская машина (именно так её характеризуют многие классики русской художественной литературы XIX в.) заработала, выполняя монаршую волю. Прежде чем мы рассмотрим этапы и результаты этой работы, имеются основания выяснить, каково в действительности было положение с памятниками Херсонеса и какие события вызвали появление докладной записки П.С. Уваровой.

Регулярные раскопки в Херсонесе начали проводиться ещё с середины 70-х гг. XIX в. Относительно небольшие средства на их проведение выделялись Министерством Народного просвещения Одесскому обществу истории и древностей (ООИД). Однако последнее передоверило проведение раскопок местному монастырю, не осуществляя постоянный контроль над проводимыми работами. Принципы организации и результаты этих работ довольно скоро стали объектом суровой и, в основных чертах, заслуженной критики, исходящей со стороны как научных кругов, так и широкой общественности.

Переломным оказался 1884 год. С одной стороны, возникли трудности с финансированием дальнейших раскопок, проводимых монастырём. С другой — Военное ведомство запланировало крупные строительные работы на городище, руководство которыми было поручено инженер-полковнику А.Л. Бертье-Делагарду. Предварительное археологическое исследование района, где должно было осуществляться строительство батарей, вообще не планировалось. Правда, в какой-то степени Херсонесу повезло. Бертье-Делагард был известным коллекционером и знатоком древностей Крыма. Ему удалось наладить сбор археологического материала, встреченного строителями в ходе уничтожения культурного слоя на городище. Все обнаруженные находки (среди них одних монет насчитывались более 800) были препровождены в ООИД. Правда, в научный оборот находки не были введены, видимо, затерялись в фондах Одесского музея и оказались депаспортизированы.

Показательна в связи с раскопками Херсонеса в этот период полемика, развернувшаяся весной 1884 года на страницах газеты «Севастопольский листок» между редакцией, в составе которой находились активные члены возникшего незадолго перед этим Кружка любителей истории и археологии Крыма, и вице-президентом Одесского общества В.Н. Юргевичем (Севастопольский листок, №14 и №26 за 1884 г.). Последний в письме, присланном в газету, оценил как неудовлетворительные результаты раскопок, проводимых обществом в Херсонесе, когда, затратив несколько тысяч рублей, «мы не получили

Рис. 2. К.К. Косцюшко-Валюжинич (http://ru.wikipedia.org/wiki).

Fig. 2. K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich (http://ru.wikipedia.org/wiki).

Рис. 3. А.А. Бобринский (https://m.slovari.yandex.ru/article.xml?book=rges&title).

Fig. 3. A.A. Bobrinsky (https://m.slovari.yandex.ru/article.xml?book=rges&title).

для нашего музея ни одной монеты, ни одной хотя бы малоценной вещи». Основной причиной неудачи он считает противозаконную, по его мнению, деятельность севастопольских любителей, скупавших похищенные солдатами, занятыми на раскопках, древности.

В комментариях к письму редактор газеты (один из инициаторов создания Кружка) К.К. Косцюшко-Валюжинич (рис. 2) резонно указал на то, что уважаемый профессор путает причину со следствием. Нельзя получить от раскопок, проводимых без надлежащего надзора, хороших результатов. Да и чего можно было ожидать, «когда этим делом заведовали лица, хотя и достойные всеобщего уважения, но взявшиеся за археологические изыскания не сочувствуя им». В заключении отмечалось, что «нужно только радоваться, что большинство расхищенных в Херсонесе предметов попало в руки честных любителей и украшают теперь коллекции местного музея».

В том же номере газеты был опубликован проект новой организации работ на херсонесском городище с предложением обсудить его в преддверии VI Археологического съезда, который должен был состояться в августе 1884 г. в Одессе.

Мы не располагаем данными о том, что предложенный проект где-либо обсуждался. Однако несомненно, что с ним были знакомы представители двух основных археологических организаций России: Императорской Археологической комиссии (ИАК) и Московского Археологического общества (МАО). Об этом свидетельствует письмо, направленное Комиссией в редакцию «Севастопольского листка» с просьбой выслать опубликованные в этом издании все материалы, касающиеся Херсонеса. Видимо, знаком был с этими публикациями и председатель МАО А.С. Уваров, посетивший осенью 1884 года после археологического съезда в Одессе Севастополь. Он как никто другой смог оценить нависшую над древностями Херсонеса опасность, и, видимо, поделился своими впечатлениями с графиней, которая ждала мужа в Ялте. Однако смерть помешала графу вмешаться в дела Херсонеса. Эту задачу, как мы видели выше, попыталась решить Прасковья Сергеевна, обратившись на Высочайшее Имя.

Интересное совпадение: 24 апреля[3] 1887 года состоялось заседание Правления МАО, на котором была заслушана и одобрена записка Уваровой. И в тот же день незадолго до этого назначенный председателем ИАК граф А.А. Бобринский (рис. 3) отпра-

[3] Все даты даны по старому стилю.

вил в Севастополь письмо Бертье-Делагарду (Документы... 1887: Л. 6.), в котором сообщалось:

«Считаю долгом воспользоваться изъявленной Вашим Высокопревосходительством готовностью заняться в нынешнем году расследованием некоторых частей древнего Херсонеса, ИАК назначила в Ваше распоряжение на производство этих работ аванс в 2,5 тысячи руб.

Для ближайшего и окончательного обсуждения на месте подробностей плана раскопок в мае месяце приедет в Севастополь член ИАК профессор Н.П. Кондаков, которым будут прикомандированы к Вам в помощь два студента Новороссийского университета, имеющие находиться при раскопках...».

Таким образом, общее руководство планировалось возложить на члена Комиссии, известного историка византийского и древнерусского искусства, профессора Н.П. Кондакова. Однако, в связи с тем, что последний не являлся археологом, было решено привлечь в качестве наблюдателя над проведением раскопок Бертье-Делагарда, на что тот, как мы видим, дал своё согласие.

Последний получил общие инструкции, касающиеся проведения самих раскопок. Из назначенной суммы он имел право «расходовать деньги, которые потребуются на изготовление планов и рисунков... Каждая посылаемая (в ИАК — *В.К.*) вещь должна быть снабжена особым ярлычком, с обозначением того же самого №, под которым она будет значиться в описи. В случаях каких-нибудь особенно интересных находок ИАК покорнейше просит Вас присылать ей тотчас же краткие извещения». По окончанию работ ИАК покорнейше просит Бертье-Делагарда прислать ей финансовый отчёт (по приложенной форме), отчёт о проведённых исследованиях и опись обнаруженных находок.

События, предшествовавшие появлению этого письма, в документах отражены слабо. Известно только о ходатайстве, направленном Археологической комиссией на имя министра императорского двора И.Д. Петрова в конце января 1887 г. (Документы... 1887: Л. 6). В нём сообщалось, что в последнее время в ходе строительных работ, проводившихся Военным ведомством на территории херсонесского городища, были уничтожены многие интересные памятники древности. Комиссии об этом стало известно только тогда, когда работы были закончены. В связи с этим Комиссия признаёт необходимым:

1) для охранения развалин построить на городище небольшой караульный домик и содержать сторожа;

2) ежегодно производить систематические раскопки;

3) просить Военное ведомство, чтобы оно своевременно уведомляло Комиссию о планируемых строительных работах и этим давало бы ей возможность предварительно исследовать те участки, которые будут затронуты строительством.

Практически инициатива организации постоянных раскопок Херсонеса стала первым серьёзным мероприятием, затеянным новым председателем Археологической комиссии. Работы должны были начаться летом 1887 г., в Севастопольское казначейство был перечислен аванс на имя Бертье-Делагарда, Однако в последний момент, как свидетельствует запись, оставленная, видимо, Бобринским красными чернилами под письмом от 24 апреля, раскопки «по независящим от Комиссии причинам не были произведены в 1887 г. в связи с военными работами в Херсонесе по данным телеграммы Кондакова» и перенесены на следующий год. Имеется и иная версия: раскопки не состоялись «вследствие командирования за границу профессора Кондакова». Об этом упоминается в письме старшего члена Комиссии барона В.Г. Тизенгаузена Бертье-Делагарду от 27 июля.

Не исключено, что графиня Уварова знала о планах Археологической комиссии и об отсрочке начала раскопок в Херсонесе. А так как Московское общество было не против само начать здесь работы, она поспешила с отправкой докладной записки на Высочайшее Имя.

Как же развивались события после того, как Александр III дал указание «поговорить с кем следует об этом деле»? С докладной записки немедленно было сделано несколько копий, которые были разосланы заинтересованным лицам.

Уже в середине июня в руках Александра III появился первый отклик на записку П.С. Уваровой — заключение, составленное по результатам совещания министра народного просвещения И.Д. Делянова с обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым и помощником председателя Санкт-Петербургского Русского Археологического общества А.Ф. Бычковым (Документы... 1887: Л. 11—14). После краткого перечисления основных этапов изучения Херсонеса, в общих чертах подтверждающих выводы графини Уваровой о необходимости принятия экстренных мер для спасения памятника, в заключении рекомендуется:

«1) объявить, что производство дальнейших раскопов на местности древнего Херсонеса строго воспрещается и будет преследуемо (пометка Александра III на полях — главное, чтобы действительно выполнялось, теперь же строго запретить монахам производить раскопки и продавать найденные вещи);

2) возложить на Императорскую Археологическую комиссию, совместно с Одесским обществом истории и древностей ежегодно в определённое время проводить раскопку в Херсонесе;

3) для предметов найденных и имеющих быть найденными в Херсонесе устроить музей и вверить его охранение заслуженным ветеранам-воинам, под управлением специалиста археолога;

4) на всё это назначить достаточную сумму денег в размере, впрочем, не свыше 3—5 тысяч ежегодно».

Несомненный интерес представляет и заключительный абзац докладной записки:

«Что касается предложения графини Уваровой обращения в приходскую церковь монастыря и отнятия у него назначенной ему земли, то это едва ли может быть признано уместным».

Высказанные пожелания были одобрены императором — на полях пометка: хорошо.

Вторая копия записки Уваровой была отправлена в ИАК с просьбой дать заключение. Председателя Комиссии Бобринского в Петербурге не было, он проводил отпуск на Украине в своём родовом имении Смела. Получив по почте копию записки, он телеграммой отдал распоряжение Тизенгаузену, замещавшему его в Комиссии: «Начать подготовку раскопок, вне зависимости от хода обсуждения, сделать всё, чтобы задержать окончательное решение вопроса до начала работ, если не удастся, то стремиться доказать, что ни одно археологическое общество, будучи частной организацией, не способно вести раскопки в Херсонесе. Сделать всё, чтобы контроль был сохранён за Комиссией. Ссылаться на стремление её уже в этом году начать раскопки». Кроме того, Бобринский сообщил в Комиссию, что намерен в скором времени посетить херсонесские развалины и на месте обсудит с вице-президентом ООИД В. Н. Юргевичем «подробности дела».

Несомненно, Бобринский был крайне обеспокоен появлением записки Уваровой и возможностью того, что раскопки в Херсонесе могут быть поручены Московскому обществу.

Благодаря некоторым документам, сохранившимся в архивах, нам известно не только время, но и некоторые подробности пребывания Бобринского в Севастополе.

Среди его бумаг, хранящихся в архиве ИИМК, находится тонкая папка с пикантным названием: «Об аресте графа А. А. Бобринского в Херсонесе» (РА ИИМК РАН. Ф. 25, 1887. Д. 10). Первый лист архивного дела содержит вырезанную из газеты «Новое время» заметку, сообщающую об этом казусном случае. Основная её часть — приказ по 13 пехотной дивизии от 13 сентября 1887 года:

«Унтер-офицер 49 Брестского полка Беляев 5-го минувшего августа задержал неизвестного ему человека... снимавшего план батареи и потребовал от него билета на право посещения окрестностей батареи. Но когда такого билета не оказалось у него, то отобрал рисунки и препроводил его самого под конвоем в крепостное артиллерийское управление».

После того, как было выяснено, что задержанный является председателем ИАК, камергером ЕИВ графом Бобринским, он был отпущен с извинениями.

«Из вышеизложенного усматривая бдительность часового и строгое исполнение унтер-офицером обязанностей караульной службы, объявить благодарность ротному командиру... и дать награды всем исполнившим свой долг при полном соблюдении военной вежливости.

Начальник 13 дивизии, генерал-лейтенант Батьянов».

Видимо, вначале граф решил проигнорировать появившуюся газетную заметку. Но после того, как этот приказ был перепечатан во многих других газетах, он не выдержал и написал сердитое письмо Ропу, командиру 7 армейского корпуса, в состав которого входила 13 дивизия:

«Отдавая полную справедливость бдительности и вежливости нижних чинов, задержавших меня, пока я намечал карандашом на листе бумаги следы развалин древнего Херсонеса, я должен, однако, заметить, что меня весьма удивили слова приказа, что я “снимал план батареи”. Генералу Батьянову могло быть, кажется, известно, что меня как председателя Археологической Комиссии интересовали в Херсонесе не батарея, а развалины древнего города и что недоразумение, подавшее повод к моему задержанию, было немедленно выяснено местным военным начальством, возвратившим мне мои археологические пометки...

Не желая переносить дальше объяснение по этому делу на почву газетной полемики, я не считаю себя, однако, вправе совершенно обойти молчанием такое странное толкова-

ние цели посещения мною развалин древнего Херсонеса».

Незамедлительно последовал ответ Ропа с извинениями и негативной оценкой приказа: «со своей стороны был крайне удивлён и огорчён бестактным поступком Начальника 13 пехотной дивизии».

Но Батьянов, вероятно, не разделял мнение своего непосредственного начальника. Вряд ли случайно, что письмо на имя Бобринского было направлено им лишь через три месяца после появления газетной заметки. В письме отмечается, что, «так как приказы по дивизии есть дело совершенно домашнее..., то в этом приказе я не считал нужным оправдать Ваше появление и работы на береговых батареях... Появление же в печати этого приказа меня изумило и даже возмутило». Видимо, проведя собственное расследование, Батьянов сообщает, «что этот приказ разрешил передать в газету начальник штаба Одесского военного округа генерал-майор барон Вревский». Получил ли какое-либо взыскание барон за то, что «слил» служебную информацию газетчикам, об этом история умалчивает. Инцидент был исчерпан.

Бобринский задержался в Севастополе ещё на несколько дней. Не исключено, что он опять посетил Херсонес, побывал на территории и в помещениях монастыря, где находились обнаруженные монахами древности. Скорее всего, на сей раз подробный осмотр развалин древнего Херсонеса проводился совместно с прибывшим в Севастополь Юргевичем. С ним были обсуждены и меры, которые необходимо было принять во исполнение монаршей воли. В заключение беседы Юргевич сообщил, что правление ООИД предлагает привлечь для участия в археологических исследованиях Херсонеса члена-корреспондента Общества Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича, проживавшего в Севастополе.

Эта достаточно редкая фамилия была уже Бобринскому знакома. Просматривая бумаги ИАК за предшествующие годы, он натолкнулся на обращение Косцюшко с прошением о зачислении его на вакантное место директора Керченского музея. В заявлении было сказано, что занятие археологией было заветной мечтой автора. Однако приложенные к прошению автобиография и послужной список мало соответствовали заявленной мечте.

Косцюшко родился в семье мелкопоместного дворянина польского происхождения. Шесть лет учился на подготовительном отделении Института Корпуса горных инженеров в Санкт-Петербурге. После расформирования Института, не завершив обучения, он в связи с материальными затруднениями был вынужден начать трудовую деятельность на железной дороге в должности конторщика, а затем помощника главного инженера. Серьезное заболевание лёгких потребовало смены климата, и Косцюшко перебрался в Севастополь. Здесь он первоначально работал бухгалтером на железной дороге, а затем в Севастопольском городском банке, где быстро дослужился до должности товарища (заместителя) директора. Складывалось впечатление, что Комиссия имеет дело с типичным любителем, для которого археология является своеобразным хобби. Но ИАК, в отличие от Московского общества, относилась к любителям древности и коллекционерам с большим скептицизмом, полагая, что они, не имея специального образования, приносят больше вреда, чем пользы. Естественно, что прошение Косцюшко было отклонено.

Бобринский поделился с Юргевичем своими сомнениями относительно компетенции Косцюшко. Однако последний заверил Бобринского, что рассматривать Косцюшко как простого любителя уже не приходится. Действительно, обосновавшись в Севастополе и заинтересовавшись древностями Херсонеса, он начинал как любитель-коллекционер. Собрал в результате покупки и личного сбора материала в окрестностях Херсонеса небольшую коллекцию монет и амфорных клейм. Незадолго до описываемых событий он передал клейма в музей ООИД, сопроводив их интересными соображениями о локализации оттисков и их хронологии. Косцюшко, несомненно, был хорошо знаком с памятниками Херсонеса и мог принести большую пользу при их изучении.

Бобринский решил лично встретиться с Карлом Казимировичем. В тот момент ни он, ни Косцюшко-Валюжинич не могли предположить, что в дальнейшем на протяжении двух десятилетий, когда Косцюшко по поручению Комиссии руководил раскопками в Херсонесе, они будут тесно сотрудничать в деле изучения херсонесских древностей. При этом отношения их далеко вышли за пределы служебных и приняли дружеский и доверительный характер. Это, в частности, подтверждает письмо Бобринского от 6 июля 1896 г., посланное Косцюшко-Валюжиничу в ответ на поздравление с десятилетием вступления Бобринского на пост председателя Комиссии (Письмо... 1896: Л. 145).

«Весьма благодарен и судьбе и Юргевичу за данную мне возможность познакомиться с Вами. Помните ли, это было как раз в день полного затмения солнца?»

Информация, содержащаяся в письме, позволяет уточнить дату этой знаменательной встречи, она состоялась вечером 7 августа 1887 г., когда и наблюдалось полное солнечное затмение. Скорей всего, в тот же вечер А. А. Бобринский выехал в Смелу, откуда 9 августа он посылает на имя министра Императорского двора, которому подчинялась Археологическая Комиссия, заключение на записку Уваровой (Документы... 1887: Л. 37—42).

Это заключения представляет собой развёрнутую программу тех необходимых мер, которые способствовали бы сохранению и дальнейшему исследованию развалин Херсонеса.

Прежде всего, Бобринский, к тому времени уже ознакомившийся с запиской Делянова, согласен с тем, что «в продолжение почти столетия в Херсонесе производились раскопки каждым, кто только хотел ими заниматься. Меры же, применяемые в разное время с целью сохранения и исследования Херсонеса, не принесли должной пользы»

Причины неудачи:

«1) отсутствие заранее установленного плана и строгой системы при производстве раскопок;

2) отдача этого дела в руки учреждений и лиц, не обладающих ни достаточными сведениями (монахов), ни достаточными средствами (Одесское общество)».

«Я полагал бы необходимым:

1) безусловно, воспретить производить какие бы то ни было раскопки на месте древнего Херсонеса или вывозить отсюда любые обломки, монеты или другие предметы старины;

2) следует совершено и навсегда воспретить монахам вмешательство в дело раскопок и сохранения руин;

3) вменить в обязанность Военному начальству в Херсонесе до приступления к каким-либо раскопкам или при создании земляных сооружений, сообщать о том предварительно в ИАК..., представлять в Комиссию все находки, сделанные на землях Военного ведомства;

4) передать дело дальнейшего исследования и сохранения существующих в Херсонесе развалин в заведование одного какого-либо археологического учреждения: или ИАК, или ООИД (совместное участие обоих учреждений не дало бы хороших результатов); мне кажется, что следовало бы отдать в этом деле предпочтение Комиссии, так как Одесское общество не справилось;

5) приказать с возможной скоростью монахам сдать в ведение Комиссии под точную опись все находящиеся как в так называемом музее, так и на дворе, на аллеях и т. д. памятники древности..., а также всё собрание монет, древне-церковных и других вещей, хранящихся в витринах в одном из зал монастырского дома;

6) вменить ИАК в обязанность составить план дальнейшего исследования херсонесских развалин;

7) по утверждению плана поручить ИАК приступить к ежегодным раскопкам древнего Херсонеса;

8) разрешить ИАК построить в Херсонесе дом для лица, которое будет заведовать работами, а также построить, когда это будет необходимо, небольшой музей для собирания местных древностей;

9) поручить ИАК озаботиться изданием сборника всех имеющихся свидетельств о древнем Херсонесе, его истории и найденных в нём предметах старины;

10) на расходы ассигновать 4 тысячи руб. ежегодно».

Рекомендации А. А. Бобринского были приняты практически без изменений, и было решено, что в следующем сезоне Археологическая Комиссия проведёт раскопки в Херсонесе. Они должны были пройти по уже отработанной схеме: общее руководство осуществляет Кондаков, надзор за раскопками — Бертье-Делагард.

Однако к началу следующего 1888 г. ещё, видимо, не был окончательно решён вопрос о финансировании работ. Между тем до ИАК дошли слухи, что на херсонесском городище продолжаются любительские раскопки и распродажа находимых древностей. Это вынудило председателя Комиссии обратиться к министру Двора с просьбой ускорить решение вопроса (Документы... 1887: Л. 45).

В апреле месяце 1888 г. в Крым для организации работ был командирован профессор Кондаков. 12 мая он получает телеграфом распоряжение Бобринского: «Организуйте раскопку херсонесского городища под начальством Делагарда при содействии Косцюшко. Ассигнуется тысяча рублей, необходимо спешить. Особые причины».

На следующий день в Санкт-Петербург ушла ответная телеграмма Кондакова: «По телеграмме Вашей, полученной мною вчера утром в Ялте, я приехал сегодня в Севастополь и не нашёл здесь Бертье-Делагарда. По словам Косцюшко, он не может взять на себя заведование раскопками, будучи слишком для того занят, но охотно примет участие и поможет своими указаниями. Напротив того, Косцющко-Валюжиич совершенно свободен

Рис. 4. Херсонес. «Базилика в базилике» (фото автора).

Fig. 4. Chersonesos. «Basilica in the basilica» (photo by the author).

и очень желал бы посвятить досуг надзору за раскопками. Лично я нахожу, что Комиссия может вполне ему довериться».

И, наконец, — телеграмма с согласием А.А. Бобринского: «Будет исполнено по Вашему, тысяча рублей переводится телеграфом Косцюшко» (Документы... 1887: Л. 67—68).

Как видим, сумма ассигнований на раскопки по сравнению с той, которая планировалась ранее Бертье-Делагарду, была существенно сокращена. Видимо, определённые сомнения в компетенции Косцюшко у Бобринского оставались. В какой-то степени раскопки должны были носить косметический характер. В своём отзыве на записку Уваровой Бобринский первоочередной задачей считал необходимым убрать многочисленные отвалы, оставшиеся от раскопок, проводившихся ООИД, очистить все фундаменты зданий «прежнего города и обратить развалины Херсонеса в опрятные и чистые улицы». При этом он вполне правомерно полагал, что «следует заранее отказаться от надежды ежегодного обнаружения каких-либо редких древностей» (Документы... 1887: Л. 38).

Раскопки в Херсонесе начались в понедельник 16 мая, т.е. меньше чем через год после изъявления «Высочайшего повеления». Оперативность, вызывающая подлинное уважение и являющаяся примером для подражания современным чиновникам от археологии. Правда, в отличие от последних, в императорской России нашлись люди (и в первую очередь председатель Археологической комиссии граф А.А. Бобринский), которые не только болели за порученное им дело, но и были подлинными профессионалами.

Несомненно, до начала раскопок Кондаков познакомил Косцюшко с рекомендациями Комиссии. Но у того были несколько иные соображения. Косцюшко боялся, что, если раскопки не дадут находок, достойных поступить в коллекцию Эрмитажа, то Комиссия может прекратить дальнейшее финансирование работ в Херсонесе. Поэтому он уговорил Кондакова, наряду с отвозкой мусора к востоку от строящегося собора, заложить ещё два раскопа на городище.

Один из них находился на холме за пределами монастырской ограды, в выгребной яме. У подножья этого холма Косцюшко обнаружил мраморные архитектурные фрагменты и кубики мозаики. Раскопки, проведённые на этом участке, оправдали его ожидания. Были открыты фундамент храма, получившего в дальнейшем название «базилика в базилике», с хорошо сохранившимся мозаичным полом (рис. 4).

Однако ещё большая удача ждала Косцюшко на втором намеченном участке, расположенном рядом с монастырской известняковой обжигательной печью. В этом районе уже

проводились раскопки Одесским обществом, в ходе которых были вскрыты фундаменты плохо сохранившихся средневековых зданий. Этим раскопки и ограничились, так как в то время в учёном мире господствовало представление, что в районе у Карантинной бухты находятся развалины только средневекового Херсона, а древний Херсонес находился где-то в районе Маячного мыса. Косцюшко же, хотя у него в то время отсутствовал опыт проведения археологических исследований, неплохо знал современную западную литературу, посвящённую методике раскопок античных поселений, и был уверен, что при исследовании херсонесского городища на протяжении десятилетий нарушался один из основных принципов изучения памятников такого рода — проводить раскопки до материка. Именно так и проводились исследования участка у известняковой печи. После удаления разрушенных средневековых стен стали проводить раскопки нижележащего слоя. В результате были открыты два помещения, в одном из которых зафиксированы остатки небольшой гончарной печи, а на полу второго три десятка глиняных форм для изготовления терракотовых изделий.

Рис. 5. Гипсовый слепок, полученный из формы, обнаруженной в гончарной мастерской 1888 г. с изображением Геракла и Омфалы (Мальмберг 1892: таб. II: 1).

Fig. 5. Plaster cast obtained from a mold found in the pottery workshop in 1888 depicting Hercules and Omphale (Мальмберг 1892: таб. II: 1).

Об обнаружении керамической мастерской Костюшко тут же сообщил Кондакову в Ялту, где тот находился на отдыхе. Кондаков после знакомства с обнаруженным материалом 24 июня отправляет телеграмму Бобринскому:

«Под средневековым Херсонесом открыты здания древнего. Найдена мастерская терракот, коллекция медалей лучшего стиля (рис. 5). Ассигнуйте на раскопки ещё тысячу рублей» (Документы... 1887: Л. 76).

Именно успешная работа Косцюшко на протяжении первого полевого сезона позволила в дальнейшем ИАК вплоть до революции проводить широкомасштабные археологические исследования в Херсонесе, а К.К. Косцюшко-Валюжиничу на протяжении почти двух десятилетий руководить этими работами.

Интересно, что за несколько дней перед открытием керамической мастерской раскопки посетила графиня Уварова. Она провела в Херсонесе два часа и, как писал Косцюшко Кондакову, осталась довольна организацией работ (Документы... 1887: Л. 88).

Литература

Болтенко К.Г. 1936. *А.С. и П.С. Уваровы.* РА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 165.

Документы... 1887: *Документы о раскопках, проводившихся Императорской Археологической комиссией в Херсонесе в 1888 г.* РА ИИМК РАН. Ф. 1, 1887. Д. 22.

Мальмберг В.К. 1892. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах. *Материалы по археологии России* 7. Санкт-Петербург, 3—31.

Об аресте графа А.А. Бобринского в Херсонесе. 1887. РА ИИМК РАН. Ф. 25, 1887. Д. 10.

Письмо... 1896: *Письмо А.А. Бобринского К.К. Косцюшко-Валюжиничу от 6 июля 1896 г.* РА НЗХТ. Д. 39. № 111. Л. 145.

Тункина И.В. 2002. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.).* Санкт-Петербург: Наука.

Уварова П.С. 2005. *Былое. Давно прошедшие счастливые дни.* ТГИМ 144.

References

Boltenko K. G. 1936. *A. S. i P. S. Uvarovy (A. S. and P. S. Uvarov).* Rukopisnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Hand-written Archive of the Institute for the History of Material Culture ot the Russian Academy of Sciences). F. 2. D. 165 (in Russian).

Dokumenty o raskopkakh, provodivshikhsia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissiei v Khersonese v 1888 g. (Documents on the excavations conducted by the Imperial Archaeological Commission in Chersonesos in 1888). Rukopisnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury

Rossiiskoi Akademii nauk (Hand-written Archive of the Institute for the History of Material Culture ot the Russian Academy of Sciences). F. 1, 1887. D. 22 (in Russian).

Malmberg V.K. 1892. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia)* 7. Saint Petersburg, 3—31 (in Russian).

Ob areste grafa A. A. Bobrinskogo v Khersonese (On the arrest of count A.A. Bobrinsky in Chersonesos). 1887. Rukopisnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Hand-written Archive of the Institute for the History of Material Culture ot the Russian Academy of Sciences). F. 25, 1887. D. 10 (in Russian).

Pis'mo A. A. Bobrinskogo K. K. Kostsiushko-Valiuzhinichu ot 6 iiulia 1896 g. (Letter from A.A. Bobrinski to K. K. Kostsiushko-Valiuzhinich from July 6th 1896). Rukopisnyi arkhiv Natsional'nogo zapovednika «Khersones Tavricheskii» (Hand-written Archive of the National Preserve «Chersonesos Tauric»). D. 39. № 111. P. 145 (in Russian).

Tunkina I. V. 2002. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.) (Russian science on the classical antiquities from the Russian south (18th — middle 19th century))*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Uvarova P. S. 2005. *Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni (Yore. The dead and gone happy days)*. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 144 (in Russian).

Статья поступила в номер 16 января 2014 г.

Vladimir Kac (Saratov, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archeology and Cultural Heritage of the N.G. Chernyshevsky Saratov State University[1].

Vladimir Kac (Saratov, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de arheologie şi patrimoniul cultural, Universitatea de Stat din Saratov „N. G. Cernîşevskii".

Кац Владимир Иванович (Саратов, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: anstrig1@yandex.ru

Address: [1] Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russia

Список сокращений

АА — Археологический альманах. Донецк.
ААМ — Анапский археологический музей.
АВУ — Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АДСВ — Античная древность и средние века. Екатеринбург.
АДУ — Археологічні дослідження на Україні. Київ.
АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинёв.
АМА — Античный мир и археология. Саратов.
АМЗТ — Археологический музей-заповедник Танаис.
АН — Академия наук.
АО — Археологические открытия. Москва.
АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української РСР. Київ.
АПО — Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БС — Боспорский сборник. Москва.
БФ АН СССР — Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа.
ВГУ — Волгоградский государственный университет.
ВДИ — Вестник древней истории. Москва.
ВХГУ — Вестник Харьковского государственного университета имени В.Н. Каразина. Харьков.
ВХНУ — Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Харків.
ГИМ — Государственный исторический музей. Москва.
ГМИНВ — Государственный музей искусств народов Востока. Москва.
ДАС — Донецкий археологический сборник. Донецк.
ДБ — Древности Боспора. Москва.
ДГУ — Днепропетровский государственный университет.
ДИМ — Днепропетровский исторический музей.
ДСПК — Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЗГУ — Запорожский государственный университет.
ЗДУ — Запорізький державний університет.
ЗОКМ — Запорожский областной краеведческий музей.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАА — Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; Москва.
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам. Москва.
ІА НАНУ — Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
КБН — Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград.
КГИАМЗ — Краснодарский государственный историко-археологический музей заповедник.
КГИМ — Киевский государственный исторический музей.
КГОМА — Курский государственный областной музей археологии.
КДИАМ — Каменско-Днепровский историко-археологический музей.
КИКЗ — Керченский историко-культурный заповедник.
КОИХМ — Калининградский областной историко-художественный музей.
КС ОАО — Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. Одесса.
КФ ИА НАНУ — Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины. Симферополь.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАКК — Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь.
МАР — Материалы по археологии России. Санкт-Петербург; Москва.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАЭСУ — Музей археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Харьков.
МГУ — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МИАР — Материалы и исследования по археологии России. Москва.
МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НА ІА НАНУ — Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНУ — Национальная Академия наук Украины.
НГКМ — Никопольский государственный краеведческий музей.
НЗХТ — Национальный заповедник Херсонес Таврический. Севастополь.
НИМЗ — Новороссийский исторический музей-заповедник.
НС ГИМ — Нумизматический сборник Государственного исторического музея. Москва.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАМ — Одесский археологический музей.
ОГПУ — Оренбургский государственный педагогический университет.
ОГУ — Одесский государственный университет.
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ООИД — Одесское общество истории и древностей.
ПАВ — Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
ПАЗ — Полтавський археологічний збірник. Полтава.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
ПССАСП — Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.
РА — Российская археология. Москва.
РА ИИМК РАН — Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
РА НЗХТ — Рукописный архив Национального заповедника Херсонес Таврический. Севастополь.
РАН — Российская Академия наук.
РГУ — Ростовский государственный университет.
РОМК — Ростовский областной музей краеведения.
СА — Советская археология. Москва.
САИ — Свод археологических источников. Москва.
ССПіК — Старожитності степового Причорномор'я і Крима. Запоріжжя.
СХМ — Сообщения Херсонесского музея. Симферополь.
ТАМ — Таманский археологический музей.
ТГИМ (Тр. ГИМ) — Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТЛИАМЗ — Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник.
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции. Ленинград.
УАВ — Уфимский археологический вестник. Уфа.
ХНУ — Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина.
ЮНЦ РАН — Южный научный центр Российской Академии наук.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
AJA — American Journal of Archaeology. New York; Boston.
AnnAIHV — Annales du... Congres de l`Association Internationale pour l`Histoire du Verre.
BAR — British Archaeological Reports. Oxford.
BBMSW — Berliner Blätter für Münz-, Sigel- und Wappenkunde. Berlin.
BCH — Bulletin de correspondance hellénique.
CAH — Communicationes Archáeologicáe Hungariáe. Budapest.
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum. Oxford.
IEJ — Israel Exploration Journal. Jerusalem.
Jahrb. RGZM — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz.
JDI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.
JGS — Journal of Glass Studies. Corning. New York.
JRS — The Journal of Roman Studies. Cambridge.
MAGW — Mitteilungen der Anthropologischen Geselschaft in Wien.
MSROA — Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Rzeszów.
MUSE — Annual of the Museum of Art and Archaeology. University of Missouri. Columbia.
NHMU — National Historical Museum of Ukraine. Kiev.
NC — The Numismatic Chronicle. London.
PA — Przegląd Archeologiczny. Warszawa.
PAS — Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. München.
PZ — Praehistorishe Zeitschrift. Berlin.
RA — Revista arheologică. Chişinău.
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti.
SCIVA — Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. Bucureşti.
Stratum plus — Stratum plus. Археология и культурная антропология. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест.
TAPhS — Transactions of the American Philosophcal Society. Philadelphia.